

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ЛЭТИ»
им. В.И. Ульянова (Ленина)

ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

ИНФОРМАЦИЯ КОММУНИКАЦИЯ ОБЩЕСТВО

ИКО 2023

ТРУДЫ
XX ЮБИЛЕЙНОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

2 - 3 февраля 2023

Санкт-Петербург, 2023

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ “ЛЭТИ”
им. В. И. УЛЬЯНОВА (ЛЕНИНА)**

ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ИНФОРМАЦИЯ
КОММУНИКАЦИЯ
ОБЩЕСТВО**

ИКО-2023

**ТРУДЫ
XX ЮБИЛЕЙНОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ**

2 – 3 февраля 2023 г.

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2023**

УДК 1+3+81

Информация – Коммуникация – Общество (ИКО–2023): Труды XX Всероссийской научной конференции с международным участием / Санкт-Петербург, 2 – 3 февраля 2023 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2023. – 457 с.
ISBN 978-5-7629-3137-3

Научная конференция ИКО–2023 представляет собой 20-й этап междисциплинарного проекта, направленного на исследование актуальных проблем развития общества и человека в XXI веке. В публикуемых материалах, представленных исследователями, работающими в различных областях социогуманитарного знания (философии, социологии, политологии, истории, лингвистики, теории коммуникации и др.), обсуждаются философия в цифровую эпоху; социологические и социально-политические исследования в цифровую эпоху; цифровое настоящее университета: социальные ресурсы и риски, парламентаризм в России: прошлое и настоящее; лингвистические исследования в цифровую эпоху; а также уделяется внимание трансформации стратегий профессиональных коммуникаций в цифровом обществе.

Редакционная коллегия: д. филос. н., проф. **Иванов Андрей Федорович** (*Главный редактор*); к. т. н., доц. **Гигаури Нина Константиновна** (*зам. Главного редактора*); к. филос. н., доц. **Пирайнен Евгения Викторовна** (*ответственный секретарь*); к. т. н., доц. **Гаркуша Владимир Николаевич**; д. и. н., проф. **Калашников Владимир Валерьянович**; к. полит. н., доц. **Строгецкая Елена Витальевна**; д. филол. н., доц. **Шумков Андрей Арнольдович**

ISBN 978-5-7629-3137-3

© Авторы публикаций, 2023

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

XX-я Юбилейная Всероссийская научная конференция с международным участием «Информация–Коммуникация–Общество» проходит в условиях разновекторных и разнокачественных треков глобальных трансформаций. Человеческая цивилизация находится в точке бифуркации, детерминированной сложнейшим комплексом противоречий (человек – постчеловек, естественный интеллект – искусственный интеллект, реальное – виртуальное, глобализация – регионализация, онлайн – оффлайн, цифровое – аналоговое и многие другие). В таком крайне неустойчивом мире, рождающемся в ходе 4-й технологической революции, определяется цивилизационная и культурная эволюция человека и социума в третьем тысячелетии. Сможет социум и человек (возможно, новый человек) найти трек выхода из цивилизационного кризиса? Обсудим.

В современных противоречивых реалиях приоритетной задачей для академического сообщества становится объективное и системное осмысление экзистенциальных, социокультурных, ценностных, политических, технологических и других ориентиров. Мы надеемся, что наша творческая дискуссия внесет свой вклад в осмысление нового трека развития человека, общества, цивилизации.

Мы гордимся тем, что вот уже 20 лет научная конференция «Информация – Коммуникация – Общество» является профессиональной площадкой для осуществления междисциплинарного полифонического диалога исследователей, работающих в различных областях социогуманитарного знания.

Пожелаем же друг другу мира, успехов, счастья и благополучия, новых идей, эффективных социальных практик, сохранения старых связей и приобретения новых друзей и партнеров.

ОРГКОМИТЕТ ИКО–2023

УДК 101.2

Е. М. Ананьева (Санкт-Петербургский государственный университет,
e-mail: e.ananeva@spbu.ru)

ЦИФРОВАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА: «ВЫЗОВ» И «ОТВЕТ» НА МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИТЯЗАНИЯ ЦИФРОВЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК.

Рассматривается проблема методологии цифровых наук, место цифровой герменевтики в переосмыслении и переопределении границ естествознания и гуманитарных и социальных дисциплин. Осмысляются современные тенденции в философских науках и прикладных областях знания, оценивается возможность опереться на герменевтический проект Х.-Г. Гадамера в современных дискуссиях о философии цифрового мира.

Цифровая герменевтика, герменевтическая философия, гуманитарные и естественные науки, проблема метода, Х.-Г. Гадамер

Спустя более чем полвека, прошедших со времени первых опытов исследования философией terra incognita цифрового мира, первые радикальные противостояния новых и традиционных философских подходов к интерпретации этой темы существенно ослаблены, резкие границы стерты рождением промежуточных и гибридных философских проектов. Вслед за увлечением в последние два десятилетия парадоксальным на первый взгляд гибридом – digital humanities – философская рефлексия сделала следующий, но вполне логичный шаг – задалась вопросом о судьбе цифровой герменевтики как методологии цифровых гуманитарных наук. Страницы авторитетных философских и междисциплинарных периодических изданий отдаются под дискуссии о Digital Hermeneutics [1, 2], по следам резонансных дискуссий в периодике создана одноименная онлайн-платформа для обсуждения проблем цифрового мира [3]. «Цифровая герменевтика стремится переосмыслить и переоценить богатую герменевтическую традицию, приведя ее в диалог с материальными или количественными подходами» – заявляют создатели этого ресурса, обозначая цели проекта [3]. В этой связи актуальные вопросы звучат так: «как цифровые медиа сопротивляются или проблематизируют герменевтические подходы, и можем ли мы адаптировать наши интерпретационные инструменты к таким объектам?» [2, Р. 73] Это переосмысление, по мысли Капурро, высказанной в его статье-манифесте «Цифровая герменевтика» [1] – необходимое следствие рождения нового мира, в котором мы оказались с момента прихода в нашу жизнь сети интернет. Все крупные научные открытия меняли мир, настало время отдать себе отчет о границах научности новых наук и социальности новых социальных отношений.

Статья в «Вопросах философии» указывает на ориентиры этих современных дебатов: «Расширение диапазона участия герменевтики в научном познании оказалось связанным с ответом на вопрос о том, может ли герменевтика улучшить наше понимание, прежде всего понимание сущности тех вещей, которые попадают в сферу естественных наук. Учитывая, что человеческие субъекты и сообщества неотделимы от природы, это понимание должно с необходимостью учитывать биологические аспекты этого единства» [4, С. 97]. В связи с этим сочувственно цитируются «классики» цифровой герменевтики – М. Элдред и Р. Капурро: «вещи существуют (понимаемы) настолько, насколько мы способны оцифровать их. Цифровую герменевтику можно рассматривать как общую проблематизацию предполагаемой гомологии между реальностью и ее цифровыми представлениями» [4, С. 105]. Очевидно при этом, что методологически важным вопросом окажется доопределение субъекта научного познания и переопределение дисциплин, которые прежде именовались «гуманитарными», а ныне должны переосмыслить «финал человеческой исключительности».

Наблюдая эту тенденцию, хочется вспомнить гипотезу А. Тойнби о выживании цивилизаций, которые сохраняются и трансформируются, если находят «ответ» на «вызов», т. е. находят способ преодолеть кризис оснований. Представляется закономерным использовать эту гипотезу Тойнби метафорически и оценить ресурсы обсуждаемых подходов в преодолении разрыва эпох и наук. Можем ли мы быть уверены, что цифровая герменевтика в продуктивном смысле является наследницей теоретических гипотез традиционной гуманитаристики и традиционных гуманитарных методологий?

В обсуждении этого вопроса наблюдается хорошо знакомый нам сценарий поляризации подходов – с одной стороны, ссылок на «развитые науки», которые не нуждаются в философии и свойственной ей исторической памяти. С другой стороны, выбор делается в пользу опытов философской рефлексии, которые не готовы расстаться с историко-философской составляющей, даже под угрозой быть заклеенными клеймом «метафизика». В качестве первого сценария вышеупомянутая статья в «Вопросах философии» ссылается на известную позицию Маркуса: «естественные науки попросту не нуждаются в герменевтике, поскольку вполне преуспевают без нее... у естественных наук своя традиция текстов, противостоящая гуманитарным наукам».

В качестве движения по второму пути можно отметить выход в 2022 году очередного издания «Истины и метода» Х.-Г. Гадамера, что косвенно свидетельствует о том, что спор еще не закончен. Предыдущий раз общественный резонанс вызвало обращение к *opus magnum* Гадамера Гюнтера Фигала (в 2009 г.), и это издание отличали внятные акценты в редакторской статье и в комментирующих материалах на социальном и особенно политическом контексте герменевтической теории и сопоставительном анализе с герменевтикой Хайдеггера. Вибреخت Риз (Wiebrecht Ries) практически в тот же год опублико-

вал то же сочинение Гадамера, но предложил иную перспективу его прочтения, и в прошлом году удостоилась переиздания именно его версия. Суммируя эту разницу, рецензент справедливо замечает переориентацию в проекте Риза с вопросов онтологии понимания на проблемы трансформации субъективности: «Что касается этической значимости понимания, «Истине и методу» придается значение, выходящее за рамки его герменевтических намерений и направленное на практическую философию благой полисной жизни. При этом, однако, автор также высказывает определенные опасения, которые ставят под сомнение предполагаемую «убедительную силу фронеизиса» в ее воздействии на человеческую природу, чьи разрушительные и иррациональные силы, по-видимому, не так легко укротить» [5, Р. 390].

Нельзя не заметить, как созвучны этой второй интерпретации оказались до-определения задач герменевтики, высказанные Гадамером в его давней статье о герменевтике и социальных науках (в рамках полемики середины 70-х годов). Он подчеркивает, что оппонирование герменевтики тенденции превращения социальных наук в «полноценные», «развитые» науки, созданные по образу и подобию наук естественных, когда методом называется лишь то, что может иметь количественное определение, это оппонирование – позиция исторической памяти к прежним опытам, которые пережила наука в ходе прежних «научных революций». В противоположность позиции, что гуманитарные науки должны быть исключительно интерпретативными, в то время как естественные науки – исключительно объяснительными, в противоположность позиции, что в гуманитарных науках нет метода, во всяком случае в строгом смысле этого термина – Гадамер считает необходимым развенчать иллюзии такого простого и очевидного противопоставления. Наука уже в границах XX столетия получает в обществе огромный резонанс, встречает огромную поддержку своим идеалам. Но, замечает Гадамер, «идеал научно организованного и контролируемого общества не исключается признанием того, что в наших социальных исследованиях существуют герменевтические измерения – процессы коммуникации, исследования мнений, лингвистического воздействия... Мой вопрос был таков – уточняет Гадамер, вспоминая дискуссии о герменевтическом методе: «где мы можем найти ориентацию, философское оправдание для научного и критического усилия, которое разделяет современный идеал метода и в то же время не теряет условия солидарности и оправдания нашей практической жизни?» [6, Р. 311].

И даже не разделяя гадамеровского проекта герменевтической философии, т. е. герменевтики как философии, современная дискуссия снова заходит на тот же круг: «Если мы хотим, – пишет Кристин Гьесдал в новом *Cambridge Companion to Hermeneutics* – чтобы герменевтика была чем-то большим, чем абстрактное философское предприятие, если она предназначена для осмысления наших реальных усилий по интерпретации и связи с практически-эмпирической наукой, тогда наше философствование по поводу интерпретации должно признать ее зависимость от того, что происходит на практическом и

конкретном уровне гуманитарных наук» [7, Р. 354]. Поэтому вопрос в этом предельном смысле упирается в то, какие задачи ставит перед собой современная философия и может ли еще философия быть полезна в поддержании того, что Гадамер характеризует как «условия солидарности и оправдание нашей практической жизни». В этом смысле Кристин Гьесдал – вместе с Гадамером – спрашивает не о том, существует ли подле герменевтики как метода гуманитарных наук герменевтика наук естественных, а о том, как радикально мы готовы перелицевать перед вызовами цифрового мира научность науки и философичность философии, «поскольку они раскрывают мир человеческого смысла до разделения между человеческими и естественными науками (и предшествует любым дисциплинарным различиям или разновидностям в гуманитарных науках, любым различиям в философии и даже, насколько это касается понимания текста, любому различию между герменевтикой, критикой, диалектикой, стилистическим анализом или другими подходами)» [7, Р. 359].

Таким образом, историческая памятьливость не отменяет внимания к современности – как таковая, по-новому понятая наука и иначе ограниченная философия должны изучаться по мере того, как они материализуются в наборе конкретных интерпретационных практик и через них – в конечном счете, в самой традиции.

Если такая стратегия осуществима и надежда на потенциал герменевтики оправдана, то интересно посмотреть на то, в каких именно начинаниях может быть использована техника интерпретации, когда мы обнаруживаем себя в декорациях цифрового мира. Вышедшая в прошлом году монография [8] предлагает выразительные примеры такого рода: сети топонимических именованных рассматриваются как отражение констант человеческого мира [8, Р. 159]. Дигитальность и междисциплинарность в интерпретации этой сети обнаруживаются в его сетевом характере и отсутствии субъективного авторства этого «текста»: «на самом деле невозможно указать конкретного изобретателя или автора имени, поскольку существование имени строго связано с его широким признанием. Технически это означает, что авторство имени принадлежит более широкой культуре говорящего (или пользователя), даже если его придумал один конкретный человек. Имя действительно только тогда, когда оно принимается как семиотическая сущность в многопользовательском общении» – отмечает исследователь топонимов Северной Европы С.Мерш (Sam Mersch) [8, Р. 176], заметно демонстрируя знакомство с постулатами Витгенштейна. «Технология лежит в основе опыта» – замечает исследователь цифрового кино Stacey O. Irwin [9], покушаясь на важнейший постулат герменевтической эстетики – концепцию эстетического переживания. Отталкиваясь от этих двух примеров, в докладе планируется обсудить стратегии преобразования герменевтики в интерпретативную теорию цифрового мира.

Источники:

1. Capurro, R. Digital hermeneutics: an outline // *AI & Society*, 2010. Vol. 25, No. 1, P. 35–42.
2. Romele, A., Severo, M., Furla, P. Digital hermeneutics: from interpreting with machines to interpretational machines // *AI & Society*, 2020. Vol. 35, No. 1, P. 73–86.
3. Digital Hermeneutics. Platform for the study of interpretation in times of big data. URL: <http://www.digitalhermeneutics.com> (дата обращения: 16.01.2023).
4. Васюков В. Л., Шульга Е. Н. Герменевтика естественных наук. // *Вопросы философии*. 2022. № 8. С. 97–106.
5. Sneller R. Hans Georg Gadamer's 'Wahrheit und Methode' (Werkinterpretationen) by Wiebrecht Ries (Review) // *Tijdschrift voor Filosofie*, 72ste Jaarg., Nr. 2 (tweede kwartaal 2010), P. 390.
6. Gadamer H.-G. Hermeneutics and Social Science // *Philosophy Social Criticism* 1975 N. 2 P. 307–316.
7. Gjesdal K. Hermeneutics and the Human Sciences // *The Cambridge Companion to Hermeneutics* Cambridge University Press, 2019. P. 354–380.
8. Fickers A., Tatarinov J. Digital History and Hermeneutics: Between Theory and Practice De Gruyter. 2022.
8. Stacey O. Irwin. Digital hermeneutics for the new age of cinema, *AI & Society*, 2020. Vol. 35, No. 1, P. 73–86.

E. M. Ananieva (Saint Petersburg State University)

DIGITAL HERMENEUTICS: A «CHALLENGE» AND «ANSWER» TO THE METHODOLOGICAL CLAIMS OF THE DIGITAL HUMANITIES.

The problem of the methodology of digital sciences, the place of digital hermeneutics in rethinking and redefining the boundaries of natural science and the humanities and social disciplines are considered. Modern trends in the philosophical sciences and applied fields of knowledge are comprehended, the opportunity to rely on the hermeneutic project of H.-G. Gadamer in modern discussions about the philosophy of the digital world is evaluated.

Digital hermeneutics, hermeneutic philosophy, humanities and natural sciences, the problem of method, H.-G. Gadamer

УДК 908

П. Н. Афонин (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: pnafonin@yandex.ru);

И. В. Пузряков, протоиерей (Приход во имя Святителя Николая д. Полици Окуловского района Новгородской области Боровичской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат), e-mail: igob68@mail.ru);

Н. Ю. Яргина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: natayarg@mail.ru)

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ПОЛИЦИ

Рассматривается история возникновения поселения Полици Окуловского муниципального района с начала VIII–IX вв., административное деление на погосты до конца XVIII и ранне-промышленное развитие данной территории в середине XIX века.

Археологические памятники, административные деления, военные походы, перепись населения

Деревня Полици (Окуловский муниципальный район) расположена на левом берегу в двадцати километрах от впадения реки Перетны в реку Мсту в трех километрах от города Окуловка. Территория, на которой расположена деревня Полици, находится в доступной близости (около 120 км) от озера Ильмень (отсюда общее название – Приильмень).

Заселение этой территории древней Новгородской земли славянскими племенами происходило в течение VIII–IX вв. Центром данных территорий являлся Новгород. Обширная территория Новгородской земли в XIII в. представляла собой две зоны земель – внешнюю и внутреннюю. Внутренние земли располагались в непосредственной близости от Новгорода, внешние земли – на границах с соседними княжествами. Отличие одной зоны земель от другой состояло в том, что внутренняя зона представляла систему погостов, с которых собирались налоги, а внешняя зона эксплуатировалась взятием дани способом эпизодических военных походов [1, С. 72].

Погосты являлись в старину административными центрами, также погостами назывались территориальные округа, которые объединяли близлежащие деревни и включали в себя стоящую в стороне от главного села церковь с прилегающим кладбищем и жильем священнослужителей. Погосты известны с X века.

Полици были центром Полицкого погоста, входя в состав Новгородской Деревской пятины и находясь, соответственно, в административном подчинении Великому Новгороду [2].

Во времена расцвета Великого Новгорода ключевыми транспортными магистральями на территориях непроходимых болот и лесов являлись реки – водные артерии. С учетом того, что река Перетна – крупный приток Мсты, будет справедливым предположить, что одним из установленных княгиней Ольгой административных центров, стал и Полицский погост. Подтверждением этого можно считать и свидетельство Ю. Н. Алексеева, Л. Э. Бриккера, Е. Н. Леонтьева о том, что на правом берегу реки Перетна, в Малых Полищах, обнаружено селище конца I-го тысячелетия нашей эры [3, С. 10].

Вместе с тем, территория, на которой находится деревня Полищи, оказывалась заселенной уже тысячелетиями, что показывает найденная стоянка человека эпохи неолита (более 5 тысяч лет назад) вблизи города Окуловки на берегу озера Заозерье [3, С. 15].

Многочисленные курганы, сопки, жальники вблизи деревни Полищи и прилегающего к ней поселка Кулотино (обнаружено 13 раннеславянских курганных групп (свыше 100 насыпей) IX–XIII веков) [4] являются наглядными свидетельствами проживания здесь человека.

Люди, поселявшиеся в районе деревни Полищи тысячу лет назад, занимались изготовлением глиняной посуды и выплавкой железа из болотной руды (была основной металлургии Руси до начала XVIII века), о чем свидетельствуют обнаруживаемые в земле куски глиняной обмазки и обломки грубой лепной керамики с низким слабо отогнутым наружу венчиком, железный шлак (продукт плавки). В культурном слое земли находят и обломки керамической посуды XII–XVI веков, изготовленные с помощью гончарного круга [5, С. 10].

Наличие в Полищах многочисленных и разнообразных археологических памятников свидетельствует о том, что здесь сошлись и уживались в течение некоторого исторического периода племена западных славян и финно-угорские племена (чудь) [5, С. 12].

Жизнь на Новгородской земле не была спокойной. Регулярно совершали набеги литовцы и шведы, татары и немцы, среди которых следует отметить повторяющиеся нашествия 1229 и 1234 годов со стороны Литвы. В 1238 г. на Торжок и Новгород двинулись, разоряя все на своем пути, войска хана Батые [6, С.146–158], а в 1240 году – совершили набег рыцари Ливонского ордена. В 1348–49 годах в новгородские земли совершались крестовые походы шведского короля Магнуса I, окончившиеся его поражением.

С учетом того, что территории, находившиеся в зоне влияния Новгорода в XI–XII вв простирались с запада на восток от Финского залива до Уральских гор и Западной Сибири, а с севера на юг от Северного Ледовитого океана и Белого моря до Полоцкого и Смоленского княжеств и верховьев Волги [7, С. 10] и были весьма пространны, а политика Новгорода была достаточно сепаративной, это создавало угрозу для выпадения этих территорий из общего пространства русских земель и уже в XIV веке определило задачу по присоединению «вольных» территорий к формирующемуся Московскому государ-

ству. Решение данной задачи осуществлялось путем организации последовательных военных походов со стороны Московских и союзных им князей (Владимирских, Звенигородских), направленных на ослабление периферических регионов Новгорода, к которым относилось и Приильменье, зона транспортного коридора реки Мсты и, соответственно, территория Полицского погоста.

В 1495 году новгородские земли были тщательно описаны с целью обложения их оброком.

Новая перепись крестьянских дворов 1581–1582 годов отметила запустение множества деревень, включая Полици: «А на погосте храм Михайла Архангел, да теплый храм Никола Чудотворец, стоит без пенья, Дв. попов пуст, м. проскурнициво, м. пономарское. Да на погосте ж церковные земли пашни перелогом пять чети, а в ней пол-обжи» [8].

Смута прихлась на начало XVII века. Польско-шведская интервенция, чума, самозванцы на русском престоле, усмирение крестьянских волнений, – все сошлось. По мирному Столбовому договору между Россией и Швецией на опустевшие просторы Новгородчины были поселены карелы. Новые поселения уже не были деревнями-однодворками, хуторами, рассеянными по лесам, а были многолюдными колониями, где жизнь протекала под постоянным контролем.

Административное деление на погосты просуществовало до конца XVIII века и сменилось делением на уезды и волости.

В результате реформ императрицы Екатерины II 1775–1785 годов возникли уездные города Боровичи, Валдай, Крестцы, а с постройкой сухопутного почтового тракта между Москвой и Санкт-Петербургом значение водного пути по Мста реке начинает уменьшаться. Полици постепенно утрачивают роль административного центра, который с 1776 года перемещается в Крестцы.

Административная подчиненность д. Полици менялась во времени. В 1776 году по реке Перетна в Полицах прошла граница между Боровичским и Крестецким уездами. В дальнейшем, после отмены крепостного права в 1861 г. территория Полиценского погоста входит в состав Заозерской волости Крестецкого уезда.

Середина XIX века отмечена рядом событий, которые прямо или косвенно коснулись и жителей Полици, к ним относятся: основание стекольного завода помещика Н.Г. Мусина-Пушкина при с. Полици в 1844 году, открытие железной дороги Петербург-Москва в 1851 году, строительство Кулотинской мануфактуры (1875–1882 гг.). С открытием железной дороги река Мста окончательно потеряла свое транспортное значение. Зато промышленные предприятия, возникающие вдоль железной дороги, требовали рабочих рук.

Таким образом, анализ исторических этапов возникновения поселения деревни Полици показывает:

– Полици были административным центром – погостом на территории входящей ближнюю зону влияния Новгорода. В состав погоста входили другие поселения, такие как Кулотино, что неизбежно при распространении христианства, требовало строительства храма;

– Полици находились в зоне постоянно совершаемых военных походов, что вело как к соответствующему обнищанию территории, так и этническому замещению населения, которое, тем не менее, в рассматриваемый период было православным (иных сведений нет);

– территориальная близость к ключевой транспортной артерии – реке Мсте формировало условия для экономического, ранне-промышленного (обработка, например, болотной железной руды) развития данной территории на рассматриваемом и предшествующем промежутке времени, что подтверждается обилием знаковых захоронений – сопок, могильных курганов, жальников, артефакты, найденные в которых позволяют составить представление о быте населения соответствующих эпох).

Источники:

1. Янин В. Л. У истоков Новгородской государственности / НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2001.

2. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической Комиссией. Том II. Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. Вторая Половина. Санкт-Петербург, 1862. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.prlib.ru/item/692839> (дата обращения: 06.10.2021).

3. Страна Див: Энциклопедия Окуловского края / Авт.-сост. Е. Н. Романова, Л. Э. Бриккер; Ред. М. С. Кукина, Е. Н. Туманова; под общей ред. А. И. Белинского. СПб.: Изд-во «ДУМА», 2014.

4. Постановление Совмина РСФСР от 04.12.1974 № 624 «О дополнении и частичном изменении постановления Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР».

5. Кулотино: историко-географический очерк / Авт.-сост. Ю. Н. Алексеев, Л. Э. Бриккер, Е. Н. Леонтьева; под общ. ред. Л. Э. Бриккера. Боровичи, 2016.

6. Янин В. Л. К хронологии и топографии ордынского похода на Новгород в 1238 г. // Исследования по истории и историографии феодализма. К 100-летию со дня рождения академика Б. Д. Грекова. М.: Наука, 1982.

7. Административно-территориальное деление Новгородской губернии и области. 1727–1995 гг.: Справочник. 2009.

8. Замыцкий Дмитрий, Мокеев Третьяк, подъячий. Писцовая книга Деревской пятины. Письма // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 959. Л. 41.

P. N. Afonin (St. Petersburg Electrotechnical University «LETI»);

I. V. Puzryakov, Archpriest (Parish in the name of St. Nicholas, village of Polishchi, Okulovsky District, Novgorod Region, Borovichi Diocese of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate));

N. Yu. Yargina (St. Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

HISTORY OF THE POLISHCHI SETTLEMENT

The history of the emergence of the settlement of Polishchi in the Okulovsky municipal district from the beginning of the 8th–9th centuries, the administrative division into graveyards until the end of the 18th century, and the early industrial development of this territory in the middle of the 19th century are considered.

Archaeological sites, administrative divisions, military campaigns, population census

УДК 140.8

С. С. Баженов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: ssbazhenov@etu.ru)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ УГРОЗА: ОТ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОГО СЮЖЕТА К НОРМАТИВНОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ

Ограничение применения искусственного интеллекта формируется на базе утверждения об опасности искусственного интеллекта для человека. Рассматриваются причины формирования такого сценария в культурном и философском аспекте. Предлагаются подходы к рассмотрению ответственности человека и искусственного субъекта в качестве участника регулирования отношений в области исследования и применения технологий искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект, экзистенциальный риск, эсхатология, агенты ответственности

В книге «Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии» Н. Бострем (N. Boström) называет искусственный интеллект (далее ИИ) в качестве одной из экзистенциальных угроз человечества [1]. Подобную позицию разделяют многие ученые, философы и общественные деятели. Это находит отражение в нормативно-правовых документах, в которых происходит фиксация опасений по поводу возникновения негативных последствий применения технологий ИИ, тем самым закрепляя опасения относительно ИИ в качестве элемента правовой системы [2, 3]. И хотя существуют и иные позиции по данному вопросу, проблема имеет особую значимость в виду высокой скорости развития технологии ИИ. Однако, прежде чем приступить к регулированию с одной стороны, и прогнозированию с другой необходимо разобраться в главном вопросе: «Почему ИИ становится частью сюжета о гибели человечества?». Ответ на этот вопрос, позволит приблизиться к пониманию проблематики экзистенциальных рисков и ее рационализации с одной стороны, оценке роли человека в развитии и применении технологий ИИ с другой, а также поиску действенных способов нормативного регулирования с третьей.

В качестве метода используем философский и семантический анализ, который позволит нам рассмотреть проблему с двух точек зрения. Во-первых, с эпистемологической – продемонстрировав развитие научной области, связанной с описываемой технологией, а, во-вторых, культурологической – раскрыв содержание и развитие сюжета о конце времен, и включение ИИ в качестве действующего лица.

Прогнозирование событий в том или ином виде характерно многим животным животным, но именно человек развивает это качество более других [4]. С появлением культуры субъективное отражение трансформируется в мировоззренческую картину, что является основой для мифологического сознания. Представление о конце времен формируется впервые в мифологии, однако это происходит не сразу, поскольку для этого необходима концепция времени. Оставив за рамками рассуждений проблему генезиса мотива происхождения (творения), обратим внимание на важный вопрос, объединяющий мифологию и философию: «Что послужило причиной начала мира, и как это произошло?» Мифы, отвечающие на этот вопрос, получили название космогонических. Обратив временной отрезок в будущее, мы получаем конец времен – новый вопрос: «Чем закончится существование мира?», а также особую группу космологических мифов – эсхатологические. Здесь также можно провести деление, связанное с представлением о течении времени: циклического и линейного. К первой группе можно отнести, например, скандинавскую и индийскую традиции (мотив сотворения и разрушения мира), а ко второй авраамические религии, не предполагающие начала нового цикла [5]. Сюжет Апокалипсиса описывает подробно конец времен, к тому же являясь последней книгой Нового завета, с одной стороны, ставит логическую точку в повествовании, а с другой, устанавливает целевую этическую установку для читателя [6]. Отметим два элемента библейского сюжета, которые имеют важность для тематики ИИ: неизбежность конца времен, а также необходимость регулирования собственных действий, как способ подготовки.

Отдельно отметим философскую традицию осмысления эсхатологической проблемы: Гераклит отмечал, что космос уничтожается в результате мирового пожара, а Парменид, наоборот, отрицал даже саму возможность создания и уничтожения бытия [7]. Обращает внимание универсальность эсхатологического сюжета, что способствовало переходу его в сферу искусства, в частности литературы, где происходит развитие во всем современном многообразии, затрагивая как личный апокалипсис – крах мира (прощание с Матерью, разрушение Макондо), так события повлиявшие на все человечество («Последний человек» М. Шелли, «Машина времени» Г. Уэлса или «Птицы» Д. Дюморье). Позднее с развитием кинематографа сюжет находит воплощение на экране. И. А. Порядин называет идею конца света «мечтой» или «синдромом апокалипсиса», приводя подробный список сюжетных вариантов его совершения [8]. Одной из причин автор называет ИИ, вышедший из-под контроля человека – мотив часто встречающийся и в литературе, и в кинематографе. Не углубляясь в отдельные произведения, отметим, что фактически в настоящее время существует два взаимодействующих пространства дискурса об ИИ: философское и культурное, которые взаимодействуют, оказывая влияние друг на друга. Исследователь, законодатель или общественный деятель, находится под давлением огромных смысловых полей, заставляющих рассматривать вопрос с учетом не только профессионального, но философского и

читательского (зрительского) опыта [9]. В этой связи понимание философской проблематики регулирования, может быть искажено под давлением образов, представленных культурой. Какое утверждение верно: «Существуют опасения, что ИИ выйдет из-под контроля, поэтому культура представляет эту проблему в понятных образах» или «ИИ интеллект – выступает в качестве антагониста в произведениях искусства, и мыслители пытаются придумать, как избежать подобный сценарий»? Ответ на этот вопрос требует более серьезных исследований, но некоторые тезисы отметить следует.

Отмечается, что эсхатологические мифы приобретали особое значение в периоды потрясений [5]. Войны, стихийные бедствия, эпидемии – вызывают смерть множества людей, приводят к смене привычного образа жизни, что может рассматриваться как конец времен. По данным Кирсановой А. В. во второй половине XX наблюдается рост фильмов-катастроф, особенно на конец века приходится рост фильмов эсхатологической тематики [10]. Причин может быть несколько, с одной стороны рост финансирования и возможностей для реалистичной демонстрации, а с другой быстрая смена образа жизни, вызванная стремительным развитием ряда стран, урбанизация, развития информационных технологий – все это может рассматриваться как слом привычной картины мира. Но существуют еще две причины: последствия Второй мировой войны и глобальный экологический кризис. Мировая война показала безграничность человеческой жестокости, а также невозможность противостояния человека тоталитарной машине. Последняя причина – утрата самой стабильной части нашего мира: окружающей среды, которая разрушается под натиском механической эффективности. Эсхатологический сюжет позволяет объединить все указанные проблемы в единую смысловую форму, создав пространство, которое одновременно так чуждо, но так знакомо.

Однако, помимо пространства и жанровых ограничений, в любой истории должны быть действующие лица. В качестве главного героя чаще всего выступает человек, так читателю (зрителю) проще ассоциировать себя с главным героем. Хотя бывают и исключения, так робот Валли выступает в качестве главного героя, но он более человечен, чем люди на корабле Аксион. То есть, чтобы быть главным героем нужно проявлять человечность. Аналогичное наблюдается в трилогии Матрица. Где сочувствие или понимание вызывают персонажи, вступающие в диалог с главным героем, роботы кальмары сочувствия не вызывают вовсе – они насекомоподобны и обладают роевым интеллектом. ИИ в описываемых и других произведениях выступает в качестве антагониста, сочетая нечеловеческие или античеловеческие черты. Дьявол, инеистые великаны или иные персонажи по сути тоже представляют собой персонажей, носящих функциональный смысл, а значит подчиняющихся определенным жанровым ограничениям. В этой связи вопрос, задаваемый Н. Бостремом: «Что будет с человечеством, после достижения технологической сингулярности?» кажется более уместным чем страх перед ИИ [1]. Всю свою историю человек взаимодействовал с другими людьми и, накапливая опыт, отражал его

в произведениях искусства, философии и науке. Но впервые в своей истории человечество может по-настоящему столкнуться с чем-то новым, чем-то выходящим за рамки опыта. Носителем принципиально иного разума – искусственного интеллекта. Как нужно взаимодействовать с таким субъектом, и представляет ли это экзистенциальную угрозу, пока открытые вопросы. На сегодняшний момент можно констатировать факт: ИИ не достиг возможностей человека, а значит еще есть время для того, чтобы выработать правильную последовательность действий.

Поскольку ИИ не является самостоятельным субъектом, то необходимо накладывать ограничения на человека, здесь опыт эсхатологической рефлексии особенно пригодится: конец времен все равно настанет, нужно принять тезис о том, что технологии должны поддаваться контролю и быть прозрачными для мониторинга угроз [11]. С другой стороны, нужно выйти за пределы главного ограничения – человекообразности, носитель интеллекта может быть непонятен, а человеческие проблемы и опасения могут рассматриваться ИИ как несущественные. В этой связи вновь вернемся к Н. Бострему, который предлагает заложить механизмы регуляции, не позволяющие ИИ совершать опасные или нежелательные по отношению к человеку действия – проще говоря, научить этике. Но, позволим, некоторую вольность, и попробуем научить этике не механически, а содержательно. От уровня инстинкта самосохранения до эмпатии и ощущения духовной близости. Возможно ответив на вопрос: «Мечтают ли андроиды об электроовцах?», человечество сможет создать систему безопасности, позволяющую выжить и развиваться в условиях существования с искусственным интеллектом.

Источники:

1. Бостром Ник. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / Ник Бостром; пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.
2. Указ Президента РФ № 490 от 10.10.2019 г. «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».
3. Распоряжение Правительства №2129-р от 19.08.2020 об утверждении «Концепции регулирования искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года».
4. Бармина Е. С. Сочетание врожденных программ и прижизненного опыта: эволюционно-эпистемологический подход // Теория и практика общественного развития. 2015. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sochetanie-vrozhdennyh-programm-i-prizhiznennogo-opyta-evolyutsionno-epistemologicheskij-podhod> (дата обращения: 05.01.2023).
5. Мифы народов мира: Энциклопедия / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1980–1982. Т. 1. А–К. 672 с. Т. 2. К– Я.
6. Откровение Иоанна Богослова // Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/rev/> (дата обращения: 10.12.2022)

7. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. / Пер. А. В. Лебедева. М.: Наука, 1989.

8. Порядин И. А. Конец Света как мечта, или синдром апокалипсиса // Вестник СамГУ. 2009. №67. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konets-sveta-kak-mechta-ili-sindrom-apokalipsisa> (дата обращения: 05.01.2023).

9. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб: «Искусство-СПБ», 2001.

10. Кирсанова А. В. Фильмы эсхатологического катастрофизма как культурные артефакты своего времени: рассмотрение в исторической динамике // Артикульт. 2022. №3 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filmy-eschatologicheskogo-katastrofizma-kak-kulturnye-artefakty-svoego-vremeni-rassmotrenie-v-istoricheskoy-dinamike> (дата обращения: 16.01.2023).

11. ГОСТ Р 59276-2020 «Системы искусственного интеллекта. Способы обеспечения доверия. Общие положения».

S. S. Bazhenov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN EXISTENTIAL THREAT: FROM ESCHATOLOGICAL PLOT TO NORMATIVE REGULATION

The limitation of the use of artificial intelligence is formed on the statement about the danger of artificial intelligence for humans. The reasons for the formation of such a scenario in the cultural and philosophical aspect are considered. Approaches to the consideration of the responsibility of a person and an artificial subject as a participant in the regulation of relations in the field of research and application of artificial intelligence technologies are proposed.

Artificial intelligence, existential risk, eschatology, agents of responsibility

УДК 316.034

А. В. Бакулин (Севастопольский государственный университет, e-mail: bakulin.sanya2014@yandex.ru);

П. П. Дерюгин (Севастопольский государственный университет, e-mail: deriuginpav@yandex.ru)

ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА В ИЗУЧЕНИИ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

Работа посвящена теоретическому обоснованию и анализу особенностей когнитивного подхода в изучении гендерных стереотипов. Показаны история проблемы в социологической науке, некоторые особенности когнитивного подхода в изучении гендерных стереотипов, эмпирические данные, характеризующие современные особенности гендерных стереотипов в образовательной сфере.

Конструирование гендера, когнитивный механизм, социализация, гендерный стереотип, гендерные особенности

В XX веке общество столкнулось с одной из сложной и дискуссионной проблемой: интеграция женщины в социальное пространство мужчин и формирование гендерных стереотипов в взаимоотношениях. Сегодня под гендерными стереотипами многие ученые понимают нормативные обобщенные представления или образы о гендерных ролях. Нами будет предпринята попытка выявить особенности когнитивного подхода, который рассматривает данную проблематику в образовательных организациях.

Представители когнитивного подхода утверждают, что стереотипы возникают из закономерностей процесса приобретения знаний. Они сосредоточены на процессах восприятия и категоризации (Г. Тейфел, Д. Тейлор, К. Т. Фиске, Т. К. Трейлор, Д. М. Макрей, Д. Л. Гамильтон и др.). Из-за того, что люди не хотят познавать каждого представителя одного и того же встречаемого сообщества, они начинают использовать и в целом полагаться на стереотипы. Когнитивный подход предполагает, что стереотипы являются результатом нормальной категоризационной функции человеческого мозга, которая помогает систематизировать информацию и упрощает понимание сложной среды. Однако, признается, что стереотипы могут быть неточными и необходимо особое внимание к их коррекции и разрушению.

Когнитивный подход объясняет стереотипы как способ упрощения и систематизации информации, однако это не является единственной причиной существования стереотипов. Стереотипы не исчезают даже при увеличении контакта между группами и могут быть использованы как инструмент социального конструирования групп и их отношений.

Представители данного подхода задались вопросом: «почему детьми гендерные категории по отношению к другим социальным классификациям усваиваются быстрее?» [1, Р. 213–215].

Во-первых, гендерные стереотипы – бинарные оппозиции мужского и женского, взаимоисключающие друг друга. Во-вторых, из-за постоянного взаимодействия гендеров внутри общества, сформировалась впечатление. В-третьих, самый важный фактор, это внешнее различие.

Именно поэтому ребенок, быстро в процессе социализации овладевает знаниями о гендере и в течении всей своей жизни категоризирует людей по половому признаку. В теории гендерной схемы утверждается, что гендерные стереотипы формируются уже в первичной социализации в рамках половой самоидентификации. Дети в процессе социализации впитывают и структурируют всю информацию из окружающей мира в соответствии с нормативными представлениями о мужественности и женственности, о мужских и женских ролях. Это приводит к тому, что ребенок конструирует свое поведения ориентируясь на гендерные схемы, то есть в соответствии с гендерными стереотипами [1, Р.680, 681].

Исследователи, которые работают в рамках когнитивного подхода сталкиваются с еще одной проблемой: проверка истинности гендерных стереотипов. В обществе существует огромное количество гендерных стереотипов с мифическим содержанием, в частности стереотипы, которые пытаются соединить внешность с интеллектом или сексуальность с профессией, например с профессией предпринимателей [2, С. 78]. Попытки развенчать их безуспешны. Ложные гендерные стереотипы продолжают существовать в сознании мужчин и женщин и из-за этого люди не всегда правильно интерпретируют поведения друг друга.

Третья проблема когнитивного подхода заключается в различном восприятии информации между гендерами. Приверженцы когнитивного подхода предприняли попытку доказать гипотезу, что женский пол более склонен воспринимать вербальную информацию, а мужской визуальную, следовательно женщины мыслят менее стереотипно чем мужчины. Было выявлено, что женский пол более склонен воспринимать вербальную информации. Исследователи так и не смогли привести весомые доказательства, тем более что другими исследователи отмечалось, что граница особенностями когнитивного восприятия стирается.

В 2012 году Климова и Росс обсудили гендерное разделение между сферами занятости и профессиями. Они пришли к выводу, что женщины концентрируются на низкооплачиваемых профессиях несмотря на их высокий статус образования. Мужчины ассоциируют себя с более высокооплачиваемой работой, такой как менеджмент, инженерия. В обществе наименование профессии зачастую характеризует ее гендерную идентификацию. В повседневной жизни название «Уборщик» изменено на «уборщицу». Название должностей «директор» и «прораб» не обладают женским аналогом», а «швея» и «посудомойка» – мужского [3].

Белорусский социолог Бурова С. Н. в 2012 провела исследование, где изучила гендерные стереотипы, основанные на мнениях преподавателей университетов. В исследовании приняли участия около 139 преподавателей состава

университетов. Из опрошенных 45,3 % были респонденты женского пола и 54,7 % мужского. По мнению большинства (68,1 %) опрошенных респондентов считают, что женщины более настойчивы и трудолюбивы, чем мужчины. Кроме того, в нем говорится, что женщины-преподаватели чуть чаще соглашаются с этим утверждением, чем мужчины [4, С. 15].

С утверждением «главная цель женщины – быть сексуально привлекательной» согласились 15,2 % опрошенных учителей (10,3 % женщин и 17,1 % мужчин), что составляет почти каждую десятую женщину и каждого шестого мужчину. Хотя это незначительный процент, важно помнить, что эти опрошенные преподаватели являются специалистами с высшим образованием. Думать, что биологические качества женщин важнее их способностей и талантов, – значит увековечивать устаревшие гендерные стереотипы в системе высшего образования и на рабочем месте. Это также может повлиять на то, как учителя относятся к своим ученицам, причем некоторые относятся к ним более благосклонно и снисходительно [4, С. 17].

Большинство опрошенных респондентов не считают, что мужчины по своей природе более умны, чем женщины. Однако среди учителей, которые действительно верят в это, большая часть из них – мужчины. Треть опрошенных преподавателей обоих полов считают, что молодые мужчины менее ответственны в своей работе по сравнению с молодыми женщинами. Тем не менее, четверть респондентов считают, что политика – это исключительно мужская сфера, и с этим утверждением согласны больше мужчин, чем женщин. Это поднимает вопрос о том, как кто-то, кто менее ответственен и менее умен, может преуспеть в политике. Похоже, что эти представления более распространены среди мужчин, чем среди женщин [4, С. 17].

Анализ стереотипов в отношении мужчин в профессиональных ролях показывает, что преподаватели-мужчины, как правило, более консервативны в своих взглядах по сравнению с преподавателями-женщинами. Убеждение в том, что мужчина должен быть основным кормильцем семьи, все еще распространено в обществе сегодня. Половина респондентов обоих полов согласилась с тем, что «для мужчины позорно зарабатывать меньше, чем женщина».

В данном исследовании было обнаружено, что количество стереотипов в отношении женского пола довольно много распространено среди респондентов мужского и женского пола, но они более присущи мужчинам, а не женщинам. Женщины-преподаватели показали более современное видение гендерных ролей, в то время как мужчины-преподаватели более традиционные. Также было обнаружено, что мужчины-преподаватели сохраняют более традиционные взгляды на свой пол и свои гендерные роли, чем женщины-преподаватели. Женщины предъявляют к мужчинам меньше требований, чем они сами к себе. В целом, стереотипы в отношении мужчин распространены не меньше, чем стереотипы в отношении женщин.

Исходя из выше сказанного, можно сделать вывод, что, ученые, работающие в рамках когнитивного подхода, фокусируются на гендерных различиях в

свойствах истины и структурных особенностях гендерных стереотипов, а также на различиях в когнитивных способностях между полами. Стабильность, оценочное суждение, единство восприятия и нормативность являются главными свойствами гендерных стереотипов [5, С. 4,5]. Согласно когнитивному подходу, человеку достаточно на этапе социализации получить знания о гендерных категориях для того, чтобы по поведению и внешности достоверно определять гендер. Стереотипы являются результатом ограниченности информации и необходимости упрощения понимания сложной реальности. Это может быть как индивидуальным, так и общечеловеческим процессом. Однако необходимо отметить, что когнитивный подход не дает полного объяснения сущности стереотипов и не учитывает социальные и культурные факторы, которые также играют важную роль в формировании и сохранении стереотипов.

Источники:

1. Земоре С. Э., Фиске С. Т., Ким Х. Дж. Гендерные стереотипы и динамика социального взаимодействия. Т. Экес и Х.М. Траутнер (ред.). Социальная психология развития гендерной идентичности (с. 207–241). 2000.
2. Дерюгин П. П. Этническое предпринимательство латиноамериканцев как стратегия адаптации в трансформирующейся России / П. П. Дерюгин, Е. Л. Самарина // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2014. № 8. С. 87-105. DOI 10.12731/2218-7405-2014-8-10. EDN TGRVBP.
3. Климова, А., Росс, Р.Т. Профессиональная сегрегация по признаку пола в России: эмпирическое исследование // Международный журнал социальной экономики. 2012. № 39. С. 474–489.
4. Бурова С. Н. Гендерные стереотипы в университетской среде Минска / С. Бурова. Минск: Юнипак, 2014.
5. Рябова Т. Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы // Женщина в российском обществе. 2001. №3-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-steriotipy-i-gendernaya-steriotipizatsiya-metodologicheskie-podhody> (дата обращения: 21.11.2022).

A. V. Bakulin (Sevastopol State University);

P. P. Deryugin (Sevastopol State University)

FEATURES OF THE COGNITIVE APPROACH IN THE STUDY OF GENDER STEREOTYPES

The work is devoted to the theoretical substantiation and analysis of the features of the cognitive approach in the study of gender stereotypes.

Gender construction, cognitive mechanism, socialization, gender stereotype, gender characteristics

УДК 316.034

Д. В. Бакулин (Севастопольский государственный университет,
e-mail: dmitrybaku@yandex.ru);

П. П. Дерюгин (Севастопольский государственный университет,
e-mail: deriuginprav@yandex.ru)

ПОНЯТИЯ КРИЗИСА В СОЦИОЛОГИИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА ИЗУЧЕНИЯ СИНДРОМА ВЫПУСКНИКА

(При поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07443/19)

Работа посвящена теоретическому обоснованию и анализу понятия «кризиса» в социологии как адекватной методологической платформы изучения синдрома выпускника, обусловленного проблемами трудоустройства. Рассмотрены основные подходы изучения «кризиса» и определены особенности полипарадигмального подхода изучения понятия «кризиса трудоустройства».

Кризис, социальная система, кризис трудоустройства, общество, теория социальных кризисов, конфликт, развитие общества, циклы, стабильность

Актуальность проблемы. В научных публикациях все чаще обсуждается т. н. «синдром выпускника» [1], как совокупности (или комплекса) органически связанных между собой социально-психологических признаков – реакций и рефлексий, – возникающих на этапе выпуска из учебного заведения, которые вызывают изменения в стратегиях поведения, коммуникациях и новых отношениях [2] выпускника с окружающей реальностью. На эмпирическом уровне очевидно, что у подавляющего числа выпускников этот синдром проявляется как неуверенность, панические настроения перед будущим, страх новых начинаний, тревожность и пр. Напротив, у другой части выпускников можно наблюдать активность, желание поскорее начать новую жизнь, стремление быть самостоятельным и т. д. По существу, фиксируется два противоположных направления развития синдрома выпускника.

Следует специально отметить, что значительно более активно в научной литературе обсуждается процесс адаптации в вузе после поступления, нежели проблемы и трудности, которые сопровождают выпуск из университета. По нашим предварительным данным основной причиной возникающего синдрома выпускника вузов является напряженность, обусловленная проблемами трудоустройства, поиска своей уникальной стратегии поведения на рынке труда. С социологической точки зрения эта ситуация может быть определена как ситуация особой формы кризиса личности и социальной среды в период адаптации. **Цель** – исследование синдрома выпускника с социологической

точки зрения и изучение истоков этого синдрома как проблемы особого рода кризиса.

Теоретико-методологические основания. В ходе анализа научной литературы нами было выяснено, что научное объяснение кризиса в социологии может рассматриваться в различных теоретических плоскостях. **Объект** – теоретико-методологические представления о кризисе, его характеристики, причины, этапы, последствия и результаты в различных социологических концепциях.

Интересы и перспективы проведения эмпирического исследования не допускают теоретической неопределенности, они требуют ясной операционализации понятия, в данном случае – кризиса, как основания развития синдрома выпускника [3]. **Предмет** – анализ базовых социологических концепций кризисов в интересах обоснования наиболее адекватного теоретико-методологического подхода для проведения эмпирического исследования.

Результат 1. Структурно-функциональный подход. В рамках этой теории кризис рассматривается источником проблем, из-за которого общество не может нормально функционировать, поскольку социум или отдельная личность как система в целом в процессе кризиса утрачивает способность самоконтроля и адаптации к среде [4]. В концептуальной схеме Т. Парсонса социальная система представляет собой структуру, состоящую из ценностей, норм, коллективных организаций и ролей, которые отвечают четырем основным функциональным требованиям: адаптация, целедостижение, интеграция и удержание, сохранение образца. Эти функциональные требования выполняются с помощью вышеупомянутых компонентов систем, которые представляют собой социальные институты [5]. По Парсонсу, роли в социальной системе играют важную функцию в адаптации к среде. Но в трудовой деятельности, в частности, из-за различий в образовании, социальном положении и власти, некоторые люди могут иметь больше возможностей и влияния, чем другие, что приводит к социальной стратификации [6]. Труд, как отмечает О. Конт, является самым главным условием нашей социальной жизни, а разделение труда, согласно Дюркгейму, служит ключевым фактором для стабильности и взаимодействия людей в обществе [7]. В результате, когда наступает кризис трудоустройства, социальная система начинает существовать не стабильно, так как система не может приспособиться к человеку как биологическому организму, так и как личности, к среде обитания общества и к культуре (в рамках системы ценностей). В результате человек начинает социализироваться в совершенно других условиях, которые могут привести к полной дисфункции социальной системы.

Несмотря на объективные тезисы структурного функционализма, сам подход рассматривает понятие «кризис» в рамках трудоустройства преимущественно с негативной стороны. В нем слабо учитывается роль материальных интересов, которые являются источником преобразований.

Результат 2. Конфликтологическая парадигма. Для представителей данного подхода (Р. Миллс, Л. Козер, Р. Дарендорф и К. Боулдинг), кризис –

это контролируемый всеобъемлющий положительный фактор, который служит мотиватором социального прогресса [4]. Этот подход подразумевает, что конфликт – это естественная и прогнозируемая часть социальной системы. Он является объективным и закономерным, и имеет социально полезные функции [8]. Так, например, Л. Козер описывал конфликт как борьбу за ценности и желание обладать статусом, властью и ресурсами, которые недоступны для всех. В рамках кризиса трудоустройства – это означает, что выпускник вуза, выходя из университета начинает создавать общественные объединения и развивать коммуникационные связи [9]. Дарендорф считал, что расширение сферы деятельности (момент трудоустройства) может быть достигнуто через самоорганизацию и самодеятельность, а также через феномен, который он называл «инициативой». Интересно, что многие из этих «инициатив» относятся к теневой экономике [10], т. е. кризис трудоустройства – это контролируемый положительный фактор, который трансформирует социальную жизнь в лучшую сторону. Боулдинг также писал о том, что человек в кризисной ситуации будет бороться с окружающими за дефицитный ресурс (работу) [11].

Результат 3. Циклические социальные изменения, как кризис, может является одной из фаз социального развития, считали Н. Д. Кондратьев, П. А. Сорокин, А. А. Богданов. В частности, для П. А. Сорокина кризис – это нормальное состояние человеческой цивилизации, связанное с изменениями в социокультурных системах. [12] В соответствии с его методологией кризис трудоустройства выпускников университетов может быть рассмотрен как этап длительного кризиса мирового порядка, связанного со «старением» институтов и ценностей. В своих работах он обращал внимание на то, что кризисы многообразны, они нарастают и становятся более быстрыми и опасными [13]. Он их назвал как поток «большой ужасающей симфонии», а позже вводит новое понятие «кризисные фестивали» [13]. Комплекс «кризисного фестиваля», добравшихся до вершины своей губительной мощи, определяется П. А. Сорокиным как катастрофа. Но все же хочется отметить, что под катастрофой не понимается смерть общества, ни его отдельных социальных групп, так как кризисы – это всего лишь переходное состояние социального взаимодействия, где происходит противоборство «между отжившим и уходящим, отмирающим старым и становящимся новым, а также противоречий в самом новом» [14]. Можно сказать, что Сорокин рассматривал кризис как одну из фаз в развитии общества.

Для интерпретации понятия «кризис» в рамках циклического подхода хочется также обратить внимание на работу А. А. Богданова «Тектология». Исследователь считал, что кризис «это резкий переход, прекращение непрерывности, когда осуществляется смена организационных форм системы, ее переход в новое состояние». Для него кризис был как основание нарушения равновесия, так и трансформация к новому равновесию [15]. В идеальных условиях данная трансформация происходит медленно, а в реальных же наоборот. В связи с этим А. А. Богданов дифференцировал кризисы на «взрывные» и «замирающие». Под «взрывными» он понимал, к примеру революции, которые

влекут «гибель отживших систем», под «замирающие» уже равномерное снижение колебаний и приход к новому равновесию [15].

Заключение. В своей исследовательской работе мы будем рассматривать понятия «кризис» в рамках полипарадигмального подхода, что позволит изучать данный феномен с различных сторон, поскольку «кризис» в общественном развитии может носить как положительные, так и отрицательные эффекты.

Понятия синдрома выпускника и кризиса трудоустройства в рамках будущей исследовательской работы будем понимать, как важный этап циклической динамики социальной системы, где основная цель – это разрушение, изменение или кардинальная трансформация важных связей личности выпускника с институтом трудовой занятости. Кризис трудоустройства для социальной группы выпускников может иметь как положительные, так и отрицательные последствия. Все будет зависеть от того, как акторы воспринимают ситуацию выпуска в своем сознании и какой будут их стратегии преодоления этой кризисной ситуации.

Источники:

1. Будукоол Л. К. Этнические особенности психосоциальной адаптации студентов к обучению в вузе // Вестник ТГПУ. 2011. №6.
2. Дерюгин П. П. Социальная диагностика межличностных отношений в истории западной и отечественной социологии / П. П. Дерюгин. СПб: Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет), 2001.
3. Дудина В. И. Прикладная социология: социальное моделирование и программирование: учебное пособие / В. И. Дудина, П. П. Дерюгин, С. Е. Дубровская. СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008.
4. Вильданов И. Э. Социальный кризис: изучение, проблемы и решения // Вестник Казанского технологического университета. 2006. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyu-krizis-izuchenie-problemy-i-resheniya> (дата обращения: 08.10.2022)
5. Parsons T. The Structure of Social Action: A study in social theory with special reference to a group of recent European writers. Glencoe, Ill: Free Press, 1937.
6. Парсонс Т. Система современных обществ // Пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева; Научн. ред. перевода М. С. Ковалева. М.: Аспект-Пресс, 1997.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
8. Соломатина Е. Н. Теоретико-методологические подходы к исследованию социального конфликта // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-podhody-k-issledovaniyu-sotsialnogo-konflikta> (дата обращения: 09.01.2023).
9. Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс. 2000.

10. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерки политики свободы. М.: РОССПЭН, 2002.
11. Боулдинг К. Конфликт и защита: общая теория. М., 1963.
12. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: ЗХГИ, 2000.
13. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / пер. с англ., вступит. ст. и комм. В. В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 787 с.
14. Петров В. Н. Кризис как состояние социальной реальности в социологической интерпретации П. А. Сорокина // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2017. №6.
15. Богданов А. А. Всеобщая организационная наука: (Тектология). 3 изд. заново перераб. и доп. Л.-М.: Книга, 1929. Ч. 3.

D. V. Bakulin (Sevastopol State University);

P. P. Deryugin (Sevastopol State University)

CONCEPTS OF «CRISIS» IN SOCIOLOGY AS AN ADEQUATE METHODOLOGICAL PLATFORM FOR STUDYING EMPLOYMENT

The work is devoted to the theoretical substantiation and analysis of the concept of «crisis» in sociology as an adequate methodological platform for studying employment.

Crisis, social system, employment crisis, society, theory of social crises, conflict, development of society, cycles, stability

УДК 316.752

О. С. Баннова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: bannova-o@mail.ru);

П. П. Дерюгин (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: deriuginpav@yandex.ru)

ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКИХ ИТ-СПЕЦИАЛИСТОВ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ДРУГИХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

(замысел эмпирического исследования)

(При поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07443/19)

В статье представлен методологический подход к измерению ценностей российских ИТ-специалистов и представителей других социальных групп, как объекта междисциплинарных исследований. Рассмотрена интегративная концепция П. Сорокина, как методологическая основа изучения направлений социодинамики взаимодействия социальных групп в цифровом пространстве. Сформирована концепция проведения эмпирического исследования среди ИТ-специалистов, которая позволяет выявить характер интеграции этих специалистов в российском обществе, изучать содержательные и существенные параметры и индикаторы во взаимосвязях с другими социальными группами.

Социодинамика, ценности, цифровизация, социальная интеграция, ИТ-специалисты, социально-профессиональные группы, интеграционный подход

Социодинамика ценностей российских ИТ-специалистов обусловлена особенностями наступающей цифровизации и спецификой взаимодействия общества в условиях цифрового пространства [1]. Для анализа социодинамики ценностей ИТ-специалистов, необходимо рассмотреть ценностную интеграцию и других социальных групп, которые представляют собой некоторую совокупность общих идей, принципов, мотиваций, поведенческих особенностей и ценностных ориентаций [2, С. 494]. В частности, значительным эвристическим потенциалом такого исследования обладает концепция социокультурной интеграции П. А. Сорокина [3, С. 12]. В концепции П. А. Сорокин раскрыты ценности, которые наиболее адекватно выражают смысловое единство социума, социальных групп, отдельных личностей [4]. Изучение ценностей ИТ-специалистов предполагает обращение к структурно-культурным особенностям этой социально-профессиональной группы, которые возникают как отражение глубинных ценностей новой социальной структуры нового типа общества [5, С. 71].

Интерес исследования направлен на растущее противоречие в ценностях ИТ-специалистов и специалистов, не связанных с ИТ-индустрией и ИКТ. Применение интегральной концепции П. А. Сорокина было выбрано в качестве

ключевой стратегии исследования этого явления. Хотя большое количество исследований подтвердило важность социальной интеграции для благополучного развития общества, меньше известно о роли различных типов социальной интеграции и о том, какими достоинствами обладает данная концепция для измерения ценностей социально-профессиональных групп [6, С. 147].

В своей работе «Социальная и культурная динамика» Сорокин показывает социум как взаимодействие между внутренне интегрированными культурными системами, отражающими две реальности [7, С. 152]. Идеациональная реальность – это реальность смыслов, значений и ценностей, нацеленная на преобразование личности. Чувственная реальность – представляет собой процессы, события, материальные объекты, нацеленные на преобразование внешней среды [8, С. 12]. Различия в восприятиях реальности формируют конфигурацию социальных институтов и раскрывают ее сущность [9, С. 95].

Цель исследования заключалась в изучении того, в какой степени показатели социальной интеграции объясняют разницу ценностного потенциала между специалистами ИТ-индустрии и другими социально-профессиональными группами.

Замысел пилотажного эмпирического исследования заключается в анализе специфики социального взаимодействия ИТ-специалистов с представителями других социальных групп, которые находятся вне ИТ-индустрии, но с которыми взаимодействуют ИТ-специалисты. Ценностные ориентации ИТ-специалистов существенно отличаются от ценностных ориентаций представителей других социальных групп, где степень противоречий в различной степени зависит от характера социальной системы, социальной структуры и социальных процессов, происходящих в цифровом обществе [10, С. 131]. Сотрудники ИТ-сферы справедливо рассматриваются как особого рода сетевое сообщество, сформированное на профессиональной основе и тождественных социальных ценностях [11, С. 319].

Обоснование выбора социально-профессиональных групп для проведения анализа. В данном случае социальное взаимодействие исследуется через выделение социальных групп, обладающих реальными ресурсами и по-разному выстраивающих свои отношения с ИТ-специалистами. Наличие, размеры и доступ к различным ИТ-ресурсам определяются профессиональной занятостью, социальной позицией и местом социальной группы на рынке труда, что в различных композициях обуславливает характер взаимодействия. Процедура исследования социальной интеграции основывалась на выборе таких социально-профессиональных групп, которые в значительной степени различаются по характеру отношения к ИТ-деятельности [12]. Представителями социально профессиональной группы, чьи ценности направлены на совершенствование внешней среды и отражающие чувственную реальность, могут являться политики, военные, предприниматели и т. д. Социально-профессиональные группы, ориентированные на преобразование самих себя – это представители таких духовных объединений, для которых идеациональная составляющая превалирует над чувственной, например, священники, практикующие йоги и т. д.

Пилотажное исследование проводилось в январе 2023 г. Анкетный опросник состоял из пяти блоков, посвященных мотивационным аспектам профессиональной деятельности, заинтересованности данной областью, были включены вопросы об идентичности, стиле жизни, общении с представителями других профессий, квалификации. Кроме того, вопросы включали оценку развития информационных технологий, их значимость, собственную компетентность. Полученные результаты различий в социальной интеграции респондентов объясняют значительную долю наблюдаемых различий в ценностях.

Полученные результаты различий в социального взаимодействия респондентов объясняют значительную долю наблюдаемых различий в ценностях. Что касается ценностей ИТ-специалистов, то сам характер их деятельности предполагает интеграцию оценки идеациональной и чувственной составляющей по критерию природы реальности. Для ИТ-специалистов технологические цифровые ценности несоизмеримо важнее любых иных ценностей. Чувственные ценности, т. е. стремление что-либо изменить, трансформировать, преобразовать, сосуществуют в конфликте со всеми иными ценностями. Из этого следует, что российские ИТ-специалисты предпочитают искать «подходящую» внешнюю среду, нежели заниматься преобразованием наличной – действительной.

Ценности ИТ-специалистов – руководителей ИТ-организаций отличаются от ценностей производителей программного продукта – программистов. Ценности руководителей относятся к «смешанным» ценностям, т. е. это «комбинированные», «не самостоятельные» ценности, но ценности, где «логически интегрированы» идеациональные и чувственные элементы. Кроме того, в них преобладают скорее чувственные элементы, чем идеациональные, которые играют более значимую роль. Для ценностей представителей социально-профессиональной группы ИТ-специалистов способы реализации потребностей заключаются в сочетании как самосовершенствования, так и преобразования внешней среды.

Обращаясь к исследованиям ценностей ИТ-специалистов социология получает возможность выявления и характеристики центральных свойств, черт и параметров ИТ-специалистов, как новой глобальной социально-профессиональной группы с позиций понимания и объяснения высших форм ее интеграции.

Источники:

1. Касьяненко И., Алабин А. «Айтишники» как современная профессиональная группа // INTER. 2017. №14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aytishniki-kak-sovremennaya-professionalnaya-gruppa> (дата обращения: 04.01.2023).
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1990.
3. Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. М., 1994.
4. Deriugin P., Yarmak O., Strashko E., Kamyshina E., Bannova O. Integration of human and social capital: the experience of Russian, Chinese and European corporations SHS Web of Conferences 134, 00140 (2022).

5. Терехова Т. А., Трофимова Е. Л., Геранюшкина Г. П. Исследование ценностей предпринимателей разных социально-демографических групп // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2020.
6. Борисова С. Н. Изучение профессиональных групп в отечественной социологии: основные теоретико-методологические подходы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. №2 (42).
7. Freeman, L. C. The sociological concept of group: An empirical test of two models. *Am. J. Sociol.*, 1992.
8. Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. М., 1994.
9. Манхейм К. Избранное: социология культуры. М.; СПб., 2000.
10. Бормотов И. В. Ценностный выбор российской молодежи: групповой срез // СИСП. 2016. №3–1 (27).
11. Мищенко А. С. «Инноваторы» как особая социально-профессиональная группа в современной России // Петербургская социология сегодня. 2016. №7.
12. Dingwall R., Lewis P. Introduction // Dingwall R., Lewis P. (eds) *The Sociology of the Professions: Lawyers, Doctors and Others*. London: Macmillan, 1983.

O. S. Bannova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);
P. P. Deriugin (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

**VALUES AS THE BASIS FOR THE INTERACTION OF RUSSIAN
IT SPECIALISTS WITH REPRESENTATIVES OF OTHER SOCIAL GROUPS
(the idea of empirical research)**

The article presents a methodological approach to measuring the values of IT specialists in Russia and representatives of other social groups as an object of interdisciplinary research. The integrative concept of P. Sorokin is considered as a methodological bases for studying the directions of sociodynamics of interaction of social groups in the digital space. The concept of conducting an empirical study among IT specialists has been formed, which makes it possible to identify the nature of the integration of these specialists in Russian society, to study the substantive and essential parameters and indicators in interrelations with other social groups.

Sociodynamics, values, digitalization, social integration, IT specialists, socio-professional groups, integration approach

УДК 304.4

А. Х. Бугазов (*Кыргызско-Российский Славянский университет,*
e-mail: abugazov@rambler.ru)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Рассматриваются некоторые социокультурные особенности евразийской модели политической системы общества. Указываются исторические основания для социально-политического взаимодействия государств на постсоветском пространстве и перспективы их развития. Выявлено, что наряду с другими элементами своей «родовой» культуры, менталитет, отбирает позитивные и новые для себя, явления и достижения окружающего мира и встраивает их в собственную цивилизационную систему.

Политическая система, евразийство, социокультурные особенности, менталитет, персонификация власти

Впервые, как известно, идею евразийства сформулировали представители русской интеллигенции, оказавшиеся в эмиграции в начале прошлого столетия [1, 2]. В своих работах они стремились осмыслить произошедшие в России перемены, определить ее возможное будущее, место и роль в мировом развитии. Сегодня, идея евразийства переживает своеобразный ренессанс. Появились понятия «большая» и «малая» Евразия, в связи с чем, следует отметить, что в контексте данного исследования под понятием «евразийский» имеется в виду не географическое пространство, а находящееся в процессе формирования, геополитическое объединение исторически и ментально связанных, между собой народов, большей частью, расположенных на территории бывшего Советского Союза.

Можно констатировать, что на сегодняшний день написано довольно много работ по евразийской тематике посвященных анализу интеграции социальных, экономических, культурных и других отношений на евразийском постсоветском пространстве [3, 4, 5, 6, 7]. В тоже время, социально-политическое взаимодействие, его формы, перспективы, рассматривается гораздо реже, вероятно в силу особой сложности и деликатности темы, поскольку здесь присутствует – определенного рода экзистенциальный страх – создание некоего политического союза, который положит конец существованию самостоятельных национальных государств на евразийском пространстве.

После распада, каждая республика бывшего СССР попыталась вернуться к своим национально-историческим истокам, в том числе цивилизационным. Желая, таким образом, восстановить утраченные и сохранить оставшиеся социокультурные ценности. К сожалению, здесь не обошлось без перегибов, что

можно наблюдать на примере того, как интерпретируется история, нивелируются знаковые события совместного прошлого, функционирования русского языка и т. п. Однако в целом это воспринималось как позитивный процесс становления и развития национальной государственности. Но стоит ли, да и возможно ли сформировать цивилизационные контуры современного общества, опираясь лишь на «свою» историческую основу?

Стремясь убрать из истории наше общее евразийское прошлое, мы, таким образом, фальсифицируем ее. Развиваясь по отдельности, можно добиться отдельных успехов, но глубокой исторической перспективы такой путь не имеет. Поэтому, кроме как обратиться к нашей евразийской общности, у нас нет другой реальной перспективы социального роста.

При этом нет никаких угроз для сохранения своего политического и национального суверенитета. Напротив, есть прекрасный опыт сохранения и развития своей национальной идентичности (не без ошибок) в рамках единого государства.

Некоторых постсоветских исследователей, политиков смущает идея, предложенная в свое время Л. Н. Гумилевым, о «пространственной преемственности» государств на территории бывших Российской империи и Советского Союза [8, С. 31–54]. Хотя, ничего «крамольного» в данном предложении, конечно, нет. Есть только исторический факт, что в определенный период истории произошло объединение Евразии в пределах одного государства – Российской Империи [9, С. 141]. В результате, появилась уникальное цивилизационное образование, которое характеризовалось рядом особенностей: географическими; историческими; этническими; религиозными и другими.

Общая форма бытия, в той или иной мере, оставила свой след в нашем культурном наследии, каждого народа бывшей империи, а затем и СССР. Прежде всего, это общая для большинства постсоветских евразийских народов социокультурная матрица. Основными признаками, которой можно считать ее кросскультурный характер, веротерпимость и толерантность, русский язык, как язык образования, науки и межкультурной коммуникации;

Сохранились общие особенности и в формировании политической системы общества, имеющие специфический «евразийский» характер. Прежде всего, это «особые отношения» между государством и обществом, под которыми чаще всего имеется в виду роль государственного аппарата в регуляции социальных отношений, например, экономических. Так, по мнению известного ученого и государственного деятеля Е. М. Примакова, без вмешательства государства в экономику сегодня нельзя усовершенствовать рыночный механизм и достичь нужного уровня конкуренции. Задача власти, по его убеждению, заключается в объединении социально ориентированной политики и экономики с «истинно либеральными ценностями» [10, С. 4–8]. Такие отношения имеют место и в той сфере, которая с точки зрения западноевропейского менталитета относится к гражданскому обществу, то есть находящейся вне зоны административного внимания и влияния государства.

По сути, речь идет о функции социально-правового контроля, которая призвана способствовать поддержанию целостности и организованности общества, разрешению противоречий и конфликтов, возникающих в процессе его жизнедеятельности. Любое ослабление такого контроля со стороны государства ведет к появлению в обществе деструктивных процессов и разрушению в нем тех же демократических институтов. Этим определяется и значительная роль силовых структур в построении и функционировании данной системы управления.

Указанные обстоятельства дают основание оппонентам утверждать, что такой подход к формированию политической системы применим только к тем обществам, у которых отсутствуют традиции парламентского демократизма.

Думается, это не так. Пространственная протяженность, многообразие культур и традиций народов, проживавших в составе Российской империи, затем и Советского Союза, неравномерность их экономического развития, требовали особых, эффективных для данных обстоятельств, принципов политической самоорганизации. Таких социальных институтов, где, как писал М. Фуко, его деятельность определяется строгим ранжированием и классификацией контингента, регламентацией времени, программированием осуществляемого процесса, постоянным тестированием и оцениванием выполняемой работы и т. п. [11].

В политической системе большинства евразийских стран, огромное значение отводится личности, стоящей у власти. По сути, власть в евразийском обществе носит персонифицированный характер. Глава государства наделяется харизматическими качествами и позиционируется не только как лидер конкретной партии, но и нации, общества в целом. Не удивительно, что и политические образования, которые имеют место сегодня в Евразии, представляют собой партии лидерского типа. Их авторитет базируется не на программах, а на личностях, находящихся в партийном руководстве.

Конечно, подобная «особенность» политической системы таит в себе большую опасность, она легко может трансформироваться в авторитаризм. Если этого не происходит, то это скорее вследствие субъективных качеств лидера, чем объективных обстоятельств, и пока кардинально изменить такую ситуацию не удалось.

Существуют различные мнения по поводу причин такой ситуации. Некоторые исследователи, в основном зарубежные, считают, что реальной альтернативы персонификации власти в евразийском обществе пока просто нет [12, 13]. В иной форме власть теряет контроль над ситуацией, социальные связи начинают распадаться, в обществе возникает кризис.

Другие авторы апеллируют к национально-историческим особенностям [14, С. 25; 15, С. 50]. «Русский народ, – в принципе, рассуждал в свое время известный славянофил К. С. Аксаков, – государствовать не хочет. Он хочет оставить для себя свою неполитическую, свою внутреннюю общественную

жизнь, свои обычаи, свой быт – жизнь мирную духа. Не ища свободы политической, он ищет свободы нравственной, свободы духа, свободы общественной народной жизни внутри себя» [16].

Либерально настроенные оппоненты активно возражают, против такого рода утверждений, говоря, что с тех пор культурно-исторический ландшафт общества стал совершенно иным и такие суждения уже ничего не доказывают. Что можно ответить? Ландшафт действительно изменился и не только культурный. Многие высказывания сегодня звучат не столь актуально и убедительно. С другой стороны, как показывает практика, оторванные от своей социокультурной среды идеологические ценности не могут быть имплицированы в обществе, где другой менталитет и другая политическая культура. «Ментальные основания, – утверждает Ж. К. Урмамбетова, – вещь жесткая, и, несмотря на существование в эпоху высоких технологий, предполагаемой объективной тенденцией истории глобализации с ее универсальными ценностями и принципами бытия, именно они диктуют правила жизни, как в обществе, так и в государстве» [17].

Однако данное обстоятельство не может служить препятствием для формирования политической системы в евразийском социуме. Проблема не в том, возможно или невозможно построение подлинно демократического общества в постсоветском евразийском пространстве. Ответ очевиден – возможно, и необходимо.

Евразийское общество способно и готово воспринимать все инновации современного мира, что оно собственно и демонстрирует уже не первое столетие. Менталитет, наряду с другими элементами своей «родовой» культуры, по аналогии с «фильтрами внимания» отбирает позитивные и новые для своей культуры, явления и достижения окружающего мира и встраивает их в собственную цивилизационную систему.

В зависимости от обстоятельств, этот процесс может происходить в виде аккультурации или межкультурного взаимодействия. При этом, как замечал А. Тойнби, «внедрение элементов чужой культуры в социальное тело» может носить болезненный характер [18, С. 581]. Однако в любом случае без такого взаимодействия не может быть цивилизационного развития. Разрешение возникающих при этом противоречий, представляет в современных условиях источник социального развития.

Только не следует упрощать этот процесс до уровня эклектического восприятия мира. Цивилизационное развитие выглядит столь же сложно и полимерно как и нейронные связи в коре головного мозга. Политические системы, как элемент цивилизационной структуры общества, могут быть похожи друг на друга, но смысл категорий, которые формируют эту систему (свобода, демократия, толерантность и т. д.) не всегда совпадает. Это понятно, поскольку последние являются частью духовной культуры общества. В то время, как ге-

нетический код хранит и передает из поколения в поколение программу развития живых организмов, культура общества хранит в себе код своего цивилизационного развития.

Конечно, любая реформация предполагает некие изменения устоявшихся норм и ценностей в сознании людей. «Дух и настроение настоящей демократии должны быть в самом человеке, внутри его мировоззрения» [19, С. 149].

Поэтому столь важно, чтобы общество имело четкое представление, идет ли речь о замене или уничтожении основ его мировоззрения или о внедрении новых цивилизационных форм жизнедеятельности, не противоречащих своему миропониманию.

Источники:

1. Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.
2. Трубецкой Н. С. Европа и человечество // Классика геополитики, XX век. М.: АСТ, 2003.
3. Дугин А. Г. Евразийский реванш России. М.: Алгоритм, 2014.
4. Назарбаев Н. А. В сердце Евразии. Алматы: Атамур, 2005.
5. Евразия. Люди и мифы. / Ред. Панарин А. С. М.: Наталис, 2003.
6. Марышев, А. А. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве в контексте евразийской перспективы: автореф. дис. ... канд. полит., наук. М., 2013.
7. Калиш Я. В. Евразийская интеграция: идейные основания, политический опыт, вызовы и перспективы: автореф. дис. ... канд. полит., наук. М., 2021.
8. Гумилев Л. Н. Историко-философские сочинения князя Н.С. Трубецкого // Трубецкой Н. С. История, культура, язык. М.: Прогресс, 1995. С. 31–54.
9. Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995.
10. Примаков Е. М. Пределы либерализма для России // Вестник моск. ун-та. сер. политические науки. 2012. № 6. С.3–15.
11. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977.
12. Юджин Румер. Реальная альтернатива диктаторам Средней Азии может стать хаос, а не демократия // In The National Interest. Washington DC. 27.07.05.
13. Сьюзан Эллиотт: Свобода и стабильность не исключают друг друга – интервью корреспонденту российского издания «Коммерсантъ» // URL: <http://ca-news.org/news/638301> (дата обращения: 24.03.2022).
14. Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI-VIII вв. Восточно-Тюркский каганат и кыргызы. // Труды института востоковедения, т. XLV. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946.
15. Эйдельман Н. «Революция сверху» в России. М.: Книга, 1989.
16. Из «Записки о внутреннем состоянии России», поданной в 1855 году К. С. Аксаковым, взошедшему на престол императору Александру II // URL: https://ruskline.ru/analitika/2007/11/19/nacional_nyj_vopros_v_rossii

17. Урманбетова Ж. К. Коронавирус, либерализм и будущее Кыргызстана // ЦентрАзия URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1588852560> (дата обращения: 11.11.2022).

18. Тойнби А. Постигение истории. М.: Прогресс, 1991.

19. Бугазов А. Х. Место и роль традиционализма в формировании демократического общества в Кыргызстане // Вестник КРСУ. 2019. №11. С. 147-152.

A. Kh. Bugazov (Kyrgyz-Russian Slavic University)

FEATURES OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE POLITICAL SYSTEM IN THE EURASIAN SPACE

Some socio-cultural features of the Eurasian model of the political system of society are considered. The historical grounds for the socio-political interaction of states in the post-Soviet space and the prospects for their development are indicated. It is revealed that along with other elements of its «generic» culture, the mentality selects positive and new for itself, phenomena and achievements of the surrounding world and integrates them into its own civilizational system.

Political system, Eurasianism, socio-cultural features, mentality, personification of power

УДК 94

М. С. Волынцев (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: maximvolintsev@gmail.com).

«ДЕЛО ЛЮКСБУРГА» КАК ФАКТОР МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена рассмотрению дипломатического инцидента, известного как «дело Люксбурга». Форсирование возникшего кризиса со стороны Великобритании привело к далеко идущим международным последствиям. Особое внимание уделено влиянию, оказанному «делом Люксбурга», на внутри- и внешнеполитическое положение Швеции, известной своим «прогерманским нейтралитетом».

Аргентина, Швеция, Великобритания, Люксбург, Первая мировая война, международные отношения, нейтралитет

Нейтральная Аргентина в годы Первой мировой войны снискала славу латиноамериканской житницы для Европы, исправно поставляя продовольственные товары в воюющие страны, прежде всего в державы Антанты. Существенная часть зерна, потреблявшегося, например, Великобританией, была аргентинского происхождения [1, С. 498]. В то же время Аргентина поддерживала связи и с Центральными державами, в первую очередь с Германией. Германским дипломатическим представителем в Аргентине служил граф Карл фон Люксбург, имевший весьма дурную репутацию одиозного и скандального человека. Например, графу Люксбургу крайне нелестную характеристику давал советник русского посольства в Лондоне Константин Дмитриевич Набоков, знавший его еще в Индии в качестве генерального консула в Калькутте. Набоков писал, что «Люксбург отличался большим самомнением, чванством, и личность его была крайне антипатична» [2, С. 138]. Эти качества Люксбурга сыграют значимую роль в развитии спровоцированного его деятельностью кризиса.

Граф Люксбург регулярно отправлял телеграммы в Берлин. Так как германские трансконтинентальные телеграфные возможности оказались ограничены с началом войны, Люксбург пользовался шведским кабелем с согласия шведской стороны. Шведское представительство отправляло телеграммы как свои собственные. В результате зашифрованные дипломатические и секретные сообщения, отправлявшиеся послом, доставлялись сначала в Стокгольм, а оттуда уже в Берлин. В своих телеграммах Люксбург не стеснялся в выражениях и нередко оскорбительно отзывался об Иполито Иригойене и Онорио Пуэйрредоне – президенте и министре иностранных дел Аргентины соответственно.

Так, например, в одной из телеграмм граф описал Пуэйрредона как «знаменитого негодя и англофила» [3, С. 70]. Вообще телеграммы графа носили весьма компрометирующий характер.

С конца 1916 г. разведывательная группа британского адмирала Уильяма Холла узнала о секретных шведско-германских передачах, ей удалось научиться быстро расшифровывать телеграммы. Но английское правительство и командование не предавали их содержимое гласности, выжидая более удобного для публикации момента. Наконец, в августе 1917 г., когда, как им показалось, условия сложились благоприятно, в Вашингтон были отосланы четыре телеграммы с просьбой к президенту Вудро Вильсону немедленно опубликовать их [4, С. 34].

Среди опубликованных материалов наиболее компрометирующей была телеграмма, отправленная 19 мая [5, С. 178]. Граф Люксбург сообщал в Берлин, что из Аргентины в Европу отправились два судна, «Оран» и «Гоца», груженные зерном. Он потребовал немедленно потопить их без следа – то есть не оставлять в живых никого из членов экипажа. Неизвестно, на что рассчитывал граф, полагая, что сообщение подобного рода не будет расшифровано – но это лишь подчеркнуло его наивность и в некоторой степени некомпетентность [6].

Опубликование телеграмм было направлено на достижение как минимум двух основных целей. Во-первых, это вовлечение нейтральной Аргентины в войну на стороне Антанты [7, С. 228]. Европейские дипломаты довольно скоро поняли это. Так, датский министр иностранных дел Эрик Скавениус в беседе с шведским послом сообщил ему, что, как он полагает, целью публикации телеграмм является именно втягивание латиноамериканской республики в мировой конфликт [8, С. 299].

Во-вторых, это недопущение победы на предстоящих осенью 1917 г. парламентских выборах в Швеции правящего «Всеобщего союза избирателей» – консервативной партии, лидер которой, Арвид Линдман, занимал в правом правительстве Карла Сварца должность министра иностранных дел. Вообще позиция Швеции в период Первой мировой войны носила характер «прогерманского нейтралитета». Это было обусловлено как германским влиянием, так и давними и прочными германо-шведскими экономическими связями. Шведская торговая политика благоприятствовала Германии в рамках курса на благожелательный нейтралитет и в целом ее можно назвать вполне ориентированной на Германию [9, С. 275]. Стремясь ослабить торговые связи Германии со Швецией, Великобритания активно пыталась навязать Стокгольму договор, фактически ставивший всю шведскую внешнюю торговлю под контроль Лондона. Шведы упорно сопротивлялись, что привело к введению Великобританией значительных ограничений на торговлю со Швецией. Довольно скоро это привело к экономическому и социальному кризису в Швеции, но шведское правительство продолжало затягивать переговоры о заключении договора [10]. Судя по всему, именно поэтому англичане сделали ставку на смену

власти в Стокгольме, и этому как нельзя кстати способствовали вскрывшиеся в результате «дела Люксбурга» факты нарушения Швецией нейтралитета.

Госсекретарь США Роберт Лансинг 8 сентября опубликовал телеграммы Люксбурга, но, поскольку ни Лансинг, ни англичане не произвели никакой дипломатической подготовки к раскрытию информации, действуя весьма поспешно, правительства во всем мире узнали о телеграммах в первую очередь через сообщения прессы. Даже беглый взгляд на некоторые американские газеты позволяет понять, насколько шокирующей и неожиданной оказалась информация. Так, печать сообщала о предстоящем разрыве отношений между Швецией и США, некоторые газеты со ссылкой на военных обсуждали перспективы объявления войны Швеции и оккупации ее побережья [11, С. 1]. Проводились аналогии со знаменитой «телеграммой Циммермана» [12, С. 1], а некоторые даже сравнивали шведскую королеву Викторию, бывшую немецкой принцессой, с русской царицей Александрой Федоровной [13, С. 1], исходя из спекулятивного постулата о всемерной помощи последней делу победы германского оружия. Вера в строгое поддержание Швецией нейтралитета была подорвана [14, С. 473]. Впрочем, доставалось и германцам. Набоков отмечал, что выражение Люксбурга «spurlos versenkt» («топить без следа» – М. В.) стало ходячей фразой, «символом немецкого мирозерцания» [2, С. 137].

Опубликованные телеграммы, помимо совета потопить шедшие в Европу аргентинские суда, содержали также рекомендации отказа от готовившегося Аргентиной требования не торпедировать больше аргентинские корабли. Одновременно Люксбург советовал берлинскому правительству поддерживать дружественные отношения с Чили. Телеграммы были полны оскорбительных сентенций, которые не могли не повлечь последствий – как, например, заявление, что в Латинской Америке все люди на деле индейцы, «лишь под тонкой вуалью» (очевидно, культуры – М. В.) [15, С. 136].

Вследствие вскрывшихся фактов отношения Аргентины и Германии обострились. Аргентинская общественность негодовала и требовала объявления войны Германии, некоторые иностранные газеты писали о настоящих антигерманских погромах в Буэнос-Айресе [16, С. 1], но президент Иригойен предпочел сохранить нейтралитет, несмотря на то, что, как писала пресса, Германия фактически сама объявила войну латиноамериканским государствам [17, С. 4].

9 сентября информация об опубликовании телеграмм достигла Швеции и немедленно вызвала правительственный кризис. Заместитель министра иностранных дел Швеции Оскар Эверлеф, поддерживавший трогательную переписку со своей матерью, в одном из писем с горечью сообщал ей, что злоупотреблением шведской системой передачи немцы поставили шведов в положение одураченных [8, С. 297]. Министр иностранных дел Арвид Линдман признал свою ответственность и заявил о желании уйти в отставку [4, С. 36].

Правительство Сварца поспешило уладить возникший кризис, опубликовав 11 сентября официальное коммюнике, носившее оправдательный харак-

тер. Шведские власти стремились разделить ответственность за дипломатический инцидент между всеми его участниками, в том числе США и Великобританией [4, С. 37]. Это вызвало серьезное недовольство в Лондоне. Помимо предоставления британским газетам доказательств ложности шведского комюнике, англичане совершили официальный дипломатический протест в Стокгольме. Министр блокады лорд Роберт Сесил в беседе с «Associated Press» заявил, что шведская попытка объясниться полностью неудовлетворительна для Великобритании [18, С. 1]. В результате дипломатический инцидент перерос в настоящий международный скандал, который привел шведское правительство к полному поражению.

Сентябрьские выборы в риксдаг оказались провальными для правящих консерваторов. На первые места вышли социал-демократы, ставшие ведущей шведской партией и удерживавшие этот статус вплоть до 1932 г. [19, С. 476]. Было сформировано коалиционное правительство социал-демократов и либералов во главе с Нильсом Эденом. Министерство иностранных дел возглавил умеренный беспартийный Йоханнес Хеллнер, сторонник Антанты и скорейшего заключения англо-шведского торгового договора [14, С. 474]. Это назначение явно демонстрировало смену вектора шведской внешней политики.

Между тем в сентябре 1917 г. в связи с опубликованием новых германских телеграмм Люксбург был объявлен в Аргентине персоной нон-грата. Граф покинул столицу Аргентины, попытавшись укрыться на ранчо, но аргентинская полиция обнаружила его. Граф был арестован и интернирован на небольшом островке Мартина Гарсиа на реке Рио-де-ла-Плата. Так как в результате перенесенного перенапряжения здоровье графа оказалось серьезно подорвано, его поместили в местный гарнизонный госпиталь как страдающего психическим и нервным расстройством [20, С. 285]. Впрочем, вскоре ему было дозволено вернуться в Буэнос-Айрес. Но Люксбург вновь продемонстрировал своей неприятный характер, по прибытии в город разослав в представительства нейтральных стран сообщения о том, как с ним плохо обращались во время его кратковременного интернирования. Аргентинские власти вздохнули с облегчением, когда 9 мая 1918 г. Люксбург отплыл обратно в Европу [21, С. 201].

Было бы наивно полагать, что прогерманский нейтралитет Швеции ограничивался исключительно экономическим и дипломатическим сотрудничеством. В августе 1917 г., еще до опубликования телеграмм Люксбурга, некий выдающийся государственный деятель Антанты заявил сотруднику норвежской «Tidens Tegn» об имевшемся поводе к предположению, что шведский Генеральный Штаб в значительной мере работал совместно с германским. Во всяком случае, разведка в России производилась преимущественно финляндскими агентами, о которых не всегда можно было утверждать, что они для шведской разведки неизвестны [22, Л. 146]. Уже после войны германский посол в Стокгольме подтвердил, что Швеция предоставляла Германии разведданные практически по собственному желанию [23, С. 238]. Вряд ли какое-либо еще нейтральное государство оказывало Германии такие неопределимые услуги.

Опубликование телеграмм графа Люксбурга и возникший вследствие этого дипломатический инцидент вполне обоснованно можно назвать хорошо спланированной и вовремя осуществленной акцией Великобритании, действовавшей при этом чужими руками – посредством США. И хотя одна из основных целей этой акции – вовлечение Аргентины в войну против Германии, – не была достигнута, во многом благодаря непоколебимой приверженности нейтралитету президента Иригойена, вторая цель – низвержение прогерманского правительства Швеции, – была реализована. Новое шведское правительство Эдена оказалось довольно покладистым и не доставляло Антанте неприятностей. «Дело Люксбурга» окончательно исчерпало кредит доверия шведского общества консерваторам и вплоть до 1930-х они уступили ведущие позиции своим оппонентам.

Источники:

1. Звонарев К. К. Агентурная разведка. Киев: «Мария», 2015.
2. Набоков К. Д. Испытания дипломата. Стокгольм: Северные огни, 1921.
3. Dehne P. Britain's global war and Argentine neutrality // Hertog J., Kruizinga S. Caught in the Middle: neutrals, neutrality, and the First World War. Amsterdam: Aksant/Amsterdam University Press, 2011.
4. Koblik S. Wartime Diplomacy and the Democratization of Sweden in September-October 1917 // The Journal of Modern History. Vol. 41. 1969. № 1.
5. Sellers K. Chronicle of International Events // The American Journal of International Law. Vol. 12. 1918, № 1.
6. Зильбер И. Тайные средства борьбы. М.: Воениздат, 1948. URL: http://militera.lib.ru/memo/german/silber_jc/07.html (дата обращения 07.01.2023).
7. Tato M. I. Global moments, local impacts: Argentina at the critical juncture of 1917 // Revolutions and counter-revolutions: 1917 and its aftermaths from a global perspective. Frankfurt-on-Main: Campus-Verlag, 2017.
8. Mousson-Lestang J.-P. La politique étrangère de la Suède pendant la première guerre mondiale: l'affaire Luxburg (1917) d'après les documents suédois // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1973. № 2.
9. Gihl T. Den svenska utrikespolitikens historia. Vol. IV. 1914–1919. Stockholm: Norstedt, 1955.
10. Salmon P. Scandinavia and the great powers 1890–1940. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. URL: <https://www.staff.ncl.ac.uk/j.p.boulton/xread/Chap4c.htm> (дата обращения 07.01.2023).
11. Los Angeles Herald. 1917. 8 сент. № 267.
12. Santa Cruz Evening News. 1917. 8 сент. № 111.
13. Grand Forks Herald. 1917. 12 сент. № 218.
14. Scott F. D. Sweden, the nation's history. Carbondale, Edwardsville: Southern Illinois University Press, 1988.
15. Hill D. J. The Luxburg Secret Correspondence // The American Journal of International Law. Vol. 12. 1918, № 1.

16. San Bernardino Sun. 1917. 13 сент. № 11.
17. The Cornell Daily Sun. 1917. 21 дек. № 76.
18. New York Tribune. 1917. 15 сент. № 25.871.
19. Tingsten H. Issues in Swedish Foreign Policy // Foreign Affairs. Vol. 37. 1959. № 3.
20. Сатоу Э. Руководство по дипломатической практике. М.: Институт международных отношений, 1961.
21. Bisher J. The intelligence war in Latin America, 1914–1922. Jefferson: McFarland & Co Inc, 2016.
22. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 418. Оп. 1. Д. 4046
23. Лакман М. Финляндия и Швеция в политике Германии в войне против России в 1914–1918 гг. // Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. статей / отв. ред. И. Н. Новикова, А. Ю. Павлов, А. А. Малыгина. СПб.: СПбГУ, 2014.

M. S. Volintsev (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

THE LUXBURG AFFAIR AS A FACTOR OF INTERNATIONAL RELATIONS DURING THE FIRST WORLD WAR

The paper examines the diplomatic incident known as the Luxburg affair. The forcing of the crisis by Great Britain led to serious international consequences. Particular attention is paid to the impact that the Luxburg affair had on the internal political situation and foreign affairs of Sweden, whose government is known for its pro-German neutrality during the First World War.

Argentina, Sweden, Great Britain, Luxburg, the First World War, international relations, neutrality

УДК 070

Д. В. Вопсева (Белорусский государственный университет,
e-mail: dzyvopseva@mail.ru)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАКОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА

Статья посвящена некоторым аспектам дискурсивного мира информационного противоборства как сконструированной проективной реальности, которая объективируется совокупностью медиатекстов.

Социокультурная реальность, симуляризация реальности, иерархическая коммуникация, черные коммуникационные технологии, информационное противоборство, СМИ, медиаполе

Реальность как объект интерпретации впервые стала рассматриваться представителями перспективизма (Г. В. Лейбниц, В. Дильтей, Х. Ортега-и-Гасет и др.). Которые настаивают на том, что результаты познания действительности зависят от личной позиции познающего субъекта и предшествующего опыта. «Разумное мышление есть интерпретирование», – писал Ф. Ницше. Поэтому внешний мир открыт для бесконечного числа интерпретаций, ни одна из которых не может претендовать на оригинальность. В социокультурной системе «то, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы знаем благодаря масс-медиа» [1, С. 8]. И хотя подобное знание характеризуется как сомнительное, человек все-таки вынужден основываться на нем, исходить из него и принимать как аутентичное познание внешнего мира. Это объясняется достаточно просто: масс-медиа обладают монополией на формирование сознания массового получателя и навязывание социокультурного дискурса, так как являются основным источником получения информации о фактах внешнего мира. Обращая свое внимание на деятельность и роль СМИ в конструировании социокультурной реальности, П. Бурдье пришел к выводу, что массовые медиа, используя механизмы селекции, ранжирования и фокусирования актуальных запросов, предлагают адресату типологически обусловленные модели социокультурной реальности в виде сюжетов и проблем, считающихся наиболее важными в конкретный отрезок времени, и внедряют данный набор в сознание аудитории. Вместо цельной картины реципиент получает мозаику фактов, сконструированную по заранее продуманной схеме, которая впоследствии формирует представление о реальности, которая будет восприниматься массами как реальная реальность. «Фабрика смыслов» отбирает из множества фактов действительности только те, которые кажутся наиболее выгодными инициатору коммуникации для реализации либо стратегии героизации, либо стратегии демонизации. В книге «Симулякры и симуляции» Ж. Бодрийяр пишет о том, что бесконечный поток

разрозненной информации создает огромное количество симулякров, копий, и в конечном итоге уничтожает реальность, заменяя ее моделями реальности.

СМИ несут с собой качественно новую полноту реальности и симулируют реальность. Перспектива искажения или симуляции реальности обусловлена отстоящим во времени характером передачи сообщений аудитории по каналам связи с общественностью – это единственное средство оперативной актуализации знаний массового получателя. Наконец, рядом с информационными жанрами соседствуют аналитические и художественно-публицистические, позволяющие легитимно транслировать массам преломленные в фактах мнения. Можно заключить: не существует никакой другой реальности, кроме той, что транслируется по медиаканалам – идеологической, метафизической надстройки, «субъективной объективности». Этот вывод неоднозначен, однако трудно поспорить с тем, что кроме симулякра в виде СМИ никакой другой реальности для человека не существует.

СМИ – сервис политики. Это гарантируется действием правила рыночной экономики: владеть и управлять средствами массовой информации способны те, в чьих руках сосредоточены денежные средства. Благодаря чему информационный аппарат всегда готов к доминирующему участию в коммуникативном процессе, обусловленном задачами политического информирования. Трансформация СМИ в интенсивный коммуникативный поток вербальных и невербальных действий в заданной информационно-событийной системе координат открыла возможности для интерактивного доминирования канала передачи информации и его автора, за которыми стоит инициатор коммуникации. Поскольку опосредованный диалог, в котором реактивные реплики являются отсроченными в пространстве и времени, детерминировал потенциальный характер коммуникативной актуальности текста. Такая модель акцентуирует смещение коммуникативных процессов с цепочки «автор – текст» на цепочку «интенция – аудитория», где автор (условно) говорит, а массовый адресат совершает программируемое СМИ действие. Может ли такая коммуникация быть демократической? Едва ли. Централизация медиа как метод контроля над информацией задала перспективы установления иерархического типа взаимодействия с аудиторией.

Конспективно можно отметить его главные характеристики:

- 1) СМИ декларируются как государственные или президентские, где запрещена критика власти;
- 2) монологическая форма интерпретации реальности;
- 3) СМИ создают и транслируют идеологии, мифы, стереотипы, которые направлены на формирование картины мира в рамках оппозиции «свой/чужой»;
- 4) фильтрами в распространении информации выступают «лидеры мнений»;
- 5) технологическим обеспечением коммуникации являются «черные» коммуникационные технологии: пропаганда, психологическое принуждение, информационное насилие, основу которых составляет манипулирование сознанием. Репрессивная коммуникация должна тщательно скрываться от воспринимающего субъекта. Потому создаются иллюзии нейтралитета СМИ в подаче новостей

и видимости информационного выбора. Легко поверить, что то или иное государство, располагающее сотнями электронных, печатных, аудиовизуальных и сетевых изданий, на территории которого функционирует спектр информационных агентств и медиаконгломератов, должно обеспечить массам разнообразие мнений. На практике информационные монополии ограничивают информационный выбор, настойчиво предлагая одну версию действительности. Еще О. Шпенглер в бестселлере XX века «Закат Европы» написал: «В ближайшем будущем три или четыре <...> газеты будут направлять мысли провинциальных газет и с их помощью – “волю народа”. Все будет решаться небольшим количеством людей, контролирующим эти газеты, <...> огромная масса политиков второго ранга, риториков и трибунов, депутатов и журналистов, представителей провинциальных горизонтов будет поддерживать в низших прослойках общества иллюзию народного самоопределения» [2, С. 474]. Мобилизация общественного мнения – неизбежный королларий управления массами. Что особенно актуально в организованный период информационного противоборства.

Информационное противоборство – комплекс массовых коммуникативных практик, целью которых является психологическое воздействие на широкую общественность на этапе обострения политических противоречий между сторонами конфликта. По сути, это сервисная функция традиционной войны. Инструментом ведения которой являются информационные сообщения на основе эффектов, распространяемые по каналам СМИ, задача которых – подорвать цели, взгляды и мировоззрения общественности и разрушить социум. В главном технология ведения войны нового типа опирается на следующие идеи: 1) апелляция к эмоциям; 2) повторение нескольких идей, используя стереотипы и мифы; 3) концентрация внимания на одной стороне аргументации; 4) постоянная критика «чужих»; 5) выделение одного субъекта для персонального поношения.

Информационное противоборство может одномоментно идти по нескольким фронтам: внутри медиапространства государства и на международной арене. Понятно, что в период геополитической конфронтации исполнители власти не могут допустить существования двух конфликтующих картин мира внутри одного информационно-коммуникативного пространства – это противоречит поставленным перед СМИ задачам информационного противоборства: подрыв авторитета государственных органов среди населения; инспирация конфликтов внутри общества; дискредитация международного авторитета государства и его лидера; создание атмосферы бездуховности и аморальности по отношению к действиям противника; генерирование политической напряженности или хаоса; инициирование забастовок, протестных акций и массовых беспорядков; подрыв политических отношений между движениями, объединениями или партиями; разжигание национальной вражды; деморализация облика противника; создание негативного отношения к культурному наследию неприятеля; провокация репрессий против власти и призывов к гражданской войне; способствование социальным, политическим, национальным и религиозным столкновениям; дестабилизация стратегически важных систем оппонента; снижение уровня информационного

обеспечения народных масс; инспирирование ошибочных управленческих решений; формирование симпатии к действующей власти; убеждение общественности в правильности проводимой ею политики [3]. В глазах общества не должно быть сомнений в вопросе о том, кого «ненавидеть». В силу того, что разобщенность несет в себе опасность, контроль сферы производства информации необходим для защиты своих позиций и ведения атак на недружественные государства.

Универсальным инструментом информационного противоборства является миф. Это «система социальных убеждений, включающих в себя устойчивые представления об идеальном типе власти в рамках конкретного общественного устройства» [4]. Как средство односторонней идеологической интерпретации реальности, миф задает структуру построения социокультурного пространства и участвует в организации коммуникации. Доминируя в общественной сфере, он способствует единению нации и вместе с тем мешает людям свободно составлять свое мнения, деформируя плюрализм. Деструктивное мифологическое слагаемое взаимодействия с аудиторией эффективно, потому что действует на уровне, который слабо может опровергаться общественностью.

Наличие реального или мифологического врага – дискурсивное условие ведения информационного противоборства. А объединение общества вокруг лидера – позитивный эффект существования «чужого». И чем он сильнее, тем больше будет социальная поддержка центральной фигуры. У врага как феномена есть любопытная особенность: он всегда приходит из прошлого. И поэтому является эффективным инструментом воздействия на психологические мишени, активизирующие страх.

Главный вывод состоит в том, что интеллектуальная пассивность широких масс становится сверхзадачей ведения информационного противоборства по медиаканалам, поскольку инертность общества гарантирует сохранение статуса-кво в период завоевания, сохранения и удержания власти. Успех поставленной перед средствами массовой информации цели зависит от умелого пользования средствами проводимой коммуникативной кампании при подходящих условиях. В результате чего формируется неопределенное множество социокультурных реальностей.

Источники:

1. Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
2. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Юрайт, 2022. 238 С.
3. Molander I., Roger C. Strategic Information warfare rising. USA: National Defense Research Institute, 1998.
4. Everett Rogers M. A History of Communication Study. USA: Free Press, 1997.

D. V. Vopseva (Belarussian State University)

***SOCIOCULTURAL ASPECTS OF THE MODERN MEDIA
COMMUNICATION SPACE***

The article is devoted to some aspects of the discursive world of information warfare as a constructed projective reality objectified a set of media texts.

Sociocultural reality, simulacrization of reality, hierarchical communication, repression technology of communication, information warfare, mass media, media space

УДК 009

Д. А. Воробьева (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: dari4-spb@yandex.ru)

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА В КОММУНИКАЦИЯХ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

В статье изучена экологическая повестка в коммуникациях металлургических предприятий на примере ООО «ЕВРАЗ», ООО УК «Промышленно-металлургический холдинг» (ПМХ) и ПАО «Северсталь». Исследованы содержание и частотность публикаций на экологическую тематику в публичных коммуникациях. Выявлена актуальная экологическая проблематика в деятельности металлургических предприятий, проанализированы репутационные возможности и угрозы развития холдингов металлургической отрасли.

Экологическая культура, коммуникации, связи с общественностью, охрана окружающей среды, концепция ESG

В начале 21 века значительно усилилось внимание международного сообщества и бизнеса относительно экологической проблематики. Наиболее популярной тенденцией является концепция ESG, которая задает цели устойчивого развития. Данная тема активно обсуждается в бизнес-сообществе в том числе в рамках международных мероприятий. Указанная концепция и ее применение обсуждались на Петербургском международном экономическом форуме 2022 года [1]. В российских условиях осуществление данной концепции может способствовать решению ряда важных проблем, среди которых охрана окружающей среды (ООС) и повышение экологичности промышленных производств.

Металлургия входит в список отраслей, которые наносят серьезный вред экологии, в этой связи переосмысление бизнеса и налаживание коммуникаций с местным сообществом становятся первоочередными задачами. Изучение практик экологической коммуникации металлургических предприятий представляется крайне актуальным, поскольку такие холдинги являются крупными работодателями в регионах России. Создание и поддержание эффективной коммуникации с общественностью является очевидно важной необходимостью для достижения целей устойчивого развития и наращивания благоприятного корпоративного публичного капитала.

Концепция ESG включает в себя комплекс идей, но поскольку фактор ООС был первоначальным, целесообразно исследовать прежде всего этот аспект в коммуникационной повестке металлургических предприятий. Для анализа были выбраны 3 холдинга из данной производственной сферы: ООО «ЕВРАЗ», ООО УК «ПМХ» и ПАО «Северсталь». В ходе исследования использовались методы наблюдения, сравнения и описания.

В современном виде ESG-принципы впервые сформулировал бывший генеральный секретарь ООН Кофи Аннан [2]. Он предложил включить экологические принципы в стратегии развития корпораций, в первую очередь для борьбы с изменением климата. Исследователи выдвинули следующее понимание предложенной экологической повестки: «Концепция ESG, известная как экологическая, социальная и управленческая теория, является своего рода альтернативным теоретическим концептом, который преследует цель принудить коммерческие корпорации включить в свою деятельность решение социально значимых проблем, что фактически опровергало бы принцип безраздельности доминирования исключительно корпоративных интересов получения прибыли, повышения доходности в интересах своих акционеров» [3, С. 50].

Наличие экологической повестки в деятельности организаций активно обсуждается исследователями. Ряд авторов рассматривают вопрос экологии в рамках экологического маркетинга, однако не существует общепринятого определения экологического маркетинга. К экологическому маркетингу относят такие направления деятельности компании как экологическая политика, экологическая ответственность бизнеса, открытость фирмы и прозрачность производственного процесса, экологическая маркировка [4]. Другие специалисты относят экологический маркетинг к инструментам экологического менеджмента [5]. Можно сделать вывод о том, что в целом вопросы экологии оказывают влияние на деятельность предприятий. Однако, как отмечает Е. В. Иванова, для успешной реализации определенного экологического проекта начать следует с формирования соответствующего экологического сознания общества, следовательно, экологическое образование и повышение уровня экологической культуры на всех уровнях общего образования должно стать неотъемлемой частью экологической политики государства [6]. В связи с повышением в обществе уровня экологических потребностей инвесторы уделяют все больше внимания аспекту охраны окружающей среды. Наличие экологической повестки в коммуникациях компаний становится крайне необходимым.

Актуализация экологической повестки в коммуникациях металлургических производств приобрела большое значение в связи с широким распространением идей ESG. Потребители, сотрудники и инвесторы в большей мере ориентируются на компании, которые уделяют внимание проблемам окружающей среды и находятся в постоянном поиске способов снизить вред, наносимый природе. И. П. Довбий и Л. Н. Коврижкина в своем исследовании утверждают, что цели устойчивого развития и ESG-принципы напрямую отражают запрос общества на повышение социальной ответственности бизнеса [7]. Основным фактором экологизации бизнеса является необходимость поддержания положительного имиджа в глазах потребителей, акционеров и инвесторов, а также формирование позитивной корпоративной репутации. В своем исследовании Е. В. Смирнова отмечает: «Способность эффективно решать экологические проблемы влияет не только на доверие потребителей компании, но и на их лояльность» [8].

У всех рассматриваемых металлургических предприятий на официальных сайтах есть рубрики, посвященные экологии и темам охраны окружающей среды. Представлена политика компаний в сфере экологии, проекты, осуществляемые в рамках этой политики, а также показатели и отчеты о проделанной работе. Таким образом экологическая повестка в деятельности промышленных предприятий отражена в коммуникационных практиках.

В ходе исследования было проведено сравнение количества публикаций каждого предприятия на экологическую повестку на платформе Telegram. Поскольку компании дублируют свои публикации в разных медиа, показатели данного канала можно считать вполне валидными. За период с мая по октябрь 2022 года ООО «ЕВРАЗ» сделал 24 публикации на экологическую тематику, ООО УК «ПМХ» – 3 публикации и ПАО «Северсталь» – 9 публикаций. Исходя из этих данных, можно утверждать, что вопросы экологии и ООС освещаются всеми предприятиями в рамках коммуникационной стратегии, однако количество публикаций субъектами PR значительно отличается. Очевидным лидером по публикациям является ООО «ЕВРАЗ».

В рамках исследования был проведен поиск аспектов коммуникации, которые вызывают наибольшее непонимание или негативное восприятие со стороны СМИ. Такие моменты требуют особого внимания и детальной проработки, так как могут нанести репутационный ущерб компании.

В упоминаниях экологической деятельности ООО «ЕВРАЗ» в СМИ можно выделить следующие проблемы:

- сомнения в возможности предприятия выполнить свои проекты и обещания в назначенный срок [9];

- претензии предприятию в преувеличении своих достижений в сфере экологии, использовании «поверхностных фактов», сокрытии статистики снижения выбросов за время реализации проектов. Также в негативном ключе был воспринят отказ представителей предприятия комментировать ряд волнующих общественность вопросов (отсутствие санитарной зоны, аварийные выбросы и частое превышение сероводорода) [10].

В публикациях СМИ о ООО УК «ПМХ» были выявлены следующие коммуникационные проблемы:

- недоверие к деятельности предприятия в сфере охраны окружающей среды, недовольство отказом пресс-службы предоставить данные мониторинга атмосферного воздуха, претензии в использовании общих рассуждений в ответах на конкретные запросы СМИ [11];

- претензии в связи с отказами отвечать на жалобы местных жителей на состояние экологии в районах расположения производств [12].

Негативные публикации в СМИ о деятельности ПАО «Северсталь» сосредоточены на сомнениях в эффективности экологических проектов компании, их реальной возможности улучшить экологическую обстановку в регионах промышленной деятельности предприятия [13].

На примере деятельности данных корпораций можно отметить, что проблемы недоверия к деятельности по защите экологии заключаются в отказах предоставлять конкретные данные мониторингов и результатов эко-проектов. Эти аспекты являются наиболее значимыми и не проработанными с точки зрения коммуникационной стратегии в связи чем вызывают негативный отклик в СМИ. В изученных публикациях отмечается недостаток конкретных данных и четких показателей, которые в ситуации их большей определенности могли бы сделать сообщения предприятий более достоверными и надежными в глазах общественности. Также важно отметить, что низкий уровень взаимодействия пресс-служб со СМИ и отказы комментировать возникающие вопросы, в том числе жалобы местных жителей, негативно влияют на имидж предприятий.

Таким образом, в ходе проведенного исследования установлено, что экологическая повестка имеет место в коммуникациях металлургических предприятий, но степень ее освещения в медиа сильно дифференцируется. В целом корпорации уделяют внимание развитию экологической политики и эко-проектов, но при этом в публичном пространстве существует ряд экологических вопросов, которые требуют внимания и проработки со стороны пресс-служб предприятий во избежание возникновения конфликтных ситуаций и негативной повестки. Среди наиболее выраженных проблем: высокий уровень недоверия к деятельности предприятий по охране окружающей среды, недовольство отсутствием данных мониторинга состояния экологии и результатов работы по снижению вредного воздействия на природу. Также значительным упущением коммуникационной работы металлургических предприятий является отсутствие реакции со стороны пресс-служб производств и их готовности идти на диалог с общественностью и журналистами.

Для более эффективной коммуникационной деятельности с точки зрения защиты окружающей среды металлургическим предприятиям необходимо уточнить и усилить коммуникационные стратегии с целью предотвращения негативных последствий для имиджа организаций и снижения уровня конфликтности коммуникаций с жителями соответствующих регионов.

Источники:

1. Петербургский международный экономический форум: офиц. сайт. URL: <https://forumspb.com/news/news/model-privlechenija-investitsij-fokus-na-esg/> (дата обращения: 29.11.2022).
2. The United Nations. URL: <https://press.un.org/en/2006/sg2111.doc.htm> (дата обращения: 29.11.2022).
3. Перская В. В., Огрызов А. А., Зверева А. Д. Стратегии ESG и социализация деятельности компаний в современных условиях (зарубежный опыт) // Социально-трудовые исследования. 2022. 48 (3). С. 46–55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-esg-i-sotsializatsiya-deyatelnosti-kompaniy-v-sovremennyh-usloviyah-zarubezhnyy-opyt> (дата обращения: 04.12.2022).

4. Галечьян Н. В чем выгода экологически благополучного имиджа компании // Корпоративная имиджология. 2008. № 02 (03). URL: http://www.ci-journal.ru/article/103/200802eco_marketing (дата обращения: 29.11.2022).
5. Хачатуров А. Е. Экологический маркетинг / А. Е. Хачатуров, Т. В. Гусева, И. И. Кретов, Г. С. Панин // Маркетинг в России и за рубежом. 2000. № 4. С. 30–37.
6. Иванова Е. В. Метафорическое моделирование экологической политики в СМИ (на примере экологической политики Германии) // Коммуникативные исследования. 2017. № 4 (14). С. 106–116. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskoe-modelirovanie-ekologicheskoy-politiki-v-smi-na-primere-ekologicheskoy-politiki-germanii> (дата обращения: 02.12.2022).
7. Довбий И. П., Коврижкина Л. Н. Социальная ответственность бизнеса в контексте ESG-трансформации // Управление в современных системах. 2022. №2 (34). С. 20–32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-otvetstvennost-biznesa-v-kontekste-esg-transformatsii> (дата обращения: 17.11.2022).
8. Смирнова Е. В. Экологический маркетинг // Практический маркетинг. 2010. №4. С. 9–14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskii-marketing> (дата обращения: 07.10.2022).
9. Tagilcity.ru: Обещания ЕВРАЗ и невиновность золотодобытчиков. Главные экособытия недели в Тагиле. URL: <https://tagilcity.ru/news/2022-10-31/obeschaniya-evraza-i-nevinovnost-zolotodobytchikov-glavnye-ekosobytiya-nedeli-v-tagile-2410790> (дата обращения: 29.11.2022).
10. Tagilcity.ru: ЕВРАЗ признал проблему грязного воздуха в Нижнем Тагиле. URL: <https://tagilcity.ru/news/2022-04-14/evraz-priznal-problemu-gryaznogo-vozduha-v-nizhnem-tagile-264001> (дата обращения: 29.11.2022).
11. Vashgorod.ru: Фабрика по производству облаков, или Сернистый ангидрит на головы кемеровчан. URL: <https://vashgorod.ru/post1508821> (дата обращения: 29.11.2022).
12. Vashgorod.ru: После публикации ВашГород ЦОФ «Березовская» проверят на соблюдение экологического законодательства. URL: <https://vashgorod.ru/post1603507> (дата обращения: 29.11.2022).
13. Информационное агентство «АК&М»: Больше 90% вредных выбросов в Череповце приходится на «Северсталь». URL: https://www.akm.ru/press/bolshe_90_vrednykh_vybrosov_v_cherepovtse_prikhodit_sya_na_severstal/?sphrase_id=78299 (дата обращения: 29.11.2022).

D. A. Vorobeva (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

***ENVIRONMENTAL AGENDA IN COMMUNICATIONS OF
METALLURGICAL ENTERPRISES***

The article examines the environmental agenda in the communications of metallurgical enterprises on the example of EVRAZ plc, Industrial Metallurgical Holding (IMH) and PAO «Severstal». The content and frequency of publications on environmental topics in public communications are investigated. The current environmental issues in the activities of metallurgical enterprises are identified, reputational opportunities and threats to the development of metallurgical industry holdings are analyzed.

Environmental culture, communications, public relations, environmental protection, ESG concept

УДК 316.77:659

В. Н. Гаркуша (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: vngarkusha3@gmail.com)

ЦИФРОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ, ЦИФРОВОЕ МЫШЛЕНИЕ И ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА

В статье рассматривается современное развитие понятий цифровая цивилизация, цифровое мышление и цифровая культура личности. Описываются компоненты цифровой культуры личности: онтологический, информационный и коммуникационно-этический. Представлены проблемы и вопросы правильного понимания онтологической сущности цифрового мира и себя в нем, культуры обращения с информацией, циркулирующей в цифровом пространстве и культуры сетевого общения.

Цифровая цивилизация, цифровое общество, цифровое мышление, цифровая культура личности, цифровое образование, искусственный интеллект, виртуальная и дополненная реальности, био- и нейротехнологии

В настоящее время в образовательной среде продолжается активное обсуждение понятий цифровая цивилизация, цифровое общество, цифровое мышление, цифровая культура личности и цифровое образование. Протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 25 октября 2016 года № 9 утвержден паспорт приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации». Включение приоритетного проекта по созданию цифровой образовательной среды в портфель Правительства Российской Федерации демонстрирует важность задач по развитию новых образовательных технологий [1].

Цифровая цивилизация, информационное общество – создание глобального информационного пространства, обеспечивающего эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам, удовлетворение их потребностей в информационных продуктах и услугах. Развитие электронной демократии, информационной экономики, электронного государства, электронного правительства, цифровых рынков, электронных социальных и хозяйствующих сетей [2].

К числу новейших информационных технологий можно отнести в числе прочего искусственный интеллект, био- и нейротехнологии, виртуальную и дополненную реальность [3]. Уже перечисленного достаточно, чтобы понять, насколько проблематичным и рискованным для личности является ее пребывание в такой среде.

Цифровая культура личности интегрирует в своем составе три компонента: онтологический, информационный и коммуникационно-этический. Онтологический компонент предполагает правильное понимание онтологической сущности цифрового мира и себя в нем, информационный компонент предполагает культуру обращения с информацией, циркулирующей в цифровом пространстве. Коммуникационно-этический компонент подразумевает культуру сетевого общения, ориентацию его на консолидацию социальных групп.

Онтологический компонент цифровой культуры обеспечивает человеку определенную точку опоры, сохраняет его целостность как личности, его реальную социокультурную идентичность. Наличие этого компонента не дает человеку забыть, что подлинная реальность находится за пределами цифрового мира, в котором он пребывает в настоящий момент. Это осознание накладывает определенные обязательства на личность, связанные с реализацией своей ответственности перед другими людьми и обществом в целом, возможной только в пространстве реальной жизни. Цифровые технологии для этого могут использоваться только инструментально.

Понимание человеком иллюзорности цифрового мира предотвращает обострение межличностных и межгрупповых конфликтов, неизбежных в ситуации радикализации взглядов. Дело в том, что современные технологии таргетирования позволяют выдавать пользователю именно ту информацию, которую он ожидает и на которую настроен, лишая его возможности знакомиться с другими взглядами и позициями, обеспечивающими человеку расширение картины мира. Человек, обладающий цифровой культурой, понимает, что реальность, которую он познает в цифровом мире – это всего лишь реальность медиа.

Понятие информационного компонента цифровой культуры личности, который, обеспечивает возможность максимально эффективного обращения с информацией, содержит несколько аспектов. Во-первых, это аспект поиска и фильтрации информации. Проблема здесь заключается не столько в реальной трудоемкости этих видов интеллектуальной деятельности, сколько в иллюзорности их простоты. Казалось бы, с помощью ключевых слов и интеллектуального алгоритма можно с легкостью найти и систематизировать интересующую человека информацию. Однако это справедливо лишь применительно лишь к поверхностному слою информации, такие чисто формальные методы поиска и фильтрации часто оставляет незамеченным то, что могло быть найдено путем поиска, не сфокусированного на четко сформулированную тему или проблему, путем «бокового» мышления, фиксирующего периферийные аспекты проблемы, путем ассоциативного метафорического мышления.

Человек, обладающий цифровой культурой, в идеале, используя все возможности и преимущества интеллектуального алгоритма, рассматривает его лишь как начальную ступень поиска необходимой информации. Это, впрочем, не означает, что на дальнейших ступенях не могут быть задействованы возможности цифровых технологий, принципиальным здесь является использование арсенала собственных интеллектуально-творческих возможностей. Еще

одним важным моментом является все более актуальный вопрос аутентичности и верифицированности найденной информации. Чем быстрее идет информационное расширение сети, тем труднее становится в ней отличить истину от лжи. В контексте рассуждений о цифровой культуре можно сказать, что данная проблема решается наличием развитого критического мышления и высоким культурно-образовательным уровнем человека, входящего в цифровое пространство. Низкий уровень образования и культуры чреват возникновением своеобразного «интеллектуального филистерства», когда человек, игнорируя вопросы аутентичности и респектабельности источника и пребывая в иллюзии осведомленности, полагает возможным публично рассуждать о чем угодно.

Следующим важным аспектом обращения с информацией является ее интерпретация и оценка. Важность наличия интерпретационной способности у человека, находящегося в цифровом пространстве, обусловлена своеобразием интернет-дискурса. Часто интерпретация оказывается уже заложенной в сообщение, делая для человека ненужной его личную интерпретационную деятельность, что ведет к угасанию соответствующей способности, сохранить которую необходимо в статусе важного компонента цифровой культуры личности.

Коммуникационно-этический компонент цифровой культуры личности связан с культурой сетевого общения. Цифровое пространство, раскрывая перед человеком поистине безграничные возможности коммуникации, ослабляет действительные человеческие связи. Такое растворение в сети ведет к резкому ослаблению ответственности за свои слова или видеосообщения, которые в виртуальном пространстве воспринимаются как поступки. Особенно острой эта проблема становится в условия межгруппового и межкультурного противостояния, которое в современном мире имеет тенденцию к наращиванию.

Стремительное умножение количества коммуникационных актов происходит за счет выхолащивания их содержания и смыслов, сетевая коммуникация все более сводится к самопрезентации и эмоциональных выплесков, которые выступают инструментами демонстрации своей позиции по какому-либо вопросу, независимо от того является ли он вопросом политических решений или прав трансгендеров. В такой ситуации необходимы внутрличностные факторы, позволяющие сдерживать человека от участия в избыточной коммуникации. Поэтому важными составляющими цифровой культуры как одного из таких факторов, по нашему мнению, должны стать ценностные и волевые качества личности, определяющие моральную необходимость в каждом конкретном случае войти в коммуникацию или воздержаться от нее.

После рассмотрения компонентов цифровой культуры личности, необходимо определиться с тем, что может выступить в качестве показателя их наличия или отсутствия в структуре личности.

Таким показателем в первую очередь является осознание человеком тех рисков, онтологического, информационного и коммуникационно-этического характера, которые сопровождают его пребывание в цифровом пространстве.

Серьезное отношение человека к указанным возможным рискам, как можно предположить, определяет модели его поведения.

Показателем осознания риска смешения подлинной и иллюзорной реальности виртуального мира может служить, во-первых, понимание ценностей этого мира как инструментальных, а не терминальных. Во-вторых, таким показателем будет являться понимание разницы в уровнях ответственности человека, находящегося в реальном или, с другой стороны, в цифровом пространстве. В-третьих, показателем будет понимание существующей в сети опасности сужения картины мира и радикализации взглядов. В аспекте эмпирического исследования вопрос об идентичности видится одним из самых сложных в силу сложности самого проблемного поля понятий «идентичность» и «гибридная идентичность». Возможно, показателем в этом случае будет представление человека о том, какая из его онлайн или офф-лайн ролей дает ему ощущение наибольшей полноты личностного самовыражения.

В плане отслеживания информационного компонента цифровой культуры личности показателями могут служить, во-первых, признание достаточной проблематичности серьезного поиска правдивой аутентичной информации в интернете, несмотря на помощь интеллектуальных алгоритмов; во-вторых, понимание опасности манипулирования интерпретациями; в-третьих, понимание необходимости использования объективных этических и эстетических критериев при вхождении в цифровое пространство.

С точки зрения отслеживания коммуникативно-этического компонента показателями, как представляется, будут служить, во-первых, способность человека давать самому себе отчет в своих мотивах вступать в интернет-коммуникацию; во-вторых, способность воздерживаться от интернет-коммуникации, в том числе и от своего творческого самовыражения в сети; в-третьих, признание ценности консолидирующего эффекта коммуникации в цифровом пространстве.

Стремительно распространяющаяся цифровая реальность неумолимо ставит перед человеком новые глобальные мировоззренческие проблемы, напрямую связанные с вопросом самого существования человека как разумного существа. Как представляется, именно эта повестка, а не либерально-этическая, не расовая и даже не экологическая является на сегодняшний день наиболее актуальной, поскольку касается вопроса самой природы человека, его онтологического статуса *homo sapiens*, а также вытекающего из этого вопроса о судьбе общества в целом.

Одним из социально-психологических инструментов, способных воспрепятствовать этим опасным социально-психологическим процессам, является, цифровая культура личности, проявляющаяся в ситуациях многообразной деятельности человека в цифровом пространстве.

Источники:

1. Официальный сайт Министерства просвещения Российской Федерации
URL: edu.gov.ru.
2. Осипов Г. В. Становление информационного общества в России и за рубежом. СПб.: Норма, 2018
3. Бруссард Мередит. Искусственный интеллект: Пределы возможного. Альпина нон-фикшн, 2020.

V. N. Garkusha (Saint Petersburg electrotechnical university «LETI»)

DIGITAL CIVILIZATION, DIGITAL THINKING AND DIGITAL CULTURE

The article deals with the modern development of the concepts of digital civilization, digital thinking and digital culture of the individual. The components of the digital culture of the individual are described: ontological, informational and communication-ethical. The problems and issues of correct understanding of the ontological essence of the digital world and oneself in it, the culture of handling information circulating in the digital space and the culture of network communication are presented.

Digital civilization, digital society, digital thinking, digital culture of the individual, digital education, artificial intelligence, virtual and augmented reality, bio- and neurotechnologies

УДК 316.4

В. А. Глухих (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет ЛЭТИ, e-mail: vladimirglu@mail.ru);

С. М. Елисеев (Университет при МПА ЕвразЭС, e-mail: Eliseevprof@gmail.com);

Н. П. Кирсанова (Университет при МПА ЕвразЭС, e-mail: kirsanovan@mail.ru)

СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Одной из основных целей высшего образования всегда была подготовка специалистов, способных решать профессиональные задачи в инновационном режиме. Сегодняшний мир с его неопределенностью как основной характеристикой, часто описывают термином VUCA (от англ. «волатильность», «неопределенность», «сложность» и «амбивалентность/неясность»). Однако, стремительно меняющаяся реальность показывает, что этой модели на смену идет следующая – BANI («хрупкий», «беспокойный», «нелинейный» и «непостижимый»). В условиях неопределенности и изменчивости меняются и подходы к образовательным стратегиям. Статья посвящена различным аспектам интеллектуального формирования нового поколения учащихся, которые должны подготовить их к жизни и карьере в современном мире.

Стратегии образования, образовательная парадигма, VUCA-среда, BANI-мир, цифровизация, образовательные навыки, компетенции

До 1980х годов мы все жили в спокойном предсказуемом мире, а все происходящее вокруг во многом формировалось под влиянием холодной войны. Это был мир модели SPOD (steady – устойчивый; predictable – предсказуемый; ordinary – простой; definite – определенный). Эта модель была понятна и прогнозируема, хотя ее применение и вызывало вопросы в виду неравномерного распределения ресурсов и человеческого развития. Модель SPOD характеризовала старый предсказуемый мир, существовавший до массового распространения вычислительной техники и интернета, но эта эпоха завершилась, когда технологии стали развиваться быстрее смены одного поколения. Мир стал сложнее.

Модель SPOD сменилась VUCA (англ. volatility – изменчивость; uncertainty – неопределенность; complexity – сложность; ambiguity – неоднозначность). Сам термин был придуман в армии США в конце 1980-х. И, как это часто бывает, термин от военных разошелся в массы. Он стал использоваться повсеместно, в частности, и в образовании.

Концепция волатильности, неопределенности, сложности и неоднозначности (VUCA) была популяризирована Военным колледжем армии США, в учебной программе которого эта тема присутствует с 1987 года. VUCA прони-

кает во все сферы жизни «цифровых аборигенов» [1]. Б. Йохансен [2] определил VUCA как очевидную концептуальную основу жизни и рабочих пространств XXI века. По мнению автора, VUCA определяет ситуацию, полную нестабильности и непредсказуемости, ведущую к чувству неуверенности, потере мотивации, снижению творческого потенциала, подрыву доверия и параличу принятия решений.

VUCA также описывает уникальные особенности все более взаимосвязанного мира, который сталкивается с обостряющимися экологическими условиями, серьезными экономическими проблемами, неравномерным распределением богатства и геополитическими кризисами. С глобализацией информация приобрела универсальный характер, сделав ее практически доступной для любого человека, в любом месте и в любое время. Цифровизация изменила жизнь и рабочее пространство «цифровых аборигенов», все больше дополняя их когнитивные навыки и делая их собственные мыслительные процессы частично избыточными. Таким образом, как глобализация, так и цифровизация стали катализаторами наступления века информации, что привело к появлению VUCA.

Цифровые уроженцы обречены быть креативными, выходящими за рамки досягаемости умных машин, развивая свои уникальные ключевые компетенции в восприятии и мышлении, чтобы сохранить свою актуальность в жизни и карьере. Как считают Б. Йохансен и Дж. Юхнер, цифровые аборигены должны превратить вызовы VUCA в возможности VUCA. Образование нового поколения должно сделать цифровых уроженцев пригодными к VUCA.

Восприятие парадигмы VUCA помогло, в частности, компаниям позиционировать себя во все более неопределенной среде, разрабатывать гибкие стратегии, новые бизнес-модели, лучше понимать своих клиентов и конкурентов. В 2007 году появилась модель VUCA Prime, а в 2008 году, когда глобальный финансовый кризис ознаменовался банкротством Lehman Brothers, концепция VUCA приобрела признание как способствующая принятию обоснованных решений в дестабилизирующей обстановке.

Сама образовательная парадигма должна быть полностью пересмотрена, для того чтобы подготовить новые поколения для успешной работы в постоянно меняющихся условиях. Стремительно сократилось время реакции на одни и те же события, на первое место теперь выходит скорость принятия решений. Весь мир, включая социальные институты и систему образования, в частности, вынуждены подстраиваться под новые условия. И пандемия 2020-2021 гг как нельзя более четко и ясно показала, что мир никогда не будет прежним. Старые схемы и модели больше не работают в современных условиях. Мир усложнился. Мы понимаем, что завтрашние выпускники ВУЗов столкнутся с еще большей неопределенностью и волатильностью мира. Основным вопросом остается вопрос: чему и как учить будущих профессионалов? Какие компетенции будут востребованы через 3, 5, 10 лет? В связи с этим концепция «Lifelong learning» («образование длиною в жизнь») становится все более актуальной и приобретает новые смыслы в данном контексте. Но тут возникает

вопрос: а готовы ли мы сами учиться всю жизнь? И, самое главное, а что такое это новое, то, чему мы должны учиться?

Казалось бы, с достижениями технологического прогресса наша жизнь становится проще, приобретает комфорт и блага, мы получаем условия для более легкого и беззаботного существования, но возникает масса вопросов, связанных с тем, как именно применять эти технологические новации в новой социальной действительности?

Однако, и модель VUCA на сегодняшний день уже не описывает все реалии современного мира. Эта концепция доминировала в мире бизнеса в течение последних 20 лет. Она была полезна для описания времени, в котором мы живем до сих пор, и, в частности, помогла нам понять первые социальные последствия пандемии. Однако сейчас она начинает все больше устаревать из-за скорости перемен, которые мы все переживаем. Идею о том, что описание мира как VUCA, на которое многие привыкли ориентироваться в последние годы, больше не работает, высказал футуролог Джамаис Кашио [3] (Jamaïs Cascio). Взамен он предложил концепцию BANI: акроним для описания новой реальности (brittle – хрупкий, anxious – беспокойный, тревожный, nonlinear – нелинейный и incomprehensible – непостижимый). В таком мире разрыв между уровнем подготовки выпускников и потребностями бизнеса постоянно растет.

По мнению Дж.Кашио, инструменты концепции VUCA не помогают нам понять, что произойдет. Мы оказались в том мире, в котором условия не просто нестабильны, они хаотичны. Мире, в котором результаты не просто трудно предвидеть, они совершенно непредсказуемы.

Модель VUCA описывает существующую реальность. Дж.Кашио предлагает концепцию для понимания будущего – BANI.

«Пандемия и крупнейший за последние десятилетия кризис здравоохранения еще раз все перемешали, породив новые чувства, которые снова дестабилизируют людей. Именно здесь на помощь приходит концепция BANI» [4].

Впервые концепция BANI была представлена Дж. Кашио в конце января 2018 г. в рамках масштабного выступления о глобальном хаосе на большой встрече Института будущего [3].

А первая статья о мире BANI «Перед лицом эпохи хаоса» была опубликована в апреле 2020 года на профиле Дж. Кашио Medium [3]. Дж. Кашио подводит итог трансформации, изменившей историю человечества, и показывает, что для ее понимания мы должны выйти за рамки концепции VUCA.

BANI – это способ лучше понять и отреагировать на текущее состояние мира. Некоторые из изменений, происходящих с нашей политикой, окружающей средой, обществом и технологиями, нам знакомы – возможно, по-своему стрессовые, но такие, которые мы уже видели и с которыми уже сталкивались. Но многие из происходящих сейчас потрясений не знакомы, они удивляют и полностью дезориентируют. Они проявляются таким образом, что не просто усиливают стресс, который мы испытываем, а умножают его.

Brittle – в перев. с англ. «хрупкий», значит хрупкий, ломающийся, но при этом кажущийся прочным. Это относится к тому, что не так прочно, как кажется. Это «иллюзорная прочность, вера в то, что все будет хорошо, и предположения, которые мы «все знаем, что это правда», за исключением того, что это не так. Хрупкость относится к мифам, которые люди рассказывают себе и друг другу, чтобы почувствовать себя лучше и увереннее» [4].

Anxious – в перев. с англ. «тревожный». Тревожность означает чувство беспомощности, подавленности всем, с чем человек сталкивается. Оно приходит со стрессом, беспокойством и страхом не справиться с тем, что требует мир, и не знать, что произойдет на самом деле, что затрудняет или делает невозможным принятие «правильных» решений.

Беспокойство в значительной степени является побочным продуктом информации. Чем больше люди слышат и видят, особенно плохих новостей, тем больше они тревожатся.

Как и в случае с «хрупкостью», в данном случае речь идет больше о людях, чем о мире. Тревога – это субъективное чувство, вызванное разрывом между тем, что человек ожидает, и тем, что он испытывает. Люди ожидают контроля, и долгое время им удавалось удерживать эту иллюзию.

Nonlinear – в перев. с англ. «нелинейный». Нелинейность уже давно является популярной концепцией. В инновациях, например, она в основном гласит: не существует простого прямого пути из пункта А в пункт Б. Вместо этого есть обходные пути, тупики и неожиданные результаты.

Это не что-то новое. Это стандартная характеристика любой сложной системы. Новизна концепции BANI заключается в том, что сейчас растет осознание нелинейности нашего мира.

Incomprehensible – в перев. с англ. «непостижимый». Непостижимое относится к переживаниям людей, которые не понимают, что происходит. Они не могут понять это, не могут интерпретировать, что происходит и почему. Это означает, что они не могут найти ответы, которые ищут, а если они и получают ответы, то не могут их осмыслить.

Однако, надо понимать, что мышление в терминах BANI не принесет новой стратегии лидерства или бизнес-модели. Оно не подскажет, как лучше получать прибыль в условиях хаоса.

Со слов самого Дж.Кашио, BANI-модель – «это не волшебная палочка, открывающая решения» [3].

На каждый вызов BANI-мира Дж.Кашио предлагает соответствующий ответ: если что-то стало хрупким, мы можем стать устойчивее;

если мы чувствуем беспокойство и тревогу, стоит усилить осознанность эмпатию и сочувствие;

если что-то стало нелинейным, нужны контекст и адаптивность;

в случае с непостижимостью стоит усилить прозрачность и интуитивность.

Хаос BANI возникает не из-за изменений в геофизической системе или чего-то подобного, он возникает из-за человеческой неспособности полностью

понять, что делать, когда поиск шаблонов и привычные объяснения больше не работают.

Говоря про применимость концепции VANI к современному образованию, необходимо вспомнить, что на протяжении столетий образовательный процесс выстраивался таким образом, когда один обучал другого. Сегодня эта модель становится лишь одной из возможных. Мы отчетливо видим, как меняются образовательные стратегии в последние несколько лет, особенно это заметно с момента начала пандемии.

Технические, экономические и социальные новации становятся важными элементами развития для процесса обучения, когда образовательная среда все более выходит за пределы самой системы образования. Она перемещается в различные социальные институты, использует различные информационные ресурсы. Происходит изменение не только образовательных программ, но и образовательных ресурсов. Трансформируется классическая образовательная модель передачи информации от педагога учащемуся. Использование онлайн ресурсов в образовательном процессе становится необходимым элементом обучения.

Преподаватель сегодня становится не столько транслятором истины, сколько проводником в том огромном потоке информации, который обрушивается на нас.

И мы понимаем, что сегодня навыков *hard* и *soft skills*, к которым привязаны образовательные компетенции, уже недостаточно. Необходимы те навыки, которые позволят бросить вызов VANI – реальности и успешно противостоять хаосу и неопределенности. Речь идет о метанавыках – навыках навыков.

Они нужны в определенный период. И в каждый – они будут отличаться. Например во время пандемии, глобальной удаленки и паники просто необходимы навыки жить в неизвестности без впадения в ступор. Важно научиться не останавливаться и идти, даже если не знаете куда.

Само понятие *meta skills* появилось недавно. Поэтому их четкой классификации и определений еще не существует. Тем не менее, очевидно, что к таким навыкам, которые позволят выпускникам ВУЗов найти свое место на рынке труда и адаптироваться к изменяющейся реальности, можно смело отнести следующие: адаптация к неопределенности, критическое мышление, обучаемость и осознанность, работа с новым.

VANI-концепция не гарантирует нам понимание того, что происходит, и не страхует от неверных решений. Но, оттолкнувшись от нее, мы сможем увидеть, какие модели мышления будут нас ограничивать в новой реальности.

Источники:

1. Bennett N., Lemoine G. J. (2014 January–February). What VUCA really means for you. Harvard Business Review. <https://hbr.org/2014/01/what-vuca-really-means-for-you> (дата обращения: 09.01.2023)

2. Johansen B., & Euchner J. (2013). Navigating the VUCA World. *Research Technology Management*, 56(1), 10–15. <https://doi.org/10.5437/08956308x5601003> (дата обращения: 09.01.2023)

3. Jamais Cascio. Facing the Age of Chaos. <https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d> (дата обращения: 10.01.2023)

4. Jamais Cascio. Human Responses to a BANI World. <https://medium.com/@cascio/human-responses-to-a-bani-world-fb3a296e9cac> (дата обращения: 10.01.2023)

V. A. Glukhii (*St. Petersburg State Electrotechnical University LETI*);

S. M. Eliseev (*University associated with the IPA EurAsEC*);

N. P. Kirsanova (*University associated with the IPA EurAsEC*)

MODERN EDUCATION IN TERMS OF UNCERTAINTY

Training specialists capable of solving professional tasks in innovative mode has always been one of the main goals of higher education. Today's world with uncertainty as its main characteristic is often described by the term VUCA (from English «volatility», «uncertainty», «complexity» and «ambivalence/unclearness»). However, the rapidly changing reality shows that this model is being replaced by the next one – BANI («fragile», «restless», «non-linear» and «incomprehensible»). Under the conditions of uncertainty and variability the approaches to educational strategies are also changing. The article deals with various aspects of intellectual formation of a new generation of students, which should prepare them for life and career in the modern world.

Educational strategies, educational paradigm, VUCA-environment, BANI-world, digitalization, educational skills, competences

УДК 81'33

N. L. Greidina (*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*, e-mail: greidina@yahoo.com)

**NATION IMAGE AND BRAND IN THE ENGLISH-LANGUAGE
POLITICAL COMMUNICATION CONTEXT
(based on the media discourse)**

Topical issues of political communication – the constituents of its construction through a media way – are analyzed. The scientific novelty of the material under consideration is associated both with the coverage of the positions of nation branding in the system of international public perception, and the possibility of their use as part of the process of promoting the country in the international arena. The factual material is presented with a wide range of examples of English-language media receiving linguistic interpretation based on a contextual semantic-cognitive approach within the framework of media analysis.

Political communication, mass media, English-language communication, cognitive linguistics, nation image, nation brand, image of the nation's leader, media discourse

Within the framework of the current year, the general situation in the world is characterized by significantly increased tension, the risk of an acute conflict phase of the development of political events transforming into a global military cataclysm.

Of particular importance is the crisis in relations between the United States and Russia, the root cause of which was NATO's persistent desire to achieve strategic advantages, including territorial ones, continuing to expand and promote its military infrastructure to the Russian borders and develop the territory of the former Soviet republics, including Ukraine. The logic of NATO's multi-layered expansion in the post-Soviet space has led to a proxy war with Russia, which is being waged on the territory of Ukraine.

In this regard, understanding of Russia's role in the global space is becoming more and more relevant. This position is achieved by a certain ranking of communication and political technologies, one of which is branding the country.

Branding a country is an important stage in determining its role in the international arena, including the political one. Public opinion at the international level is of great importance in the process of country branding, the formation of which is the mission of mass media. It is the latter who are involved in its construction and maintenance.

Public opinion within the framework of the country branding process characterizes the perception of the country at various levels – from the political vector, taking into account the soft power potential and the ability to exert and spread influence on the values, attitudes, guidelines of peoples and national elites, to the pragmatic vector, taking into account the potential to attract investment and develop the export base.

The country brand image is a part of the branding process and is defined as its individual or mass perception [1, С. 12], in contrast to the image, which is a replicated reflection of the country based on its purposeful formation [2, С. 19].

On the one hand, the image can be created by its prototype itself and its representatives, while reflecting a set of rational and emotional representations formed in the mass consciousness and having the character of a stereotype constructed by people based on their own experience and available information from various sources.

On the other hand, the image can be constructed by mass media, receiving the name «media image». The latter reflects representation formed by mass media in the system of public opinion for certain political goals implementation.

It is important to distinguish between the concepts of the image and the country media image. The first of them reflects the historical, continuous, in a time sense, formation of the image in the minds of their own people and the peoples of other countries through the experience of interaction and cooperation, including personal impressions, information from documentary sources and fiction, opinions of journalists expressed in mass media. The second concept focuses on the purposeful creation of the image of the country by mass media using existing manipulative technologies, media coverage techniques, other methods and means.

A number of researchers [3, С. 160; 4, С. 173; 5, С. 39] come to the conclusion that the country media image is formed on the basis of operational knowledge about the national and cultural specifics of the country's reality, based on historical, socio-cultural realities, which are reflected in the analysis and opinion of journalists. However, the realities of the current political situation point to the corresponding factor of fake information deliberately disseminated by media to achieve the goals of dealing for a rise or dealing for a fall.

The research methodology is based on the use of cognitive linguistics methods, in particular linguocognitive analysis. The latter is interpreted in the format of a semantic-cognitive approach that allows for an interpretative analysis from language to meaning, which implies a move from a keyword or a word-combination that reveals a set of semantic parameters demonstrating the essential semantic structure of the context through cognitive interpretation.

The research material is media texts for the period 2021-2023, published in information and news sources in the USA: The Wall Street Journal, The Washington Post, The New York Post, The New Yorker, The Atlantic.

The image of Russia is formed by the US media in the context of concepts - «Russian threat»:

«*Russia threatens to kick out US journalists unless US treats Russian media better*» [6, P. 3],

«*Stop Russia nuclear threat*» [7, P. 16],

«*Russia warns of retaliation against US media over sanctions*» [8, P. 7];

-»Russian aggression»:

«*Russian aggression against Ukraine*» [9, P. 8],

«*Russia's war of aggression against Ukraine*» [10, P. 8],

«Prompted by Russian aggression, the EU and NATO vow new cooperation» [11, P. 9].

Negative evaluation characteristics of Russia presented by the US media create an unattractive country image. At the same time, Russia is identified with its national leader Vladimir Putin, whose characterization in the US media extends to the image of the whole country.

After the start of Russia's special military operation in Ukraine, the US media is dealing a crushing blow to the international political reputation of the Russian leader:

“It’s time to realize that claims of his [Putin’s – author’s comment.] geopolitical genius are more myth than reality” [12, P. 6].

The political propaganda carried out by a number of the US media outlets is based on the humiliation of both the official and human dignity of the Russian leader, which is achieved by

- the rhetorical figure of the antithesis:

«... his legacy appears to be that of a small, frustrated man – Vladimir the Petit, itching to be a Peter the Great» [13, P. 6];

- animalistic metaphors:

«Putin has a reptilian aura, only missing the scales and a tail that can grow back...» [13, P. 6];

- comparisons with the concept of «tsar»:

«The emergence of a new tsar» [14, P. 3];

- direct comparison with the precedent names «Ivan the Terrible» and «Stalin»:

«Putin the Terrible» [15, P. 19],

«Writing in the Washington Post, Peter Rutland calls Putin a Stalin-lite» [15, P. 19];

- indirect comparison with the precedent names «Ivan the Terrible» and «Stalin»:

«Some suggest the Oprichniki were the ancestors of the KGB» [15, P. 19],

“Stalin was particularly hard on Ukraine. ... Stalin, like Putin, couldn’t stand the idea of an independent Ukraine and did his utmost to kill any movement toward independence from the Soviet Union” [15, P. 19].

It seems appropriate to define the nation brand as a purposeful activity to create positive associations in the process of its perception and further «promotion» in the international arena.

Manipulative technologies of the US media led to the fact that the nation brand of Russia reflected a decrease in the country's position by 8 points in 2022 compared to the previous year. As a result, Russia took the 24th place in the global ranking of nation branding [16]. One of the evidences of this is a number of studies [17, P. 68], showing that only 17% of the total number of publications about Russia in the US media can be assessed as positive.

Accordingly, the nation brand, created by Russian specialists, and the nation image, formed by the US media, seem incompatible. The image of Russia in the modern context of the US media discourse contradicts the values inherent in this culture, turns out to be alien to the spirit of modern civilization. The nation brand of

Russia at the present stage reflects the insufficiency and imperfection of the technologies used for its practical implementation at the international level.

The current situation raises obstacles in the diplomatic solution to the political crisis between the United States and Russia, in the development of interstate relations between the two countries.

Источники:

1. Шестопад Е. Б. Образы государств, наций и лидеров. М.: Аспект Пресс, 2018.
2. Леонтьев Д. А. От образа к имиджу. Психосемантический брендинг // Реклама и жизнь. 2000. № 1. С. 19–22.
3. Зеленцов М. В. Действующие лица формирования имиджа России в зарубежном медиапространстве // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. № 2. С. 159–169.
4. Почепцов Г. Г. Имиджелогия. М.: Слово, 2018.
5. Орлова Е. Л. Метафорические образы России, США и Германии в политическом дискурсе немецких СМИ. Иркутск: Мосты, 2019.
6. Folkenflik D. P. Russia threatens to kick out US journalists unless US treats Russian media better // The Washington Post. 2022. November 16.
7. Faulconbridge G. T. Stop Russia nuclear threat // The Atlantic. 2022. October. PP. 16.
8. Kajjo S. P. Russia warns of retaliation against US media over sanctions // The New Yorker. 2022. November 28.
9. Stimner J. P. Russian aggression against Ukraine // The New Yorker. 2022. December 11.
10. Trestminck P. T. Russia's war of aggression against Ukraine // The Wall Street Journal. 2022. November 19.
11. Erlanger S. K. Prompted by Russian aggression, the EU and NATO vow new cooperation // New York Post. 2023. January.
12. Fidler S. B. Don't call Mr. Putin a genius // The Wall Street Journal. 2021. March 16.
13. Remnick D. K. The weakness of the despot // The New Yorker. 2022. March 11.
14. McCarthy A. P. Russia choice: Putin at war // New York Post. 2022. September 16.
15. Tayler J. P., Starobin P. K. Putin the Terrible // The Atlantic. 2022. September. PP. 18–26.
16. Brand Finance Nation Report, 2022 [электронный ресурс] // URL: [www.https://brandfinance.com/insights/russias-nation-brand-value-takes-150-billion-hit-as-invasion-of-ukraine-backfires](https://brandfinance.com/insights/russias-nation-brand-value-takes-150-billion-hit-as-invasion-of-ukraine-backfires) (Дата обращения 18.12.2022)
17. Dinnie K. P. Nation branding: concepts, issues, practice. Oxford: University Press, 2018.

Н. Л. Грейдина (Дипломатическая академия МИД России)

**ИМИДЖ И БРЕНД СТРАНЫ В КОНТЕКСТЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ
ПОЛИТКОММУНИКАЦИИ**
(на материале медийного дискурса)

Аналізу подвергаються актуальні питання політичної комунікації – компонентні складові її конструювання за допомогою медійного сріза. Наукова новизна розгляданого матеріалу зв'язується як з освітленням позицій національного брендингу в системі міжнародного суспільного сприйняття, так і з можливістю їх використання в межах процесу просування країни на міжнародній арені. Фактологічний матеріал представлений широким рядом прикладів англоязычних ЗМІ, які отримують лінгвістичну інтерпретацію на основі контекстного семантико-когнітивного підходу в межах медійного аналізу.

Політична комунікація, засоби масової інформації, англоязычна комунікація, когнітивна лінгвістика, імідж країни, бренд країни, образ лідера країни, медійний дискурс

УДК 93/94

А. Б. Гуркин (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: abgur313@mail.ru);

Я. А. Гуркин (Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта, e-mail: yargur@mail.ru)

СТАНОВЛЕНИЕ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА ПЕРЕД ЗАКОНОМ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.

Рассматривается вопрос о переходе от принципа неравенства перед законом, который был присущ российскому обществу, построенному на жесткой сословной иерархии к обществу, где равенство перед законом стало преобладающим правилом. Анализируются изменения, происходившие в сфере уголовного, гражданского и административного законодательства.

Сословная иерархия, привилегии, судебная реформа, законодательство, обычное право, телесные наказания, равенство перед законом.

Равенство перед законом в современном мире является общепризнанным принципом международного права, основой правового государства и гражданского общества. Однако, прежде чем этот принцип утвердился прошло немало времени. Отдельные мысли на этот счет высказывались еще в глубокой древности. Философы эпохи «Просвещения», прежде всего Ш. Монтескье, провозглашают принцип равенства перед законом, как необходимый для построения разумной и справедливой правовой системы. В России от теоретических рассуждений перейти к практической реализации этой идеи стало возможным лишь в результате реформ Александра II. Задача была крайне сложной в силу того, что предстояло ломать устои, складывавшиеся веками.

Принцип неравенства перед законом был заметной чертой российской правовой системы вплоть до начала 60-х гг. XIX в. Правовое положение лица в значительной степени зависело от принадлежности к тому или иному сословию, материального или должностного положения и даже вероисповедания. В наибольшей степени дифференциация правовых статусов определялась сословным неравенством.

Законодательное оформление прав и обязанностей сословий было принято еще в XVIII. В XIX веке под руководством М. М. Сперанского был подготовлен Свод законов о состояниях, который переиздавался и дополнялся в 1832, 1842 и 1857 гг. Свод законов о состояниях 1857 г., состоящий из 1679 статей и 27 приложений стал кульминацией и одновременно итогом сословного законодательства [1, Т. 9].

Высшим сословием являлось дворянство, привилегированное положение которого было определено Екатериной II в Жалованной грамоте дворянству

1785 г. Дворянство обладало судебной защитой жизни и прав состояния, которые могли быть утрачены только по решению суда. Суд должен был состоять только из дворян – «Да не судится благородный, кроме своими равными». Приговоры, вынесенные за преступления, подлежали обязательному рассмотрению в высшей судебной инстанции – Правительствующем сенате, с последующим утверждением императором. Телесные наказания не допускались: «Телесное наказание да не коснется до благородного» [2, Т. 22, С. 547–548]. Привилегии дворянства в гражданско-правовой сфере, дарованные Екатериной II, также были весьма существенными. В последующие десятилетия сословные права дворянства расширялись и детализировались. В «Жалованной грамоте» насчитывалось 44 пункта, а в первом разделе Свода законов о состояниях 1857 г. – «О дворянстве» было уже 230 статей [1, Т. 9].

На второй ступени сословной иерархии стояло духовенство. Оно состояло из духовенства монашеского (черного) и приходского (белого). Те и другие имели общие сословные привилегии, состоящие в освобождении от телесных наказаний податей, рекрутской повинности. Небольшие правонарушения церковнослужителей подлежали рассмотрению церковными судами, а наиболее тяжкие преступления рассматривали светские суды «при депутатах духовной стороны».

Городское население составляло третью группу населения страны и называлось сословием «городских обывателей», его положение было определено в третьем разделе Свода. Это сословие делилось на 6 групп: почетные граждане, купцы, цеховые мастера, мещане, мелкие собственники и рабочие люди, т. е. работавшие по найму. Почетные граждане пользовались рядом привилегий: освобождались от телесных наказаний, от личных повинностей. Купечество делилось на гильдии. Купцы 1-й гильдии были освобождены от многих налогов, рекрутской повинности и телесных наказаний, купцы 2-й гильдии от телесных наказаний.

Завершали сословную структуру России «сельские обыватели». В основу определения социального устройства села ставились два критерия – «различие земель, на коей они водворены», и «наличие крепостного состояния или личная свобода». Крепостные крестьяне занимали самую нижнюю ступень сословной иерархии и обладали ничтожными правами.

В процессе правовой реформы в России была ликвидирована сословность суда, провозглашено равенство всех перед судом и законом, введены гласность и состязательность процесса, отделение суда от административной власти, появился институт присяжных заседателей. Судебные уставы, принятые 20 ноября 1864 г., создали в России демократичную судебную систему. Суды делились на две части – местный и общий суд. Местный суд состоял из двух инстанций – волостного суда, для крестьян, и мирового суда, занимавшегося разбором мелких дел. Рассмотрение тяжких преступлений и крупных гражданских дел входило в компетенцию окружного суда. Гражданские дела

рассматривались так называемым «коронным судом», а уголовные дела – «коронным судом» и 12 присяжными заседателями. Присяжные назначались по жребию из представителей всех сословий. Внешне все выглядит вполне логично и разумно, но единой эту структуру назвать трудно. Дело в том, что «коронный суд» при вынесении решений руководствовался законом, а местный, особенно волостной – обычаем. Расхождения между обычаем и законом порой были весьма существенными. Так «Временные правила о волостном суде» 1889 г., ориентированные на нормы обычного права предусматривали наказание за мелкую кражу арестом на срок от 7 до 30 дней, а «Устав о наказаниях уголовных» 1885 г. предусматривал тюремное заключение на срок от 3 месяцев [3, Т. 2, С. 69].

Вершиной демократизма в пореформенной судебной системе традиционно считается суд присяжных. С этим не приходится спорить, но и этот суд не являлся идеалом справедливости и законности. На смену сословному неравенству пришло неравенство имущественное (хотя часто одно предполагает другое). Человек богатый имел возможность обзавестись прекрасным адвокатом, который своим красноречием иногда оказывал «гипнотическое» воздействие на присяжных. Состав присяжных определялся жребием и состоял в большинстве случаев из крестьян, имевших смутное представление о действующем законодательстве. При принятии решений эти люди в большей степени опирались на свои представления о справедливости, которые формировались под влиянием обычаев и религии. Не случайно современники и исследователи отмечали заметное увеличение числа оправдательных вердиктов во время поста и перед большими христианскими праздниками.

Ограничения прав по сословному, гендерному и религиозному признаку в российском полицейском (административном) праве сохранялось вплоть до 1917 года. Наиболее ярко это проявлялось в установленном паспортном режиме. «Устав о паспортах и беглых» был принят в 1833 [4, Т. 14] и естественно был основан на принципах сословного неравенства. Парадокс состоит в том, что новый закон «Положение о видах на жительство» был принят только 1894 г. В 1903 г. «Положение» было дополнено и стало именоваться «Устав о паспортах», но и он содержал явно дискриминационные статьи. Так, «дворянам не служащим, лицам, уволенным от государственной службы, офицерским чинам и чиновникам запаса, почетным гражданам, купцам и разночинцам видами на жительство служат бессрочные паспортные книжки» А мещанам, ремесленникам и сельским обывателям паспорта могли быть выданы только на срок не более пяти лет. При краткосрочной отлучке, требовалось получать специальные «билеты» причем с согласия ремесленной управы или сельского общества.

Замужним женщинам паспорта не полагались. Они вписывались в паспорта мужей. Отдельный вид на жительство им мог быть выдан лишь с согласия мужа и на срок такого согласия. Выдача паспортов и видов на жительство бродячим инородцам и цыганам запрещалась. Ограничивалось право на получение паспорта для лиц римско-католического и иудейского вероисповедания, членов некоторых религиозных сект [5, Т. 14].

Путь к достижению равенства в сфере гражданского законодательства также был не быстрым. Основным источником гражданского права вплоть до окончания имперского периода являлся «Свод законов гражданских» 1832 г. В пореформенный период он был значительно дополнен, но избавиться от ряда пробелов и противоречий в полной мере не удалось. Некоторые ограничения прав для отдельных групп населения продолжали сохраняться.

Гражданское законодательство не являлось единым для всех подданных Российской империи. В целом ряде регионов оно применялось не более как дополнительный источник права. В губерниях «Привислинского края», в Великом княжестве Финляндском, в Бессарабии действовали свои правовые нормы, существовавшие еще до присоединения к России. Российского гражданского законодательства не распространялось и на так называемых «бродячих инородцев», населяющих азиатскую часть империи.

Отмена крепостного права не сделала крестьян полноправными участниками гражданско-правовых отношений. Важнейшая для крестьян земельная сфера регулировалась не Сводом гражданских законов, а Сводом законов о состояниях (т. IX Свода законов). Свод существенно ограничивал права крестьян в вопросах распоряжения земельной собственностью. При общинной форме землепользования право собственности на полевою землю принадлежало общине. Продавать землю сельская община могла лишь с разрешения губернского по крестьянским делам присутствия, а в крупных размерах – министра внутренних дел.

Существовали ограничения на приобретение земельной собственности и по национальным, и религиозным признакам. Так, запрещалось приобретение земельной собственности лицам иудейского вероисповедания за пределами черты оседлости.

Существенно различалась правоспособность мужчин и женщин в области наследования. При наследовании по закону если были сыновья (или внуки), они делили наследство поровну, а дочери получали лишь 1/14 часть из недвижимого и 1/8 часть из движимого имущества отца. После принятия в 1912 г. закона «О расширении прав наследования по закону лиц женского пола и прав завещания родовых имений» женщины были уравнены с мужчинами в наследственных правах, за исключением наследования земельного внегородского имущества, из которого они получали 1/7 часть. [6, Т. 32, С. 573]

Основными источниками уголовного права с конца 60-х гг. XIX по начало XX вв. были Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1866 г., Воинский устав о наказаниях 1869 г., а также Уголовное уложение 1903 г.

В сфере уголовных правоотношений неравенство сохранялось прежде всего касательно телесных наказаний. Телесные наказания были отменены в 1863 г. для всех сословий кроме крестьян мужского пола. Закон допускал наказание крестьян рожками по приговору волостного суда, корабельных служащих можно было наказывать хлыстом (до 5 ударов), а учеников ремесленников розгами (до 10 ударов). Арестанты ссыльнокааторжные и ссыльнопоселенцы за нарушения установленного порядка и проступки наказывались розгами (до

100 ударов). Ссылнокаторжным при совершении нового преступления могли назначаться плети (до 100 ударов).

Хотя в русском обществе среди писателей, юристов и даже государственных чиновников сложилось резко негативное отношение к сохранению физических наказаний, положение дел оставалось неизменным вплоть до начала XX века [7, С. 73–74]. Только в 1903 г. были отменены все виды телесных наказаний для ссылнокаторжных и ссылнопоселенцев. 11 августа 1904 Манифестом «О милостях, дарованных в день святого крещения наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича» телесные наказания были отменены для всех «сельских обывателей и инородцев», а также «в сухопутных и морских войсках» [8, Т. 24, С. 856].

Несмотря на всю противоречивость развития правовой системы России в конце XIX – начале XX вв. принцип правового равенства, т. е. отсутствие в законе необоснованных льгот и привилегий, а также любых форм дискриминации постепенно пробивал себе дорогу.

Источники:

1. Свод законов Российской империи. Т. IX, СПб., 1857.
2. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXII, СПб., 1830.
3. Миронов Б.Н. Социальная история России. Т.2, СПб., 2000.
4. Свод законов Российской империи. Т. XIV, СПб., 1857.
5. Свод законов Российской империи. Т. XIV, СПб., 1912.
6. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Т. XXXII. Отделение 1, СПб., 1915.
7. Бубнова Ю. Г. Борьба за отмену телесных наказаний по решениям волостных судов российской империи на рубеже XIX-XX веков// Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 2. С. 73-74.
8. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Т. XXIV, СПб., 1907.

A. B. Gurkin (*St. Petersburg State Electrotechnical University «LETI»*)

Ya. A. Gurkin (*P.F. Lesgaft National State University of Physical Culture, Sports and Health*)

THE FORMATION OF THE PRINCIPLE OF EQUALITY BEFORE THE LAW IN THE LEGAL SYSTEM OF RUSSIA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES.

The issue of transition from the principle of inequality before the law, which was inherent in Russian society, built on a rigid class hierarchy, to a society where equality before the law has become the prevailing rule, is considered.

Class hierarchy, privileges, judicial reform, legislation, customary law, corporal punishment, equality before the law

УДК 342.7

В. П. Демидов (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, e-mail: Demidov-vp@spbstu.ru);

Д. Д. Мохоров (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, e-mail: dan.mokhorov@gmail.com);

Н. Д. Мохоров (Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, e-mail: mr.mokhorov@mail.ru)

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящее время основным приоритетом государственной политики Российской Федерации является увеличение рождаемости, предпринимаются беспрецедентные шаги по направлению достижения данной цели. Многодетные семьи рассматриваются как важный элемент изменения демографической ситуации. В работе проанализирован правовой, социальный и экономический статусы многодетных семей, определены общие проблемы, с которыми сталкивается большинство семей с детьми, независимо от их числа, и специфические, возникающие в семьях с большим количеством детей. Предложены мероприятия, которые могут быть включены в концепцию защиты прав многодетных семей, направленные на улучшения ее статуса.

Демографическая политика, многодетная семья, государственная поддержка, защита прав многодетных семей

В начале 21 века приоритетом государственной политики России стало увеличение рождаемости. Беспрецедентные меры, предпринятые Президентом Российской Федерации в 2006 г., подразумевали введение материнского капитала и создание условий для поддержки семей с детьми [1, 2, 3].

Данное обстоятельство повлекло за собой определенный всплеск рождаемости, продолжавшийся вплоть до 2015 г. Однако меры, предложенные государством, оказались недостаточными и рождаемость в России вновь начала падать.

29 мая 2017 года Указом Президента объявлены 2018–2027 годы Десятилетием детства [4]. На основании чего разработан целый ряд стратегических и правовых документов, целью которых является изменение демографической ситуации в стране, в том числе и повышение коэффициента рождаемости [5, 6, 7].

Многодетная семья рассматривается государством как важный институт общества, благоприятно влияющий на демографическую ситуацию в будущем. При этом, довольно сложно не согласиться с мнением ряда авторов, что доля многодетных семей в современном российском обществе крайне мала, что пока сводит ее воздействие к незначительному [8].

Несмотря на незначительную долю, количество многодетных семей растет, а, значит, исследование их правового, социального и экономического положения является достаточно актуальным.

Правовой статус многодетной семьи не определен. На федеральном уровне нет единого правового акта, который хотя бы закрепил понятие многодетной семьи, установил базовые права. В ГОСТ Р 52495-2005 «Социальное обслуживание населения. Термины и определения» многодетная семья определяется как семья, имеющая трех и более детей, признанная в установленном порядке многодетной в соответствии с порогом многодетности, установленным органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации [9]. Указ Президента РФ от 5 мая 1992 г. N 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» [10] с изменениями и дополнениями) определения понятия «многодетная семья» не содержит. Он, по сути своей, дает указание исполнительным органам власти субъектов Российской Федерации, которые без установления конкретных сроков исполнения, должны определить какую семью можно отнести к категории многодетной и какие права ей или ее членам предоставить.

В Государственную Думу неоднократно вносились проекты федеральных законов, закрепляющих статус многодетной семьи [11, 12], но, по различным причинам ни один не стал законом.

Сейчас правовое понятие многодетности меняется в зависимости от субъекта федерации, его социально-экономического развития (устанавливаются различные требования по количеству детей, для признания семьи многодетной; возрасту детей, до достижения которого у семьи сохраняется статус многодетной; объему мер поддержки и другим условиям).

Другая важная проблема: социальный статус (имидж) многодетной семьи. В последние несколько десятилетий такие семьи ассоциируются с бедностью, низким уровнем образования всех членов семьи, алкоголизмом/наркоманией среди родителей и старших детей, отсутствием перспектив развития, различными материальными лишениями. Зачастую многодетные семьи сталкиваются с осуждением и неприятием их действий.

Действительно, в структуре многодетных семей только чуть более 10 % «высокоресурсных» семей, то есть таких, в которых доход на человека превышает средний, а уровень образования родителей – высокий [13]. В связи с чем нередко многодетная семья воспринимается как неблагополучная [14, 15].

Регулирование экономического положения многодетных семей государством не предполагает повышение пособий и выплат, а только создание условий, при которых они самостоятельно смогут повысить уровень своего благосостояния (и одновременно «потерять» имидж «иждивенца»): государство пытается разрешить вопросы трудоустройства родителей, обеспечения жильем, вводит меры налогового стимулирования.

Многодетная семья – это определенный ориентир социальной, демографической политики государства, с которым связывается будущее государства,

его безопасность в различных сферах. К сожалению, этот ориентир пока остается недостижимым. Это связано с многими причинами:

Общими:

отсутствием в обществе традиционных семейных ценностей и ответственного родительства;

недостаточность/недоступность медицинского обслуживания (в том числе и по репродуктивным проблемам);

непредоставление нефинансовой государственной помощи беременным женщинам (психологическое, правовое, дополнительное медицинское консультирование);

Специальными:

неопределенностью в правовом регулировании статуса членов многодетной семьи;

отрицательным восприятием многодетной семьи в обществе;

недостаточно развитыми условиями для экономической деятельности многодетных родителей;

недостаточностью/непоследовательностью мер социальной защиты семей с детьми.

В качестве предложений, которые возможно рассматривать при создании концепции защиты прав многодетной семьи и улучшения ее психологического и социально-экономического статуса, отметим следующее.

1. Увеличение финансовой поддержки путем проведения на федеральном уровне жесткой градации размеров и коэффициентов социальной помощи, чтобы выплачиваемые суммы были соразмерны уровню жизни в различных субъектах и обеспечивали хотя бы частично затраты на содержание ребенка в период нахождения одного из родителей в декретном отпуске.

2. Создание социально-психологических условий для родителей, при которых они захотят стать многодетными:

А) создание положительного образа многодетной семьи, воспитание со школьной скамьи семейных ценностей, формирование понимания важности института семьи,

Б) формирование благоприятных условий для рождения детей.

3. Сохранение рабочих мест за родителями в многодетной семье, создание механизмов в трудовом законодательстве, предоставляющих им приоритетные права на продление срочного контракта, отсрочку проведения конкурсных процедур до достижения младшим из детей как минимум 7-летнего возраста.

С учетом уже действующих и предложенных мер, направленных на расширение прав многодетных семей, повышения их статуса в обществе, количество многодетных семей должно возрастать. Но, безусловно, необходимо помнить о различных экстраординарных ситуациях, которые могут возникнуть на пути проведения демографической политики увеличения количества детей в семье и нивелировать все достигнутые результаты, к чему государство должно быть заблаговременно готово.

Источники:

1. Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 N 256-ФЗ (ред. от 30.04.2022) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/87119687f6485f84c98a194ed9fb2b0be648a9f8/
2. Указ Президента Российской Федерации 09.10.2007 г. № 1351 Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года <http://government.ru/docs/all/61461/>
3. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 10 мая 2006 года «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60109/
4. Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // Собрание законодательства РФ. 05.06.2017. № 23. Ст. 3309.
5. План мероприятий по реализации концепции демографическое политики в 2021-2025 годах Утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 сентября 2021 г. № 2580-р <https://ppt.ru/docs/rasporyazheniye/255249>
6. Национальный проект «Демография» 2019-2024. УТВЕРЖДЕН президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16) <https://strategy24.ru/rf/demography/projects/natsional-nyu-proyekt-demografiya>
7. Азарова Е. Г. Многодетная семья и проблемы ее социального обеспечения // Журнал российского права. 2014. №3 (207). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogodetnaya-semya-i-problemy-ee-sotsialnogo-obespecheniya> (дата обращения: 30.10.2022).
8. Фефилов В. Н. Россия в цифрах 1990–2018 г.г.: демография. <https://proza.ru/2019/10/22/1626>
9. ГОСТ Р 52495-2005. Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Термины и определения: утв. Приказом Ростехрегулирования от 30.12.2005 С. 532 http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135597/c2b2d14dfb3622d905768f384585037cb07e0abe/
10. Указ Президента РФ от 5 мая 1992 г. N 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» (с изменениями и дополнениями) <https://base.garant.ru/10100845/>
11. Проект федерального закона «Об основах правового положения многодетных семей в Российской Федерации» <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1194379-7>
12. Казибекова Н. А. Анализ проблем многодетных семей в современный период /Н. А. Казибекова, З. М. Исмиева, М. Н. Агасиева // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 3 (32). С. 101–104.

13. Данилов Д. Рождаемость в России 2021-2022: таблицы по годам и рейтинги по регионам <https://top-rf.ru/places/565-rozhdaemost-v-rossii.html>
14. Федеральная статистика <https://www.fedstat.ru/indicator/40660>
15. Дорофеева З. Е. Распределение ролей в высокоресурсных многодетных семьях // СНИСП. 2021. №3 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/raspredelenie-roley-v-vysokoresursnyh-mnogodetnyh-semyah> (дата обращения: 30.10.2022)

V. P. Demidov (Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University);

D. D. Mokhorov (Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University);

N. D. Mokhorov (St. Petersburg State University of Railways of Emperor Alexander I)

PROBLEMS OF PROTECTING THE RIGHTS OF LARGE FAMILIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Currently, the main priority of the state policy of the Russian Federation is to increase the birth rate, unprecedented steps are being taken towards achieving this goal. Large families are considered as an important element of changing the demographic situation. The paper analyzes the legal, social and economic statuses of large families, identifies common problems faced by most families with children, regardless of their number, and specific problems that arise in families with a large number of children. The measures that can be included in the concept of protecting the rights of large families aimed at improving its status are proposed.

Demographic policy, large family, state support, protection of the rights of large families

УДК 811.511.1

Г. А. Демин (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: dga97@mail.ru);

М. Н. Орлянская (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: mariyaorl@mail.ru)

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЖОРСКОГО ЯЗЫКА НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ

Рассматривается история и жизнеспособность ижорского языка на территории Ленинградской области, представляется современная ситуация владения этническим языком среди коренного населения с использованием данных переписи населения 2010 года (данные более позднего исследования на момент написания статьи отсутствуют). Описываются меры и способы поддержания и сохранения ижорского языка, осуществляемые этническими активистами и поддерживаемыми их государственными органами, а также, научно-образовательными организациями.

Ижорцы, ижорский язык, нижелужский и сойкинский диалекты, язык коренного малочисленного народа

Подавляющая часть языков коренных малочисленных народов, проживающих на территории Российской Федерации, находятся на грани исчезновения. В их число входит и ижорский язык, относящийся к группе прибалтийско-финских языков Ингерманландии. Inkeriläin («ингерманландец»), талапанец, šuomalain («финн») – так на сегодняшний день представляют себя лингвистам ижорские информанты, принимающие участие в полевых исследованиях. В свою очередь, родной язык ижорцы называют по-разному: oma keeli («собственный язык»), ižorin keeli («ижорский язык»), šuomen keeli («финский язык»), а также, inkerin keeli («ингерманландский язык») [1].

Процесс обособления предков современных ижорцев пришелся на рубеж I–II тысячелетий нашей эры, когда началось переселение этой народности с Карельского перешейка на запад вдоль южного побережья Финского залива. Начиная с XII века ижорцы проживают на территории местности, которая сейчас известна как Ленинградская область, где на момент их прибытия также находилось древнейшее известное население этих земель – воль [1]. Впоследствии обе народности расселились чересполосно друг с другом.

Часть между Нарвой и Невой современной Ленинградской области принято называть Ингерманландией, а также Ижорской землей. Впервые эту территорию называют Ингарией – а жителей, населяющих ее «ингарос» – в хрониках Генриха Латыша, относящихся к 1220 году. В летописях, которые восходят к 1240–1241 гг., существует несколько теорий, в частности у русских, а

также у шведов и немцев, касающихся происхождения названия «Ингерманландия» – «Ижора» или «Ижера» и Ingermanland соответственно [1]. Среди некоторых исследователей бытует мнение о том, что название реки Ижора (прибалтийско-финское название реки – Inkerijoki, букв. «река Инкери»), притока Невы, – место, где ранее жили ижорцы, – послужило основой для современного этнонима «ижора». В дальнейшем, от названия этого племени произошло слово «Ингерманландия» [2]. Наряду с данной точкой зрения, существует теория А. Шегрена, возводящая название племени ижора к имени супруги Ярослава Мудрого – Ингигерде [3].

Ранее упомянутая версия гласит, что после женитьбы на дочери шведского короля Олофа Скотконунга Ингегерде в 1019 году, киевский князь Ярослав Мудрый преподнес район Старой Ладogi с окрестностями в качестве свадебного подарка. Благодаря данному обстоятельству, изначально окрестности этого города были названы по имени владелицы, а в дальнейшем, по мере расширения территории, такое название стала носить вся местность. Одним из фактов, который поддерживает указанную гипотезу, является сохранение этнонима «карьяла» на протяжении длительного времени, а также вероятный факт того, что последовавшее название «ижорцы», скорее всего, и имеет значение «жители Ингерманландии» [1]. Отсюда следует вывод, что этноним «карьяла» получил свое название по области, а не наоборот.

Переселение на исследуемую территорию, среди прочих народностей, финнов, чьи потомки по-прежнему проживают в ряде деревень, в результате заключения в 1617 году Столбовского мирного договора является еще одним аргументом в поддержку данной гипотезы. Их называют «финны-ингерманландцы», «ингерманландские финны», по-фински – inkerilaiset («ингерманландцы», «жители Ингерманландии»).

Основоположником исследования ижорского языка считается финский лингвист Волмари Поркка. Он подчеркивал, что ижорский язык тяготеет к русскому, что объяснялось близостью географического расположения основной массы носителей этого языка к Санкт-Петербургу, в который, помимо прочего, постепенно увеличивалась миграция населения, а также тем, что ижорские дети проходили обучение на русском языке в народных школах [4].

В 30-е годы XX века на базе латинского алфавита для ижорского языка разрабатывается письменность, на нем создается ряд учебников [5]. Эти достижения – результат проводимого в те годы языкового строительства. В период с 1933 по 1936 гг. лингвистом ингерманландского происхождения Вяйно Ивановичем Юнусом разрабатывается алфавит и букварь ижорского языка.

Вплоть до 1937 года, в регионах проживания ижорцев и води, ижорский преподавался в школах, однако резкая смена языковой политики государства приводит к прекращению этого процесса. Начинается истребление языка в форме изъятия печати и запрета на его преподавание. В. И. Юнуса, в числе прочих, расстреливают [6]. В дальнейшем, за период сталинских репрессий и Великой Отечественной Войны происходит истребление значительной части

представителей ижорской национальной культуры и сокращение численности ижорского народа – с момента начала репрессий во второй половине 30-х гг. до смерти Сталина в 1953 году – в 16 раз.

В целом можно отметить, что в послевоенное время, ижорский язык, несмотря на отмену репрессий по отношению к ижорской народности, так или иначе подвергался гонениям, что «привело к резкому ухудшению языковой ситуации» [5].

В исследованиях 2010 года были выявлены 266 человек, называющих себя ижорцами, однако только 123 человека подтвердили, что владеют ижорским языком (однако немаловажно отметить, что уровень владения языком не проверялся) [7]. На данный момент, сохранение ижорского языка отмечается в Кингисеппском районе Ленинградской области: сойкинский диалект (на Сойкинском полуострове) и нижелужский диалект (в нижнем течении Луги); а также на границах с Ленинградской областью районах Эстонии. Согласно другому исследованию, хорошо владеющие этническим языком составляют не более половины того числа людей, которое было заявлено ранее, и активнее владеет этим языком как правило старшее поколение [8]. Пассивно владеющие ижорским языком встречаются среди родившихся в 1960-х годах, они испытывают сложности в произведении спонтанных текстов и поддерживают разговор исключительно с представителями старшего поколения, тогда как утверждают, что до школьного образования вовсе не владели русским языком, кроме как ижорским. В ходе исследования были отмечены следующие неожиданные моменты: с соседями и друзьями ижорцы говорят по-русски, с родителями – по-ижорски и по-русски, с супругами и детьми – по-русски. Более того, было выявлено нежелание введение преподавания ижорского языка в школе, а приоритет отдавался знанию русского языка. Подобное отношение к родному этническому языку являет собой языковой нигилизм, отмечая низкую языковую лояльность, а наряду с этим представляет серьезную угрозу исчезновения этого языка.

У ижорского языка сохраняется одна из немногочисленных функций – тайная: носители ижорского используют его между собой в случаях необходимости скрыть сообщение от посторонних. Такие данные были выявлены в ходе исследований, проведенных доктором филологических наук Т. Б. Агранат [9] и лингвистом Ф. И. Видеман [10].

Несмотря на значительно небольшое количество желающих изучать ижорский язык, таковые все же еще имеются. Однако основной проблемой на данный момент является отсутствие компетентного преподавателя по ижорскому языку, так как среди его носителей, все еще хорошо владеющих данным языком, обнаруживаются лишь пожилые люди, не имеющие способности преподавать язык в школе. Молодые же носители ижорского языка не проявляют особого интереса к его преподаванию.

Касательно ижорского фольклора, на сегодняшний день сохраняются такие жанры, как, например, детские стишки, считалочки; однако, в подавляю-

щем большинстве сказки не сохранились в памяти ижорцев. Интересно отметить, что сейчас действуют фольклорные кружки, в которых учат ижорские песни, организуются ансамбли: в основном, их исполняют на главном этническом празднике – Дне рыбака, и тем не менее, слова произносятся с русским акцентом, а знание перевода лишь приблизительное [7].

В попытках ревитализации ижорского языка в 2010-х годах был разработан новый его вариант ученым-этнографом О. И. Коньковой и этнографом Н. Дьячковым. Такой вариант основывается на сойкинском диалекте и используется в нескольких учебных пособиях по ижорскому языку. Наряду с этим, существуют также курсы нижелужского диалекта.

Этническими активистами производится активный поиск применения ижорского языка, наряду с другими языками малых народов, оказавшихся на грани исчезновения. Организуются летние курсы ижорского языка и языковые факультативы в школах, печатается русско-ижорская газета, а также, изготавливается и публикуется учебная и методическая литература, и издаются сборники фольклорных памятников. И тем не менее, ощущается колоссальная потребность в представителях коренного народа ижоры, которые могли бы принять участие в сохранении и развитии их родного языка. В основном, информанты, принимающие участие в опросах, указывают в качестве причины отказа от изучения ижорского языка его нефункциональность и узкую сферу его коммуникативного применения. Отсюда следует вывод о том, что необходима программа продвижения ценности знания ижорского языка среди представителей такого малочисленного народа.

Полидиалектность бесписьменного языка и необходимость стандартизации литературного языка являют собой противоречие, которое требует методического разрешения. Так, старшее поколение говорит на родном диалекте, а читают на литературном языке, в то время как молодое поколение изучает и воспроизводит в общении исключительно литературный язык. Таким образом, возникает сложность в общении поколений, а расширение сферы языка в связи с этим значительно замедляется; что касается письменных текстов на ижорском языке – здесь фольклорные тексты требуют адаптации, так как они представлены на разных диалектах их язык отличаются на фоне учебных пособий и современных литературных произведений.

Как бы то ни было, ижорский язык все еще продолжает свое существование как полноценный язык на всех своих уровнях – фонетическом, грамматическом и лексическом, – несмотря на его малочисленность и нефункциональность, что является весьма удивительным фактом.

Источники:

1. Агранат Т. Б. Ижорский язык. Как жители Ингерманландии забывали свои сказки [Электронный ресурс] URL: <https://postnauka.ru/longreads/155719> (дата обращения: 10.01.2023).

2. Агеева Р. А. Ижорский язык // В. П. Нерознак (ред.) Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. М., 2002. С. 75–79
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1986. С. 119.
4. Porkka V. Ueber den ingrischen Dialect mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte. Helsingfors, 1885.
5. Рожанский Ф. И. Ижорский язык // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2018) [Электронный ресурс] URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/5229604> (дата обращения: 10.01.2023)
6. Чернявский В. Ижорский язык (Самоучитель). 2005.
7. Агранат Т. Б. Ижорский – херитажный язык В.И. Рассадина // Актуальные проблемы монголоведных и алтаистических исследований. Материалы III Международной научной конференции. Элиста, 2019. С. 423–424.
8. Агранат Т. Б. Сравнительный анализ грамматических систем прибалтийско-финских языков: принципы интрагенетической типологии. М., «Языки народов мира», 2016. С. 180–192.
9. Агранат, Т. Б. Специфика полевой работы с носителями вымирающих языков (на материале водского языка) // Полевая лингвистика: сб. статей. М., 2007.
10. Видеман Ф. И. О происхождении и языке вымерших ныне кревинов. СПб., 1872.

G. A. Demin (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);

M. N. Orlyanskaya (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

HISTORY AND CURRENT STATUS OF THE IZHORIAN LANGUAGE IN THE NORTHWEST OF RUSSIA

History and resilience of the Izhorian language in the Leningrad region is considered and the current situation of ethnic language proficiency among the indigenous population is presented using data from the 2010 census (data from a later study are not available at the time of writing). The measures and methods of maintaining and preserving the Izhorian language, carried out by ethnic activists and state authorities supporting them, as well as scientific and educational organizations are described.

Izhorians, Ozhorian language, Nizheluzhsky and Soykinsky dialects, languages of indigenous minorities

УДК 316.77

Б. С. Десятов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: desyatov.bogdan@gmail.com)

ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ВЛИЯНИЯ: ЦЕЛЕВЫЕ ЗАДАЧИ СЕТЕВОГО МАРКЕТИНГА

В данной статье рассматривается концепция влияния социальных сетей и способы его измерения. Растущее использование социальных сетей в бизнесе и персональном брендинге сделало влияние в социальных сетях очень востребованным товаром, но критерии его измерения не претерпели значительных изменений с течением времени. В статье утверждается, что количество подписчиков, лайков и акций не является надежным показателем влияния, поскольку этими показателями можно легко манипулировать. Вместо этого в статье предлагается использовать показатели вовлеченности, такие как комментарии, лайки, акции и количество переходов по ссылкам, которые дают более точное представление о том, насколько контент аккаунта резонирует с аудиторией. Кроме того, показатели охвата, измеряющие количество людей, которые потенциально могут увидеть контент, дают представление о потенциальном влиянии контента аккаунта на более широкую аудиторию. В статье также освещаются проблемы в области анализа влияния, включая отсутствие математической формулы влияния, трудности в определении параметров для измерения влияния и большой объем данных, генерируемых социальными сетями. Растущее развитие социальных сетей привело к получению большого количества данных, которые могут помочь определить наиболее влиятельных пользователей, однако многие методы имеют проблемы с масштабируемостью и эффективностью, что затрудняет их применение в крупномасштабных контекстах. В заключение статьи подчеркивается важность учета целей задачи и типа данных при выборе метрик для получения максимально точного определения влияния.

Социальные сети, социальные медиа, социальное воздействие, влияние, метрика, онлайн-сообщество

В современную цифровую эпоху социальные сети – неотъемлемая часть нашей повседневной жизни. Это платформа, на которой люди и организации могут общаться, делиться информацией и взаимодействовать со своей аудиторией. Социальные медиа – незаменимый инструмент для бизнеса, как в плане маркетинга, так и найма новых сотрудников. В этом контексте влияние социальных сетей можно рассматривать как востребованный товар, который нуждается, помимо прочего, и в количественной оценке.

Обратимся к определению социального воздействия. Социальное воздействие – это влияние, которое компании и организации оказывают на людей и сообщества посредством своей деятельности. Центр социального воздействия (CSI) определяет его как чистый эффект деятельности, характеризующий благосостояние отдельных людей или семей, а Мичиганский центр социального воздействия Росса – как позитивные изменения, направленные на решение существующих социальных проблем [1].

Это определение включает прагматический смысл, а именно акцент на значении удовлетворенности инвесторов, желающих внести свой вклад в развитие рынка, поскольку, как показывают исследования, более 51 % всех потребителей готовы платить за продукты и услуги, способствующие социальному воздействию. Исследования 2017 года отмечали, что существует 2251 корпорация, утверждающая, что ее деятельность направлена на социальное воздействие и получение финансовой выгоды.

Однако измерение социального воздействия может быть сложным, поскольку различные организации предлагают множество критериев, и не существует официального канона, как это делать. Без надлежащих данных и информации подходы к социальному воздействию могут стать необоснованными и неоднозначными.

На наш взгляд, интерес к изучению проблемы измерения влияния и описания метрик социального воздействия, тем самым, приобретают остро выраженную актуальность. Инвестирование в социальное воздействие – это позитивные изменения, которые организация привносит в общество, которые включают в себя три аспекта: социальный, экологический и управленческий.

В начальный период Интернета влияние измерялось количеством просмотров страниц на сайте. С появлением таких платформ социальных сетей, как Myspace и Facebook (проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена), размер аудитории пользователя в социальных сетях, или количество подписчиков, приобрел значение новой метрики. Twitter добавил еще один уровень, позволив пользователям оценивать влияние социальных сетей на основе охвата и резонанса твитов. Эти метрики рассматривались, как способ оценить влияние отдельного человека или организации на онлайн-сообщество. Однако с развитием социальных сетей критерии, по которым определяется чье-либо влияние в социальных сетях, не претерпели значительных изменений [2].

Что изменилось, так это ценность влияния в онлайн-сообществе. Социальные сети стали важным инструментом бизнеса, а влияние в социальных сетях стало для организаций способом оценки потенциальных сотрудников. Для отдельных людей это также способ создать свой личный бренд, утвердиться в качестве идейных лидеров в своей отрасли и монетизировать свое влияние за счет партнерства и спонсорского контента.

Но как измерить влияние социальных сетей? Многие считают хорошим способом измерения влияния количество подписчиков, лайков, акций и т. д.,

но сами по себе эти показатели не являются надежными индикаторами. Аккаунтами в социальных сетях можно легко манипулировать, покупая подписчиков или участвуя в тенденции «follow for follow». Эти действия могут раздуть показатели аккаунта, но они имеют мало общего с фактическим влиянием или воздействием аккаунта.

Поэтому важно измерять и другие факторы, например, вовлеченность и реакция людей на контент в социальных сетях. Показатели вовлеченности, такие как комментарии, лайки, акции и количество переходов по ссылкам, дают более точное представление о том, насколько контент аккаунта резонирует с аудиторией. Показатели вовлеченности также дают представление о подлинности подписчиков аккаунта, поскольку высокий уровень вовлеченности свидетельствует о неподдельном интересе и связи.

Другой важной метрикой является охват, измеряющий количество людей, которые потенциально могут увидеть контент. Показатели охвата включают количество подписчиков, а также число людей, которые увидят контент через результаты поиска или рекомендации. Эти метрики дают представление о потенциальном влиянии контента аккаунта на более широкую аудиторию.

Анализ влияния и его распространение в социальных сетях имеют важное прикладное значение, позволяя исследователям анализировать и объяснять социальное поведение людей, обеспечивая теоретическую основу для принятия решений. Однако в этой области все еще существуют проблемы, включая отсутствие математической формулы измерения влияния, трудности в определении его параметров, а также большой объем данных, генерируемых социальными сетями, затрудняющий анализ и определение влияния.

Растущее развитие социальных сетей также позволило получить большое количество информации, которая может помочь определить наиболее влиятельных пользователей. Для решения этой проблемы были разработаны алгоритмы, метрики и модели для расчета влияния пользователя в социальных сетях. Однако многие из этих методов имеют проблемы масштабируемости и эффективности, а продолжающийся увеличение роста социальных сетей затрудняет их применение в крупномасштабных контекстах [3, С. 54–55].

Разнообразие метрик, алгоритмов и моделей анализа влияния обусловлено необходимостью решения различных типов задач, таких как максимизация влияния, распространение влияния и разграничение важности различных узлов в социальной сети. Меры центральности являются наиболее известными и наиболее используемыми в анализе социальных сетей, но они зависят от свойств сетей. Другие метрики, например, использующие количественные показатели, такие как твиты или ретвиты, также могут быть полезны для определения влияния пользователя.

В заключение отметим, что влияние социальных сетей – это сложный и многогранный социальный феномен, измеряемый не только цифрами. Важно учитывать различные показатели, включая объем, охват и вовлеченность, чтобы определить, кто обладает реальным влиянием в социальных сетях.

Кроме того, важно понимать контекст, в котором оценивается влияние социальных сетей, и конкретные цели оценки. Только учитывая сочетание метрик и контекста, можно понять и измерить воздействие и влияние человека или организации в социальных сетях.

Наряду с измерением влияния социальных сетей, для компаний и организаций также не менее актуальным является вопрос измерения социального воздействия, для чего могут быть использованы такие инструменты и метрики, как социальная рентабельность инвестиций (SROI) и система Глобальной инициативы по отчетности (GRI).

Измерение социального воздействия важно для организаций, поскольку оно позволяет подтвердить эффективность методов работы и привлечь новых инвесторов и клиентов, а также продемонстрировать заинтересованным сторонам свою приверженность социальной ответственности. Наконец, это также помогает потребителям принимать обоснованные решения о товарах и услугах, которые они приобретают.

Измерение влияния социальных сетей и социального воздействия – это важная задача, которая позволяет получить более детальное и точное понимание влияния, которое оказывают отдельные лица и организации на социальные сети и общество в целом. Подобное исследование поможет лучше понимать и анализировать социальные тенденции и движения, а также разработать эффективные стратегии для решения социальных проблем.

Источники:

1. How to Measure Social Impact (Step-By-Step Guide): [Электронный ресурс]. URL: <https://theimpactinvestor.com/how-to-measure-social-impact/>. (дата обращения: 11.01.2023).

2. How to Measure Social Media Influence: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.viralnation.com/blog/how-to-measure-social-media-influence/>. (дата обращения: 11.01.2023).

3. Ribeiro, A.C., Azevedo, B., Oliveira e Sá, J., Baptista, A.A. How to Measure Influence in Social Networks? // Research Challenges in Information Science. – Springer, 2020. С. 38–57.

B. S. Desyatov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

MEASURING SOCIAL INFLUENCE: TARGETING NETWORK MARKETING

This article examines the concept of social media influence and how to measure it. The growing use of social media in business and personal branding has made social media influence a highly sought-after commodity, but the criteria for measuring it have not changed significantly over time. The article argues that the number of followers, likes and shares is not a reliable measure of influence, as these metrics

can be easily manipulated. Instead, the article suggests using engagement metrics such as comments, likes, shares and number of link clicks, which provide a more accurate indication of how much the account's content resonates with the audience. In addition, reach metrics, which measure the number of people who could potentially see the content, provide insight into the potential impact of the account's content on a wider audience. The article also highlights challenges in impact analysis, including the lack of a mathematical formula for impact, the difficulty in defining metrics to measure impact, and the large volume of data generated by social media. The growing development of social media has produced a wealth of data that can help identify the most influential users, but many methods have problems with scalability and efficiency, making them difficult to apply in large-scale contexts. The paper concludes by stressing the importance of considering the goals of the task and the type of data when choosing metrics to obtain the most accurate definition of influence.

Social media, social impact, influence, metrics, online community

УДК 347.73

Н. К. Дунаев (Санкт-Петербургский государственный экономический университет «ГЭУ», e-mail: nikita.dunaev2019@mail.ru);

О. В. Ронинсон (Санкт-Петербургский государственный экономический университет «ГЭУ», e-mail: olga.roninson@mail.ru)

ИСТОРИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ФИНАНСОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Рассматривается формирование финансового права как отрасли права. Исследуется история зарождения финансового законодательства, которая изобилует противоречивыми решениями и радикальными изменениями, как в структурной составляющей, так и во внутреннем наполнении. Влияние на зарождение экономических кризисов и подъемов, политических событий государственного и мирового масштаба, идеологические взгляды правительств и даже социальный строй, господствующий в стране на определенном историческом моменте.

Финансовое право, развитие законодательства, общественные отношения, совокупность исторических этапов, нормативные документы, этапы развития

Принято считать, что финансовое законодательство зародилось уже в Российской Империи в XIX веке [1, С. 54]. Такое утверждение верно отчасти. Конечно, как отрасль права и законодательство финансовое право не оформилось в период до провозглашения России империей. Однако финансовые институты существовали, и требовалось их законодательное урегулирование во избежание произвола со стороны отдельных субъектов подобных отношений.

Самым первым финансовым институтом в Древней Руси можно по праву считать налогообложение. Оно носило весьма архаичный характер. Князья собирали дань с подвластных племен (иначе данный процесс именуется полюдьем). Ее размер был не определен, впрочем, как и место со временем ее сбора. Всем известна трагичная история князя Игоря, который, желая получить от древлян дань в более крупном размере, мучительно скончался из-за взбунтовавшегося племени. Его жена княгиня Ольга усовершенствовала процесс сбора дани, установив уроки (определенный размер дани) и погосты (небольшие укрепленные пункты, куда подвластные племена свозили дань) [4, С. 340].

«Русская правда» князя Ярослава Мудрого закрепила обычаи выплаты дани формально. В статье 9 содержались нормы, устанавливающие публичную обязанность населения уплачивать деньги и передавать натуральные продукты в пользу слуг князя, занимавшихся сбором виры. Полученные княжеским двором деньги тратились на государственные нужды, в том числе на сбор войск. То есть

можно говорить, что дань уже приобретает основные черты налога, а ее законодательное закрепление становится серьезным шагом в формировании налогового права в целом. Тем, не менее, исследователи, в том числе А. А. Азизов, считают, что такие выплаты в пользу собирателей дани являются судебной пошлиной, либо «квазиналогом», что не умаляет их значимость для развития финансового законодательства на Руси [4, С. 342].

Налогообложение заметно изменилось во времена монголо-татарского ига. Дань собиралась представителями ханов Золотой Орды баскаками, которые регулировали данный процесс на основе своих законов и порядков, для русских людей порой не понятных и чрезмерно суровых, что приводило к бунтам и гибели собирателей дани. В более позднюю эпоху такую дань начали собирать сами русские князья, что стало одной из причин победы Московского княжества над ордынскими силами в конце XV века. Важно отметить, что сбор дани ордынцами наложил отпечаток на взгляды будущих правителей Руси, так как система монголов была достаточно современна и удобна на тот период времени. Некоторые инструменты и нормы налогообложения будущая Московская Русь переняла от вчерашних поработителей.

Подобного совершенствования, к сожалению, не застигла денежная эмиссия. В Древней Руси пользовались иностранными монетами (такими как дирхамы, динары и фалсы), выпускаемыми обычно в восточных странах. Законодательного регулирования денежной массы, в том числе ее эмиссии, не могло существовать на тот период времени. Это привело к фальшивомонетчеству, процветавшему в Древнерусском государстве. Не было развито и банковское право [5, С. 113].

Можно отметить, что в Древней Руси развивалось преимущественно именно налоговое право, что неудивительно, так как сбор налогов – это один из признаков государства, без которого оно не может существовать. За несколько веков налогообложение преобразилось, стало более систематизированным как благодаря действиям князей и даже ордынских посланников, так и с помощью его формального закрепления в первом древнерусском сборнике законов – «Русской Правде». Другие институты финансового права еще не нашли своего отражения в нормативных документах, а их зарождение приходится на новый этап – эпоху Московской Руси.

Победителем среди противоборствующих княжеств, образовавшихся вследствие феодальной раздробленности и стремящихся к господству на территории бывшей единой Руси, стало Московское княжество, правитель которой, а именно Иван III, нанес сокрушительное поражение и войскам татаро-монголов под предводительством хана Ахмата в 1480 году, чем и положил конец игу. Начался новый виток развития не только государственности России в целом, но и финансового законодательства в частности.

Великим князем Иваном III (единоличным законодателем) был издан Судебник 1497 года. Первый аспект, который касался финансового законодательства, выразился в закреплении в нормативном акте обязанности крестьянина

при уходе от своего помещика выплачивать «пожилое» – плата за проживание и пользование землей (согласно статье 57). Этим же законодательным документом была учреждена система приказов, которые отвечали и за регулирование финансовых дел государства. Государственная Казна была главным государственным хранилищем и не ограничивалась контролем и хранением финансов. Здесь находились под надзором не только деньги и драгоценности, но и работали государственный архив и государственная печать. Государственная Казна выступала своего рода центральным финансовым ведомством, необходимым для регулирования финансовых вопросов формирующейся страны [6, С. 3].

Впервые была введена централизованная эмиссия государственной валюты, которая проводилась исключительно в столице. Времена, когда чеканкой монет могло заниматься любое из княжеств, были закончены. Основной валютой стал рубль, а монетой – деньга. Тем не менее, единая денежная система не успела оформиться за время правления Ивана III и его сына Василия III. Первым шагом в ее становлении являлась реформа Елены Глинской – матери Ивана IV. Она ввела новые стандарты чеканки монет, а также утвердила рубль в качестве единственной валюты Московского Государства. Ей же были введены суровые наказания за фальшивомонетчество, к которым приравнивалась и чеканка монет, вышедших из хода.

Иваном IV так же было проведено немало реформ, в том числе и внутри финансовой сферы. Так, расширился список приказов и их функций, увеличилась их роль в регулировании финансовой системы, в том числе и налогообложения. В 1550 году был издан новый Судебник. В нем подтверждалось право перехода крестьян в Юрьев день и была увеличена плата за «пожилое». Право сбора торговых пошлин переходило в руки государства. Население страны было обязано нести тягло – комплекс натуральных и денежных повинностей.

Кроме вышеперечисленного, была усовершенствована система сбора налогов. Была установлена единая единица измерения – соха. Сбор косвенных налогов, а также таможенных платежей осуществлялся специальными чиновниками – таможенными и кабацкими головами и целовальниками. Государством была введена монополия на продажу хлеба, пеньки, меда и водки.

Из-за разгоревшейся Смуты в начале правления династии Романовых, которое требовало в первую очередь решительных военных мер, финансовые вопросы ушли на второй план. Только во время правления Алексея Михайловича были проведены новые реформы. Им было издано «Соборное Уложение» – новый важнейших свод законов для Российского Государства. В нем нашли отражение вопросы регулирования финансовых (налоговых) отношений, вопросы собственности, суда, оборот земли, а также было окончательно закреплено крепостное право, с отменой урочных лет. Был распределен процент податей в зависимости от сословного положения плательщика, упрощена налоговая система, увеличены косвенные налоги.

Самым известным, однако, регрессивным аспектом финансовых реформ Алексея Михайловича, стала эмиссия медных денег, которые были сильно

обесценены, что привело к Медному Бунту. Разумеется, царю пришлось свернуть такие нововведения. Более успешными реформами в финансовой сфере запомнился псковский воевода Ордин-Нащокин. Под его ответственностью был принят Новоторговый Устав, а также начала проводится политика меркантилизма и протекционизма, положительно повлиявшая на всю экономику страны.

Ордин-Нащокин повлиял и на кредитную политику государства. Он покровительствовал ростовщичество, которое во многих европейских государствах презиралось и даже признавалось ересью, за которое крайне жестоко наказывалась. Более того, воеводой были предприняты попытки создания первого российского банка (раньше их роль в некоторых операциях играли монастыри), однако его замыслу не дано было свершиться в XVII веке.

В этом же столетии появляется самый ранний прообраз государственного бюджета России – «Роспись доходов и расходов» (1680 год) – финансовый отчет по 35 приказам. Государственный контроль за ним осуществлял преимущественно Счетный приказ, который изучал счетные книги и иные подобные документы других государственных органов. Сбор недоимок и остатков ведомственных бюджетов так же осуществлялся им [6, С. 9].

За XV–XVII века финансовая система Российского государства значительно поменялась со времен Древней Руси и монголо-татарского ига. Налоговая система стала более понятной для облагаемых налогом, начинают зарождаться бюджетное и банковское право, эмиссия стала единой, появилась национальная валюта. Нормативные акты же закрепили все достижения, сделав их легальными с помощью официального оформления в Судебниках и Соборном Уложении. Однако не менее важные изменения произошли в эпоху Российской Империи.

С эпохи Петра I финансовое законодательство, как и многие другие аспекты общественной жизни российского государства, подверглось изменениям. Петр I стремился усовершенствовать монетное дело Российского государства. Изначально первый император России (еще до получения своего титула) поставил цель создания новых номиналов в национальной валюте (медные копейки и серебряный рубль), однако их введение в обращение было крайне осторожным, так как у народа, да и у самого Петра Алексеевича, в мыслях хранился печальный опыт Медного бунта. В 1718 году правитель принял закон, по которому остатки старой валютной системы были ликвидированы. Позднее Петром ввелись и золотые деньги – червонцы, двойные червонцы и двухрублевки. Система, выстроенная императором, оказалась крайне жизнестойкой и просуществовала до самого падения династии Романовых.

Через несколько десятков лет по поручению Екатерины II были введены в обращение бумажные ассигнации (хотя подобная идея присутствовал у Сената еще во время правления Петра I). К сожалению, регулирование ассигнаций путем создания новых законов было проблематичным, и в государстве су-

ществовал значительный избыток денежной массы. Улучшить систему ассигнования и обуздать обесценивание валюты попытался Павел I, но и ему не удалось внести достойных корректив [2, С. 173].

В XVIII веке в денежном обращении России произошли значительные изменения. Была создана устойчивая денежная система, основой которой выступил рубль, ввелись бумажные ассигнации, образовалась и утвердилась государственная монополия на чеканку серебряных и золотых монет.

Что касается налогового права, то уже во времена правления Петра I были отменены мелкие налоги и сборы, но вместо них ввелась общая подушная подать – новый вид налога, собираемых с крестьянских общин по количеству ее членов. Ее также были обязаны выплачивать и другие социальные слои российского общества. В критические моменты истории вводились дополнительные меры. К примеру, Екатерина II снизила (что для европейского общества было удивительным) налог на соль, чем увеличила его потребление и поступление денежных средств в казну [7, С. 45].

В середине века был обновлен Таможенный устав. Благодаря нему сформировался и закрепился торговый статус населения Российской Империи и его отдельных элементов, стабилизировался сбор пошлин, образовалась купеческая монополия.

XVIII век оказался удачным и для развития бюджетного и банковского права. При Петре I появилось понятие «государственный бюджет», которым император занимался лично и поручал подчиненным строго следить за доходами и расходами государства. Бюджет увеличился, по меньшей мере, в два раза с начала XVIII столетия к его окончанию. Начинают на всей территории империи функционировать казенные банки, принадлежащие государству. Павел I даже попытался превратить городские ратуши в прообразы купеческих банков, однако это его начинание не увенчалось успехом. Но император создал первую регулярную биржу в России, которая действовала до Первой мировой войны [2, С. 183].

В финансовом плане XIX век начался не так успешно, как планировали правители. Постоянные войны обесценили ассигнации, подвергающиеся слишком частой эмиссии. И хотя осуществлялся постоянный контроль за государственным бюджетом, инфляцию побороть не удалось вплоть до реформ 1830-х годов под руководством Сперанского и Канкрин. Но и их усилия лишь временно поправили ситуацию, ведь после Крымской войны снова наблюдался постоянный дефицит бюджета.

Во время правления Александра II произошли существенные изменения в финансовой системе страны. Так, была усовершенствована налоговая система, стимулирована экономическая основа общества (в том числе большое внимание уделялось развитию промышленности), проведены новые денежные реформы. В 1860 году был создан Государственный банк, который еще не обладал правом самостоятельной денежной эмиссии. В следующем году он был объединен с казенными банками [3, С. 118].

Следует отметить, что в XIX веке было отменено Крепостное право. Это не только освободило крестьян по Манифесту «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей», но и дало толчок развитию финансово-правовых институтов. К примеру, помимо появлявшихся в начале и середине XIX столетия дворянских банков, появился Крестьянский поземельный банк во время правления Александра III. Он выдавал долгосрочные ссуды крестьянам на покупку частновладельческих, прежде всего дворянских земель.

Эпоха последнего российского императора Николая II так же отметилась некоторыми реформами в финансовой сфере. В стране начал формироваться сложный буржуазный тип общества. Именно в это время начались разговоры и об оформлении финансового права в качестве отдельной отрасли законодательства. Резкое увеличение объема финансовых правовых актов связано с глубокими экономическими и политическими процессами, происходящими в капиталистическом обществе в конце XIX века.

Остановимся подробнее на специфике создания и реализации законов отрасли финансового права в последних десятилетиях Российской Империи. Стоит начать с того, что без санкции императора ни один нормативно-правовой акт не мог получить юридической силы. Их толкованием занимался один из высших государственных органов – Сенат. По замыслу юристов начала XX века законы должны были выражать общую волю трех субъектов, которым принадлежала совместная власть – Государственной Думы, Государственного Совета и Императора. Поэтому говорить об иерархической структуре законодательства на данном этапе его уже официального формирования было очень сложно [2, С. 201].

Завершая краткий дискурс в эволюцию финансовой сферы и финансового права в Российской Империи, следует отметить наиболее важные изменения, произошедшие в эту эпоху. Во-первых, к началу XX века финансовое право, как отрасль законодательства и права получило официальное формирование. Во-вторых, стали развиваться институты эмиссии денежных знаков, бюджетного и банковского права. В-третьих, реформы затронули и самый древний аспект финансового права – налоговое право, которое стало более систематизированным и даже справедливым.

Источники:

1. Землин А. И. Финансовое право Российской Федерации: уч. для вузов. М.: Юрайт, 2022.
2. Пашенцев Д. А. Финансовое право Российской империи. От идей к реализации: монография / Д. А. Пашенцев, Е. Л. Алехина, М. И. Долакова. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2015.
3. Эриашвили Н. Д. Финансовое право: уч. для студентов вузов / Н. Д. Эриашвили. М: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2017.
4. Азизов А. А. Налогообложение в Древней Руси // Вопросы российской юстиции. 2020. №8. С. 338–346.
5. Валеров А. В. Становление денежно-кредитных отношений в Древней Руси // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2017. №4. С. 111–117.
6. Грачева Е. Ю. История финансового права // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. №3. С. 1–18.
7. Муравьева Л. А. Финансово-кредитная и налоговая система России в XVIII веке // Финансы и кредит. 2021. №8 (80). С. 42–48.

N. K. Dunaev (Saint Petersburg State University of Economics);

O. V. Roninson (Saint Petersburg State University of Economics)

***THE HISTORY OF THE ORIGIN AND FORMATION
FINANCIAL LEGISLATION IN RUSSIA***

The formation of financial law as a branch of law is considered. The author examines the history of the origin of financial legislation, which is replete with contradictory decisions and radical changes, both in the structural component and in the internal content. Influence on the origin of economic crises and upsurges, political events of national and global scale, ideological views of governments and even the social system prevailing in the country at a certain historical moment.

Financial law, development of legislation, public relations, a set of historical stages, regulatory documents, stages of development

УДК: 659.1

С. М. Емельянов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: esm49@mail.ru)

РИСК-МЕНЕДЖМЕНТ В СВЯЗЯХ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ КАК ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Рассматривается риск-менеджмент как скоординированные действия по управлению организацией с учетом риска, акцентируется внимание на стратегической цели риск-менеджмента как своевременной минимизации отрицательных последствий наступления рисков событий. Анализируются функциональные связи в деятельности различных субъектов риск-менеджмента, особое внимание уделяется PR-специалисту как субъекту риск-менеджмента. Раскрываются прямое и косвенное направления риск-менеджмента в профессиональной деятельности специалиста по связям с общественностью.

Базисный субъект PR, паблицитный капитал, риск-менеджмент, имиджевые и репутационные риски, прямое и косвенное управление рисками

Деятельность всех субъектов социального взаимодействия в той или иной степени сопряжена с рисками как угрозами, которые ведут к снижению ее эффективности, а в некоторых случаях к катастрофическим последствиям. Своевременная минимизация отрицательных последствий наступления рисков событий является стратегической целью риск-менеджмента. В связи с этим проблема управления рисками (риск-менеджмент) выдвигается на одно из первых мест в управленческой деятельности во всех сферах общественной жизни.

Теория управления рисками активно развивается на основе экономико-математических методов и информационных технологий в современной экономической науке [1, С. 5]. Не менее активно риск-менеджмент развивается в сфере политики, военной сфере, управлении техническими системами и т. д. Что же касается связей с общественностью, то эта проблема в прямой постановке не находит своего освещения в научных исследованиях. Отдельные же аспекты заявленной темы представлены в работах Азаровой Л. В., Ачкасовой В. А., Гавры Д. П., Кривоносова А. Д., Филатовой О. Г. и других авторов.

В Национальных стандартах РФ риск-менеджмент определяется как скоординированные действия по управлению организацией с учетом риска [2], [3]. Такое понимание риск-менеджмента дает нам основание выделить субъекты управления рисками, к которым относятся: менеджеры всех уровней (среди них особое место занимают топ-менеджеры, которые осуществляют управлением рисков на стратегическом уровне); риск-менеджеры (кризис-менеджеры); специалисты внутри организации (финансисты, технологи, юристы,

психологи, PR-специалисты и т. д.); внешние субъекты (партнеры, инвесторы и другие заинтересованные субъекты).

Важно заметить функциональные различия в деятельности субъектов риск-менеджмента. Если менеджеры принимают управленческие решения, то риск-менеджеры и специалисты внутри организации выполняют функции обеспечения планируемых решений. Каждый специалист анализирует и оценивает риски в сфере своей профессиональной компетенции и вносит предложения топменеджменту по возможным рискам и формированию соответствующих сил и средств по их предупреждению или минимизации. Например, финансист оценивает финансовые риски, юрист – правовые риски, а специалист по связям с общественностью анализирует репутационные и имиджевые риски, а также риски, связанные с информационно-коммуникативным обеспечением управленческих решений и т. д. Что же касается внешних субъектов риск-менеджмента, то они прогнозируют и оценивают возможные риски исходя, прежде всего, из собственных интересов. Например, инвесторы оценивают возможные риски с точки зрения целесообразности инвестирования тех или иных проектов, аналогичные исследования проводят партнеры, оценивая целесообразность своего участия в проекте. Иначе говоря, внешние субъекты риск-менеджмента выступают своего рода оппонентами по отношению к базисному субъекту PR. Данное обстоятельство требует от базисного субъекта PR учитывать интересы внешних субъектов, их риски и готовить контраргументы их посылам при обсуждении проекта.

В содержании риск-менеджмента, которое является универсальным для всех субъектов, можно выделить следующие этапы:

Этап прогнозирования рисков занимает особое место при определении стратегических целей компании. На этом этапе выявляются и анализируются факторы рисков, оценивается вероятность их наступления, прогнозируются возможные их последствия.

Этап оценки возможных рисков является логическим продолжением этапа прогнозирования. На этом этапе осуществляется идентификация рисков, определяется их уровень, оценивается величина потерь или прибыли, а также степень рисков (высокая, средняя, низкая), просчитывается правомерность и приемлемость рисков.

Этап формирования ресурсов представляет собой непосредственную подготовку компании к деятельности в рискогенных условиях. На этом этапе создаются силы и средства для предупреждения или минимизации рисков, выявленных на этапе прогнозирования и прошедших идентификацию на этапе оценки возможных рисков, разрабатываются планы их введения в действие.

Этап мониторинга ситуации, связанной с рисками. Этот этап совпадает с началом активных действий базисного субъекта PR по решению задачи и характеризуется сбором информации на предмет оценки влияния рисков и целе-

сообразности ввода в действие созданных резервов. Для этих целей используются самые различные методы исследования: наблюдение, опросы, контент-анализ текстовых и иных информационных носителей и т. д.

Этап применения методов воздействия на ситуацию с использованием резерва с целью минимизации рисков. На этом этапе на основе мониторинга ситуации осуществляется введение в действие резервов по заранее разработанным планам, оценивается их эффективность, вносятся коррективы.

В контексте заявленной темы нас интересуют технологические особенности риск-менеджмента в связях с общественностью. Прежде всего, заметим, что в отличие от экономики, а также бизнес-экономических процессов, где риск-менеджмент поддается количественному анализу на основе математических методов, в связях с общественностью управление рисками основывается преимущественно на качественном анализе, т. е. на экспертных оценках. Например, финансовые риски можно выразить в особых единицах математической статистики квантилях [4, С. 17]. Для оценки таких рисков требуется специальная подготовка, которой обладают риск-менеджеры как профессионалы. Что же касается репутационных и имиджевых рисков, которые включены в сферу связей с общественностью, то такие критерии как доверие или лояльность целевых групп к деятельности базисного субъекта выразить в количественных единицах не представляется возможным. Доверие может быть, а может не быть. Оно может быть высоким, средним или низким. Эти оценочные показатели можно получить на основе опроса целевых групп и экспертных заключений PR-специалистов. Иначе говоря, главная отличительная черта риск-менеджмента в связях с общественностью заключается в том, что этот процесс основывается на качественных методах оценки рисков с акцентом на возможные потери в сфере публичного капитала.

Исходя из стратегической цели связей с общественностью, суть которой заключается в информационно-коммуникативном обеспечении функционирования базисного субъекта, риск-менеджмент в этой сфере сводится к управлению рисками в процессе планирования и организации PR-деятельности. Сама же PR-деятельность осуществляется в рамках четырех этапов, известных как формула Джона Марстона RACE: исследования, планирования, реализации коммуникаций и оценки эффективности [5, С. 22].

Очевидно, управление рисками в связях с общественностью должно осуществляться на каждом этапе PR-деятельности. При этом важно учитывать, что потенциально риски присутствуют в содержании решаемых задач, поэтому в процессе риск-менеджмента важно акцентировать внимание на стоящих перед PR-специалистом задачах. Так, например, на этапе исследования он решает целый ряд задач: уясняет проблему и цель базисного субъекта; проводит ситуационный анализ, выявляет и формулирует PR-проблему в контексте проблемы базисного субъекта; формулирует цель PR-деятельности; обосновывает и формулирует коммуникационную стратегию.

Решение каждой из представленных выше задач сопряжено с определенными рисками. Например, при уяснении проблемы и цели базисного субъекта риски могут проявиться в том, что по причине коммуникационных барьеров, проблема и цель могут быть сформулированы некорректно, что в свою очередь может привести к ошибкам при решении задач. Причем степень такого риска может варьировать от низкой до высокой. При этом представляется возможным и необходимым предусмотреть меры по предупреждению или минимизации указанных рисков, которые могут быть сведены к дополнительным консультациям с экспертами, а также мониторингу процесса решения задач.

Важно заметить, что PR служба не всегда собственными силами может оценить риски в своей профессиональной деятельности. В связи с этим следует выделить два направления управления рисками в профессиональной деятельности специалиста по связям с общественностью: *прямое управление и косвенное управление*.

Прямое управление рисками представляет собой качественную оценку возможных рисков. В этом случае PR-специалист как эксперт оценивает возможные репутационные и имиджевые потери в процессе PR-деятельности. При этом он должен иметь четкие представления о репутационных и имиджевых рисках, рисках, связанных с потерями нематериальных активов – доверие целевых групп, их лояльность к базисному субъекту и руководству компании, приверженность к корпоративным ценностям и т. д. Технологии таких оценок представлены выше на примере риск-менеджмента в четырехэтапной PR-деятельности.

Потребность в *косвенном управлении рисками* в связях с общественностью возникает тогда, когда при организации PR-деятельности появляется необходимость провести количественную оценку возможных рисков, связанных с финансовыми потерями. Такое бывает, например, при заключении договорных отношений между PR-заказчиком и подрядчиком, когда требуется установить четкие финансовые обязательства. В этом случае для решения проблемы привлекается профессиональный риск-менеджер, которому соответствующие задачи ставит специалист по связям с общественностью. Как правило, такие задачи формулируются в брифе или техническом задании и в конечном итоге оформляются письменным договором. Для грамотной постановки таких задач PR-специалист должен обладать компетенциям в области риск-менеджмента и, особенно, знанием возможностей основных методов количественной оценки финансовых и других рисков.

Таковы некоторые технологические аспекты риск-менеджмента в связях с общественностью.

Источники:

1. Кулешова Е. В. Управление рисками проектов: уч. пособие / автор-сост. Е. В. Кулешова. 2-е изд., доп. Томск: Эль Контент, 2015.
2. ГОСТ Р 51897-2011/Руководство ИСО 73:2009 Менеджмент риска. Термины и определения. М.: Стандартинформ, 2012.

3. ГОСТ Р ИСО 31000-2010/ISO 31000:2009 Менеджмент риска. Принципы и руководство. М.: Стандартинформ, 2012.

4. Картвелишвили В. М. Риск-менеджмент. Методы оценки риска: уч. пособие / В. М. Картвелишвили, О. А. Свиридова. М.: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2017.

5. Барежев В. А. Организация и проведение PR-кампаний/ В. А. Барежев, А. А. Малькевич. СПб.: Питер, 2010.

S. M. Emelyanov (St. Petersburg State Electrotechnical University «LETI»)

RISK MANAGEMENT IN PUBLIC RELATIONS

Risk management is considered as coordinated actions to manage an organization taking into account risk, attention is focused on the strategic goal of risk management as timely minimization of the negative consequences of the occurrence of risk events. Functional connections in the activities of various subjects of crisis management are analyzed, special attention is paid to the PR specialist as a subject of crisis management. Two directions of crisis management in the professional activity of a public relations specialist are revealed – direct and indirect.

The basic subject of PR, public capital, risk management, image and reputation risks, direct and indirect risk management

УДК 81

О. М. Журавлева (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: omzhuravleva@etu.ru)

ЭЛЕМЕНТЫ ДРЕВНЕЙ КУЛЬТУРЫ В ТЕКСТАХ ПЕСЕН СОВРЕМЕННЫХ ФИНСКИХ ЭТНИЧЕСКИХ КОЛЛЕКТИВОВ

Песенный текст представляет собой явление массовой культуры и имеет несколько характерных признаков, среди которых особая эмоциональность, эстетичность, духовность, передающиеся языковыми средствами. Немаловажную роль играет и невербальный компонент. В фольклоре воплощается этническое самосознание народа, культурная самобытность, которая позволяет авторам и самому обществу реализовывать и определять свою идентичность. Тексты современных песен, написанные в этническом стиле, обращаются к мифологическим сюжетам, что подтверждает актуальность этих образов как для народной памяти, так и для формирования этнического самосознания, которое иногда может выходить за границы национальных государств.

Культура, культурная идентичность, этническая музыка, тексты песен, этническое самосознание, финно-угорский мир

Современное песенное творчество разнообразно, но практически всегда несет на себе отпечаток национальной культуры, в среде которой оно зародилось. Содержание текстов песен, форма исполнения, музыка, – все вместе создает креолизованный текст, соединяющий вербальный и невербальный (музыкальный) компоненты и созданный для определенного восприятия как внутри своей культуры, так и вне ее. Песни являются элементами массовой культуры, и их популярность, несомненно, отражает определенные тенденции, возникающие в обществе. Они транслируют некоторый культурный код, который может быть более или менее понятен представителям разных субкультур, социальных и возрастных групп. Кроме того, песенное творчество позволяет сохранить для следующих поколений убеждения, представления о себе и о мире, радости и горести, характерные для определенного временного периода, традиционные ценности и культурные приоритеты.

Исследование песенного творчества может многое рассказать о культуре народа, использование в текстах песен фразеологизмов и неологизмов, устаревших слов и клише позволяют лучше представить фразеологическую картину мира народа. Полагая, что песня – это «синтетический продукт культуры», и принадлежит она, в первую очередь, к коммуникативному жанру, А. И. Михайлова определяет полисемиотическое значение песни и выделяет у песенного стихотворного текста такие черты как средства языковой выразительности, чуждые

литературному языку элементы, заимствования, полагая, что современная популярная песня – это пример форсированной экспрессии [1, С. 62, 65]. Таким образом, важную роль в песенном творчестве играет содержание текста, поскольку, будучи частью массовой культуры, оно в большей или меньшей степени оказывает влияние на социум.

Песенный текст справедливо относят к разновидности поэтического текста, являющегося результатом «реализации поэтической функции языка» и обладающего антропологическим свойством, поскольку отражает видение мира автором [2, С. 390].

Анализируя тексты, в том числе и песенные, О. В. Красноярова отмечает, что они обладают нарративной структурой и служат социальному взаимодействию [3, С. 178]. Исследователь выделяет характерные признаки текстов массовой коммуникации, к которым принадлежат и тексты песен. Среди них есть ряд универсальных признаков – популярность, актуальность и сиюминутность, релевантность, контекстуальность и интертекстуальность, стереотипность и стандартизованность, роль которых связана с тем, что тексты должны восприниматься массовой аудиторией «здесь и сейчас», быть понятными [3, 179–180].

Не менее важен и тот факт, что музыкальные композиции в целом и песенные тексты в частности – это явление культуры. Как подчеркивает Н. И. Мокрова, тексты системны, что роднит их со знаковой системой культуры; рассматривая популярные песни, она отмечает, что для них характерна передача типичного образа современника, «который вырабатывается культурой» [2, С. 390]. В еще большей степени национальная культура и ее ценности, система мировоззрения и традиционных взглядов отражается в народном песенном творчестве, в фольклоре.

Идеи и сюжеты, которые находят отражение в фольклорных композициях существуют вне времени, они, с одной стороны, посвящены вечным темам, с другой – отражают вполне конкретное мировоззрение определенной этнической группы, которая исторически проживала или проживает до сих пор на той территории, где зарождаются современные фольклорные музыкальные произведения.

Народное песенное творчество не только отражает черты национального характера, но и позволяет глубже понять отношение этнического сообщества к природе, повседневной жизни, оценочные характеристики и особенности мировоззрения, являясь «словесно-музыкальным феноменом народной художественной культуры» [4, С. 20–21]. Основой фольклорной традиции признается мифология, которая может принадлежать не только одному этническому сообществу, но и иметь широкие территориальные границы. В ходе исторического взаимодействия соседствующие народы могли не только обмениваться материальными ценностями, но и духовными, сакральными, перенимая друг у друга и элементы мифотворчества, которые, в свою очередь, находили отражение в этническом фольклоре.

Особенности фольклорной традиции, в которой обнаруживаются элементы культуры этнических групп, обитавших исторически на северных землях от Балтийского моря до Уральских гор и занимавших территории к югу вплоть до Москвы, объединяют многочисленные народы, живущие как на территории современной Финляндии, так и в России, и широко представлены в творчестве музыкальных коллективов из Финляндии.

Характеризуя финскую песенную культуру, А. А. Богданова отмечает ее меланхоличный характер, обусловленный климатическими особенностями, атмосферу грусти и безысходности наравне с глубоким чувством единения человека и природы [5, С. 11]. Исследователь выделяет не только негативную коннотацию наименований песен, но и общую трагическую тематику, проявление в содержании концепта одиночества [5, С. 12]. Несомненно, песни в целом отражают особенности национального характера, а песенные тексты передают национальную картину мира. Современное песенное творчество помогает лучше понять народ и его мировоззрение, однако традиционное фольклорное творчество позволяет также проследить и сохранившиеся в народной памяти исторические корни, архаичный менталитет и мифологические представления, типичные для культуры.

В этнических песенных текстах финских исполнителей прослеживается еще более глубокая связь с природой. Но не с просторами и географическими реалиями, а с потусторонними силами природы, образами мифологического прошлого населявших в древности северные территории Европы и России племен.

Для более детального анализа обратимся к некоторым финским исполнителям, в творчестве которых нашли отражение этнические мотивы. Одной из известных фолк-групп, для композиций которой характерны древние мотивы этнической Скандинавской музыки, является *Gjallarhorn*, финско-шведский коллектив. Само название группы (от др.-сканд. *gjala* – «кричать», «петь») означает мифологический рог, при помощи которого передавались вести из мира богов в мир людей, своего рода инструмент-вестник. Особое звучание музыке придают музыкальные инструменты, которые используются для композиций, – это диджериду (духовой инструмент), джембе (ударный инструмент, барабан), калимба (ударный инструмент), флейты, мандола, струнные и перкуссионные инструменты. Музыка, исполняемая группой, уже настраивает на определенное настроение. Одна из композиций группы – это заклинание огня, *Eldgjald*, написанная в финской рунической песенной традиции. Текст песни частично повторяет строки Калевалы. Песни группы сочетают в себе обращение к традиции и новые композиции, но все они основаны на финско-шведском фольклоре, причем, скорее в той его части, которая связана с природой и мифологией, нежели с кровавой героикой [6].

В творчестве группы также есть композиции «Молитва о солнце / громе» (*Prayer for Sun / Thunder – Solbön/Åskan*), обращение к стихиям природы, к огню, к образу Матери-сырой земле (*Manutar*), богине воды (*Vellamo*), богине

весны (Suvedar). Редкий для группы героический сюжет присутствует в композиции Рамундер (Ramunder), где поется о герое, сразившем великана-тролля в его пещере.

В композиции, посвященной богине воды, используются такие важные смысловые ассоциации, как «девятый вал» и «семь морей» (Vellamo grow from the water // Come quickly, mother of the sea // From inside seven open waters // From under the ninth wave [7]), что указывает на значительно более широкий контекст песни, чем только финский фольклор.

Еще один финский фольклорный коллектив, *Värttinä* («Веретено»), исполняющий песни на карельском и финском языке, также посвящает несколько композиций стихиями природы, мифическим божествам, этническому эпосу и прошлому. В их музыке используются такие инструменты, как кантеле разных видов, скрипки, перкуссии, мандочелло и другие, создающие соответствующее восприятие этнической музыки. Альбом 2000 г. *Imatar* назван в честь богини воздуха Ильматар, в нем есть композиция, посвященная дочери Вяйнямейнена, Кивутар, и частично текст песни соотносится с руной Калевалы [8]. Композиция из другого альбома, *Iki* (само название может обозначать образ «вечного», «древнего»), посвящена подземному существу женского пола, *Maahinen neito* [9], что находит параллели с древним финским и карельским духом, текст песни также свидетельствует о неоднозначности этого потустороннего существа, без которого и не обойтись, не получить ожидаемый урожай, и которого страшатся, заклинаниями пытаюсь вернуть обратно под землю. Как и у коллектива *Gjallarhorn*, среди текстов песен есть и заклинания, и заговоры, и возвания к потусторонним силам, к духам природы и другим древним карело-финским мифологическим образам.

Обращение к общим, финно-карельским корням, использование элементов, типичных для финской и карельской культур, и, скорее всего, для всего финно-угорского мира, не только объединяет соседние этнические культуры, но и позволяет говорить о более широком мифологическом ареале, который до сих пор позволяет черпать актуальные образы.

Финская группа *Tenhi* (в переводе название группы означает «старейшину», «мудреца») исполняет композиции на стыке этнической и рок-музыки. В музыкальном сопровождении используются такие инструменты, как гитары, флейта, виолончель, перкуссия, джидериду, губная гармоника, фисгармония, барабаны и другие. В их творчестве есть композиции с названиями «Песня русалки» (*Näkin laulu*), «Мерцание Сайвы» (*Saivon Kimmalus*) – Сайво – это один из загробных миров саамов, находящийся под дном озер, «Сирены» (*Sees*) и другие.

Композиции всех трех коллективов имеют не только схожие черты, но и общие корни, финно-угорскую мифологию, древнейшие представления людей, населявших суровые северные земли, об устройстве мира. Географически коллективы представляют различные регионы Финляндии, в их составе иногда оказываются даже представители иной культуры, в их творчестве сочетаются

элементы скандинавской мифологии, финно-карельской, саамской, что в полной мере соответствует историческим контактам населения и основным направлениям межкультурного взаимодействия. Между представленными коллективами много общих черт, как лингвистических, так и внелингвистических. Очевидно, что определенную близость к исполняемой ими этнической музыке могут ощущать и народы севера России. Использование карело-финского эпоса «Калевала» в основе стихотворного ритма композиций, семантических заимствований и образов позволяет существенно расширить ареал этнической общности, которая могла бы идентифицировать себя с представленными фольклорными элементами, как на запад, так и на восток, то есть не только на скандинавский, но и на весь финно-угорский мир.

Тематическое и музыкальное сходство, популярность коллективов, их востребованность не только в собственной культуре, но и за ее пределами, несмотря на исполнение песен на национальном языке, позволяет предположить большое значение невербального, музыкального компонента, усиливающих воздействие атмосферы и мелодии, ритма на слушателей.

Коллективы, исполняющие этническую музыку, помогают лучше понять национальную финскую песенную культуру. Являясь частью массовой культуры, они во многом формируют этническую идентичность народа. Благодаря композициям, вобравшим в себя элементы древней культуры и мировоззрения финно-угорских племен, можно по-новому взглянуть на современную музыкальную культуру, лучше понять настроение и образы, которые она воспроизводит. Одним из возможных направлений более глубокого анализа влияния фольклора на национальное творчество и менталитет может стать изучение взаимовлияния соседних народов, как семантического, так и содержательного.

На примере творчества рассмотренных коллективов представляется возможным не только отметить актуальность древних народных верований, но и расширить значение этнического компонента за пределы национального государства. Возможно, в том числе, благодаря преемственности и использованию в популярных фольклорных композициях элементов древней культуры, многим этническим сообществам, порой даже разделенным государственными границами, удается поддерживать на высоком уровне свою этническую идентичность, распознавать родственные культуры и чувствовать духовное единство.

Источники:

1. Михайлова А. И. Жанровые характеристики современной популярной песни // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. №4 (17). С. 61–65. EDN YLQHHB.
2. Мокрова Н. И. Песня как явление комплексного характера // Вестник ИрГТУ. 2015. №6 (101). С. 389–393. EDN UNSAWV.
3. Красноярова О. В. Медийный текст: его особенности и виды // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2010. № 3. С. 177–181. EDN MNIXZ.

4. Алексеева О. И. Песенный фольклор как социокультурное явление народной художественной культуры // Наука. Искусство. Культура. 2012. №1 (1). С. 18–25. EDN RAUKBV.

5. Богданова А. А. Отражение культуры и ментальности народа в текстах песен (на материале текстов финских песен) // Интеллектуальный и научный потенциал XXI века: сборник статей международной научно-практической конференции: в 6 частях, Казань, 20 декабря 2016 года. Казань: ООО «Аэтерна», 2016. С. 10–13. EDN XEMSZR.

6. Andrew Cronshaw talks with Finlands-Svenskar band GJALLARHORN (Кроншоу А. Интервью с финско-шведской группой Gjallarhorn) URL: <https://web.archive.org/web/20041020144826/http://www.rootsworld.com/scanfest/gjallarhorn.html> (дата обращения 15.01.2023)

7. Sinivatsa, текст песни. URL: <https://lyricstranslate.com/ru/sinivatsa-blue-belly.html> (дата обращения 15.01.2023)

8. Kivutar, текст песни. URL: <https://lyricstranslate.com/ru/kivutar-kivutar.html> (дата обращения 15.01.2023)

9. Maahinen neito, текст песни. URL: <https://lyricstranslate.com/ru/maahinen-neito-changeling-maiden.html> (дата обращения 15.01.2023)

O. M. Zhuravleva (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

CULTURAL HERITAGE IN THE CONTEMPORARY ETHNIC FINNISH BANDS SONGS LYRICS

Songs lyrics is a phenomenon of mass culture. It has several typical features that are communicated through different language means. Among the most important features are the high level of emotions, aesthetics, and spirituality. Non-verbal component also plays a considerable role. Folklore embodies the ethnic identity of the society, self-consciousness, meaningful cultural peculiarities, so as the people can better understand and identify themselves. Contemporary ethnic songs lyrics develop the images of mythology proving their relevance for the culture and national memory, which forms and develops ethnic identity sometimes to far more extent than the limits of one national state implies.

Culture, cultural identity, ethnic music, songs lyrics, ethnic self-consciousness, finno-ugric world

УДК 316.1

М. П. Замотин (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: jethro79@mail.ru)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ»

Рассматривается такое явление как «цифровая социология», ее влияние и зависимость от таких аспектов, как цифровые медиа в фокусе социологических практик, как использование людьми цифровых медиа-технологий изменяет их самоощущение, использование цифровых данных для проведения социальных исследований и проведение рефлексивного и критического анализа цифровых медиа-технологий.

Цифровая социология, цифровизация, цифровые технологии, цифровые медиа, цифровые исследования

Цифровые технологии заняли центральное место в жизни большинства людей, живущих в развитых странах, и все большего числа людей в развивающихся странах. С появлением персональных компьютеров в начале 1980-х годов и Интернета в начале 1990-х годов эти технологии, которые называли «информационно-коммуникационными технологиями» (ИКТ) или «кибертехнологиями», а теперь называют «цифровыми технологиями» или «новыми цифровыми медиа», проникли во многие аспекты повседневной жизни, влияя на семейные отношения, досуг, работу, образование, торговлю и способы представления и потребления массовой информации. Они оказали глубокое влияние на повседневную жизнь и социальные отношения многих людей в развитых и все чаще в развивающихся обществах. Люди по всему миру стали связаны между собой цифровыми средствами массовой информации и сетями беспрецедентными способами, обеспечивая быстрый и эффективный поток информации через эти сети.

Цифровая социология предоставляет средства, с помощью которых можно исследовать, анализировать и понимать влияние, развитие и использование цифровых технологий и их включение в социальные миры и концепции самости. Социологи исследуют компьютерные технологии с тех пор, как они получили широкое распространение в середине 1980-х годов. Они рассмотрели множество разнообразных социальных вопросов, связанных с онлайн-сообществами, киберпространством и кибер-идентичностью. Такие исследования получили несколько различных названий, рассеянных по множеству интересов, будь то «киберсоциология», «социология интернета», «социология онлайн-сообществ», «социология социальных медиа», «социология киберкультуры» или что-то другое.

Хотя термин «кибер» был в моде в 1990-х и начале 2000-х годов, его использование, похоже, было в значительной степени заменено «цифровым», когда ин-

тернет стал более распространенным и повсеместным. Термин «цифровая социология» включает в себя проблемы, которые ранее рассматривались в «киберсоциологии», и распространяется на новую эру мобильного использования цифровых компьютеров. Это описательный термин отсылает нас к другим дисциплинам и их использованию термина «цифровой», таким как цифровые культурные исследования, цифровые гуманитарные науки и цифровая антропология.

Изучение цифровых технологий происходит в рамках целого ряда дисциплин, включая медиа- и культурологию, социальную психологию, культурную географию, гуманитарные науки и антропологию. Многие из этих дисциплин имеют общие методологические и теоретические подходы с цифровой социологией. Это неизбежно в среде социальных исследований, в которой часто пересекаются темы исследований, методы и теоретические подходы между дисциплинами в гуманитарных и социальных науках. Однако в современной социологической науке о цифровых медиа можно выделить некоторые отличия, особенно в отношении обсуждения того, как цифровые технологии влияют на академическую, а точнее, социологическую практику.

В литературе можно найти много подходов к выявлению аспектов цифровой социологии. Остановимся на четырех ее аспектах:

- профессиональная цифровая практика: использование цифровых медиа инструментов как часть социологической практики: для построения сетей, создания онлайн-профиля, публикации и обмена исследованиями и обучения студентов;

- социологический анализ использования цифровых медиа: исследование того, как использование людьми цифровых медиа-технологий изменяет их самоощущение, их воплощение и их социальные отношения, а также роль цифровых медиа в создании или воспроизводстве социальных институтов и социальных структур;

- анализ цифровых данных: использование цифровых данных для проведения социальных исследований, как количественных, так и качественных;

- критическая цифровая социология: проведение рефлексивного и критического анализа цифровых медиатехнологий на основе социальной и культурной теории.

Использование цифровых медиа является неотъемлемой частью работы социологов в качестве публичных социологов. Важным аспектом публичной социологии является донесение результатов социологических исследований и идей до общественности. Социологи должны не просто разговаривать друг с другом, но и давать возможность другим людям за пределами академического сообщества узнать, что они исследуют и о чем думают. В своей известной речи о публичной социологии Буравой [1] отмечает, что публичная социология должна быть направлена на привлечение «множества общественности различными способами» к социологическим идеям и результатам исследований. Что может быть более публичным и охватывать больше аудиторий по всему миру, чем использо-

вание цифровых медиа для передачи этих знаний и выводов? Социальные и другие новые цифровые медиа представляют собой идеальные способы, с помощью которых можно легко осуществить такое вовлечение общественности.

Существует множество цифровых медиальных инструментов и платформ, которые могут быть использованы социологами в качестве публичных социологов. Использование этих инструментов способствует установлению связей между другими учеными, работающими в интересующих областях, а также представителями общественности и профессий. Такое взаимодействие оказывает значительное влияние на общественный и научный профиль ученого, что позволяет следить за работой других социальных исследователей в области цифровых медиа – это способ быть в курсе событий в своей области. Результаты исследований часто обсуждаются и публикуются гораздо раньше в таких материалах, как сообщения в блогах или статьи, размещенные в цифровых сетях, таких как Twitter, Academia.edu или в журналах с открытым доступом, чем в традиционных академических изданиях. Доступ к этим форумам и участие в собственных исследованиях – это способ участия в передовых исследованиях и доступа к ним.

Существует давняя традиция не только в социологии, но и в медиа- и культурологии, культурной географии и антропологии исследовать, как пользователи взаимодействуют с цифровыми медиа. Хотя некоторые исследователи используют для этого количественные опросы, многие применяют качественные, глубинные методы, такие как этнографические исследования, фокус-группы и полуструктурированные интервью. Акцент на влиянии цифровых медиа на создание или воспроизводство социальных институтов (например, экономики, СМИ, семьи и системы образования) и социальных структур (возраст, пол, социальный класс, раса/этническая принадлежность) является характерной чертой того типа критического подхода, которого часто придерживаются социологи цифровых технологий.

Например, некоторые социологи, интересующиеся цифровыми медиа, обратили внимание на отсутствие доступа к цифровым технологиям у некоторых представителей неблагополучных социальных групп, таких как бедные, жители развивающихся стран или отдаленных регионов, люди с ограниченными возможностями, хроническими заболеваниями или плохим знанием языка. Однако, как отмечают [2], этот термин является довольно упрощенным, поскольку он не учитывает всех сложностей, а также имеет тенденцию позиционировать «технологии» и «социальное неблагополучие» как два отдельных и независимых явления. Они утверждают, что для понимания социального неравенства и доступа к цифровым медиатехнологиям необходимо признать их взаимосвязь и динамическую природу. Каждое из этих явлений формирует другое, но это текучий и нестабильный процесс. Хэлфорд и Сэвидж предлагают вместо этого понятие «цифровое социальное неравенство», чтобы обозначить взаимосвязь социального благополучия и отсутствия доступа к цифровым технологиям.

Однако доступ не единственный вопрос, связанный с явлением социального неблагополучия в сфере цифровых технологий. Также важно определить

практики, в которые вовлечены люди, что позволяет нам поставить ряд вопросов. Как люди из разных социальных групп используют цифровые технологии, когда у них есть к ним доступ? Какими способностями и пониманием они должны обладать, чтобы использовать их эффективно, и как на это влияет их социальное положение? Как влияют устоявшиеся представления о поле, возрасте, образовании, социальном классе, этнической/расовой принадлежности и способности людей использовать цифровые медиа на их использование? В какой степени определенные виды использования цифровых медиа усугубляют или смягчают социальное неблагополучие? Исследования показали, что люди с более низким уровнем образования могут проводить больше времени в Интернете в свободное время, чем люди с более высоким уровнем образования, но делают это по-разному: например, чаще вступают в социальное взаимодействие и играют в игры, а не для получения образования, поиска информации или по рабочим причинам [3].

При взаимодействии пользователей с Интернетом образуются массы цифровых данных, будь то побочный продукт использования (например, транзакционные данные, собираемые «cookies» на веб-сайтах) или сознательный вклад пользователей (сообщения в блогах, комментарии на сайтах, потребительские рейтинги, твиты, обновления на ВКонтакте или Facebook (проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена), домашние видео, загруженные на YouTube и т. д.). Появление «краудсорсинга», или предоставления данных многими пользователями для удовлетворения конкретной информационной потребности, также является частью этой агрегации данных. Алгоритмы (коды, которые указывают компьютерам, как работать) используются не только для получения данных, но и для прогнозирования или формирования потребительских привычек пользователей: например, рекомендации книг, которые получают пользователи Amazon, основанные на их предыдущих привычках просмотра или покупки, или автоматическое заполнение поисковых запросов, предоставляемое Google.

Эти инструменты могут использоваться для широкого спектра социальных исследований, включая анализ социальных сетей, измерение влияния в социальных сетях конкретных людей и тем (кто и что «в тренде» и почему), а также «настроения», которое выражается в отношении этих людей и то, как другие эмоционально реагируют на них. Как это может различаться в зависимости от географического положения, возраста, пола, социального класса, расовой и этнической принадлежности? Также генерируются массивы цифровых данных о моделях потребления людей: какие товары и услуги они покупают, какую музыку скачивают, как используют электричество и другие коммунальные услуги, где предпочитают проводить отпуск и как предпочитают путешествовать, какие сайты посещают с помощью поисковых систем и так далее.

Критический социологический подход к исследованию цифровых медиа привлекает внимание к природе такого исследования и его последствиям. Социологи отличаются от многих других социальных исследователей в этом деле

тем, что многие (если не все) из них осознают «живость» этих данных: цифровые данные, как и любые другие типы данных, сами по себе социально созданы и имеют собственную социальную жизнь. Они не являются нейтральным продуктом автоматического расчета, а представляют собой сознательные решения тех, кто формулирует компьютерные алгоритмы, собирающие и манипулирующие этими данными (Boyd D. и Crawford K., Cheney-Lippold J., Ruppert E.).

Еще одной темой исследований в области цифровой социологии является критическое внимание к тому, как сами социологи и другие ученые используют цифровые медиа. Это рефлексивный подход, который опирается на современную социальную и культурную теорию для анализа и опроса тех видов субъектных позиций, которые формируются посредством использования цифровых технологий как части профессиональной практики.

Социологи предупреждают, что цифровые данные и инструменты, используемые для их сбора и анализа, являются специфическими способами формирования исследований, наряду со многими другими, и следует проявлять осторожность против их некритического принятия (Beer D., Ruppert E., Savage M., Uprichard E.). Некоторые социологи также изучали вопрос о том, как использование социологами новых медиа влияет на условия их работы и представление ими своего профессионального «я». Добьются ли ученые, способные активно взаимодействовать с цифровыми медиа и создать сильное онлайн-присутствие, превосходства над другими учеными? Некоторые социологи утверждают, что масса данных, производимых цифровыми медиатехнологиями, и возможность анализа этих данных коммерческими компаниями могут стать серьезным вызовом для социологической практики. Таким образом, в рамках использования новых медиатехнологий продукт труда социологов и других ученых может быть повторно присвоен и преобразован беспрецедентными способами и может бросить вызов традиционным концепциям академических исследований и публикаций.

Источники:

1. Burawoy M. For public sociology // *American Sociological Review*, 2005, № 70 (1), pp. 4–28.
2. Halford S., Savage M. // *Reconceptualizing digital social inequality*. *Information, Communication & Society*, 2010, № 13 (7), pp. 937–955.
3. van Deursen A., van Dijk, J. () *The digital divide shifts to differences in usage* // *New Media & Society*, 2013 URL: https://www.researchgate.net/publication/259703073_The_digital_divide_shifts_to_differences_in_usage

M. P. Zamotin (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

DEFINITION OF «DIGITAL SOCIOLOGY»

The phenomenon of «digital sociology» and its influence and dependence on such aspects as digital media in the focus of sociological practices, how people's use of digital media technologies changes their sense of self, the use of digital data for social research, and conducting a reflective and critical analysis of digital media technologies are examined.

Digital sociology, digitalization, digital technology, digital media, digital research

УДК 316.775

Т. В. Ивашковская (Российская академия народного хозяйства и государственной службы Северо-Западный институт управления, e-mail: tv_ivashkovskaya@mail.ru);

В. А. Павлов (Российская академия народного хозяйства и государственной службы Северо-Западный институт управления, e-mail: vladimir5949@rambler.ru)

«ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ» КАК ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

«Цифровая суверенизация» рассматривается как одна из тенденций развития современного информационного пространства. Возникновение этой тенденции обусловлено стремлением России, как и ряда национальных государств, обеспечить свой информационный суверенитет.

Информация, информационные технологии, масс-медиа, нетократия, цифровизация

Несколько лет назад в политическом лексиконе обрел большую популярность и широкое хождение термин «фейк-ньюс» (fakenews). «Фейковые новости» люди зачастую воспринимают как достоверные и реагируют соответствующим образом, из-за чего могут возникать конфликты и социальные потрясения там, где для них отсутствуют объективные основания. В силу этого они стали важным средством политической и идеологической борьбы.

Сегодня теоретически оправданным и более продуктивным было бы говорить о создании второй, «параллельной медиа-реальности» в контексте политики «постправды» нежели «фейковых новостей», поскольку «fakenews» лишь составная часть данной технологии. Здесь, т. е. в рамках политики «постправды», истинное положение дел уже никого не интересует, а искаженная реальность становится инструментом достижения политических целей.

Острейшая проблема, требующая решения, состоит в том, чтобы, с одной стороны, не подавляя деятельность СМИ и не разрывая коммуникацию между государством и обществом, государством и международным сообществом; с другой, – предотвращать превращение медийных средств в рупор деструктивных социальных сил – внутренних и внешних.

Решение проблемы, вероятно, следует искать в направлении совершенствования государственного регулирования деятельности средств массовой информации с целью обеспечения информационной безопасности и сохранения политической стабильности. Можно, в порядке первого приближения, наметить несколько вариантов такого регулирования, учитывая их неравноценность и последствия.

Так, в рамках одного из вариантов полезно обратиться к теории секьюритизации Б. Бузана, О. Уэвера и Дж. Де Вильде, обращенной, главным образом, к информационной сфере. Информационная сфера является той сферой, в которой акторы секьюритизации – в первую очередь государство – усматривают наибольшие угрозы личности, обществу и государству, чью безопасность следует обеспечить. В ситуациях, когда стандартные меры не позволяют политическим акторам (государству и др.) справиться с какой-то проблемой, то она секьюритизируется (тут даже в качестве аналога напрашивается слово «стигматизируется»), т. е. объявляется экзистенциальной угрозой со всеми вытекающими последствиями – чрезвычайными мерами, выходящими за границы нормальной политической практики, и их оправданием. Эта проблема, поднятая в рамках теории международных отношений, представляется актуальной и перспективной и при исследованиях внутренней политики.

Второй вариант предполагает, что государственное регулирование информационной деятельности означает не монополизацию информационного пространства государством, и связанные с ней ограничения (сокрытие информации, полный запрет отдельных информационных средств), а, напротив, поддержание устойчивого диалога между государством и обществом на основе СМИ как платформы для сотрудничества.

В этом диалоге особое место отводится интернет-коммуникациям, которые стали частью современной политической жизни, формирующей модели массового поведения и сознания. Эти модели напрямую зависят от источников информации, каналов коммуникации: тревогу вызывает тот факт, что существенное влияние на сознание людей оказывают интернет-ресурсы, размещенные за пределами Российской Федерации. Речь идет, прежде всего, о таких ресурсах, как Google, YouTube, Facebook (проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена) и др., глобальный характер которых подталкивает к выводу о том, что наиболее вероятным сценарием развития интернета является формирование глобальной информационной элиты, или нетократии [1], контролирующей мировое информационное пространство, через которое будет формироваться глобальный мировой порядок.

Такой сценарий вызывает тревогу у значительного числа национальных элит. Заметно противостояние двух тенденций в развитии интернета – его национализации и интернационализации. Если в США настаивают на «интернете без границ», на необходимости обеспечения свободного доступа к интернет-пространству в любой точке земного шара, а инструментом такого доступа предполагается сделать глобальную спутниковую систему Starlink, то в России все заметнее утверждается представление о глобальном интернет-пространстве как совокупности национальных сегментов.

В связи с обозначившимися перспективами актуализируется проблема обеспечения не просто информационного суверенитета как верховенства государства в определении информационной политики. Представляется, что в

наступившую эпоху цифровизации актуальным становится цифровой суверенитет государства, включающий в себя информационный суверенитет. В данном контексте целесообразным становится создание собственных цифровых платформ, исключающих возможность внешнего влияния на функционирование и устойчивость социальных и политических институтов.

По существу, речь идет о своего рода «импортозамещении» в области информационных технологий и информационной безопасности. Надо сказать, вопрос об «импортозамещении» в этой области был поставлен задолго до того, как сам термин вошел в широкий оборот. Еще в 2010 г. Правительство РФ утвердило план перехода федеральных органов исполнительной власти на использование отечественного программного обеспечения на период 2011–2015 гг. Далее последовал Указ Президента РФ от 22.05.2015 г. №260 «О некоторых вопросах информационной безопасности Российской Федерации», который устанавливал необходимость создания российского государственного сегмента сети «Интернет», предназначенного для подключения к нему государственных информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей государственных органов и организаций. Спустя несколько лет был подписан и вступил в силу Федеральный закон №90-ФЗ от 01.05.2019 «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Упомянутые меры, по сути, отразили разворачивающееся сегодня на глобальном уровне противостояние упомянутых выше тенденций – национализации и интернационализации интернета. Надо понимать, что за словами о защите свободы слова, о свободном доступе к интернету зачастую кроются попытки информационного вмешательства во внутренние дела других стран. Очевидно, что владельцы основных ресурсов будут иметь и уже имеют преимущественные возможности такого вмешательства. Именно поэтому в России усиливается тенденция к пониманию глобального интернет-пространства как совокупности национальных сегментов интернета. Следствием такого сегментирования с большой вероятностью станет государственный контроль над такими сегментами, возникающий не в силу какой-то особой злонамеренности государства, а по причине все более обостряющегося информационного противостояния на международной арене.

Создание национального сегмента интернета – не наше изобретение: в мире наблюдается немало примеров подобной информационной политики. Практики ограничения доступа к информации на государственном уровне используются, например, в Китае, в Иране и др. странах. Так, в Китае создана система блокировки доступа к запрещенным китайским руководством ресурсам из внешнего интернета («Золотой щит»). Сходные меры блокировки иностранных информационных ресурсов осуществляются в Иране. В Египте во время январских событий в 2011 году был заблокирован доступ к интернет-

ресурсам с целью лишения оппозиции возможности использовать сети для организации коллективных действий. Примечательно, что сами США в последние годы теряют свои позиции в рейтинге информационной свободы [2]. Таким образом, ограничения со стороны государства на доступ к информации давно уже стали рутинной практикой.

Можно предположить, что в обозримом будущем мы будем наблюдать усиление государственного контроля и регулирования деятельности масс-медиа. После начала специальной военной операции на территории Украины, последовавших санкций западных держав, страна оказалась в ситуации, которая предполагает максимальное использование всех имеющихся ресурсов для преодоления возникающих трудностей. Среди этих ресурсов огромное значение имеют ресурсы информационно-пропагандистские, необходимые для укрепления идейно-политического единства российского народа. Стала заметной новая тенденция в информационной стратегии государства – идейно-политическая направленность негосударственных медийных средств не должна кардинально расходиться с установками, которых придерживается власть. В противном случае может последовать быстрая реакция – в прошедшем году мы стали свидетелями закрытия целого ряда СМИ, в том числе и интернет-ресурсов, деятельность которых шла вразрез с мобилизационной политикой государства. Если экономическая ситуация в стране будет ухудшаться – будет ужесточаться и государственная информационная политика. Эта закономерность давно и прочно подтверждена практикой: в критических условиях даже в самых либеральных и демократических государствах происходит ужесточение политического режима.

Вместе с тем мы наблюдаем интересное и, как нам кажется, новое явление во внутренней политике государства – усиление государственного регулирования информационной сферой планируется осуществлять на фоне частичной либерализации экономических отношений (снижение количества плановых проверок бизнеса, налоговые послабления, льготное кредитование и пр.), направленной на стимулирование производственной активности. Если удастся возникшие проблемы успешно преодолеть, меняя существующие и создавая новые социально-экономические, политические, духовно-идеологические условия существования российского общества, то по мере преодоления трудностей, вероятнее всего, будет формироваться и более сбалансированный механизм согласования интересов государства, общества и частного капитала, в том числе и всех участников информационного процесса. Но делать прогнозы относительно того, как и когда это произойдет, пока рано.

Источники:

1. Бард А., Зодерквист Я. *NetoKratia. Новая правящая элита и жизнь после капитализма*. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.
2. *Media Freedom: A Downward Spiral* [Электронный ресурс] // Freedom House. URL.: <https://freedomhouse.org/report/freedom-and-media/2019/media->

freedom-downward-spiral; <https://roskomsvoboda.org/51680/> (дата обращения 21.12.2022).

T. V. Ivashkovskaya (*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration North-West Institute of Management of RANEPA*);

V. A. Pavlov (*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration North-West Institute of Management of RANEPA*)

«DIGITAL SOVEREIGNTY» AS AN INFORMATION STRATEGY OF THE RUSSIAN STATE

«Digital sovereignization» is considered as one of the trends in the development of the modern information space. The emergence of this trend is due to the desire of Russia, as well as a number of nation-states, to ensure its information sovereignty.

Digitalization, information, information technology, mass media, netokratia

УДК 303.43:17

И. А. Ильина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: inka4@yandex.ru);

Л. С. Московчук (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: lsmoskovchuk@etu.ru);

К. А. Уварова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: uwarowaxenja@gmail.com)

ЭТИЗАЦИЯ И ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАЦИЙ В СФЕРЕ УСЛУГ С ОТРИЦАТЕЛЬНЫМ СПРОСОМ

В статье рассматривается возможность повышения лояльности к деятельности предприятий ритуальных услуг. Анализ зарубежного опыта показывает необходимость использования в данной сфере не только маркетинговые коммуникации, но коммуникации, основанные на компетенциях специалиста по связям с общественностью. Сфера услуг с отрицательным спросом, к которой относится похоронный бизнес, требует серьезного пересмотра подходов к продвижению. Ритуальные услуги – это стабильно прибыльный рынок, способный к трансформации. Авторы выявили, что этическая компетентность специалиста по коммуникациям, инновационные подходы и использование западных образцов могут повлиять на изменение отношения аудитории к предприятиям данной сферы.

Услуги с отрицательным спросом, сфера ритуальных услуг, коммуникационное сопровождение, этический кодекс, профессиограмма, коммуникация

Ритуальный бизнес относится к сфере с отрицательным и нерегулярным спросом, где маркетинговые коммуникации реализуются только после целевого запроса, а сама деятельность не свободна от критики и стереотипизации восприятия разными группами общественности. В российской и зарубежной традициях сфера ритуальных услуг представляет собой направление бизнеса, предоставляющего товары и услуги, направленные на создание и эксплуатацию объектов похоронного назначения, с опорой на социально-экономические, морально-этические, культурно-исторические, религиозные, экологические и технологические факторы [1].

Для современного человека вопрос планирования окончания жизни стоит остро и актуально. Ритуальные услуги, предполагающие исключительно утилитарный и коммерческий подход, гармонично вписываются в индустриальную культуру, но слабо соответствуют современным трендам, ориентированным на индивидуалистические ценности: свободу, комфорт, право распоряжаться своим телом. Все это в совокупности с утратой современной светской культурой значения конфессиональных институтов, отвечающих за регламентированные каноны

этой части жизни человека, приводит к востребованности трансформации деятельности рассматриваемой сферы, использованию компетенций специалистов по связям с общественностью с целью формирования новых подходов к реализации взаимодействия с потребителями услуг данной сферы.

Анализ коммуникаций западного похоронного дела, в сравнении с положением дел в данной сфере в России, показал способность предприятий к модернизации услуг и адаптации деятельности к современным реалиям. Отличительной особенностью и главной коммуникационной проблемой российских представителей данного вида бизнеса является стремление избегать публичности, либо создание агрессивных информационных поводов, нацеленных на вызов резонанса, предоставление шокового контента потенциальной или лояльной аудитории. Зарубежные компании, напротив, используют комплексные технологии брендинга и рекламу, в том числе социального характера, в борьбе с негативным мышлением о бизнесе, погребении и альтернативных подходах в данной сфере [2].

На снижение репутационных потерь сферы направлена этическая регламентация похоронных услуг, система гостов и кодексов. Так, в государственном стандарте, регулирующем деятельность по предоставлению услуг по организации и проведению похорон, регламентируется ритуальный этикет с указанием приоритета норм законодательства и прописан запрет на навязывание услуг и злоупотребление служебным положением. Кроме того, четко обозначены ключевые субъекты, перед которыми компании несут ответственность – это семья умершего, общество, профессиональное сообщество [3, 4]. В рамках этических положений в funeral industry на Западе фокус регулирования направлен в первую очередь на интересы усопшего [5], либо предусматривает служение семье без разделения на умершего и понесших утрату, что подчеркивает единство их интересов [6]. Западные кодексы также отличает особая тональность и использование деликатных и тактичных терминов (служение семье, забота о умершем и т. д.), что помогает дистанцироваться от коммерциализированного и циничного образа, который складывается у потребителей услуг. Высокие этические стандарты позволяют проводить позитивный отбор в профессию, управлять и корректировать профессиональную культуру.

Несмотря на многообразие этических кодексов, регулирующих сферу ритуальных услуг, возникает проблема выстраивания коммуникационного сопровождения, а именно создания необходимого ключевого сообщения, а также *tone of voice* коммуникации между представителями похоронного агентства и клиентами.

Отсюда важность использования технологий фасилитации, которые способны реализовывать PR-специалист, что подтверждается профессиограммой специалиста по связям с общественностью.

Согласно С. Катлипу основными аспектами, включенными в компетентностную модель PR-специалиста, являются: специальная образовательная подготовка в целях приобретения знаний и умений при коммуникационном

сопровождении деятельности по предоставлению уникальных услуг, востребованных обществом [7].

Обращаясь к специфике деятельности сферы похоронного бизнеса, стоит отметить, что здесь особую значимость имеют навыки управления кризисными коммуникациями, работа с различными группами общественности, также опора на служение обществу и ответственность перед ним.

Однако при грамотном формировании образа коммуникатора в данной сфере, следует подробнее рассмотреть использование PR-коммуникаций, основанных на *media relations*, *community relations*, использование технологий антикризисных коммуникаций и подходов корпоративной социальной ответственности (КСО).

Так, при использовании инструментария *media relations* при формировании сообщений для аудитории необходимо учитывать специфику конфессиональных, национальных, эмоциональных и этических компонентов социальной реальности, где у общества формируется не образ бизнеса, а образ фасилитатора, создающего условия восприятия данного бизнеса не с маркетинговой позиции. В рамках данного подхода к деятельности видится уместным использование благотворительных партнерских программ с психологическими и духовными центрами, организация просветительских мероприятий для повышения уровня осведомленности людей и отношения к моменту окончания жизни [8].

Другим важным элементом коммуникации с общественностью могут стать *community relations*. Они включают в себя установление качества присутствия похоронного бюро в сообществе и формирование позитивного восприятия у местных жителей и владельцев бизнеса. Это может быть ведение блога, создание и распространение образовательного контента [9].

Значимым моментом повышения лояльности является демонстрация способов преодоления кризисных ситуаций, что также может повлиять на отношения с общественностью. Например, представители *Homesteaders Life Company* – компании, занимающейся продвижением и поддержкой финансирования заблаговременного планирования похорон и расходов в конце жизни – акцентирует внимание на необходимости использования в работе подходов антикризисного управления, технологий «прозрачных» коммуникаций, оперативного реагирования на запросы представителей медиа и обучению проявления эмпатии [10].

Естественно, важным компонентом развития может служить использование принципов корпоративной социальной ответственности. При этом в данную концепцию может включаться как сам похоронный бизнес, так и сторонние организации, желающие осуществлять помощь в виде благотворительности, спонсорства.

В современной культуре происходит этизация и гуманизация сферы ритуальных услуг, поскольку люди, обращающиеся за услугами данной сферы, находятся в уязвимой ситуации проживания горя и утраты. Малейшие нарушения тактичности, уместности, безразличие к религиозным или культурным особенностям в такой ситуации будут восприниматься гипертрофированно

остро. Общение с людьми в такой жизненный период несомненно требует серьезной психологической, культурологической, религиоведческой компетентностей. Залогом успешности коммуникации будет соблюдение этических принципов всеми, кто на профессиональном уровне оказывает услуги в подготовке прощания.

Современный рынок ритуальных услуг предполагает широкий набор предложений, ориентированных на организацию прощания, систему поддержки семьи и человека, находящегося на пороге смерти. Доулы смерти, пет-терапия, психологическая помощь, религиозные практики – все эти услуги этически регламентированы. Например, высшей ценностью в профессиональной этике доул смерти выступает сохранение автономности клиента и учета его эмоций, желаний, мыслей [11, 12].

Использование терапевтических собак предполагает соблюдение интересов и клиентов, и животных. Создание комфортных условий и позиционирование статуса питомца не как инструмента, а как равнозначного партнера, предполагает прохождение строгого отбора на ментальное и санитарно-эпидемиологическое соответствие. Это связано с упреждением возможных психоэмоциональных рисков, связанных с реакцией человеческого организма на стресс и рисков физиологического характера в виде аллергий, фобий [13].

Свои особенности есть в этике оказания психологической помощи в вопросах умирания. Психологу допустимо выстраивать более теплые и эмоциональные отношения с клиентом, разрешено тактильное выражение поддержки [14], что предполагает наличие высоких требований к специалисту, способному контролировать самообладание и имеющему понимание границ личности.

Осознание важности оказываемых услуг и их социальной и гуманитарной миссии приводит к необходимости обеспечения строгого отбора и контроля всех участников этой сферы, не допускающей случайных людей и непрофессионализма.

Работа специалиста по связям с общественностью в сфере ритуальных услуг предполагает реализацию основных навыков адаптации к изменениям профессиональной среды. Таким образом, связи с общественностью являются одним из важных факторов развития похоронной индустрии. С помощью правильно выстроенных коммуникационных стратегий похоронное бюро, как в западных, так и в российских реалиях сможет стать не местом боли и горечи, а домом, где, в первую очередь семьи – это эксперты, а похоронное бюро – профессионалы, которые это чтят и уважают.

Источники:

1. ГОСТ 32609-2014 Услуги бытовые. Услуги ритуальные. Термины и определения, 11.06.2014 // URL: docs.cntd.ru (Дата обращения 03.01.2023)
2. Walter T. Three ways to arrange a funeral: Mortuary variation in the modern West. *Mortality*. 2005. № 10(3). P.173–192.

3. ГОСТ 54611-2011 Услуги бытовые. Услуги по организации и проведению похорон. Общие требования. 27.12.2011 // URL: <https://ritual.mos.ru/normativnyeakty/GOST54611-2011.pdf> (Дата обращения 03.01.2023)
4. Кодекс этики «Корпорации Руководителей Похоронных Предприятий» // URL: <https://krpp.info/codex/> (Дата обращения 03.01.2023)
5. Кодекс Ассоциации директоров похоронных бюро штата Нью-Йорк (NYSFDA) // URL: <https://www.nysfda.org/about/code-ethics> (Дата обращения 03.01.2023)
6. Этический кодекс Национальной ассоциации распорядителей похоронных бюро «NFDA» // URL: <https://nfda.org/education/certification-programs/crc-code-of-ethics> (Дата обращения 05.01.2023)
7. Понятие профессиографии. Психограмма и профессиограмма // URL: <https://studfile.net/preview/8930364/page:4/> (Дата обращения 03.01.2023)
8. Ways For Funeral Homes To Connect With The Community // URL: <https://blog.frontrunnerpro.com/funeral-home-community-building/> (Дата обращения 03.01.2023)
9. From the heart. O'Connor Mortuary // URL: <https://blog.oconnormortuary.com/> (Дата обращения 04.01.2023);
10. Homesteaders Life Company // URL: <https://www.homesteaderslife.com/our-story> (Дата обращения 04.01.2023)
11. Code Of Ethics INELDA // URL: <https://inelda.org/resources/inelda-code-of-ethics/> (Дата обращения 15.01.2023)
12. Death Doula Association of Canada: Scope Of Practice and Code of Ethics // URL: <https://endoflifedoulaassociation.org/death-doula-association-of-canada-scope-of-practice-and-code-of-ethics/> (Дата обращения 15.01.2023)
13. Code of Ethics for Guardian Professional. Pet Assisted Therapy Facilitators // URL: <https://windwalkerpettherapy.org/code-of-ethics.htm> (Дата обращения 15.01.2023)
14. Gamino L. A., Ritter R. II. Ethical Practice in Grief Counseling. N. Y.: Springer Publishing, 2009. URL: <https://archive.org/details/ethicalpracticei0000gami> (Дата обращения 15.01.2023)

I. A. Ilyina (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);

L. S. Moskovchuk (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);

K. A. Uvarova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

ETHIZATION AND PROFESSIONALIZATION OF COMMUNICATIONS IN THE SPHERE OF SERVICES WITH NEGATIVE DEMAND

The article considers the possibility of increasing loyalty to the activities of funeral service enterprises. The analysis of foreign experience shows the need to use not only marketing communications in this area, but communications based on the competencies of a public relations specialist. The sphere of services with negative

demand, to which the funeral business belongs, requires a serious revision of approaches to promotion. Funeral services are a consistently profitable market capable of transformation. The authors have revealed that the ethical competence of a communications specialist, innovative approaches, and the use of western models can affect a change in the attitude of the audience toward enterprises in this field.

Sphere of services with negative demand, funeral industry, PR support, job profile diagram, ethics code, communication

УДК 659.1

М. А. Имамов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: murad.imamov@mail.ru);

Ю. В. Ключев (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, e-mail: klim-yurish@inbox.ru)

КОММУНИКАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РУКОПАШНЫХ ВИДОВ СПОРТА

В статье изучается теория и практика коммуникационного сопровождения боевых рукопашных и смешанных видов спорта. Исследуются особенности профессиональной деятельности PR-специалистов в спортивной сфере, имидж и брендинг в области спортивной коммуникации.

Коммуникационное сопровождение, спорт, коммуникационное продвижение, спортивные мероприятия, спортивный имидж, спортивный маркетинг, связи с общественностью, спортивный брендинг

Современный мир невозможно представить без коммуникаций. Процесс коммуникации во всех сферах деятельности людей является важным элементом функционирования общества. Согласно теоретическим основам, коммуникация – это обмен информацией, при котором интеллектуальное и эмоциональное содержание передается от отправителя к получателю, с основной целью достижения взаимопонимания между участниками обмена. С. И. Ожегов отмечал, что коммуникация – это форма передачи информации [1]. Д. П. Гавра в книге «Основы теории коммуникации» писал о том, что теория коммуникации создает свой собственный подход к пониманию и объяснению социальной реальности. Коммуникационный подход, по его мнению, исходит из существования определенного типа коммуникации, который и является предметом данной науки [2].

И. М. Дзялошинский в статье «Коммуникационное сопровождение VERSUS PR?» указывает, что появление связей с общественностью вызвало необходимость более глубокого понимания масштабов и функциональных характеристик организационной коммуникации [3]. Тем не менее, термин коммуникационное сопровождение приравнивается к PR-деятельности. В ряде ситуаций эксперты не удовлетворены положением дел в сфере связей с общественностью. В центре внимания находятся проблемные области коммуникационного сопровождения, методы, ресурсы коммуникационной поддержки, процедурные и операционные аспекты коммуникационной деятельности.

Относительно спорта и спортивной коммуникации как элементов массовой культуры можно отметить, что на популярность спорта оказали большое

влияние значительные изменения в формах коммуникации в 19 и 20 веках. Сегодня спортивный брендинг имеет существенное значение в коммуникационной деятельности в сфере спорта. В широком смысле это определяет необходимость систематической работы с населением по коммуникационному поддержанию и продвижению спортивной культуры. Усиливается необходимость продвижения идей здорового образа жизни, более масштабного информирования населения о возможностях занятий спортом. В целом можно отметить рост интереса аудитории к спортивным мероприятиям, что достигается путем целенаправленной организации спортивных мероприятий и коммуникационным сопровождением положительного имиджа спорта как образа жизни. Тем не менее, спортивный брендинг как особая форма коммуникационного продвижения спортивных соревнований обычно ассоциируется со спортом высших достижений или крупными спортивными событиями.

В целом, спортивные медиа можно считать одним из самых эффективных средств коммуникации в области аудиовизуальных средств информации. Это объясняется тем, что спорт постоянно связан с социальным контекстом и охватывает широкую аудиторию.

Специфические характеристики спорта и спортивных организаций определяют особые средства применения характеристики инструментов спортивного маркетинга. Далее в этой статье будут представлены некоторые характеристики спортивного маркетинга и особенности спортивных коммуникационных технологий.

Самое важное в спорте – это спортивный продукт. В настоящее время спортивные организации, очевидно, зависят от продукта, который они производят, т. е. от спортивных результатов. Это можно интерпретировать как то, что степень и эффективность маркетинга во внешней среде напрямую зависит от того, что происходит во внутренней среде. Очевидно, что болельщики и пользователи спортивных организаций не являются ключевыми акторами в деятельности спортивных организаций. На самом деле именно спортсмены и команды являются наиболее влиятельными ресурсами в жизни организации, в том числе и с точки зрения маркетинга [4].

С точки зрения деятельности по связям с общественностью необходимо отметить специфические особенности коммуникационного продвижения и сопровождения спортивного клуба и самих спортсменов. Во-первых, имидж клуба напрямую зависит от действий его представителей. Если рассматривать вопрос о средстве коммуникации в контексте спортивных мероприятий, например, гандбола, то нельзя забывать, что спонсоры и болельщики осведомлены о спортивных результатах участников. В зависимости от успеха клуба потенциальные партнеры будут оценивать возможность сотрудничества с организацией. Посетители спортивных мероприятий интересуются победами отдельных спортсменов.

В целях повышения лояльности зрителей, специалисты по связям с общественностью используют следующие методы:

1. Добавляют элемент шоу к спортивным мероприятиям для привлечения новых посетителей. Помимо давних поклонников, зрелищное мероприятие может привлечь аудиторию, которая никогда раньше не занималась этим видом спорта. В этом случае необходима поддержка СМИ, например, организация телевизионной трансляции и присутствие представителей других СМИ на мероприятии.

2. Обеспечивают комфортные условия для посетителей используют новейшие технологии для продажи билетов. Предлагаемые сувениры должны быть высокого качества. В совокупности эти меры могут оказать положительное влияние на имидж клуба у посетителей.

3. Привлекают новых спонсоров. В отношениях со СМИ необходимо показывать финансовую стабильность клуба. Это включает прозрачность бюджета и организационной структуры, а также представление конкретных финансовых результатов [5].

В профессиональном общении имеет значение имидж отдельных игроков. Общественность интересуется спортсменом как личностью в том числе, когда спортсмен участвует в дополнительных спортивных мероприятиях. В этой ситуации главной задачей специалиста по коммуникациям является создание полноценного бренда из имени спортсмена, по существу речь идет о формировании персонального бренда. Поскольку о профессиональных спортивных успехах сообщают тематические спортивные СМИ, такой подход значительно увеличивает аудиторию.

Что касается особенностей организации спортивных мероприятий, следует отметить, что специфика этой деятельности связана с рекламой и привлечением клиентов. Поддерживая коммуникацию спортивных событий в целом, можно получить наиболее выгодные и коммерчески интересные спортивные продукты.

Популярность спортивных мероприятий, таких как шоу, соревнования или Олимпийские игры, зависит от ряда факторов, они связаны с размером аудитории и масштабом мероприятия. Чем больше аудитория и чем крупнее событие, тем выше популярность. Личность также вносит значительный вклад в коммуникационный процесс. Интерес болельщиков к конкретным командам и спортсменам является причиной растущей популярности спортивного СМИ. В спортивном PR мы не можем игнорировать природу конкуренции: встречи соперников всегда связаны с сильными эмоциями со стороны болельщиков, спортсменов, команд, букмекерских контор и спонсоров. Патриоты часто болеют за своих спортсменов, тем самым поддерживая регион, который представляет спортсмен. Чем разнообразнее, обширнее и актуальнее спорт, тем больше людей можно привлечь к участию или посещению мероприятия. Кроме того, задачей специалистов по коммуникационному сопровождению спортивных мероприятий является создание положительного имиджа события. Участие болельщиков в таких мероприятиях позволяет отразить для

внешней общественности идею здорового образа жизни. Мастерство и профессионализм игроков, а также коммуникационная деятельность специалистов по связям с общественностью и журналистов делают подобные мероприятия более зрелищными и привлекательными в коммуникационном плане.

Инструментом, который может повысить прибыльность мероприятия, является сотрудничество с крупными компаниями и коммерческими организациями. Благодаря этому рекламные кампании становятся более масштабными, в них задействованы новые медиа. Наиболее эффективным является взаимодействие со спонсорами, деятельность которых включает продажу сопутствующих товаров и услуг, например, спортивной обуви или одежды. Во-первых, эта возможность влияет на брендинг, поскольку уровень интереса потребителей напрямую связан с уровнем эксклюзивности партнеров мероприятия. Во-вторых, сама коммерческая организация находится в выгодном положении, поскольку вместе с популярностью спортивного продукта значительно растет ее престиж.

Одной из возможностей для специалистов по коммуникационной поддержке является GR-технология. В ситуации государственной и общественной поддержки спортивного мероприятия повышается лояльность целевой аудитории и значительно увеличивается вероятность получения информации о следующем событии. Это также повышает престиж организации, что воспринимается потенциальными спонсорами.

Изучая коммуникационную поддержку соревнований смешанных единоборств (ММА), уместно поднять вопрос о продвижении ММА в России, поскольку ММА – это особый вид рукопашного боя. В России проводятся Абсолютный чемпионат «Ахмат», Чемпионат России по боям на коленях, Gorilla Fighting Championships, M-1 Global и Fight Nights Global. После 2010-х годов местные чемпионаты ММА, с точки зрения экспертов, значительно улучшили организацию своих турниров и научились проводить действительно качественные спортивные мероприятия, которые высоко ценятся поклонниками смешанных единоборств [6]. Широкое освещение на телевидении повысило интерес публики к ММА. Яркие моменты ведущих местных чемпионатов по ММА транслируются на «Матч ТВ» – главном национальном спортивном телеканале России. Также на телевидении транслируются одни из самых престижных в мире соревнований по смешанным единоборствам, такие как «UFC» и «Bellator».

Спортивные интернет-издания также уделяют особое внимание событиям в мире смешанных боевых искусств. Например, ведущие порталы нашей страны, такие как «Чемпионат» и «Sports.ru» создали специальные разделы «Бокс/ММА» и «Бокс/ММА/UFC» с информацией о ММА. С другой стороны, некоторые бесконтактные виды спорта (плавание, водное поло, прыжки в воду) не имеют собственных рубрик на престижных онлайн-порталах. Статьи, посвященные событиям ММА, все чаще появляются на главных страницах из-

даний [7, 8]. Самые популярные статьи посвящены знаменитому непобежденному российскому спортсмену Хабибу Нурмагомедову, который сражается под флагом UFC.

Нельзя не отметить ведущую роль социальных медиа, одного из самых популярных в современном обществе в коммуникации спортивных событий.

Большинство крупных национальных чемпионатов имеют свои аккаунты (страницы) в Instagram (запрещен в России, признан экстремистским) и «ВКонтакте». Twitter и Facebook (запрещен в России, признан экстремистским) также активно используются в некоторых коммуникационных кампаниях.

Официальные промо-сайты также предоставляют информацию о спортивных мероприятиях, организуемых российскими лигами ММА. Кроме этого, ведущие российские лиги ММА активно используют YouTube для прямых трансляций спортивных мероприятий.

Быстрому развитию коммуникаций в области смешанных единоборств, рукопашного боя и боевых искусств способствует деятельность по связям с общественностью и рекламная коммуникация, в том числе широкое коммуникационное продвижение ведущих российских бойцов, завоевавших титулы чемпионов мира в международном спорте. Их имена известны далеко за пределами Российской Федерации: Федор Емельяненко, Александр Шмеленко, Хабиб Нурмагомедов, Сергей Харитонов, Виталий Минаков – популярны как в России, так и за рубежом и часто упоминаются в СМИ [9].

Во многом росту количества фанатов ММА в российском обществе способствует профессиональное и эффективное коммуникационное сопровождение. Рукопашные бои, смешанные единоборства не считаются чем-то кровавым и максимально отдаленным от спорта явлением. Боевые искусства в современных реалиях – эффектное шоу, посмотреть которое любят как профессиональные спортсмены, так и люди, максимально отдаленные от мира спорта. В будущем в этой сфере спорта необходимо большее внимание уделять коммуникационной работе, активно использовать имеющиеся инструменты и каналы для профессионального и перспективного коммуникационного продвижения, и сопровождения.

Источники:

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000.
2. Гавра Д. П. Основы теории коммуникации: Уч. пособие. СПб.: Питер, 2011.
3. Дзялошинский И. М. Коммуникационное сопровождение VERSUS PR? // Информационное сопровождение социальных проектов в современном обществе. Материалы I Международной научно-практической конференции. АТИСО М., 2010.

4. Демина И.Н. Теоретические основы рекламного дела. Иркутск: Иркут. ун-т, 2009.
5. Особенности PR-кампаний в спортивной индустрии // Moscow Business School. Leadership Energy. Бизнес-статьи. Спорт. URL: https://mbschool.ru/articles/osobennosti_pr_kampaniy (дата обращения: 04.11.2022).
6. Рейтинг лиг ММА, первый квартал 2016// Sports.ru [Электронный ресурс]: URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/mmaspectator50/928400.html> (дата обращения: 05.11.2022)
7. Спортивный Интернет-портал «Чемпионат» [Электронный ресурс]: URL: <https://www.championat.com> (дата обращения: 05.11.2022).
8. Спортивный Интернет-портал «Sports.ru» [Электронный ресурс]: URL: <https://www.sports.ru> (дата обращения: 05.11.2022).
9. 10 лучших российских бойцов в XXI веке // Sports.ru [Электронный ресурс]: URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/cemetery/1200914.html> (дата обращения: 05.11.2022).

M. A. Imamov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

Yu. V. Klyuev (Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University)

COMMUNICATION SUPPORT OF HAND-TO-HAND SPORTS

The article studies the theory and practice of communication support of combat hand-to-hand and mixed sports. The features of the professional activity of PR specialists in the sports field, image and branding in the field of sports communication are investigated.

Communication support, sports, communication promotion, sports events, sports image, sports marketing, public relations, sports branding

УДК 101.3, 101.8

В. Ф. Исайчиков (Журнал «Просвещение», e-mail: mihmarkin@mail.ru)

ФИЛОСОФИЯ: КРИЗИС НАУКИ ИЛИ ЕЕ АГОНИЯ?

На примере «философских проблемах цифровой цивилизации» и на основе формационного подхода рассматривается кризис в философии и вопрос о том, является ли философия наукой. Ставятся вопросы об изменении структуры философии и передачи основных вопросов «исторического материализма» для дальнейшей разработки в рамках политической экономии, а также об уточнении форм движения материи и отдельных вопросов формационной теории.

Кризис философии, общественно-экономические формации, классы, политическая экономия, формы движения материи, цивилизации

В ряде наук возникли кризисы, и автором задумана серия книг под заглавием «Кризис прогнозов. Прогноз кризиса». Серия должна состоять из 10 книг, и на 6 месте задумана книга «Кризис в науке. Философия и софистика», посвященная кризису в философии. Но первой в серии вышла книга, которая должна была иметь название «Кризис в науке. Экономика и хрематистика» (издательство из коммерческих соображений изменило названия книги) [1].

Несмотря на планы автора переключиться на разработку иных проблем, но приглашение на конференцию «ИКО-2023» с одной из тем «Философские проблемы цифровой цивилизации» вызвало желание оспорить наличие философских проблем в понятии «цифровая цивилизация». Однако при работе над докладом пришлось обратиться к более общим вопросам философии.

В полемике с Л. А. Гриффеном [2, 3] автор написал статью «Наука ли философия?» [4]. Дискуссия велась по теории социализма, но был затронут и вопрос о философии вообще. Гриффен утверждал, что «современная философия, в отличие от прежней, просто не в состоянии выработать систематический и последовательный взгляд на мир... Философия уже давно – не в отдельных своих проявлениях, а в принципе – не наука, а своего рода умственный культурнизм,» [3. С. 8], а автор на защите докторской диссертации Г. Зюгановым заявил: «Философия давно превратилась в одну из лженаук, таких как астрология или алхимия» [5]. Правда, в следующем абзаце автор проявил слабость: «... можно пожалеть философию и оставить ее в ряду наук. Нужно только “отделить мух от котлет”, философию – от “философов”» [4. С. 14]. Еще год назад автор относил философию к науке [1, С. 34–36; 6], но при работе над докладом он обратился к одному из последних советских учебников по философии [7], написанному коллективом из 52 авторов из СССР и ГДР, и с удивлением обнаружил, что этот коллектив не называет философию наукой, а лишь формой

общественного сознания: «Главная особенность философии как особой формы общественного сознания заключается в том, что она выступает как систематизированная, целостная система воззрений на человека, общество и историю, на сознание и познание, обладающая логической последовательностью и определенной научностью» [7, С. 7] (курсив автора). Каким образом господа-товарищи философы утратили в этом определении природу, но зато пять раз повторили практически одно и то же (человек, общество, история, сознание и познание – это все относится именно к обществу) – уму непостижимо. Но утверждение авторов учебника возродило прежние сомнения и по поводу философии, и по поводу «философов».

Знакомство с некоторыми страницами учебника убедило автора в том, что наряду с догматическим повторением известных истин, в учебнике повторяется не только ряд заблуждений, но и допущен ряд фальсификаций и откровенное невежество! Говоря о химической форме движения материи, авторы пишут: «Специфический носитель химической формы можно определить уже более точно. Это прежде всего атом, а для более сложных химических реакций – углеводород» [7, С. 68]. Но из школьного курса химии известно, что носителями химических свойств веществ являются молекулы; лишь для отдельных веществ молекула и атом идентичны. А что такое «углеводород» – науке неизвестно, ибо углеводороды – это целый класс веществ, при этом просто «углеводорода» не существует!

Авторы не забыли определение философии: «наука о наиболее общих законах развития природы, человеческого общества и мышления» [8] – но только для его фальсификации, убрав слово наука: «Философия изучает всеобщие законы развития природы, общества и мышления». Сомнительным кажется и замена понятия «наиболее общие» на «всеобщие» законы, ибо слово «всеобщий» более сильное, чем «наиболее общие», и предполагает некоторое действие всегда, в любых ситуациях, в то время как «наиболее общие» не так категорично.

Автор полагает, что уход от классического определения понадобился «философам» для проталкивания понимания философии не как науки, отражающей объективные законы развития природы и общества, и даже не как формы общественного сознания, а как некоего учения (уже явления субъективного). Яснее это видно по определению исторического материализма: «...Исторический материализм – это философское учение об обществе как целостной системе, изучающее на основе диалектико-материалистического подхода наиболее общие законы его функционирования, развития, его познания и практического преобразования» [7, С. 224].

Нельзя не отметить еще фальсификацию – провозглашение общества целостной системой. Но в какое целостное общество входят ненцы с Новой Земли прошлого века, китайцы средневековья, индейцы майя времен Колумба и современный парижанин?

В этом учебнике, как и во всех остальных, философы делают вид, что новое понимание философии, данное Марксом в знаменитом 11 тезисе: «Философы

лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [9] их не касается (этот тезис изложен в пересказе и без упоминания философов) [7, С. 49]. С какой целью это делалось – догадаться нетрудно: для подрыва научных оснований марксизма и его основного политического вывода о неизбежности революционной смены капиталистической формации – и для отказа философов от практической деятельности по изменению мира. Логическим развитием стало провозглашение философии уже и как искусства (например, в классификации УДК 101.1). Не искусства ли затуманивания мозгов?

Не случайно, что в нынешних условиях понятие общественно-экономической формации, как и понятие класса либо замалчиваются, либо фальсифицируются. Рассмотрение фальсификаций понятия класс автор провел в главах «Классы» и «Классовый анализ» [1], а фальсификации понятия общественно-экономической формации покажем на примере определения: «Каждая общественно-экономическая формация представляет собой общество, находящееся на определенной ступени исторического развития и характеризующееся определенным уровнем развития производительных сил, соответствующими ему производственными отношениями и возникающими под их непосредственным воздействием системой всевозможных идей и учреждений, определенным типом семьи и другими отношениями» [7, С. 258].

Это определение соединяет тонкие фальсификации и грубое невежество. Во-первых, общественно-экономическая формация – это не какое-то одно конкретное общество, а абстракция, ибо, например, к первобытно-общинной формации относились племена, существовавшие в разных местах Земли в разное время на протяжении как минимум десятков тысяч лет до настоящего времени – то есть, это не одно какое-то общество, а ряд обществ, имеющих общий уровень развития. И известно, что при первобытно-общинном строе не было «определенного типа семьи», тогда существовали все известные типы семей. У соседних племен типы семей могли быть разными, а в одном племени могли существовать разные типы семей. Г. Мелвилл, проведший несколько месяцев среди племени тайпи в Полинезии, писал, что у молодежи до определенного возраста существовали (и были обязательными) беспорядочные половые отношения, а право на парную семью предоставлялось мужчине при достижении определенного возраста [10].

Несмотря на недостатки «пятичленки», она признается адекватной историческому развитию, а шаги по ее развитию, тем более, в философском плане, в учебнике игнорируются; исторический процесс рассматривается примитивно-метафизически как простые ступени исторического прогресса. Отмечены лишь такие изменения структуры формации, как наличие некоторых стадий – тех, которые отмечали еще классики: две фазы коммунистической формации (социализм и «зрелое коммунистическое общество», и капитализм домонополистический и империализм) [7, С. 257–269]. Обнаруженное Н. Ф. Даниельсоном при Марксе (и им признанное) и развитое латиноамериканскими марксистами (Р.

Пребиш, Ф. Кардозу и др.) расслоение капитализма на две подсистемы – капитализм метрополии и периферийный, зависимый капитализм в учебнике игнорируется, несмотря на то, что это расслоение признавали (с ложной трактовкой) и видные буржуазные специалисты (Ф. Бродель, И. Валлерстайн и др.).

Несмотря на то, что в учебнике критикуются цивилизационные «теории», изложению ложных «теорий» уделено в учебнике места практически столько же, сколько самой формационной теории – и без наиболее веских опровержений ложных умопостроений, давно сделанных марксистами. В целом немарксистский, ненаучный учебник (под видом марксистского) представляется одним из этапов идеологической подготовки к отказу от основных положений марксизма, в первую очередь, применительно к развитию общества. В уходе от марксизма фактический отказ от формационной теории и теории классово-борьбы играет одну из важнейших ролей.

Автору неизвестна история создания этого учебника; из авторов ему лично известны трое; двое не могли принимать участия в борьбе с марксизмом (Ю. К. Плетников и В. К. Дяченко). Но В. Н. Шевченко, заведующий сектором философских проблем политики в ИФ РАН, участвуя в XV Плехановских чтениях, не только пытался оправдать, исходя из «цивилизационного подхода», сталинскую идею о СССР «как осажденной крепости»: «Понятие – «осажденная крепость» – ключевое для понимания особенностей цивилизационного развития России, по крайней мере, последних трех столетий, начиная с николаевской эпохи», но и, вопреки фактам, пытался доказать, что Николай I не был реакционером [11, С. 31–34].

Поскольку никаких научных оснований для «цивилизационных теорий» не существует, то не существует и «цифровой цивилизации», вопрос о философских проблемах которой поставлен в программе конференции. Это не означает, что развитие цифровой техники и технологий не создает проблем в развитии капиталистической и мелкобуржуазно-социалистической формациях современности (в том числе и философских). Но решать их следует в рамках формационной теории, а сама эта теория требует углубления и развития.

Однако возникает вопрос, в рамках какой науки необходимо развивать формационную теорию? Практика ста лет показала, что философия, точнее, философы с этой задачей не справились. И это один из признаков, что философия как наука находится в кризисе. Более того, дисциплина «исторический материализм» «пришита» к философии искусственно, ибо предмет этой дисциплины практически полностью лежит в рамках предмета политической экономии в том смысле, в котором ее рассматривал К. Маркс в работе «К критике политической экономии» – и в которой он и ввел понятие «общественно-экономическая формация». Следовательно, вопросы развития формационной теории следует исследовать в рамках политической экономии.

Однако каким результатом завершится данный кризис в философии, в том числе после очищения ее от «незаконно присвоенной» части политической

экономии? Выздоровлением и дальнейшим бодрым развитием? Или этот кризис приведет к агонии философии как науки, ибо в части собственно философских проблем и выявления наиболее общих законов развития природы, общества и мышления, за последние полтора-два века сделано не так уж и много; основные законы и категории диалектики давно определены, и, в лучшем случае, лишь уточняются и развиваются.

Даже если философия лишится статуса науки, как это происходит с математикой, философские проблемы исторического материализма будут существовать и возникать до конца существования человеческого общества. То же самое можно сказать и о развитии «диалектического материализма». Например, уже созрел вопрос о развитии понятия «форма движения материи» от предложенных Энгельсом пяти видов за счет выделения новых видов внутри нынешних физической и механической форм движения материи.

И вот этими проблемами и следует заняться философам, а не ретроградским уходом от понятия общественно-экономическая формация к допотопным «цивилизациям». Кстати, и понятие цивилизации вполне может войти в понятие формации в качестве ее конкретного осуществления.

Источники:

1. Исайчиков В. Ф. Политическая экономия: От решения старых проблем к постановке новых задач. Классовый анализ советского социализма и прогноз развития общества. Кризис прогнозов. Прогноз кризиса. М.: ЛЕНАНД, 2023.
2. Гриффен Л. А. Имеет ли марксизм «теорию социализма». // Марксизм и современность, 1997, №1–2, С. 36–42.
3. Гриффен Л. А. Диалектика общественного развития. Киев: ИПМ АН Украины, 1992.
4. Исайчиков В. Ф. Наука ли философия? // Просвещение, №1, 2000, С. 13–32.
5. Исайчиков В. Ф. Выступление на защите докторской диссертации Г.А.Зюгановым // Просвещение, №2, 1997, С. 48
6. Исайчиков В. Ф. Марксизм, Маркс, «марксисты» // Просвещение, №1, 2019, С. 1–17.
7. Диалектический и исторический материализм. // Под общ. ред. А. П. Шептулина. М.: Политиздат, 1985.
8. Словарь иностранных слов. М.: Изд-во иностр. и нац. словарей, 1954.
9. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф., Избранные сочинения. В 9-ти т., Т. 2. М.: Политиздат, 1985.
10. Мелвилл Г. Тайпи. М.: Географгиз, 1956.
11. Иванова В. Обзор XV Плехановских чтений / Просвещение, №2, 2022, С. 31–34.

V. F. Isaichikov (Magazine «Prosveschenye»)

PHILOSOPHY: THE CRISIS OF SCIENCE, OR ITS AGONY?

The crisis in philosophy and the question of whether philosophy is a science is considered on the example of the question of «philosophical problems of digital civilization» and based on a formational approach. Questions are raised about the need to change the structure of philosophy and transfer the main issues of «historical materialism» for further development within the framework of political economy, as well as about clarifying the forms of movement of matter and individual issues of formation theory.

The crisis of philosophy, socio-economical formations, classes, political economy, forms of movement of matter, civilizations

УДК 316.442

Е. А. Камышина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: kamyshina.elena@gmail.com)

РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РУКОВОДИТЕЛЕЙ КОРПОРАЦИЙ В ПРЕОБРАЗОВАНИИ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

(Исследование выполнено при поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-29-07443)

Руководители корпораций – это особая социальная группа. В нашем исследовании, посвященном социальной динамике человеческого капитала руководителей мы уделяем особое внимание месту руководителей в современном обществе: как руководители влияют на социально-структурные отношения, какая подготовка требуется современному руководителю для соответствия вызовам общества и бизнеса.

Человеческий капитал, руководители, социальная группа, подготовка руководителей, социально-структурные отношения

Руководители корпоративных организаций – это активная часть населения, это – лидеры, человеческий капитал которых составляет значимую часть россиян, занятых в экономике. Труд руководителя – это сложный вид деятельности, необходимо сочетать в его человеческом капитале как общие, так и сугубо специфические характеристики. Именно человеческий капитал руководителей корпораций самым существенным образом сказывается на формировании социально-структурных отношений не только в самих корпорациях, но и в целом, – на формировании социальной структуры всего российского общества. Важно качество и влияние человеческого капитала руководителей корпораций в текущей социальной и экономической ситуации. За последние три года российское общество претерпело сильные изменения. Это связано с адаптацией к условиям жизни в обостренной эпидемиологической обстановке (пандемия коронавируса), адаптацией бизнеса и экономики в условиях санкций (после начала СВО), мобилизации всех ресурсов страны для поддержания безопасности и экономической стабильности. И сейчас, то время, когда человеческий капитал руководителей должен реализоваться в полном масштабе для развития общества и экономики России. Еще в марте 2022 года Президент России В. В. Путин в одном из интервью сделал акцент на развитии частного бизнеса, как основной движущей силы экономики [1]. Как следствие, частным корпорациям оказываются значительные меры поддержки. Руководители таких организаций должны обладать рядом навыков и умений, которые помогут в текущих условиях грамотно управлять корпорацией и взаимодействовать с

внешней средой (клиентами, партнерами, конкурентами). К таким навыкам можно отнести: стратегическое планирование, системное мышление, принятие решений в условиях неопределенности, грамотная коммуникация, управление изменениями и другие. А также, все больше исследователей отдельно уделяют внимание инновационности (инновационному мышлению) как необходимому навыку современного руководителя. Например, в статье М. С. Блохиной «Модель инновационных компетенций руководителя коммерческой организации» [2, С. 35] приводится ряд таких компетенций, которые способствуют развитию инновационности в организации с помощью навыков руководителя: способность притягивать и делать союзниками творческих людей; умение вдохновлять подчиненных; умение генерировать новые идеи; умение моделировать современные, опережающие конкурентов бизнес-процессы, содержащие в себе новые, инновационные методы и подходы; умение быстро адаптироваться к изменяющейся среде. В контексте инновационной экономики, существует такая категория как человеческий капитал, основанный на знаниях. Зарубежные ученые его трактуют как охватывающий знания и навыки, полученные в процессе обучения, профессиональной подготовки и повседневного опыта. Эти виды деятельности не только полезны для производства товаров, услуг и дополнительных знаний, но также необходимы для инновационной деятельности [3]. Свежий и актуальный взгляд на человеческий потенциал и бизнес-процессы корпорации – неотъемлемая часть способностей руководителя в текущей обстановке.

Человеческий капитал руководителей корпораций, как и человеческий капитал любых других субъектов социального взаимодействия, социально и исторически обусловлен [4, С. 46]. Его формирование в социальных, политических, экономических и культурных условиях, складывается как результат развития личности, детерминированной природными и социальными свойствами и способностями [5, С. 117]. Человеческий капитал руководителей и его состояние важнейшим образом влияет на трансформирующуюся социально-экономическую ситуацию в стране. Признание первостепенной роли человека в общественном производстве [6, С. 18] говорит нам о важной социальной роли руководителя. Развитию бизнеса и экономики в России способствует лидерская активная позиция руководителей корпораций, распространение определенных ценностных ориентаций руководителей и, как следствие, формирование корпоративной культуры в корпорации, ориентированной на результат и поддержание благополучия в обществе в целом.

Ведущие специалисты в области исследования человеческого капитала в России В. А. Аникин и Н. Е. Тихонова определяют численность группы руководителей в стране от 6,5 % до 8,6 % по официальным данным статистики различных ведомств [7]. Эта цифра имеет значение сама по себе. Особенно важны эти данные, когда речь идет о потенциале человеческого капитала руководителей и его формирования. Особенно важно заметить, что часть исследовате-

лей говорит о важности именно специфической подготовке руководителей, которая помогает будущим руководителям в принятии стратегических решений, формировании социально-структурных связей, реализации функций управления. Как утверждает А. А. Одинцов, методологическая подготовка руководителей должна быть ориентирована прежде всего на изучение мировоззренческих аспектов управления, этики и философии руководства, общей теории управления, мировых религий и философских традиций и нетрадиционных взглядов на управление коллективами, отраженные, в частности, в различных эзотерических учениях, политологию, историю, национальные идеи и их влияние на осуществление руководства коллективами в крупнейших странах мира, новые социальные идеи (экология, здоровый образ жизни и т. д.), современные взгляды на режим дня и образ жизни руководителя [8, С. 112–118]. Такой подход остается актуальным, но дополняется обязательным знанием, пониманием и умением применять цифровых технологий в работе руководителя. Это стало частью эффективной работы руководителя. Обладание цифровыми навыками способствует поддержанию деятельности корпорации на современном уровне.

Усилиями руководителя корпорации формируется человеческий капитал организации и осуществляется это путем подбора и подготовки высокоинтеллектуального и высококомпетентного персонала, обладающего передовыми знаниями, инновационным потенциалом, способностью строить взаимоотношения с клиентами, создающего на этой основе исключительные преимущества предприятию на глобальном рынке, ориентацию на потребителя, надежность и качество [9], формирование человеческого капитала процесс поиска, возобновления и усовершенствования [10, С. 206–211].

Таким образом, можно сделать вывод, что в условиях трансформации общества и экономики всесторонняя подготовка руководителей будет способствовать формированию качественного человеческого капитала руководителей и, как следствие, положительно влиять на социальную и экономическую стороны развития России. В эпоху турбулентности и цифрового общества знания быстро теряют актуальность, поэтому современным руководителям необходимо следить за образовательными трендами и применять полученные навыки и умения на практике.

Источники:

1. Путин заявил, что частный бизнес сыграет ключевую роль в российской экономике. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2022/03/16/putin-zaiavil-chto-chastnyj-biznes-sygraet-kliuchevuiu-rol-v-rossijskoj-ekonomike.html> (дата обращения: 18.12.2022).

2. Блохина М. С. модель инновационных компетенций руководителя коммерческой организации // Цифровая социология. 2022. №3. С. 31–37.

3. Cammeraat E., Samek L., Squicciarini M. The role of innovation and human capital for the productivity of industries. // OECD Science, Technology and Industry. Policy papers. No. 103. March 2021. Pp. 1. [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/350075658_THE_ROLE_OF_INNOVATION_AND_HUMAN_CAPITAL_FOR_THE_PRODUCTIVITY_OF_INDUSTRIES (дата обращения 04.04.2021).

4. Жовтун Д. Т. Личность руководителя в системе социального управления // Социология власти. 2005. №. 5. С. 46–60.

5. Горовая Н. В. Противоречия в управлении развитием человеческого капитала: социологическое измерение // Власть и управление на Востоке России. 2019. №. 3 (88). С. 117–124.

6. Степанова О. М. Воспроизводство и измерение человеческого капитала в современном мире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2012. №. 3. С. 18–29.

7. Аникин В. А., Тихонова Н. Е. Человеческий капитал: подходы к изучению и «болевы́е точки» в современной России. [Электронный ресурс] URL: https://isp.hse.ru/data/2018/01/09/1160538659/Презентация_Аникин_Тихонова_ЧК.Pdf (дата обращения: 30.01.2021)

8. Одинцов А. А. Особенности подготовки топ-менеджмента в сфере туризма и гостеприимства // Сервис в России и за рубежом. 2008. №. 2. С. 112–118.

9. Силова Е. С. Особенности формирования человеческого капитала в российских корпорациях // Новый университет. Серия «Экономика и право». 2013. №12 (34). С. 65–68.

10. Худобко Е. В. Особенности формирования и свойства человеческого капитала // Вестник Брянского государственного университета. 2011. №. 3. С. 206–211.

E. A. Kamyshina (St. Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

THE ROLE OF HUMAN CAPITAL OF CORPORATION MANAGERS IN THE TRANSFORMATION OF SOCIETY IN THE CONDITIONS OF TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN ECONOMY

Corporate managers are a special social group. In our study on the social dynamics of the human capital of managers, we pay special attention to the place of managers in modern society: how managers influence social and structural relations, what training a modern manager needs to meet the challenges of society and business.

Human capital, managers, social group, training of managers, socio-structural relations

УДК 327.7

Е. П. Каткова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: ekaterinak.17@gmail.com)

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА БАЛКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Статья посвящена характерным особенностям регионального сотрудничества балканских государств, интенсификация которого началась в 2010-е гг. Существенной особенностью процесса является то, что он проходит при непосредственном участии и патронажем ЕС и напрямую связан с перспективной евроинтеграции Албании, Боснии и Герцеговины, Северной Македонии, Сербии, Черногории и частично признанной Республики Косово.

Балканы, постъюгославское пространство, ЕС, внешняя политика, региональное сотрудничество, безопасность

Первые реальные шаги на пути к укреплению межбалканского сотрудничества были предприняты странами региона еще в середине 1970-х гг. Начиная с 1976 г. функционировали Конференции правительственных экспертов по экономическому и техническому сотрудничеству, однако их компетенции были слишком узки. В 1980-е гг. прошли четыре такие встречи: в Софии в 1981 г. по проблемам международного транспортного сообщения; в Бухаресте в 1982 г. по проблемам энергетики; в Белграде в 1984 г. по вопросам сотрудничества в сфере промышленности; в Софии в 1987 г. по проблемам экологической защиты Балканского региона, примечательная тем, что на ней впервые присутствовали представители Албании [1, S. 51–52].

24–26 февраля 1988 г. в Белграде состоялась первая в истории Конференция министров иностранных дел балканских стран, одним из инициаторов проведения которой выступила Югославия. Ее сновной целью было объявлено «упрочение доверия и сотрудничества» [2, С. 2] между балканскими странами, включавшее в себя расширение экономических и торговых связей, кооперации в вопросах транспортного сообщения, пограничного контроля, банковской сферы, туризма, энергетики, науки и культуры, здравоохранения, сельского и водного хозяйств, телекоммуникации, спорта, а также борьбы с криминалом и терроризмом. На встрече было инициировано введение запрета на создание и размещение атомного и химического оружия на Балканах. Конференция прошла в демократической атмосфере свободного обсуждения и открыла новую главу в истории регионального сотрудничества [1, S. 53]. Кроме того, в ней приняли участие албанская и турецкая стороны, что явилось своеобразным международным прорывом.

Вторая такая конференция проходила 24–25 октября 1990 г. На ней была артикулирована готовность к последующей интенсификации многосторонних

отношений, а также к институциональному развитию, заключавшемся в перспективном создании Балканского форума, Банка развития Балкан, Института изучения балканского экономического сотрудничества; проведении встреч глав балканских столиц и иных форм и институтов совместной кооперации.

Дезинтеграционные процессы в Югославии и ее последующий распад, сопровождавшийся кровавыми гражданскими войнами, поставили на паузу создание проектов по многостороннему сотрудничеству на Балканах. Возобновление региональной сотрудничества относится только 2000-м, а в большей степени – к 2010-м гг. Существенной его особенностью является то, что оно проходит при непосредственном участии и, более того, – под патронажем ЕС и напрямую связано с процессом интеграции так называемых Западных Балкан в Евросоюз. Болгария, Греция и Румыния, уже являющиеся членами ЕС, в рамках проектов балканского регионального сотрудничества фактически не представлены. Хорватия и Словения выполняют роль посредников. Говоря о Балканах, мы впоследствии будем иметь в виду именно Западные Балканы.

Центрально-европейская ассоциация свободной торговли

ЦЕАСТ (англ. Central European Free Trade Agreement, СЕФТА) – торговое соглашение между Албанией, Боснией и Герцеговиной, Северной Македоницией, Молдовой, Сербией, Черногорией и МООНК (Миссия Организации Объединенных Наций по делам временной администрации в Косове) от имени Республики Косово.

ЦЕАСТ была основана странами Вышеградской группы, т. е. Польшей, Чехословакией и Венгрией 21 декабря 1992 года в Кракове. Позже членами стали Словения (1996 г.), Румыния (1997 г.), Болгария (1998 г.), Хорватия (2002 г.) и Республика Македония (2006 г.).

Все страны первоначального соглашения, кроме Македонии, присоединились к Европейскому союзу и, таким образом, вышли из ЦЕАСТ. На саммите премьер-министров Юго-Восточной Европы в Бухаресте 6 апреля 2006 г. была принята декларация о расширении соглашения, распространявшая на Албанию, Боснию и Герцеговину, Молдову, Сербию, Черногорию и МООНК (от имени Косово и Метохии). Также шли разговоры о возможном присоединении Украины. Соглашение было подписано 19 декабря 2006 г. на саммите премьер-министров стран Юго-Восточной Европы в Бухаресте.

ЦЕАСТ – это соглашение, которое сегодня определяет единую зону свободной торговли именно в Юго-Восточной Европе, хотя название соглашения описывает соглашение стран Центральной Европы. Целью является стимулирование развития торгово-экономических, научно-технических и кооперационных связей внутри блока, учреждение зоны свободной торговли. В целом, участие в ЦЕФТА является подготовительным этапом для дальнейшей интеграции в ЕС.

Процесс Брдо-Бриони

Процесс Брдо-Бриони представляет собой ежегодное многостороннее мероприятие на Западных Балканах. Оно было инициировано в 2013 г. президентом Словении Борутом Пахором и президентом Хорватии Иво Йосиповичем.

Первая официальная встреча состоялась в словенском городе Брдо-при-Кранью. Процесс Брдо-Бриони включает Словению и Хорватию (государства-члены ЕС), а также кандидатов и потенциальных кандидатов на членство в ЕС на Западных Балканах (Сербия, Черногория, Албания, Северная Македония, Босния и Герцеговина и Косово).

Основной задачей данной инициативы является оказание содействия со стороны Любляны и Загреба евроинтеграции указанных стран и углубление регионального экономического сотрудничества.

Инициатива ограничивается рамками форума для обмена мнениями, где лидеры стран имеют возможность подтвердить свою приверженность интеграции в ЕС. По этой причине сам процесс является в большей степени формальным действием и не может разрешить многочисленные проблемы, которыми осложнены отношения между его участниками.

Последний Саммит «Брдо-Бриони» состоялся 12 сентября 2022 г. в Брдо-при-Кранью. На нем страны-участницы процесса призвали Евросоюз помочь западнобалканским государствам преодолеть последствия экономического и энергетического кризисов. Основными темами Саммита стали война на Украине, ее влияние на ход интеграции западнобалканских государств в ЕС и текущая ситуация в регионе.

Берлинский процесс по европейской интеграции стран Западных Балкан

Берлинский процесс – это межправительственная инициатива сотрудничества, направленная на активизацию многосторонних связей между странами Западных Балкан, которые являются кандидатами на членство в ЕС или потенциальными кандидатами и отдельными странами-членами ЕС (например, Австрия, Болгария, Хорватия, Франция, Греция, Германия, Италия, Польша, Великобритания, Словения). В повестке дня процесса доминирующую роль играют вопросы развития регионального сотрудничества в сферах экономики и поддержания экономической стабильности, инфраструктуры и связи, развития гражданского общества и молодежной политики, сдерживания миграции, борьбы с коррупцией, терроризмом и радикализмом, а также цифровой трансформации при посредничестве стран ЕС.

В последний раз лидеры шести западно-балканских стран в рамках Берлинского процесса собирались 3 ноября 2022 г. на встрече, организованной канцлером Германии Олафом Шольцем. На встрече, в которой приняли участие председатель Европейской Комиссии Урсула фон дер Ляйен и председатель Европейского совета Шарль Мишель, обсуждался, в основном, энергетический кризис, а также были подписаны исторические соглашения между странами Западных Балкан, например, соглашение о поездках с идентификационной картой и взаимном признании университетских дипломов. Таким образом, был сделан конкретный шаг по созданию общего регионального рынка. Ожидается, что успешная реализация договоренностей приведет к увеличению экономического сотрудничества.

С другой стороны, Берлинский процесс фактически не способствуют разрешению противоречий, которыми характеризуются двусторонние отношения ее участников, например, Сербии и Косово. В связи с этим, перспективность Берлинского процесса с точки зрения укрепления и углубления сотрудничества между странами Западных Балкан и обеспечения мира в регионе, является дискуссионным вопросом.

Открытые Балканы

Является, пожалуй, наиболее любопытным и самостоятельным из всех интеграционных проектов на Западных Балканах.

«Открытые Балканы» – экономическая и политическая зона трех государств-членов на Балканах: Албании, Северной Македонии и Сербии.

Идея «Открытых Балкан» (известная также как Мини-Шенгенская зона) возникла в 2018 г. как один из способов улучшения политических отношений между тремя западнобалканскими государствами и была инициирована албанским премьером Эдди Рамой.

Первоочередной целью союза должен был явиться более быстрый поток товаров и капитала между государствами-членами, сокращение бюрократических процедур при импорте, экспорте и перемещении товаров, а также на облегчение свободного доступа на рынок труда.

29 июля 2021 г. главы Сербии, Албании и Северной Македонии Александр Вучич, Эди Рама и Зоран Заев соответственно приняли участие в форуме регионального экономического сотрудничества в Скопье, где подписали соглашения о перемещении товаров, доступе к рынку труда и сотрудничестве в области защиты от стихийных бедствий. Было согласовано взаимное признание дипломов и профессиональных квалификаций, что делает рабочую силу более гибкой и доступной, тем самым привлекая больше инвестиций. В рамках этой инициативы был проведен региональный экономический форум. По инициативе президента Республики Сербия Александра Вучича три балканских лидера подписали соглашения об открытии пограничных переходов для своих граждан и товаров без ограничений с 1 января 2023 года.

3 января 2022 года, в соответствии с соглашением, подписанным лидерами стран-участниц инициативы, были сокращены таможенные процедуры в области ветеринарии, фитосанитарии и безопасности пищевых продуктов.

Отношение среди сербской и албанской общественности к инициативе неоднозначное. Открытые границы уже привели к притоку дешевой рабочей силы в Сербию из Албании, которая с успехом занимает имеющиеся в стране вакансии, в частности, на строительном рынке. Высказываются опасения, что бесконтрольный наплыв албанцев приведет к нарушению этнического баланса в государстве. В Тиране политикам также предъявляют претензии по поводу «продвижения интересов великой Сербии».

Сама инициатива интерпретируется некоторыми экспертами как шаг трех кандидатов в члены ЕС в противовес самого ЕС. Однако лидеры участвующих в

ней стран неоднократно заявляли, что она не только не является альтернативой ЕС, но и, наоборот, способствует более активной европеизации Западных Балкан.

Итак, для проектов регионального сотрудничества в регионе Западных Балканах характерно следующие особенности:

- 1) Они затрагивают преимущественно вопросы экономической кооперации;
- 2) Не являются альтернативой ЕС;
- 3) Функционируют при поддержке и опоре на ЕС;
- 4) Своей основной целью провозглашают подготовку к интеграции в ЕС;
- 5) Фактически не способствуют разрешению принципиальных противоречий в двусторонних отношениях между странами Западных Балкан.

Источники:

1. Lopandić D., Kronja J. Regionalne inicijative i multilateralna saradnja na Balkanu. Beograd, 2010. S. 51–52.

2. Успех скупа зависи од свих балканских земаља // Политика. 18. фебруар 1988.

E. P. Katkova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

FEATURES OF REGIONAL COOPERATION OF THE BALKANS STATES AT THE PRESENT STAGE

The article is dedicated to the characteristic features of regional cooperation of the Balkan states, the intensification of which began in the 2010s. An essential feature of the process is that it takes place with the direct participation and patronage of the EU and is directly related to the prospective European integration of Albania, Bosnia and Herzegovina, North Macedonia, Serbia, Montenegro and the partially recognized Republic of Kosovo.

Balkans, post-Yugoslav space, EU, foreign policy, regional cooperation, security

УДК 331.5:331.101.2

А. Ю. Колянов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: kolianov@gmail.com)

ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРНОЙ СЕГРЕГАЦИИ В РОССИЙСКОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

В статье анализируются различные подходы к проблеме гендерной сегрегации в российском научном дискурсе. Рассматриваются индикаторы измерения гендерной ситуации, к которым чаще всего обращаются российские исследователи. Для описания контекста гендерной ситуации изучается статистическая информация из официальных источников, что позволяет судить о степени проявления гендерной сегрегации и сделать выводы о том, как дедуктивный и индуктивный методы анализа проблемы соотносятся в отечественном дискурсе. На основе изученного корпуса научных публикаций выделяется несколько типов отношения к феномену гендерной сегрегации на российском рынке труда. Особое внимание уделяется стилистическому характеру публикаций и, в частности, комментариям исследователей, что позволяет определить ключевые принципы и рамки обсуждения проблемы гендерной сегрегации, на которые ориентируются российские ученые.

Рынок труда, гендерное неравенство, гендерная дискриминация, гендерная сегрегация, гендерные исследования

Активное обсуждение гендерного равенства и сопутствующих этой теме проблем и явлений в российской профессиональной среде начинается в российском научном дискурсе в первом десятилетии XXI века. Хотя справедливости ради необходимо заметить, что гендерные исследования как таковые в России появляются в постсоветский период на рубеже 1980-х и 1990-х гг.

Предшествовало развитию данной научной сферы исследований концептуализация понятия гендер, пришедшего в социальные науки из лингвистики, где оно обозначало грамматический род – категорию разделения слов и форм по классам, связанным с признаками пола или их отсутствием. Вслед за тем как в 1955 году американский сексолог Джон Мани использовал в своих работах, посвященных транссексуальным людям, слово «гендер» для различения биологического пола и социальной роли, этот концепт развивался с распространением феминистских учений (в частности, «новой психологии пола» и представлении об отсутствии врожденных психологических различий между женщинами и мужчинами) и в настоящий момент прочно вошел как в научный, так общественно-политический дискурсы. В связи с этим стали изучаться различные феномены гендерной диспропорциональности: неравенство, дискриминация, сегрегация, асимметрия и другие.

Ко второму десятилетию XXI века были разработаны различные способы измерения гендерной ситуации. К ним относится GII (The Gender Inequality Index) – Индекс гендерного неравенства, представленный в 2010 году Секретариатом Женевского экономического форума и используемый с тех пор ООН в ежегодном Human Development Report (Отчет о человеческом развитии). Данный показатель включает три измерения, в которых потенциалы достижений мужчин и женщин неравны. Это репродуктивное здоровье, уровень прав и свобод, а также возможности на рынке труда.

Вторым индикатором гендерной ситуации считается Индекс международного гендерного различия (The Global Gender Gap Index). В этот индекс включены четыре основные категории: экономические возможности и участие, политические возможности, образование, здоровье и продолжительность жизни. Индекс представляется ежегодно на Мировом экономическом форуме (World Economic Forum) в рамках доклада Global Gender Gap Report. Следует отметить, что в 2022 году Российская Федерация не была включена в список оцениваемых стран, поэтому данные о положении РФ в рейтинге гендерного неравенства за этот год отсутствуют.

Достижение гендерного баланса в мире декларируется на высшем политическом уровне и является содержанием множества программных документов. Россией ратифицированы ключевые международные документы, касающиеся защиты прав и положения женщин. Это в первую очередь Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW) 1979 года. В России признают «Пекинскую Декларацию и Платформу действий», принятые Четвертой Всемирной конференцией по положению женщин в 1995 году, а также поддерживают Цели, поставленные Декларацией Тысячелетия ООН и общемировые цели в области устойчивого развития. Конституция России содержит пункт 3 ст. 19, который гласит: «Мужчины и женщины имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации». В январе 2023 года была опубликована Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 гг. Целями данной стратегии является увеличение продолжительности жизни женщин, снижение уровня женского насилия, повышение политической активности женщин, увеличение количества женщин-руководителей, сокращение разницы в зарплатах между женщинами и мужчинами и т. д.

Для начала необходимо с помощью данных статистики описать российский контекст гендерной ситуации, для того чтобы выяснить, проявляется ли проблема гендерной сегрегации на поверхности статистических данных. По информации Росстата, опубликованной в сборнике «Женщины и мужчины России» в 2022 году количество женщин и мужчин составляло 77903 тыс. и 67950 тыс. человек соответственно. Из них 51,3 % женщин и 64 % мужчин находятся в трудоспособном возрасте 16-55 лет для женщин и 16-60 лет для мужчин [1, С. 18]. К рабочей силе, т. е. к лицам, которые в обследуемом возрасте в рассматриваемый период считаются занятыми или безработными, относятся 55,5 % женщин и 70,7 % мужчин. Из них заняты 52,8 % женщин и 67,3 % мужчин, а 2,7 % женщин и 3,4 %

мужчин являются безработными. Из лиц, не включенных в категорию рабочей силы (студентов, пенсионеров, ведущих домашнее хозяйство и др.), только 1 % мужчин и женщин относятся к потенциальной рабочей силе, то есть к тем, кто заинтересован в работе, но не ищет работу и не готов к ней приступить. В целом на 2021 год к категории потенциальной рабочей силы относилось 667 тысяч женщин, большая доля которых находилась в возрасте 20-29 лет. В процентном соотношении недоиспользование женской рабочей силы составляло 7,1 % [1, С. 81].

Среди работающих женщины больше, чем мужчины удовлетворены различными аспектами работы, такими как заработок, надежность работы, выполняемые обязанности, режим работы, условия труда, расстояние до работы. Также у женщин выше профессиональная удовлетворенность и моральное удовлетворение от работы. Стоит заметить и то, что городское население в целом больше довольны аспектами своей работы, чем жители сельской местности.

Что же касается анализа статистики по конкретным видам экономической деятельности (согласно общероссийскому классификатору видов экономической деятельности), то заметно преобладание женщин не только в традиционных для них сферах образования (82 %), культуры, спорта, развлечения и досуга (68 %), а также в области здравоохранения и социальных услуг (79 %). Женщины больше, чем мужчины представлены в финансовой и страховой сферах (69 %), деятельности гостиниц и предприятий общественного питания (73 %), а также в оптовой и розничной торговле и ремонте автотранспортных средств и мотоциклов (62 %). Также необходимо заметить преобладание женщин в иных видах деятельности (55 %), что можно объяснить большей включенностью женщин в экономическое взаимодействие с помощью интернета. Количество мужчин и женщин, работающих по найму, примерно одинаково – 51 % и 49 % соответственно. Также не критично различие между самозанятыми и работающими на семейных предприятиях (44 % женщин и 56 % мужчин). Однако число работодателей больше среди мужчин (69 %). Работающие женщины более образованны, чем мужчины: 56 % женщин имеют высшее образование. При этом 68 % мужчин не имеют основного общего образования. Главным фактором влияющим на занятость женщины является наличие детей. Из тех, кто имеет одного ребенка, работают 80,2 %. С тремя детьми работает 62,6 % женщин, а при наличии четырех и более детей уже меньше половины – 48,4 %. По количеству отработанных часов на основном месте работы мужчины лидируют. Например, 66 % женщин работает меньше 9 часов в неделю, тогда как 79 % мужчин работают 51 час в неделю и больше. А 64 % мужчин работают больше положенных 40 часов в неделю еще и на дополнительной работе [1, С. 93].

На вредных производствах в РФ работает приблизительно 30 % женщин (по каждому виду деятельности). Надо заметить, что процент женщин, работающих в небезопасных условиях, снизился в 2021 году по сравнению с 2020 годом. Женщины заняты на работах с вредными и опасными условиями труда в сельском, лесном, хозяйствах, на охоте, рыдоловстве и в рыбоводстве (28,5 %), на обрабатывающих производствах (26,5 %), в сфере водоснабжения,

водоотведения, организации сбора и утилизации отходов, ликвидации загрязнений (22,5 %). При этом от несчастных случаев больше всего женщин страдает в сферах лесной промышленности, а также в сфере транспортировки и хранения: в среднем примерно 120 несчастных случаев из них 2,5 случая со смертельным исходом на 100 тысяч человек. У мужчин в этой категории смертельных случаев в среднем 16 на 100 тысяч, то есть погибают они в 8 раз чаще.

При анализе смертности от различных заболеваний и внешних случаев выясняется, что женщины умирают чаще мужчин только от болезней системы кровообращения, тогда как во всех остальных статистических категориях (внешних причин, новообразований, болезней органов дыхания, болезней органов кровообращения, некоторых инфекционных и паразитарных болезней) мужчины умирают чаще в полтора-два раза. А по данным 2021 года в трудоспособном возрасте по всем классам причин умерло 109,3 тыс. женщин и 370,2 тыс. мужчин, то есть трудоспособных мужчин умирает втрое больше, чем женщин [1, С. 43].

Что касается заработной платы, то отношение заработка женщин к мужскому в 2019 году составляло 72,1 % и к 2021 году несколько повысилось до 72,5 %, однако во всех видах экономической деятельности мужчины зарабатывают больше. Соразмерны, пожалуй, только заработки мужчин и женщин в сфере образования. Дисбаланс наблюдается на всех уровнях. Женщины-руководители в 2021 году в среднем зарабатывали около 89 тысяч рублей, а мужчины – 128 тысяч рублей [1, С. 111].

Образовательные стратегии женщин и мужчин имеют некоторые ярко выраженные отличия. В 2020 году высшее образование имели 54 % женщин и 46 % мужчин. При этом получают высшее образование чаще женщины (52% против 48 %), а обучаются по программам подготовки квалифицированных рабочих мужчины (70 % против 30 %). Однако если говорить о подготовке кадров высшей квалификации, то мужчины больше идут в аспирантуру (53 %), в то время как женщины больше обучаются в ординатуре (68 %) и ассистентуре (55 %). В итоге женщины становятся чаще специалистами среднего звена (51,9 %), выпускниками бакалавриата, магистратуры, специалитета, а также ординатуры и ассистентуры. Мужчины же чаще заканчивают докторантуру (60,7 %). Если же говорить о статистике среди образовательных кадров, то во всех группах большинство женщин, начиная от подавляющего большинства в организациях дошкольного образования (98 %) и заканчивая профессорско-преподавательским составом вузов (52 %) [1, С. 56].

Очевидно, что статистические сведения составляют неоднозначную картину. Поэтому в российском научном дискурсе выделяется несколько отношений к гендерной проблеме. Наиболее распространенным является условно нормативное рафинированное глобалистское представление в русле мировой науки, констатирующее наличие гендерной проблемы априори в данный период развития человеческого социума. Это направление подразумевает наличие желаемых

показателей доступности для женщин прав и свобод, а также баланса представленности мужчин и женщин в общественно-политических и профессиональных сферах [2; 3; 4; 5; 6].

Другое направление можно назвать более консервативным, ориентированным на традиционные и национальные представления о женщинах в социуме. Представители этого направления критикуют общий характер рассмотрения гендерных проблем, отмечая, в частности, неуместность указывать на гендерное неравенство в обществах, где исторически в силу религиозных или политических особенностей развития женщинам отведены специфические роли и позиции в обществе. По мнению этой группы исследователей, общества нельзя упрощенно ранжировать по степени гендерного неравенства, опираясь на критерии, приемлемые для одних обществ и нерелевантные для других. Кроме того, подвергается сомнению сама значимость проблемы гендерного неравенства для некоторых типов обществ, например, российского. Так, в частности, можно встретить заключения о соответствии характера гендерной сегрегации общественным представлениям в российском социуме [7; 8].

И к третьему направлению можно отнести исследования, связанные с методологической ревизией исследований гендерного неравенства. Отправной точкой для подобных работ служит стремление верифицировать проведенные в прошлом исследования. В результате данные прошлых исследований ожидаемо критикуются или признаются нерепрезентативными по причине неразвитости методологических установок. Вместе с тем вносимые исследователями этого направления в методологию изучения гендерного неравенства корректировки представляются любопытными даже несмотря на то, что они иногда опровергают устоявшееся мнение о гендерных диспропорциях в некоторых показателях. Так, в частности, обнаруживается, что неравенство в оплате труда мужчин и женщин оказывается не таким существенным, если учитывать не размер месячного заработка, а почасовую оплату [9; 10; 11].

Таким образом, мы видим, что, если на политическом уровне вопросы гендерного неравенства и, в частности, гендерной сегрегации вызывают стратегические ответы в виде планов, программ, концепций, то в российском научном дискурсе все не так однозначно, и данная проблема является предметом дискуссии.

Источники:

1. Женщины и мужчины России. М.: Росстат, 2022.
2. Женщины в профессиях XXI века: тенденции, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 3 марта 2020 г. Иваново: Иван.гос. ун-т, 2020.
3. Задворнова Ю. С. Ликвидация гендерного разрыва в оплате труда в STEM-отраслях как ключевая задача преодоления гендерного неравенства в странах с цифровой экономикой // Женщина в российском обществе. 2019. № 3, с. 114–120.

4. Лукьянова А. Л. Цифровизация и гендерный разрыв в оплате труда // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 2. С. 88–117.
5. Заиченко Н. А., Савельева Е. А. Дискурс гендера в представлениях участников образовательных отношений в пространстве петербургской школы // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 3. С. 50–74. DOI: 10.19181/inter.2020.12.3.3
6. Хоткина З. А. Актуальные вызовы рынка труда и их гендерные последствия для занятости // Народонаселение. 2020. Том 23. № 2. С. 136–148. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.12
7. Воробьева, А. Г. Социологический анализ существования проблемы профессиональной гендерной сегрегации в России // Теория и практика общественного развития. 2018. №8. С. 56-59. doi: 10.24158/tipor.2018.8.10.
8. Рудченко, А. В. Анализ ситуации гендерной асимметрии на рынке труда: теоретический аспект // Вестник Международного института рынка. 2020. № 2. С. 44–53.
9. Рощин С. Ю., Емелина Н. К. Мета-анализ гендерного разрыва в оплате труда в России // Экономический журнал ВШЭ. 2022. 26(2). С. 213–239.
10. Мальцева И. О., Нестерова Д. В. Гендерная сегрегация на внутреннем рынке труда: источники и последствия: Препринт. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2009.
11. Рудченко, А. В. Гендерный анализ должностной структуры вузов России // Вестник Международного института рынка. 2021. № 1. С. 111–119.

A. Y. Kolianov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

THE PROBLEM OF GENDER SEGREGATION IN RUSSIAN SCIENTIFIC DISCOURSE

The article analyzes various approaches to the problem of gender segregation in Russian scientific discourse. The indicators of measuring the gender situation, which are most often used by Russian researchers, are considered. To describe the context of the gender situation, statistical information from official sources is studied, which makes it possible to judge the degree of manifestation of gender segregation and draw conclusions about how deductive and inductive methods of analyzing the problem correlate in domestic discourse. On the basis of the studied body of scientific publications, several types of attitudes towards the phenomenon of gender segregation in the Russian labor market are distinguished. Particular attention is paid to the stylistic nature of publications and, in particular, to the comments of researchers, which makes it possible to determine the key principles and framework for discussing the problem of gender segregation, which Russian scientists are guided by.

Labor market, gender inequality, gender discrimination, gender segregation, gender studies

УДК 140.8; 37.032.5

О. М. Корчажкина (Институт кибернетики и образовательной информатики им. А. И. Берга Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук, Москва, e-mail: olgakomax@gmail.com)

ЦИФРОВОЙ МИР ВНУТРИ И ВНЕ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматриваются вопросы единства мира в условиях постнеклассической рациональности, которая привносит в объективную реальность изменения, вызванные цифровизацией общественной жизни. Тем самым возникает насущная необходимость философского осмысления внутреннего мира человека – насколько этот мир соответствует объективной действительности и насколько люди, всецело погруженные в цифровую среду, способны противостоять настоящим, а не виртуальным, вызовам и рискам.

Единство мира, постнеклассическая рациональность, объективная и субъективная реальность, цифровой мир, внутренний мир человека, замещающие технологии

Введение. Постнеклассическая рациональность, которая представляет собой новый тип объективной реальности, характерной для современного этапа развития наук и технологий, а также социально-политических структур разного уровня, формирует особое пространство ментального существования человека как личности и познающего субъекта. Человек постигает окружающую действительность и формирует собственную картину внешнего и внутреннего мира с опорой на новые формы взаимодействия материальных и идеальных (воображаемых) компонентов этих миров. Эта картина мира включает в себя неустойчивость, неопределенность, и человек оказывается в ситуации, когда «смысл законов природы выражает возможности, или вероятности» [1, С. 11]. Человек, от природы стремящийся и привыкший к определенности и стабильности, часто ищущий эту определенность, оказывается в позиции «витязя на распутье», перед которым открывается окно возможностей, не помогающее ему сделать правильный выбор, а, наоборот, дезориентирующее и потому пугающее его.

Кроме того, для постнеклассической рациональности более чем для всех предшествующих этапов развития человеческой цивилизации, характерен *феномен замещения*, связанный в сфере материальной деятельности с замещающими технологиями, а в области психологии личности – с замещением осознания реального мира и организации реальной деятельности восприятием информационных процессов и управления ими.

Например, простейшей сферой информационной, или виртуальной (цифровой), реальности, предоставленной замещающими технологиями, является хранение и распространение информационных источников (оцифровка), делающее их виртуальные образы открытыми и повсеместно доступными. А новые функции цифровых технических средств (преимущественно в сфере робототехники и искусственного интеллекта), позволяют заместить «слабости силой, скоростью, неутомимостью, то есть недостаток или отсутствие у человека определенных качеств и свойств заменить совершенным техническим воплощением» [2, С. 253].

В целом, мировоззренческий смысл замещающих технологий видится в превращении техносферы в главную среду обитания человека и создание единого информационного пространства, что обнаруживает прямую зависимость от них индивида и общества, порождая тем самым ряд мировоззренческих проблем [2, С. 248–249].

Применение цифровых инструментов и информационных ресурсов в условиях постнеклассической рациональности не ограничивается только сферой наук и технологий. В силу изначальной агрессивности эти процессы таят в себе все возрастающую опасность на уровне более «тонких материй» – сознания и мировоззрения человека – опасность деформации, фетишизации или вытеснения его традиционных гуманитарных (ценностных) устремлений. Часто они могут представлять собой тупиковые, сомнительные или крайне пагубные направления в становлении еще незрелой личности, которая, впуская в свой внутренний мир «неотфильтрованные» цифровые реалии, не стремится *дополнить* его новыми качествами, а лишь *замещает* реальные ценности виртуальными, часто имеющими мало общего с адекватным восприятием действительности и с подлинно созидательной деятельностью.

Постнеклассическое единство внешнего и внутреннего мира как пространства бытия. Материалистическое понимание единства мира состоит в его материальности. Тогда как единое восприятие и преломление внешнего мира в сознании человека, его внутреннем мире может быть истолковано как *идеальное единство*, как результат его мыслительной деятельности. Причем единство – это совсем не «снятие» различимости (в абсолютном бытии все выделяющееся содержится в согласии, и это есть объективно и субъективно необходимая и имплицитно подтвержденная основа единства всех логических понятий) и ее установление («одно» как одно в себе, отличающееся от любого другого)» [3, С. 333]: в сознании человека то едино, что им мыслится как общее, неотъемлемое, то, что принимается им за взаимосвязанное, взаимозависимое и сосуществовающее (взаимобытующее).

В постнеклассической рациональности, характеризующейся нестабильностью, непредсказуемостью и неоднозначностью, подлинность предметов и явлений скорее полагается, подразумевается, мыслится, чем обнаруживается, доказывается и фиксируется. Поэтому независимо от уровня образования, лич-

ного опыта или специфики характера каждый современный член общества обнаруживает в своем сознании цифровой мир, который становится одним из виртуальных миров, оказывающих воздействие на его «пространство бытия» путем мыслительной деятельности.

Каковы инструменты достижения единства внешнего и внутреннего мира человека? Если исходить из положения немецкого философа Мартина Хайдеггера о том, что «Бытие как присутствие определяется временем, <...но и> время определяется бытием. Бытие и время взаимно определяют друг друга» [3, С. 70], то именно время и бытие – это те инструменты, которые определяют – значит влияют, раскрывают сущность, устанавливают связи и со-существуют, образуя не только некое взаимное *единство*, но и объединяя различные компоненты бытия между собой. Так внешний и внутренний мир человека, являясь компонентами его бытия, обретают единую сущность благодаря времени, пребывая во времени, объединяясь внутри времени.

Далее. Сам способ бытия в постнеклассическом мире основывается не на одиночных концептах классической картины мира, и не на бинарных неклассических оппозициях (*порядок-беспорядок, разум-неразумие, стабильность-нестабильность* и т. п.). Теперь наблюдается неопределенность внутри самих концептов *разум – иной разум, порядок – иной порядок, сознание – иное сознание*, то есть налицо «утверждение возможности (или даже необходимости) разных порядков и разных разумов, точнее говоря, продолжение принципов рациональности (пусть и в трансформированном по необходимости виде) за пределы области ее первоначальной действительности» [4, С. 126]. Такое двойственное содержание ключевых понятий усугубляется вторжением во внешний и внутренний мир человека цифровой среды, которая в силу своей проникающей способности может послужить, подобно *времени*, объединяющим началом во внутреннем мире зрелой личности, или, напротив, внести элементы непонимания и сумятицы, создать ложные приоритеты и ценности во внутреннем мире личности неподготовленной или незрелой.

Вызовы и риски внешнего мира и их преломление в мире внутреннем. Внутренний мир человека как пространство его бытия часто приобретает символические, церемониальные, часто далекие от реальности черты: «Визуализация и символизация переносят значения на объекты, находящиеся в ином пространстве-времени, чем изначальные события и состояния» [2, С. 249]. При этом человек непременно становится носителем «другого сознания» (термин, впервые примененный к «сознанию» роботов и систем искусственного интеллекта) [2, С. 255]. И это «другое сознание» (или *иное сознание*) непременно устанавливает или принимает «иные ценности».

В области образования и науки всех, похоже, устраивает цифровое моделирование, которое повсеместно выступает заменой натурального эксперимента: «Если раньше теории могли строиться только на основе открытия некоего порядка, присущего вещам, то теперь вполне допустимо моделирование без выхода к каким-то реальным референтам, например, компьютерные симуляции

природных, технологических и социальных процессов. <...> Если раньше достаточным аргументом против теории считались противоречащие ее положениям данные опыта, то теперь лишь изобретение альтернативной модели может служить аргументом» [2, С. 270]. Когда за цифровым моделированием, которое служит лишь «пробным камнем», намечающим предварительный план исследовательской деятельности познающего субъекта, следует цепь реальных экспериментов, то следует признать, что человек в полной мере осознает возможности и ограничения цифровых технологий, разумно встраивая их в свою реальную деятельность.

Еще пример. Уже не только нормальным явлением, но и собственно коммуникацией считается электронная коммуникация, когда в социальных сетях вы выступаете не под своим реальным именем, а под «ником», демонстрируете не свой реальный внешний вид, а примитивный аватар. По крайней мере, случаи, когда люди предпочитают общению «глаза-в-глаза» виртуальное перебрасывание короткими безграмотными сообщениями от имени сомнительных персонажей, с которыми они себя идентифицируют, встречаются повсеместно. Так человек может утратить способность к различению, разграничению не просто реального и виртуального внутри и вокруг себя, но и себя как личности. Проблемы самоидентификации и построения отношений в цифровой среде создают не только иллюзию реальных отношений, но и приводят к иллюзорности самой личности и форм ее существования [2, С. 272, 275]. Тем самым утрачивается ценность человеческой жизни – как чужой, так и своей собственной, что является наиболее катастрофической метаморфозой, которая может произойти с человеком, всецело погруженным в цифровой мир, отдаляющий его от реальности.

Кроме того, говоря языком теории информации, в подобном «едином мире» возрастает уровень *энтропии*, трактуемой в качестве недоступной, рассеянной и бесполезной для работы энергии [5, С. 289–291]. Если не оказывать ей противодействия, то эта энергия, которая не может быть направлена ни на какую созидательную деятельность, может безгранично накапливаться в любой системе, приводя ее к саморазрушению. Такой системой при описанных выше условиях может оказаться человеческая личность.

Выводы. Слияние, превращение в нечто единое реального и виртуального мира в сознании большинства современных граждан активного возраста является закономерным процессом развития личности, отражающим изменение положения и роли человека в мире и его взаимоотношений с природой, обществом и научно-технической стороной жизни в условиях постклассической рациональности. Еще отец «информационного века» Клод Шеннон писал в своих мемуарах, что кибернетика является «новой интерпретацией человека, человеческих знаний о вселенной и обществе» (цит. по [5, С. 255]).

Хорошо, если человек, осознавая свою зависимость от виртуального мира, попытается гармонизировать звенья «другого сознания» и так организовать единение реальных и виртуальных компонентов внутри и вне себя, чтобы

нивелировать возникающие потенциальные угрозы и риски. Если же – нет, то ему отводится несубъектная роль элемента, находящегося под внешним воздействием, которому он не в силах противиться или которое его вполне устраивает. В этом случае цифровизация как глобальный и объективный процесс становится не *дополнением*, обогащающим внутренний мир человека, а *замещением*, разрушающим важные и необходимые компоненты его бытия.

Источники:

1. Пригожин И. Р. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы / Пер. с англ. Юлий Данилов. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. URL: <https://klex.ru/gfn>.
2. Информационная эпоха: вызовы человеку / под ред. И. Ю. Алексеевой и А. Ю. Сидорова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
3. Онтология. Тексты философии. / Ред.-сост. В. Кузнецов. М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2012.
4. Кузнецов В. Ю. Постнеклассическое единство мира. М.: РИПОЛ классик, 2023.
5. Глик Дж. Информация. История. Теория. Поток. / Пер. с англ. М. Кононенко. М.: АСТ: CORPUS, 2011.

O. M. Korchazhkina (A.I. Berg Institute for Cybernetics and Educational Computing, Federal Research Centre “Computer Science and Control”, The Russian Academy of Sciences, Moscow)

THE DIGITAL WORLD INSIDE AND OUTSIDE THE HUMAN

The article deals with the issues of the integrity of the world in the conditions of post-non-classical rationality, which brings changes caused by the digitalization of public life into the objective reality. Thus, there is a crucial need for a philosophical understanding of the inner world of the man – to what extent this world corresponds to the objective reality and to what extent people, completely immersed in the digital environment, are able to withstand real, not virtual, challenges and risks.

The integrity of the world, post-non-classical rationality, objective and subjective reality, digital world, the inner world of the man, replacement technologies

УДК 811.511.111

Ю. С. Костецкая (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: ulia_kostetskaia@mail.ru)

ИСТОРИЯ ФИНСКОГО ЯЗЫКА НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ

В статье рассматривается история финского языка на территории современной Ленинградской области и Карелии в XIX и XX веках. Анализируется языковая политика государства в отношении финского языка в разные периоды и то, как она влияла на использование финского в образовании, периодических изданиях и делопроизводстве. В статье также описана роль евангелическо-лютеранской церкви в сохранении финского языка среди российских финнов и приведены статистические данные о численности финнов в регионе в разные периоды времени. Делается вывод о том, что, несмотря на трудности, финский язык как язык национальных меньшинств играл и продолжает играть важную роль в культурном наследии Северо-Запада России.

Финский язык, Карелия, Ингерманландия, финны-ингерманландцы, российские финны, расселение финнов, Северо-Запад России, история финского языка

На Северо-Западе России история финского языка, относящегося к прибалтийско-финской подгруппе финно-угорских языков, формировалась под влиянием множества факторов. Несмотря на то, что финны не являются коренным населением России, они проживают на Северо-Западе России многие столетия. В XVII в. ингерманландские финны расселились на территориях в центральной части современной Ленинградской области, а именно Всеволожского, Гатчинского и части Ломоносовского районов [1, С. 111]. В 1732 г. численность финнов данного региона составляла 23 тыс. человек. В середине XIX века численность финнов-ингерманландцев составляла 72 тысячи человек, а в 1897 – 107 тыс. человек [2, С. 10].

В XIX–XX веках в результате миграции, обусловленной экономической притягательностью региона и наличием большого количества рабочих мест, финны небольшими группами расселялись на Северо-Западе России [3, С. 3]. Большинство из них оказалось в Санкт-Петербургской, Архангельской и Олонецкой губерниях. Согласно первой всероссийской переписи населения 1897 г., на финском языке в Российской империи говорили 143 тыс. человек. В Санкт-Петербургской губернии финны были второй по численности этнической группой (после русских) и составляли 6,2 % населения (130,4 тыс. человек) [3, С. 8].

Евангелическо-лютеранская церковь сыграла огромную роль в сохранении родного языка российских финнов. Во-первых, финляндские пасторы служили в церквях Петербурга и Ингерманландии, что было связано с необходимостью ве-

сти службы на финском языке [4, С. 110]. Во-вторых, лютеранская церковь помогла создать систему обучения в школах на финском языке. Так, в 1782 г. в Ингерманландии появилась первая финская начальная школа. В середине XIX в. церковь помогла основать еще около десяти начальных школ. А в 1863 г. в Колпанах под Гатчиной была открыта учительская семинария [3, С. 6].

Развивалось и издательское дело – в 1870 г. в России вышла первая газета на финском языке [5, С. 373]. Действовали финские книжные магазины и библиотеки. К 1933 году издательством «Kirja» было выпущено свыше 900 наименований книг и брошюр на финском [6, С. 365].

К началу XX века школьная политика Российской империи переориентировалась на постепенное слияние национальных окраин в единое государство. Регионы проживания финнов не стали исключением, и это привело к тому, что все преподавание в финских школах (за исключением Закона Божьего) должно было вестись на русском. При этом финский оставался основным в 570 воскресных и конфирмационных школах, где обучалось более 16 тысяч учеников [4, С. 110–111].

В данный период ингерманландские финны считались крупнейшей финноязычной группой России. Согласно переписи 1926 г. их численность в Ленинградской губернии составляла 115,2 тыс. человек [7]. Население же финнов-иммигрантов, переселившихся после революции и гражданской войны в Карелию и Ленинградскую губернию, оценивалось более, чем в 20 тыс. человек.

Политика коренизации, которая проводилась в 1920-е гг., гарантировала финнам право на национально-культурную автономию и использование родного языка в народном образовании. Кроме того, в Ленинградской губернии был организован Куйвозовский финский национальный район, в котором делопроизводство и школьное обучение велось на финском языке, работало 286 начальных и 14 средних финских школ, учителей готовили в финском педагогическом техникуме в Гатчине [3, С. 9]. В Ленинградском государственном университете были открыты отделения финского языка и литературы. Финский был вторым официальным языком в Карельской АССР после русского. В Карелии, Мурманской и Ленинградской областях на нем издавались газеты и книги, работали школы и театры.

К началу 1930-х годов в стране стали реализовывать политику русификации. Это привело к тому, что финский язык стали использовать реже, а к 1937 г. в связи с ухудшением отношений с Финляндией финский язык и вовсе оказался в Советском Союзе под запретом, который был снят лишь в конце 1980-х гг. [3, С. 10].

Отдельного внимания заслуживает история финского языка в Карелии. Основными жителями региона были две этнические группы – русские и карелы. Финны с момента своего появления на данной территории в XIX веке были национальным меньшинством – к середине 1930-х годов финская диаспора в Карелии достигала примерно 15 тыс. человек – чуть больше 3 % населения, что было историческим максимумом [7]. К тому же финны отличались

от местного населения языком, верой и культурой – так, вместе с финскими иммигрантами в Карелию пришла лютеранская церковь.

В рамках коренизации в 1920-х и первой половине 30-х годов XX в. языковая политика Карелии была направлена на финнизацию региона [8]. В ситуации, когда существовавшие карельские диалекты сильно отличались друг от друга и создание литературного карельского могло быть долгосрочной перспективой, финское руководство региона приняло решение сделать литературный финский культурным языком для карелов. К тому же карельские диалекты традиционно рассматривались в Финляндии как часть финского языка, что было поддержано финским руководством Карелии. Литературный финский язык рассматривался как письменная форма выражения карельской речи, а карельские диалекты использовались только в устном виде в бытовой сфере, что отражало основную идею концепции «карело-финского языка» [3, С. 11–12].

К 1929-30 учебному году в республике работало 250 национальных школ, в 191 из которых преподавание велось на финском [3, С. 14]. Также увеличились тиражи финской периодики, а в библиотеках создавались специальные отделы литературы на этом языке. Так, если в 1923 тираж газеты «Karjalan kottuni» составлял 1350 экземпляров, то к 1928 г. он вырос до 3000 экземпляров, а в 1931 превысил 14,5 тыс. экземпляров [9, С. 44].

Однако уже осенью 1935 года в период репрессий начались гонения на финнов и финский язык в Карелии. Результатом стало создание карельского литературного языка, который был провозглашен третьим официальным наравне с русским и финским. К концу 1937 г. финский язык был запрещен по всей стране, а финноязычные книги и периодику перестали издавать.

После образования в 1940 г. Карело-Финской ССР на ее территории финский язык вновь получил статус государственного, он должен был способствовать сближению народов Карелии и Финляндии и достижению тесного сотрудничества между ними [3, С. 19].

Во время Великой Отечественной войны значительная часть Карелии была оккупирована финскими войсками, которые активно распространяли в регионе язык, культуру и идеи своей страны. А уже после войны, в 1956 году, Карело-Финская ССР стала автономной республикой, преподавание финского было прекращено и возобновилось только в 1963 г.

Из-за того, что финский язык со временем все меньше использовался в повседневной жизни, образовании и делопроизводстве, потомки финнов и ингерманландцев постепенно стали терять свою культурную идентичность. После распада Советского Союза Российская Федерация признала права национальных меньшинств на использование родного языка и предприняла усилия по сохранению и развитию финского языка. В 1993 году началось восстановление финноязычной культуры Карелии и были разработаны целевые программы для восстановления языков коренных народов. В 2004 г. принят республиканский закон «О государственной поддержке карельского, вепсского и

финского языков в Республике Карелия» и разработана программа этой поддержки на 2006-2010 годы [3, С. 22]. Сегодня финский язык преподается в некоторых школах, в России проходят фестивали финской культуры.

В заключение следует отметить, что история финского языка на Северо-Западе России в течение нескольких веков формировалась под влиянием различных факторов, включая миграцию, языковые контакты и языковую политику государства. Финский язык остается важной частью культурного наследия региона, и предпринимаются усилия по его сохранению и развитию для будущих поколений.

Источники:

1. Ступин Ю. А. Эволюция ареала расселения финнов-ингерманландцев на территории Северо-Запада России во второй половине XX века // Балт. рег. 2014. №4. С. 110–125. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-areala-rasseleniya-finnov-ingermanlandtsev-na-territorii-severo-zapada-rossii-vo-vtoroy-pолоvine-xx-veka> (дата обращения: 05.01.2023).
2. Суни Л. В. Ингерманландские финны: исторический очерк // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998. С. 4–15.
3. Такала И. Р. Финский язык в России: история и судьба. Лекция. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010.
4. Казьмина О. Е., Шлыгина Н. В. Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии и ее роль в жизни финнов-ингерманландцев // Этнографическое обозрение. 1999. №4. С.110–116.
5. Бирин В. Н., Такала И. Р. Финны // Народы России: энциклопедия / гл. ред. В. А. Тишков. М., 1994. С. 370–373.
6. Мусаев В. И. Россия и Финляндия: Миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. – 1930-е гг.) Санкт-Петербург: Изд-во Политехн. ун-та, 2007.
7. Всесоюзная перепись населения 1926. Т.1. М., 1928.
8. Анттикоски Э. Стратегии карельского языкового планирования в 1920-е и 1930-е годы // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920-1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 207–222.
9. Афанасьева А. И. Сосуществование и взаимовлияние русской и финской культур в Карелии (1920–1940 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера: Проблемы экономики и культуры XX в.: Сб. науч. статей. Петрозаводск, 1994. С. 41–49.

Yu. S. Kostetskaia (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

***THE HISTORY OF THE FINNISH LANGUAGE
IN THE NORTH-WEST OF RUSSIA***

The article considers the history of the Finnish language on the territory of modern Leningrad region and Karelia in XIX and XX centuries. It analyzes the language policy of the state concerning the Finnish language in different periods and how it influenced the use of Finnish in education, periodicals and office work. The article also describes the role of Evangelical-Lutheran Church in preserving the Finnish language among Russian Finns and provides statistical data about the number of Finns in the region in different periods of time. The conclusion is made that, despite the difficulties, the Finnish language as a language of national minorities has played and continues to play an important role in the cultural heritage of the North-West of Russia.

Finnish language, Karelia, Ingermanland, Ingrian Finns, Russian Finns, settlement of Finns, North-West of Russia, history of the Finnish language

УДК 7.01

К. А. Кравченко (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: kravchenkokarolinaa@gmail.com)

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИСКУССТВА СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: «ОТВРАТИТЕЛЬНОЕ» В КИНО

Автор разбирает, как категория отвратительного представлена в философии кино и Cinema Studies. В статье – исследование того, каким образом отвратительное/безобразное/уродливое изображено в кинематографе; какие смыслы мы можем разобрать через призму философии. Важный акцент сделан на том, что через кино отвратительное представляет собой важный концепт искусства современной цивилизации.

Отвратительное, отвращение, кино, философия кино, современная цивилизация, удовольствие, переживание, философия ужаса

Целый ряд западных мыслителей – от Канта, Ницше и Фрейда до Сартра, Батая и Кристевой, – погружались в проблему отвратительного; в рамках философии кино и Cinema Studies обращение к отвратительному является полезным критическим приемом для осмысления некоторых из наиболее актуальных вопросов. Стоит отметить, что в последнее время в различных дисциплинах активизировались обсуждения, касающиеся категорий отвратительного/безобразного/уродливого, о чем свидетельствуют публикации в области философской эстетики, феноменологии, когнитивной и моральной психологии, теории литературы.

Отвратительное уникально привилегированное понятие, которое открывает нам доступ для исследования вопросов о телесности, аффектах и эмоциях, этики и политики в общем. Карл Плантинга выразил интересную мысль о том, что отвращение начинается как «страж рта», распространяется на защиту «храма тела» и, наконец, становится стражем «человеческого достоинства в социальном порядке» [1, Р. 205]. Многозвучие смыслов отвратительного открывает нам иное пространство кино: нечто, что отталкивает (вызывающее тошнотворную реакцию и неприятие), так и притягивает (липкое и заразительное, оно побуждает нас, зрителей, смотреть, задерживаться, медлить и внимательно следить за мерзкими вещами). Это удивительное свойство отвратительного позволяет кино проворачивать с нами фокусы, которые помогают исследователям проанализировать кинематографический опыт и опыт зрителя в целом.

Одним из важных ориентиров для размышлений о роли отвратительного в философии кино в целом является «Философия ужаса» Ноэля Кэрролла. В этой работе Кэрролл рассматривает отвращение как один из вариантов неудовольствия, который занимает центральное место в переживании ужаса [2]. Для

Кэрролла сильные физиологические и эмоциональные претензии, предъявляемые к зрителю в переживании отвращения, неразрывно связаны и даже подчинены чувствам зрителя.

Телесное и моральное отвращение часто тесно переплетаются. Леон Р. Касс даже говорит о «мудрости отвращения»: «Отвращение – это не аргумент [...]. Однако в критических случаях отвращение является эмоциональным выражением глубокой мудрости, полностью выразить которую разум не в силах. [...] мы интуитивно и без рассуждений чувствуем нарушение того, что нам по праву дорого. Отвращение, здесь, как и везде, восстает против излишеств человеческого своеволия, предупреждая нас не преступать то, что невыразимо глубоко» [3, Р. 105].

Различные телесные жидкости, грязь, пищевые отходы – все рвется из экрана на зрителя. Отвратительные объекты не могут быть надежно закрыты за невидимой стеной, разделяющей онтологические сферы театрального здесь и кинематографического там. Благодаря сопереживанию и симпатии к персонажам вкусовые, обонятельные и тактильные качества отвратительного объекта как бы «проникают» на экран и «входят» в кинотеатр. Другими словами, отвратительные объекты доступны нам не только через наши «чувства расстояния» – «интимные чувства» также каким-то образом и в разной степени затрагиваются. Через органы зрения и слуха мы также можем получить частично реализованный тактильный, обонятельный или вкусовой опыт кино. Например, в фильме «Зеленый слоник» Светланы Басковой мы чувствуем непрекращающееся отвращение на протяжении всего просмотра, однако именно оно и раскрывает поэтику образов, состояний и чувств героев (и зрителя).

Зомби и инопланетяне, маньяки и убийцы – сочетание страха и отвращения – представляет собой эмоциональную реакцию на угрожающего и нечистого монстра. Безусловно, чудовищные серийные убийцы (например, в сериале «Метод» Юрия Быкова) вызывают одновременно страх и отвращение. В свою очередь, существа могут быть отталкивающими, не вызывая страха (вспомните одноименного персонажа в фильме Дэвида Линча «Человек-слон»). Но многие кинематографисты решают создавать своих монстров так, чтобы они вызвали одновременно страх и отвращение.

Как в психоаналитическом дискурсе, так и в теоретическом дискурсе о кино существует давняя традиция рассматривать отвращение в тесной связи с концепцией удовольствия. Возможно, наиболее известным примером такого подхода к отвращению является обсуждение Юлией Кристевой отвратительного в терминах «ужасающего наслаждения» в «Силах ужаса. Эссе об отвращении». По ее мнению, отвратительное одновременно завораживает и пугает, доставляет удовольствие и причиняет боль [4, С. 137]. Может показаться, что эта притягательная сила отвращения основана на том, что его конечной целью является отделение Я от того, что находится вне Я. Как отмечает американский критик Сианн Нгаи, отвращение укрепляет и стирает границу между субъективным и объективным, Я и не-Я [5, Р. 335].

В этих теориях отвращение существует как нечто, что необходимо преодолеть, преобразовать во что-то другое, как только устранена угроза разрыва между Я и Другими. Но как насчет самого переживания отвращения? Что нам делать с моментами, когда эта угроза очень жива, когда нами буквально овладевает отвращение, не оставляя места для удовольствия? Чему мы можем научиться, сосредоточившись на подавляющем переживании самого отвращения как процесса, который парализует эмоциональную свободу зрителя? Как отмечает Филипп Фишер, в такие моменты отвращения «мы подавлены чем-то вне нас или чем-то еще, что, по нашему мнению, может повредить или уничтожить нас [...] мы являемся жертвой или потенциальной жертвой чего-то, приближающегося к нам в мире, чего-то, что подрывает, по крайней мере на данный момент, нашу способность думать о себе как об агентах» [6, Р. 15].

Чувство непреодолимого отвращения также передается зрителю таким образом, что «высасывает из нас жизнь с чувством отчаяния» [7, Р. 41]. Фильм как мощное кинематографическое событие может стать ошеломляющим – или, скорее, ошеломляюще отвратительным – переживанием, поскольку эмоциональное влияние фильма пересиливают эмоциональную свободу зрителя.

Хотя зритель вовлечен в воплощенные и аффективные отношения с «эмоциональным ядром» фильма, способным реагировать на аффекты, которые воплощает фильм, акцент на отвращении в отталкивании делает этот процесс особенно ошеломляющим опытом, который работает, чтобы завлечь зрителя в это особенно сильное ощущение. Близость является решающим элементом в этих отношениях, превышающим любой фактический контакт. Близость «отвратительного объекта» может ощущаться как оскорбление телесного пространства, как будто вторжение объекта в это пространство было необходимым следствием того, что кажется отвратительным в самом объекте.

Отступая, тела, испытывающие отвращение, – это также тела, испытывающие определенную ярость, ярость от того, что объект подобрался достаточно близко, чтобы вызвать отвращение и быть захваченным. Таким образом, отвращение включает в себя, прежде всего, близость – возможность и угроза контакта – в большей степени, чем контакт как таковой. Оно возникает в и как близость между двумя плотскими телами, которую субъект затем пытается преодолеть в акте отстранения.

В кинематографическом опыте мы обычно думаем о теле зрителя, отстраняющемся от отвратительных, ужасающих образов. Джулиан Ханич отметил, что это отвращение со стороны зрителя может быть ментальным, физическим или и тем и другим в ответ на образы (например, в фильмах ужасов), чья навязчивая близость делает их отвратительными [8, Р. 293].

Подведем некий итог: исследование отвратительного является своеобразным вызовом для исследователей, однако именно через вскрытие обратной стороны прекрасного нам становятся доступны новые измерения философии кино и Cinema Studies в целом. Искусство современной цивилизации характеризуется нестабильностью, условностью, вызовом – мы можем это заметить и

в кинематографе. Рассказывая истории об отвратительном, авторы «заражают» зрителя полнотой кинематографических образов, которые репрезентируют современность и подталкивают нас к рефлексии о настоящем.

Источники:

1. Plantinga C. *Moving Viewers: American Film and the Spectator's Experience*. Berkeley: University of California Press, 2009.
2. Carroll N. *Philosophy of Horror: Or, Paradoxes of the Heart*. London: Routledge, 1990.
3. Kass L. R. 'The Wisdom of Repugnance' in *Ethical Issues in Biotechnology*. Eds. Richard Sherlock/John D. Morrey. Lanham: Rowman and Littlefield, 2002. 186 p.
4. Кристева Ю. Отвращение // Кристева Ю. *Силы ужаса: эссе об отвращении*. СПб.: Алетейя, 2003.
5. Ngai S. *Ugly Feelings*. Cambridge and London: Harvard University Press, 2005.
6. Fisher P. *The Vehement Passions*. Princeton: Princeton University Press, 2002.
7. Schnall, Simone; Jonathan Haidt, Gerald L. Clore and Alexander H. Jordan 'Disgust as Embodied Moral Judgment'. *Personality and Social Psychology Bulletin*, v. 24, n. 8, 2008. P. 40–52.
8. Hanich J. 'Dis/liking Disgust: The Revulsion Experience at the Movies.' *New Review of Film and Television Studies* v. 7, n. 3:, 2009. P. 293–309

K. A. Kravchenko (St. Petersburg State Electrotechnical University «LETI»)

***PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF THE ART OF MODERN
CIVILIZATION: «DISGUSTING» IN CINEMA***

The author examines how the category of disgusting is represented in the philosophy of cinema and Cinema Studies. The article is a study of how the disgusting is represented in cinema; what meanings we can make out through the prism of philosophy. An important emphasis is placed on the fact that through cinema, the disgusting is an important concept of the art of modern civilization.

Disgusting, disgust, cinema, philosophy of cinema, modern civilization, pleasure, experience, philosophy of horror

УДК 316.47

А. В. Кривопуст (*Новосибирский военный ордена Жукова институт им. генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии РФ*, e-mail: zah.i.v@mail.ru);

А. В. Кривопуст (*Новосибирский военный ордена Жукова институт им. генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии РФ*, e-mail: anz66@mail.ru)

СОСТОЯНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье анализируется современное состояние межнациональных отношений в России, выявляются причины межнациональной напряженности, отмечается, что для укрепления межнациональных отношений и сохранения национального многообразия российского государства необходима эффективная государственная национальная политика, нацеленная на поддержку жизни разных наций в согласии и мире.

Межнациональные отношения, межнациональная напряженность, гражданская и национальная идентичность, национальное единство, государственная национальная политика.

На протяжении длительного времени межнациональные конфликты в России представляли собой обыденную часть реальной жизни. ЮНЕСКО утвердило в 1995 г. «Декларацию принципов терпимости», где терпимость была признана в качестве социальной нормы и ценности любого гражданского сообщества. Указанный документ декларирует, что конструктивное взаимодействие между отдельными гражданами и социальными группами, которые обладают разными ценностями, может быть достигнуто только посредством развития межкультурного взаимодействия, навыки в котором развиваются путем формирования таких принципов, как толерантность сознания и поведения, религиозная толерантность, миролюбивость, а также путем осуществления профилактики экстремизма.

Установление баланса и гармонии в межнациональных отношениях на сегодняшний день является главной задачей российского государства, отличающегося значительным этническим многообразием населения [1, С. 140]. Как отмечают исследователи, в 2000-х гг., когда в обществе установилась относительная стабильность в социально-экономическом плане, шло неуклонное усиление гражданской российской идентичности, которая в регионах с преимущественно русским населением стала значительно доминировать [2, С. 183]. Усилия российской государственной власти способствовали тому, что региональные элиты национальных субъектов стали более лояльными, и

дискуссии националистического характера были вытеснены за рамки публичной политики. В то же время в настоящий момент соотношение идентичности гражданской и идентичности национальной во многих субъектах государства остается достаточно актуальной проблемой. Однако необходимо подчеркнуть, что эта проблематика все больше смещается в повседневную, бытовую риторику, и все меньше выступает в качестве источника настроений сепаратистского и экстремистского характера. Это становится особо заметным на фоне того, что в современном российском обществе наблюдается значительный подъем патриотических настроений, обусловленным тем, что Россия вернула себе Крым, а также антироссийской риторикой западного мира [3, С. 121].

В этой связи, главную роль в том, чтобы сохранить национальное многообразие российского государства играет государственная национальная политика, нацеленная на поддержку жизни разных наций в согласии и мире. Эффективность национальной политики зависит не только от неравнодушия общества к сбережению национальной общности и его внимания к интересам национальностей, проживающих в стране, но и от результативности мероприятий, направленных на укрепление межнационального единства. То есть от того, насколько плодотворным будет сочетание гражданской и национальной идентичности российского населения [4, С. 102]. Для того чтобы российское общество не распалось по признакам национальности и языка, всем нациям должны быть предоставлены равные условия и возможности в области удовлетворения их потребностей, как в собственном языковом и этнокультурном развитии и совершенствовании, так и в наиболее полноценном изучении культуры и языка, являющихся доминирующими в РФ, то есть русских [5, С. 29].

Реализация такой политики основывается на том, что самоопределение личности является многоуровневой системой. То есть самоопределение народа, как национального сообщества, самоопределение государства, самоопределение личности не могут протекать изолированно друг от друга. В то же время согласие может быть достигнуто только в том случае, если коллективное национальное самосознание не будет затрагивать государственные целостность и единство, а также гражданскую идентичность населения и отдельных граждан, в независимости от того, к какой национальности они принадлежат [6, С. 95].

В Российской Федерации в качестве наиболее частых проявлений межнациональной неприязни выступают русофобия, кавказофобия и мигрантофобия. Русофобские настроения обусловлены, прежде всего, тем, что во времена Советского Союза в стране проводилась насильственная русификация населения, кроме того, распад страны привел к слому советской идентичности, вследствие чего актуализировались иные виды идентичности, для которых по большей части было характерно оппозиционное отношение к России. Так, можно привести в пример северокавказские народы, становление национальной идентичности которых основывалось на том, что русское население демонизировалось и идентифицировалось как «чужие» или «враги». Следует также

отметить еще один фактор развития русофобии – это государственный политический и экономический кризис, выступивший в качестве катализатора межнациональной напряженности в некоторых российских регионах (Поволжье, Северный Кавказ, Дальний восток). Новые идеологическо-политические концепции стали представлять национальные элиты, которые стали пользоваться русофобией как эффективным инструментом объединения населения в своем регионе на фундаменте национализма [5, С. 30].

К началу XXI в. российское население практически привыкло к тому, что страна стала другой, а также к месту, которое она к тому времени занимала на международной арене. Критику, звучавшую по поводу советского периода, а после и по поводу 1990-х гг., постепенно сменило стремление к объективности в оценках прошлого. Результатом этого у граждан страны стало культивироваться чувство собственного достоинства, в том числе и национального. Молодежь живо поддержала призыв «Россия, вперед!» и стала проявлять большой интерес к реконструкциям событий истории. Кроме того, молодые люди стали активно участвовать в различных военно-спортивных организациях [7, С. 83]. На сегодняшний день подавляющее большинство населения представляет собой людей, которые считают себя гражданами Российской Федерации, но в то же время не утратили собственную национальную уникальность. Одним из важнейших шагов на пути решения межнациональных проблем была Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации, принятая в 2012 г. Стратегия олицетворяет собой новый этап «формирования нации», для которого характерен всесторонний подход в разрешении межнациональных проблем, четкие и ясные цели и задачи, переход от идеологии концептуального характера к продуктивному использованию тех ресурсов, которые имеются в наличии [8, С. 90].

Однако на этот счет имеются и противоположные мнения. Так, российский академик В. А. Тишков писал: «Ни в коем случае не надо из чувашей, русских, татар, евреев и других «делать новых людей», формировать единую российскую нацию. Причем под словом «единая» часто понимается «единственная». Это глубокое заблуждение. Чуваши, русские, якуты, евреи, татары – уже давно многонародная российская нация. Для них принадлежность стране намного важнее, чем принадлежность к этнической группе. Кроме тех, кто болен этническим национализмом и отвергает российскость» [9, С. 76].

Исследователи отмечают, что за последние годы готовность граждан к общению с представителями иной национальности не изменилась в лучшую сторону. Так, по данным Л. М. Дробижевой, в 2009 г. негативное восприятие отдельных видов контактов составляло около 28–42 %, а в 2018 г. – 30–47 %. Неприязнь, которая обусловлена национальными мотивами чаще всего возникает потому, что люди, которые являются представителями другой культуры, ведут себя в России как хозяева, кроме того, существенное влияние имеют и культурные различия в образе жизни и поведении.

Таким образом, межнациональные отношения в России зависят от многих противоречивых факторов. Для достижения мира и равновесия сегодня требуется высокий уровень компетенции, прежде всего связанный с низовой самоорганизацией и саморегулированием, повышением уровня гражданского участия и гражданской ответственности.

Источники:

1. Бельков О. А. Сущностные характеристики многонациональности России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 4 (95). С. 139–142.
2. Диденко Н. Л. Проблемные аспекты правового регулирования межнациональных отношений / Н.Л. Диденко // Науч. проблемы гуманитар. исслед. 2012. № 2. С. 178–184.
3. Зейналов К. И. Специфика межнациональных отношений в современной России // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 1. С. 123–128.
4. Воробьев С. М. Представления молодежи о межнациональных отношениях в поликультурной среде регионов России / С. М. Воробьев, Е. А. Авдеев // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 1 (29). С. 106–119.
5. Игошина О. А. Гармонизация межнациональных отношений в современном развитии многонациональной России / О. А. Игошина, С. А. Цыповская // Вестник научных конференций. 2019. № 10-4 (50). С. 29–30.
6. Дробижева Л. М. Изучение этничности и межнациональных отношений в социологии // Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 74–100.
7. Мусаев О. Р. Некоторые вопросы развития межнациональных отношений // Theoretical & Applied Science. 2016. № 6 (38). С. 82–84.
8. Зейналов К. И. Гармонизация межнациональных отношений в стратегии государственной национальной политики Российской Федерации: проблемы и противоречия // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. № 4. С. 86–93.
9. Тишков В. А. Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России / В. А. Тишков, В. В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2016.

*A. V. Krivopust (Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation);
A. V. Krivopust (Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation)*

THE STATE OF INTERETHNIC RELATIONS IN MODERN RUSSIA

The article analyzes the current state of interethnic relations in Russia, identifies the causes of interethnic tension, and notes that in order to strengthen interethnic relations and preserve the national diversity of the Russian state, an effective state national policy aimed at supporting the life of different nations in harmony and peace is necessary.

Interethnic relations, interethnic tension, civil and national identity, national unity, state national policy

УДК 130.122: 008.2

М. Е. Кудрявцева (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: mekudriavtceva@etu.ru)

ПРОБЛЕМА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА В ЗЕРКАЛЕ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

По мнению ряда современных философов, важнейшим атрибутивным качеством человека является его способность постижения трансцендентной реальности, для чего требуется «экзистенциальное усилие», приводящее в действие воображение. Современный цифровой мир, открывая практически безграничные возможности по моделированию множественных миров, способствуя развитию важных когнитивных способностей, упраздняет экзистенциальную природу человека, делает ненужным его способность к «экзистенциальному усилию» и блокирует его воображение.

Трансцендентная реальность, экзистенциальная природа, искусственный интеллект, цифровой мир, воображение, создание миров

Тот факт, что активно развивающиеся в настоящее время современные цифровые технологии, создавая почти неограниченные возможности для решения политических, социально-экономических и культурных задач, могут оказаться разрушительными для человеческой личности и общества, в определенной степени является уже отрефлексированным в научной литературе. Хотелось бы, однако, обратиться к некоторым аспектам этой проблемы, связанным с угрозой цифрового мира не только для личности и общества, но для самой экзистенциальной природы человека.

Одним из наиболее остро стоящих сейчас вопросов является вопрос о соотношении человеческого и искусственного интеллекта. Споры о том, насколько ИИ сможет в перспективе соответствовать человеческому, продолжаются уже не одно десятилетие. Разработчики ИИ с уверенностью прогнозируют возможность смоделировать все функции мозга, вплоть до интуиции, игнорируя, однако, вопрос о том, что проблема сознания остается в науке нерешенной. Следует, впрочем отметить, что в последние годы скептически настроенные ученые все отчетливее высказывают свое несогласие с трансгуманистическими идеями Н. Бострома [1], с гипотезой «точки сингулярности» Р. Курцвейла [2, С. 42]. Складывается впечатление, что именно споры об искусственном интеллекте дают новый импульс к осмыслению феномена человеческого сознания, что, впрочем, видится вполне закономерным. Все чаще в той или иной форме звучит мысль о том, что одним из наиболее важных атрибутивных признаков человека является его способность творить мир идеального. Философ А. В. Костина считает, что «ноуменальная природа мышления

определяется самой функцией разума, призванного постигать такие трансцендентные понятия, как истина, доброта, красота, святость, в качестве той реальности, которая определяет вектор и задает параметры активной деятельности человека» [2, С. 48]. Именно эту А. В. Костина рассматривает как подлинную реальность культуры. Машина же творить мир культуры неспособна. Находясь в полном согласии с такой оценкой возможностей ИИ, хотелось бы однако поставить вопрос и о самой человеческой возможности разумного постижения трансцендентной реальности. Думается, что точнее было бы помимо разума признать в качестве атрибутивного признака человека его способность к экзистенциальному прорыву сквозь наличное бытие к подлинному.

Очевидно, что позиция в этом вопросе зависит от концепции самого феномена человека, которому в истории философии давалось немало определений. Обратимся к некоторым представлениям о человеке неклассической антропологии. Одним из наиболее близких нам является представление о человеке как грезящей самости. Его можно выразить так: «Поскольку человек грезит, постольку он не часть природы» [3, С. 87]. Другим близким нам представлением неклассической парадигмы является представление о человеке молчащем: «Под молчанием понимается способность человека ускользать от объективации своей самости, от овнешнения внутреннего» [3, С. 89]. С. Хоружий обращает внимание на то, что молчание способствует вхождению человека в общение с инобытием [4]. Очевидно, что оба эти представления предполагают друг друга: погружение в свои безмолвные глубины вызывает грезу, а греза возможна только в молчании.

Человек «грезящий» создает миры, признание объективности или субъективности которых также зависит от философской позиции автора, философа, психолога, относительно природы человеческого сознания.

Представляется сомнительным, что такое усилие будет когда-либо доступно ИИ, поскольку для «создания миров» в своем воображении, человеку «грезящему» требуется усилие, причем усилие не рационального характера, а, скорее, экзистенциального, духовно-эстетического, предполагающего своеобразный творческий прорыв к истине сквозь наличную реальность. Как говорил М. К. Мамардашвили, «пространство истины может быть расширено только трудом, а само по себе оно – мгновение. И если упустил его... все – будет хаос и распад, ничего не повторится – и мир уйдет в небытие» [5, С. 10]. По сути дела такие миры создаются искусством и литературой талантом их авторов, имеющим далеко не только рациональную природу. Оговоримся в связи с этим о соотношении понятий «фантазия» и «воображение». Несмотря на их очевидную близость, фантазия, в нашем понимании, преимущественно связана с рациональной сферой человеческого мышления и в процессе своей реализации нацелена на поиск оригинальных путей. Воображение же в большей степени проистекает из бессознательной сферы. Как отмечает В. О. Федотова, «фантазия сформирована целью, воображение есть поле до всяких форм» [6, С. 68].

Именно воображение лежит в основе фантазии и в совокупности своей они позволяют человеку создавать новую реальность. Более того, О. А. Антонова и О. О. Брылевская считают, что «существования виртуальной реальности коренится в нашей структуре сознания, а именно в способности нашего сознания создавать образы – в воображении» [7, С. 12]. Воображение таким образом, выступает некой формой виртуальной реальности. Неверно думать, что только люди творческого труда способны к такому «созданию миров». Изначально творческая природа любого человека, занятого самым прозаическим повседневным трудом, предполагает такую возможность.

В иных, редких случаях такой прорыв, греза, духовно-эстетическое усилие может совершаться независимо ни от каких условий и ничто не может стать для него непреодолимым препятствием. Однако большинство людей в поисках легких путей не расположены к усилиям, тем более таким, не вербализуемым обычным языком. Свои грезы и пограничные состояния они, как правило, игнорируют или даже стремятся изгнать, забываясь наркотиком своего социального бытия.

С появлением цифровой реальности «создавать миры» и даже не просто создавать, но активно проживать их оказывается все проще, поскольку стремительное развитие цифровых технологий уже совсем скоро позволит современному человеку практически полностью переместиться в виртуальное пространство. Справедливости ради следует отметить, что проживание человеком жизни в искусственно созданных цифровых мегаполисах, вопреки расхожему мнению, все больше требует развития его когнитивных способностей – для того чтобы сориентироваться в пространстве виртуальной игры, необходимо многое: нестандартность мышления, готовность к многозадачности, прогностическая способность, способность к быстрому принятию решений и много чего еще. И конечно же при обустройстве этих цифровых миров требуется развитая фантазия. Все это важные качества, необходимые человеку для его все усложняющегося социального бытия. Однако само живое, реальное социальное бытие все более отступает на задний план, теряя свою значимость для человека, живущего в виртуальном мире. Экзистенциальная же природа человека в этом мире вообще оказывается упраздненной за ненужностью.

Образно выражаясь, цифровой мир становится для человека новым Универсумом, особенность которого заключается в том, что моделируется он не собственным «экзистенциальным усилием», которое приводит в действие воображение, а находящимся вовне разработчиком, вооруженным технологиями искусственного интеллекта. При этом сохраняется иллюзия творческой активности: искусственный алгоритм послушно воспроизводит любую фантазию. Человек постепенно перестает быть человеком грезящим – эта способность уже не нужна ему, воображение как акт бессознательного становится излишним, достаточно целесообразной фантазии. Человек также перестает быть молчаливым, поскольку находиться в виртуальном пространстве без «овнешнения внутреннего» нельзя, главной задачей человека, входящего в цифровое

пространство, как в жизнь, является перманентная самопрезентация. Молчание в этом мире – это абсурд и нелепость.

Появление такого универсума, а точнее «псевдоуниверсума» цифрового мира знаменует собой следующую ступень блокировки человеческой способности ощутить «священный ужас реального». Такого рода ужас имеет отношение не к житейскому, но к бытийному в человеке, творческая природа которого дает ему принципиальную возможность философского осмысления своего бытия. Как отмечает В. В. Варава, «в какой мере человек чувствует удивление и ужас бытия, в такой мере он философ, потому что бытие как таковое не удивительно для обыденного сознания (оно удивляется чему-то сверхъестественному) и не ужасно (оно боится чего-то особенного, страшного, а не ужасается тому, что есть)» [8].

Первым механизмом, защищавшим человека от «священного ужаса реального», были религиозные системы и символы. Далее эту функцию взяла на себя культура, однако по мере своего отрыва от культа, сама культура стала умножать этот ужас реального. Когда культура стала противопоставлять себя культу и самые темные атавистические инстинкты прорвались в социальную реальность, ужас этот стал невыносим. Вспомним знаменитую цитату А. Бенуа о «Черном квадрате» К. Малевича «Черный квадрат в белом окладе – это не простая шутка, не простой вызов, ... это один из актов самоутверждения того начала, которое имеет своим именем мерзость запустения и которое кичится тем, что оно через гордыню, через заносчивость, через попрание всего любовного и нежного приведет всех к гибели» [9] И к концу XX века было найдено блестящее решение избавления человека от этого ужаса – создание технологического цифрового универсума, где наконец можно жить спокойно, не опасаясь за свою жизнь, и даже получить некое цифровое «бессмертие». В цифровом универсуме в любой момент можно менять свои социальные роли, времена, места проживания, можно и в целом сменить одну реальность на другую, и главное – без особого напряжения.

Если предположить, что экзистенциальная природа в человеке выступает как высшая форма реализации его социальной природы, в силу того, что сама возможность грезы обусловлена принадлежностью к человеческому роду в целом, утрата способности человека к осуществлению экзистенциального усилия видится невосполнимой потерей не только для одного человека, но и для человечества в целом.

Источники

1. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. СПб.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.

2. Костина А. В. О корректности постановки вопроса «Может ли машина мыслить?» или Какие особенности человеческого мышления способен воспроизводить искусственный интеллект? // Гуманитарные науки: теория и методология. 2020. № 3. С. 36–53. DOI:10.17805/zpu.2020.3.3

3. Гиренок Ф. И. Смена перспектив в философии человека // Человек RU. № 10. 2015. С. 83–92.
4. Хоружий С. С. К феноменологии аскезы. М.: Изд-во гуманитар. лит., 1998.
5. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути
6. Федотова В. О. Смысловое соотношение понятий «фантазия» и «воображение» // Вестник РУДН, серия *Философия*, 2010, № 4. С. 67–71.
7. Антонова О. А., Брылевская А. А. Философский анализ функции воображения и виртуальной реальности // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. № 24. 2006, С. 12–17.
8. Варава В. В. Адвокат философии. М., 2014. Режим доступа: URL https://bookz.ru/authors/vladimir-varava/advokat-_575/1-advokat-_575.html (дата обращения 9.12.2022).
9. «Черный квадрат»: верить или знать? Режим доступа: URL <https://www.yburlan.ru/biblioteka/mir-iskusstva-protiv-kazimira-malevicha-chast-2> (дата обращения 9.12.2022).

M. E. Kudryavtseva (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

THE PROBLEM OF THE EXISTENTIAL NATURE OF HUMAN IN THE MIRROR OF DIGITAL REALITY

According to a number of modern philosophers, the most important attributive quality of a person is his ability to comprehend transcendent reality, which requires an «existential effort» that activates the imagination. The modern digital world, opening up almost limitless possibilities for modeling multiple worlds, contributing to the development of important cognitive abilities, abolishes the existential nature of a person, makes his ability to «existential effort» unnecessary and blocks his imagination.

Transcendent reality, existential nature, artificial intelligence, digital world, imagination, creation of worlds

УДК 800.92:519.682

С. Д. Куражев (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: serga-98@mail.ru);

А. Г. Маранчак (Севастопольский государственный университет, e-mail: amaranchak@yandex.ru);

П. П. Дерюгин (научный руководитель) (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: deriuginpav@yandex.ru)

СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ ИТ-СПЕЦИАЛИСТОВ В КРИЗИСНОМ ОБЩЕСТВЕ (ИТОГИ ПИЛОТАЖНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

(При поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07443/19)

В статье представлены результаты пилотажного исследования стратегий социальной мобильности ИТ-специалистов как объекта междисциплинарных исследований. Рассмотрено понятие стратегий социальной мобильности в современной науке. Приведены существенные характеристики стратегий социальной мобильности их некоторые системные свойства. Приведена классификация стратегий социальной мобильности ИТ-специалистов.

Стратегия, виды стратегий, кризисы, социальная мобильность, ИТ-специалисты

Актуальность данной темы связана прежде всего с тем, что многочисленные стратегии социальной мобильности российских ИТ-специалистов формируются под противоречивым влиянием совокупности кризисов глобального и регионального порядка, которые оказывают неоднозначное воздействие на выбор и смену таких стратегий. В частности, в последнее время существенно увеличилось число российских ИТ-специалистов, кто ориентирован на миграцию. Как показывают исследования влияния миграции в других социальных группах, содержание и характер ценностей мигрантов подвергается самым существенным трансформациям и изменениям [1, С. 34]. Это болезненный процесс, связанный десоциализацией личности, трудностями и потрясениями социально-психологического порядка.

Научная проблемность настоящего вопроса заключена в целом ряде актуальных граней, во-первых, в необходимости конкретизации теоретических и методических подходов в исследовании социальной мобильности ИТ-специалистов как специфической профессиональной группы в условиях современных корпораций [2, С. 254]; во-вторых, в актуальности исследований научных подходов к освещению трансформаций социальной мобильности различных социальных групп, возникающих в условиях цифрового простран-

ства [3]; в-третьих, в важности фиксации и объяснении новых форм социальной мобильности, в частности, ИТ-специалистов [4]; наконец, в адаптации традиционных и разработке современных технологий социологических исследований социальной мобильности на основе ИКТ [5].

Термин «социальная мобильность» впервые был введен П. Сорокиным в его научном труде «социальная мобильность» (1927 г.): «Под социальной мобильностью понимается любое перемещение индивидуального или социального объекта или ценности – всего, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, – из одного положения в другое» [6, С. 119]

Термин «Стратегия» пришел к нам в повседневную жизнь из военных наук, в общем виде стратегия представляет собой недетализированный план действий, рассчитанный на длительный период времени. Самое актуальное для нас, на мой взгляд, определение звучит следующим образом: стратегия – возможный или реализуемый способ действия субъекта в соответствии с данными условиями [7].

Таким образом, под стратегией социальной мобильности ИТ-специалистов следует понимать недетализированный план, рассчитанный на более или менее длительный период времени и предполагающий любые перемещения из одного положения в другое. В настоящем случае социальные изменения предполагается рассматривать в совокупности с изменяющимися профессиональными интересами, мотивацией или ценностями ИТ-специалистов.

Полученные эмпирические данные позволяют говорить о наличии стратегий социальной мобильности ИТ-специалистов на пересечении двух осей координат: в вертикальной и горизонтальной направленности (как вариант, возможно и диагональное перемещение), – с одной стороны, а также с перемещениями внутри и во вне социального пространства, в котором происходит социализация личности, – с другой (в российском социуме или за его пределами). На основании результатов включенного наблюдения и экспертных интервью зафиксированы следующие варианты социальной мобильности ИТ-специалистов как наиболее устойчивых.

Стратегия «из фриланса в компанию». Представляет собой переход ИТ-специалиста из статуса самозанятого, в статус сотрудника компании (работа по найму). В частности, отдельные характеристики такого перехода рассматривают Казакова А. В., Лебедь В. Е. в своей работе [8].

Стратегия «plenty-skill». Представляет собой стратегию развития в нескольких технологиях или в нескольких сферах деятельности. Примечательно, что специалист может развивать, как свои *hard skills* (профессиональные навыки, которые можно измерить), например: изучать несколько языков программирования, так и *soft skills* (универсальные компетенции), например: пройти курсы по повышению самоменеджмента, рекламы или коммуникативности [9].

Стратегия «релокация». Представляет собой переезд ИТ-специалиста в другую страну, без изменений квалификации или профессиональных обязанностей [10]. Релокация подразумевает 2 варианта реализации: 1. Ближнее зарубежье – страны СНГ, а также страны бывших республик СССР. 2. Дальнее зарубежье – остальные страны. В стратегии релокации также может быть выделено 2 сценария: 1. Переезд навсегда. Специалист выбирает переезд и легализацию в другой стране (получение нового гражданства). 2. Временный переезд, например, переезд на время кризиса. ИТ-специалист выбирает комфортную для него среду, чтобы переждать кризис и вернуться обратно [11].

Стратегия виртуальной мобильности. Стратегия, которая предполагает нахождение ИТ-специалистов в любой точке цифрового пространства, при этом выполнение функциональных обязанностей по месту положения ИТ-компании [12].

Стратегия «смена проекта». Представляет собой смену области применения технологий без изменений квалификации [13]. Например: ИТ-специалист работал C++ разработчиком в области медицины, а позже применил технологии C++ разработчика в области биржевой инфраструктуры.

Стратегия «unit-skill». Представляет собой стратегию последовательного горизонтального или вертикального развития в одной технологии или сфере деятельности [14].

Стратегия «смена работодателя». Представляет собой смену работодателя [15]. Начинающие специалисты, получившие опыт в небольших компаниях, переходят в крупные компании и корпорации, в которых больше перспектив развития и доступ к ресурсам (техника, технологии, социальные связи).

Стратегия «выход на рынок труда». Рынку труда в ИТ сфере присущ кадровый голод [16], поэтому, как правило, при смене работодателя у ИТ-специалиста происходит пересмотр квалификации (в лучшую сторону) и рост заработной платы.

Стратегия «релокация+». Представляет собой переезд в другую страну [17]. Релокация+ также подразумевает 2 варианта реализации: 1. Ближнее зарубежье. 2. Дальнее зарубежье. Данная стратегия может быть реализована по двум сценариям: 1. Переезд навсегда. 2. Переезд на определенное время (например, время кризиса).

Стратегия «стартап». Специалист создает свой продукт и открывает свою компанию, развивает свое дело [18].

Стратегия отказа от работы в сфере ИТ. Представляет собой смену деятельности специалиста [19], выход из деятельности в ИТ сфере [20].

Следует специально подчеркнуть, что практически *всегда на практике стратегии социальной мобильности являются комбинированными, совмещающие две или несколько показанных стратегий.*

Кроме того, пилотажное исследование позволило классифицировать основные стимулы-факторы формирования новых стратегий социальной мобильности. Их можно разделить на две группы: внешние и внутренние. В

настоящее время основной причиной формирования новых стратегий социальной мобильности ИТ-специалистов выступают *внешние причины* – кризисы – экономические, социальные, политические, технологические, психологические и пр. Напротив, часть сотрудников ИТ-компаний рассматривают кризисные условия как время новых возможностей. Среди *внутренних* факторов социальной мобильности ИТ-специалистов следует отметить интересы повышения или смены образования (респонденты желали развиваться в другой сфере, но до этого не было возможностей); семейные обстоятельства; медицинские противопоказания; отсутствие перспектив роста; достижение потолка профессиональных возможностей.

Таким образом, исследование стратегий социальной мобильности ИТ-специалистов *предполагает систематизацию нескольких характеристик*, в частности: определение целей и этапов стратегий как долгосрочных планов; выявление стимулов-условий-факторов, побуждающих к формированию стратегий; выбор способов реализации стратегий; анализ реальных потенциалов для реализации стратегий; изучение социодинамики ценностей и ценностных ориентаций, их трансформацию и социально-психологических процессов, сопровождающих эти трансформации.

Источники:

1. Дерюгин П. П. Этническое предпринимательство латиноамериканцев как стратегия адаптации в трансформирующейся России / П. П. Дерюгин, Е. Л. Самарина // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2014. № 8. С. 87–105. DOI 10.12731/2218-7405-2014-8-10. – EDN TGRVBP.
2. Рассказов С. В. Корпоративное управление : Учебник / С. В. Рассказов, А. Н. Рассказова, П. П. Дерюгин. М.: ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2020. DOI 10.12737/1022769. EDN FJPWDB
3. Фомичева Т. В., Катаева В. И. Ценности россиян в контексте цифровизации российской экономики // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 2.
4. Цвык В. А. Профессионализм как фактор социальной мобильности. Профессиональная мобильность // Общество и право. 2004. № 3 (5).
5. Буланова М. А. Теоретико-методологические аспекты исследования социальной мобильности // Власть и управление на Востоке России. 2010. № 4.
6. Сорокин П. А. «Социальная мобильность». М.: Academia: LVS, 2005.
7. Физическая Антропология. Илл. толковый словарь. 2013.
8. Казакова А. В., Лебедь В. Е. Эволюция подходов к определению самозанятости населения // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 3–1.
9. Ялалов Ф. Г. Профессиональная многомерность: многомерные компетенции // Вестник ТГГПУ. 2015. № 2 (40).

10. Войлокова Т. Н. Человеческий капитал высококвалифицированных русскоязычных специалистов в эмиграции: траектории профессионального и карьерного развития иммигрантов // Мониторинг. 2013. № 6 (118).
11. Вилкова О. В. Профессиональная успешность отечественных программистов на зарубежных и русскоязычных биржах фриланса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2021. № 3.
12. Сагитова В. Р. Виртуальная трудовая миграция: конфликтогенные факторы // Наука. Общество. Оборона. 2020. № 2 (23).
13. Громова В. А. Исследования карьерных ориентаций и личностных особенностей специалистов различных профессиональных групп // Russian Journal of Education and Psychology. 2018. № 2–2.
14. Святкина О. И. Карьера программиста 1С // StudNet. 2020. № 5.
15. Поварницына Ю. П. Межфирменная мобильность и успешность профессиональной карьеры работников интеллектуального труда // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. № 2.
16. Морозова О.И., Семенихина А.В. Проблемы кадрового дефицита в условиях цифровой экономики // МНИЖ. 2020. № 6-4 (96). С 93–97.
17. Баскакова М. Е., Соболева И. В. Кадровое ядро цифровой экономики в свете глобализационных рисков // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 2.
18. Дидковская Я. В., Вишневецкий Ю. Р., Лугин Д. А. Инновационный потенциал молодежи: мотивация участия и барьеры реализации молодежных стартапов // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2021. № 1.
19. Джанерьян С. Т., Забара И. В. Особенности эмоционального выгорания у программистов с различными типами ценностно-смыслового отношения к профессиональной деятельности // Педагогика и просвещение. 2019. № 2.
20. Батурина Н. В., Батурин Н. А., Плакида Е. И. Психологические ресурсы лиц, сменивших профессию // Психология. Психофизиология. 2018. № 3.

S. D. Kurazhev (Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»);

A. G. Maranchak (Sevastopol State University);

P. P. Deryugin (Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»)

STRATEGIES OF SOCIAL MOBILITY OF RUSSIAN IT SPECIALISTS IN A CRISIS SOCIETY (RESULTS OF A PILOT STUDY)

The article presents the results of a pilot study of social mobility strategies of IT specialists as an object of interdisciplinary research. The concept of social mobility strategies in modern science is considered. The essential characteristics of social mobility strategies and their some systemic properties are given. The classification of social mobility strategies of IT specialists is given.

Strategy, types of strategies, crises, social mobility, IT specialists

УДК 81-119

Т. В. Куралева (Санкт-Петербургский государственный университет,
e-mail: t.kuraleva@spbu.ru)

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

В статье описываются факторы, влияющие на особенности коммуникативного поведения в рамках институционального дискурса. Все факторы, влияющие на особенности коммуникации, можно разделить на две группы: внешние и внутренние. В ситуации общения в рамках институционального дискурса важную роль играют именно внешние факторы, так как участники такой коммуникации выполняют заранее заданные социальные роли. Кроме того, в статье показано, каким образом гендерные теории и теория «дизайна аудитории» могут объяснить модели коммуникации, используемые в рамках институционального дискурса.

Институциональный дискурс, коммуникация, коммуникативное поведение, дизайн аудитории, гендерные теории, коммуникативные тактики, теория релевантности

В последнее время заметно возрос интерес к изучению различных аспектов коммуникативного поведения и коммуникативной компетенции. В статье будут рассмотрены факторы, влияющие на выбор коммуникативных тактик в рамках институционального дискурса. По мнению Ю. Е. Прохорова и И. А. Стернина, коммуникативное поведение определяется как поведение отдельной личности или группы лиц в процессе общения, регулируемое нормами и традициями общения данного социума [1, С. 23]. Таким образом, коммуникативное поведение описывается с точки зрения следования нормам и правилам (культурным, ситуационным, групповым). Если исходить из дескриптивного подхода, то коммуникативное поведение можно определить как набор коммуникативных тактик, используемых коммуникантами в процессе общения, а также лингвистические особенности речи человека или группы людей. Иными словами, коммуникативное поведение включает в себя лингвистические аспекты (выбор слов, синтаксис, интонация и т. д.) и социально-прагматический (коммуникативные тактики, правила этикета, невербальная коммуникация и т. д.).

Представляется целесообразным разделить факторы, влияющие на коммуникативное поведение, на две группы: внешние (с точки зрения говорящего) и внутренние (в точки зрения говорящего). Первые включают в себя коммуникативную ситуацию, контекст, канал коммуникации, тип получателя сообщения и др., вторые – личность говорящего, фоновые знания, пол, возраст, ком-

муникативная компетенция и др. В рамках институционального дискурса ключевую роль играют именно внешние факторы, так как институциональное общение накладывает определенное ограничение на коммуникантов. Внешние факторы варьируются от дискурса к дискурсу, а внутренние изначально – присущи коммуникантам.

Остановимся подробнее на трех факторах, влияющих на процесс коммуникации. Вариативность коммуникации может быть связана с ее различным элементами. Например, характер сообщения может выступать как фактор, влияющий на особенности коммуникации. В качестве иллюстрации приведем исследование, выполненное на материале медицинского институционального дискурсе [2]. Авторы утверждают, что коммуникативное подведение врачей во время приема в некоторой степени зависит от характера сообщения. Иными словами, тактики речевого общения меняются в зависимости от поставленного врачом диагноза. При этом такая закономерность наблюдается во всех половозрастных группах. Коммуникация пациента и врача представляет собой один из примеров институционального общения, т. е. такого общения, при котором коммуниканты выполняют определенные задачи и следуют строго заданным социальным ролям. Также отметим, что мена ролей во время такой коммуникации будет асимметричной, а институциональная роль превалирует над личностными характеристиками коммуникантов.

Кроме того, на коммуникативное поведение в институциональном дискурсе также влияет тип получателя информации. Роль получателя информации акте коммуникации можно описать с помощью модели дизайна аудитории Алана Белла (audience design). Согласно этой модели, говорящий выбирает стиль речи в зависимости от того, хочет ли он выразить солидарность с получателем информации или отдалиться от него [3, С. 242]. А. Белл выделяет четыре типа получателя информации. Адресат (addressee) – участник коммуникации, к которому непосредственно обращено сообщение. Аудитор (auditor) – участник коммуникации, которому не обращаются напрямую, но о котором известно говорящему и который им одобрен. Слушатели (overhearers) не одобрены говорящим, но ему о них известно. Подслушивающие (eavesdroppers) не одобрены говорящим, и ему о них не известно. Таким образом, получатели информации отличаются по степени их важности в процессе коммуникации. Говорящий выбирает коммуникативные тактики и стиль общения с учетом, в первую очередь, адресата и уже потом учитывает аудитора и слушателя. Тем не менее, в институциональном дискурсе иерархия участников коммуникации может выстраиваться несколько иначе. Например, в ситуации судебного заседания с участием присяжных профессиональные участники при выборе стиля речи и тактики коммуникации будут ориентироваться на аудитора (присяжных) в большей степени, чем на адресата (свидетель, обвиняемый). В этом случае мы имеем дела с так называемым «двойным наблюдателем» или триангулярной коммуникацией. Выбор коммуникативной стратегии также будет определяться высокой степенью регламентированности судебного дискурса. Наконец, такой дискурс отличается высокой степенью

стратегичности, т. е. каждый речевой ход и речевая тактика направлены на реализацию конкретной стратегии.

Наконец, рассмотрим гендерные особенности речи и их влияние на коммуникацию в рамках институционального дискурса. В гендерных исследованиях прослеживается два основных подхода к гендеру: гендер как субкультура и гендер как динамичная социальная структура. Согласно первому подходу, гендер представляет собой стабильную структуру, а гендерные особенности речи закреплены за индивидом. Согласно второму подходу, гендер рассматривается как динамическая категория, а участники коммуникации могут выбирать мужской или женский стиль общения в зависимости от ситуации. На наш взгляд, именно второй подход объясняет, почему в рамках институционального общения гендерные различия в речи зачастую играют второстепенную роль. Как отмечает О. Йокояма, гендерные характеристики речи, или гендерлект, имеют сходство с функциональным стилем в том смысле, что носитель языка может владеть своим и чужим гендерлектом, как и несколькими функциональными стилями. При этом в когнитивном плане процесс переключения гендерлектов имеет сходства с переключением языковых кодов [4, С. 14]. Таким образом, в институциональном дискурсе гендерные особенности речи оказываются не столь значимыми в случае, если коммуниканты обладают навыком переключения гендерлекта.

Наконец, рассмотрим коммуникативную основу выделения институционального дискурса в отдельный вид коммуникации. С одной стороны, между институциональным и неинституциональным дискурсом есть много точек соприкосновения. Например, институциональный дискурс может включать в себя элементы различных дискурсов. С другой стороны, общие макростратегии институционального дискурса и конкретные тактики отличаются от тех, которые реализуются в неинституциональном дискурсе. Если рассматривать коммуникацию с позиций теории релевантности Д. Спербера и Д. Уилсон, в любой ситуации общения цель говорящего – сделать свое коммуникативное намерение максимально понятным адресату. По мнению ученых, коммуниканты стремятся соблюдать принцип оптимальной релевантности, т. е. строят высказывание таким образом, чтобы собеседник мог его интерпретировать с наименьшими когнитивными усилиями [5]. В связи с вышесказанным упомянем так называемое «движение за упрощенный английский» (Plain English Movement). Сторонники этой концепции выступают за упрощение юридического английского языка для того, чтобы он был понятен обывателю [6], что вполне соответствует принципу оптимальной релевантности. Таким образом, мы видим общую тенденцию к адаптации коммуникативных стратегий в зависимости от структуры коммуникативной ситуации (тип сообщения, тип слушатели и т. д.), а наличие четкой структуры (асимметричная мена коммуникативных ролей) и наличие стереотипных высказываний в институциональном дискурсе помогают максимально упростить процесс коммуникации, сводят ее к выполнению заранее заданных коммуникативных ролей.

Источники:

1. Прохоров Е. Ю., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта, 2006.
2. Deveugele M., Derese A., et al. Is the communicative behavior of GPs during the consultation related to the diagnosis? A cross-sectional study in six European countries // *Patient Education and Counseling*. 2004. № 54 (3). p. 283–289.
3. Bell A. Language style as audience design // *Sociolinguistics: Reader and Coursebook* / Ed. by Coupland N. and Jaworski A. Macmillan Press. 1997.
4. Йокояма О. Когнитивный статус гендерных различий в языке и их прагматическое моделирование // *Известия Уральского государственного университета*. 2003. № 25. С. 12–19.
5. Sperber, D., Wilson, D. *Relevance: Communication and Cognition*. Oxford: Basil Blackwell, 1986.
6. M. Shiflett. Plain English Movement and Its Influence on Today's Legal English // *International Journal of Novel Research in Interdisciplinary Studies* Vol. 4, Issue 2, pp: 11–14.

T. V. Kuraleva (*St. Petersburg State University*)

COMMUNICATIVE BEHAVIOUR IN INSTITUTIONAL DISCOURSE

The paper describes what influences communicative behaviour in institutional settings. The author explains how different factors influence institutional communication. All factors affecting communication are divided into two categories: external factors and internal factors. In institutional settings the key role is given to external factors as communication in institutional settings is restricted by the social roles performed by the participants. The paper also explains how audience design and gender theories may help explain communicative patterns in institutional discourse.

Institutional discourse, communication, communicative behaviour, audience design, gender theories, communicative tactics, relevance theory

УДК 800.92:519.682

А. С. Курапова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: ann-shilyaeva@yandex.ru);

С. В. Курапов (АНО ДПО «Центр Социальный капитал», e-mail: sv_ksv@mail.ru);

М. Н. Сергеев (Военный университет им. Князя Александра Невского МО РФ, e-mail: maxon_spb_ogp@mail.ru)

**УСЛОВИЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ПЕРИОД
ПРОХОЖДЕНИЯ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ ПО ПРИЗЫВУ
(на примере социологической диагностики ценностных ориентаций
военнослужащих-срочников)**

В статье анализируются социологические подходы к социализации, относительно группы военнослужащих по призыву. Выделяются основные условия социализации военнослужащих по призыву, среди которых: результаты первичной социализации, ожидания от военной службы, непосредственный процесс вторичной социализации, изменения в представлениях и поведении военнослужащего и трансляция новых ценностных ориентаций в общество. Показаны результаты диагностики ценностных ориентаций военнослужащих по призыву на примере представлений о герое, как эталоне и образце для подражания.

Социализация, условия социализации, вторичная социализация военнослужащие по призыву, военная сфера, ценностные ориентации, «новички», «старички», герой

*«...ибо, как бы ни были вооружены войска,
они могут остаться бессильными тогда,
когда не оживятся они воинским духом...»*

М. И. Кутузов

Прохождения военной службы по призыву важный этап в жизни мужчины и успешная социализация в этот период должна быть одной из основных задач социального института армии. Сформированные образцы для подражания и новые идентификационные модели будут носить либо позитивный, либо негативный социальный контекст в ключе дальнейшей жизнедеятельности и трансляции ценностей во внешнюю среду. Стоит отметить, что военнослужащие по призыву – это весьма уязвимая группа молодежи, еще не до конца прошедшая период самоидентификации с военной сферой.

Генерал от инфантерии Н. Н. Обручев утверждал: «Сила духа тогда только даст хорошего воина, когда ее будут воспитывать, когда нравственную стороную солдата будут заниматься постоянно» [1, С. 17]. Устав внутренней

службы Вооруженных сил РФ, который, как считается, «написан кровью», утверждает обязанность командиров (начальников) разных уровней проводить воспитательную работу с военнослужащими для формирования высоких морально-нравственных качеств с учетом национальных, психологических, религиозных особенностей и уровня образования, т. е. непосредственно заниматься вторичной социализацией военнослужащих по призыву.

В настоящее время все теории социализации образуют обширную междисциплинарную область знаний, в которой могут быть выделены социально-философское, социально-психологическое, социально-педагогическое и социологическое направление, выявляющее динамику социальных норм и ценностей, взаимодействие социальных институтов, которые влияют на сами процессы социализации [2].

Социализация военнослужащих по призыву происходит под воздействием многих факторов, среди которых особенности его личности, непосредственный процесс формирования социальных связей внутри воинского коллектива, специфика самой воинской социальной среды (определенных социальных условий) и отношение к армии в российском обществе [3]. Оно формирует эталоны успешной социализации военнослужащего и задает определенные социальные маркеры на то, каким он должен сформироваться, какие модели его поведения будут общественно одобряемы [4, С. 140].

Воинские уставы, внутренние регламенты лишь формально отображают систему знаний и ценностей, позволяющей призывнику функционировать в военной среде. Основная сложность состоит в проблеме согласованности новой для молодого человека социальной среды (армии) и первоначальных моделей социальной адаптации и интернализации, которые могут с ней не сочетаться [4, С. 139].

По Н. Смелзеру, три фактора обеспечивают успешную социализацию: ожидания, изменения в поведении и стремление к конформизму [5, С. 80]. Согласно Т. Парсонсу, для обеспечения условий социализации необходима как можно более быстрая адаптация к среде (в нашем случае к военной среде), что повлечет за собой кристаллизацию самых важных дифференцированных ролей в одном и том же индивиде (военнослужащем) [6, С. 142]. В приобщении к идеям «коллективного сознания», подавления индивидуальных интересов во имя общественных, Э. Дюркгейм видел основную функцию социализации [7, С. 119].

Учитывая, что срочная служба проходит в рамках только одного календарного года, за который из молодого парня нужно сформировать не только боеспособную единицу, но и защитника российского общества от внешних социально-политических угроз, перед армией стоит серьезная задача формирования условий для успешной его социализации, требующая внимания социологической науки в том числе.

Основатель «критической теории социализации» Ю. Хабермас, выступал с позиции разделения личности на несколько частей, одна из которых носит социальных характер, обеспечивающей ее функционирование, а другая часть

дает ему возможность «держат некоторую дистанцию» по отношению к господствующей в обществе системе социальных ролей, норм и ценностей, т. е. позволяет критически относиться к элементам социальной среды, мешающим человеку самоутвердиться [8, С. 20].

Важным аспектом социализации с позиции И. С. Кона, выступают факторы стихийного и организованного компонентов, а также активная позиция человека в ходе своей социализации, где «индивидуальность является не предпосылкой, а результатом социализации» [9, С. 32].

Обобщая вышесказанное, учитывая индивидуалистский характер социализации, можно выделить основные условия социализации военнослужащего по призыву:

1. **Во-первых, результат первичной социализации призывника.** Здесь и сформированные морально-волевые качества, его патриотический настрой, знание истории России, начальная военная подготовка, само отношение к военной сфере в обществе и другое.

2. **Ожидания призывника** от самого процесса прохождения военной службы и от того результата, которого он намеревается достичь, то, чему он хочет научиться, его представления о важном и значимом в военной сфере.

3. **Процесс социализации** непосредственный, включая характер взаимоотношений и взаимодействий между сослуживцами, отношения с командирами, их авторитет, уровень доверия и общения внутри воинского коллектива, воспитательное и учебное воздействие на военнослужащих и другие условия.

4. **Изменения (трансформация) в представлениях и поведении военнослужащего (негативных или позитивных),** проявляющееся в целенаправленных действиях на принятие или отторжение военной службы.

5. **Трансляция измененных ценностей и ценностных ориентаций** на разные социальные группы (позитивных или негативных), которые формируют отношение к военной службе в обществе.

По мнению некоторых экспертов, на данный момент, российская армия взяла курс на подконтрольную вторичную социализацию. Но пока это движение формирует широкое проблемное поле «в силу необходимости творческого осмысления и ее адаптации к современным условиям». При этом действующие инфраструктуры работы с личным составом и морально-психологического обеспечения решают, преимущественно, задачи не воспитания, а обеспечения военной службы [10, С. 509].

Социологическая диагностика ценностных ориентаций военнослужащих по призыву в количестве 197 человек, из которых призывники 111 человек – назовем их условно «новички» и военнослужащие, проходящие крайний месяц срочной военной службы 86 человек – назовем их условно «старички», на примере представлений о герое, как образце и эталоне для подражания, показала слабую динамику изменений в ценностных ориентациях за год службы.

«Новички» основным качеством героя, как эталона и образца для подражания, более всего называют честность (32 %), а затем храбрость, мужество и отвагу (30 %). «Старички» на первое место ставят волю, решительность и целеустремленность (38 %), т. е. лидерские качества, а далее храбрость, мужество и отвагу (31 %). Отличия между ними в том, что «новички» несколько романтизируют образ героя, а «старички» с определенным опытом военной службы, выстраивают целенаправленное представление о герое. Качество честности, то что для «новичков» на первом месте, для «старичков» лишь на пятом (21 %). Качества уважения к людям, доброта и вежливость (29–30 %), справедливость (21–26 %), дисциплинированность и надежность (13–20 %), эрудиция и смекалка (7–12 %) занимают одинаковые места и у одной, и у другой исследуемой группы. Интересно то, что у обеих групп наименее слабым качеством героя выступает самопожертвование.

Герой для обеих групп может быть из любой сферы и заниматься любой деятельностью (47 и 48 %). Представителем военной сферы обе группы его видят в соотношении 13–14 %. «Новички» выделяют сферы политики и ИТ-технологий (по 9 %), а «старички» сферу медицины (6 %).

Представления у «новичков» о том, какие поступки совершает герой очерчены не ярко и по большей части конкретно не обозначаются (17 %). Далее следуют благородные и добрые поступки (14 %), помощь близким или случайным людям, находящимся рядом (14 %), а помощь стране, обществу стоит у «новичков» на четвертом месте (10 %). Для «старичков» добрые и благородные поступки героя, как и помощь людям, на первом месте (14 %), значимые в глазах общества или «героические» поступки (12 %), спасение жизни других людей (12 %), а принесение пользы стране и обществу (6 %).

В качестве конкретного примера героя большинство отметили, что такого человека не существует или он им не известен (42 % – «новички» и 27 % «старички»). Владимира Путина в качестве эталона для подражания указывают 19 % «новичков» и 15 % «старичков». Родных и близких людей в качестве героев видят 6 % «новичков» и 7 % «старичков». Министр обороны Сергей Шойгу и Илон Маск делят в представлениях «новичков» 4 место (по 4 %). Для «старичков» американский миллионер и предприниматель Илон Маск на третьей позиции (11 %).

И, наконец, 83 % «новичков» и 76 % «старичков» отметили, что героем (эталон) может стать абсолютно любой человек. Представление о герое, как носителе особых качеств (врожденных, приобретенных, воспитанных в себе) сформулировали 17 % «новичков» и 24 % «старичков».

В большинстве своем военнослужащие сходятся на том, что героя в реальной жизни нет, соответственно и нет основного образца и эталона для подражания, у молодежи этой когорты. Таким образом за 1 неполный год социализации в условиях военной службы представление о герое, как образце и эталоне для подражания, у военнослужащих по призыву практически не претерпело изменений.

Возвращаясь к условиям социализации, можно предположить недостаточно эффективное их выполнение. Существуют недостатки в реализации условий первичной социализации мальчиков, в части ориентации на защиту Отечества (или российского общества), плохие знания истории России, отсутствие начальной военной подготовки. Вследствие всего этого, искаженные ожидания от самой военной сферы, что при небольшом сроке службы приводит к слабой трансформация ценностных ориентаций молодого человека в ключе общественно значимых ценностей защиты Отечества (российского общества). Также стоит отметить важность изучения, анализа и применения эффективных педагогических, психологических и социальных практик воздействия на военнослужащих в период прохождения военной службы по призыву.

Безусловно, в период глобальных социально-политических и военных вызовов тема условий социализации молодежи в военной сфере крайне важна и требует отдельного междисциплинарного исследования с выработкой, апробацией и внедрением на всех этапах социализации (первичной и вторичной) эффективных практик.

Источники:

1. Обручев Н. Н. О вооруженной силе и ее организации // Военный сборник. 1858. Т. 1, № 1.
2. Гиддингс Ф. Г. Теория социализации / пер. с англ. СПб., 1996. 47 с.
3. Прокопкин С. Н., Лубянина В. И. Ценностные ориентации российского воина XXI века // Научный форум Вольского военного института материального обеспечения, 2019 [Электронный ресурс] <https://scienceforum.ru/2019/article/2018013497> (дата обращения: 10.01.2023 г.)
4. Ковалева А. И. Социализация // Энциклопедия гуманитарных наук. 2004. № 1. С. 139–143.
5. Смелзер Н. Д. Социология // Социологические исследования. 1992. № 4. С. 79–91.
6. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
7. Кузнецов В. А., Кравцов А. И., Кибиткин С. Социально-философские концепции социализации личности (Э. Дюркгейм, Ж. Пиаже) // Вестник МГТУ. 2012. Т. 15. № 1. С. 118 – 121.
8. Боднар Е. А. «Интерсубъективность» Ю. Хабермаса и «Солидарность» Р. Рорти // Гуманитарный акцент, 2019. С. 19–23 [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/intersubektivnost-yu-habermasa-i-solidarnost-r-ortori> (дата обращения: 10.01.2023 г.)
9. Мудрик А. В. Социализация человека: учеб. пособие. М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та, 2011.
10. Манин А. А. Сущность социализации военнослужащих по призыву // ЦИТИСЭ, 2019. № 5. С. 507–515.

A. S. Kurapova (St. Petersburg State Electrotechnical University «ETU»)

S. V. Kurapov (ANO DPO «Social Capital Center»)

M. N. Sergeev (Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation)

***CONDITIONS OF SOCIALIZATION OF MILITARY PERSONNEL
DURING MILITARY SERVICE ON CONSCRIPTION***

(on the example of sociological diagnostics of value orientations of conscripts)

The article analyzes sociological approaches to socialization regarding a group of conscripted military personnel. The main conditions for the socialization of conscripted servicemen are highlighted, including: the results of primary socialization, expectations from military service, the immediate process of secondary socialization, changes in the ideas and behavior of a serviceman and the translation of new value orientations into society. The results of diagnostics of the value orientations of conscripted servicemen are shown on the example of ideas about the hero as a standard and role model.

Socialization, conditions of the socialization, secondary socialization conscripts, military sphere, value orientations, “beginners”, “oldies”, hero

УДК 811.511

Е. В. Курганская (Санкт-Петербургский Государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» e-mail: katrinkurg26@gmail.com);

М. С. Сигаева (Санкт-Петербургский Государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» e-mail: mssigaeva@etu.ru)

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЯЗЫКА СЕТУ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ

В статье описана история возникновения языка сету. Анализируются разные взгляды на происхождение языка, рассматривается его взаимосвязь с родственными языками. На основе данных последних полевых исследований делается попытка описать состояние языка в условиях современных геополитических условий.

Этнолингвистика, коренные народы, финно-угорские языки, сету, исчезающий язык, мультилингвизм

Россия по праву может считаться многонациональной страной: на ее территории проживает более 190 народностей [1]. В то время как многие из них насчитывают более миллиона человек, есть немало народов, которые могут быть отнесены к «исчезающим», так как количество их представителей не превышает пяти человек. Причины исчезновения этносов связаны главным образом с непрерывными процессам урбанизации, глобализации и, как следствие, ассимиляции малых народов с последующей потерей идентичности и языка.

Всероссийская перепись населения 2010 года показала, что многие языки малочисленных народностей находятся в бедственном положении. Согласно исследованию, проводимому Институтом языкознания Российской академии наук, с начала 20 века в России прекратили свое существование 15 языков, по состоянию на 2022 год насчитывается 155 современных языков. [2]. Критерием включения в данный список является соответствие одному из следующих параметров:

1. языки, носители которых проживают в компактных поселениях (т. е. таких, где процент говорящих на данном языке составляет более 20%).

2. языки, носители которых проживали в недавнем прошлом (в пределах 100–150 последних лет) в компактных поселениях и все еще образуют соответствующую этническую группу.

3. языки, половина или больше носителей которых проживают на территории России [2].

К одним из таких языков относится язык сету [сету] на котором говорит финно-угорский народ, проживающий в Печорском районе Псковской области, Красноярском крае и в части Эстонии, которая до революции 1917 года

входила в состав Российской империи. [3, С. 8]. Существует несколько версий происхождения данного этноса: по мнению ряда эстонских археологов, сету принадлежат к эстонскому народу и появились в 19 веке [4, 5, 6]. Одной из причин переселения народа можно назвать нежелание принимать лютеранскую веру, то есть религия разделила сету и эстонцев. Данное мнение разделялось в советское время. Большая Советская энциклопедия дает следующее определение: «Сету – это этническая группа эстонцев, живущая на юго-востоке Эстонской ССР и в Печорском районе Псковской области РСФСР. Язык сету – особое наречие вырусского южноэстонского диалекта» [7].

Согласно второй точке зрения, сету являются самостоятельным этносом. И, наконец, существует гипотеза, согласно которой сету – это русские староверы, которые подверглись влиянию эстонского языка [3, С. 8]. Соответственно язык сету может рассматриваться как один из диалектов эстонского языка или самостоятельный язык, родственник эстонскому. Согласно Манакову А. Г., язык сету в процессе исторического развития приобрел большое количество русских заимствований, однако лингвистическое влияние русских на сету было небольшим.

Язык, на котором говорят сету, максимально близок к южноэстонскому диалекту (вырусскому поддиалекту) эстонского языка, который заметно отличается от литературного эстонского языка и почти забыт в самой Эстонии. Поэтому нередко сами сету называют свой язык самостоятельным, отличным от эстонского языка [3, С. 12]. Именно по причине близости языка сету к южноэстонскому диалекту, был сделан вывод об их тождественности. Но с распространением в Эстонии литературного эстонского языка, сету стал считаться самостоятельным диалектом эстонского языка [3, С. 12]. К сожалению, письменность и литературный язык у народа сету отсутствует.

Судьба народа и его языка коренным образом меняется в ходе революций, войн и последующего изменения территориальной целостности ареала сету. Область проживания, именуемая сету Сетуума, оказалась разделенной новыми государственными границами, по разные стороны которых языковая политика в отношении языка будет отличаться на протяжении последующих лет. Власти Эстонии не относились к сету как к самостоятельному языку, что явилось причиной последующей эстонизации народа [3, С. 5]. «До 20-х годов сету носили православные имена и фамилии, образованные от имени деда. После прихода эстонских властей всем сету практически насильственным образом были присвоены эстонские имена и фамилии. Во всех переписях, производимых в независимой Эстонии, сету учитывались именно как эстонцы. Обучение в школах было переведено с языка народа сету на литературный эстонский язык» [8]. В советской России сету также не признавали отдельным этносом, относя их к эстонцам. Происходил процесс русификации народа, за счет чего численность говорящих на языке уменьшалась.

Согласно последней Всероссийской переписи населения (2020) [9], к сету себя отнесли 234 человека. Оценить точную численность этнической группы

сложно, т. к. при переписях населения сету чаще всего называли себя русскими или эстонцами. Сам этноним «сету» коренное население считает некорректным и настаивает на варианте «сето» для названия и этноса, и идиома.

В 2010 г. народ сету был включен в Единый перечень малочисленных народов России [10, С. 106], годом ранее язык был добавлен ЮНЕСКО в Атлас исчезающих языков мира как «находящийся под угрозой исчезновения». В соответствии с данными атласа все языки разделены на пять групп в соответствии с состоянием, от неустойчивости до полного исчезновения. Язык сету причисляется к группе языков, находящихся в опасности. Если оценивать язык по факторам витальности ЮНЕСКО [11, С. 5], то общая картина внушает опасения: язык не используется в новых сферах, только в ограниченных социальных; в семье используется во многих функциях, однако присутствует доминирующий язык; практически не существует материалов для изучения языка, он пассивно ассимилируется; община привязана к своему языку, но на языке с каждым годом говорит все меньше людей.

Большая часть населения Печорского района Псковской области – русские, при этом в ходе полевых исследований, например, [12] и [13] не найдено ни одного полностью сетоязычного населенного пункта. Еще с советского времени язык сету находится под сильным влиянием двух культур – эстонской и русской. Пропаганда русского языка в школах и колхозах была не особо успешной, а вот необходимость уезжать на заработки в другие города сильно повлияла на сохранение языка: возвращаясь в деревню, молодежь забывала язык. Даже после 1990 г. детям, живущим в пограничных деревнях, разрешалось ходить в эстонские школы, более того, на эстонском велось обучение и в одной школе г. Печоры (до 2005 г.). Следует также отметить тенденцию оттока большого числа носителей языка в Эстонию за последние годы.

Малая степень изученности сету стала причиной полевых исследований, направленных на изучение культурных особенностей и идиома. Например, отчет [12] дает представление об этнической идентичности сету печорского района, в том числе и об этнодифференцирующей роли языка. Согласно данным социологических опросов, за последние 15 лет произошла русификация сету: так, все больше респондентов называют родным русский язык (20 в опросе 2014 г. против 5 в 1999 г.), сетуский язык находится на втором месте (за него проголосовало 46 человек в 2014 г., однако в 1999 г. он был родным для 75 человек), увеличивается и доля эстонского языка (22 против 13) и отсутствия приоритета среди трех языков (12 против 7). Результаты четко обозначивают тенденцию к росту полилингвизма среди населения.

Отдельной категорией опроса являлся выбор языка для бытового общения. В 1999 г. из 100 носителей 46 человек в быту использовали преимущественно сетуский, 11 предпочитали русский, 4 – эстонский, а 39 использовали все три языка в равной степени. По итогам опроса 2014 г. на смену преобладавшему ранее сетускому языку в быту пришел русский язык (60 человек), также треть опрошенных использует эстонский, русский и сетуский в равной степени.

Тесная связь идиома с эстонским и русским языками подразумевает вероятность их влияния на язык сету. Большинство ныне живущих носителей училось в школах с эстонским языком преподавания, однако там они обучались лишь грамматике литературного эстонского языка. Преобладающее количество обучающихся были этническими сету и общение между собой сводилось к использованию сетоского языка. Лексика сету достаточно вариативна и зависит от ареала расселения народа. На общий прибалтийско-финский пласт лексики накладываются вошедшие в разное время заимствования из эстонского и русского. Например, сибирским сету свойственны архаичные русские заимствования, которые у печорских были заменены эстонскими аналогами (*kos't'ma* – «в гости»), а К. Пайюсалу [13, перевод по 14] настаивает на значительном влиянии на язык сету русских диалектов (*'raaba* – «старуха», соотносится с «баба», *hiitra* – «хитрый», *tseesna* – «честно»). Однако полевое исследование [13] Сетумаа подтверждает абсолютно противоположную мысль о незначительном влиянии русского языка на идиом. В ходе экспедиции был составлен полевой корпус текстов и высказываний, где только 3% собранных лексических единиц имеет русское происхождение. Большинство из слов относится к бытовой сфере (*patinka* – «ботинок», *kastrul'* – «кастрюля», *tirannik* – «полотенце»). Последняя лексема не принадлежит литературному языку, но предположительно ведет свое происхождение из одного из псковских говоров.

Несмотря на стремительное уменьшение носителей языка и культуры сету, особых мер по сохранению идиома на Северо-Западе России не принимается: язык сету не признан на государственном и региональном уровнях, не преподается в школе. При кафедре географии Псковского университета работает Псковский центр по изучению сету, однако сотрудники не занимаются созданием словарей или учебников на сету. Даже некоторые информанты полевых исследований считают, что учить язык сету в школе не обязательно, т. к. традиционно он передается от старшего поколения в младшему. Переход школьного обучения на русский язык привел к тому, что внуки уже плохо понимают своих старших предков, либо владеют языком пассивно, но сами уже не могут говорить на нем.

Небольшое количество компетентных носителей все еще делает возможным ревитализацию языка, однако для этого требуется поддержка правительства и научного сообщества. За последние годы в Печорском районе Псковской области были собраны материалы для сето-русского словаря, который сейчас находится в стадии обработки. В результате экспедиций 2019-2020 гг. введен в научный оборот идиом сибирских сету [15]. Эффективным для развития идиома сету может стать следование за методами эстонских лингвистов: сбор текстов, создание словника, утверждение алфавита, издание обучающих материалов и трудов.

Источники:

1. Национальный и этнический состав России. URL: <https://rosinfostat.ru/natsionalnyj-sostav/> (дата обращения 24.12.2022)
2. Список языков России. URL: http://jazykirf.iling-ran.ru/list_2022.shtml (дата обращения 25.12.2022)
3. Манаков А. Г. Народ сету: между Россией и Эстонией. Европа, 2005.
4. Моора Х. А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С. 127–132.
5. Рихтер Е. В. Материальная культура сету в XIX–нач. XX в. (к вопросу об этнической истории сету) // Автореферат дис. канд. ист. наук. М. – Таллин, 1961.
6. Хагу П. С. Аграрная обрядность и верования сету // Автореферат дис. канд. ист. наук. Л.: Институт этнографии, 1983.
7. Большая Советская энциклопедия: сету. URL: <https://rus-bse.slovaronline.com/71284-%D0%A1%D0%B5%D1%82%D1%83> (дата обращения 24.12.2022)
8. Народ сету в России: история, современность, фестиваль. URL: <https://www.finnougoria.ru/news/publications/7351/> (дата обращения 24.12.2022)
9. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul# (дата обращения 15.01.2023)
10. Манаков А. Г., Потапова К. Н. Псковские сету: спорные вопросы происхождения // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2. С. 106–112.
11. UNESCO Project: Atlas of the World's Languages in Danger [Электронный ресурс]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000192416> (дата обращения 14.01.2023)
12. Манаков А. Г. Этническая идентичность сету Печорского района: итоги пятнадцатилетних исследований (1999–2014 гг.) // Псковский региональный журнал. 2015. № 22. С. 65–77.
13. Алексеев Ф. Г. Опыт полевого исследования языка сету // Финно-угорский мир. 2016. № 3. С. 14–17.
14. Pajusalu, K. Lõunaestli murded // Eesti murded ja kohanimed. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2009. P. 165–194.
15. Агранат Т. Б. Сето в Сибири // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Бубриховские чтения: задокументированное народное слово». (Петрозаводск, 27–28 октября 2020 г.). Петрозаводск, ПетрГУ, 2020. С. 38–41.

E. V. Kurganskaia (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);
M. S. Sigaeva (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

***THE HISTORY AND MODERN STATE OF SETU LANGUAGE IN THE
NORTHWEST OF RUSSIA***

The article describes the history of the Seto language. The analysis of different views on the language origin is conducted. Relationships with related languages are considered. Based on the data of recent field studies, an attempt to describe the current state of the language in modern geopolitical conditions is made.

Ethnolinguistics, indigenous peoples, Finno-Ugric languages, seto, endangered language, multilingualism

УДК 330.14+316.4+304.9+364.14

С. Ю. Куртов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: KurtovSY@yandex.ru)

КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ОСНОВА АНТИКРИЗИСНОЙ СТРАТЕГИИ

Рассмотрена специфика практики антикризисного управления. Перечислены условия эффективности антикризисной стратегии. Определена роль человеческого капитала в формировании устойчивого конкурентного преимущества корпорации. Рассмотрены функции и роль корпоративной социальной ответственности в экономической, социальной и политической сферах общественной жизни.

Корпоративная социальная ответственность, человеческий капитал, стратегический менеджмент, антикризисное управление, управление человеческими ресурсами

Человеческое общество – сверхсложная саморазвивающаяся система, для которой характерно чередование периодов эволюционного развития и стадий революционных трансформаций. Согласно Н. Н. Талебу социальная реальность подвержена стрессовому воздействию «Черных лебедей» – маловероятных, не имеющих исторических аналогов и непрогнозируемых экстремальных событий глобального масштаба, которые онтологически необходимы для существования общества [1, С. 535].

Ответом на возрастающую непредсказуемость и неопределенность социально-экономического развития стало широкое распространение концепции антикризисного управления. На практике, как правило, антикризисное управление сводится к реактивному устранению последствий кризисов путем реинжиниринга бизнес-процессов с целью улучшения показателей финансово-хозяйственной деятельности организации. Ретроспективная адаптация в условиях изменчивой нелинейной среды всегда запаздывает, а абсолютная неуязвимость предприятий перед кризисами недостижима [2, С. 112]. Ориентация на количественные показатели приводит к сокращению затрат, которое в среднесрочной перспективе ведет к оттоку человеческого капитала и снижению производительности труда. Поэтому разработка механизма непрерывного повышения устойчивости корпорации в условиях высокой неопределенности становится «мягкой» проблемой стратегического уровня [2, С. 27].

Зачастую стратегическое планирование сводится к простой экстраполяции стратегии прошлых периодов на основе финансовых результатов деятельности. Такой подход не способствует адаптации бизнеса к актуальным тенденциям от-

расли [3, С. 454]. Экстраполяция текущих процессов даже в относительно краткосрочном горизонте планирования не позволяет увидеть будущие тенденции. Долгосрочный горизонт планирования не имеет универсального количественного выражения, но качественно может быть определен как период времени, в течение которого все значимые факторы становятся переменными.

Успешная стратегия всегда ориентирована на долгосрочную перспективу. Несмотря на низкую вероятность появления Черных лебедей, столкновение с кризисами в долгосрочной перспективе неизбежно. Поэтому любая стратегия в условиях изменчивой нелинейной среды всегда имеет антикризисную направленность. Успешная антикризисная стратегия представляет собой долгосрочную программу значительного повышения эффективности деятельности за счет создания и удержания устойчивого конкурентного преимущества на основе активного использования главных достоинств и нейтрализации недостатков организации с учетом угроз изменчивого окружения.

Для преодоления кризисов Н. Н. Талеб предлагает руководствоваться «антихрупкой» «стратегией штанги», суть которой заключается в единстве противоположностей – большой доли низкорисковых инвестиций и малой доли венчурных инвестиций в портфеле организации. Согласно М. Портеру, эффективная стратегия исключает срединный путь, ведущий к ошибке «застревания на середине» [4, С. 80-81]. М. Портер отмечает, что стихийная стратегия, направленная на постоянную гибкость организации при минимальном уровне ресурсов, делает конкурентное преимущество практически недостижимым [4, С. 16]. Таким образом, необходимым условием создания устойчивого конкурентного преимущества являются стратегические ресурсы организации.

Важнейшим и наиболее ценным активом для достижения устойчивого конкурентного преимущества является человеческий капитал, под которым в широком смысле понимается совокупность врожденных и приобретенных качеств и способностей человека, влияющих на эффективность профессиональной деятельности [5, С. 6]. Ключевыми составляющими человеческого капитала являются образование, накопленный профессиональный опыт и здоровье работников, уровень которых непосредственно зависит от объема инвестиций в человеческие ресурсы [6, С. 72; 7, С. 28]. Методологические особенности понятия и сущности человеческого капитала заключаются в том, что индивид является не просто носителем, но владельцем капитала, самовозрастание которого возможно только при непосредственном активном участии самого индивида [6, С. 68]. Универсальная адаптивность и способность человека к самосовершенствованию превращает человеческий капитал в стратегический ресурс повышения общей эффективности деятельности организации.

Начиная с А. Смита, знания, навыки и умения сотрудников рассматриваются экономистами в роли факторов достижения благосостояния общества [6, С. 65]. Человеческий капитал производится в социальной среде и является фундаментом развития современной экономики [8, С. 166; 9, С. 204]. Поэтому корпоративная социальная ответственность (КСО) как система долгосрочных

целенаправленных инвестиций в человеческий капитал самой организации, локального сообщества и общества в целом является основой эффективной антикризисной стратегии.

Изменение роли КСО находится в тесной взаимосвязи с логикой развития производительных сил и производственных отношений в конкретно-исторический период. Одно из первых описаний феномена КСО в истории социально-политической мысли приводится в сочинении Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке». На этапе становления капиталистического общества философ и педагог Роберт Оуэн предпринял попытку внести порядок в социальный хаос, ставший результатом промышленной революции в Англии. КСО бумагопрядильной фабрики в Нью-Ланарке (Шотландия), находившейся под управлением Оуэна, включала сокращение продолжительности рабочего дня, сохранение полной заработной платы сотрудников во время вынужденных простоев производства, а также организацию школ для детей младшего возраста – аналогов современных детских садов [10, С. 198–199]. Реализация КСО под управлением Оуэна привела к более чем двукратному повышению стоимости предприятия, что соответствует главной стратегической цели бизнеса – максимизации его долгосрочной ценности для владельца [11, С. 67].

В современном информационном обществе ценность человеческого капитала растет в условиях превращения знаний в главный фактор производства, доминирования личной собственности на средства производства и повышения мобильности человеческих ресурсов [12, С. 521; 13, С. 58]. Темпы роста спроса на профессионалов в интеллектуалоемких отраслях опережают темпы роста предложения, наблюдается рост нормы отдачи на общие инвестиции в образование, однако создание новых высококвалифицированных рабочих мест требует значительных специфических инвестиций [14, С. 483–484, 495, 503, 509].

С целью снижения рисков специфических инвестиций корпораций в человеческий капитал необходимо проведение эффективной политики управления человеческими ресурсами, направленной на удержание персонала и повышение приверженности работников миссии и ценностям организации. Среди инструментов по удержанию ключевых сотрудников можно выделить повышение вовлеченности в работу, предоставление высокой степени свободы для решения разнообразных и интересных задач, финансовую мотивацию за стаж трудовой деятельности в компании, нефинансовое вознаграждение в форме признания; а также программы непрерывного целевого обучения для развития профессиональных качеств, востребованных компанией [15, С. 20, 156, 166, 175, 544; 7, С. 29]. Эффективным методом снижения рисков, связанных со здоровьем работников, является внедрение системы корпоративного добровольного медицинского страхования для сотрудников компании и членов их семей.

Добровольное принятие на себя социальной ответственности в сочетании с грамотным стратегическим менеджментом, оказывает положительное влияние на привлекательность работодателя, удовлетворенность сотрудников и ло-

яльность контрагентов [16, С. 8]. Корпорация с высоким уровнем КСО становится центром притяжения человеческих ресурсов. КСО способствует формированию культуры доверия в организации, которая обеспечивает высокий уровень инновативности персонала и эффективности внутренних коммуникаций, а также распространяется на социальную сферу [17, С. 341].

КСО как фактор социально-экономического развития оказывает непосредственное влияние на систему управления [5, С. 11]. Власть все больше опирается на социально ответственный бизнес для достижения определенных политических целей [18, С. 183]. Государство обеспечивает воспроизводство человеческих ресурсов посредством демографической политики, а также формирование общественного человеческого капитала на основе инвестиций в системы формального образования, здравоохранения и социального обеспечения [8, С. 175]. КСО, в свою очередь, обеспечивает мягкое управление мобильностью человеческого капитала, снижая эмиграционные настроения высококвалифицированных профессионалов, что в свою очередь сокращает риски падения ВВП на душу населения. Социально ответственный бизнес способствует созданию новых рабочих мест как в самой корпорации, так и во внешнем окружении, увеличивая поступление взносов и налогов в бюджет. Проекты КСО направлены на поддержание экологической безопасности и развитие транспортной, энергетической, информационно-телекоммуникационной критической инфраструктуры. В связи с вышеизложенным концепция КСО отвечает политическим интересам и может быть реализована в формате программ государственной поддержки предпринимательства и государственно-частного партнерства. Однако такие формы взаимодействия бизнеса и власти не должны приводить к нелегитимному размыванию границ ответственности и неисполнению государством социальных обязательств [11, С. 68].

Таким образом, в условиях непредсказуемой неопределенности социальной среды любая организация в долгосрочной перспективе неизбежно сталкивается с кризисом. Стратегия организации всегда ориентирована на долгосрочную перспективу, а потому имеет антикризисную направленность. Эффективная антикризисная стратегия позволяет рассматривать кризис как источник дополнительных возможностей для выполнения миссии, реализации видения и достижения целей организации. Условием успешной стратегии является формирование устойчивого конкурентного преимущества, главным источником которого является человеческий капитал. КСО является основой антикризисной стратегии, так как обеспечивает развитие человеческого капитала. КСО – это сложное социально-экономическое явление, которое отвечает долгосрочным интересам бизнеса, власти и социума. КСО взаимоувязывает процессы, протекающие в экономической, политической и социальной сферах, и стимулирует коэволюцию подсистем общества с помощью распространения культуры доверия.

Источники:

1. Талеб Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. Пер. с англ. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020.
2. Талеб Н. Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса; Пер. с англ. Н. Караева. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020.
3. Аакер Д. Стратегическое рыночное управление. / Пер. с англ. под ред. С. Г. Божук. СПб.: Питер, 2007.
4. Портер Е. М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов/ Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.
5. Дягилев Д. А. Человеческий капитал, как основной фактор в системе социально-экономического развития региона / Д. А. Дягилев, А. В. Злоказов // Бенефициар. 2022. № 108. С. 6-14. EDN TFLKHJ.
6. Антоненко В. В. Человеческий капитал как экономическая категория: эволюция концепций и современное понимание // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2022. Т. 24, № 2. С. 63–74. DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2022.2.5>
7. Мозговых А. В. Теория человеческого капитала Г. Беккера // Тарифное регулирование и экспертиза. 2018. № 2. С. 27–30. EDN NCSHLW.
8. Бондаренко М. С. Социальная сфера как институциональная среда производства человеческого капитала и сфера осуществления инвестиций в человеческий капитал // Актуальные проблемы гражданского права. 2022. № 1(19). С. 165–179. EDN BSMHRA.
9. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004.
10. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 19. М., 1961.
11. Бриттан С. Капитализм с человеческим лицом. СПб.: Экон. шк., 1998.
12. Фэй Л., Рэнделл Р. Курс МВА по стратегическому менеджменту. М.: Альпина Паблишер, 2002.
13. Овчинников С. А. Питер Фердинанд Друкер как экономический мыслитель и философ современного менеджмента. М.: Проспект, 2016.
14. Капелюшников Р. И. Экономические очерки: Методология, институты, человеческий капитал. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
15. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. СПб.: Питер, 2004.
16. Streckfuss J. An analysis of the application of the CSR principles in the special area of the food industry. Griffith College Dublin, 2021.
17. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: М.: Логос, 2005.
18. Крауч К. Постдемократия. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.

S. Y. Kurtov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY AS THE BASIS OF AN ANTI-CRISIS STRATEGY

Features of anti-crisis management practice are considered. The conditions of effectiveness of anti-crisis strategy are listed. The role of human capital in the formation of a sustainable competitive advantage of the corporation. Functions and role of corporate social responsibility in economic, social and political spheres of social life are investigated.

Corporate social responsibility, human capital, strategic management, anti-crisis management, human resource management

УДК 167/168 (075); 53:930.1

О. А. Луговая (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: oalugovaya@rambler.ru);

А. А. Луговой (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университет прокуратуры РФ, e-mail: aalugovoi@mail.ru);

А. А. Луговой (Академия Русского балета им. А. Я. Вагановой, e-mail: exclusiveaccessories.ru@yandex.ru)

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются вопросы цифровой трансформации управленческой сферы, в частности, современного лидерства. Показано, что одно из преимуществ современного лидерства, ориентированного на соответствие новой реальности, является развитый эмоциональный интеллект.

Цифровая трансформация, цифровые технологии этические концепции лидерства, эмоциональный интеллект, эмоциональное лидерство, человеческие ресурсы организации

Внедрение цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности современного социума качественно изменили современную реальность: нас уже окружают чудеса не только скоростного интернета, но и искусственного интеллекта, а это: умные дома, домашние роботы, навигаторы, приложения к смартфонам, чат-боты, антропоморфные роботы, беспилотные автомобили и др. Однако новая реальность – это и новые возможности, и новые вызовы. Среди этих вызовов особую актуальность приобретает управленческая тематика с главным акцентом на новый контекст современного лидерства, ориентированного на соответствие цифровой трансформации.

В традиционных моделях лидерства установка на изменения присутствовала всегда, но эти изменения касались, в первую очередь, самой организации и ее главной цели – достижение прибыли, достижения высоких результатов в конкурентной борьбе. В условиях цифровых реалий эффективность и успешность компании, ее конкурентоспособность определяются, прежде всего, ее человеческим капиталом, как главным активом современной организации. Соответственно, повышается значение функции управления, что стало предметом особого внимания мирового научного и бизнес-сообществ.

На сегодняшний день существует большое разнообразие так называемых положительных этических концепций лидерства: аутентичное лидерство, духовное лидерство, жертвенное лидерство, трансформационное лидерство, этическое лидерство, лидерство как служение, сервант-лидерство и др. [1] Данные модели относят к наиболее обсуждаемым и активно развивающимся концепциям,

в которых рассматриваются различные стили этичного лидерства, их специфические особенности, плюсы и минусы. Однако цифровые трансформации создают новую реальность управленческой сферы, которая не может быть покрыта исключительно одним из этих стилей, сегодня речь идет о совмещении преимуществ этих стилей на фоне цифровых реалий.

Например, комплексная аналитическая программа управления персоналом, которая включает в себя: системы автоматизированной аналитики, системы поддержки принятия решения и системы поведенческой аналитики, позволяет контролировать эффективность сотрудников, их эмоциональное состояние, уровень мотивации и вовлеченности, а также индекс выгорания каждого сотрудника. И это только одна из возможностей управления человеческими ресурсами организации в новых условиях. Однако цифровые новации не только расширяют управленческий потенциал, но и способствуют, в частности, реализации одной из ключевых компетенций современного руководителя – эмоциональной компетентности. Развитый эмоциональный интеллект, где центральное место занимают самопознание и система ценностных ориентиров, оценивается сегодня как одно из главных преимуществ лидеров XXI века [2, С. 11]. Особо востребованными становятся забота о человеке, мотивационная поддержка, внимательное отношение к подчиненным, умение вдохновлять окружающих на целеустремленное достижение общей цели

Одна из сложностей эмоционального лидерства заключается в том, что на современном рынке труда представлено четыре поколения сотрудников: в связи с пенсионной реформой это старшее поколение – поколение беби-бумеров (1943–1963 гг. рождения), а также поколение X (1964–1984 гг. рождения), поколение Y (1985–2003 гг. рождения) и новое поколение – поколение Z (2003–2023 гг.), которое постепенно становится полноправным членом современного делового сообщества и социума в целом. Каждое поколение имеет свои особенности и приоритеты, которые важно учитывать в управленческой деятельности, особенно это актуально в практиках взаимодействия с поколением Z, представители которого лучше всех подготовлены к новациям цифрового мира, но намного хуже – к реалиям нецифрового мира. [3, С. 81]. Главная задача современного руководителя – умение управлять взаимоотношениями в коллективе/группе, создание комфортных условий для сотрудничества разных поколений и для достижения максимального результата от их работы, и для достижения общей поставленной цели. Сегодня тема эмоционального лидерства – одна из приоритетных в теории и практике современного управления.

Наряду с эмоциональной компетентностью аналитики называют такие компетенции современного лидерства, как например: нацеленность на результат; стратегическое мышление; умение работать в команде; внедрение изменений и др. В качестве основных навыков и умений, которые, по прогнозам специалистов, будут наиболее востребованы в бизнесе в будущем, особенно для лидерских кадров, называются: умение мыслить системно и незашоренно, умение развиваться, умение мыслить креативно, умение приспосабливаться и

быстро реагировать на изменения, умение работать с большими данными. В частности, умение работать с большими данными предоставляет возможность руководителю видеть как меняются профили компетенций, глобальные тренды, какие рынки уходят, а какие скоро «выстрелят». Подчеркивается, что без процессов, связанных с анализом больших данных, компаниям сложно будет выживать, потому что большие данные дают совершенно другие инсайты, другое понимание внешних и внутренних процессов [4], что в целом дает возможность планировать и прогнозировать результаты деятельности компании [5].

Таким образом, цифровая трансформация создает новую реальность управленческой сферы. Новые технологии приводят к новым методам управления, основанным на новых знаниях, умениях, навыках и компетенциях современного лидерства. Однако одним из главных преимуществ современного лидерства, ориентированного на соответствие новой реальности, специалисты называют развитый эмоциональный интеллект.

Источники:

1. Вакханский О. С., Миракян А. Г. Новое тысячелетие: Управленческие аномалии и современные концепции лидерства // Российский журнал менеджмента. 2018. №16 (1). С. 131–154.
2. Джорж Б. Внутренний компас лидера. М.: Альпина Паблишер.
3. Стиллман Д., Стиллман Дж. Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.
4. 5 обязательных умений сотрудников будущего, которые нужны бизнесу уже сейчас. <https://www.gd.ru/articles/9515-5-obyazatelnyh-umeniy-sotrudnikov-budushchego> (дата обращения 15.01.2023).
5. 15 навыков, на которые делают ставку работодатели в России. <https://blog.talenttech.ru/future-skills-russia> (дата обращения 13.01.2023).

O. A. Lugovaya (St. Petersburg State Electrotechnical University «LETI»);

A. A. Lugovoi (St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation);

A. A. Lugovoi (Vaganova Academy of Russian Ballet)

DIGITAL TRANSFORMATION: MANAGEMENT ASPECT

The article deals with the issues of digital transformation of the management sphere, in particular, modern leadership. It is shown that one of the advantages of modern leadership, oriented to meet the new reality, is a developed emotional intelligence.

Digital transformation, digital technologies ethical concepts of leadership, emotional intelligence, emotional leadership, human resources of the organization

УДК. 347.921

С. В. Максина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: nachso@mail.ru);

И. Ф. Новикова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: novikova.i.f@mail.ru)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматриваются отдельные вопросы деятельности органов опеки и попечительства в Российской Федерации. Анализируются особенности их участия в рассмотрении дел в порядке гражданского судопроизводства. Раскрываются некоторые вопросы их участия в делах в качестве процессуального истца или органа, дающего заключение по делу. Указываются типичные ошибки, связанные с участием органов опеки и попечительства в гражданских делах различных категорий. Предлагаются пути решения некоторых затронутых в статье проблем и указывается на необходимость совершенствования действующего законодательства.

Органы опеки и попечительства, гражданское судопроизводство, заключение по делу, защита прав, совершенствование законодательства

В любой стране мира на государственном уровне существуют уполномоченные органы, в права и обязанности которых входит сфера особых взаимоотношений, связанная, в первую очередь, с защитой и охраной прав и свобод особых категорий граждан, таких как несовершеннолетние, оставшиеся без попечения родителей, а также совершеннолетние недееспособные (ограниченно дееспособные) лица. В Российской Федерации такая роль отведена органам опеки и попечительства.

Согласно ст. 34 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) органами опеки и попечительства являются органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации; органами опеки и попечительства являются также органы местного самоуправления в случае, если законом субъекта Российской Федерации они наделены полномочиями по опеке и попечительству в соответствии с федеральными законами [1]. Согласно положений Закона Санкт-Петербурга от 21 ноября 2007 № 536-109 «О наделении органов местного самоуправления в Санкт-Петербурге отдельными государственными полномочиями Санкт-Петербурга по организации и осуществлению деятельности по опеке и попечительству, назначению и выплате денежных средств на содержание детей, находящихся под опекой или попечительством, и денежных средств на содержание детей, переданных на воспитание в приемные семьи, в Санкт-

Петербурге» [2, С. 40] органы местного самоуправления в Санкт-Петербурге являются органами опеки и попечительства.

Полномочия органов опеки и попечительства определены в ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 24 апреля 2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» [3]. При этом следует отметить, что данный перечень полномочий не является исчерпывающим, поскольку в ч. 2 указанной статьи законодатель прямо установил, что федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации могут быть предусмотрены иные полномочия органов опеки и попечительства.

Так, в п. 2 ч. 1 ст. 8 Федерального закона «Об опеке и попечительстве», указано в качестве полномочий возможное обращение в суд с заявлением о признании гражданина недееспособным или об ограничении его дееспособности, а также о признании подопечного недееспособным, если отпали основания, в силу которых гражданин был признан недееспособным или был ограничен в дееспособности. Данные полномочия органов опеки и попечительства продублированы также в ст. 281 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) [4] и дополнены полномочием возможного обращения в суд с заявлением об ограничении или о лишении несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет права самостоятельно распоряжаться своим заработком, стипендией или иными доходами.

Реализуя любое из указанных полномочий, которое в той или иной степени касается объема дееспособности, орган опеки и попечительства обращается в суд с соответствующим заявлением, в случае принятия которого в суде будет возбуждено гражданское дело особого производства.

При таких обстоятельствах представляется, что п. 2 ч. 1 ст. 8 Федерального закона «Об опеке и попечительстве» следует дополнить полномочием обращения в суд с заявлением об ограничении или о лишении несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет права самостоятельно распоряжаться своим заработком, стипендией или иными доходами.

Несмотря на то, что ст. 281 ГПК РФ определяет ряд гражданских дел, которые могут быть инициированы органом опеки и попечительства, особого внимания заслуживает ст. 46 ГПК РФ, регламентирующая, что в случаях, предусмотренных законом, органы государственной власти, органы местного самоуправления вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц по их просьбе либо в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц; заявление в защиту законных интересов недееспособного или несовершеннолетнего гражданина в этих случаях может быть подано независимо от просьбы заинтересованного лица или его законного представителя.

Положения ст. 46 ГПК РФ базируются на ст. 18 Конституции Российской Федерации [5], определяющей, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими; они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

В числе упомянутых ст. 46 ГПК РФ случаев, предусмотренных законом, можно указать положения Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ)[6], определяющие полномочия органов опеки и попечительства обратиться в суд с иском:

о признании брака недействительным (ч. 1 ст. 28 СК РФ), если брак заключен с лицом, не достигшим брачного возраста, при отсутствии разрешения на заключение брака до достижения этим лицом брачного возраста;

об устранении препятствий к общению с ребенком дедушек, бабушек, сестер, братьев и других родственников (ч. 3 ст. 67 СК РФ);

о лишении родительских прав (абз. 2 ч. 1 ст. 70 СК РФ);

об ограничении родительских прав (ч. 3 ст. 73 СК РФ);

о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей (ч. 3 ст. 80 СК РФ);

о признании недействительным соглашения об уплате алиментов, нарушающего интересы несовершеннолетнего ребенка или совершеннолетнего недееспособного члена семьи (ст. 102 СК РФ);

об отмене усыновления (ст. 142 СК РФ).

Деятельность органов опеки и попечительства по обращению в суд должна в полной мере отвечать положениям действующего гражданского процессуального законодательства.

Так, заявление (исковое заявление) в суд должно быть подписано уполномоченным на это должностным лицом органа опеки и попечительства субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления. В случае, если заявление (исковое заявление) не подписано или подписано и подано лицом, не имеющим полномочий на его подписание и предъявление в суд, судья в соответствии с требованиями ст. 135 ГПК РФ вынесет определение о его возвращении. Само заявление (исковое заявление) должно быть подано в суд в соответствии с правилами подсудности, иначе это также послужит основанием для его возвращения.

Анализ ст. 46 ГПК РФ позволяет сделать вывод о том, что предъявление в суд заявления (искового заявления) – это только одна из возможных форм участия органов опеки и попечительства в гражданском судопроизводстве.

Второй формой участия органов опеки и попечительства в гражданском судопроизводстве является их вступление в случаях, предусмотренных федеральным законом, в дело для дачи заключения по делу в целях осуществления возложенных на них обязанностей и защиты прав, свобод и законных интересов других лиц (ст. 47 ГПК РФ). Поскольку данная форма участия обусловлена указанной целью, следует сделать вывод о том, что положения ст. 47 ГПК РФ также базируются на ст. 18 Конституции Российской Федерации. Укажем лишь некоторые случаи, когда орган опеки и попечительства дает соответствующее заключение по делу:

об объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным (эмансипированным) (ст. 288 ГПК РФ);

по спорам о воспитании и образовании детей, об определении места жительства ребенка (ст. 65 СК РФ);

о порядке осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка (ст. 66 СК РФ).

Деятельность органов опеки и попечительства по вступлению в гражданское дело для дачи заключения по делу также должна отвечать положениям действующего гражданского процессуального законодательства.

Так, орган опеки и попечительства вступает в дело как по своей инициативе, так и по инициативе лиц, участвующих в деле. Согласно ч. 2 ст. 47 ГПК РФ суд вправе по своей инициативе привлечь к участию в деле государственный орган или орган местного самоуправления для достижения целей, указанных в ч. 1 ст. 47 ГПК РФ. О привлечении органа опеки и попечительства к участию в деле суд выносит соответствующее определение. Вступление в дело может быть осуществлено только до принятия судом первой инстанции решения.

Орган опеки и попечительства участвует в деле в качестве государственного органа, обязанного в силу прямого указания закона дать заключение по делу. Его привлечение к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, противоречит действующему гражданскому процессуальному праву и является грубым процессуальным нарушением.

Как правило, соответствующее заключение по делам, затрагивающим права и законные интересы детей, основывается на актах обследования условий жизни ребенка и иных лиц, претендующих на его воспитание.

Если стороны по спору о воспитании ребенка проживают в разных муниципальных образованиях и в каждом из них имеется орган опеки и попечительства, то к участию в деле должен привлекаться как орган опеки и попечительства по месту жительства истца, претендующего на воспитание ребенка, так и орган опеки и попечительства по месту жительства ответчика, с которым проживает ребенок (либо орган опеки и попечительства по месту нахождения ребенка в детском учреждении), каждый из которых должен дать заключение по существу спора, основанное на своем самостоятельно представленном акте обследования условий жизни по месту проживания истца, претендующего на воспитание ребенка или соответственно по месту жительства ответчика с ребенком. Таким образом, в материалы гражданского дела должны быть представлены два акта обследования и даны два заключения, основанные на каждом из этих актов.

Само заключение органа опеки и попечительства, и акты обследования условий жизни ребенка и иных лиц, претендующих на его воспитание, должны быть облечены в письменную форму и подписаны уполномоченными на это должностными лицами органа опеки и попечительства субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления. Если заключение или акт обследования подписано не главой муниципального образования (либо субъекта Российской Федерации), в материалах дела должен находиться документ, под-

тверждающий полномочия соответствующего должностного лица. В противном случае такие заключение и акты, не отвечающие требованиям допустимости, отвергаются судом.

Полагаем, что система организации опеки и попечительства в нашей стране, в части расширения полномочий уполномоченных органов требует внесения соответствующих изменений, в том числе и на законодательном уровне, с учетом современных реалий. Это решение станет частью комплекса мер, направленных на наиболее эффективную защиту прав и законных интересов наименее защищенных в социальном плане слоев населения, в рамках выполнения конституционной обязанности, возложенной на Российскую Федерацию по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина.

Источники:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ (в ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

2. Закон Санкт-Петербурга от 21 ноября 2007 № 536-109 (ред. от 21.12.2022) «О наделении органов местного самоуправления в Санкт-Петербурге отдельными государственными полномочиями Санкт-Петербурга по организации и осуществлению деятельности по опеке и попечительству, назначению и выплате денежных средств на содержание детей, находящихся под опекой или попечительством, и денежных средств на содержание детей, переданных на воспитание в приемные семьи, в Санкт-Петербурге» // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, 03.12.2007, № 38.

3. Федеральный закон от 24 апреля 2008 № 48-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «Об опеке и попечительстве». Собрание законодательства РФ, 28.04.2008, № 17, ст. 1755.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (в ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, N 46, ст. 4532.

5. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета, 04.07.2020, № 144.

6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. от 19.12.2022). Собрание законодательства РФ, 01.01.1996, № 1, ст. 16.

*S. V. Maksina (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);
I. F. Novikova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

***SOME ISSUES OF THE ACTIVITIES OF GUARDIANSHIP AND
GUARDIANSHIP AUTHORITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION***

The article deals with certain issues of the activities of guardianship and guardianship authorities in the Russian Federation. The features of their participation in the consideration of cases in civil proceedings are analyzed. Some issues of their participation in cases as a procedural plaintiff or a body giving an opinion on the case are disclosed. Typical errors related to the participation of guardianship and guardianship authorities in civil cases of various categories are indicated. The ways of solving some of the problems raised in the article are proposed and the need to improve the current legislation is pointed out.

Guardianship and guardianship authorities, civil proceedings, conclusion on the case, protection of rights, improvement of legislation

УДК 811.511.1

В. Н. Малышева (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: malvaleriam@gmail.ru)

ИСТОРИЯ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ

Статья посвящена истории карельского языка в связи с историей карел. Рассматривается вопрос происхождения этнонима, влияние языковых контактов на лексику языка, формирование его наречий и диалектов, форма записи и памятники, современное состояние относительно степени изученности и перспектив развития.

Финно-угорские языки, карельский язык, история карельского языка, этнолингвистика

Карельский язык относится к прибалтийско-финской группе финно-угорской подсемьи уральской семьи языков. Согласно переписи населения 2020 года в России на карельском языке говорит 13,9 тыс. человек, из них 11 тыс. проживают в Республике Карелия [1]. Число носителей сокращается: в 2010 году перепись зарегистрировала 25 тыс. носителей по России и 16,9 тыс. носителей в границах республики [2]. Карельский внесен в список языков, находящихся под угрозой исчезновения, составленный ЮНЕСКО [3].

Современный этнос *карелы* сформировали два древних племени: *karjala* (*корела*) и *vepsä* (*весь*), это определило диалектные различия. Собственно карельский язык сформирован на основе языка племени корела, *людиковский* – на основе *вепсского*, *ливвиковский* сочетает карельскую основу и ряд *вепсских* языковых явлений [4, С. 64]. Племя корела известно в источниках как *kirjala*, в более позднем произношении *karjala*. Слово *kirjala* связывают с литво-латышским словом *girja* или *garja* «гора, лес», которое указывает на местность расселения племени, где [g] оглушается до [k] [5, С. 358]. Племя *vepsä* в русскоязычных источниках известно как *весь*, его живым продолжателем является народ *вепсы*. Происхождение термина *vepsä* остается неясным. В русскоязычных источниках встречалось написание *вьсь*, род.п. *вьси*, и *ь* могло использоваться для передачи иноязычного *i*. Основатель советского финно-угроведения Д. С. Бубрих [5, С. 358] видит в этом отражение влияния скандинавских языков, для которых «замена *e* через *i* была в порядке вещей». Он также ссылается на упоминание племени *vizzi* у Адама Бременского на основании скандинавской информации.

Изучение истории карельского языка началось в связи с разработкой вопроса происхождения карельского народа. Как рассказывает об этом Д. С. Бубрих [5, С. 347], в 1930-х гг. началось изучение карельских сельских

диалектов. Была составлена «Программа для собирания материала для диалектологического атласа карельского языка», организован ряд экспедиций, исследовано 200 селений Карелии и Тверской области, составлено 300 диалектологических карт. [4, С. 64].

Предки современных прибалтийско-финских народов появились на территории, прилегающей к Балтийскому морю, в I тысячелетии до н.э. Установлено, что они двигались из внутренней части лесной полосы Восточной Европы и заняли небольшой участок земли между Рижским и Финским заливами [5, С. 353], где оказались в непосредственном соседстве с древними литво-латышами. Согласно исследованиям В. Томсена [5, С. 354], в этот период языки древних прибалтийских финнов заимствовали лексику, связанную с земледелием (кар. *heiny* «сено») и огородничеством, животноводством (кар. *häkki* «вол, бык»), средствами передвижения, строительством (кар. *laudu* «доска», *sildu* «мост»), одеждой, едой, семейными отношениями, религией и искусством, изменения затронули также фонетику и синтаксис (примеры: [6, С. 35; 7]). С конца I тысячелетия н.э. контакты с германскими племенами привели к появлению нового пласта заимствований в тех же сферах, а также в сферах мореходства, торговли, военного дела. К ним относятся такие слова, как прагерм. или зап.-герм. **asjōn-* «горн» → прафинск. **ašjo* > кар. *ahje* «горн». сев.-герм. **flatja-* «пол» → прафинск. **lattia* > кар. *lattie* «пол» [8, С. 230, 232; 7].

С начала новой эры племена прибалтийских финнов осваивают новые земли. К IX веку корела обосновывается на западном побережье Ладожского озера и находится в непосредственной близости с государством восточных славян. Соседство со славянами и тесные связи между народами привели к новой волне значительных изменений языков прибалтийских финнов. Изменениям подверглись фонетика и синтаксис, были заимствованы христианские термины (*ristu* «крест», *pagani* «поганый, язычник»), слова области торговли (*turku*, «торг», *tavaru* «товар»), названия одежды и обуви (*suappai* «сапоги»), блюд (*piirua*, *piirakka* «пирог») [5, С. 361; 7].

Подробное описание территории, которую населяло племя корела выходит за рамки данного исследования, но считаем важным очертить следующие ориентиры. Первое упоминание о племени *kirjala* зафиксировано в Эгиль-саге, где корела упоминается в 874 г. в контексте северной части Ботнического залива. Первое упоминание в русскоязычном источнике зафиксировано в берестяной грамоте, согласно которой в 1143 г. «ходиша Корела на Ямь» [5, С. 369]. В разное время корела населяли территорию приладожья, побережья северной части Ботнического залива, у озера Сайма, близ Выборга, приневья. С XIV века они постепенно стали переселяться на Олонецкий перешеек, где проживали *vesь*, а также на территорию современных средней и северной Карелии, которую населяли *лопари (саамы)* [5, С. 371]. Современное расселение карел не вполне соответствует историческому. Это связано с масштабным переселением карел, территория проживания которых в 1617 г. перешла к Швеции согласно Столбовскому миру; в связи с этим земли приневья и Карельский перешеек были оставлены, карелы

двинулись в сторону современных Новгородской и Тверской области, а также современной Республики Карелия.

В результате новых языковых контактов со временем сформировались наречия современного карельского языка. Так, в северной и средней Карелии, а также в центральной России сформировался *собственно карельское* наречие; в южной Карелии в результате контакта карельского и вепсского наречий сформировались южные наречия карельского языка: *ливвиковское*, с преобладающим карельским компонентом, и *людиковское*, представляющего результат смешения древнекарельского и древневепсского языков [9, С. 204]. Термин «людиковское» связан с тем, что среди веси было распространено самоназвание «люди» [5, С. 373], имеющее русское происхождение [5, С. 366]. Происхождение термина «ливвики» остается дискуссионным; проводятся параллели с самоназванием прибалтийско-финского племени *ливов*, проживавших на территории современной Латвии.

К XX веку карельский язык не имел собственной письменности и литературной нормы. Известно, что карелы, владевшие русской грамотой, могли пользоваться кириллицей для записи текстов на родном языке, о чем свидетельствуют новгородские грамоты [10]. Древнейший памятник на карельском языке – новгородская грамота № 292, в которой написано заклинание от молнии. Карельские слова, географические названия и имена людей можно встретить в писцовых книгах XV–XVI вв. Первый словарь карельского языка издан в XVII веке; в XIX – начале XX века издавалась духовная и учебная литература, букварь [11]. Памятники XIX века записаны кириллицей с добавлением букв, передающих особенности фонетики карельского языка [10]. Первым художественным произведением на карельском языке считается работа Мирона Смирнова «Голос корела: путевые заметки и карельская поэзия», напечатанная кириллицей и вышедшая в Санкт-Петербурге в 1890 году. На основе латинского алфавита в Финляндии изданы произведения народного творчества карел [11].

В XX веке наиболее сложными вопросами было создание литературного карельского языка, выбор алфавита для него, присвоение статуса, соответствующего положению языка титульной нации республики, разработка грамматики и методики преподавания наречий карельского языка. На настоящий момент, то есть в первой четверти XXI века, карельский имеет свою письменность, основанную на латинском алфавите с дополнительными буквами для передачи специфических звуков; он состоит из 28 букв. Он является языком титульной нации Республики Карелия, но присвоению статуса второго государственного в рамках республики препятствует некириллическая основа алфавита. Составлено описание уровней языка, есть методики преподавания, работает Карельский научный центр РАН, на карельском языке есть публикации в СМИ и телерадиовещание. Обучение карельскому языку проводится в школах и в высшей школе [12].

Сложная нелинейная история развития наречий карельского языка делает его чрезвычайно интересным для изучения специалистами. Однако его органичное развитие возможно только при условии, когда носители продолжают его использовать, понимают престижность и важность изучения родного языка. Сокращающееся число носителей языка вызывает обеспокоенность научного сообщества. Тем не менее процент этнических карел, указывающих карельский своим родным языком, – стабильно: 26,3% карел в 2010 году [по данным 1] и 26,6% карел в 2020 году [по данным 2], что не может не обнадеживать.

Источники:

1. Всероссийская перепись населения 2020 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 13.01.2023).
2. Всероссийская перепись населения 2010. URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 13.01.2023).
3. Иванова В. А., Ульяницкая Л. А. Лексическая интерференция русского и карельского языков в диахроническом аспекте языковой политики // Дискурс. 2022. № 8(1). С. 142-157. URL: <https://discourse.elpub.ru/jour/article/view/473> (дата обращения: 13.01.2023).
4. Рягоев В. Д. Карельский язык // Языки мира: уральские языки. / Гл. ред. коллегия: В. Н. Ярцева, Т. В. Гамкрелидзе, В. П. Нерознак, В. М. Солнцев, Н. И. Толстой. М.: Наука, 1993. С. 63–76.
5. Бубрих Д. В. Прибалтийско-финское языкознание: избранные труды / Под ред. Г. М. Керта, Л. И. Сувиженко. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 380 с.
6. Лаанест А. Прибалтийско-финские языки. // Языки мира: уральские языки. / Гл. ред. коллегия: В. Н. Ярцева, Т. В. Гамкрелидзе, В. П. Нерознак, В. М. Солнцев, Н. И. Толстой. М.: Наука, 1993. – С. 32–36.
7. Карело-русско-финский словарь. URL: <http://sanakniigu.onego.ru/index.php> (дата обращения: 13.01.2023).
8. Kallio, P. (2012). The Prehistoric Germanic Loanword Strata in Finnic. In *A Linguistic Map of Prehistoric Northern Europe* (pp. 225–238). (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne; No. 266). Suomalais-Ugrilainen Seura. URL: https://www.sgr.fi/sust/sust266/sust266_kallio.pdf (дата обращения: 13.01.2023).
9. Новак И. П. Проблемы диалектной классификации карельского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. №2. С. 204–213. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-dialektnoy-klassifikatsii-karelskog-o-yazyuka> (дата обращения: 16.01.2023).
10. Рунтова А. Н. Попытка создания карельской письменности в 30-е годы XX века (Тверская область) // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. Выпуск 5, 2020, DOI: 10.15393/j103.art.2020.1643. URL: <https://nbsr.petrso.ru/journal/article.php?id=1643> (дата обращения: 16.01.2023).

11. Литература на карельском языке. // Карельское просветительское общество. URL: https://www.karjalansivistysseura.fi/карельский_язык/литература-на-карельском-языке/ (дата обращения: 16.01.2023).

12. Собственно карельское наречие карельского языка. // Малые языки России. Проект Института языкознания РАН. URL: <https://minlang.iling-ran.ru/lang/sobstvenno-karelskoe-narechie-karelskogo-yazyka> (дата обращения: 16.01.2023).

V. N. Malysheva (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

THE HISTORY OF THE KARELIAN LANGUAGE IN THE NORTHWEST OF RUSSIA

The article describes the history of the Karelian language in terms of the history of the people who speaks it. The following issues are considered: the origin of the ethnonym, the influence of the language contact on the lexicon, the forming of dialects, the way of writing and written monuments, the present state in terms of the degree of study of its aspects and the prospects of development.

Finno-Ugric languages, Karelian language, history of the Karelian language

УДК 172:004.8

Р. И. Мамина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: maminaraisa@yandex.ru);

А. В. Ильина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: a.ilyina2045@gmail.com)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СФЕРЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА: ЭТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В работе рассматриваются вопросы применения искусственного интеллекта (ИИ) в сфере изобразительного искусства. Показано что проблемные зоны, связанные с новациями ИИ в этой сфере, имеют этико-правовой характер. Подчеркивается необходимость их рассмотрения на законодательном уровне в соответствии со спецификой текущего уровня развития ИИ.

Цифровые технологии, прикладной ИИ, искусственная нейронная сеть, цифровое искусство, изобразительное искусство, этика, право, коммуникация «человек – машина»

Искусственный интеллект (ИИ) и его новации – один из глобальных трендов современного социума. Внедрение новаций ИИ в практики деловой, общественной и повседневной жизни открывает новые возможности для человека и общества в целом. В последнее время системы с ИИ задействованы и в сфере искусства, особенно это актуально для изобразительного искусства, в частности, в области генерации изображений.

Однако цифровые реалии современного ИИ определили не только новые возможности бытия социума, но и объективировали целый ряд проблем социально-психологического, этического и правового характера в коммуникации «человек – машина». В частности, в области создания изображений эти проблемы имеют этико-правовой характер. Условно эти проблемы можно разделить на определенные блоки в зависимости от вида их проявления:

- проблемы определения авторства для работ, созданных с помощью ИИ;
- проблемы использования чужих произведений и определения заимствований в работах, созданных с помощью ИИ;
- проблемы утраты и отзыва авторства в условиях появления работ, созданных с помощью ИИ;
- проблемы привлечения авторов к ответственности за осуществление неправомерных действий с использованием ИИ под предлогом творчества.

Каждый из этих блоков является предметом отдельного анализа, но прежде чем обратиться к их рассмотрению, остановимся на специфике текущего состояния прикладного ИИ.

В настоящее время важной отличительной особенностью ИИ является совмещение технологии больших данных (Big Data) и методов глубинного обучения (Deep Learning), основанных на использовании искусственных нейронных сетей (ИНС), которые представляют собой упрощенный аналог естественных нейронных сетей [1]. В результате, современный ИИ способен обучаться (машинное обучение с учителем, с частичным привлечением учителя, с подкреплением), не только на подготовленной базе исходных данных, но и непосредственно на собственном опыте, однако только в пределах своих технологических возможностей. В свою очередь, возникновение проблем в области создания изображений обусловлено не только спецификой ИИ, но и этико-правовой спецификой взаимодействия человека и ИИ в этой области. Остановимся подробнее на этой специфике в рамках условно выделенных проблемных блоков.

Вопросы из первого блока объединяются вокруг дискуссий о субъектности ИИ. Для того чтобы быть признанным в роли автора работы, ИИ должен выступать в качестве социального субъекта, обладающего правами и обязанностями. Сегодня такой возможности и такой необходимости еще нет [2]. Однако отдельные требования удалять изображения, сгенерированные ИИ, с площадок, где художники выкладывают свои персональные работы, уже появляются [3]. В то же время, например, картина, созданная «кистью» нейросети, стала победителем в конкурсе для художников-людей [4]. В условиях, когда не созданы критерии и правила использования работ, в которых был задействован ИИ, правомерность представления такого творчества на конкурс оказывается неоднозначной.

Создание изображений с помощью ИИ, в частности, генеративных нейронных сетей, ставит перед обществом вопрос о том, кого считать автором подобных работ: ИИ, применивших его пользователей или же разработчиков? Отсутствие правовой базы стало не только предметом для размышления, но и причиной для появления разного рода спекуляций на этот счет. Одна из таких спекуляций – вопрос, может ли ИИ быть таким же инструментом, как, например, кисть, краски и холст? Если рассуждать в этом ключе, тогда и разработчик сопоставим с производителем красок. Однако поставщики и производители материалов не являются авторами созданных с помощью этих материалов картин. В то же время разработчик создает алгоритм, который позволяет генерировать изображения, и этот алгоритм часто является более вовлеченным в процесс создания изображений. Отсюда и распространился спекулятивный вопрос об авторстве работ.

Следующий, второй, блок составляют проблемы использования чужих произведений при обучении ИИ и генерации им изображений. С одной стороны, ИИ необходимо обучать на неких объемах данных, для того чтобы он смог выдавать собственные результаты. С другой стороны, отбор таких данных для обучения не всегда производится с согласия авторов этих данных.

В частности, недавний случай с использованием работ художницы и иллюстратора Холли Менгерт в качестве датасета для тренировки нейросети [5] с новой силой актуализировал проблему заимствований и плагиата. Автор не давала согласие на то, чтобы созданные ею изображения использовались для обучения, а также на то, чтобы ее авторский стиль копировался кем-то другим. В то же время, некоторые изображения были уже проданы корпорациям и, фактически, уже не были ее собственностью. Даже один только этот факт ставит целый ряд вопросов, имеющих эτικο-правовой статус, требующих решения на законодательном уровне.

В целом, подобные инциденты показывают, насколько еще не проработаны правовые вопросы заимствований системами с ИИ продуктов персонального творчества: текстов, изображений, фотографий. Аналитики обращают внимание и на периодически возникающие ситуации, при которых ИИ тренируется на базе фотографий пользователей из социальных сетей, или когда корпорации используют личные данные пользователей для собственных целей, создавая разного рода базы с их персональными данными без согласия участников. Вопрос о «копировании» нейросетями авторского стиля может занять свое место в ряду этих ситуаций.

Однако, чтобы понимать, что является заимствованием авторского стиля, важно разобраться с определением этого понятия. Авторский стиль – это не только некий набор цветов, характера штрихов и шаблонов, это понятие намного более широкое и сложное, это неповторимый почерк, манера, индивидуальность, которая отличает одного художника, в широком смысле этого слова, от другого, поэтому подделать авторский стиль чрезвычайно трудно, а в некоторых случаях даже невозможно. Любой человек может вдохновляться картинами разных художников, быть чьим-то учеником или подражать чьему-то стилю, и это не будет считаться плагиатом до тех пор, пока в этом подражании присутствует «Я» этого другого человека. В ситуации с нейросетями все сложнее, поскольку сеть может выдавать очень правдоподобные подделки. При этом пользователь может даже не догадываться, что при помощи ИИ он создает изображения в стиле какого-то художника, если не будет вникать, на каком датасете была обучена нейросеть.

Указанные сложности позволяют перейти к третьему блоку проблем – проблемам утраты и отзыва авторства. С одной стороны, потребность в отзыве авторства возникает в ситуациях, когда с помощью ИИ создаются изображения с плагиатом. Появляется необходимость в инструментах, отслеживающих этот плагиат. Для появления подобных механизмов, важно прояснить отдельные моменты с определением плагиата в работах, созданных с использованием ИИ, которые сконцентрированы в ответах на следующие вопросы: «Должны ли это быть специальные институты и организации?», «Могут ли это делать сами машины с ИИ?», «Нужно ли разработчикам задумываться о том, как будет работать их программа и будет ли она что-то заимствовать?», «Какие должны быть наборы данных, на которых строится обучение ИИ?». При этом

к наборам данных необходимо предъявлять серьезные требования, именно от их качества зависит то, что в итоге сможет сделать ИИ. Важно также учитывать проблему предвзятости данных, этичность их применения, а также понимание того, не будут ли эти данные способствовать утрате авторства.

Вместе с этим возникает еще одна проблема, которая связана с проблемой рабочих мест. После того как ИИ стал активно применяться в профессиональной деятельности художников и дизайнеров, появляются дискуссии, в которых обсуждается вопросы «Останутся ли представители этих профессий востребованы через несколько лет, или их функции с легкостью сможет воспроизводить ИИ?», «Действительно ли ИИ угрожает этим специалистам?», «Будут ли компании отдавать предпочтение ИИ перед людьми?», «Кто будет обучать ИИ и составлять запросы?», «И опять же кто и как будет отслеживать уникальность получаемых изображений, например, логотипов компаний?» и др.

И, наконец, заключительный блок проблем составляют проблемы привлечения авторов к ответственности в случаях использования ИИ для создания неправомерного контента (дипфейки, подлоги, мошенничество и др.). Если технологии могут сегодня создавать новые изображения на основе фотографий человека, возникает риск навредить чьей-то репутации, обмануть, подставить, совершить иные порочащие или противоправные действия. Сегодня вместе с нейросетями, которые способны генерировать изображения на основе вводимого текстового описания, например, Stable Diffusion [6], создаются алгоритмы по защите данных. В частности, после того как Stable Diffusion стала общедоступной, появились случаи создания изображений, которые могут быть оценены как противоправные, непристойные, нелицеприятные [7], что привело к необходимости искать алгоритм для предотвращения аналогичных случаев в будущем.

Кроме того, в условиях, когда существует возможность использовать при создании изображений фотографии, фактически, любого человека, в том числе ушедшего из жизни, нарастает потребность в защите права на собственное лицо. Известны случаи, когда актеры продавали свое лицо для использования его в фильмах, однако не всегда это происходит добровольно. Человек может даже не догадываться о том, что стал героем какого-то ролика или плаката. Здесь также необходима разработка механизмов, которые бы могли отличать поддельные изображения, защищать человека и его права.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что в каждом из выделенных блоков существуют свои проблемные зоны этико-правового характера, связанные с применением ИИ в сфере изобразительного творчества. Их решение на сегодняшний день находится только в процессе обсуждения и носит исключительно дискуссионный характер. Однако, как показывает практика, назрела острая необходимость в их рассмотрении на законодательном уровне. При этом речь идет как о создании необходимых этических и правовых рамок в обучении ИИ, так и об ответственности разработчиков и инженеров, создающих такие цифровые продукты.

Источники:

1. Сильный искусственный интеллект: на подступах к сверхразуму / М. С. Бурцев, О. Л. Бухвалов, А. А. Ведяхин и др. М.: Интеллектуальная литература, 2021.
2. Лолаева А. С., Сакаева К.У. Искусственный интеллект: правовые и этические аспекты // Юридические исследования. 2021. № 8. С. 63–71.
3. Художники устроили бойкот рисующему искусственному интеллекту // Газета.ру URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2022/12/14/19270621.shtml> (дата обращения: 13.01.2023).
4. Картина, созданная нейросетью, победила в художественном конкурсе людей-художников // Overclockers. URL: <https://overclockers.ru/blog/ProKino/show/74151/kartina-sozdannaya-nejrosetju-pobedila-v-hudozhestvennom-konkurse-ljudej-hudozhnikov> (дата обращения: 13.01.2023).
5. Генеративные нейросети и этика: появилась модель, копирующая стиль конкретного художника // DTF. URL: <https://dtf.ru/life/1436360-generativnye-nejroseti-i-etika-poyavilas-model-kopiruyushchaya-stil-konkretnogo-hudozhnika> (дата обращения: 13.01.2023).
6. Stable Diffusion Online // Official Website. URL: <https://stablediffusionweb.com/> (дата обращения: 13.01.2023).
7. Со Stable Diffusion вы можете больше никогда не поверить увиденному в онлайн // Хабр. URL: <https://habr.com/ru/company/jugru/blog/687236/> (дата обращения: 13.01.2023).

R. I. Mamina (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);
A. V. Ilina (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

**ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN GRAPHIC ARTS:
ETHICAL AND LEGAL ASPECT**

The paper examines the application of artificial intelligence (AI) in the field of graphic arts. It is shown that the problem areas associated with AI innovations are of an ethical and legal nature. The necessity of taking these problem areas into consideration at the legislative level in accordance with the specifics of the contemporary AI is emphasized.

Digital technologies, applied AI, artificial neural network, digital art, graphic arts, ethics, law, human-computer interaction

УДК 316.46 (075)

Р. И. Мамина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: maminaraisa@yandex.ru)

СОВРЕМЕННОЕ ЛИДЕРСТВО

В работе рассматривается тематика лидерства и ее специфика в условиях цифровых реалий. Подчеркивается, что в новых моделях речь идет о позитивном лидерстве, с главным акцентом на морально-этический и морально-психологический факторы в управлении человеческими ресурсами – главного капитала любой организации. Показано, что среди наиболее обсуждаемых – концепция трансформационного лидерства, которая оценивается, как одна из наиболее перспективных этических концепций лидерства, соответствующих вызовам новой эпохи.

Этические модели лидерства, трансформационное лидерство, транзакционное лидерство, эмоциональный интеллект, конвергентный подход, цифровая экономика

В условиях цифровых реалий тема лидерства является одной из ключевых тем современного социума. При этом к наиболее обсуждаемым и активно развивающимся концепциям теории и практики современного управления, относят этические модели лидерства. В отличие от традиционных моделей управления, ориентированных на достижение прибыли и сверх конкуренцию, в новых моделях речь идет о смене парадигмы лидерства на позитивное лидерство, с главным акцентом на морально-этический и морально-психологический факторы в управлении человеческими ресурсами как главного капитала любой организации.

Сегодня к наиболее актуальным относят такие позитивные этические концепции современного лидерства как: аутентичное лидерство, духовное лидерство, этическое лидерство, интеграционное лидерство, лидерство как служение, трансформационное лидерство и др. [1]. Каждая концепция имеет свои особенности и по-своему отражает специфику времени. Особое внимание аналитиков привлекает концепция трансформационного лидерства, которая рассматривается как одна из наиболее перспективных концепций лидерства, соответствующих реалиям новой экономики [2].

По оценке специалистов, трансформационная теория лидерства затрагивает один из самых фундаментальных вопросов: какова же конечная цель руководства и зачем необходимо становиться лидером? При этом подчеркивается, что ответ на этот вопрос заложен в сущностных основах трансформационного лидерства, которое обращается к моральной стороне лидерства и предлагает различные инструменты управления для усиления мотивации и морального духа

подчиненных, поскольку лидер рассматривается как образец для подражания. Одна из характерных особенностей заключается в том, что такое лидерство ориентировано на помощь другим становиться лидерами. Однако трансформационное лидерство – это не только этическое, но также и эмоциональное лидерство, которое демонстрирует эмоциональную компетентность лидера при общении с подчиненными, что вызывает необходимый эмоциональный отклик, повышает самооценку каждого на своем рабочем месте, запускает механизм возвышения потребностей. Трансформационный лидер не только вдохновляет, но и стимулирует подопечных на достижение высоких результатов, расширяет их возможности, превращая личные цели каждого в общие.

Исследуя данный стиль руководства, специалисты пришли также к выводу, что он оказывает положительное влияние не только на отдельного члена, но и всю группу/команду в целом. Группа под руководством трансформационного лидера, показывает более высокие результаты производительности, чем группы, которыми управляют лидеры других типов.

В целом, такие лидеры ориентированы на развитие у сотрудников таких навыков, как эмпатия, работа в команде, гибкость, креативность. Однако главными причинами успеха трансформационного лидерства исследователи называют, прежде всего, уверенность трансформационных лидеров в неограниченных возможностях подчиненных и морально-психологический климат, который создает такой тип лидерства [3].

Первым, кто ввел термин и понятие «трансформационное лидерство», был американский социолог Джеймс В. Даунтон (1967), известный своими исследованиями в области харизматического лидерства. Однако концептуальное понимание понятия было предложено и развито политологом, признанным специалистом в области лидерства, Джеймсом Мак-Грегор Бернсом.

В своей книге «Лидерство» (1978) Бернс определил трансформационное лидерство как процесс, в котором лидеры и их последователи поднимают друг друга на более высокий уровень морали. Согласно Бернсу, трансформационный лидер может изменять или корректировать поведение и взгляды своих последователей. В то же время, чтобы изменить образ мышления людей и направлять их действия в нужное русло, лидер сам должен уметь видеть определенную ситуацию вне общепринятых границ, а также уметь просчитывать все возможные варианты развития того или иного события, к которому готовит своих подчиненных [4].

Дж. Бернс рассматривал трансформационное лидерство как новый этап в развитии теории и практики лидерства, противопоставляя его транзакционному лидерству, под которым понимал традиционное лидерство. Результатом этого противопоставления стал вывод, согласно которому, лидерство в организации, может быть либо трансформационным, либо транзакционным, но не может быть одновременно и тем и другим. Однако дальнейшие исследования, прежде всего, Бернарда Басса, известного психолога и специалиста в области

лидерства, показали, что не все так однозначно в плане невозможности одновременного применения этих методов управления.

Бернард Басс значительно расширил и дополнил теорию Джеймса Бернса, основываясь на специальных исследованиях по изучению лидерства, которые в течение двух десятилетий велись под его руководством в Центре Государственного университета Нью-Йорка (Бингхэмптон) [5]. Материалы и результаты исследования были впервые представлены в его книге «Лидерство и эффективность, превосходящие ожидания» (1985), а затем в других его работах.

В целом, на основании данных своего научно-исследовательского поиска, включая разработанный им диагностический инструментарий – «Многофакторный опросник лидерства» (Б. Басс, Б. Аволио; 1999), Басс сделал целый ряд определенных выводов: трансформационное лидерство может быть выявлено, оно в корне отлично от транзакционного, поддается точному измерению, улучшает любую организацию, обнаруживается повсюду, на всех уровнях, может быть следствием унаследованных тенденций, ему можно научиться, оно может быть связано с контекстом; лучший практический результат дает сочетание трансформационного и транзакционного лидерства [5].

Таким образом, всестороннее изучение отличительных особенностей трансформационного подхода, включая его плюсы и минусы, сравнительный анализ с плюсами и минусами транзакционного подхода, опора на экспериментальные и диагностические данные, позволили Барсу показать, что трансформационная и транзакционная модели лидерства являются не взаимоисключающими, а представляют собой континуум двух моделей.

Однако в условиях цифровых реалий лидерство – это не только континуум двух моделей, это интеграция разных областей знания, изучающих феномен лидерства в цифровой и нецифровой среде, с позиций конвергентного подхода [6]. Такой подход включает в себя как имеющиеся, так и последние достижения научно-исследовательской мысли в области лидерства, последние новации и тенденции, отражающие специфику времени.

В этой связи следует отметить, что современные исследования концентрируют внимание на новом контексте, новых компетенциях и отличительных чертах современного лидерства.

В частности, при определении нового контекста современного лидерства, аналитики выделяют три основных фактора: первый связан с тем, что финансовые показатели больше не единственный и основной маркер успеха бизнеса; второй – организацию оценивают и по тому, какое влияние она оказывает на социальную и физическую среды, третий фактор имеет репутационное значение – в условиях цифровых реалий о компании судят и по сотрудникам, и по клиентам [7].

Что касается новых компетенций, отмечается, что по мере того, как организации переходят к бизнес-моделям сервисных центров, роли и функции высшего руководства становятся более сложными и интегрированными. Соответственно появляются и такие новые показатели эффективности как способность

управлять неопределенностью, бороться с вызовами, проводить изменения, а также умение управлять человеческими, и цифровыми ресурсами [7].

В качестве отличительных характеристик лидеров XXI века специалисты называют, прежде всего, умение делегировать полномочия и развитый эмоциональный интеллект, в отличие от лидерства XX века с его иерархическим методом построения организации и развитым ментальным интеллект [8, С. 11]. При этом выведение эмоционального интеллекта для современного лидерства на первые позиции рассматривается не как противоположность ментальному интеллекту, а как их уникальное сочетание (Д. Гоулман, Ст. Кови, К. Шваб, Б. Джордж и др.).

В целом, это значит, что только при конвергентном подходе, трансформационное лидерство может рассматриваться как инновационный тип руководства, соответствующий вызовам цифровой экономики, которая согласно «Программы развития цифровой экономики в Российской Федерации до 2035 года», находится на пути перехода от программно-целевой модели управления экономикой к программно-прогностической [9].

Источники:

1. Вакханский О. С., Миракян А. Г. Новое тысячелетие: Управленческие аномалии и современные концепции лидерства // Российский журнал менеджмента. 2018. №16 (1). С. 131–154.
2. Обзор четырех моделей лидерства // Официальный сайт Gantbpm. URL: <https://gantbpm.ru/obzor-chetyrex-modelej-liderstva/> (дата обращения: 14.01.2023).
3. Теория лидерства и топ навыков современного лидерства // Hurma. URL: hurma.work/ru/blog/teoriya-liderstva-i-top-navykov-sovremennogo-lidera (дата обращения: 10.01.2023).
4. Что такое трансформационное лидерство? // Портал FB. URL: <https://fb.ru/article/374814/chto-takoe-transformatsionnoe-liderstvo> (дата обращения: 10.01.2023).
5. Дайл Д. М., Канджеми Дж. П., Ковальски К. Дж. Трансформационное лидерство. URL: <https://www.livelib.ru/book/1555/readpart-psihologiya-sovremennogo-liderstva-amerikanskije-issledovaniya/~6> (дата обращения: 10.01.2023).
6. Баксанский О. Е Конвергенция: методология меганауки // Философия и культура. 2014. № 4. С. 505–518.
7. Виноградов К. Качества идеального лидера в 21 веке. URL: <https://roob.in/kachestva-idealnogo-lidera> (дата обращения: 10.01.2023).
8. Джордж Б. Внутренний компас лидера. М.: Альпина Паблишер, 2019.
9. Развитие цифровой экономики в России: программа до 2035 года // Сайт С. П. Курдюмова. URL: https://spkurdyumov.ru/digital_economy/razvitie-cifrovoj-ekonomiki-v-rossii-programma-do-2035-goda/ (дата обращения: 15.01.2023).

R. I. Mamina (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

CONTEMPORARY LEADERSHIP

The paper deals with the topic of leadership and its specificity in the context of digital realities. It is emphasized that new models are about positive leadership, with the main emphasis on the moral and ethical, moral and psychological factors in the management of human resources – the main capital of any organization. It is shown that among the most discussed, the concept of transformational leadership, which is assessed as one of the most promising concepts of leadership, corresponding to the challenges of the new era.

Ethical leadership models, transformational leadership, transactional leadership, emotional intelligence, convergent approach, digital economy

УДК 316.4

А. Г. Маранчак (Севастопольский государственный университет, e-mail: amaranchak@yandex.ru);

С. Д. Куражев (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: serga-98@mail.ru);

П. П. Дерюгин (научный руководитель) (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: deriuginprav@yandex.ru)

СДВИГ ВОСПРИЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ У СТУДЕНТОВ ИТ-СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ КАК ФЕНОМЕН ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА (При поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07443/19)

Различия в восприятии информации, в частности, о ценностях цифрового общества, среди студентов различных специальностей является предметом изучения целого ряда социально-гуманитарных дисциплин. Здесь проектируется возможное будущее и появляется возможность социального предвидения. В статье рассматриваются некоторые характеристики сдвига восприятия ценностей у студентов ИТ-специальностей в сравнении со студентами социо-гуманитарных специальностей.

Сдвиг восприятия, цифровая информация, включенность в производство цифровой информации

Актуальность проблемы. Исследования Г. Инниса и М. Маклюэна подтвердили гипотезу о том, что современный характер технических возможностей, инструментальная вооруженность и технологическое обеспечение работы с информацией не только позволяет обрабатывать большие массивы данных, но неизбежно изменяется само восприятие ценностей цифрового общества [1]. В наибольшей степени это касается тех, кто связан с ИТ-деятельностью [2].

Очевидна теоретическая составляющая этой проблемы. Она выражается в сложностях изучения совокупности противоречий цифрового общества, которые предполагают междисциплинарный теоретико-методологический подход к исследованиям. Такие исследования ценностей ИТ-специалистов необходимо выходят за пределы чисто социологических традиций анализа [3, С. 8].

Опреционализация понятия «сдвиг восприятия». Сдвиг восприятия сегодня наблюдается у большинства профессионалов. Если классифицировать изменения во взглядах на ценности исходя из концептуальной позиции М. Роккича [4, С. 223], то одна часть профессионалов, т. е. тех, кто занят созданием информации при производстве нового знания за счет получения больших данных, – например, журналисты, писатели, ученые общественно-гуманитарного

знания, экономисты и пр., – способны сделать обобщения, которые решительно трансформируют привычные представления о траекториях развития исследуемых явлений. По определению М. Рокича, это содержательные (терминальные) ценности. Сдвиг восприятия таких специалистов относится к изменениям качества и глубины знаний. Такой сдвиг конкретизирует информацию о тех или иных явлениях и нередко более четко и более отчетливо конкретизирует знания об объекте исследования. Например, об этом говорят лингвисты [5], юристы [6], политологи [7], социологи [8] и специалисты других профилей.

Другое направление сдвига восприятия характерно для тех специалистов, кто занимается разработкой инструментального (технологического, методического) знания по производству, использованию и воспроизводству информации. Это в полной мере относится к ИТ-специалистам, начиная со студенческой скамьи. Сегодня уже можно наблюдать ситуации, когда, обладая огромными массивами информации, такие специалисты не располагают актуальными потенциалами, которые важны для научного объяснения или практической реализации полученного знания. Отличие сдвига восприятия ценностей среди ИТ-специалистов заключено в том, что оно, напротив, глобализирует знание, взаимообогащает их. Это специалисты, которые практически не ограничены местом работы, обладают связями с ИТ-специалистами во всем цифровом пространстве, используют один язык общения.

Как уже говорилось, исследователи Г. Иннис и М. Маклюэн возникающее качественное скачкообразное изменение восприятия информации об окружающей действительности называют «сдвигом восприятия». В нашем случае это совокупность трансформаций и изменений в отражении ИТ-специалистами значимости, важности, ценности тех или иных феноменов, возникающих в следствии их включенности (вовлеченности или погруженности) в процесс создания, производства и анализа информации на основе технических возможностей, и сопровождающих особенности понимания ими социальных, психологических, экономических и всех иных особенностей окружающего социального пространства.

Исследовательская проблема. Сдвиги в восприятии ценностей цифрового общества определяются характером отношения к информации и зависят от профессиональной ориентации респондентов – студентов ИТ-специальностей в нашем случае. Накопление и рост противоречий в восприятии ценностей между специалистами различных профессиональных ориентаций составляет актуальную социальную проблему появления новых видов стратификации в цифровом обществе.

Наша гипотеза заключалась в предположении о том, что включенность в цифровое воспроизводство (студенты-программисты) или, напротив, пользовательское отношение к ИТ-сфере (студенты социально-гуманитарного цикла) будут отличаться направленностью и характером сдвига восприятия, в частности в отношении понимания информации как цели, средства или результата профессиональной деятельности.

Объект исследования – студенты выпускных курсов факультета компьютерных технологий и факультета социо-гуманитарного цикла. **Объем выборки** – генеральная совокупность. В исследовании студенты ИТ-специальностей и студенты социо-гуманитарного профиля представлены примерно равным количеством респондентов ($n = 236$ и $n = 252$, соответственно).

Предмет исследования – особенности сдвига восприятия цифровой информации студентов ИТ-специальности в сравнении со студентами социо-гуманитарного профиля.

Цель исследования – выявление и сравнительный анализ характеристик сдвига восприятия ценностей цифрового общества у студентов ИТ-специальностей и студентов социо-гуманитарного профиля подготовки, как обусловленного особенностями профессиональной подготовки. **Метод исследования** – контент-анализ студенческих эссе на тему о восприятии ценностей цифрового общества.

Результат 1. Контент-анализ свободно высказанных оценок (ассоциаций) о роли и важности информации в цифровом обществе показал, что студенты ИТ-специальностей в 2-3 раза чаще (т. е. значительно активнее) описывают роль информации в самых различных ее аспектах и самых различных характеристиках. Такое существенное отличие восприятия информации раскрывает позиции студентов ИТ-специальностей как основной сдвиг восприятия роли информации в качестве решающего условия развития цифрового общества.

Результат 2. Сдвиг восприятия о роли информации как ценности цифрового общества по-разному выражается в понимании информации как цели, средства и результата деятельности. Студенты гуманитарного направления чаще рассматривают информацию в качестве терминального содержательного феномена – ценностей – целей и ценностей – результатов, напротив, студенты-программисты рассматривают информацию преимущественно как ценности-средства. Прежде всего студенты-программисты отмечают такие важные характеристики информации как средства обмена данными, актуальность увеличения скорости передачи информации, интенсивное освоение цифровых технологий, разработку новых цифровых технологий и повышение компьютерной грамотности, что превращает ее в важную ценность цифрового общества.

Результат 3. Свообразием и особенностями характеризуются сдвиги восприятия информации, отражающие содержательные характеристики различных социальных подсистем – политической, культурной, экономической и других.

Прежде всего роль информации по мнению ИТ-специалистов признается как более важная в материальной сфере и экономике. Студенты ИТ-специальностей значительно более активно определяют информационный контекст развития экономической сферы, чем социогуманитарии. Они видят роль информации как потенциала развития криптовалюты, NFT, цифровых возможностей работы биржи, обеспечения банковской деятельности и пр., в целом, рассматривают информацию в качестве существенного фактора повы-

шения благосостояния. В настоящем случае роль информации в экономической сфере студенты ИТ-специальностей оценивают в 1,8 раза активнее, чем студенты социогуманитарного профиля.

Довольно существенен сдвиг восприятия ценностей политического порядка, он составляет 1,6 раза относительно социогуманитариев по частоте анализа политических ситуаций. Информация рассматривается студентами-программистами важным условием обеспечения прав и свобод, развития гражданского общества и ограничения беспредела политических режимов. Роль информации оценивается ими как важное условие демократии и справедливости, социальной солидарности и социального равенства [9]. Наряду с этим студентами ИТ-специальностей отмечается рост киберпреступности, способной изменить политический климат, возможность информационными технологиями повлиять на результаты выборов и референдумов, как возможность манипулировать общественным мнением.

Заключение и выводы. Проведенное исследование фиксирует наличие существенного сдвига восприятия информации у студентов-программистов как ценности информационного общества уже на самых ранних стадия профессионального становления.

Источники:

1. Архангельская И. Б. Теория коммуникации в трудах Х.-А. Инниса и Г.-М. МакЛюэна // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2007. №3.
2. Петрунева Р. М., Васильева В. Д., Топоркова О. В. Студенческая молодежь в эпоху цифрового общества // Преподаватель XXI век. 2019. №1-1.
3. Дерюгин П. П. Педагогическая диагностика межличностных отношений в военно-морских коллективах: автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Москва, 1991.
4. Рассказов С. В. Корпоративное управление: Учебник / С. В. Рассказов, А. Н. Рассказова, П. П. Дерюгин. М.: ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2020.
5. Наумова Н. Г. Система ценностей человека как объект лингвистического исследования // Вестник ННГУ. 2016. №1.
6. Литвиненко С. И. Контрабанда культурных ценностей как объект юридического исследования // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2002. №1 (18).
7. Антонов Д. Е. Аккаунты руководителей субъектов российской федерации в социальных сетях как объект исследования политических ценностей россиян // Русская политология. 2020. №1 (14).
8. Степанов С. А. Трансформация ценностных ориентаций студентов как объект социологического исследования // Телескоп. 2021. №3.

9. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.

A. G. Maranchak (Sevastopol State University);

S. D. Kurazhev (Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»);

P. P. Deryugin (Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»)

THE SHIFT IN INFORMATION PERCEPTION AMONG IT STUDENTS AS A PHENOMENON OF DIGITAL SOCIETY

The shift in the perception of information among students of IT specialties as a phenomenon of difference in the perception of information, in particular, about the values of the digital society, among students of various specialties is the subject of a number of social and humanitarian disciplines. Here a possible future is projected and the possibility of social foresight appears. The article discusses some characteristics of the shift in the perception of values among students of IT specialties in comparison with students of socio-humanitarian specialties. A theoretical analysis of various approaches to the study of the shift in perception of information and the conjugacy of such studies with the object and subject of sociology is carried out. digital society.

Perception shift, digital information, involvement in the production of digital information

УДК: 02+004

Т. Б. Маркова (Библиотека Российской академии наук;
e-mail: m.tanucha@rambler.ru)

БИБЛИОТЕКА В ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ

В начале 21 века библиотека рассматривалась как информационный центр, предоставляющий свободный доступ к информации и книге. Сейчас роль библиотек определяется их культурными задачами и степенью вовлеченности в жизнь общества. Рассмотрены особенности трансформации библиотечной деятельности и обозначены перспективы развития библиотек.

Библиотека, цифровизация, модернизация, культурная память, культура памяти, информационные технологии

Ускорение темпов научно-технического прогресса привело к интенсивному развитию и проникновению информационных технологий во все сферы жизнедеятельности общества. Они сформировали новые правила общения и поведения людей, нормы и ценности. Став атрибутами современной культуры, цифровые устройства способствовали увеличению скорости информационных потоков и тем самым накоплению значительного объема данных в различных отраслях науки и деятельности человека. Опережающее развитие современных информационных систем и появление альтернативных форм коммуникации существенно расширили возможности представления и использования информации. В соответствии с этим изменились задачи и направления деятельности библиотек.

Традиционными функциями библиотеки являются кумулятивная, информационная, коммуникативная, социокультурная. Развитие цифровых технологий вывело библиотечную деятельность на более высокий уровень, открыв другие способы хранения, обработки и подачи информации. «Интернет не нацелен на долговременное хранение информации. Его задача – это обеспечение доступа к ней. Библиотека, напротив, стремится сохранить информацию, обработать ее и перенести ее в память с тем, чтобы извлечь в будущем» [1].

В настоящее время сложившаяся в 20 веке концепция библиотеки как информационного учреждения не соответствует потребностям общества. «Нацеленные на совершенствование технологических процессов, на оцифровку книг библиотеки не всегда учитывают интересы читателей/пользователей. А это не только книги, но и комфорт, бесплатный доступ к Интернету, предоставление условий для научных занятий. При этом доступ к информации позитивно влияет на жизнь людей, а сама информация представляется ключом к знанию» [2, С. 609].

Сущность библиотечной деятельности заключается в согласовании документно-информационной и социокультурной функции. Доминирование одной из

них приводит к нарушению взаимосвязи между ними. В частности, при доминировании информационной функции библиотека превращается в информационный центр, информационно-поисковую систему, в которой нет места библиотекарю. Библиографический поиск осуществляется пользователем самостоятельно. Профессия библиотекаря и библиотека как социальный институт утрачивают первоначальное значение как посредника между обществом и знанием.

При абсолютизации социокультурной функции библиотека становится культурно-досуговым учреждением. Ее деятельность направлена на организацию культурных мероприятий, в том числе носящих воспитательный и развлекательный характер. Культурно-просветительная работа обретает новое качество. Библиотека – это не социально-педагогическая система, воздействующая на потребности читателя и регулирующая его круг чтения, а социально значимое пространство для просвещения, интеллектуальной и культурной коммуникации. Задача библиотекаря состоит в продвижении источников информации в читательскую аудиторию, обучении цифровой грамотности. Сохранение баланса между цифровыми технологиями и библиотечными традициями является важнейшим условием деятельности библиотек. Чем сильнее влияние технологий, тем совершеннее должна быть совместная работа библиотеки и читателя.

Следующий фактор, повлиявший на трансформацию библиотечной деятельности – это модернизация библиотек. В настоящее время она осуществляется в рамках национального проекта «Культура», частью которого стал проект по созданию модельных библиотек. Он направлен на содействие развитию библиотек как современных социально-культурных учреждений. Идея проекта заключалась в создании и хранении собственных ресурсов о профессиях, направленных на организацию общения, поддержку познавательной и творческой активности людей. [3] Промежуточные результаты показали, что главное – это не количество, а качество. «Не важно, сколько библиотек получило статус модельных, главное: уровень материальной оснащенности, кадровый и творческий потенциал, работа с читателями, изменение имиджа библиотек» [4, С. 7]. Сегодня модельные библиотеки являются культурными центрами, осуществляющими обслуживание с использованием новейших форматов хранения и предоставления информации. Главной их особенностью стала создание пространственных зон, а также условий для социализации и развития коммуникативных компетенций индивидов.

Замысел «Гения места» связан с развитием на базе модельных библиотек креативных индустрий. Его целью является формирование современной инфраструктуры в регионах, создание новых интеллектуальных продуктов и сохранение культурного наследия. Креативные индустрии можно определить, как функциональные направления, объединяющей идеей в которых выступают творческие и культурные компоненты. В рамках этого проекта библиотеки становятся своего рода ресурсными центрами, объединяющими креативные сообщества и представляющими посетителям средства и возможности для самореализации. Наибольшей популярностью у библиотекарей пользуются

дизайн, искусство, образование, мода, маркетинг, но есть и другие направления, например, ораторское искусство, гейм-дизайн, мультипликация [5, 6]. Данный проект способствует укреплению имиджа библиотеки, развитию креативной экономики и информационного капитала регионов.

Третий фактором, стимулирующим трансформацию деятельности библиотек, стал так называемый «мемориальный бум», охвативший активную гражданскую и научную общественность. В мемориальных исследованиях («memory studies») рассматриваются вопросы дефиниции культурной и социальной памяти, органической связи между социальной/культурной памяти и коллективными идентичностями, ее осмысления в контексте институтов памяти и мемориального ландшафта. Междисциплинарный характер работ, разрозненность концепций памяти и отсутствие теоретических основ обусловили необходимость методологического синтеза в изучении феномена памяти. В качестве ориентира исследователями предлагается термин «культура памяти». Культура памяти объединяет в себе разрозненные и условно разделенные аспекты памяти – исторической, культурной, социальной. По мнению С. Н. Лютова, «ее формирование должно строиться на основе комплексного подхода с использованием современных достижений культуры: визуальной, документальной, книжной». [7, С. 306] Культура памяти направлена на выработку определенных критериев оценки, отношения к прошлому и восприятия исторических событий, вызывающих неоднозначную оценку.

Библиотека как коммуникационный канал является временным. «Основой библиотеки является не сама книга (документ), а катехонтический характер ее хранения». [8, С. 381] В книге содержится зафиксированное знание. Веб-страницы менее устойчивы: они способны разрушаться и исчезать, что обуславливает потерю памяти. Как и Интернет, библиотека является местом поиска и получения знаний. Однако в отличие от Интернета как электронной коллекции, библиотека не столько предоставляет информацию, сколько приостанавливает ее передачу для извлечения в будущем. Таким образом, возрастает роль библиотеки как формы сохранения и трансляции памяти, поскольку потенциальная ценность зафиксированной информации увеличивается со временем.

В последние десятилетия сформировалось новое отношение к документам: «поскольку они не отражают, а интерпретируют прошлую реальность, и поскольку подлинная и целостная реконструкция прошлого невозможна, задача историографии: <...> конструируя искомое прошлое, помочь индивидам и социальным группам (особенно маргинальным) в обретении ими собственной идентичности». [9, С. 9–10]. Использование документальных источников позволяет разносторонне рассмотреть проблематику коллективной памяти, идентифицировать исторические факты и восполнить «белые пятна». Историки обращаются к ним и в целях тематической разработки аспектов так называемого использования прошлого, включая техники политической манипуляции. Взаимодействие архивистов, библиотекарей и историков в разыскании,

выявлении, введении в научный оборот неизвестных ранее рукописей, архивных материалов, воспоминаний создает новые предпосылки для реконструкции прошлого, развития культуры воспоминаний.

Библиотека – это пространство памяти. Ее деятельность не ограничивается сохранением культурного наследия и популяризацией. Сюда можно отнести подвижническую работу и презентацию фондового богатства. Коллекции, книжные и архивные собрания, рукописи, редкие издания, «будучи культурным ядром фонда, наглядно отражают приоритеты Времени, систему ценностных ориентиров общества, культурные предпочтения читателей и владельцев разных эпох» [10, С. 106]. Таким образом, библиотека как пространство памяти обладает огромным потенциалом. На основе документированных источников и коллекций она конструирует прошлое, выводит из забвения достижения прошлых эпох, тем самым способствует установлению коммуникации между прошлым и настоящим.

Цифровизация оказала существенное влияние на характер библиотечной деятельности: это не только оцифровка книжных фондов и автоматизация библиотечно-библиографических процессов. Изменились формы и методы библиотечной работы и межличностной коммуникации. Освоение новых граней информационной культуры и расширение возможностей памяти будет способствовать комплексному использованию библиотечных, музейных и архивных достижений человечества.

Источники:

1. Schacbert G. Literale Organisation von Wissen: kanale durch Bibliotheken // *Geschichte und Neue Medien in Forschung Archiven, Bibliotheken und Mussen: Tagungsband hist 2003*. Berlin: Clioonline: Humboldt-Universität zu Berlin, 2005. S. 115-128. (Historisches Forum. Bd. 7. Teilbd. 1.)
2. Болдырева И. С. Векторы развития зарубежного библиотечного дела: вызовы времени и перспективы // *Библиотековедение*. 2021. Т.70, № 6. С. 607–614.
3. Модельный стандарт деятельности общедоступной библиотеки: рекомендации органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам муниципальной власти. Москва, 2014. URL: <https://bibli.koi.komi.muzkult.ru> (дата обращения 20.12.2022)
4. Рожкова Н. Обновленная концепция в действии: что оставили, от чего отказались // *Библиотека*. 2022. № 6. С. 6–10.
5. Автономова П., Безносова Н., Белявцева М. «Гений места»: как новый проект в библиотеках будет развивать экономику регионов // *Университетская книга*. 2022. Июль–август. URL: <http://www.unkniga.ru> (дата обращения 22.12.2022)
6. Дуда В. В. О «гениях места», креативных индустриях и самореализации // *Библиотека*. 2022. № 8. С. 6–11.
7. Лютов С. Н. Книжная культура и культура памяти: векторы изучения и междисциплинарного взаимодействия // *Современные проблемы книжной*

культуры: основные тенденции и перспективы развития: материалы XV Белорусско-Российского науч. семинара-конф. (Москва, 22–23 нояб. 2022 г.) / сост.: Л. А. Авгуль, Н.В. Вдовина. Минск: ЦНБ НАН Беларуси; Москва: ФГБУ науки научный и издательский центр «Наука» РАН, 2022. С. 303–308.

8. Ernst W. Die Unwahrscheinlichkeit von Wissenstradition und die Beharrlichkeit der Bibliothek // Bibliothek Forschung und Praxis. 2018. N 42 (2). S. 379–386.

9. История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. Москва: Кругъ, 2006.

10. Сидоренко Л. Ю. Актуализация ценностного фонда специализированной библиотеки в свете концепта «мемориальной культуры» // Ценности и смыслы. 2017. № 5 (51). С. 100–110.

T. B. Markova (Library of Russian academy of sciences)

LIBRARY IN THE INFORMATION ENVIRONMENT

At the beginning of the 21st century, the library was considered as an information center providing free access to information and books. Now the role of libraries is determined by their cultural objectives and the degree of involvement in society. The peculiarities of the transformation of library activity are considered and the prospects for the development of libraries are outlined.

Library, digitalization, modernization, cultural memory, memory culture, information technology

УДК 316.625

В. П. Милецкий (Санкт-Петербургский государственный университет; профессор-совместитель Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: fales.m@mail.ru);

Д. Н. Черезов (Северо-Западный институт управления РАНХ и ГС при Президенте РФ, e-mail: peterpark@bcl.ru)

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР ВОССОЕДИНЕНИЯ НОВОРОССИИ С РОССИЕЙ

В статье рассматриваются примеры как конструктивного, так и деструктивного влияния человеческого фактора на политические события. Действия российского руководства по признанию права населения Крыма на воссоединение со своей исторической Родиной после государственного переворота на Украине в 2014 г. могут рассматриваться как пример конструктивного влияния человеческого фактора на политические события. Военная агрессия со стороны Киева, поддержанная политическими руководителями стран Запада, против учрежденных в апреле 2014 г. Донецкой и Луганской народных республик (ЛДНР) – яркий пример деструктивного влияния человеческого фактора на реальную политику. В воссоединении Новороссии с Российской Федерацией воплотилось конструктивное влияние человеческого фактора на политику, выразившееся в решающей роли волевой личности В. П. Путина в организации этого исторического события.

Человеческий фактор, Крым, Луганская народная республика, Донецкая народная республика, воссоединение, признание

Как известно, под человеческим фактором (ЧФ) в обычном смысле слова понимается, как правило, человеческое вмешательство в установленный порядок жизнедеятельности людей или технических объектов, выражающееся в небрежном или пагубном поведении ответственных лиц или специалистов при исполнении преимущественно своих должностных обязанностей, в результате которого происходят чрезвычайные происшествя или катастрофы. Речь идет о негативном или совершенно деструктивном влиянии действий конкретных лиц (должностных или нет) на происходящие события, вследствие которых происходят негативные и даже катастрофические события и ситуации, в чем находит воплощение *негативное влияние* Человеческого фактора. Примером являются халатные действия персонала 26 апреля 1986 г. на четвертом реакторе Чернобыльской АЭС, которые привели к настоящей катастрофе. Также известно, что абсолютное большинство авиакатастроф произошло из-за ошибок экипажей в пилотировании самолетов.

Но имеются также и прецеденты *позитивного влияния* Человеческого фактора в экстремальных ситуациях. Так, 16 августа 2019 г. командир экипажа самолета А-321 герой России Дамир ЮСУПОВ совершил аварийную посадку борта на кукурузное поле в районе аэропорта «Жуковский», благодаря чему спас жизни 233 людей.

Примером *негативного (деструктивного) вмешательства Человеческого фактора на политику* является покушение на убийство 28 июня 1914 года (по старому стилю) эрцгерцога Франца Фердинанда, наследника австро-венгерского престола и его жены герцогини Софии Гогенберг в Сараево сербским гимназистом Гаврилой Принципом, в результате которого началась 1-я Мировая война (01.09.1914). Ну а примером, пожалуй, самого худшего влияния ЧФ на политику является «Большевистский переворот» в октябре 1917 г. (по старому стилю), в результате которого начались самые масштабные в XX веке системно-формационные сдвиги. На политической карте мира вместо Российской Империи появилась Советская Россия, усилиями которой уже после второй мировой войны возникли две конфликтовавшие мировые системы: социалистическая и капиталистическая. Хотя переворота могло бы и не произойти. Во всех этих событиях решающую роль сыграл Человеческий фактор, который не меньшую роль исполнил и в событиях, происходящих в настоящее время на Украине. Решающее влияние на события, развернувшиеся в 2014 г. на майдане независимости в Киеве оказал экс-президент Виктор Янукович, непрофессиональные и трусливые действия которого привели к его свержению и узурпации власти 22 февраля этого года радикалами бандеро-фашистского толка. Эти действия Януковича являются примером исключительно *деструктивного влияния* Человеческого фактора на политику, в результате чего кардинально изменились судьбы всего братского украинского народа и страны, от бывшего благополучия которой в настоящее время не осталось и следа.

Но, в последние годы были и есть примеры конструктивного или позитивного влияния Человеческого фактора на политические и другие события. Речь идет о грамотных действиях российского руководства по признанию права населения Крыма на воссоединение со своей исторической Родиной. В результате Крым вернулся в российскую «Гавань» и избежал геноцида со стороны преступного киевского режима. Сказанное в полной мере относится также и к роли Человеческого фактора в воссоединении Луганской и Донецкой народных республик, а также Запорожской и Херсонской областей с Российской Федерацией, влившихся в состав России в 2022 г. Напомним, что накануне этих событий Глава Российского государства по согласованию с Советом Безопасности и Федеральным Собранием РФ принял историческое решение о проведении Специальной войсковой операции (СВО). Началась масштабная демилитаризация и денацификация Украины, в ходе которых на стороне Киевского режима выступили США, Евросоюз и некоторые другие западные страны. Развернулась необъявленная глобальная война Коллективного Запада с Россией на всех фронтах: военно-техническом, финансово-экономическом,

политическом, информационно-пропагандистском и др. По сути, Коллективный Запад в настоящее время ведет против нашей страны необъявленную **Прокси-войну** (война по доверенности или на чужой территории руками местной власти). Подобные войны в XX и нынешнем веке глобальный гегемон (США) вел десятки раз, начиная с войн в Корее в 1953 г. и Вьетнаме в 1970-е годы, бомбежки Сербии в 1999 г., заканчивая войнами против Сирии, Ирака и других стран в десятые годы нынешнего столетия.

В результате осуществления СВО по воле В. В. Путина начала происходить смена генерального вектора эволюции всей современной эпохи, конфигурация которой начала трансформироваться из однополярной в многополюсную систему, в которой в будущем не будет места бесцеремонному диктату глобального гегемона (США) и коллективного запада в целом. Речь идет о том, что ныне запад не способен единолично управлять человечеством, но отчаянно пытается делать это. И в этом состоит главное противоречие новой эпохи, открывшейся после начала Специальной войсковой операции на Украине.

В связи с повышением военной активности западных стран на Украине Президент В. В. Путин 30 сентября подписал Указ о воссоединении Луганской и Донецкой народных республик, а также Запорожской и Херсонской областей с Российской Федерацией. 3 октября Государственная Дума, а 4 октября Совет Федерации единогласно одобрили президентские законопроекты и внесли соответствующие изменения в Конституцию РФ, в результате которых в России появилось четыре новых субъекта Федерации. Воссоединение с Россией произошло во исполнение волеизъявления населения этих регионов, выраженного на всенародном голосовании, проходившем в 23-27 сентября 2022 г., которое поставило точку на длительных усилиях руководства России путем переговоров с киевскими властями урегулировать конфликт последних с населением Донбасса. Окончательное воссоединение четырех регионов Новороссии с Россией состоялось 4 октября на заседании Совета Федерации, который одобрил договоры о вхождении в состав РФ четырех новых регионов и внес соответствующие поправки в Основной закон страны. Теперь они стали законными и полноценными составными частями единого Российского государства, территория которого является неприкосновенной и будет защищена всеми имеющимися у российских властей средствами, включая проведение антитеррористической операции против агрессивного киевского режима на территории новых субъектов Федерации. Это воссоединение не могло бы состояться в 1990-е годы при Президенте Б. Н. Ельцине, который в силу своих личностных особенностей не сделал ничего для сохранения исторических территорий России во время распада (демонтажа) Союзного государства. В этом выразилась совершенно очевидная **негативная роль** Человеческого фактора в проводимой им деструктивной политике на постсоветском пространстве.

Итак, в настоящее время в результате боестолкновений на Украине не только практически уничтожена вся военно-техническая инфраструктура, но и фантастических масштабов достигли потери украинской стороны, которые,

по оценкам экспертов, уже составили свыше 100 тысяч убитыми и порядка полумиллиона раненных и иных пострадавших. Экономика и социальная сфера Украины оказались в руинах. Численность беженцев в Европу превысила 5 миллионов человек, кроме того, около 2 миллионов человек переместилось в Россию. Как следствие по воле преступного киевского режима вполне благополучная страна была превращена Зеленским и его приспешниками фактически в настоящее пепелище. В который уже раз за последнее столетие по *злой воле безответственных политиканов* весь мир погрузился в глобальное столкновение коллективного запада и России, чреватое Мировой войной, в чем находит свое воплощение *деструктивное* влияние Человеческого фактора на политику. Подтверждением этому являются события, произошедшие в польской деревне Пшеводув на востоке страны в 6 километрах к западу от границы с Украиной вечером 15 ноября 2022 г. Речь идет о «падении» двух украинских ракет на территорию этой деревни, выпущенных из РСЗО С-300 из местечка Каменска-Бугская под г. Львовом. В результате этого были уничтожены трактор с прицепом, убиты два гражданина Польши и несколько человек получили ранения. Зеленский сразу же попытался использовать этот инцидент для обвинения России в обстреле страны-члена НАТО и потребовал дать «достойный военный ответ агрессору». Тем самым весь мир стал свидетелем зловещей попытки Зеленского втянуть весь Северно-Атлантический Альянс в смертоносную бойню.

В сложившихся условиях в полной мере раскрылся политический талант и лидерские качества В.В. Путина, сумевшего консолидировать российское общество и организовать отпор действиям глобального гегемона (США) и Коллективного Запада в целом. Вместе с тем в этом историческом воссоединении народов России воплотилось *позитивное* влияние Человеческого фактора на политику, выразившееся в решающей роли волевой личности В.П. Путина в организации такого масштабного исторического события.

Источники:

1. Путин В. В. Доклад на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2022 г. URL: ru.valdaiclub.org

V. P. Miletskiy (Saint Petersburg State University; Associate Professor, Saint Petersburg State Electrotechnical University LETI);

D. N. Cherezov (Northwest Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

THE HUMAN FACTOR IN THE REUNIFICATION OF NOVOROSSIYA WITH RUSSIA

This article examines the examples of both constructive and destructive influence of the human factor on political events. The actions taken by the Russian

government to recognise the right of Crimean people to reunite with their historic homeland after the coup d'état in Ukraine in 2014 can be considered as an example of constructive effects from human-generated interference with political events. The military aggression by Kiev, supported by the political leaders of Western countries, against the Donetsk and Lugansk People's Republics (LDPR) established in April 2014 is a vivid example of destructive effects from human-generated interference with the real policy. The reunification of the LDNR, Zaporozhye and Kherson regions with the Russian Federation demonstrates constructive effects from human-generated interference with the policy, expressed in the critical role of Vladimir Putin, a man of character, in the organisation of this large-scale historical event.

Human factor, Crimea, Lugansk People's Republic, Donetsk People's Republic, reunification, recognition

УДК 316.624

И. В. Мосин (*Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации*, e-mail: anz66@mail.ru)

ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье исследуется девиантное поведение молодежи в современной России, прослеживается динамика развития таких его форм как преступность, наркомания, алкоголизм в период с 2000-2019 гг. Выявлено, что в условиях нестабильности развития общества резко возрастают процессы девиации молодых людей.

Девиантное поведение, молодежь, преступность, наркомания, алкоголизм.

В настоящее время, одной из самых серьезных проблем, является проблема отклоняющегося поведения молодежи. Данная проблема имеет серьезное общественное значение, так как больше всего девиантному поведению подвержены подростки и молодежь. Отклоняющееся поведение у молодых людей проявляется в жестокости, повышенной агрессии, воровстве, хулиганстве, проституции, наркомании, алкоголизме и др. Число молодежи с отклоняющимся от норм поведением постоянно увеличивается в связи с социально-экономическими изменениями в стране, падением уровня жизни во многих семьях, ослаблением социальных институтов, призванных заниматься воспитанием детей [1, С. 80].

Сегодня молодежная девиация – это прямое следствие разрушенной в 1990-е гг. системы воспитания подрастающих поколений. Разнообразие социальных норм, стимулируемое тезисами о свободе самовыражения и реализации прав личности, о толерантности к девиациям привело к дезориентации несовершеннолетних и их родителей по вопросам социально одобряемого поведения. С одной стороны, в молодежной среде наблюдается высокий уровень криминогенности, с другой – девиации молодых людей выражаются не только в форме правонарушений, но главным образом в форме противостояния нормам и ценностям, образу жизни предыдущих поколений [2].

Современное делинквентное поведение молодежи утрачивает признаки детского озорства, спонтанности, возрастной незрелости. Несовершеннолетние правонарушители все больше характеризуются устойчивыми негативными взглядами и установками, что обеспечивает им выживание в сложных социальных условиях. Подростки все активнее обращаются к алкоголю, наркотикам, вступают в половые связи, легко поддаются криминальному вли-

нию, вовлекаются в сферу «взрослой», особенно организованной преступности. Осознание ограниченности своих ресурсов вызывает у несовершеннолетних состояние отчужденности. В результате у них формируются соответствующие принципы собственного отношения к реальности: стремление уйти, защитить себя от реальности, отстраниться от такой, как у других, жизни [2].

В настоящее время усилилось влияние гедонистического мировоззрения. Для большинства молодых людей гедонистические устремления (стремление к наслаждению) – главная жизненная цель, реализация которой может привести и приводит к любой форме девиантного поведения [3, С. 144]. Часто склонность к риску является необходимым элементом девиантной субкультуры. Молодежь в «гедонистическом риске» получает сильные ощущения, переживания, возникающие в момент опасности. Для этого требуется всего лишь найти или специально создать ситуацию, угрожающую безопасности или самооценке. «Гедонистический риск» может участвовать в формировании таких форм поведения, как драки, оскорбление, провоцирование окружающих, азартные игры, отдельные формы вандализма, безжалостные действия (в том числе по отношению к животным), кражи и новые формы агрессии.

Девиантное поведение, сопровождающееся риском, способствует самоактуализации, самореализации и самоутверждению личности. Последнее, скорее всего, объясняет желание подростка ответить на вызов быстро меняющейся социальной реальности ненормативным поведением.

В настоящее время широкое распространение получил особый термин для обозначения современной молодежи – «поколение жесть» [4]. «Жесть» на молодежном жаргоне означает «замечательно» или «круто», но на самом деле является производным от слова «жестокость». Для этого поколения жестокость не только является нормой поведения, но и оценивается его представителями как достоинство. Его представители характеризуются повышенной агрессивностью, конфликтностью, их жестокость в прямом смысле выплескивается наружу – особенно в среде себе подобных, когда они объединяются в группы («сбиваются в стаи»).

Проследим динамику развития девиантного поведения несовершеннолетних, таких его форм как преступность, наркомания, алкоголизм в период с 2000-2019 гг.

Анализ основных показателей преступности несовершеннолетних в России за период 2000–2010 гг. показал, что наибольшее количество преступлений несовершеннолетних было в 2000 г. и составило 195 426. В дальнейшем прослеживается позитивная тенденция – меньше всего преступлений несовершеннолетние совершили в 2010 г. По сравнению с 2000 г., в 2010 г. количество преступлений уменьшилось на 116 878.

В период с 2011–2019 гг. самое большое количество подростковых преступлений приходится на 2011 г. Затем отмечается устойчивое снижение показателей вплоть до 2019 г. В 2019 г. число зарегистрированных преступлений составило 51 578, что на 20 331 преступлений меньше.

Таким образом, по сравнению с 2000 г. количество преступлений в 2019 г. уменьшилось почти на 143 848. Это, несомненно, положительная динамика. Пик приходится на 2000 г. [5].

Рассмотрим показатели подростковой наркомании в период с 2000 по 2010 гг. Было выявлено, что в 2002 году наркотики употребляли 201 221 подростка. В 2004 году этот показатель снизился до – 181 205, а начиная с 2006 – 184 321, 2007 – 188 432 начал вновь увеличиваться. К 2009 году наметилась тенденция к снижению и составила – 180 126 подростка. По сравнению с 2000 г., в 2010 г. количество подростков, употребляющих наркотики уменьшилось на 40 119 человек.

Показатели употребления наркотиков молодежью за период с 2011 по 2019 гг. В 2011 году наркотики употребили 150 523 молодых людей. В 2015 г. мы видим существенное повышение показателей до 198 248. И только к 2018 г. мы наблюдаем резкое снижение до 33 672, что на 116 851 меньше чем в 2011 г.

Таким образом, по сравнению с 2000 г. число подростков, употребляющих наркотики в 2019 г. уменьшилось на 167 549 человек. Это бесспорно хороший результат. Пик приходится на 2014 г. (210 364) [6].

Рассмотрим, как развивался подростковый алкоголизм, в период с 2000 по 2010 гг. Основные показатели употребления алкогольных напитков среди подростков в России за период 2000-2010 гг. составили в:

2000 – 17 728 чел.

2002 – 21 562 чел.

2004 – 23 774 чел.

2006 – 16 782 чел.

2008 – 14 320 чел.

2010 – 18 235 чел.

Отсюда, больше всего подростки употребляли алкоголь в 2004 г. Затем отмечается устойчивое снижение показателей вплоть до 2010 г. В 2010 г. число подростков, употребляющих алкоголь составило 18 235, что на 5 539 меньше по сравнению с 2004 годом.

В период с 2011-2019 гг. показатели заболеваемости алкоголизмом среди подростков в России за период с 2011 по 2019 гг. составили:

2011 – 21 521 чел.

2013 – 26 758 чел.

2015 – 24 963 чел.

2017 – 29 802 чел.

2019 – 35 806 чел.

Динамика развития подросткового алкоголизма такова. Чаще всего подростки употребляли алкоголь в 2019 г., с 2011 г. замечена тенденция к увеличению подростков, употребляющих алкоголь. Так, по сравнению с 2011 г., к 2019 г. подростков, употребляющих алкоголь стало больше на 14 285.

Поэтому можно сделать вывод, что по сравнению с 2000 г., количество, употребляющих алкоголь подростков увеличилось почти на 18 078, что дает нам

право сказать об отрицательной динамике. Пик приходится на 2019 г. [7, С. 35–36].

Таким образом, подводя итоги можно утверждать, что нынешняя молодежь введет более здоровый образ жизни, снижается рост преступности, наркомании, девиантного поведения в целом, хотя не все так гладко, как хотелось бы. Из данных исследовательской работы мы видим, что подростки стали больше употреблять алкоголь.

В результате исследования проблем подростковой девиации было выявлено, что в условиях нестабильности развития общества резко возрастают процессы дезадаптации детей и подростков, которые способствуют ранней алкоголизации и наркомании молодежи, увеличению беспризорности и преступности несовершеннолетних.

Источники:

1. Сорокин О. В. Образцы девиантного поведения в социальной реальности молодежи // Мат-лы X межд. социологической Грушинской конференции «Жить в России. Жить в мире. Социология повседневности», 20 мая – 14 ноября 2020 г. / отв. ред. А.В. Кулешова. М.: ВЦИОМ, 2020. С. 78–82.

2. Позднякова М. Е. Особенности девиантного поведения современной российской молодежи: на пути криминализации и десоциализации [Электронный ресурс] // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-deviantnogo-povedeniya-sovremennoy-rossiyskoj-molodezhi-na-puti-kriminalizatsii-desotsializatsii> (дата обращения: 18.01.2023).

3. Позднякова М. Е. На пути к преступлению: девиантное поведение подростков и риски взросления в современной России (опыт социологического исследования) / М. Е. Позднякова, Т. А. Хагуров и др. / под ред. М. Е. Поздняковой. Краснодар: Кубанский гос. ун-т; М.: Институт социологии РАН, 2012.

4. Сандомирский М. Поколение Z – те, кто будет после 2011 [Электронный ресурс] // Блог о социальной психологии малых групп, поведенческой экономике, манипуляциях и деструктивном поведении «Социальная психология в действии». URL: <http://www.felicidad.ru/2011/07/z.html> (дата обращения: 18.01.2022).

5. Демидова-Петрова Е. В. Исследование преступности несовершеннолетних в современной России // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-prestupnosti-nesovershennoletnihv-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 15.01.2023).

6. Наркозависимость в России: мониторинг [Электронный ресурс] / Аналитический обзор 10 февраля 2022 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/narkozavisimost-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 15.01.2023).

7. Фомина Н. А. Исследование алкогольных установок у современных подростков / Н. А. Фомина, В. Б. Орлов // Прикладная юридическая психология. 2018. № 1 (42). С. 32–40.

I. V. Mosin (Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation)

RESEARCH OF DEVIANT BEHAVIOR OF YOUTH IN MODERN RUSSIA

The article examines the deviant behavior of young people in modern Russia, traces the dynamics of the development of such forms as crime, drug addiction, alcoholism in the period from 2000-2019. It is revealed that in conditions of instability of the development of society, the processes of deviation of young people sharply increase.

Deviant behavior, youth, crime, drug addiction, alcoholism

УДК 174

Л. С. Московчук (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: lsmoskovchuk@etu.ru)

БУДУЩЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: PRO И CONTRA

В статье рассматривается влияние современной массовой культуры и современных технологий на формирование моральной компетентности. Проанализированы вызовы, которые формирует цифровая цивилизация перед профессиональными сообществами. Предложены рекомендации по модернизации преподавания профессиональной этики (на примере подготовки будущих специалистов в области рекламы и PR)

Профессиональная этика, прикладная этика, этика рекламы и PR, позитивная этика

Последние годы ознаменовались осязаемым скачком в развитии искусственного интеллекта и внедрении его в широкую практику. Чат-бот ChatGPT от компании «OpenAI» способен решать школьные задачи, писать эссе и успешно сдавать экзамены. «Text-to-image» нейросеть Midjourney может создавать графические изображения, мало чем уступающие по качеству работам начинающих иллюстраторов. Технология «Deep fake» позволяет генерировать реалистичные лица и синтезировать голоса, что может быть использовано как для создания и распространения сфабрикованной информации, так и для удешевления производства видео и аудиоматериалов. Этот ряд примеров можно продолжать долго, и уже мало сомнений в том, что развитие цифровых технологий на этом остановится.

Как указывают В. Ю. Перов и В. В. Головков, «цифровые технологии побуждают пересматривать такие этические понятия как: моральный агент, который не обязательно должен быть даже живым; ответственность, которая перестает мыслиться как исключительно причинность и виновность субъекта действия; доверие, которое становится одним из главных факторов моральной легитимности; идеалы достоинства и автономии личности в контексте использования персональных данных как инструмента технологического прогресса» [1]. Такая трансформация порождает сложные вопросы о изменении статуса профессионала и о необходимости существования профессиональной этики. Кто будет определять границы этически допустимого в задании заказчика, если он прибегает к помощи нейросетей в его реализации? Кто будет нести ответственность за нарушение норм профессиональной этики?

Четыре тысячи людей получили психологическую терапевтическую помощь от чат-бота GPT-3 компании «Коко», не догадываясь, что они общаются

с «неживым» специалистом [2] Использование таких сгенерированных ответов позволяет любому человеку без специального образования и понимания моральной ответственности за последствия своих действий осуществлять консультативную помощь. Более того, отсутствие четких профессиональных моральных ориентиров позволит обходить существующие этические запреты, запаздывающие за темпами технического прогресса.

Работа со студентами второго и третьего курсов в рамках обучения дисциплинам «Этическое регулирование связей с общественностью и рекламы» и «Академическая этика» показывает недостаточную сформированность этической компетентности. Студенты затрудняются в этической оценке пограничных ситуаций, когда не присутствует прямое нарушение закона, а также склонны оправдывать эффективные и/или эффектные решения, нарушающие при этом общепринятые нормы морали. В частности, эстетическая составляющая рекламы оказывается важнее этической, что показывает полную утрату актуальности принципа калокагатии. При этом по силе возможного воздействия на общественное сознание современная реклама и массовые коммуникации практически безграничны, учитывая существующие технологии и инструменты. Именно поэтому вопрос хорошего исполнения хорошей работы хорошими людьми так актуально стоит в сфере рекламы и СО.

Подход к обучению, характерный для так называемой «негативной» этики, когда акцент ставится на негативные санкции, представляется недостаточно эффективным, с точки зрения формирования этической компетентности, так как он ориентирован на избегание и минимизацию этических рисков. Этого достаточно, если мы действуем в условиях моральной определенности и однозначности, но в условиях размытого морального согласия или отсутствия четкой и однозначной моральной регламентации, этот подход недостаточно работоспособен, так как отсутствие четких правил и санкций позволит обосновать не лучшее, с моральной точки зрения, решение, а также не поможет минимизировать непреднамеренный вред.

Наиболее показателен в этом вопросе опыт профессионального сообщества американских психологов. Начиная с 2019 ведется масштабная коллективная работа представителями профессионального сообщества по переработке этического кодекса АРА (American Psychological Association). Три цели, которые преследуются в результате такой работы: придание кодексу трансформационного потенциала, чтобы он работал на опережение технического прогресса и появления новых рисков; направленность на уважение социокультурных традиций; создание фундаментального ресурса по этике для психологической науки, образования и практика [3]. По мнению профессионального сообщества, только такой подход позволит сформировать этическую компетентность, опережающую реальную практику, и позволит кодексу давать рекомендации по технологическим инновациям, которые еще даже не изобретены.

Аналогичный подход к разработке этической кодификации и последующему обучению можно было бы рекомендовать и для сферы рекламы и PR, так

как эта сфера стремительно развивается и зачастую оценка применяемых новых инструментов, технологий и конкретной практики оказывается ретроспективной, то есть формируется только после того, как какое-то поведение становится распространённым. Такая ретроспективность негативно влияет на отрасль, создавая опасные прецеденты и ухудшая имидж в глазах общественности.

Для реализации такого опережающего и готового к трансформациям подхода в обучении все чаще используется «позитивная» этика, которая опирается на этическую аккультурацию для улучшения процессов принятия этических решений и повышения желаемых этических результатов. По мнению Handelsman M. M. и др., становление профессионалом похоже на адаптацию к другой культуре [4], а такое становление невозможно без активного размышления и решений, насколько их собственная мораль может быть адаптирована к их растущим знаниям и пониманию профессиональной этической культуры.

Такой подход позволяет защититься от излишнего акцента на наказаниях и дисциплинарных механизмах и дает возможность развивать профессиональные и личные ценности, что «защило бы от стремления делать минимум, необходимый для соответствия профессиональным стандартам» и побудило бы профессионала делать свою работу наилучшим образом из возможных [5, Р. 196]. Главная задача смещения акцента с наказания на формирование этических установок-доминант – обозначить принципиальную разницу между этикой, понимаемой как список правил, и этикой, понимаемой как совершенствование и развитие, иными словами: этика – не стена запретов, а лестница совершенства. Эта точка зрения требует от профессионала увязывать свои решения и поведение с более широкими и всеобъемлющими этическими принципами, отвечая на вопрос: «Что можно в этой ситуации сделать лучше?», а не констатирует требования социума или профессионального сообщества. Благодаря этому происходит переход в поведении от этического минимума к всеобъемлющему этическому принципу благодеяния и максимальной реализации профессиональных ценностей.

Современные цифровые технологии (дипфейк, инструменты рекомендаций, нативная реклама и т. д.) в ненадежных руках представляют серьезную опасность для общественного блага, несмотря на все выгоды, которые они сулят. Поэтому реализация принципа: «хорошая работа хорошими людьми» – невозможна без этизации профессии. Так как отсутствие, на настоящий момент, алгоритмизации и конкретизации принятия этического решения оставляет моральный выбор прерогативой субъекта, а не машины, то особое внимание должно уделяться подготовке будущих специалистов. Именно эти люди смогут, например, указать на опасности использования некорректных данных для обучения искусственного интеллекта, и смогут правильно, с этической точки зрения, благодаря моральной чувствительности (осознанию того, как наши действия влияют на других людей) подготовить эти данные для их дальнейшего использования. Базой для этизации профессиональной сферы должна стать органичная интеграция личной этики с профессиональными ценностями.

Источники:

1. Перов В. Ю., Головков В. В. Прикладная этика: «цифровое» переосмысление // Ведомости прикладной этики. 2022. № 60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prikladnaya-etika-tsifrovoye-pereosmyslenie> (дата обращения: 20.01.2023).

2. Benj Edwards. Controversy erupts over non-consensual AI mental health experiment. URL: <https://arstechnica.com/information-technology/2023/01/controversy-erupts-over-non-consensual-ai-mental-health-experiment> (дата обращения: 20.01.2023).

3. The Society for the Advancement of Psychotherapy: Revisions to our Ethics Code. URL: <https://societyforpsychotherapy.org/revisions-to-our-ethics-code> (дата обращения: 20.01.2023)

4. Handelsman M. M., Gottlieb M. C., & Knapp S. Training ethical psychologists: An acculturation model. *Professional Psychology: Research and Practice*. 2005. №36. P. 59–65.

5. Knapp S., Gottlieb M. C., Handelsman M. M. The Benefits of Adopting a Positive Perspective in Ethics Education // *Training and Education in Professional Psychology*. 2018. Vol. 12. No. 3. P. 196–202. DOI: <http://dx.doi.org/10.1037/tep0000195>

L. S. Moskovchuk (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

***THE FUTURE OF PROFESSIONAL ETHICS IN THE DIGITAL AGE:
PRO AND CONTRA***

The article examines the influence of modern mass culture and modern technologies on the formation of moral competence. The challenges that digital civilization poses to professional communities are analyzed. Recommendations on the modernization of teaching professional ethics are proposed (on the example of training future specialists in the field of advertising and PR).

Professional ethics, applied ethics, ethics of advertising and PR, positive ethics

УДК 130.2, 101.1:316

Е. И. Наумова (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: naumova11@inbox.ru)

БЕССМЫСЛЕННАЯ РАБОТА В НЕОЛИБЕРАЛЬНОМ КАПИТАЛИЗМЕ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

(При поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ)

«Суверенность и суверенитет: логика и антиномии глобальной цивилизации», №22-28-00779. Руководитель: Соколов А.М., 2022–2023.)

Статья представляет собой исследование в области философии и социологии труда. За отправную точку исследования берется положение антрополога Д. Гребера о том, что неолиберальный капитализм породил такой феномен как «бредовая» работа. Гребер предлагает следующую классификацию бредовых работ: шестерки, головорезы, костыльщики, галочники, надсмотрщики, также вводится в оборот понятие «менеджерский феодализм».

Бредовая работа, Гребер, неолиберализм, капитализм, безусловный базовый доход

Феномен бредовой или бесполезной работы в 2013 году для нас открыл известный американский антрополог Дэвид Гребер в своём эссе, ставшим вирусным, с говорящим названием «Bullshit jobs» [1]. Его короткий текст получил широкий резонанс в мировых СМИ, а также напрямую задел руководителей и представителей тех отраслей, которые, по словам Гребера, предлагают заниматься бредовой работой, более того, готовы платить за это немалые деньги. К ряду бредовых работ антрополог отнес, например, HR-консультантов, координаторов коммуникаций, сотрудников PR-отделов, финансовых стратегов, корпоративных юристов и т. д. Текст вызвал не только бурную полемику и дискуссию, но и положил начало научным исследованиям в направлении социологии труда. Цифры результатов данных исследований превзошли даже самые смелые ожидания. Известное агенство YouGov провело опрос работающих британцев, используя следующую формулировку вопроса: «Приносит ли ваша работа какую-нибудь пользу миру?». Так 37% респондентов ответили «нет», 30% респондентов – затруднились с ответом, и только 50% – ответили «да». Подобный опрос в Голландии показал цифру чуть выше 40% – эти респонденты считают свою работу бесполезной и сомневаются в том, должна ли она существовать в принципе [2, С. 27].

Для начала, давайте обратимся к определению бредовой работы, которое дает Гребер: бредовая работа – это работа, в основном и целиком состоящая из задач, которые сам работник считает бессмысленными, ненужными или даже вредными. Это работа, про которую сам работники думают, что она не должна

существовать, но вынуждены делать вид, что это не так [2, С. 41]. Важным критерием в определении степени бесполезности работы является субъективный фактор. Если сам работник считает свою работу бессмысленной, тогда она таковой действительно является. Это принципиальная позиция Гребера, указывающая на то, что объективно оценить «бредовость» работы довольно сложно.

Из вирусного эссе Гребера выросли не только ряд научных исследований, но и книга на тему бредовой работы, ключевая мысль которой заключается в том, что несмотря на основной закон развития рынка под названием «мини-макс» (минимизация издержек, максимизация прибыли), современная экономика может себе позволить безгранично множить штат сотрудников, которым готова платить солидные зарплаты за ничегонеделание. Более того, исследователь выявил следующую закономерность: чем более бредовая и бесполезная работа, тем выше у сотрудника зарплата. При том, чем более осмысленным трудом человек занимается и чем выше уровень общественно-полезной ценности от результатов его труда, тем меньше его зарплата. По замечанию исследователя, разрастание сферы бредовых работ наблюдается не только в государственном секторе. Бессмысленная кафкианская бюрократия, устройство которой знакомо нам всем, дает о себе знать и в частном секторе, это касается фирм, предприятий и корпораций. Помимо разрастания пула бредовых работ автор подчеркивает тенденцию бредовизации работы – это когда в нужную, полезную и осмысленную работу внедряются бредовые механизмы, призванные ее сделать более эффективной, а на деле они лишь усложняют процесс труда и препятствуют достижению нужного результата.

В своем исследовании Гребер вводит такое понятие как *менеджериаальный феодализм*, оно описывает современное устройство рынка труда. Менеджериаализм наследует структуру иерархических социальных отношений времен феодализма с переносом их в область трудовых/корпоративных отношений, где иерархия ради иерархии становится основой организационной структуры предприятий, фирм и компаний. В рамках такой структурной модели описания рынка труда Гребер выделяет пять типов бредовых работ [2, С. 65–104]:

Шестерки – такие типы работ существуют для того, чтобы начальство чувствовало себя важным. Широкий пул секретарей, личных помощников, консультантов, так называемых «феодалных слуг», которым даются мелкие, незначительные задачи для выполнения, для создания эффекта значимости, важности руководящего состава или в целом для поддержания «имиджа» компании.

Головорезы – это такие типы работ, в которых присутствует элемент агрессии или обмана. Здесь мы можем говорить о лоббистах, агентах по телефонным продажам, коллекторах, PR-специалистах, корпоративных юристах и т. п. По сути, это должности, необходимые для осуществления разного рода «стратегических коммуникаций», чтобы это не значило.

Костыльщики – это такие типа занятости, где работа существует только из-за сбоя или ошибки в организации, они решают проблемы, которые не

должны возникать, если всё работает исправно. Это могут быть it-специалисты, корректоры, редакторы и в целом широкий пул рядовых сотрудников, исправляющих сбои или огрехи в работе других.

Галочки – так называемая работа «для галочки», это должности, которые существуют исключительно и преимущественно для того, чтобы организация могла утверждать, что она занимается тем, чем на самом деле занимается. Например, регистраторы, администраторы и большинство должностей из индустрии корпоративного комплаенса (от англ. compliance – соответствие нормам и правилам).

Надсмотрщики – это пул должностей руководящего характера, который носит чисто фиктивный характер, так называемые «ненужные начальники», работа которых не несет в себе никакого функционального смысла. Примеры таких должностей: генеральный директор, главный операционный директор, главный финансовый директор, главный директор по маркетингу и т. п.

Ключевой проблемой, по мнению Гребера, оказывается то, что бредовая работа оказывается невидима для общества. Не существует движений, выступающих против бредовой работы. В целом, большинство людей не считают распространение бредовой работы проблемой. Гребер в своем исследовании предлагает решение данной проблемы через введение базового дохода (англ. Universal Basic Income). Очевидно, что идея ББД не является новой, и не Гребером придумана. ББД – это не просто вариант системы социального обеспечения, это политический императив создания новой системы распределения национальных богатств. Политическая подоплека ББД неоднозначна: он может пониматься как в «радикально демократической», так и в либертарианской перспективе. Кроме того, ББД закономерно ассоциируется с социалистическим движением. ББД часто определяют как капиталистический путь к коммунизму.

Эпидемия коронавируса и пандемия показали, что самые полезные и нужные профессии – это врачи, учителя и преподаватели. Две ключевых отрасли, которые имеют значимость для жизни общества, здравоохранение и образование, держатся на реальной работе этих людей. Печально, что только чрезвычайная ситуация оказалась лакмусовой бумажкой для того, чтобы среди множества важных профессий, как-то банкир, менеджер, hr-специалист, pr-директор, мы наконец поняли, что нам нужен врач, готовый спасти наши жизни, а нашим детям учитель и преподаватель, готовый обеспечить непрерывность образовательного процесса. Не было ли в нашей жизни ситуации, когда наши мечты стать музыкантами (звездами), поэтами, писателями, художниками, космонавтами, учеными, изобретателями, инженерами, врачами, учителями, архитекторами, священниками, археологами, генетиками, антропологами были на корню задушены фразой: «За это мало платят, будешь всю жизнь влачить жалкое существование, так что поступай на нефтегазовое дело или на юридический на худой конец». Или быть может вы начали писать картину или книгу, или у вас была своя музыкальная банда или амбиции поэта, или желание стать предпринимателем, а быть может и президентом – но вы все это забросили, потому что

нужно было на что-то жить, кормить детей, копить на ипотеку. Быть может когда-то в жизни вы сделали выбор между любимым занятием и нелюбимой работой ради денег, прошло время, и вы поняли, что то, чем вы занимаетесь – это полный бред, который никому не нужен и не имеет никакой ценности?

Мы становимся рекламщиками, пиарщиками, арт-менеджерами, IR-специалистами (invest relations), GR-менеджерами (government relations), менеджерами по продажам, копирайтерами, турагентами, системными администраторами, продюсерами в сфере Fashion, хостес, трекерами, рекрутерами, спичрайтерами, страховыми агентами, разработчиками чат-ботов, гейм-аналитиками, дизайнерами мобильных приложений, лоббистами, финансовыми координаторами проектов, валютными трейдерами, операторами call-центров, ипотечными брокерами, экспертами по оценке собственности, чиновниками и т. п., но считаем ли мы в глубине души, что наша работа имеет общественно-полезную ценность и действительно нужна людям?

Источники:

1. Graeber D. On the Phenomenon of Bullshit Jobs. Strike! Magazine. 2013. URL: <http://gesd.free.fr/graeber13.pdf> (дата обращения 5.10.2022)
2. Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ад Маргинем ПресС. 2020.
3. Naumova E. I., Sokolov E. G., Bondarev V.G. The phenomenon of bullshit jobs. Was there any useless work in the USSR? (Феномен бредовых работ. Существовала ли бредовая работа в СССР?). Конфликтология, № 3 (Т.17). 2022. С. 28–36

E. I. Naumova (Saint-Petersburg State University)

PHENOMENON OF BULLSHIT JOBS IN NEOLIBERAL CAPITALISM IN THE ERA OF DIGITAL CIVILIZATION

(Article was prepared with the support of Russian Scientific Foundation (FSF) grant «Sovereignty and sovereign: logic and antinomies of global civilization», №22-28-00779. Head: Sokolov A.M., 2022–2023.)

The article is about the research in the field of philosophy and sociology of labor. The main point of the research is the concept of anthropologist D. Graeber about the phenomenon of «bullshit» jobs as the result of neoliberal capitalism development. Graeber proposes the classification of bullshit jobs: flunkies, cutthroats, crutches, tick marks, supervisors. It was introduced the notion «managerial feudalism».

Bullshits job, Graeber, neoliberalism, capitalism, Universal Basic Income

УДК 303.022:569.634

В. Н. Номоконов (*независимый исследователь*, e-mail: nomok@mail.ru)

О БУДУЩЕМ РОССИИ И МИРА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ МИРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Описаны некоторые негативные черты новой мировой реальности и причины их возникновения. Рассмотрен характер исторического развития человечества от его коллективного детства до нынешнего перехода в зрелое состояние. Сделан вывод о том, что для выхода из создавшегося кризисного состояния общества следует материальную цивилизацию дополнить духовной и осуществить объединение народов во всемирную федерацию.

Новый мировой порядок, общемировая федерация, духовное возрождение.

Черты новой мировой реальности

Характерной чертой является высокий уровень конфликтности в современном мире. В первую очередь здесь следует упомянуть Специальную военную операцию (СВО), которая началась 24 февраля 2022 года и все еще продолжается, причем срок ее окончания не определен. С тех пор, по опубликованным данным, из Украины в соседние страны прибыли около 17,4 миллионов человек, из которых около 9,4 миллиона позже пересекли границу Украины в обратном направлении. Отметим также, что в Россию с территорий Украины и Донбасса прибыли более 5,1 млн беженцев. Далее следует Польша (1,5 миллиона человек), Германия (около 1 миллиона) и ряд других европейских стран. В настоящее время Украине оказывают военную и иную помощь 23 страны мира, включая США, Канаду, Германию, Великобританию, Францию, Испанию, Израиль и даже централизованные структуры Евросоюза. Таким образом этот, как казалось локальный, конфликт приобрел весьма значительный, почти общемировой, масштаб.

Какие же силы стоят за этим конфликтом, кто его готовил и в итоге спровоцировал? Это сделали те, кто претендует на верховенство в целом мире. Действительно, миром управляют не правительства США и других супердержав, не «большая семерка» развитых стран, не ООН и не подобные международные структуры, а группа сверхбогатых банкиров и промышленников (тайный олигархат), фамилии которых не упоминаются в списках журнала Форбс и состояния которых исчисляются триллионами долларов. Они стремятся к проведению такой глобализации, которая позволила бы им установить над всем миром власть единого авторитарного правительства (при главенстве правительства США), которое придет на смену суверенным национальным государствам. Они выдвинули концепцию «золотого миллиарда» в качестве будущего человечества, объявляя «лишними» массы людей на всех континентах и

обрекая их на уничтожение. С этой целью они реализуют испытанный принцип «разделяй и властвуй», используя для этого резного рода секретные организации (типа Бильдербергского клуба, Римского клуба, Совета по международным отношениям), которые тайно проводят свои заседания, определяя на них судьбы мира и народов. Наконец, им служит наднациональное Тайное мировое правительство (ТМП), которое в своей деятельности дополняет упомянутый принцип «разделяй и властвуй» глаголами «развращай», «растлевай», «дезинформируй» и, наконец, «расчеловечивай» [1, С. 31].

Необходимо отметить, что этот тайный олигархат и сформированное им ТМП стремятся в ходе глобализации установить угодный им «Новый мировой порядок», который, в случае его установления, окажется бедственным для большинства населения мира. Поэтому создание его необходимо предотвратить установлением подлинно благотворного Нового мирового порядка (НМП), о котором речь пойдет ниже.

Характер исторического развития человечества

Исторический опыт показывает, что человечество в свое время проходило стадии коллективного детства (с его верой в мифы, предания), затем младенчества (с его необразованностью, когда Иисус Христос имел последователями пастухов и неграмотных рыболовов), юности (с ее бурным ростом материального и опорой на силу), а в наше беспрецедентное переходное время человечество вступает в стадию зрелости, когда решение спорных вопросов силой заменяется переговорным процессом и людям жизненно необходимо подняться на более высокий духовный уровень и проявлять ответственность за свои действия. То, что было применимо к потребностям человечества в пору ранней его истории, не отвечает требованиям нашего времени, периода новизны и совершенства, когда человечество вышло из прежнего состояния ограниченности и ученичества.

Параллельно с этим процессом своего исторического развития человечество осваивало все более высокие степени объединения: семья, племя, союз племен, город-государство, государство и в наше время – союзы государств. Хорошим примером существующего союза государств может служить Европейский союз (ЕС) – экономическое, политическое и военное объединение 27 европейских государств, созданное в 1993 году и нацеленное на региональную интеграцию. Достигнутая степень единства союзных государств способствует подъему их экономики, обеспечивает свободную торговлю товарами, интеграцию трудовых ресурсов и, главное, предотвращает войны между государствами внутри союза.

О критериях долговечности человеческих объединений

Предваряя описание процесса предстоящего объединения человечества, рассмотрим многократно апробированные историей критерии прочности и долговечности союзов и объединений. В нашем мире существуют непрелож-

ные духовные законы. Анализируя причины несостоятельности существующего порядка вещей, обратим внимание на следующие три закона, которые четко сформулированы в Писаниях:

если некая структура не была установлена или благословлена Всевышним Творцом (Богом), то она искоренится (в установленный Им срок) (см. Мф. 15:13);

если человек утвердил некую структуру не на скальном основании Божьего Слова, а на песке собственных измышлений и предпочтений, то под натиском испытаний она непременно падет (см. Мф. 7:26);

если некая структура разделится сама в себе, то она не устоит (см. Лк. 11:17).

Непредвзятое рассмотрение многочисленных фактов, взятых из истории общества, позволяет сделать вывод о том, что правильный и своевременный учет приведенных выше законов позволил бы человечеству избежать многих (зачастую трагических) ошибок и избавил бы его от безнадежных проб и горьких разочарований. Например, Советский Союз, «сплоченный навек», был обречен и просуществовал лишь 70 лет – думающим людям это было ясно заранее.

Цивилизации духа дополнит цивилизацию материальную

В наш век, когда благотворные результаты единства и пагубные результаты разобщенности вполне очевидны, появились пути и средства для установления единства человеческого рода, поскольку сердца людские склоняются к примирению и единению и разум все более приемлет идею объединения всего человечества. Как бы далеко ни зашло развитие материальной цивилизации, достигнуть совершенства становится возможным лишь при развитии цивилизации духа.

К настоящему времени материалистическая парадигма, около двух веков доминировавшая в науке и общественных отношениях и обеспечившая огромный прогресс в области техники и быта, исчерпала свой позитивный, творческий потенциал и не позволяет, по современным критериям, получать достаточно полную и адекватную картину мира. Действительно, если, как однозначно утверждалось, «в мире не существует ничего, кроме движущейся материи», то конечным и даже императивным выводом становился лозунг «приобретай как можно больше вещей из материального мира, поскольку только так ты можешь проявить себя и самоутвердиться. Отсюда, с неизбежностью, обретают силу зловредные принципы «бери от жизни все» и «цель оправдывает средства».

О грядущем всемирном содружестве народов

Мы живем в переломное время, катаклизмы которого говорят как о предсмертных судорогах старого мирового порядка, так и о родовых схватках, ведущих к новому, благодатному миропорядку. Приведем известное описание того всемирного содружества народов, которое реализует единство человеческого рода и которое непременно будет создано, причем уже в обозримом будущем. [2, С. 88].

«Это будет всемирное содружество, в котором все народы, расы, верования и классы будут тесно и навсегда объединены и в котором будет прочно и определенно гарантирована автономия входящих в его состав стран, а также личная свобода и инициатива индивидов. Оно будет иметь всемирный законодательный орган, который будет принимать законы, необходимые для регулирования жизни сообщества. Будет создан всемирный орган исполнительной власти, с подчиненными ему международными вооруженными силами, который стоять на страже неразрывного единства всего содружества. Появится Всемирный трибунал, который общим решением будет выносить окончательный и неукоснительно выполняемый приговор по всем конфликтам. Будет создан механизм эффективной международной связи, свободной от национальных помех и ограничений и действующей с поразительной скоростью и безотказной регулярностью. Будет либо создан искусственный международный язык, либо один из существующих языков будет избран в качестве языка всемирного общения, который будет изучаться в дополнение к родному в школах всех стран, входящих в состав федерации. В этом всемирном сообществе будет достигнуто согласие между наукой и религией, двумя самыми могущественными силами в жизни человечества, которые будут развиваться в сотрудничестве и гармонии. При такой системе пресса будет, с одной стороны, давать простор выражению самых разнообразных взглядов и убеждений, а с другой стороны, не будет подвергаться злостному манипулированию со стороны сильных мира сего. Колоссальная энергия, растрачиваемая впустую на войны, будет направлена на полезные нужды, на рост производства, искоренение болезней, расширение научных исследований, на укрепление здоровья людей, расширение возможностей человеческого интеллекта, использование неразработанных или неизвестных ресурсов планеты, на продление человеческой жизни и на укрепление любых других средств, которые могут стимулировать интеллектуальную, моральную и духовную жизнь всего рода человеческого».

Об исторической миссии России

В развитии грядущей цивилизации духа важнейшую роль предстоит исполнить России. На это почти единодушно указывали все прорицатели и мыслители мира.

Проблемы духовного возрождения сосредоточены в душах людей, так что доступ к их решению имеет каждый индивидуально. Каждый человек должен проявить горячее желание к духовному преобразованию, должен решительно побеждать в себе пороки и помогать другим. Следует признать, что именно русский народ, которому свойственны тяга к справедливости, приверженность к добру, свободолюбие, широта души и щедрость, способен выполнить великую миссию зачинателя духовного преображения мира.

Заключение

Теперешнее состояние человечества, да и ближайшее его будущее – мрачно, удручающе мрачно. Отдаленное же его будущее ослепительно в своей

лучезарности. Пройдя через тяжелые испытания, пробудившись и преобразившись духовно, человечество создаст мировую материально-духовную цивилизацию, которая обеспечит мир и процветание для всех.

Источники:

1. Джон Коулман. Комитет 300. Тайны мирового правительства. М.: ИД «Витязь», 2005.
2. Призыв к народам. СПб: «ИМПАКС», 1993.

V. N. Nomokonov (an independent researcher)

ON THE FUTURE OF RUSSIA AND THE WORLD IN A NEW WORLD REALITY

Some negative features of the new world reality and the reasons for their occurrence are described. The nature of the historical development of mankind from its collective childhood to the current transition to a mature state is considered. It is concluded that in order to get out of the current crisis state of society, it is necessary to supplement the material civilization with the spiritual one and unite the peoples into a world federation.

New world order, global federation, spiritual rebirth

УДК 342

И. Н. Нужнов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»; Военно-учебный научный центр ВМФ «Военно-морская академия», e-mail: inuzhnov@yandex.ru)

ЧАСТИЧНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ 2022 г.: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ.

Рассматриваются вопросы правового регулирования отношений, возникающих в условиях проведения частичной мобилизации в Российской Федерации. На основе исследования действующего законодательства, регламентирующего порядок проведения частичной мобилизации, выявлены существующие правовые пробелы.

Мобилизация, частичная мобилизация, правовые акты, призыв на военную службу по мобилизации.

Обеспечение обороны и безопасности России является одной из ключевых задач военной политики страны. В условиях осложнения геополитической обстановки в связи с проведением специальной военной операции на территориях ДНР, ЛНР и Украины государство вынуждено принимать адекватные меры реагирования на возникающие угрозы. Такой мерой стала объявленная Указом Президента РФ от 21.09.2022 № 647 частичная мобилизация граждан, пребывающих в запасе [1]. Мобилизация – явление для России во многом новое, поскольку не проводилась с 1941 г. Ввиду этого многие моменты оказались попросту не урегулированы нормативно и не имеют примеров в правоприменительной практике.

Базовые основы регулирования мобилизации содержатся в Федеральном законе от 26.02.1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» (далее – Закон № 31-ФЗ) [2]. Однако норм, конкретизирующих порядок проведения именно частичной мобилизации нет. В связи с этим возникла масса вопросов, касающихся правового регулирования частичной мобилизации, поскольку обнаружились множественные законодательные пробелы. К их числу можно отнести следующие:

1. *Отсутствие закрепленных в нормативных актах критериев, отличающих частичную мобилизацию от общей.* В соответствии с п. 2 ст. 1 Закона № 31-ФЗ под мобилизацией понимается «комплекс мероприятий по переводу экономики Российской Федерации, экономики субъектов Российской Федерации и экономики муниципальных образований, переводу органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций на работу в условиях военного времени, переводу Вооруженных Сил Российской Феде-

рации, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований на организацию и состав военного времени». Согласно этой же статье мобилизация может быть общей или частичной [2].

Никакой специальной статьи, определяющей, что такое частичная мобилизация в законе нет. «Частичная мобилизация» упомянута в законе трижды и всегда вместе с «общей»: два упоминания в п. 2 статьи 1, и еще раз – в статье 4. При этом, граница между «частичной» и «общей» мобилизацией не определяется, поэтому отличить их, опираясь на закон, не представляется возможным.

Вместе с тем, поправками, внесенными в Закон № 31-ФЗ 14 июля 2022 г., установлено, что «комплекс мероприятий, проводимых при объявлении общей или частичной мобилизации» определяется в соответствии с законом нормативными правовыми актами Президента РФ, Правительства РФ и иными нормативными правовыми актами РФ [3]. Закон также устанавливает, что Президент РФ «издает нормативные правовые акты в области мобилизационной подготовки и мобилизации», «в случаях агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии, возникновения вооруженных конфликтов, направленных против Российской Федерации, объявляет общую или частичную мобилизацию с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе» [2].

2. *Отсутствие единого нормативного правового акта, содержащего полный перечень категорий граждан, имеющих право на отсрочку при частичной мобилизации.* В Указе № 647 не содержится указаний на конкретные категории граждан, пребывающих в запасе и подпадающих под частичную мобилизацию. В заявлениях официальных должностных лиц, в том числе представителей Минобороны России, было разъяснено, что в первую очередь призыву по частичной мобилизации подлежат граждане в возрасте до 35 лет (первый разряд запаса), прошедшие военную подготовку по конкретным военно-учетным специальностям (срочную или контрактную службу) и уволенные в запас.

Важно отметить, что, в отличие от обычных призывников, подлежащих призыву на срочную службу в возрасте от 18 до 27 лет в соответствии с Федеральным законом №53-ФЗ, призыву на службу по мобилизации подлежат исключительно граждане, уже пребывающие в запасе (п. 2 ст. 17 Закона № 31-ФЗ). Напомню, что в запасе состоят граждане, прошедшие военную службу по призыву или по контракту и уволенные в запас, а также те, кто не прошел военную службу и достиг 27 лет, выпускники военных кафедр (военных учебных центров). Такому призыву подлежат также женщины, имеющие военно-учетные специальности, и некоторые иные категории граждан (п. 1 ст. 52 Закона № 53-ФЗ) [4].

Категории граждан, которые могут рассчитывать на отсрочку при мобилизации, перечислены в ст. 18 Закона № 31-ФЗ, которая по умолчанию применяется и к частичной мобилизации. Отметим, что Указом № 647 был расширен перечень граждан, имеющих право на отсрочку. В частности, гражданам РФ,

работающим в организациях оборонно-промышленного комплекса, предоставляется право на отсрочку от призыва на военную службу по мобилизации (на период работы в этих организациях). По этому пути начала формироваться и дальнейшая практика и правовое регулирование предоставления отсрочек от призыва по мобилизации.

Указами Президента РФ от 24.09.2022 г. №664 [5] и от 5 октября 2022 г. № 712 отсрочка была предоставлена учащимся, впервые получающим образование соответствующего уровня по очной и очно-заочной формам обучения по программам среднего и высшего образования в образовательных и научных организациях, имеющих госаккредитацию, в организациях на территориях инновационных научно-технологических центров, в духовных образовательных организациях, а также по программам подготовки научных кадров в аспирантуре в образовательных и научных организациях [6].

Федеральным законом от 04.11.2022 № 419-ФЗ отсрочка предоставлена пребывающим в добровольческих формированиях, содействующих выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ [7].

Кроме того, изменениями, внесенными в ст.17 Закона №31-ФЗ, призыву на военную службу по мобилизации не подлежат граждане, имеющие неснятую или непогашенную судимость за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего либо преступлений, предусмотренных статьями 205 – 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 275, 275.1, 276 – 280, 282.1 – 282.3, 360, 361 УК РФ (в прежней редакции эта норма распространялась на всех лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления) [8].

3. Вопросы о юридической ответственности за уклонение от мобилизации. Сложность в квалификации этого деяния обусловлена отсутствием судебной практики по подобным делам. Административная ответственность при уклонении от мобилизации предусмотрена ст. 21.5. КоАП РФ «Неисполнение гражданами обязанностей по воинскому учету» и предполагает санкцию в виде штрафа от 500 до 3000 рублей [9]. Что касается уголовной ответственности за отказ от участия в мобилизации, то в настоящее время в российском законодательстве она не предусмотрена. Хотя в УК РФ есть ст.328, предусматривающая наказание за уклонение от прохождения срочной военной службы и допускающая лишение свободы до 2-х лет. Однако, как определено в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 3.04.2008 г. №3, указанная статья распространяет свое действие не на лиц, находящихся в запасе, а лишь на граждан в возрасте от 18 до 27 лет, подлежащих призыву на срочную службу [10].

Сейчас вопрос о возможности уголовного преследования уклонистов остается открытым. Возможно, что в ближайшее время в законодательные акты будут внесены изменения, позволяющие распространять действия уголовного закона на уклоняющихся от призыва во время мобилизации или будет введена новая норма. Такие предложения в Госдуме уже есть.

4. Возможность замены военной службы на альтернативную гражданскую (АГС) в условиях частичной мобилизации. Первоначально при мобилизации

такая возможность не предусматривалась. Вместе с тем данное право граждан закреплено ст. 59 Конституции РФ, без каких-либо оговорок о том, что оно не применяется в период мобилизации. Несмотря на то, что в Федеральном законе «Об альтернативной гражданской службе» не прописан порядок ее несения в период мобилизации, это отнюдь не лишает граждан права на АГС.

4 ноября 2022 г. закон о мобилизационной подготовке и о мобилизации был дополнен ст. 17.1, в соответствии с которой граждане, проходящие альтернативную гражданскую службу в организациях Вооруженных Сил РФ, других войск, воинских формирований и органов в качестве гражданского персонала, при объявлении мобилизации продолжают проходить АГС в указанных организациях, а граждане, проходящие АГС в организациях, подведомственных федеральным органам исполнительной власти, органам исполнительной власти субъектов РФ или органам местного самоуправления, могут направляться для прохождения АГС на должностях гражданского персонала Вооруженных Сил РФ в порядке, определяемом положением о порядке прохождения альтернативной гражданской службы [8].

5. Не урегулирован в Законе № 31-ФЗ (в отличие от Закона № 53-ФЗ) и *вопрос о порядке проведения медицинского освидетельствования граждан, призываемых по мобилизации, и о порядке работы призывных комиссий по мобилизации* (п. 4 ст. 20 Закона № 31-ФЗ). Порядок призыва по мобилизации граждан, приписанных к воинским частям, утвержден Постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2006 г. № 852, однако там не содержатся ответы на все возникающие вопросы.

6. *Неурегулированность вопросов призыва по мобилизации граждан, ведущих предпринимательскую деятельность*. По мнению представителей бизнес-сообщества, призыв на военную службу собственника, руководителя компании, или индивидуального предпринимателя, может крайне негативно сказаться как на локальном бизнесе, так и на контрагентах такого субъекта предпринимательской деятельности, трудовых коллективах, работниках, провоцируя кризис неплатежей, разрыв производственных цепочек и, как следствие, увеличение количества банкротств как физических, так и юридических лиц.

В связи с этим принятым 20.10.2022 г. Федеральным законом № 404-ФЗ в Закон № 31-ФЗ внесена специальная статья 211 «Особенности, связанные с призывом на военную службу по мобилизации отдельных категорий граждан и ее прохождением указанными категориями граждан» [11]. Согласно этой статье гражданам, являющимся индивидуальными предпринимателями, учредителями (участниками) организаций, а также осуществляющим полномочия единоличного исполнительного органа, призываемым на военную службу по мобилизации, призывной комиссией по мобилизации граждан предоставляется пять рабочих дней для решения организационных вопросов, связанных с дальнейшим осуществлением предпринимательской деятельности, в том числе через доверенных лиц. Правительство Российской Федерации вправе

установить особенности, касающиеся решения указанных вопросов. Определено, что на данную категорию граждан, не распространяются ограничения и запреты, установленные Федеральным законом от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», касающиеся занятия предпринимательской деятельностью. Согласно закону, они могут принять решение об осуществлении предпринимательской деятельности через доверенных лиц в порядке, определенном законодательством РФ.

7. Остается открытым и вопрос, связанный с *увольнением военнослужащего в связи с истечением срока контракта*. Пункт 4 Указа №647 ограничил круг оснований увольнения с военной службы на период частичной мобилизации, исключив в том числе и названное основание. Несмотря на заявление Президента РФ и Министерства обороны РФ об окончании частичной мобилизации, юридически она не завершена, каким-либо нормативно-правовым актом не прекращена, Указ № 647 не отменен, в связи с чем п. 4 данного указа, определяющий порядок прохождения военной службы, продолжает свое действие.

Таким образом, как показывает практика, действующая законодательная база, регулирующая организацию процесса проведения частичной мобилизации, содержит не мало правовых пробелов, требующих дальнейшей работы по их устранению. Об этом свидетельствует и создание Президентом РФ рабочей группы по обеспечению взаимодействия органов публичной власти и организаций по вопросам мобилизационной подготовки и мобилизации, социальной и правовой защиты граждан, принимающих участие в специальной военной операции, и членов их семей. Одна из задач этой группы – подготовка предложений по совершенствованию правового регулирования в сфере мобилизационной подготовки и мобилизации [12].

Источники:

1. Указ Президента РФ от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации»
2. Федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»
3. Федеральный закон 14 июля 2022 года № 336-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» и статью 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»
4. Федеральный закон от 28.03.98 N 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»
5. Указ Президента РФ от 24.09.2022 г. № 664 «О предоставлении отсрочки от призыва на военную службу по мобилизации»
6. Указ Президента РФ от 6.10.2022 г. «О внесении изменения в Указ Президента Российской Федерации от 24 сентября 2022 г. № 664 «О предоставлении отсрочки от призыва на военную службу по мобилизации».

9. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022)

7. Федеральный закон от 4.11.2022 г. № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

8. Федеральный закон от 4.11.2022 г. № 421-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»

10. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы»

11. Федеральный закон от 20.10.2022 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»

12. Распоряжение Президента РФ от 20 декабря 2022 г. «О рабочей группе по обеспечению взаимодействия органов публичной власти и организаций по вопросам мобилизационной подготовки и мобилизации, социальной и правовой защиты граждан Российской Федерации, принимающих участие в специальной военной операции, и членов их семей»

I. N. Nuzhnov (St. Petersburg State Electrotechnical University «LETI»; Navy Military Training Scientific Center «Naval Academy»)

PARTIAL MOBILIZATION IN 2022: LEGAL ASPECTS.

The issues of legal regulation of relations arising in the conditions of partial mobilization in the Russian Federation are considered. Based on the study of the current legislation regulating the procedure for partial mobilization, existing legal gaps have been identified.

Mobilization, partial mobilization, legal problems, legal acts, conscription for military service on mobilization

УДК 111.1

Е. В. Пастухова (Омский государственный медицинский университет, Омский государственный педагогический университет, e-mail: lyisyakova@mail.ru)

ТЕРМИНЫ ПСИХОПАРАДИГМЫ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Рассматриваются термины, получившие наибольшую популярность современном языке, которые отражают сдвиг парадигмы в сторону психологизации, мультидисциплинарности и неопределенности. Дилеммой представляется использование терминов, указывающих на биологизацию и психологизацию человека в век цифровизации и искусственного интеллекта. Газлайтинг, режим гоблина и другие термины исследуются, исходя из создавшейся ситуации взаимодействия природы и техники, живого и искусственно созданного.

Газлайтинг, режим гоблина, думскроллинг, психологизация, мультидисциплинарность, цифровизация, нарративизация.

Проблематике смены парадигм посвящен целый ряд научных работ в гуманитарных и точных областях знания уже в двадцать первом веке, которые отражают с разных позиций и с точки зрения разных аспектов трансгуманизм и мультидисциплинарность. В последние десятилетия мы фиксируем движение в сторону цифровизации, характеризующейся непостоянством, неопределенностью, сложностью и неоднозначностью, но в то же время можно говорить о повороте в сторону биологизации, медиализации и психологизации культуры и науки. Следует отметить, что характерным для психологической составляющей эпохи цифровой цивилизации становится стремление к манипулированию и интерпретированию.

В след за сменой парадигмы происходит и изменение в использовании терминов, которые если и использовались прежде, то не были настолько распространены. В конце 2022 года издательство Merriam-Webster, которое выпускает американский толковый словарь английского языка, объявило слово года. Таким словом стал «газлайтинг» – психологическое манипулирование в течение длительного времени, заставляющее жертву сомневаться в адекватности собственных мыслей. По утверждению доктора филологических наук, профессора Волгоградского университета, Ребриной Ларисы Николаевны, «мотивирующая лексическая единица (газлайтинг) начинает активно употребляться с 2011 года», а регулярными лексическими единицами – партнерами этого термина становятся такие глаголы, как убеждать, принижать, манипулировать, преследовать, обесценивать, заставить, исказить, управлять, воздействовать; и такие прилагательные как токсичный, ужасный, отвратительный, нечестный, жестокий, опасный [1, С. 85]. А в этом году на сайте издательства

термин искали на 1740 % чаще, чем в прошлом.

Издатель словаря прокомментировал решение о выборе термина следующим образом: «В век дезинформации – «фейковых новостей», теорий заговора, троллей в Твиттере и дипфейков – газлайтинг стал словом нашего времени». Чаще всего это слово разбирают в негативном ключе и используют в психологии, но в настоящее время оно становится общеупотребительным, в том числе используется для описания как межличностного способа самоутверждения с одной стороны, и попытки идеализировать, с другой, так и стремления политиков ввести народ в заблуждение.

Википедия определяет газлайтинг как форму психологического насилия и социального паразитизма, видя основную задачу в том, чтобы заставить объект манипуляции сомневаться в объективности восприятия реальности, так же как и в существовании самой реальности.

В целом можно заметить, что общество в целом и наука в частности (причем это относится как к гуманитарным, так и к точным наукам), все больше стремится к описательным способам представления знания. При этом можно наблюдать некоторый нарративный диссонанс. В эпоху цифровизации и трансгуманизма особую популярность начинают приобретать термины биологического, медицинского и психологического характера. Робототехника и трансплантация требуют вживления в виртуальное и оживления неживого.

Пандемия, самоизоляция и дистанционная занятость вызвали в человеческой сущности, культуре и языке множество острых моментов, о которых мы не задумывались в другое время. С одной стороны, люди начали больше ценить живое общение, возможность быть мобильными и использовать средства цифровизации лишь в случае крайней необходимости. С другой стороны, длительный режим пребывания дома, удаленная работа, использование цифровых технологий и дистанта в течение довольно долгого времени заставляют выработать привычку именно к такому ритму жизни, когда нет необходимости куда-то спешить, а все, что ни делается кажется вязким и тягучим.

Специфическими для этого периода стали слова и выражения, характеризующие ленность, малоподвижность, инертность, отстраненность и удаленность в прямом и переносном смысле этих слов. Так в русском языке появилось слово карантинулы. Легко догадаться о значении, исходя из значений слов карантин и каникулы, под которыми понимается вынужденное отстранение от работы или учебы вследствие объявления карантина и неблагоприятной эпидемиологической ситуации в стране и мире. Подобного рода неопределенность и неоднозначность характеризует и современное общество в целом, живущего по законам эпохи цифровой цивилизации.

По версии оксфордского словаря, словом, вернее термином года 2022, стало выражение режим гоблина – от английского *goblin mode*. Само по себе психотерапевтическое понимание и истолкование подавленности и растерянности, какой-то дисфункции и расстройства, угнетенности и пребывания в постоянном состоянии переживания за здоровье и жизнь близких и собственных

становится предметом исследования терапевтических работ. Средством трансляции личностных и коллективных смыслов такой болезненности становится медицинский нарратив, раскрывающий насколько серьезно воспринимаются тревожные симптомы, насколько адекватно они оцениваются.

Здесь нарративы становятся носителями норм определенной культуры и в то же время рассказывают об индивидуальном опыте, полученном уникальным для каждой языковой личности образом. Мнимость и неуверенность становятся невидимыми, но ясно ощущаемыми спутниками. В этой ситуации мотивация к деятельности и осмысление жизни просматриваются сквозь призму биологического и психологического начал, несмотря на то, что именно виртуальная реальность и цифровизация преобладают в отдаленном форме работы, да и жизни в целом. Гоблиновский режим задает и настроение особого рода, при котором, привыкая к пассивности, нивелируют ответственность и определенность.

Данное выражение в определенной мере стало показателем того, как люди, достаточно длительное время пребывавшие в самоизоляции во время пандемии, вынужденные быть малоподвижными, делающими в случае необходимости лишь минимальные действия ментального или физического характера.

Психологическая подавленность и дискомфорт, сопровождающие языковую личность в этот период, находят свое отражение в его речи, текстах и манере общаться. В этом смысле язык проявляется в нарративных аспектах так же, как и в просодических средствах, которые довольно пронзительно претерпевали изменения в этот непростой промежуток времени. Особенно интенсивно использовались цифровые технологии, в связи с чем удаленность так же стала часто запрашиваемым и используемым в языке термином. В русском дистант или дистанционно являются показательными терминами, особенно четко характеризующими специфические изменения в языке, связанные с переходом от очного, живого общения к оцифрованной коммуникации через гаджеты, экраны и мессенджеры.

Зависимость от негативных новостей, воздействующих не только на осознание или поведение и поступки также можно отнести к следствиям длительного пребывания в относительной изоляции и осознания личностной отчужденности и соответствующей состоянию гоблиновского режима.

Придание смысла различным образам проходят этапы мимицирования, имитации и копирования. Еще один термин, выражающий состояние психологического дискомфорта и ощущения проживания не своей жизни, doomscrolling (doom злой рок, судьба, гибель, scrolling пролистывание, прокрутка) предполагает погружение в негативную новостную ленту до некоторого помутнения, нарушения сначала психического, а затем и физического состояния языковой личности [2, 3]. Все это так же находит отражение в личностном нарративе и создании образа. Думскроллинг в определенной мере заставляет принимать на свой счет все о, за чем так или иначе наблюдаем во внешнем мире и примеряем это к себе в своем собственном внутреннем мире. В такой ситуации жизненно необходимо создание мира внутри. Конечно, этот

мир создается и прорисовывается медленно и по крупинкам с опорой на собственные исходные составляющие мировоззрения и миропонимания.

Голова, занятая осмыслением и прогнозированием, заставляет и тело вместе с сознанием работать над этим вопросом и искать пути самореализации, подсказывая выход из затруднительных ситуаций, мыслей и ощущений, охватывающих нас. Задача не погружаться в думскроллинг – не из легких, мы как будто все здесь уже. Тем не менее, следует постараться не оказываться в его власти всецело, конструировать мир в себе и создавать его вокруг себя исходя из задуманного образа, внутреннего состояния равновесия и видения. Оставление без внимания недобрых вестей, не относящихся к языковой личности напрямую, но имеющую опосредованное воздействие на ее сознание, а соответственно и создаваемые им образы

Исходя из внутреннего деятельностно-практического и образно-воспринимающего мышления избегание фактов происходящего, возможно не самое лучшее решение, но в определенных ситуациях может служить указателем выхода из кризиса манипуляций и интерпретаций. так пермокризис тоже вошел в тезаурус языка современной культуры, психологии и медицины. Изначально использовавшийся для обозначения экономической ситуации в мире и на территории заданной страны, сейчас можно заметить, что термин начинают использовать даже не только в рамках политики, но и как предмет психологической манипуляции.

Изменения в использовании лексических единиц и новых терминов является отражением происходящей вокруг действительности. Эпоха цифровой цивилизации проявляет себя в современном обществе, меняя местами показывание и рассказывание, манипулирующего и подверженного газлайтингу, интерпретирующего и воспринимающего интерпретацию, а язык продолжает жить своей жизнью, играя и нашей речью, и нашими текстами, нарративами, а в конечном итоге и нами самими, самостью и самовыражением языковой личности.

Источники:

1. Ребрина Л. Н. Семантика вражды: обозначение агрессивного субъекта в современной интернет-коммуникации // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2021. Т. 20. № 4 С. 74–90.

2. Mahdawi A. From covidiot to doomscrolling: how coronavirus is changing our language // The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/apr/15/from-covidiot-to-doomscrolling-how-coronavirus-is-changing-our-language> (дата обращения: 20.06.2020).

3. Merriam-Webster Coronavirus and the New Words We Added to the Dictionary <https://www.merriam-webster.com/dictionary/gaslight> “Gaslight.” Merriam-Webster.com Dictionary, Merriam-Webster, <https://www.merriam-webster.com/dictionary/gaslight>. Accessed 20 Jan. 2023. (дата обращения: 16.01.2023).

E. V. Pastukhova (Omsk State Medical University)

TERMS OF PSYCHOLOGY IN THE AGE OF DIGITALIZATION

The terms that have received the greatest popularity in the modern language are considered, which reflect a paradigm shift towards psychologization, multidisciplinary and uncertainty. The dilemma is the use of term that indicate the biologization and psychologization of a person in the age of digitalization and artificial intelligence. Gaslighting, goblin mood and other terms are explored based on the current situation of the interaction of nature and technology, lining and artificially created.

Gaslighting, goblin mode, doomscrolling, psychologization, multidisciplinary, digitalization, narrativization

УДК 004

Л. А. Пафомова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: lapafomova@etu.ru)

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Рассматривается научная рациональность как явление и предоставляется модель, позволяющая объяснить отношение субъекта науки, средств исследования и объекта. На глубинном уровне анализируются различные модели научного знания, а также этапы развития представлений о научной рациональности.

Наука, научная рациональность, субъект, объект, средства исследования

Научная революция – это существенные изменения в способах построения научных теорий, формах и методах научного исследования. Важнейшей особенностью научного познания является его рациональность. В самом общем виде рациональность понимается как постоянная апелляция к доводам разума и рассудка и максимальное исключение эмоций, страстей, личных мнений при принятии решений, касающихся судьбы познавательных утверждений.

В истории философии можно выделить ряд этапов в развитии представлений о научной рациональности. На первом этапе, начиная с античности, господствовала так называемая дедуктивистская модель научной рациональности. В этой модели научное знание представлялось в виде дедуктивно упорядоченной системы положений, в основании которой лежали обивие предпосылки, истинность которых устанавливалась внелогическим и внеопытным путем. Их истинность как бы непосредственно усматривалась «очами разума» после его определенной подготовки к этому. Все же остальные положения выводились из этих общих посылок дедуктивно. Эта модель лежит в основании метафизики Аристотеля, физики Декарта и наиболее яркое и триумфальное свое воплощение она получила в «Началах геометрии» Эвклида [1].

С зарождением экспериментальных наук в XVII – XVIII вв., обнаружилось, что в рамках научной рациональности необходимо искать место «достовам опыта и эксперимента». Такая попытка была предпринята в рамках индуктивистской модели научного знания, основы которой были заложены Ф. Бэконом и развиты в работах Д. С. Милля. В этой модели определяющим фактором доказанности или обоснованности научного знания выступает опыт, факты, полученные в ходе наблюдения и эксперимента, а функции логики сводятся к установлению логической зависимости положений различной общности от фактов. Но уже во второй половине XIX века обнаружилось, что индуктивная логика не имеет надежного логического обоснования и поэтому выводы, полученные на ее основе, не имеют доказательного значения. Еще

раньше Д. Юм сделал вывод о том, что все наше опытное знание является разновидностью «животной веры». Тем самым неявно признавалось, что опытное познание является в своей основе иррациональным [2].

В 50-ых годах века проблема научной рациональности оказалась в центре внимания. Особая заслуга в этом принадлежит К. Попперу. Для Поппера неудачи концепции верификации (проверяемости) отнюдь не случайны. Методология верификация строится на убеждении, что знание может быть абсолютно истинным. Это иллюзорное представление. Рано или поздно на смену старой теории приходит новая, а то, что казалось истинным, признается заблуждением. Рост знания достигается в процессе дискуссии, которая неизменно выступает критикой существующего знания. Поэтому свою философию Поппер называет критическим рационализмом. Он считает, что ученые делают открытия, восходя не от фактов к теориям, а переходя от гипотез к единичным высказываниям. Если относительно теории протокольных предложений ученые пришли к согласию, то теория считается временно подтвержденной. Всякая теория ненадежна, подвержена ошибкам. Окончательно подтвердить теория нельзя, зато можно ее опровергнуть (фальсифицировать). Это означает, что если из принятой теоретической гипотезы «Т» выводится эмпирически проверяемое «С» и при проверке оказывается, что она опровергается, то с логической необходимостью считается опровергнутой и проверяемая теория. Основным критерием научной рациональности является не доказуемость и подтверждаемость знания, а его опровергаемость.

Концепция Поппера также подвергалась критике. В основном за то, что он свел рост научного знания к дуэли гипотез, Фактов наблюдений, практически игнорируя представление об истине, вся проблематика которой заменена рассуждениями о правдоподобных гипотезах.

В 60-80-х годах XX в. в философии появились работы, которые обогатили представление о научной рациональности. Это прежде всего работы Т. Куна и И. Лакатоса. Т. Кун в своей книге «Структура научных революций» развивает так называемую «парадигмальную модель» научного знания. Основная его мысль состоит в том, что в развитии научного знания особую роль играет деятельность научного сообщества. Определяющее значение принадлежит не нормам логики, методологии, а парадигме, т. е. совокупности убеждений, ценностей, технических средств, принятых научным сообществом и обеспечивающих научную традицию. Парадигма по своему содержанию шире теории. Если та или иная парадигма господствует безраздельно, то налицо период нормальной науки. Разрушение парадигмы приводит к научной революции. Каждая парадигма обладает своими критериями рациональности, они не являются универсальными. Парадигмы несоизмеримы друг с другом, между ними нет сколько-нибудь непосредственной логической преемственности. Согласно Куну, процесс принятия и смены парадигм полностью рационального объяснения не имеет. Этот процесс имеет социально-психологическую природу и

имеет сходство с религиозным переворотом. Многие считают, что Кун недооценивает преемственность научного знания [3].

Английские Философ Имре Лакатос выдвинул методологию научно-исследовательских программ. По его мнению, сравнивать следует не просто теории, а научно-исследовательские программы, каждая из которых содержит несколько теорий. «Твердое ядро» программы переходит от одной данной программы к другой, а защитный пояс, состоящий из вспомогательных гипотез, может частично разрушаться. Только тогда, когда будет разрушено «твердое ядро» программы, необходимым окажется переход от старой научно-исследовательской программы к новой. Новая программа должна быть более насыщена эмпирическим содержанием, нежели ее предшественница. Лакатос трактует принятие исследовательской программы как конвенцию (соглашение), в основе которой лежат рациональные соображения логико-методологического и эмпирического характера. Однако в той степени, в какой любая конвенция является актом свободного выбора, то здесь неизбежно содержится иррациональный момент.

Создание какой-либо абсолютистской, окончательной модели рациональности невозможно. Научная рациональность является своего рода исторически эволюционирующим идеалом, к которому наука должна стремиться, но который в ней никогда не реализуется полностью. При всем определяющем влиянии в научном мышлении доводов разума и доводов опыта, в нем остается место интуиции, ошибочным суждениям, персональному выбору альтернативных ходов мысли, конвенциональных решений, которыми пронизано все научное познание, и даже мистическим озарением. Наука, как и другие виды духовной деятельности человека, является человеческим предприятием и несет на себе печать его исторической ограниченности и несовершенства. Но все же в науке доминирует рациональное начало, а иррациональные моменты имеют локальное значение, и не они направляют весь ход научного прогресса.

Кроме того, если рассматривать этапы развития самой науки, то на каждом из них по-разному проявляется само взаимодействие объекта, субъекта и средств исследования.

Так, например, классический тип рациональности выделяет объект в качестве главного компонента указанного отношения.

Неклассический тип научной рациональности характеризуется осознанием влияния познавательных средств на объект. В отношении «субъект – средства исследования – объект» внимание исследователя акцентируется на объекте и одновременно на средствах.

В постнеклассическом типе рациональности признается, что субъект влияет на содержание знаний об объекте не только в силу применения особых исследовательских средств и процедур, но и в силу своих ценностно-целевых установок, которые напрямую связаны с внеучеными, социальными ценностями и целями.

Таким образом, в отношении «субъект – средства исследования – объект» значимы все составляющие и их взаимодействие.

Источники:

1. Багдасарьян Н. Г. История, философия и методология науки и техники: Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Н. Г. Багдасарьян, В. Г. Горохов, А. П. Назаретян. Люберцы: Юрайт, 2016.
2. Бэрроу Дж. История науки в знаменитых изображениях. М.: Эксмо, 2018.
3. Вуттон Д. Изобретение науки. Новая история научной революции. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2018.

L. A. Pafomova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

EVOLUTION OF VIEWS ON RATIONALITY

Scientific rationality is considered as a phenomenon and a model is provided to explain the relationship of the subject of science, the means of research and the object. At a deep level, various models of scientific knowledge are analyzed, as well as the stages of the development of ideas about scientific rationality.

Science, scientific rationality, subject, object, means of research

УДК 316.013

Е. А. Пашковский (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: egn-pashkovsky@rambler.ru)

МОТИВЫ ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ЗРЕЛОСТИ

Продолжающаяся цифровизация общества, изменения на рынке труда, перемены в характере социализации личности в наши дни формируют специфические мотивы индивидов к получению образования в среднем возрасте, выявлению и осмыслению которых посвящена статья. Анализируются публикации СМИ на заданную тематику, результаты исследований центров по изучению общественного мнения. Эмпирическую основу исследования составили письменные интервью с магистрантами заочного отделения СПбГЭТУ.

Зрелость, средний возраст, мотивы получения образования, непрерывное образование, заочное образование.

В большинстве социологических классификаций зрелостью называется период жизни человека от 18–20 до 55–60 лет, совпадающий с фазой активности на рынке труда. Очевидны его длительность и, как следствие, неоднородность. Согласно Э. Гидденсу, молодость «все более и более выделяется в особую стадию личностного и сексуального развития граждан современных обществ» [1]. Она рассматривается как период «паузы» в исполнении ведущих для личности социальных ролей, время, когда индивид «ищет себя» в личной и профессиональной жизни. Мотивы получать образование в этот период выглядят более объяснимыми и универсальными. Они находят большее отражение в научной литературе. Менее изученным и представляющим больший для нас интерес в рамках тематики статьи является пик зрелости – промежуток примерно от 25 до 45 лет. Его характеризуют: протекание социализации прежде всего через профессиональную деятельность; большая нацеленность на интеллектуальное развитие, нежели приобретение навыков [2].

Опираясь на теорию социального действия, в качестве мотивов мы будем рассматривать осознанные стремления к получению образования в исследуемый период жизни. Мы предполагаем, что среди них в последнее время наиболее распространены: желание получать новые знания, в том числе для саморазвития; склонность следовать идее о современном обществе как обществе непрерывного образования. Менее распространенными представляются запрос на получение диплома, желание кардинально сменить сферу деятельности.

Краткий обзор научной литературы по изучаемой проблеме показывает следующее. При изучении мотивов взрослых людей, получающих высшее образование, отмечается, что у этой категории обучающихся преобладает прагматичный подход к образованию, поскольку сформулированы конкретные

цели обучения [3]. Также выделяются необходимость сменить профессию, осуществить карьерный рост, повысить социальный статус, претендовать на более высокую заработную плату, повысить собственную конкурентоспособность на рынке труда [4, 5].

Т. П. Будякова и А. Н. Пронина [6] при изучении мотивов получения второго высшего образования предлагают выделять продуктивные («познавательный», «увеличение личного капитала», «самореализация», «получение новой профессии», «получение качественного образования») и непродуктивные («перфекционистский», «повышение заработной платы и улучшение материального благополучия», «повышение социального статуса», «карьерный рост», «престижность новой профессии»). Исследователи делают вывод, что больших успехов в карьере, чувства личной удовлетворенности добиваются те, у кого доминировали продуктивные мотивы.

Согласно исследованию Д. С. Попова и Д. А. Шестаковой [7], в современной России просматриваются три модели получения взрослыми людьми высшего образования: образование как спасение (недовольные своим положением в обществе и на рынке труда, не уверенные в собственном благополучии люди рассматривают образование как шанс кардинально поменять свою жизнь и часто сферу профессиональной деятельности); образование как средство (люди нацелены на профессиональное развитие и карьерный рост в рамках своей профессиональной области); образование как статус (обучающиеся исходят из представления о процессе образования как необходимости, а дипломе – как обязательном статусном атрибуте, незаменимом при восходящей мобильности).

Отдельно стоит рассмотреть проблемы, с которыми сталкивается зрелый человек при получении образования. Например, согласно данным С. А. Прохорчика [8], при получении заочного (достаточно распространенная форма получения высшего образования в этом возрасте) образования в техническом университете у студентов появляются следующие проблемы: отсутствие мотивации учиться самостоятельно и самоконтроля; недостаточная самоорганизанность; нехватка учебно-методических материалов и неумение ими пользоваться; сложности в организации совмещенного процесса обучения и работы; увеличенный на один год срок обучения; отсутствие отсрочки от службы в армии.

Д. С. Попов и Д. А. Шестакова [7] выделяют три группы социальных барьеров при получении высшего образования в зрелости: связанные с содержанием учебных программ; трудности, связанные с организацией учебного процесса; проблемы финансирования, времени и баланса работа-учеба-отдых.

Множество публикаций в Интернет-СМИ на тему образования в зрелом возрасте посвящены его популяризации, разъяснению организационных основ и психологическим советам, направленным на усиление мотивов к его получению [см., напр., 9, 10, 11, 12].

Согласно данным опроса ВЦИОМ, в котором приняли участие 9342 россиян в возрасте от 18 лет, опубликованным в 2021 г. [13], 72 % россиян согласны с необходимостью дополнительного обучения. Среди 25–34-летних эта цифра составила 81 %, что говорит в целом о высокой популярности данной идеи у исследуемой нами возрастной категории. Приоритеты относительно дополнительного образования люди среднего возраста отметили следующие: повышение квалификации по своей специальности (40%), профессиональная переподготовка (36 %), повышение личной эффективности (27 %), развитие управленческих навыков (24%), развитие коммуникативных навыков (3 %).

Согласно выводам сотрудников образовательной платформы GeekBrains и команды исследователей VK из опроса, в котором приняли участие более 58 тысяч респондентов во всех регионах России в возрасте от 25 до 55 лет [14], в настоящий момент большинство возрастных студентов более осознанно относятся к получению образования, чем раньше. Главной целью получения образования оказалась смена сферы своей деятельности и получение новой профессии (68 %). 49 % респондентов учатся для повышения дохода, а 46 % – чтобы получить конкретные умения. 29 % назвали в качестве мотива получения образования стремление развиваться в текущей профессии.

Предполагается, что среди получающих высшее образование в зрелости значительное распространение имеют вечерняя и заочная форма обучения. Поэтому перспективным представляется изучение мотивов к обучению студентов этих отделений. Согласно исследованию Т. С. Притуляка [15], у студентов заочных отделений, в отличие от очников, часто встречаются мотивы, связанные с узколичными интересами. «Процесс учения при этом воспринимается как путь к личному благополучию, как средство продвижения по жизненной лестнице» [15].

Мы провели пилотажные письменные интервью с магистрантами заочного отделения, обучающимися в СПбГЭТУ. Выбор этого контингента респондентов был задан предположениями, что: мотивы получения образования более явно ими осознаются, чем студентами вечернего отделения и бакалавриата заочного отделения; значительное число студентов заочного отделения имеют возраст, приближающийся к пику зрелости. Было проинтервьюировано 13 студентов, 11 мужчин и 2 женщины. Возраст интервьюируемых составил от 23 до 40 лет, то есть в целом соответствовал рассматриваемому нами периоду социализации индивида.

Приведем данные контент-анализа ответов на вопросы интервью. В одном из вопросов мы просили назвать студентов несколько главных целей, которыми они задавались при поступлении на заочное отделение магистратуры. Примечательно, что 7 респондентов в первую очередь назвали получение новых или дополнительных знаний. Еще четверть респондентами получение знаний упоминалось как одна из целей учебы, в двух случаях было уточнено, что речь идет о более узконаправленных знаниях в уже выбранной области. Другими респондентами в качестве первой цели назывались: выход из трудной

жизненной ситуации, получение инженерной специальности по профилю, получение диплома об окончании высшего образования, избавление от ограничений в карьерном росте, повышение квалификации.

Независимо от очередности упоминания, можно выделить следующие группы целей, названных респондентами:

- получение новых знаний – 11 упоминаний;
- получение диплома / законченного высшего образования / специальности) – 8 упоминаний;
- карьерный рост / успешное построение карьеры – 3 упоминания;
- повышение собственной конкурентоспособности на рынке труда – 3 упоминания;
- поиск новых знакомств с профессиональными целями / коллег / единомышленников для будущего сотрудничества – 3 упоминания;
- личное развитие / возможность понять направленность собственных интересов / получение навыков тайм-менеджмента – 3 упоминания.

Полученные данные частично соответствуют результатам приведенных выше социологических опросов. Совпадает большинство названных целей; значительная доля ответов как в опросе ВЦИОМ (40 %), так и в нашем исследовании (8 упоминаний) связана с повышением квалификации или завершением образования по уже приобретенной специальности. Явные различия между результатами нашего интервью и опроса GeekBrains, очевидно, связаны со спецификой каждой из аудиторий. Отметим также, что по результатам всех приведенных опросов крайне слабо выражен мотив получения образования для освоения коммуникативных навыков.

Также нашим респондентам задавался вопрос о том, какие особенности современного общества, на их взгляд, мотивируют людей получать образование в период средней зрелости (30–40 лет). Вопрос предполагался в том числе как контрольный и способствующий называнию тех личных мотивов обучения, которые не были названы в ответе на прямой вопрос. Наиболее часто встречающиеся ответы (5 упоминаний) сводились к растущей конкуренции на рынке труда. На втором месте – ответы, указывающие на необходимость адаптации к инновациям информационного общества (4 упоминания). Двое респондентов отметили, что современное общество не обязывает человека иметь одну и ту же профессию всю жизнь и дает возможность в любом возрасте освоить новую. Примечательно, что желание быть конкурентоспособным на рынке труда среди наших респондентов явно выражено в качестве одной из главных целей получения образования, но не отмечено в результатах приведенных массовых опросов. Кроме того, отметим продуктивность (согласно теории Будяковой и Прониной) ведущего мотива наших респондентов.

Респондентам также было предложено обозначить трудности, с которыми они сталкиваются во время обучения. На соответствующий вопрос наиболее частым был ответ о слишком высоком темпе обучения, нехватке времени для качественного освоения учебного материала, выполнения домашних заданий

или совмещения обучения с работой (6 упоминаний). На втором месте – недостаточно подробные объяснения преподавателей или нехватка информации в методических пособиях для качественной подготовки (4 упоминания). На третьем – трудности самоорганизации (2 упоминания). Как можно заметить, названные респондентами проблемы практически полностью совпадают с теми, которые отмечали другие исследователи. В этой связи актуальным становится вопрос о реформировании системы заочного образования в сторону усиления «пластичности» рабочих программ и учебных процессов, введения в практику индивидуальных образовательных траекторий студентов.

Источники:

1. Гидденс Э. Социология. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/gidd/index.php (дата обращения: 16.09.2022)
2. Бузинова А. С., Дыкина Ю. А. Мотивация к обучению в период средней взрослости // Северо-Кавказский психологический вестник. 2020. № 18/2. С. 65–76
3. Meijs C., Neroni J., Gijsselaers Hieronymus J.M., Leontjevas R, Groot R H.M. Motivated strategies for learning questionnaire part B revisited: New subscales for an adult distance education setting // The Internet and Higher Education. 2019. Vol. 40. P. 1–11.
4. Воронин С. В. Актуальность получения второго высшего образования // Инновационное развитие. 2019. № 3 (30). С. 71–72.
5. Куклин А. В. Мотивация получения участниками рынка труда второго высшего образования по экономическим специальностям // Казанская наука. 2010. № 3. С. 96–98.
6. Будякова Т. П., Пронина А. Н. Специфика мотивов учения и профессиональная успешность в послевузовский период образования // Перспективы науки и образования. 2020. № 1 (43). С. 302-311.
7. Попов Д. С., Шестакова Д. А. Высшее образование в зрелом возрасте в России: барьеры и модели // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 34–44.
8. Прохорчик С. А. Проблемы заочного обучения в учреждении высшего технического образования // Высшее техническое образование. 2017. Т. 1. № 1. С. 104 – 108.
9. Как получить высшее образование в 40 лет. URL: <https://www.profguide.io/article/kak-poluchit-vo-v-40-let.html> (дата обращения 16.01.2023)
10. Лучше поздно: как учатся студенты в возрасте 45+ URL: <https://mr-7.ru/articles/2014/10/24/luchshe-pozdno-kak-uchatsia-studenty-v-vozraste-45> (дата обращения 16.01.2023)
11. Поступление в ВУЗ в зрелом возрасте – стоит ли игра свеч? URL: <https://ivbg.ru/8198994-postuplenie-v-vuz-v-zreлом-vozraste-stoit-li-igra-svech.html> (дата обращения 16.01.2023)

12. Непрерывное образование как навык будущего. URL: <https://externat.foxford.ru/polezno-znat/nepreryvnoe-obrazovanie> (дата обращения 16.01.2023)

13. Запрос на образование. Аналитический обзор ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zapros-na-obrazovanie-1> (дата обращения 16.01.2023)

14. Почему россияне продолжают обучаться в зрелом возрасте – результаты опроса. URL: <https://ug.ru/pochemu-rossiyane-prodolzhayut-obuchatsya-v-zreloom-vozraste-rezultaty-oprosa/> (дата обращения 16.01.2023)

15. Притуляк Т. С. Особенности учебной мотивации студентов очного и заочного отделений // Медицина и образование в Сибири. 2006. № 2. С. 15.

E. A. Pashkovsky (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

MOTIVES FOR EDUCATION IN ADULTHOOD

The ongoing digitalization of society, changes in the labor market, changes in the nature of personality socialization nowadays form specific motives of individuals to get education in middle age, the identification and comprehension of which is devoted to the article. The article analyzes the media publications on the given topic, the results of research of the centers for public opinion study. The empirical basis of the study was made up of written interviews with master's students of the correspondence department of Saint Petersburg Electrotechnical University.

Adulthood, average age, motives for education, continuing education, extramural education

УДК 81'28

Г. К. Петренко (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: komrad-georgy2010@yandex.ru)

ИСТОРИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ ФИННО-УГРОВ И СЛАВЯН НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ

В статье просуммированы основные исторические данные, касающиеся языковых и культурных контактов славян и финно-угров на Северо-Западе современной России. Рассматриваются вопросы датировки их первых контактов, характере взаимодействия, древних и современных лексических и грамматических отражениях данных процессов. Обобщаются классы финно-угорских лексем в современном русском языке, приведены примеры русских заимствований в языки финно-угорской семьи. Отмечены глубокие ареальные явления грамматического уподобления русского и финно-угорских языков.

Финно-угорские языки, русская лексика, Северо-Запад России, языковые контакты, заимствования, ареальная лингвистика

Вопрос о взаимодействии финно-угров и славян на Северо-Западе современной России неизбежно встает перед историками, археологами и лингвистами, пытающимися разобраться в пестроте этнического, культурного и языкового ландшафта этого региона. Известно, что на земли современного российского Северо-Запада (далее – СЗ) финно-угры (далее – ф.-у.) пришли, уже после распада их первоначальной общности приблизительно во II тысячелетии до н. э. [1]. Славяне (далее – с.), вероятно, жившие первоначально в междуречье Вислы и Днепра [2], впервые появляются на землях СЗ (бассейн озер Псковского и Ильменя) в V в. [3], хотя по более традиционной версии это произошло несколько позднее – в VI–VIII вв. н. э.

Так или иначе, во 2-й пол. I тыс.-я н. э. две рассматриваемые группы этносов активно контактируют на землях СЗ. По данным археологии, это взаимодействие носило мирный характер, однако протекало в условиях явного численного и культурного перевеса с. [4], что создавало благодатную почву для ассимиляции. Так, отмечается достаточно низкая плотность автохтонного ф.-у. населения при колонизации с. Северо-Восточной Руси [4; 5]. Такое положение дел объясняют слабым развитием земледелия у ф.-у., традиционно занимавшихся охотой и собирательством, рыбной ловлей и скотоводством [4]. В то же время, по мнению В. В. Седова уже в XII в. с. на севере были весьма многочисленны и активны [6].

В IX в. на Северо-Западе формируется разноэтническая федерация с. и ф.-у. племен, о которой упоминается и в «Повести временных лет» [7]. Вероятно, сложная военно-политическая обстановка на рубежах Руси способствовала

объединению с ф.-у. Последние выплачивали с. дань и участвовали в совместных акциях [8]. Также Е. А. Рябинин обращает внимание на то, что с. активно вовлекают ф.-у. в систему внешних торгово-экономических связей: «В обмен на пушнину и другие виды натуральной продукции ф.-у. племена получали сырье, изделия из цветных металлов, орудия труда, оружие и бытовой инвентарь» [8]. С. приписывается и обучение ф.-у. более совершенным техникам земледелия.

Увеличить свое влияние в ф.-у. землях с. удалось также за счет создания оборонительной системы во 2-й пол. XII в. Немаловажным фактором ассимиляции ф.-у. явилось и их обращение в христианство. В XIII–XIV вв. на ф.-у. землях активно строятся монастыри, что ускоряет процессы ассимиляции. «Окончательное оформление русской административной системы в восточно-финских землях относится к XV–XVII вв.» [7].

Е. А. Рябинин говорит о несомненном историческом синтезе с. и ф.-у. культур, отмечая, что обе группы этносов взаимно обогащали друг друга, в быту появлялись вещи-гибриды, заключались смешанные браки. Последний факт подтверждается современными данными антропологии [8]. С точки зрения генетики, на территории Русского Севера отмечается сближение с. с ф.-у. народами и балтами [9; 10].

На сегодняшний день, после всех драматических событий XX в. и под влиянием языковой политики (главным административным языком в государстве был и является русский) российские ф.-у. двуязычны, а славянизация ф.-у. народов продолжается [7]. Н. В. Бутылов отмечает, что «все ф.-у. языки России являются в основном средством бытового общения старшего поколения», однако молодые российские ф.-у. обычно понимают родную речь [7]. Хочется верить, что власти, а вместе с ними и сообщества ф.-у. СЗ консолидируют усилия по сохранению ф.-у. культурного наследия и дальнейшему развитию культурной и языковой традиций.

Истории языковых и культурных контактов ф.-у. и с. посвящают диссертации и монографии, мы же сконцентрируемся на анализе сегодняшнего состояния двух групп языков. В каких языковых изменениях могло отразиться взаимодействие ф.-у. и с.? Здесь, как нам представляется, природа заимствований в первую очередь определяется историческим укладом жизни и опытом обеих групп этносов. Ф.-у., преодолевавшие большие расстояния по лесам в ходе охоты и собирательства, а также на лодках по рекам, несомненно, глубоко изучили типы ландшафтов, способы передвижения по ним, местную флору и фауну, методы охоты и рыбалки и соответствующий инструментарий. Естественно, с., для которых заболоченные леса и плоские равнины Русского Севера с большим количеством разнообразных водоемов не были привычным ареалом, охотно заимствовали высокодетализированную терминологию автохтонных ф.-у., подчас вместе с реалиями северной жизни. В то же время, ф.-у. были лишь поверхностно знакомы с земледелием, не имели многих бытовых предметов, употреблявшихся у с., располагали значительно меньшим опытом

торговли, вероятно, более простой социально-политической структурой общества, а также значительно позднее приняли христианство – через посредство с. Неудивительно, что соответствующая лексика плотно вошла в ф.-у. языки при контактах со с.

Проиллюстрируем вышесказанное и обобщим имеющийся опыт этимологов и диалектологов, разбивая на группы ф.-у. лексику, вошедшую в современный русский язык или его диалекты, и приводя соответствующие примеры:

1) **Ландшафтная лексика**, включающая термины для обозначения **участков леса и видов болот, водоемов, видов дорог и поселений** [11; 12; 13; 14]. Как отмечает Р. В. Гайдамашко, данная лексика «повсеместно распространена в говорах севернорусского наречия и прикамских говорах, фиксируется памятниками письменности и имеет множество вариантов «...» и дериватов «...». Вариативность и деривационная активность ф.-у. заимствований в русских говорах «...» возрастает при движении от центральных ареалов к периферийным» [15]. О. А. Теуш также заключает, что «во многом благодаря ф.-у. заимствованиям севернорусская географическая терминология отражает чрезвычайно дробное восприятие ландшафта с различием видов объектов по микропризнакам» [11].

Так, О. В. Мищенко, рассматривая лексику с семантикой «лес на болоте», склонна полагать, что «в отличие от исконной лексики, для заимствований «...» характерны более сложные семантические корреляции». В качестве примера приводятся лексемы *корба* – «заболоченное, заросшее густым мелколесьем, обычно еловым, плохим, кривым лесом, захламленное буреломом, труднопроходимое место»; *рем* – «труднопроходимое заболоченное место, поросшее мелким лесом, заваленное буреломом» [14].

О. А. Теуш также констатирует, что «большую группу ф.-у. заимствований представляют названия водных микрообъектов», приводя лексемы *лахта* – «небольшой, обычно мелководный залив» < фин. *lahti*, и *кара* – «залив, заводь на реке или озере» < ср. вепс. *kar, kara* – «небольшой залив, бухта» и др. Первая лексема в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) [16] встречается, причем не только как известный петербургский топоним, тогда как поиск второй затруднен омонимией с гораздо более распространенной лексемой.

Лексемы со значением дороги чаще заимствуются из русского в ф.-у. языки, однако существуют и заимствования в обратном направлении. Слово *тайбола* зафиксировано в значениях «дорога через лес, болото (как правило, зимняя), труднопроходимое место», и «расстояние в лесу между селениями». Другая распространенная в диалектах Русского Севера «дорожная» лексема ф.-у. происхождения – *сора* – «развилка дороги». «А.К. Матвеев считает прямым соответствием для данного слова прасаам. **sore* – «ветвь», широко представленное в других ф.-у. языках региона в значениях «ветвь, развилка, ответвление реки» [14].

Как отмечает О. А. Теуш, «общность географической терминологии народов Европейского севера России проявляется не только в едином комплексе

лексем, возникшем в результате взаимообогащения языков, но и в сходстве моделей номинации объектов ландшафта». Исследовательница обращает внимание на совпадение внутренней формы русских и прибалтийско-финских (далее – п.-ф.) лексем, называющих дороги по сезону или виду транспорта: русск. *ледница*, *ледянка* – «дорога, по которой ездят только зимой» ~ карел. *jiäkeli* – «ледяной путь» (*jiä* – «лед»), русск. *санник*, *санница* – «зимняя дорога» ~ карел. *regidorogu* – «санная дорога» (*regi* – «сани»). «Подобные соответствия многочисленны и могут быть выявлены в других группах географических терминов» [11].

Примечательно приводимое многими исследователями слово *сузем*, которое обозначало «глухой дремучий непроходимый лес вдалеке от населенных пунктов», но развило значение «поселки, отделенные от людных местностей большим лесом». «Лексема *сузем* считается заимствованной из п.-ф. языков и сопоставляется с фин. *systmä* – «лесная глушь; сплошной отдаленный лес» [12]. Многократно отмечается и слово *кулига* – «деревня, куст деревень» от фин. *kylä* – «деревня» и эстонское по происхождению слово *мыза* – «небольшое поселение, хутор». Различается степень освоенности этих лексем в русском языке: слово *мыза* хорошо адаптировалось на русской почве СЗ и встречается в НКРЯ несколько сотен раз, *сузем* можно считать вошедшим в литературный русский язык, но низкочастотным, а *кулига* не встречается в НКРЯ в указанном значении ни разу и может считаться явлением сугубо локальным и диалектным.

2) Второй группой ф.-у. заимствований, неразрывно связанной с первой, можно считать **субстратные топонимы**, которые сегодня полноценно функционируют в составе русского языка, как в адаптированном, так и в неадаптированном виде [17; 18]. Вероятно, какой-то группой славяноязычного населения на ранних этапах колонизации СЗ топонимы осознавались как отсылки к конкретным типам географических объектов. В то же время, более поздние заимствования, очевидно, чаще переосмыслились как русские. В качестве примера последнего можно привести топоним *Карповка* от фин. *Korpijoki*, от *korpi* – «заболоченный еловый лес» и *joki* – «река» [19]. Отметим, что в субстратных топонимах СЗ форманты -(V)г(а), -(V)н(ь)г(а), образованные от *joki*, чрезвычайно частотны.

Также распространены форманты образованные от ранее упоминавшегося **sore* – «ответвление, рукав реки»; от фин. *oksa* – «ветвь», имеющего в родственных языках значения «залив, старица», превращающегося на русской почве в топонимы на -Vкса, -Vкша; от фин. *lahti* – «залив» (напр. *Лакта*, *Кандалакша*), от фин. *jarv(i)*, саам. *jawr* – озеро, преобразующегося в -Vгр(V), -Vвр, и -(C)Vр(V), например, *Ухтомьяр*, *Суегра*, *Вудьявр*, от фин. *rohja* – «дальний угол, конец залива, бухта», напр. *Кондопога* – и многие др. [17; 18]

Дискуссионной и, с большой долей вероятности, ф.-у. является этимология названия реки *Нева*. Так, оно может происходить от фин. *nevo* – «море», *neva* – «топь, болото»; от древнегерманского **newjo* – «новая»; от саамского «*ньява*» – «водоток, соединяющий два водоема» [19].

Интересно наблюдать и неадаптированные топонимы на бывших финских территориях Ленобласти и Карелии (напр., *Петяярви, Лахденпохья*). или полную замену финского названия русским (напр., *Нурмиярви – Борисово*). Надо полагать, неадаптированные ф.-у. топонимы, которые не были политическим решением заменены на русские, имеют хорошие шансы сохраниться, так как их использование подкреплено официальными документами, картами, дорожными знаками и проч. Перспективным в плане изучения фонетической адаптации ф.-у. лексики следует считать исследование неофициальных русскоязычных названий таких географических объектов.

3) К третьей крупной группе ф.-у. слов можно отнести **термины для обозначения местной фауны, предметов и приемов охоты и рыболовства**. Ф.-у. по происхождению являются названия животных (напр. *нерпа* – из саамского), птиц и рыб (*мареж(-а)* – «самка тетерева», *луток* – «порода уток», *сиг, сорога* – «плотва» – из п.-ф.) [14]. О. А. Теуш отмечает пласт севернорусских заимствований, именуемых временные охотничьи, рыбацкие и пастушие жилища, напр., *бугра/бугор* в значении «временное жилище рыбаков, охотников, землянка, шалаш», *коуз* – «шалаш, сделанный пастухом из хвойных прутьев для защиты от непогоды», *шога* – «шалаш, устроенный в поле или в лесу охотниками на птицу с чучелами» [12]. А. К. Матвеев обращает внимание на лексему *бурса* – «лодка для морского рыболовного промысла» < п.-ф. *pursi* – «челн», «парусная шлюпка» [14]. Существует и правдоподобная версия ф.-у. происхождения слова *парус* (древнерус. *пърь*) от фин. *purje* [7]. Н. В. Кабинина также отмечает обилие заимствованных лексем для обозначения ловушек на рыбу в говорах Русского Севера [14].

Русские заимствования в п.-ф. языках региона, в силу указанных выше историко-культурных причин, еще более многочисленны, и, в отличие от русского языка, где ф.-у. заимствования зачастую оказываются периферийными диалектизмами, входят в лексическое ядро. Перечислим лишь некоторые из таких лексем, демонстрирующие потребности межэтнического общения и его результаты: фин. *palttina* – «полотно», *rukkanen* – «рукавицы», эст. *kasukas* «шуба, тулуп» – рус. *кожух*, фин. *kaatio* – «штанина», ср. с рус. *гачи*; фин. *kuontalo* – «пакля» (рус. *кудель*), эст. *aken* – «окно»; *lusikka* – «ложка», эст. *und* – рус. *уда*; эст. *sirp* – «серп», средневепец. *kalkale* – «головка льняного семени» и рус. диал. *колокол, колоколец*, фин. *leipä* – «хлеб», эст. *sahk* – «соха»; фин. *rappi* – рус. *пон*, фин. *rakana*, эст. *ragan* – «язычник» – рус. *поганый*, фин. *suntio* – «церковный служитель»; эст. *sund* – «судья», «приказ», – рус. *суд*; фин. *risti* – «крест, перекресток, развилка»; эст. *turg* – «рынок» и древнерус. *търгъ*; карел. *gora, dorogi*, коми *берег, места, край, сторона* (примеры взяты из [7], [11] и собраны самостоятельно).

Легко вывести из собранных примеров, что активнее всего заимствовались из с. языков лексемы, обозначающие **предметы одежды и быта, лексемы, связанные с земледелием, строительством, религией, социальной и**

экономической жизнью и даже названия дорог и ориентиров. Все это укладывается в историческую логику общения этносов, а также несет ценные сведения для датировки контактов. Так, многие заимствования в ф.-у. языки несут следы неполногласия (существовало до VIII в.), назализации гласных (VIII-IX вв.), слабой лабиализованности [o] (до VIII в.), наличия редуцированных гласных (до XII в.) [7; 20; 21; 22].

Заимствования и взаимовлияние при столь тесном историческом соприкосновении, разумеется, касались далеко не только лексического слоя языка. Так, специалисты по ареальной лингвистике выделяют характеристики, объединяющие не только с. и ф.-у. языки, но и балтийские, и, в известной степени, германские: **партигивные конструкции** (для обозначения частично затронутых действием объектов, напр. «Я поел сыра»), **приставочные глаголы** (напр., в русском и эстонском), **базовый порядок слов подлежащее – сказуемое – дополнение, согласование прилагательных с существительными в числе, падеже и роде** [23].

Я. В. Калинова приводит данные о «встречающихся в русских говорах СЗ аналогичных п.-ф. типах **пассивно-причастных конструкций** с неизменяемой формой причастия и личным/безличным/неопределенно-личным значением: однокомпонентных (*там огорожено, на реке не купанось*), двухкомпонентных без координации членов (*молодые уехано. изба помыто*), а также так называемого северного посессивного перфекта (*у него уехано*). Также отмечается сходство вепских пассивно-причастных оборотов, где субъект чаще всего выражен адессивом (падежом с основными местным и посессивным значениями), и русского сочетания у + род. п. [14].

Наконец, можно заметить поразительное **сходство в логике употребления финского локатива и русского предложного падежа** в локативных значениях. В русском, выбор предлогов «в» или «на», хоть и неосознаваемый носителями языка, чаще всего определяется закрытостью/открытостью пространства: *в доме, в банке, в школе, но на улице, на стадионе, на озере*. В финском со всеми закрытыми пространствами употребляется вариант локативного окончания -ssa/-ssä: *talossa, pankissa, koulussa* а с открытыми – вариант -lla/llä: *kadulla, stadionilla, järvellä*. При этом даже неочевидно закрытое пространство леса или порта воспринимается носителями обоих языков одинаково: *в лесу – metsässä, в порту – satamassa*. Такое глубокое совпадение внутренней, имплицитной падежной логики языков иначе как тесным ареальным взаимодействием в случае русского и финского объяснить невозможно.

Источники:

1. Напольских В. В. Предыстория народов уральской языковой семьи // История татар с древнейших времен в 7 тт. Т.1. Народы степной Евразии в древности. Ред. С. Г. Кляшторный. Казань, 2002. С. 195–203.
2. Кобычев В. П. В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973.

3. Седов В. В. Расселение славян в V–VII веках // Очерки истории культуры славян. М., 1996. С. 56–115.
4. Третьяков П. Н. На финно-угорских окраинах Древней Руси // У истоков древнерусской народности. Ленинград: Наука, 1970.
5. Дубов И. В. Спорные вопросы этнической истории северо-восточной Руси IX–XIII веков // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 15–27.
6. Седов В. В. Избранные труды. Славяне: Историко-археологическое исследование. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры, 2005.
7. Бутылов, Н. В. К истории славяно-финских этнических контактов // Ученые записки РГСУ. №10. 2011. С. 102–107.
8. Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб. : СПбГУ, 1997.
9. Генофонд Русского Севера: Славяне? Финны? Палеоевропейцы? / Балановская Е. В., Пежемский Д. В., Романов А. Г., Баранова Е. Е., Ромашкина М. В., Агджоян А. Т., Балаганский А. Г., Евсеева И. В., Виллемс Р., Балановский О. П. // Вестник Московского университета. Сер. Антропология. 2011. № 3. С. 27–58.
10. Variability of the 3' ApoB Minisatellite Locus in Eastern Slavonic Populations / Verbenko D. A., Knjazev A. N., Mikulich A. I., Khusnutdinova E. K., Vebyakova N. A., Limborska S. A. // Human Heredity. 2005. Vol. 60. No 1. P. 10–18.
11. Теуш О. А. Взаимодействие языков европейского севера России в сфере географической лексики // Актуальные проблемы языкознания. 2018. Т. 1. С. 270–276.
12. Теуш О. А. Славяне и финно-угры: этническое взаимодействие на Европейском Севере России (на материале наименований типов поселений) // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 5. С. 161–172.
13. Теуш О. А. Этимологизация финно-угорских заимствований в русском языке и семантический анализ. // Вопросы языкознания. 2003. №1. С. 99–108.
14. Финно-угорское наследие в русском языке: Сб. науч. трудов / Отв. ред. А. К. Матвеев [и др.]. Вып. 2. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002.
15. Гайдамашко Р. В. Ландшафтная лексика финно-угорского происхождения в русских говорах верхнего Прикамья: автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук. СПб, 2014.
16. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] / URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 16.01.2023)
17. Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Екатеринбург: Изд-во Урал. Университета, 2004.
18. Шилов А. Л. Субстратная топонимия русского Севера в свете работ А. К. Матвеева // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 76–101.
19. Топонимический портал Санкт-Петербурга. [Электронный ресурс] / URL: <https://toponimika.spb.ru/> (дата обращения: 14.01.2023)

20. Shevelov G. Y. A Prehistory of Slavic. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1964.

21. Галинская Е. А. Историческая фонетика русского языка. М.: Изд-во Московского университета, «Наука», 2004.

22. Курьшева М. В. История русского языка: исторический комментарий на уроках русского языка в начальной школе. Учебно-методическое пособие. Томск, 2014.

23. Campbell L. Historical Linguistics: An Introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1998.

G. K. Petrenko (St. Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

HISTORY AND RESULTS OF LANGUAGE CONTACT BETWEEN FINNO-UGRIC AND SLAVIC PEOPLES IN THE NORTH-WEST RUSSIA

The article summarizes the main historical data concerning linguistic and cultural contact of Slavic and Finno-Ugric peoples in the North-West of modern Russia. The issues of dating their first contacts, the nature of interaction, ancient and modern lexical and grammatical reflections of these processes are considered. Loan Finno-Ugric lexeme classes in the modern Russian language are generalized, examples of Russian borrowings in the languages of the Finno-Ugric family are given. The deep areal phenomena of grammatical assimilation of the Russian and Finno-Ugric languages are noted.

Finno-Ugric languages, Russian lexis, Northwest Russia, language contact

УДК 800.92:519.682

А. О. Пиленко (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: a.pilenko@mail.ru)

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ИЗБИРАТЕЛЕЙ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

Рассматриваются и исследуются непредсказуемые электоральные предпочтения избирателей Хабаровского края в период проведения предвыборных и выборных кампаний как в органы краевой власти, так и в органы местного самоуправления (г. Комсомольска -на-Амуре). Формирование имиджа руководителей как личностей, так и в составе сформированной команды, в период своей работы на краевой и муниципальной территориях, зависимость социально-экономического развития территорий от политики и методов руководства регионального уровня и федерального центра, а также зависимость принимаемых ими решений от лидирующих партий. Актуальность исследования обусловлена среди прочих причин и неоднозначным выбором населения Хабаровского края своего регионального лидера – Губернатора в 2018 году.

Электоральные предпочтения, предвыборная и выборная кампания, имидж руководителей, политические партии, общественное мнение, мультипарадигмальный концепт, лидеры, избиратели, политические коммуникации

Актуальность выбранной темы выступления на конференции обусловлена оказавшимися непредсказуемыми электоральные предпочтения избирателей в период проведения предвыборных и выборных кампаний как в органы краевой государственной власти (Губернатора), так и в органы местного самоуправления администрации города Комсомольска-на-Амуре (Главы администрации города), проходившие в Хабаровском крае в 2018 году. Формирование имиджа руководителей в период своей работы на краевой и муниципальной территориях зависит от многих обстоятельств, включая зависимость социально-экономического развития территорий от политики и методов руководства регионального уровня и федерального центра, зависимость принимаемых ими решений от лидирующих партий, личности будущего руководителя.

Сегодня Хабаровский край – один из самых крупных регионов Дальневосточного Федерального округа, занимающий площадь 788 тыс. кв. км., население которого составляет около 1,4 млн. человек. Ведущими секторами экономики края являются промышленность – более 20 процентов, транспорт и связь – около 20 процентов, торговля и строительство. Основными отраслями специализации промышленности являются топливно-энергетический ком-

плекс, машиностроительный комплекс, добыча полезных ископаемых, металлургическое производство, лесозаготовки и деревообработка, производство пищевых продуктов.

Также, в крае можно выделить базовые центры экономического роста – это агломерация «Комсомольск-на-Амуре – Амурск – Солнечный», Хабаровская агломерация, Ванино-Советско-Гаванский транспортно-промышленный узел, в которых расположен основной электорат региона.

Особо необходимо отметить северную часть Хабаровского края, население которого в большинстве своем составляют коренные малочисленные народы Севера, имеющую огромную по совокупности территорию, но не высокий электорат. Это Охотский район, Аяно – Майский и Тугуро – Чумиканский районы. При небольшом количестве населения и особых социальных и экономических проблемах (труднодоступность, низкий уровень медицины и т. д.) этих огромных территорий, принимаемые главой региона социально-политические решения по улучшению жизни населения, отражаются на его будущем имидже, мнении населения всего края в период принятия выборных решений [8].

С одной стороны, Президент России, Правительство Российской Федерации, исполнительные органы власти субъектов РФ принимают: стратегии, Программы социально – экономического развития, действуют программы Дальневосточный гектар и Дальневосточная ипотека, создаются условия для развития малого и среднего бизнеса, образованы территории социально-экономического развития с льготными налоговыми преференциями для привлечения как российских, так и зарубежных инвестиций, город Комсомольск-на-Амуре получил статус города Президентского внимания, была принята соответствующая Программа по развитию города на уровне Федерации, делается вроде бы все, для закрепления населения на Дальневосточных территориях. Но с другой стороны, продолжает расти отток населения с Хабаровского края, снижается загрузка крупных промышленных предприятий, сокращается число малого и среднего бизнеса, падает рождаемость и наконец ухудшается имидж краевых властей.

Актуальность исследования обусловлена среди прочих причин и неоднозначным, протестным выбором населения Хабаровского края своего регионального лидера – Губернатора в 2018 году. Из-за этого произошла и смена основной действующей команды краевой администрации. Вместо представителя политической партии действующей власти – «Единой России» избиратели отдали свои предпочтения кандидату от «ЛДПР», не опираясь на партийную принадлежность избираемого лидера. Учитывая неизученность данного социального явления в политической науке и актуальность вышеуказанной темы, рассмотрение этой проблематики приобретает особую актуальность и практическую значимость для будущей социально-стабильной ситуации не только в Хабаровском крае, но и других регионах России [8].

Стоит отметить, что изучение и выявление электоральных предпочтений населения края в период выборных кампаний, включая раскрытие ключевых

социально-политических факторов и обстоятельств поражения прежней краевой власти на губернаторских выборах 2018 года, в настоящее время весьма актуально.

Также предлагается исследование в работе такого явления как политическое взаимодействие или политические коммуникации в постоянно меняющемся российском современном обществе, спроецированное на Хабаровский край. Можем наблюдать, что политические коммуникации играют немаловажную роль в процессе формирования политической атмосферы, становятся главными факторами получения, удержания и использования политической власти, в том числе и на региональном уровне. Но есть и недостаток в политико-социологических подходах к пониманию этого явления. В современных научных трудах уделяется большое внимание изучению различных сторон политических коммуникаций, но ряд принципиальных вопросов по концептуальным представлениям до сих пор не изучен. Без дальнейшего исследования сложно будет раскрыть все стороны изучаемого явления, его тенденции развития в изменяющемся современном российском обществе. Попытки восполнения существующего пробела политико-социологических знаний по указанной выше проблематике осуществлялась авторами различных публикаций [2].

После того, как в период Первой мировой войны вышли работы Г. Лассуэлла, посвященные анализу пропаганды, исследования политических коммуникаций выстроились по двум главным направлениям [1]. Первое – разработка микроуровневых концепций, в сфере которых исследуются политико-коммуникативное воздействие на отдельного индивидуума (теория волшебной пули, теория минимальных эффектов и ее современная интерпретация, представленная Л. Беннетт и Ш. Айенгар, теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера, теория полезности и удовлетворения потребностей Э. Каца, теория культивации Дж. Гербнера, концепция установления повестки дня Д. Шоу и М. Маккомбса и связанные с нею сегодня прайминг и фрейминг. Второе направление – это когда исследования политических коммуникаций осуществляются в рамках макроуровневых концепций, в которых рассматривается взаимодействие акторов на уровне политической системы и общества в целом. К их числу относятся системная (Д. Истон), структурно-функциональная (Г. Алмонд, Дж. Коулман) и институциональная (Дж. Мангейм, Р. Рич) теории. Микро- и макроуровневые теории взаимодополняют друг друга. Результатом такого синтеза стала разработка матриц Р. Крейга и Р. Мидоу, описывающих теорию коммуникации как систему допущений, понимаемых всеми сходным образом, но при этом постоянно оспариваемых. Кроме того, необходимо отметить и значительное количество современных научных работ, которые посвящены электронным коммуникациям в современной России.

Близкими по смыслу являются работы, посвященные анализу влияния социальных сетей на политическую атмосферу в онлайн-сообществах. Также, стоит обратить особое внимание на исследования общественного мнения в области политики в ведущих научных журналах.

Из имеющихся на сегодня основных методологических подходов к изучению политических процессов для данного научного исследования предполагается использовать мультипарадигмальный концепт, который позволяет объединить эвристический потенциал ключевых объясняющих теорий, включая системную, диалектико-материалистическую, бихевиористскую и другие методологии [7].

Также, достойного, основательного эмпирического общественного мнения населения региона с целью выявления недостатков в действиях прежней краевой власти, которые привели к ее поражению на выборах [4]. На основе результатов исследования, представляется возможным подготовить рекомендации по изменению в лучшую сторону политического имиджа региональных лидеров и формирования социально-стабильного развития территории.

Источники:

1. Белов А. А., Елисеев С. М. Политические процессы и институты в современной России. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.
2. Милецкий В. П., Казаринова Н. В. Системное содержание современной социальной политики. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2010. Мухаев В. В. Политология. М.: Юнити-Дана, 2012.
3. Милецкий В. П., Пименов Н.П. Политико-социологическое измерение социодинамики политических коммуникаций в современной России. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017
4. Социальная политика государства и бизнеса: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / отв. ред. О. А. Канаева. М.: Издательство Юрайт, 2016.
5. Буторина, О. Понятие региональной интеграции: новые подходы. // Космополис. 2005 осень. № 3 (13). С.136-145. [Электронный ресурс]/Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2006/04/10/butorina/> (дата обращения 10.11.2020).
6. Руткевич М. Н. Социальная структура. М.: Альфа-М, 2004.
7. Политическая социология / под ред. В. Д. Виноградова, Н. Г. Головина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013.
8. РБК: <https://www.rbc.ru/politics/23/09/2018/5ba79f5b9a794754285256c7>

A. O. Pilenko (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

THE ORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE STUDY OF ELECTORAL PREFERENCES OF VOTERS OF THE KHABAROVSK KRAI

The unpredictable electoral preferences of voters of the Khabarovsk Territory during the pre-election and election campaigns for both regional authorities and local self-government bodies (Komsomolsk-on-Amur) are considered and investigated. The formation of the image of leaders, both individuals and as part of a

formed team, during their work in the regional and municipal territories, the dependence of socio-economic development of territories on the policies and methods of leadership at the regional level and the federal center, as well as the dependence of their decisions on the leading parties. The relevance of the study is due, among other reasons, to the ambiguous choice of the population of the Khabarovsk Territory of its regional leader – the Governor in 2018.

Electoral preferences, election and election campaign, image of leaders, political parties, public opinion, multi-paradigm concept, leaders, voters, political communications

УДК-004.8

Е. В. Пирайнен (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: evpiraynen@etu.ru)

ОСОБЕННОСТИ РОБОТИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ VANI-МИРА

Рассматриваются особенности развития ИИ в разработке программного обеспечения современных социальных роботов в новом VANI-мире, ориентированном на заботу о благополучии людей.

Цифровой мир, VANI-мир, роботизация, искусственный интеллект, эмоциональный искусственный интеллект

Нестабильный, неопределенный, сложный и неоднозначный VUCA-мир, характеризовавший изменчивую и сложную реальность конца XX – начала XXI века больше не может описывать происходящее. Но все слишком изменилось. Основатель Давосского форума Клаус Шваб предложил перейти от мира, основанного просто на материальных целях, к миру, который гораздо больше заботится о благополучии людей. Новая реальность – это VANI-мир.

Новую модель предложил известный футуролог, создатель онлайн-ресурса «Open the Future», Джамайс Кашио. VANI – это акроним для описания механизмов новой реальности и условий ее существования.

Brittle (Хрупкий). Хрупкость заключается в том, что любая выстроенная система способна быстро сломаться.

Anxious (Тревожный). Тревожность вызвана невозможностью повлиять на непрекращающиеся изменения.

Nonlinear (Нелинейный). Нелинейность предполагает, что нам не очевидно, к каким последствиям приведут те или иные действия. Нет прямых зависимостей. Одно действие может перевернуть всю жизнь, а миллионы усилий ни к чему не приводят.

Incomprehensible (Непостижимый). Непостижимость – следствие переизбытка поступающей информации, которую все сложнее становится сортировать.

Если все способно измениться внезапно, важно быть гибким.

Если ситуация нервная, важно быть чутким по отношению к людям и ориентироваться на них.

За последнее время мир пережил такие явления, которые однозначно многое изменили: пандемия, изоляция, дистантизация, с одной стороны вызвавшие стресс, а с другой – ускорившие цифровизацию мира. Роботизация уже давно проникла не только на промышленные предприятия, но и в соци-

альную сферу. И чем больше системы ИИ усложняются, тем даже их создателям сложнее понять, как они принимают то или иное решение.

В условиях VANI-мира наибольшую актуальностью начинают приобретать такие качества как гибкость и чуткость.

Социальные роботы, как правило, гуманоидного типа, адресованные прежде всего пожилым людям или людям с ограниченной мобильностью, предназначенные, прежде всего, для домашнего использования. Могут служить компаньонами для пожилого человека, оказывать ряд услуг, от напоминания о необходимости принять лекарство до, например, выключения забытой включенной электроплиты. Очень близки к персональным роботам, но нацелены прежде всего на пожилых.

Так в мае 2022 года Агентство по делам пожилых людей штата Нью-Йорк раздало пенсионерам 800 роботов-помощников ElliQ, разработанных израильской компанией Intuition Robotics. Проект позиционируется как борьба с одиночеством – впрочем, вполне очевидно, что устройства ни при каких условиях не заменят живых собеседников. В остальном речь идет о приятной поддержке и о постепенном освоении человечеством роботов-компаньонов [1].

Говоря об эмпатии и появлении роботов, нельзя не упомянуть о феномене зловещей долины – термине, граничащем с психологией, технологиями и искусственным интеллектом. Этот феномен был представлен в 1970 году японским профессором робототехники Масахиро Мори, который изучал эмоциональные реакции, вызываемые у людей внешним видом роботов. Как оказалось, симпатия к роботам присутствует лишь до определенного момента. Феномен зловещей долины, таким образом, означает порог реалистичности во внешнем виде и поведении роботов, за которым человек испытывает дискомфорт, страх или даже отвращение. Мори также обнаружил, что движение робота усиливает их отрицательное или положительное восприятие. Это объясняется специфической, развитой реакцией нашего мозга на существ, подобных нам, особенно когда эти существа имеют антропоморфную форму [1].

Все исследования, оценивающие отношения между людьми и машинами, позволяют, среди прочего создавать все больше и больше функциональных роботов для конкретных получателей, чтобы наилучшим образом использовать их потенциал.

Исследователь Массачусетского технологического института Кейт Дарлинг, которая занимается взаимодействием человека и машины и его этическими аспектами, определила, что вхождение роботов в социальное пространство можно сравнить с процессом одомашнивания животных. Отношения между людьми и роботами будут носить скорее социально-эмоциональный характер, чем практический. Наш мозг интерпретирует определенное поведение машин так же, как и людей, и что их вред вызывает у нас эмпатические чувства [1].

Таким образом искусственный интеллект успел проникнуть во многие сферы нашей жизни и вплотную приблизился к сфере человеческих эмоций и

чувств. В 77 % используемых нами устройств в той или иной форме присутствуют функции ИИ. Согласно исследованиям, 41 % потребителей уверены, что искусственный интеллект может улучшить их жизнь [2]. Однако, как показали исследования, людям важны не только функциональные возможности умной машины, но и ее внешние данные. Особенно это касается сервисных и социальных роботов, чья основная задача заключается в общении и взаимодействии с людьми.

На заре разработки роботов-компаньонов конечно же придавали значение не только их функциональным возможностям, но и внешнему виду. Ярким примером того, насколько продвинутым может быть ИИ, является робот София от Hanson Robotics (2018), который умеет выражать до 60 эмоций, распознавать речь и генерировать ответы на основании собственного опыта и данных из интернета. [International Telecommunication Union] Имеено Софию использовал для исследований в рамках проекта Loving AI, посвященного тому, как агенты AI могут выражать любовь людям посредством разговоров, которые адаптируются к уникальным потребностям каждого пользователя, поддерживая интегративное личное развитие и развитие отношений [3].

Еще одним примером являются роботы Pepper и NAO (2020) от SoftBank Robotics, которые умеют читать эмоции. Их используют в сфере коммуникации с детьми и пожилыми людьми. Они привлекательны, пробуждают когнитивное любопытство и мотивируют людей на интеллектуальные усилия и социальные взаимодействия. Они помогают детям развивать навыки решения проблем и аналитические навыки, необходимые для достижения успеха в обществе, основанном на знаниях и высоких технологиях. Благодаря индивидуальным и гибким программам обучения Pepper и NAO повышают самомотивацию при изучении предметов и поощряют развитие творческих способностей [4]. И таких примеров на самом деле множество.

Самыми важными тенденциями в развитии современной робототехники являются внедрение и совершенствование систем компьютерного зрения и искусственного интеллекта. Благодаря новым разработкам увеличиваются степень свободы роботов и качество их адаптации не только под изменения внешней среды, о и под потребности пользователей.

Именно социальные и сервисные роботы представляют наибольший интерес с точки зрения взаимоотношения с человеком.

Сегодня широко применяются сервисные роботы-помощники, например, такие как чат-боты, голосовые помощники Siri, Alexa, Алиса, Маруся, а также полноценные устройства, которые смогут не только ответить на вопрос или напомнить о мероприятии, рассказать историю или пошутить, но и оказать физическую помощь.

Чат-боты – это самое быстрое средство коммуникации. В тройку лучших чат-ботов с искусственным интеллектом входят Microsoft Cortana, Apple Siri и Google Assistant. Чат-боты придают новое измерение услугам и ускоряют раз-

личные операционные процессы. По статистике система чат-ботов может отвечать до 80 % всех распространенных простых запросов. По словам 68 % респондентов, потребителям нравятся чат-боты, потому что они дают быстрые ответы. Важнейшей особенностью чат-бота, по мнению пользователей, является доступность сервиса 24 часа в сутки, семь дней в неделю [5].

В последние годы обслуживающих ботов стали наделять личностными характеристиками. Их учат проявлять эмпатию. Для работы над скриптами привлекают психологов, лингвистов, сторителлеров и профессиональных сценаристов. Ассистентов все чаще наделяют именами, узнаваемым голосом, а иногда и визуальным образом.

ИИ в системах распознавания считывает выражения лица при помощи любого оптического датчика. Сопоставляя собранные данные с образцами из базы изображений, программа для распознавания может определять чувства человека по сочетанию выражений его лица.

Программа распознавания эмоций по голосу позволяет обрабатывать человеческий голос, и анализировать не то, что говорят, а то, как говорят, извлекая паралингвистические сигналы и наблюдая за изменениями интонации, громкости, темпа, качества речи, переводить полученные данные на язык эмоций, различать пол, возраст говорящего человека [2].

Виртуальные «цифровые помощники», такие как Siri, Alexa, Алиса, Маруся и т. п. созданы вести себя как люди, показывать эмоции, шутить и обижаться. Кажется, что они обладают собственной уникальной личностью, могут учиться и вести реальные разговоры.

В условиях быстрого и непредсказуемого ВANI-мира, когда мир видится непостижимым, а знания всегда неполноценными, и люди вынуждены принимать решения в ситуации неопределенности, самым важным фактором коммуникации становится доверие. Бот с именем вызывает больше доверия. Большинство компаний-разработчиков делает ставку на простые и понятные имена, которые легко произносить и напечатать, а также легко запомнить.

Доверие усиливается, если он к тому же выражает эмпатию. Исследования показывают, что пользователи, которые видят в роботе, боте черты человека, получают большее удовлетворены от взаимодействия с ним. Робот, который реалистично имитирует речь человека, располагает к себе пользователя.

В условиях новой реальности очень важно учитывать потребности людей. Цель существования бота – это выполнение конкретной функции, первостепенная задача ассистентов и ботов – это помощь людям, для этого они должны понимать не только речь, но эмоции и намерения собеседника.

На эффективность их работы положительно влияют личностные характеристики, поэтому виртуальные помощники все чаще дополняются аватарами.

Но здесь возникает проблема, связанная с антропоморфностью умных машин – это так называемый эффект зловещей долины. Если робот, на которого смотрит человек, приобретает человеческие черты, то симпатия к нему сна-

чала увеличивается, но это продолжается только до определенной точки, потом он начинает вызывать негативные эмоции.

Попытку преодолеть эффект зловещей долины сделали разработчики пермской компании «Промобот» – одной из крупнейших компаний в сфере сервисных роботов в Европе. Они создали антропоморфного андроида Дуняшу, которая вызвала высокий ажиотаж на ПМЭФ-2022 в СПб. Дуняша – это не просто робот, это целый комплекс с роботизированной рукой и оборудованием для выдачи холодных и горячих напитков. По мнению соучредителя компании «Промобот» Олега Кивокурцева – их компания сейчас находимся на выходе из «зловещей долины». Если раньше они делали роботов с не слишком похожей на человеческую кожей, неестественной мимикой, руки роботов двигались слишком резко, то сейчас они уже на середине выхода из зловещей долины» [6].

Современные изделия роботостроения поражают своими возможностями. Они внедряются во все сферы жизни людей, облегчая их работу и помогая в быту. В связи с этим наблюдается популяризация роботов среди населения.

BANI-мир – более быстрый и сложный, хаотичный мир, не имеющий ясной структуры. Главная идея сейчас – найти баланс внутреннего и внешнего реализма, и для этого необходимы исследования и научные разработки. На данном этапе развития технологий важно понять, насколько «гонка за реализмом» целесообразна.

Источники:

1. Человек и робот – анализ отношений. URL: https://zen.yandex.ru/media/everything_and_about_everything/chelovek-i-robot-analiz-otnoshenii-627f6f-0285a5736b50de6f93 (дата обращения: 14.11.2022)
2. Эмоциональный ИИ: как технология обретает человеческое лицо. URL: <https://evergreens.com.ua/ru/articles/emotion-ai.html> (дата обращения: 14.11.2022)
3. Loving AI. URL: <https://lovingai.org/> (дата обращения: 21.12.2022)
4. Гуманоидные роботы: будущее образования. URL: <https://www.aldebaran.com/en/pepper-and-nao-robots-education> (дата обращения: 10.12.2022)
5. Поразительная статистика чат-ботов 2022: преимущества, демография, тенденции, маркетинг. URL: <https://www.bloggersideas.com/ru/chatbot-statistics/> (14.11.2022)
6. Сооснователь «Промобота» рассказал, какие человекоподобные роботы больше всего нравятся людям и почему. // ИА Финмаркет. 05 августа 2022 года URL: <http://www.finmarket.ru/interview/?id=5775005> (дата обращения 9.09.2022)

E. V. Piraynen (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

FEATURES OF ROBOTIZATION IN BANI-WORLD

The features of the development of AI in the development of software for modern social robots in the new BANI-world, focused on caring for the well-being of people, are considered.

Digital world, BANI-world, robotization, artificial intelligence, emotional artificial intelligence

УДК 316.4.051.6

А. В. Платонова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: annaplatonovav@gmail.com)

ИСТОРИЯ КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье изучены проекты, посвященные истории Великой Отечественной войны. Исторические проекты исследованы как социальные и коммуникативные ресурсы формирования пространства доверия, поддерживающего потенциал для консолидации российской молодежи.

История, Великая Отечественная война, молодежь, социальные проекты, связи с общественностью

Знание своего прошлого, истории страны, приобщение к традициям являются важнейшими факторами консолидации общества. Однако консолидирующий эффект эти факторы обнаруживают именно тогда, когда отношение к истории и прошлому носит доверительный характер.

Доверие к истории не является исключительно эмоционально-психологической характеристикой. В этом смысле она обнаруживает свой неустойчивый характер, и не может рассматриваться как стабильный показатель. Доверие к истории формируется на основе ее изучения, обращения к фактологическому материалу, погружения в смысл исторических событий и процессов, освоению исторического опыта в соотнесении с решением проблем современности. Отношение к истории, основанное именно на знании, формирует не только эмоциональное, но и интеллектуальное доверие к ней со стороны членов общества, и в этом раскрывается ее консолидирующий потенциал.

6 апреля 2020 года ВЦИОМ представил данные мониторингового исследования о важности для россиян поправок, внесенных в Конституцию РФ в 2020 года. Самой важной из поправок, затрагивающих мировоззрение наших сограждан, россияне считают поправку о недопущении фальсификации истории (89 %). Однако, 47% опрошенных подтвердили, что имеют неудовлетворительные знания в истории Отечества.

Особенно самокритичной в данном вопросе оказалась молодежь [1].

Проведенный опрос ВЦИОМ на знание ряда исторических фактов/событий подтверждает отрицательные показатели – знание истории России среди населения низкое, в особенности, если события относятся не к недавнему прошлому (конец 20 века), а к более раннему историческому периоду [1].

В этой связи важнейшей становится работа с молодежной и подростковой аудиторией, поскольку, во многом данная проблема своими корнями уходит в школьную систему образования.

С 2022 года, с начала специальной военной операции (СВО) на Украине, тема Великой Отечественной войны приобрела свою особую значимость и вызвала широкую дискуссию в пространстве публичных коммуникаций (многочисленные статьи в печатных СМИ, программы передач на телевидении, обсуждения и комментарии в блогосфере и т. п.). Однако, этот исторический период зачастую просто «растворяется» в сознании школьников. Так, например, по общеобразовательной программе история 20 века приходится на 11 класс – время подготовки к единому государственному экзамену. Из-за нагрузки, стресса и т. д. не все учащиеся успевают пройти программу 11 класса или не уделяют ей должного внимания.

«Напомню, что история по-прежнему выполняет в школьном курсе три основные задачи: мировоззренческую, образовательную и воспитательную. Целевыми аудиториями проекта являются:

- активисты (студенты высших учебных заведений и школьники 9–11 классов Санкт-Петербурга);

- зрители (школьники 6–10 классов).

Основными формами работы с активистами являются:

- встречи с профессионалами (специалистами в области исторической науки, преподаватели, писатели, исследователи);

- дискуссии и обсуждения исторических событий (с профессионалами);

- совместная разработка форматов передачи информации целевой аудитории;

- реализация проектов с нуля (совместно с профессионалами).

А если все свести к подготовке и сдаче ЕГЭ, то ни одна из этих трех задач решена не будет. Это приводит к тому, что интерес ученика к истории в школьном курсе приобретает явно выраженный, я бы сказал, гипертрофированно утилитарный, функциональный характер», – отмечает в одном из интервью кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Новейшего времени факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ Алексей Киличенков [2].

Межрегиональное Общественная Организация Центр Исторического Добровольчества «Паруса истории» был создан в 2018 году с целью популяризации истории России среди молодежи посредством современных интерактивных форматов взаимодействия. В проектах «Парусов истории» участвуют активные школьники и студенты, которые делают историю России интересной и вызывающей доверие у современного поколения [3].

За 5 лет работы Центр Исторического Добровольчества провел около 20 городских и международных мероприятий, в которых приняли участие более 10 000 студентов и школьников России. Центр активно поддерживается Правительством Санкт-Петербурга и коммерческими компаниями ПАО «Газпром», «Leroy Merlin», «Ростелеком» и другими.

Целевыми аудиториями проекта являются:

– активисты (студенты высших учебных заведений и школьники 9–11 классов Санкт-Петербурга);

– зрители (школьники 6–10 классов).

Основными формами работы с активистами являются:

– встречи с профессионалами (специалистами в области исторической науки, преподаватели, писатели, исследователи);

– дискуссии и обсуждения исторических событий (с профессионалами);

– совместная разработка форматов передачи информации целевой аудитории;

– реализация проектов с нуля (совместно с профессионалами).

Активисты ЦИД «Паруса истории» – студенты и школьники Санкт-Петербурга, которым интересна история России. Главная мотивация для активистов «Парусов истории» – это работа в команде и возможность пообщаться с ведущими профессионалами России.

Активисты самостоятельно придумывают и реализуют проекты, профессионалы определяют направление и консультируют. Помимо информационной составляющей, активисты самостоятельно реализуют и форматы коммуникационного взаимодействия: монтируют фильмы, составляют выставочные стенды, разрабатывают игры и викторины. Слоганом команды является: «Начни свою историю!» [4].

В качестве коммуникационных форматов работы со зрителями можно выделить следующие:

– интерактивные уроки истории (фильм, выставка, онлайн-викторина);

– кинопоказы (с исторической справкой) и с последующим обсуждением;

– игровые форматы (исторические кейсы, игра «Суд исторической личности», викторины);

– онлайн-проекты в социальных сетях (ВКонтакте и Instagram);

– онлайн-лекции;

– встречи с профессионалами и очевидцами событий с последующими обсуждениями.

Строго научный, познавательный подход воспринимается молодежью как «сложный», «скучный», «не модный». Учитывая именно специфику коммуникативного взаимодействия с целевой аудиторией, Центр определил основную цель работы своей команды – сделать историю понятной, интересной и яркой.

Все это, по нашему мнению, в значительной степени сформирует доверительное отношение целевой аудитории к изучению истории и, как следствие, способствует сближению не только в плане интеллектуального межличностного общения, но и консолидации на уровне общих взглядов, идей и мнений относительно исторических событий [5].

Главные принципы ЦИД «Паруса истории» – доступность (история понятна), интересность (новые знания и необычные формы) и актуальность (занимательность, востребованность) определили поиски новых форматов ком-

муникационного взаимодействия с целевой аудиторией для создания пространства доверия. Рассмотрим каким образом они реализуются для достижения нашей цели.

1. *«Понятная история»*. В ЦИД «Паруса истории» разработан формат взаимодействия с целевой аудиторией: «профессионалы – активисты – общественность». Его основная задача – сделать историю понятной, доходчиво объяснять многие сложные исторические процессы. Для реализации подобного принципа была использована следующая технология.

Первый шаг: это информирование самих активистов. Центр организует для них готовые лекции, занятия, мастер-классы. В качестве лекторов приглашает ведущих специалистов, ученых – историков, политологов, социологов, в зависимости от проекта.

Здесь важны профессионалы, которые могут понятно и интересно объяснять сложный материал, готовы взаимодействовать со зрителем, чтобы ребята свободно ориентировались в том, о чем они потом будут рассказывать широкой общественности.

Следующий шаг: обработка информации активистами Центра, разработка доступного формата, который заинтересует аудиторию. Активисты – это студенты и школьники старших классов, которые хорошо понимают, что значит интересно подать исторический материал для молодежи. Они сами являются частью этой аудитории.

Сложные исторические факты становятся более доступным для понимания участников. Команда выявляет наиболее яркую и важную информацию и, самое главное, всегда начинает «с нуля», т. е. с причин и предпосылок исторического события. Важно доступно объяснить зрителю причины начала исторических событий, а также и их итоги.

Заключительный шаг: рассказ истории общественности. Спикеры – это активисты ЦИД «Паруса истории». Зачастую разница в возрасте спикеров и зрителей составляет не более 5 лет. Таким образом, молодые спикеры рассказывают историю простым, понятным языком. Более того, т. к. перед зрителем не строгий учитель, а их сверстник, школьникам не страшно задать вопрос, начать дискуссию и т. д. Активисты всегда поддерживают общение, создавая позитивную и дружескую атмосферу, формируя, тем самым, доверительное пространство.

2. *«Интересная история»*. История должна стать интересной. Поэтому, в первую очередь, команда «Парусов истории» освещает в своих проектах мало популярные исторические события, которые еще не успели «надоесть» зрителям. Так, например, для проектов на тему Великой Отечественной войны Центр использовал такие темы, как история Международного единства во время войны (Ленд-Лиз), история Соловецких юнг, военная медицина, молодежь блокадного Ленинграда, развитие реконструкций и т. д.

Занимательность соотносится не только с получением нового знания, но подразумевает необычный формат передачи информации. Читать учебники,

слушать восторженную речь учителя – это одно, а реально почувствовать себя участником этой истории – совсем другое. Активисты выбирают погружающую атмосферу и интерактивный формат.

С целью создания погружающей атмосферы используются настоящие доказательства истории: хроника, воспоминания, запись музыки и речи того времени, одежда, другие атрибуты прошлого (оригиналы и копии), встречи с очевидцами. Современными фильмами о Великой Отечественной войне, перенасыщенными спецэффектами, школьников не удивишь и не вдохновишь. А вот показать реальные лица тех людей, их речь, дать померить их форму – «оживить историю», это совсем другое. История превращается в реальность. Дети понимают, что это не просто фильмы, рассказы, а что это было на самом деле.

Чтобы ввести в проекты интерактив, команда Центра использует такие методы, как онлайн-викторины, дискуссии, обсуждения. Школьники с радостью идут на коммуникацию и, самое главное, лучше запоминают информацию.

Викторины устраиваются, как правило, в конце интерактивных уроков, чтобы проверить, насколько хорошо усвоен материал. В итоге показатели эффективности проведенного мероприятия не менее 60 % усвоенного школьниками материала. После мероприятий педагоги просят поделиться технологией работы с историческим материалом, активисты с радостью передают свои разработки учителям для работы в школе.

3. *«Модная история»*. Возможность успеха на данном направлении связана с тем, что команда «Парусов истории» – это молодежь. Среди современной молодежи достаточно много ребят, которые хотят делать «умные» вещи. Но это не всегда популярно в среде их сверстников. SMM, визаж, ЗОЖ, компьютерные технологии – часто на этом сосредоточен их интерес. А если ты любишь историю – это, как минимум, требует сил, времени, внимания. Вот таких умных, способных, желающих развиваться в этом направлении ребят ЦИД и привлекает.

Команда становится все больше. В Санкт-Петербурге оргкомитет организации насчитывает 35 человек, общее количество добровольцев – около 100 человек. Многих участников проектов «Парусов истории» удивляет то, что им рассказывают историю молодые, заинтересованные, харизматичные ребята. Таким образом, сама команда ЦИДа становится привлекательной. Когда ты в команде «Парусов истории» – это означает ты интеллектуально подкованный человек.

Рабочий слоган Центра: «Молодежь для молодежи». Т. к. команда – это студенты и школьники, используются наиболее популярные среди современного поколения каналы коммуникации: социальные сети, мессенджеры, видео-хостинги, игровые ресурсы. Таким образом, команда находит участников по всей России.

Не менее важная деталь, на наш взгляд, это дизайн. Дизайн фильмов, групп в соцсетях, печатной рекламы и т. д. Центр использует молодежный дизайн, популярные графические решения и т. п. Данная стратегия также создает

оптимальную атмосферу для реализации исторических проектов, привлечения к ним внимания молодежной аудитории.

Таким образом выбор форматов взаимодействия с целевой аудиторией также направлен на реализацию цели ЦИД «Паруса истории» – создание эффективного интеллектуального пространства доверия к истории, на основе которого формируется консолидация современной молодежи.

Общественное доверие – это сложная и теоретическая категория, и феномен социальной практики. Если мы говорим о формировании его долгосрочных, стратегических основ, то оно должно базироваться на устойчивых и интеллектуально обусловленных началах. Понимание и осознанное отношение к своей истории, прошлому своего народа рассматривается нами в качестве подобного фундамента. В современном информационно перенасыщенном мире мы постоянно встречаемся с феноменом «переписывания» истории, а иногда и с фактами откровенной ее фальсификации. И в этом смысле проблемы общественного внимания, бережного отношения к отечественной истории приобретают ключевой статус. Обращение к изучению истории, ее конкретного периода, становится первостепенной задачей.

Внимание к фактологическому материалу, погружение в смысл исторических событий, понимание процессов периода Великой Отечественной войны решает важнейшие задачи проекта. Усиливается общественное пространство интеллектуального отношения к Российской истории на основе изучения исторического контекста и большей включенности молодежи, и подростков в историческую проблематику.

Источники:

1. Официальный сайт компании ВЦИОМ // URL:[https:// www.wciom.ru](https://www.wciom.ru) (дата обращения: 08.11.2022)
2. Официальный сайт Ассоциация ИД «ПостНаука» <https://postnauka.ru/talks/29997> (дата обращения: 12.11.2022)
3. Официальный сайт Центра исторического добровольчества «Паруса истории»//URL:[https:// www.arcticconvoys.org](https://www.arcticconvoys.org) (дата обращения: 10.11.2022)
4. Официальный ВК-аккаунт Центра исторического добровольчества «Паруса истории»// URL:https://vk.com/parusa_istorii (дата обращения: 10.11.2022)
5. Исследование коммуникационных практик научно-образовательных организаций РФ// Сайт НИУ ВШЭ // URL:[https:// www.iq.hse.ru/data/2014/09/23/](https://www.iq.hse.ru/data/2014/09/23/) (дата обращения: 05.11.2022)

A. V. Platonova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

HISTORY AS A FACTOR IN THE CONSOLIDATION OF RUSSIAN YOUTH

The article studies the projects devoted to the history of the Great Patriotic War. Historical projects are investigated as social and communicative resources for the formation of a space of trust, supporting the potential for consolidation of Russian youth.

History, Great Patriotic War, youth, social projects, public relations

УДК 316.44

Р. Е. Попов (Санкт-Петербургский государственный университет, факультет социологии, e-mail: popov_re@list.ru);

П. П. Дерюгин (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: deriuginpav@yandex.ru)

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИОДИНАМИКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРАХ МИРОВОГО УРОВНЯ

(При финансовой поддержке гранта РФФИ проект № 19-29-07443)

В статье рассмотрены основные результаты эмпирического исследования, посвященного человеческому капиталу студентов, обучающихся в НОЦ МУ. Представлено определение человеческого капитала, рассмотрено влияние научно-образовательных центров мирового уровня на человеческий капитал студентов.

Человеческий капитал, научно-образовательные центры мирового уровня, социодинамика, студенты

Формирование человеческого капитала студенчества в постиндустриальном обществе предполагает создание специальных условий, благоприятствующих наиболее успешной интеграции знаний и опыта профессиональной деятельности. В этом отношении научно-образовательные центры мирового уровня обладают важными потенциалами инновационной экосистемы, где обеспечивается актуальное социальное взаимодействие, способствующее формированию человеческого капитала. К числу важных достоинств таких университетов следует отнести: государственные гарантии их деятельности; использование региональных преимуществ экономики; включенность научного сообщества в проектные разработки и программы; непосредственное участие студентов, обучающихся в университетах и включенность их образовательного процесса в решение реальных задач развития регионов.

Необходимость создания таких центров продиктована особенностями работы со студенчеством на современном этапе развития российского общества. Ситуация, которая сложилась в современной России, не могла не повлиять на ценности студенчества и в целом на формировании человеческого капитала молодежи. Экономический кризис, жесткая конкуренция при достижении определенных благ, пандемия, способствовали выдвиганию новых ценностей, новых способов адаптации к действительности. Для развития человеческого капитала общества большое значение имеет изучение трансформации ценностей молодежи и, в частности, студентов, потому что формирующиеся сегодня

представления будущего России в ближайшей перспективе стали одним из существенных факторов выбора путей ее развития [1, С. 131].

Система ценностей студентов, как одной из наиболее восприимчивых групп молодежи, складывается под влиянием трансформирующихся социальных институтов российского общества, в условиях социально экономического кризиса и ценностно нормативного вакуума состояния, когда прежние ценности и нормы не являются более ясными указателями должного поведения и теряют свою значимость. Данная точка зрения особенно важна применительно к условиям сегодняшней российской действительности.

Все вышеуказанные факты, свидетельствует об актуальности исследования социодинамики человеческого капитала студентов современной России в условиях научно-образовательных центров мирового уровня.

Человеческий капитал с позиции социологии может быть представлен как совокупность знаний, навыков и умений личности, находящихся в причинно-следственных связях с множеством структур личности, в том числе с ее ценностными установками и ориентациями, обеспечивающих направленность и динамику удовлетворения социальных потребностей. Ценности личности могут рассматриваться в качестве индикаторов сетевого анализа, раскрывающего как непосредственные характеристики человеческого капитала, так и множественные связи, складывающиеся вокруг него [2, С. 143].

Формирование человеческого капитала в постиндустриальном обществе предполагает создание специальных условий, благоприятствующих наиболее успешной интеграции знаний и опыта деятельности [3, С. 256; 4, С. 72]. Именно таким драйвером развития человеческого капитала могут выступать научно-образовательные центры мирового уровня [5, С. 50; 6, С. 10].

Эти центры обладают важными потенциалами инновационной экосистемы, где обеспечивается актуальное социальное взаимодействие, способствующее формированию человеческого капитала [7, С. 465.]. Понятие «инновационная экосистема» применительно к НОЦ МУ следует рассматривать как многогранный феномен. Основной особенностью такой системы выступают коэволюция ее участников на всем протяжении их взаимодействия. В исследованиях Акбердиной В. В. и Василенко Е. В. показаны основные элементы, обеспечивающие жизненность экосистем. К ним отнесены: центральный субъект, вокруг которого выстраивается инновационная экосистема, – это может быть фирма, цифровая платформа; различные экономические агенты, являющиеся или не являющиеся членами инновационной экосистемы; связи между членами инновационной экосистемы; дополнительные ресурсы, получаемые участниками инновационной экосистемы; общая цель участников инновационной экосистемы; совместно создаваемые ценности.

В настоящее время создано 15 НОЦ МУ. Первыми из них были: НОЦ «Инновационные решения в АПК»; НОЦ «Кузбасс»; НОЦ «Техноплатформа 2035»; Пермский НОЦ «Рациональное недропользование»; Западно Сибирский межрегиональный НОЦ и другие.

НОЦ МУ – представляет собой поддерживаемые субъектом Российской Федерации объединение без образования юридического лица федеральных государственных образовательных организаций высшего образования и научных организаций с организациями, действующими в реальном секторе экономики, и осуществляющий деятельность в соответствии с программой деятельности центра [8]. НОЦ МУ направлены на прорывные исследования фундаментального и поискового характера, а также прикладные разработки гражданского назначения, направленные на решение междисциплинарных задач, признаваемых международным научно-техническим сообществом [9].

Инициатором создания НОЦ МУ выступает субъект Российской Федерации, разрабатывающий совместно с федеральной государственной образовательной организацией высшего образования и научной организацией программу деятельности центра и представляющий ее на конкурс на получение гранта. На территории данного субъекта Российской Федерации реализуются технологические проекты и размещаются ключевые участники центра.

С учетом всех представленных фактов, в качестве стратегии эмпирического исследования использовался комплексный подход. Исследование человеческого капитала предполагает интеграцию множества внутренних и внешних характеристик, условий и факторов, для изучения которой комплексный подход является наиболее релевантным. Данный подход позволяет наиболее точно и детально исследовать такой многогранный фактор, как человеческий капитал.

Эмпирическое исследование включало в себя анализ как внутренних, так и внешних факторов. В частности, рассматривалась внутренняя среда деятельности научно-образовательных центров мирового уровня, а также проведен анализ влияния внешней среды общества на их деятельность.

Исходя из социологической теоретической концепции НОЦ МУ рассматривались с одной стороны, как особая социальная организация, и с другой, как фактор развития человеческого капитала.

Сбор эмпирических данных осуществлялся на основе триангуляции методов. Использовались такие методы, как анализ документов, анкетный опрос, комбинация технологий контент-анализа и метода ассоциаций.

Реализация комплексного подхода включила в себя четыре части эмпирического исследования.

Проведено эмпирическое исследование, включающее в себя комбинацию технологий контент-анализа и метода ассоциаций в интересах проведения социологических исследований. Технология проведения методики предполагала обращение к респондентам с постановкой задачи высказать свое мнение (представление) по поводу связи между полученными знаниями, навыками и умениями, как базовых элементов человеческого капитала, – с одной стороны, с ценностями и ценностными ориентациями личности за период обучения в университете, – с другой. Респондентами выступали студенты, обучающиеся в университетах, входящих в состав Белгородского и Пермского НОЦ МУ.

Осуществлен сравнительный анализ социодинамики деловых качеств, за период обучения в университете с использованием сетевого подхода. Цель этой части эмпирического исследования заключалась в формировании методики социологической диагностики, нацеленной на выявление, фиксацию и сетевое моделирование социодинамики деловых качеств в структуре человеческого капитала по мере обучения студентов в университете. Респондентами выступали студенты, обучающиеся в университетах, входящих в состав Белгородского и Пермского НОЦ МУ.

Проведен анализ разработки нормативно-правовой базы деятельности научно-образовательных центров мирового уровня, анализ освещения проблематики деятельности НОЦ МУ в научных публикациях;

Проведен пилотажный интернет-опрос населения России о современных представлениях граждан о человеческом капитале и деятельности НОЦ МУ.

Основные результаты исследования получились следующими.

При анализе разработки нормативно-правовой базы деятельности НОЦ МУ и анализе освещения проблематики их деятельности в научных публикациях установлено, что на нормативно-правовом уровне проблематика формирования человеческого капитала в НОЦ МУ преимущественно связывается с образовательной деятельностью и обучением – приобретением профессиональных знаний, навыков и умений. Выявлена слабая ориентация образовательного процесса на развитие ценностей студентов

При проведении пилотажного интернет-опроса населения России о современных представлениях общества о деятельности НОЦ МУ, прежде всего, была выявлена слабая осведомленность и информированность российского общества о деятельности НОЦ МУ. Только 9,8 % респондентов ответили, что знают о деятельности научно-образовательных центров.

По итогам проведения сравнительного анализа социодинамики ценностей студентов, обучающихся в вузе, входящем в структуру в НОЦ МУ, было выявлено, что социодинамика человеческого капитала студентов за период обучения в университете прежде всего выражается в расширении и большей связанности, как по силе, так и по качеству ценностных сетевых связей.

Также отмечается, что причинно-следственные связи между получаемыми в университете знаниями, навыками, умениями с одной стороны и системой ценностей, – с другой, имеют положительную корреляцию. Для подавляющего числа студентов 71,6 % очевидным выступает факт влияния получаемых знаний на трансформацию системы ценностей за период обучения в университете.

Таким образом, основные результаты исследования, следующие:

Выявлено, что основные проблемы НОЦ МУ – внутренняя самоорганизация и налаживание взаимодействия между основными участниками

Выявлена слабая ориентация образовательного процесса на развитие ценностей как основы человеческого капитала

Получен результат, показывающий, что Российское общество практически не информировано о деятельности НОЦ МУ

Сделан вывод о том, что в представлениях студентов связь между получаемыми в университете знаниями, навыками, умениями и системой ценностей характеризуется как прямая положительная

Выявлено, что несмотря на направленность решения организационных проблем, отмечается небольшой рост человеческого капитала у студентов НОЦ МУ за период обучения.

Источники:

1. Веретеиникова Н. В. Эволюция российского образования и формирование человеческого капитала в АПК // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. №309.
2. Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А, Ярмак О. В. и др. Социодинамика ценности деловых качеств в структуре человеческого капитала за период обучения в вузе: стратегия социологической диагностики / Социология науки и технологий. 2020. Т. 11, № 4. С. 139–160.
3. Тугаринов В. П. Избранные философские труды. Л.: ЛГУ, 1988. С. 268.
4. Купцова И. В., Лактаева Н. Е. Научно-образовательные центры как драйвер развития инновационной экономики России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 2. С. 70–76. DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-2-70-76.
5. Попов Р. Е., Баруздин И. А., Салахутдинов А. А., Дерюгин П. П. Научно-образовательные центры мирового уровня как драйверы формирования человеческого капитала россиян: социологический анализ проблемного поля (к 300-летию Санкт-Петербургского государственного университета) // Дискурс. 2022. № 8(3). С. 41–55.
6. Формирование инновационной образовательной системы в НИУ «БелГУ» как основы подготовки кадров мирового уровня на базе НОЦ «инновационные решения в АПК» / О. Н. Полухин, А. В. Маматов, И. В. Спичак, Н. В. Кирий // Достижения науки и техники АПК. 2020. Т. 34, № 9. С. 9–13.
7. Акбердина В. В., Василенко Е. В. Инновационная экосистема: теоретический обзор предметной области // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18, № 3. С. 462–473. с. 465–467.
8. Методические рекомендации по формированию программ деятельности научно-образовательных центров мирового уровня, утвержденные Заместителем Министра науки и высшего образования Российской Федерации 23.09.2020.
9. Паспорт национального проекта «Наука», утвержденный президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24.12.2018.

R. E. Popov (Saint Petersburg State University);

P. P. Deriugin (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

***AN EMPIRICAL STUDY OF THE SOCIO-DYNAMICS OF THE HUMAN
CAPITAL OF STUDENTS STUDYING IN WORLD-CLASS SCIENTIFIC
AND EDUCATIONAL CENTERS***

The article considers the main results of an empirical study on the human capital of students studying at the REC MU. The definition of human capital is presented, the influence of world-class scientific and educational centers on the human capital of students is considered.

Human capital, world-class scientific and educational centers, sociodynamics, students

УДК 811.133.1

О. А. Преображенская (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail mminsh@yandex.ru)

ОТ СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ИНФОРМАТИКИ ДО «КИБЕРЛАНГА» – ЯЗЫКА КОММУНИКАЦИИ В СЕТИ

Излагается основная концепция формирования французской терминологии информатики на начальном этапе ее создания. Исследуются особенности киберланга – современного языка общения в сети.

Терминология информатики, языковое регулирование, франсизация, французский подъязык, коммуникации в сети

В системе классификации наук информатика относится к так называемым «стержневым» или пограничным. Именно они, «оставленные в пренебрежении по той причине, что были ничьей территорией между различными сложившимися науками, являются самыми плодотворными для дальнейшего развития» – предсказывал отец кибернетики Н. Винер [1]. В наше время невозможно представить человека, не знающего слов «компьютер», «интернет», «эсэмэс» и др.

Тем не менее подобная лексика, кажущаяся интернациональной, не во всех европейских (не говоря о восточных) странах «узнаваема». Французский язык, давший миру значительной пласт интернационализмов, сознательно отвергает поток англицизмов – терминов информатики, следуя национальной традиции сохранения родного языка.

Традиционное представление о французе в берете с багетом подмышкой, взволнованного в лучшем случае сохранением культуры любимой страны, интересующегося исключительно кухней, футболом, велогонками и комфортным бытом, разрушается при знакомстве с французскими достижениями в области науки и техники. Первые в мире высокоскоростные поезда, безопасная атомная энергетика, не давшая ни одного сбоя за долгие годы использования, абсолютное научное лидерство в Европе в области телефонии, и создание (причем неизвестное широкому кругу даже специалистов в области информационных сетей!) первой в мире национальной информационной сети, о которой пойдет речь далее.

В зависимости от социальной значимости, истории создания, разнообразных экстралингвистических факторов, процесс формирования различных терминосистем имеет свою специфику. Началом работы над французской терминологией ВТ можно считать 1954 г. – год образования дочерней фирмы IBM во Франции. Создание терминологии информатики осуществлялось в рамках национальной традиции – культа французского языка. Даже на начальном

этапе формирования терминологии наблюдалось активное противоборство двух тенденций – потока англицизмов и стремление к франсизации, что проявлялось в наличии двуязычных синонимов (материальных заимствований или калек). Активная работа по созданию идиоэтнических терминов информатики началась с первых шагов становления французской терминологии. Об этом говорит комментарий к брошюре терминов, выпущенной дочерней французской фирмой IBM: «Настоятельно рекомендуется в большинстве случаев, насколько это возможно, следовать французской терминологии» [цит. по 2].

Важнейшим фактором формирования терминологии явилось официальное признание французского языка национальным достоянием. Долгосрочная программа языкового регулирования включала в себя ряд декретов французского правительства. Первым декретом был учрежден государственный орган по охране чистоты национального языка, второй был направлен на его обогащение. Следствием правительственных документов было создание терминологических комиссий по отбору лексики и выпуску словарей соответствующих областей знания. В задачи комиссий входило выявление иностранных слов, их оценка, а также предложение терминов для новых понятий или замены заимствований. Комиссиям вменялось в обязанность обновлять и перерабатывать списки терминов. Данные мероприятия в конечном итоге служили конечной цели – регулированию потока англицизмов с их оптимальной франсизацией [3]. Появление лексемы «франсизация» датируется 1793 годом; первым значением термина является «действие, придающее слову, иностранному названию французскую форму, французский характер» [4].

В 1973 г. было принято постановление об обогащении терминологии информатики. Документ включал в себя одиннадцать обязательных и двадцать восемь рекомендованных терминов; влияние английского языка в первом списке терминов было очевидным. Так, четыре рекомендуемых термина-существительных полностью совпадало по форме: *instruction*, *interface*, *terminal*, *incrément* (данные лексемы имели латинское происхождение). Два термина-глагола отличались от английских только окончанием инфинитива: *to list* (англ.), *lister* (франц.); *to increment* (англ.), *incrémenter* (франц.); термин *listage* (франц.) являлся заимствованием с изменением морфемного состава *listing* (англ.). Термины – сложные слова – *multitraitement*, *télétraitement* построены по моделям, аналогичным английским. Многокомпонентные термины представляли собой кальки с английского: *on line* (англ.), *en ligne* (франц.); *real time* (англ.), *temps réel* (франц.). Подобный подход в значительной мере определил основные концепции формирования терминологии информатики [3].

Опрос, проведенный в 1988 г. в среде ведущих французских специалистов в данной области свидетельствует о том, что 79% оценивает английский терминологический аппарат информатики как барьер в их деятельности, 90% требует франсизации терминов, четверть специалистов высшего класса категорически отвергает английский язык, утверждая (и предсказывая), что интенсив-

ное развитие информатики повлечет за собой огромное количество как специалистов, так и пользователей, поэтому следует как можно лучше знать собственный язык [3]. При этом следует отметить, что в эти годы Франция занимала второе место в мире по производству программного продукта [5].

Ядро французской терминологии на первых этапах ее формирования в конечном итоге составляют сознательно и целенаправленно сконструированные термины. Сознательный подход предполагает направленный выбор мотивировочного признака и номинативной модели. В плане содержания французский и английский термины должны быть идентичными, для создания экспонентов используются собственно идиоэтнические языковые средства. В целом французское слово характеризуется большей широтой обозначаемого понятия, чем слово английского языка. Обозначение понятий осуществляется на более высоком уровне абстракции, поскольку французские слова охватывают и передают меньшее количество оттенков действительности [6], что убедительно прослеживается на примере сконструированных терминов.

Для межъязыковой эквивалентности английской и французской терминологии характерны следующие основные случаи.

1. Полная эквивалентность терминов, свойственная терминам с максимальной степенью интернационализации. Учитывая высокий уровень междисциплинарности, можно утверждать, что подобные термины весьма многочисленны (математика, логика, физика и т. д.: *addition, distribution, disjonction*).

2. Частичная межъязыковая эквивалентность характерна для сконструированных терминов, поскольку они часто служат для номинации общих понятий, где проявляются тенденции к генерализации. Гиперонимы французского языка отвечают актуальной проблеме недостатка обобщающих понятий в терминосистемах. Последнее обстоятельство отмечает В. Гак, приводя в пример французский термин *bureautique* – компьютерная обработка данных в делопроизводстве [6].

Процесс конструирования французских терминов предполагает наличие двух этапов. Первый этап – глубокий семантический анализ английского термина-прототипа, выделение релевантных семантических компонентов и их систематизация, выявление иерархических отношений сем. За глубоким анализом концептуального значения английского термина следует этап оптимального выбора языковых средств во французском языке.

В результате данного подхода были сконструированы основополагающие французские термины информатики: *ordinateur* (компьютер), *matériel* (аппаратное обеспечение), *logiciel* (программное обеспечение).

Наиболее продуктивными способами образования терминов были следующие лингвистические модели.

1. Аббревиация

a. Инициальные аббревиатуры (доминирующие): RAZ (*remise a zero*)

b. усечение (чаще происходит потеря конца четырех- пятисложного слова): INFO – информация

с. акронимия (словоподобная аббревиация): ODETTE (Organisation pour les données échangées par télétransmission en Europe) – Организация по обмену данными между европейскими странами; «искусство» акронимии свойственно силлабическому складу французского языка

d. телескопия: *réprographie* (repro(duction) + graphie)

e. гибридные аббревиатуры различных типов: APL2M, O2L.

2. Семантические трансформации

Терминов, образованных семантическими переносами, немного, но они играют исключительную роль: *mémoire* (память), *vision* (визуализация), *souris* (мышь); «сконструированный» идиоэтнический термин *matériel* (аппаратные средства).

3. Конверсия – переход слова из одной лексико-грамматической категории в другую: *terminal*, *perforateur* (-euse), в данном случае субстантивация прилагательного.

В конце 80-х годов во Франции появляется Минитель – национальная справочная компьютерная информационная система. Термин МИНИТЕЛЬ представляет собой сложное слово, образованное с помощью латинских словообразовательных элементов *mini-* и *-tel* (от «*телефон*», поскольку связь осуществлялась через телефонную сеть). Французский словарь *Le Nouveau petit Robert* (уже в 1993 г.!) дает следующую дефиницию: «Терминал для коммуникации с банком данных; электронный справочник», и приводит появившуюся в 1985 г. лексему *miniteliste* (пользователь, пользовательница сети), появление которой свидетельствует о популярности национальной сети. Последняя была в первую очередь справочной системой, где широкое общение между ее абонентами не предполагалось.

Первые электронные услуги были оказаны рядовым пользователям в 1980 году и до появления интернета Минитель оставался самым популярным телекоммуникационным средством во Франции. Лексема *Минитель* стала именем нарицательным. Абонент подключался к телеинформационной системе через терминал с экраном и клавиатурой и мог получить 200 различных услуг. Сам аппарат выдавался бесплатно, затем была необходима ежемесячная оплата. В 2000 г. в связи с распространением интернета было объявлено о прекращении работы системы, но оказалось, что его услугами пользуется более миллиона жителей Франции, и сеть уступила место интернету только в 2009 г.

С появлением глобальной сети современный французский язык обогатился подъязыком коммуникации в интернет-пространстве, получившим укоренившееся название – CYBERLANGUE (киберланг, киберязык) [7].

Главной особенностью подъязыка является явление, называемое «*franglais*» или «*froglish*» и обозначающее смесь французского и английского языков. Подъязык имеет характерные особенности, перекликающиеся с первоначальными тенденциями формирования терминологии информатики. Исследователи нового языка отмечают, что он «стар, как этот мир» [7].

Доминирующим способом образования в киберланге является аббревиация.

- А) Инициальная: BAV – Bien à vous
- Б) Усечение: A+ – à plus tard
- В) Стяжение: PR – pour
- Г) Декомпозиция («выпадение, раздавливание»): JE T’AIME – JeTM
- Д) Ребус: B4 -BEFORE; F2F – face to face
- Е) Сращения: Je taime.

Характерной чертой киберязыка является утрата грамматических категорий: существительное становится прилагательным.

Устраняются предлоги и союзы, что приводит к образованию «цепочек» существительных.

Выражение эмоций манифестируется многократным повторением гласных на конце слова: Ouiiiiiiiii Merciiiiiiii Je taiiiiiiiiimeeeee.

Отсутствие заглавных букв и практически полное исчезновение пунктуации – особенности неофициальной переписки.

Орфография киберланга максимально приближается к звучанию: Yakelkun? (Il y a quelqu’un?). Именно звук является основой письма при коммуникации в интернете.

«Языковые игры» свойственны французскому языку; так, широко известен «верлан» – условный язык, в котором переставляются слоги в словах. Примеры верлана частотны при коммуникации в сети, особенно при переписке подростков. Для этой группы пользователей интернета свойственно также «изобретение» новых слов (специфичных для определенной группы коммуникантов), короткие фразы, особенная пунктуация, отражающая особенности интонации и эмоций, отсутствие формул вежливости. Все особенности текстов служат одной цели – быть немедленно понятым членами своей группы.

К языковым играм можно в какой-то степени отнести популярные во французском интернете макаронизмы. Классическая дефиниция макаронизма включает в себя игру слов и квазислов с использованием латыни [4]. В современном понимании термина – это смесь французского, английского и других языков, фамильярный стиль в сочетании с высоким и др.

Исследуемый языковой материал позволяет сделать ряд выводов, прежде всего, о сохранении ряда тенденций в подязыке информатики (аббревиация, семантические трансформации, дальнейшее развитие *franglais* и др.). КИБЕРЛАНГ – язык общения в интернете – сохраняет ряд продуктивных лингвистических моделей, реализованных при формировании национальной терминологии информатики, а также обладает собственным «кодом», основой которого является принцип языковой экономии.

Источники:

1. Винер Н. Кибернетика. М.: Наука, 1968.
2. Marcellesi C. Les vocabulaires technique et scientifiques. In *Langue française*. 1973. N 17.

3. Преображенская О. А. Взаимодействие национальной и заимствованной лексики в новейшей французской терминологии вычислительной техники. Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. Минск, 1992.
4. Nouveau Petit Robert. Le Dictionnaire LE ROBERT. 1993.
5. Глузман И. С., Боровикова Л. И. Французско-русский словарь по вычислительной технике. М., «РУССКИЙ ЯЗЫК», 1987.
6. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М.: Наука, 1977.
7. Aurelia Dejongd. La cyberl@ngue française. La renaissance du Livre. 2002.

O. A. Preobrazhenskaya (Saint Peterburg electrotechnical university «LETI»)

***FROM CREATION OF THE NATIONAL FRENCH INFORMATION
TERMINOLOGY TO CIBERLANG – THE LANGUAGE OF
COMMUNICATION IN THE NET***

The main conception of shaping the French information science terminology at the beginning stage of its creation is exposed. The main features of ciberlang, the language of communication in the internet are investigated.

Information science, anglicisms, language control, frenchification, language of communication in the Net

УДК 101.1::316; 316.33

Д. В. Прокофьева (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: Janis-maverick@yandex.ru)

ПРОЯВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТЧУЖДЕНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД

В статье рассматривается проблема политического отчуждения, восприятие и анализ этой темы европейскими философами, а также проявления данного феномена в современной российской действительности.

Политическое отчуждение, отчуждение, политическая власть, ценности

В современной философии под термином «отчуждение» принято понимать философскую категорию для обозначения общественного процесса, в границах которого происходит превращение результатов и продуктов деятельности людей в независимую силу, становящуюся выше своих творцов и подавляющую их [1, С. 501]. Однако, поскольку в данной статье речь пойдет лишь об одной стороне этого многогранного феномена, а именно о политическом отчуждении, необходимо конкретизировать и это определение. Под политическим отчуждением мы будем понимать отторжение официальной власти, ее представителей и их деятельности гражданами, возникающее из-за недовольства и разочарованности от действий политических сил, от самой политической системы, вследствие чего наступает отстраненность людей от политической жизни, пассивность и безразличие к происходящим вокруг политическим процессам, и даже ощущение бесполезности любых усилий в этой сфере. В качестве иллюстрации можно привести цитату Э. Фромма: «Нами управляют законы, которые мы не контролируем и даже не хотим контролировать, и этот факт является одним из самых ярких проявлений отчуждения» [2]. Конечно, есть процессы референдумов, голосований, но, по большому счету, для понимания законов и их действий необходимы еще и политическая и экономическая грамотность, умение анализировать и критически воспринимать информацию, а также желание нести ответственность за собственные действия.

Обратимся к истории рассмотрения проблемы политического отчуждения в философской мысли. Начинается она с новоевропейской философии XVII века, а именно с английского мыслителя Т. Гоббса, который исследовал природу отчуждения человека от государства. Он описывает человека как существо, изначально обладающее стремлением к самосохранению с одной стороны и собственной выгоде – с другой. Первоначальным состоянием общежития он называет «войну всех против всех», в результате которой люди, следуя инстинкту самосохранения и требованиям разума, добровольно согласились ограничить свободу каждого, перенеся свои индивидуальные естественные

права на государство, которому с тех самых пор принадлежит абсолютный суверенитет. Такое государство Т. Гоббс называет Левиафаном, и утверждает, что оно узурпирует все права своих подданных, включая право на жизнь, если того потребуют обстоятельства. «Такое отречение, или отчуждение, – отмечает Т. Гоббс, – является добровольным актом, а целью добровольного акта всякого человека является какое-нибудь благо для себя» [3, Т. 2, С. 158]. То есть отказ от своих прав, или отчуждение, означает для людей одновременно и отказ от вседозволенности, это добровольное самоограничение для достижения мира и безопасности общества. «Мотивом и целью при отречении от права, или отчуждении его, является гарантия безопасности человеческой личности... Взаимное перенесение права есть то, что люди называют договором» [3, Т. 2, С. 159]. Безусловно, с вопросом права человека тесно связана проблема свободы, и оказывается, что свобода отдельного гражданина заключена в свободе самого государства и воплощена в его законах, и реализовывать ее человек может только в этих рамках. То есть свободно только государство-суверен, и свобода эта абсолютна, тогда как свобода гражданина ограничена, но это, по мнению мыслителя, в любом случае лучше первобытного хаоса, так же, как и монархия лучше демократического устройства общества. Мы видим наглядную иллюстрацию того, как созданное людьми (в данном случае – государство как социальный институт), обращается против них же и подавляет их.

Мнение французского философа-просветителя Ж.-Ж. Руссо отлично от позиции Т. Гоббса. Для него естественное состояние общества характеризуется свободой и равенством, и оно нарушается проявлениями человеческой жадности и стремлением к собственничеству, корысти и наживе, которые порождают жажду обладания, и приводят, в конечном итоге, к возникновению частной собственности. Для того, чтобы ограничить эти проявления эгоизма, которые как раз и могли навредить подлинно счастливому человеческому обществу, люди образуют государство: «Поступать лишь под воздействием своего желания есть рабство, а подчиняться закону, который ты сам для себя установил, есть свобода» [4, С. 212–213]. То есть его основная функция, как и у Гоббса – защита граждан, однако изначально создание государства идет из различных состояний. И, если следовать логике Ж.-Ж. Руссо, становится очевидно, что такое государство никоим образом не должно нарушать права граждан. Конечно же, исторически проявления деспотизма имели место, но это было не что иное, как нарушение естественного права и принятого общественного договора, то есть проявлением отчуждения, и граждане, по мнению мыслителя, имеют в подобных случаях полное право на свержение такой власти

У К. Маркса политическое устройство и развитие социума напрямую связано с установившимися в нем экономическими отношениями. Анализируя историю изменения человеческого общества, пришел к выводу, что она сопровождается нарастанием отчуждения. На определенном этапе, когда труд становится принудительным, средством эксплуатации человека человеком и по-

лучения прибыли, он утрачивает свое истинное назначение – раскрытие творческих способностей личности, и превращается в инструмент ее угнетения и отчуждения. Естественным следствием становится и отношение к труду, – его стремятся избежать, ведь в процессе труда человек выступает как несвободное существо и превращается в подобие живой машины, он становится отчужденным и от самого себя – своей родовой сущности и как собственно человеческого существа, от своей индивидуальности; от других людей, которые воспринимаются либо как угнетатели, либо как конкуренты; и от государства в целом, поскольку оно для рабочего – не что иное, как репрессивная машина, ставящая людей себе в подчинение и подавляющая их.

Однако и в современном обществе, где, казалось бы, во многом преодолевается принудительный и подневольный характер труда, где сам труд начинает приобретать более свободный и творческий характер, где создаются условия для всестороннего развития личности, отчуждение, в том числе и политическое, продолжает существовать. О проявлении таких новых форм отчуждения пишет знаменитый американский социолог Э. Тоффлер, отмечая, что «темп жизни прочеркивает линию по человечеству, разделяя на лагеря, вызывая горькое непонимание между родителями и детьми, между Мэдисон-авеню и Мэйн-стрит, между мужчинами и женщинами, между американцами и европейцами, между Востоком и Западом» [5, С. 50].

На первый взгляд это может выглядеть парадоксально, но исторический опыт показывает, что установка на целенаправленное преодоление отчуждения может привести появлению его новых форм. Так, при построении социализма была попытка преодолеть отчуждение в тех его проявлениях, которые столь подробно анализировал К. Маркс, но при этом возникли: отчуждение человека – от собственности, власти – от народа, идеологии – от массового сознания и так далее. В качестве возможных причин политического отчуждения современные российские авторы выделяют следующие: «1) Отсутствие конкретных рычагов воздействия на власть («Куда идти и зачем?»). 2) Недоверие к власти («По большей части, правительство обслуживает интересы небольших организованных групп, таких как бизнес или промышленность, и не слишком-то заботится о нуждах таких людей, как я»). 3) Отчуждение вследствие признания собственной пассивности («Мнение подобных мне людей никак не может влиять на то, что делает правительство»). 4) Усиление авторитарно-бюрократического режима («Меня и слушать не станут»). 5) Нестабильная социально-экономическая ситуация («Времени и на свои проблемы не хватает... семью бы прокормить»))» [6, С. 175]. Следует отметить, что, по нашему мнению, единение человека с властью и государством отчуждает его от самого себя, от своей личности. Например, в период советской власти было большое количество людей, живших лишь во благо страны, во имя идеи «светлого будущего», и положивших на алтарь этой идеи свое «я». Имело место отчуждение человеком самого себя в пользу духа коллективного сознания, жертвенность ради идеалов социализма и коммунизма.

В современном российском обществе ситуация характеризуется тем, что принципы правового государства воплощены в нем далеко не полностью, а гражданское общество находится в стадии своего становления. Безусловно, это следствие множества процессов в сферах экономики и политики, но также это – яркое проявление и одно из следствий отчуждения на уровне государства-общества. Власть по-прежнему во многом игнорирует человека как субъект и личность, используя его как объект управления и манипулирования, хотя смягчают эту тенденцию проводимые социальные реформы и меры. Современной России не удастся избежать пороков, присущих многим другим государствам, в которых власть становится лишь машиной, подавляющей людей, тем самым Левиафаном, о котором писал Т. Гоббс. В итоге не ослабевают процессы бюрократизации, «перерождения» людей, преданных своему делу и делу государства, в чиновников, служащих лишь своим интересам. Конечно, официальный рейтинг доверия главе государства находится на довольно высокой отметке – около 80 % по оценке ВЦИОМ [7], но не рассматривается ли само государство как некая правящая бюрократическая элита, пытающаяся «выжать» все из попавшей им в руки власти? Конечно, такое восприятие снижает и авторитет закона и законности, веру граждан в соблюдение их прав. «Простому человеку» становится совершенно очевидно, что все дела решаются намного проще, если «обойти» закон, используя связи, взятки и прочие нелегитимные инструменты. В сознании людей возникают мысли о том, что не обязательно быть честным с государством, которое не заботится о народе и продвигает лишь интересы власти, отсюда возникают всевозможные «компромиссы», нелегальные способы достижения целей, криминализация и так далее – иными словами, эскалация отчуждения. Все вышеперечисленное подогревается отсутствием социальной защищенности, неэффективностью органов социального контроля, которая может провоцировать незаконные методы борьбы с несправедливостью, появление различных контор, помогающих предпринимателям взыскивать долги нелегальными способами и прочее.

Конечно же, переходный период российского общества и экономики имеет не только отрицательные черты; к примеру, он характеризуется и большей свободой для граждан. Кризисные, переходные ситуации отличаются нестабильностью, возможно, непопулярными мерами, недовольством народных масс. Но, с другой стороны, именно они позволяют претворять в жизнь наиболее творческие и смелые решения, и отвечать, используя выражение А. Тойнби, на вызовы времени и исторического процесса. К примеру, в настоящее время ведется активная политика по восстановлению концепции важности моральных ценностей, защита идеи традиционной семьи, идет пропаганда здорового образа жизни, а также попытка продемонстрировать «близость власти» к простым гражданам. По федеральным телеканалам мы можем видеть представителей разных ветвей власти – президента, премьера и других, – которые посещают детские дома, заводы, организации и мероприятия, и даже аптеки, в попытке быть «ближе к народу». Сегодняшняя стратегия власти нацелена на

то, чтобы показать людям, что духовные ценности не менее важны для личности, чем материальные. Но одна из задач, которую необходимо решить современной российской власти для консолидации общества – выработать эффективные практические меры, а также более четкие теоретические основы, которые позволили бы если не преодолеть, то сгладить то отчуждение, которое до сих пор воспроизводится на уровне человек-государство.

Источники:

1. Новейший философский словарь / А. А. Грицанов. Мн.: Изд. В. М. Скакун, 1998.
2. Фромм Э. Современное положение человека // Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993.
3. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Сочинения: в 2 т. / Т. Гоббс; АН СССР. Ин-т философии. М.: Мысль, 1991. – Т.2.
4. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998.
5. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002.
6. Даллакян К. С., Петрова Ж. Н. Политическая отчужденность в современных условиях. // Социально-политические науки, № 4, 2015. С. 174–176.
7. Доверие политикам. Рейтинги ВЦИОМ. Режим доступа: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam> (дата обращения 15.01.2023)

D. V. Prokofyeva (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

MANIFESTATIONS OF POLITICAL ALIENATION: A SOCIO-PHILOSOPHICAL APPROACH

The author of the article considers the problem of political alienation, the perception and analysis of this topic by European philosophers. In addition, the article examines the manifestations of this phenomenon in modern Russian reality.

Political alienation, alienation, political power, values

УДК 800.92:519.682

Д. Е. Прокудин (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: d.prokudin@spbu.ru)

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Научно-просветительская деятельность в цифровую эпоху претерпевает значительные изменения. Возрастает значимость организации и проведения ее в цифровом пространстве, что определяется доминированием цифровых форм информационной деятельности в современном информационном обществе, особенно для молодежи. В статье анализируется формирование цифровой просветительской среды, ее понятийной базы. Предлагаются определения основных понятий. На примерах демонстрируется организация научно-просветительской деятельности в цифровой среде.

Научное знание, информационная эпоха, популяризация, цифровая просветительская среда, цифровой просветительский ресурс

Популяризация научного знания (научно-просветительская деятельность в цифровую эпоху претерпевает значительные изменения. Они связаны, прежде всего, с развитием новых средств коммуникаций, основанных на применении информационно-коммуникационных технологий. Соответственно, информация, направленная на популяризацию научного знания, все в больших объемах представляется в цифровой форме и размещается в различных электронных сетевых ресурсах.

Характерной чертой таких ресурсов является их встраивание в парадигму потребительского общества, породившего такое направление как «Научпоп» (Popular Science 2.0), которое является частью развлекательного бизнеса [1]. Россия здесь не является исключением, также встав в постсоветское время на рельсы встраивания в западную модель общества потребления. И в этом контексте популяризация науки воспринимается в качестве развлекательной или образовательной услуги [2]. Однако, государство постепенно начало осознавать необходимость построения системы популяризации науки как части просветительской деятельности. Еще в 2002 году вступил в силу Модельный закон «О просветительской деятельности» (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 7 декабря 2002 г. N 20-15), в котором на государственном уровне регламентируется просветительская деятельность, даются основные определения понятий этой области, вводится соответствующая терминология. Российская академия наук осознала необходимость популяризации и пропаганды науки и со своей стороны 18 сентября 2018 г. на заседании президиума РАН были обсуждена роль Академии в этой

области деятельности [3]. В 2020 году Министерство науки и высшего образования РФ инициировало создание нового федерального проекта «Популяризация науки и технологий», направленного на развитие научно-просветительской деятельности в области популяризации науки [4]. Но, что самое главное, государство приступило к формированию и институализации просветительской деятельности, в том числе и научно-просветительской. Так, в Указе Президента Российской Федерации от 11.12.2015 года № 617 определены основные условия, формы и механизмы создания в стране массовой просветительской организации современного уровня, источники и порядок ее финансирования и ресурсного обеспечения. Что привело к возрождению Российского общества «Знание», ставшего приемником Всесоюзного Общества «Знание». Среди многочисленных целей и задач Общества в числе приоритетных сформулированы те, которые направлены на популяризацию науки, а также четко обозначены задачи, связанные с организацией просветительской деятельностью в условиях современного информационного общества.

Это ставит задачу организации информационного пространства научно-просветительской деятельности с привлечением методов и ресурсов, основанных на применении информационно-коммуникационных технологий, в соответствии с общими задачами просветительской деятельности в Российской Федерации. Поэтому существующие разрозненные элементы этого пространства целесообразно развивать на единых принципах и единой понятийной базе. Прежде всего, необходимо определить такие понятия как «цифровая просветительская среда», «цифровые просветительские ресурсы» и «субъекты просветительской деятельности в цифровой среде».

Анализ современного информационного пространства показал, что ни в общественно-политическом, ни в научном дискурсе не встречается понятие «цифровая просветительская среда». Это говорит о том, что данное понятие еще не сформировано.

В целом, просвещение и просветительская деятельность отличаются от образования и образовательной деятельности неформальным характером и отсутствием системы контроля. При этом, методы и подходы осуществления просветительской деятельности соответствуют образовательной деятельности. В связи с этим и основные понятия, связанные с внедрением и использованием информационно-коммуникационных технологий в отечественной системе образования, также вправе перенести и на просветительскую деятельность. К такому понятию следует отнести и «цифровую просветительскую среду». В качестве аналога этого понятия предлагается взять понятие «цифровая образовательная среда», которое введено в оборот на официальном уровне в рамках реализации федерального проекта «Цифровая образовательная среда» (2019-2024 гг.). В разных источниках встречаются различные трактовки этого понятия, которое связано с созданием и внедрением в образова-

тельных организациях цифровой образовательной среды, оснащением организаций современным оборудованием и развитие цифровых сервисов и контента для образовательной деятельности.

В качестве одной из главных задач проекта по созданию цифровой образовательной среды выделяется обеспечение «учителей верифицированным электронным контентом, который помогал бы им сделать традиционные школьные уроки более качественными, глубокими и интересными для учеников». Об этом заявил Министр просвещения Российской Федерации Сергей Кравцов, принимая участие в общественных слушаниях на тему «Цифровизация образования. Угроза или возможности», организованных Комиссией Общественной палаты Российской Федерации по развитию дошкольного, школьного, среднего профессионального образования и просветительской деятельности [5].

На основе анализа понятия «цифровая образовательная среда» можно предложить следующую трактовку понятия «цифровая просветительская среда».

Цифровая просветительская среда представляет собой совокупность информационных систем, включающих в себя информационные просветительские ресурсы и сервисы; средства информационно-коммуникационных технологий (ЭВМ, средства связи, иное информационно-коммуникационное оборудование); систему педагогических технологий для обеспечения просветительской деятельности. Такая среда является открытой и для объектов, и для субъектов просветительской деятельности.

Другим важным понятием является «субъект просветительской деятельности в цифровой среде». Основываясь на определении субъекта просветительской деятельности, данное в «Законе о просветительской деятельности», можно обобщенно определить субъекта просветительской деятельности в цифровой среде как любые учреждения, физические и юридические лица, а также их объединения, ведущие просветительскую деятельность в соответствии с действующим законодательством в цифровой просветительской среде. В данном контексте можно выделить:

– «цифровые» субъекты, которые представляют собой Интернет-ресурсы, выполняющие задачи просвещения. Зачастую такие ресурсы могут быть обезличенными (или предлагают материалы, созданные различными людьми). Они предполагают самостоятельное освоение научно-просветительского контента;

– «традиционные» субъекты просветительской деятельности, которые при организации и проведении этой деятельности используют цифровую просветительскую среду. Например, лекторы, которые привлекают в своих выступлениях цифровой просветительский контент, или субъекты, использующие Интернет-ресурсы как канал доставки просветительского контента до конечного пользователя.

Просветительская деятельность в цифровой среде в условиях доминирования парадигмы Web 2.0 характеризуется тем, что «участники сетевого сообщества занимают активную позицию, их деятельность определяется внутренними потребностями, ценностным отношением к создаваемым ресурсам, к партнерам, к элементам собственной культуры сетевого сообщества» [6]. Как следствие, просветительская деятельность выходит за рамки «субъект – объектного» подхода, а становится «субъект – субъектной» деятельностью, связанной с включением объектов просветительской деятельности в активные процессы создания, модификации просветительского контента, его обсуждения, оказание консультации и помощи новым объектам просветительской деятельности.

В качестве характерных примеров можно привести следующие субъекты просветительской деятельности в цифровой среде.

Научно-популярный журнал «Механика и механизмы» (цифровой субъект). Издаётся с 2005 г. Фондом научных исследований «XXI век». С 2020 г. в печатной форме журнал перестал издаваться и выходит в свет в форме электронного интерактивного журнала на интернет-портале (<http://www.21mm.ru>). В настоящее время цифровую экосистему журнала составляют YouTube канал, группа «ВКонтакте», Телеграм-канал и канал в Дзен.

Российское общество «Знание» (традиционный субъект) – общественная некоммерческая организация, осуществляющая просветительскую работу. Воссоздана в 2015 году. К основным целям относятся: популяризация науки, внедрение инноваций в просветительский процесс; информирование граждан о достижениях в науке доступным языком. В настоящее время цифровая экосистема общества «Знание» представлена следующими элементами: официальный сайт (<https://www.znaniarussia.ru>) с разделом «Библиотека знаний», где собраны различные видеолекции и документальные фильмы; группа «ВКонтакте»; YouTube канал и Телеграм-канал.

Модели этих экосистем направлены как на вовлечение широких слоев населения в процессы просвещения, так и на привлечение их к деятельностному созданию просветительского контента, активному взаимодействию с другими участниками в цифровой просветительской среде, на информирование о мероприятиях и инициативах этих субъектов и привлечению их к активному сотрудничеству.

Как видно из анализа субъектов просветительской деятельности в цифровой среде, важнейшей частью цифрового просветительского пространства являются многочисленные электронные ресурсы, являющиеся содержательными его элементами. Можно определить электронные информационные и научно-просветительские ресурсы как ресурсы, содержащие просветительскую информацию, которая может быть использована субъектами при организации и проведении просветительской деятельности. Такие ресурсы могут быть использованы субъектами просветительской деятельности также в методических целях.

Несомненно, что инициативы, которые существуют в развитии научно-просветительской деятельности, должны подчиняться общей политике просветительской деятельности, что постепенно и начинает происходить при все увеличивающейся роли Российского общества «Знание». Однако, развитие информационных ресурсов самого Общества не лишено недостатков. К одному из основных недостатков можно отнести отсутствие на сайте Общества информации о его деятельности в советский период: уставы разных периодов его существования, сведения о руководителях, годовые отчеты, различные методические материалы. Другим недостатком является то, что в разделе «Библиотека знаний» не представлены электронные копии публикаций издательства «Знание»: различные научно-популярные книги и брошюры, книжная серия «Жизнь замечательных идей». Размещение в свободном доступе электронных копий многочисленной печатной продукции прошлых лет необходимо как для решения задач по популяризации науки среди населения, так и для пропаганды достижений отечественной науки и технологий, а также обеспечения культурной преемственности и связи между поколениями. Их решение обеспечит осуществление государственной культурной политики в области просвещения и воспитания молодежи.

Процессы организации, формирования и использования информационной среды научно-просветительской деятельности носят все более системный характер. Конвергенция традиционных и цифровых форм просветительской деятельности ведет к формированию единого первазивного информационного просветительского пространства. Происходящее в его рамках развитие информационного пространства популяризации научного знания переходит от стихийных форм, соответствующих потребительской модели общества, к планомерной и целенаправленной политике осуществления просветительской деятельности в нашей стране.

Исследование частично проведено в рамках проекта «Изучение и анализ текущей практики ведения просветительской деятельности в цифровой среде» Российского общества «Знание» в 2022 году.

Источники:

1. Ваганов А. Г. Эволюция форм популяризации науки в России: XVIII–XXI вв // Наука. Инновации. Образование. 2016. №3(21). С. 64–77.
2. Попов С. Точка зрения. Популяризация науки в России [электронный текст] // Постнаука. 2013. URL: <http://postnauka.ru/talks/14235> (дата обращения: 13.01.2023).
3. Заикина Г. А. Задачи Российской академии наук по популяризации и пропаганде науки // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. №1. С. 15–23. DOI: 10.31857/S0869-587389115-23.
4. Новый федеральный проект по популяризации науки и технологий поддержало экспертное сообщество [электронный текст] // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL:

<https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/59406/>
(дата обращения: 13.01.2023).

5. Сергей Кравцов: «Цифровая образовательная среда – это, прежде всего, проверенный электронный контент для повышения качества традиционного образования» [электронный текст] // Минпросвещения России. Новости. 01.12.2020. URL: <https://edu.gov.ru/press/3196/sergey-kravcov-cifrovaya-obrazovatel'naya-sreda-eto-prezhde-vsego-proverennyu-elektronnyu-kontent-dlya-povysheniya-kachestva-tradicionnogo-obrazovaniya/> (дата обращения: 13.01.2023).

6. Сергеев А. Н. Культурно-просветительская деятельность учителя в сетевых сообществах Интернета // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2013. № 158. С. 95–103.

D. E. Prokudin (Saint Petersburg state university)

DEVELOPMENT OF INFORMATION ENVIRONMENT OF SCIENTIFIC EDUCATION IN THE DIGITAL AGE

Being one of the general directions of education in society, scientific education in the digital age are undergoing significant changes. The importance of organizing and conducting scientific education in the digital space is increasing, which is determined by the dominance of digital forms of information activity in the modern information society, especially for young people. The article analyzes the formation of the digital educational environment, its conceptual base. The definition of the basic concepts is proposed. Examples demonstrate the organization of scientific education in the digital environment.

Scientific knowledge, information age, popularization, digital educational environment, digital educational resource

УДК 811.511.111

О. В. Рамантова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: ms.ramantova@mail.ru);

К. Д. Хлопонина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: kdkhloponina@stud.eltech.ru)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЕ

Рассматривается явление цифровизации современной коммуникативной среды и ее роль в конструировании и объективации концептуальной картины мира, в частности национальных картин мира. Анализируется национальная специфика финских эмодзи; предлагается авторская классификация эмодзи на основе выражаемых концептов. Делается вывод об особой функции цифровых инструментов репрезентировать культурно значимые составляющие картин мира; называются культурно значимые концепты финской нации.

Концепт, национальная картина мира, финские эмодзи, цифровизация

В период мировой глобализации и цифровой трансформации национальные языки, оставаясь, безусловно, основным средством межличностной коммуникации, в определенной степени утрачивают ведущую роль в репрезентации картины мира, концептуальной картины мира, национальных картин мира. Это обусловлено, прежде всего, широкими возможностями цифровых инструментов, которые не только ускоряют человеческое общение и обмен данными, но и меняют коммуникацию с точки зрения ее культурного наполнения, которое, в свою очередь, объективирует национальную специфику диалога, то есть воссоздает национальный колорит или выражает новые национальные концепты. В современную эпоху концептуальная картина мира, национальная картина мира также, конструируется и объективируется средствами графического языка, именно в силу продолжающейся цифровизации коммуникативной среды.

Как известно, концепт является «глобальной единицей мыслительной деятельности... Люди мыслят концептами» [1, С. 7]. Язык считается одним из первостепенных инструментов коммуникации, благодаря которой у человека формируется знание как о своей, так и о чужой картинах мира. Языковые компоненты выстраивают концепт, зафиксированный в разделах языка: лексикологии, грамматики, морфологии, фразеологии, который ориентирован на составление четкого представления об окружающей действительности. Более того, исследователи подчеркивают, что «языковая картина мира отражает вселенную, ее элементы, окружающую среду, явления и предметы языковыми

средствами» [2]. Именно поэтому языковая картина мира и считается неотъемлемым компонентом в создании единой языковой сущности, раскрывающей национальную колоритность, знаковые элементы культуры. Таким образом, через язык, а точнее через семантику языковых единиц становится возможным эксплицировать содержание сознания. Тем не менее, язык не является единственным средством, открывающим доступ к концептосфере. Человеческое сознание способно обработать информацию и выработать полноценный концепт только в совокупности с такими способами восприятия, как чувственный опыт, зрительное представление и предметно-практическая деятельность [3, С. 123]. Эффективным способом выражения субъективных состояний, эмоций и мыслительных образов можно рассматривать эмодзи – язык идеограмм, используемый в электронной коммуникативной среде. Графический язык во всем мире давно приобрел огромную популярность, и теперь уже развивается и имеет собственную национальную специфику. Первыми национальные эмодзи предложили финны.

В данном исследовании языковая картина мира финнов выражается посредством языка эмодзи, опубликованного Советом по продвижению Финляндии за рубежом [4]. Эмодзи, выражающие национальную специфику страны, рассматриваются как всеобщий, так и универсальный язык, развертывающийся в цифровом пространстве, вокабуляр которого находится в непрерывном развитии в единстве с культурой. В частности, можно предположить, что эмодзи способны всесторонне раскрыть концептуальную картину мира конкретной страны и привести к налаживанию межэтнического взаимопонимания.

Так, эмодзи выражают ряд финских понятий, традиций, выражений и эмоций, отражающих культурную колоритность нации и описывающих истинное назначение каждой составляющей. Они раскрывают характерные признаки, присущие исключительно финской нации, а именно особенности менталитета, атрибутику и ритуалы Финляндии. И именно нижеперечисленные национальные финские эмодзи составляют основу концептуального анализа.

Концепт «северные эмоции»

Education (пер. образование) – «ощущение первого дня в школе», описывающее эмоции как волнения, так и воодушевления перед лицом новых обстоятельств [4];

The cap (пер. фуражка) – «ощущение свободы». Головной убор в виде белой фуражки свидетельствует об окончании школы, отсутствии забот, предвещает успех в начинаниях [4];

Finnish love (пер. финская любовь) – «любить по-фински». Любовь у финнов проявляется сдержанно и чаще всего зарождается во время дружеского общения [4];

Perkele – «ощущение PRKL». Финское слово *perkele* буквально переводится как «дьявол». Оно является популярным финским ругательством, применимым в различных жизненных происшествиях [4].

Концепт «северный характер»

Association (пер. объединение) – «ощущение общности» [4];

Nordic family (пер. семейство северных стран) – «ощущение дружеского соперничества» [4];

Tom of Finland (пер. Том оф Финланд) – «финская гордость» [4];

Sisu – «ощущение настойчивости» отражает финскую философию жизни, связанную с умением преодолевать любые жизненные трудности, оставаться непоколебимым [4];

Unbreakable (пер. неубиваемый) – «неубиваемое ощущение», изображаемое финскую выносливость, неспособность сломить, причем символом эмодзи заявлен культовый неразрушимый телефон Nokia 3310 [4];

Busstop (пер. автобусная остановка) – «финны ценят неприкосновенность частной жизни и свое личное пространство и ожидают того же взамен» [4].

Концепт «личность»

Tom of Finland (пер. Том оф Финланд) – «финская гордость». Финский художник Тоуко Лааксонен под псевдонимом Том оф Финланд был одним из тех, кто разрушал культурные барьеры через свое творчество и выступал за толерантность, взаимоуважение и свободу [4];

The Voice (пер. голос) – «ощущение тяжелой классики». Необычную комбинацию классической музыки и хеви-метала представляет финская оперная и рок-певица Тарья Турунен, исполняющая финский хеви-метал на высоких тональностях [4];

The King (пер. король) – «ощущение неповторимости». Представленная эмодзи раскрывает личность лучшего финского футболиста Яри Литманена, который считается единственным настоящим «королем» финской нации [4];

The Conductor (пер. дирижер) – «ощущение контроля». Сусанна Мялкки – финский дирижер, которая стала первой женщиной, кто в истории миланской Ла Скалы управляла оперным произведением; первой женщиной, кто стала главным приглашенным дирижером Филармонии Лос-Анджелеса; первой женщиной, кто заняла пост главного дирижера Хельсинкского филармонического оркестра [4];

Matti Nykänen – «ощущение *бон вояж*». Матти Ньюкянен – финский прыгун с трамплина, олимпийский чемпион, а также известный словесный виртуоз, который внедрил в финскую речь крылатых фраз, например, *every chance is an opportunity* или *50-60 chance* [4];

Ice man (пер. ледяной человек) – «ощущение *оставьте меня в покое, я знаю, что делаю*». Приведенное финское эмодзи демонстрирует национальную черту финнов отвергать непрошенные советы, что стало всемирно известно благодаря «Ледяному человеку» Кими Райкконену, гонщику Формула 1 [4];

Peacemaker (пер. миротворец) – «миру мир». Бывший президент Финляндии (1994-2000), Мартти Ахтисаари, был удостоен Нобелевской премии мира «за важные усилия по разрешению международных конфликтов на многих континентах в течение более трех десятилетий» [4].

Концепт «финская женщина»

The Voice (пер. голос) – «ощущение тяжелой классики». Необычную комбинацию классической музыки и хеви-метала представляет финская оперная и рок-певица Тарья Турунен, исполняющая финский хеви-метал на высоких тональностях [4];

The Conductor (пер. дирижер) – «ощущение контроля». Сусанна Мялкки – финский дирижер, которая стала первой женщиной, кто в истории миланской Ла Скалы управляла оперным производением; первой женщиной, кто стала главным приглашенным дирижером Филармонии Лос-Анджелеса; первой женщиной, кто заняла пост главного дирижера Хельсинкского филармонического оркестра [4];

Girl power (пер. женская сила) – «ощущение, что женщины способны на все». Финляндия была первой страной, где женщины получили право участвовать в выборах как в качестве избирателей, так и в качестве кандидатов. Кроме того, в финском языке используется одно местоимение *hän* для обозначения мужского и женского полов [4].

Концепт «животные»

Swan (пер. лебедь) – «возвращение света». Национальная птица Финляндии – это предвестник весны, пробуждения, начала расцвета [4];

A trusted friend (пер. надежный друг) – «ощущение силы». Финны считают, что лошадь в какой-то степени похожа на людей, поэтому она одухотворяет национальную концепцию *sisu* [4];

Reindeer (пер. северный олень) – «смешанные чувства», выраженные в любви к собственно виду северного животного и к деликатесу «скобянка», приготовленному из мяса оленя [4];

Bear (пер. медведь) – «ощущение, когда хочется просто проспать всю зиму». Длинные и темные зимние ночи заставляют финнов убедиться в целесообразности зимней спячке медведя [4].

Концепт «сказочные персонажи»

Moomintamma (пер. муми-мама) – «бескорыстная любовь», проявляющаяся любящей и заботливой муми-мамой по отношению к каждому финскому ребенку, символ которой был создан по образу сказочного персонажа серии книг «Муми-тролли» писательницы Туве Янссон [4];

The original Santa (пер. подлинный Санта-Клаус) – «ощущение бесконечного ожидания Санта-Клауса», который живет в Корватунтури, на горе в финской Лапландии, а не на Северном полюсе [4].

Концепт «праздники»

White nights (пер. белые ночи) – «мы живы». Иванов день (*Juhannus*) – это финский праздник летнего солнцестояния, когда солнце продолжает светить ярко и днем, и ночью [4];

Kokko – «ощущение огня». Эмодзи изображает давнюю традицию Иванова дня разжигания костров [4];

Christmas party (пер. маленькое рождество) – «ощущение бесшабашной вечеринки». Финское маленькое Рождество (*Pikkujoulut*) – это тематическое светское празднование Рождества, которое включает в себя обмен подарками и обязательное пение финских рождественских песен [4].

Концепт «отдых»

Out of office (пер. автоматический ответ) – «возвращение к основам». В Финляндии известная поговорка «оставить мозг на вешалке» воспринимается буквально, подразумевая полное отключение от внешнего мира во время летнего отпуска [4];

Four seasons of BBQ (пер. четыре сезона барбекю) – «ощущение *ny rillataan*» («давайте приготовить гриль» на диалекте Тампере). В каждой финской семье обязательным атрибутом любого праздника считается барбекю, и никакие погодные условия не сломят финнов от приготовления любимого лакомства [4];

Kalsarikännit – «ощущение, когда вы собираетесь сидеть дома в одних подштанниках и напиваться без намерения пойти куда-нибудь» [4].

Концепт «здоровье»

Sauna whisk (пер. банный веник) – «ощущение блаженства» [4];

Superfood (пер. суперфуд) – «ощущение от вкусной, но тем не менее полезной пищи». Черника – это самая распространенная ягода в Финляндии, которую можно найти даже у порога дома. Она наделена широким разнообразием витаминов и антиоксидантов, обладая большей целебной силой, чем какая-либо другая ягода [4];

Black gold (пер. черное золото) – «страстное желание». Финскую сладость *salmiakki* изначально применяли в умеренных количествах как лекарственное средство [4];

Sauna (пер. сауна) – «ощущение от сауны». Финны утверждают, что «Сауна – аптека бедняка» (*Sauna on köyhän apteekki*), поскольку уверены в ее лечебных свойствах [4].

Концепт «гастрономия»

Reindeer (пер. северный олень) – «смешанные чувства», выраженные в любви к собственно виду северного животного и к деликатесу «скобянка», приготовленному из мяса оленя [4];

Joulutorttu – «ощущение *горячий пирожок*». Это рождественский пирожок из слоеного теста со сливовым джемом, который подают очень горячим, с пылу с жару [4];

Karjalanpiirakka – «хочу вкусняшку» иллюстрирует эмодзи, передающее традиционный карельский деликатес из теста из ржаной муки с начинкой из рисовой каши, сопровождающий застолье вне зависимости от повода [4];

Cup of coffee (пер. чашка кофе) – «ощущение любви к кофе», так как Финляндия занимает первое место в мире по потреблению кофе [4].

Концепт «хеви-метал»

The Voice (пер. голос) – «ощущение тяжелой классики». Необычную комбинацию классической музыки и хеви-метала представляет финская оперная и

рок-певица Тарья Турунен, исполняющая финский хеви-метал на высоких тональностях [4];

Lost hopes (пер. надежда умирает последней) – «ощущение надежды». Финляндии не удавалось выиграть на конкурсе песни «Евровидение» до тех пор, пока в 2006 году хеви-метал-группа *Lodi* с песней *Hard Rock Hallelujah* не разрушила период неудач [4];

Headbanger (пер. металлист) – «трясти хайром на рок-концерте» [4].

Исходя из вышеперечисленного, можно отметить многоаспектный характер финской концептосферы: значимые культурные составляющие финской концептуальной картины мира представлены в виде национальных эмодзи, раскрывающих самобытность финской культуры в цифровом коммуникативном пространстве.

Обзор финских эмодзи показал, что национальную специфику имеют концепты «северные эмоции», «северный характер», «личность», «финская женщина», «животные», «сказочные персонажи», «праздники», «отдых», «здоровье», «гастрономия» и «хеви-метал». Перспектива дальнейших исследований видится в сравнении наборов национальных эмодзи и сопоставлении национальных картин мира.

Источники:

1. Карасик В. И., Стернин И. А. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. М.: Гнозис, 2007.
2. Кубрякова Е. С., Постовалова В. И., Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. М.: Наука, 1988.
3. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: Изд-во АСТ Восток-Запад, 2007.
4. Finland emojis. URL.: <https://finland.fi/emoji> (дата обращения: 05.01.2023).

O. V. Ramantova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);

K. D. Khloponina (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

FINNISH NATIONAL WORLD VIEW REPRESENTATION IN DIGITAL COMMUNICATIVE ENVIRONMENT

Digitalization of modern communicative environment and its role in constructing and expressing conceptual world picture, in particular national world pictures, are considered in the paper. National specifics of Finnish emojis is being investigated; classification of Finnish emojis regarding the concepts expressed is suggested. The authors identify significant Finnish concepts and thus reveal a special function of digital instruments which is to represent important cultural elements of world pictures.

Concept, national world picture, Finnish emojis, digitalization

УДК 070.1

Ю. В. Ровинская (Российской государственной гуманитарный университет, e-mail: rovinskayajuliana@mail.ru)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ОБРАЗА ОЛИМПИАДЫ-2022 В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Данное исследование посвящено актуальным проблемам в сфере медийной коммуникации, отражающей политический взгляд на события спортивной жизни общества. Предметом исследования становится непосредственно образ олимпиады и его составляющие в рамках медийной плоскости коммуникации. Новизна научного исследования определяется обозначением политической специфики Олимпиады и объективации данного понятия в речевых характеристиках невербального уровня с учетом структурно-компонентных составляющих. Результаты исследования связаны с построением медиаобраза олимпиады по формированию общественного мнения в контексте современной медийной коммуникации.

Спортивная медиакоммуникация, образ, структурно-компонентные составляющие, невербальный уровень, зрительный компонент, звуковой компонент, тактильный компонент, вкусовой компонент, средства массовой информации

На современном этапе наблюдаются устойчивые тенденции взаимопроникновения политики и спорта, которые приобретают глобальный характер. Необходимо констатировать явление политизации спорта как социального института и всей спортивной сферы.

Несмотря на тот факт, что в основе Олимпийских игр должна лежать честная соревновательность, именно они становятся ареной апробирования и подтверждения различных политических технологий. Существующий лозунг «Спорт вне политики» носит декларативный характер, при этом игнорируется всеми вовлеченными в индустрию спорта. Политическая плоскость глобальной коммуникации формирует запрос на реальность.

В этой связи значение средств массовой информации сложно переоценить. Действительно, в существующем мире СМИ являются ключевым источником формирования и передачи представлений о реальности. Одна из важных задач СМИ связана с формированием социально-политического восприятия других стран, основанного на эмоционально-ассоциативных, метафорических и других лингвокогнитивных средствах, которые становятся неотъемлемой частью политического дискурса.

Предметом исследования является медийный образ Олимпиады-2022 в рамках политического и медийного типов дискурса в контексте американо-китайских отношений. Целью работы является определение специфики медийного образа Олимпиады-2022 и средств его создания в медийной коммуникации.

Методология исследования охватывает методы когнитивной лингвистики, в частности семантико-когнитивный анализ. Последний используется в формате семантико-когнитивного подхода, который позволяет проводить интерпретационный анализ от языка к значению.

Материалом исследования являются медиатексты за период 2021-2022 годов, опубликованные в информационных источниках США: Нью-Йорк Таймс (The New York Times), Ю-Эс-Эй Тудей (USA Today), Нью-Йорк Дейли Ньюс (New York Daily News).

Олимпиада соотносится с логико-понятийным полем спорта. При этом последний определяется как социально-культурный феномен, формирующий ценностные установки, способствующие социально-политической интеграции [1].

В данном исследовании Олимпиада соотносится с явлением, нацеленным на создание имиджа (положительного, отрицательного) как фактора создания или преодоления внутри- или межгосударственных противоречий. Данные тенденции в сфере медийного дискурса подтверждаются рядом исследований [2; 3].

Представленное исследование основано на качественных методах: контент- и дискурсивном анализе американских СМИ, освещающих образ Олимпиады-2022. Используя алгоритм поиска, любая статья из упомянутых выше американских СМИ с заголовком или основным содержанием, отражающим слово «Olympics-2022» («Олимпиада-2022»), «Winter Olympic Games-2022» («Зимние Олимпийские игры-2022»), «XXIV Winter Olympic Games» («XXIV Зимние Олимпийские игры»), «Olympic Games in Beijing-2022» («Олимпийские игры в Пекине-2022») становилась частью исследования. Интерпретация полученных медиаданных проводилась с использованием анализа медиа-метрик, который автоматически определяет тональность медиаматериалов, ранжируя их на положительные, нейтральные и отрицательные. Расчет основан на проценте от общего числа публикаций по данному маркеру.

Образ Олимпиады-2022 является составной частью образа страны.

Понимание образа в научной литературе характеризуется отсутствием однозначности.

Образ рассматривается рядом исследователей как ассоциативная возможность слова вызывать в индивидуальном сознании зрительный, звуковой, тактильный и другие представления относительно анализируемого объекта [4; 5].

Другое направление ученых связывают образ с целостным представлением предмета, которое может возникать осознанно или бессознательно у представителей определенной языковой культуры на основе существующей речевой практике [6]. Отмечается специфика языкового образа, проявляющаяся в вербализации психического образа на основе определенных языковых средств [6].

Отдельное направление в номинативной практике понимания образа связано с когнитивным подходом. Так, Н. Д. Арутюнова связывает формирование образа с сознанием человека и его свойствами стихийности и произвольности в процессе освоения окружающей действительности [7]. А. К. Эбру фокусирует внимание на индивидуальном восприятии в процессе ментального отражения предмета в сознании человека [8].

Под образом в данном научном исследовании понимается отражение и интерпретация объекта анализа речевыми средствами, включающими вербальные и невербальные единицы.

На уровне медийного анализа образ Олимпиады-2022 структурируется нами на уровне зрительного, звукового, тактильного, вкусового компонентов. В ходе количественного анализа обозначенных составляющих используется понятие объективации, под которой понимается превращение ощущений как субъективных состояний в восприятие как объект мыслительного процесса [9, С. 687].

Зрительный компонент образа Олимпиады-2022 представлен такими компонентами (32) как *церемония открытия игр (328), церемония закрытия игр (316), талисман зимних Олимпийских игр 2022 года в Пекине – панда Бин Дунь Дунь (293), олимпийская эмблема (287), мероприятия по профилактике COVID-19 (273), спортивные комплексы (261), Олимпийский парк (238), тысячи спортсменов (226), тысячи зрителей (218), Национальный стадион в Пекине (206), Государственный дворец спорта Пекина (198), Столичный дворец спорта в Пекине (183), Национальный центр биатлона в Чжанцзякоу (176), Национальный лыжный центр в Чжанцзякоу (153), Национальный горнолыжный центр в Яньцин (136), Укэсон-арена в Хайдяне (Пекин) (123), Национальный конькобежный овал в Пекине (109), Трамплин «Биг-эйр Шоген» в Пекине (96), Национальный центр прыжков с трамплина в Чжанцзякоу (93), Снежный парк Геньтин в Чжанцзякоу (86), Ваньлун в Чжанцзякоу (83), Тайву в Чжанцзякоу (78), Национальный санно-бобслейный центр в Яньцин (69), Пекинский национальный плавательный комплекс в Пекине (63), олимпийские медали (56), олимпийские награды (53), букеты призерам (53), олимпийские кольца (51), волонтеры (48), олимпийский огонь (46), мобильное приложение (43), салют (39).*

Вкусовой образ Олимпиады-2022 состоит из следующих компонентов (12): *«Доширак» (38), вареное яйцо (36), рис (28), мандарины (26), пельмени (23), бургеры (19), картошка фри (19), курица (18), паста (16), мисо-суп (15), утка по-пекински (12), «летающие тарелки» (11).*

Звуковой образ Олимпиады-2022 представлен следующими составляющими (5): *«Вместе ради общего будущего» (слоган) (296), «Бриджстоун («Bridgestone») – официальная шина Олимпийских игр» (223), олимпийский гимн (183), аплодисменты (169), олимпийская клятва (86).*

Тактильный образ Олимпиады-2022 представлен рядом компонентов (3): *мороз (96), холод (68), континентальный климат (28).*

Проведенный анализ публикаций об Олимпиаде-2022, отраженной в материалах СМИ США, позволил сделать выводы относительно их рейтинга тональности.

Под рейтингом тональности необходимо понимать вербальное и невербальное освещение тематической информации с прагматической доминантой положительного, отрицательного или нейтрального отношения (оценивания) к событию, которое выражается прямо или косвенно.

Соответственно наибольшая категория публикаций СМИ США отражает отрицательную тональность (73,9 %), наименьшая категория представлена положительной тональностью (9,5 %). В количественном отношении промежуточное положение занимает категория, отражающая нейтральные публикации (16,6 %).

Таким образом, Олимпиада-2022 подтверждает политическую направленность формирования и отражения образа в медийном дискурсе на примере средств массовой информации США. Соответственно образ Олимпиады-2022 не только формируют реальность, но и предвещает ее появление, представляя собой средство политической борьбы и идеологического противостояния, мощного оружия пропаганды и эффективного инструмента мягкой силы.

Невербальные средства конструирования образа Олимпиады-2022 акцентируют внимание на китайском колорите данного масштабного спортивного события, связывая его с национальными политическими особенностями Китая [10], который несет миру угрозу, опасность, риск, агрессивное поведение, разрушение мировой экономики. Подобная медийная презентация образа Олимпиады-2022 отрицательно влияет на внешнеполитический образ государства.

Источники:

1. Паначев В. Д. Спорт как социальный институт в развитии личности: дис. ... канд. социол. наук. Пермь, 2000.
2. Федоровская М. Ю. Взаимодействие спорта и политики: история и современность // Социодинамика. 2019. № 5. С. 59–67.
3. Нужденов К. Э. Спорт как инструмент политического воздействия на современное общество [электронный ресурс] // URL: <https://www.dissercat.com/content/sport-kakinstrument-politicheskogo-vozddeistviya-na-sovremennoe-obshchestvo> (Дата обращения 16.11.2022).
4. Колодкина Е. Н. Образный компонент значения в современной российской лингвистике и психолингвистике. М.: Логос, 2019.
5. Чижик-Полейко А. И. Стилистика русского языка. М.: Флинта, 2021.
6. Лукьянова Н. А. Когнитивные источники образных слов // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3–4. С. 169–186.
7. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
8. Эбру А. К. Языковые средства создания образа политического деятеля в американских и британских СМИ: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017.

9. Касавин И. Т. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Российская академия наук, Институт философии РАН, 2009.

10. Чудинов А. П., Хабаров А. А. Образ Китая в американских СМИ. М.: Слово, 2021.

Yu. V. Rovinskaya (Russian State University for the Humanities)

THE POLITICAL SPECIFICITY OF THE OLYMPICS-2022 IMAGE IN MEDIA DISCOURSE

This study is devoted to topical issues in the field of media communication, reflecting a political view on the events of the sporting life of the society. The subject of the study is the image of the Olympics itself and its components within the media plane of communication. The novelty of scientific research is determined by introduction of political specificity of the Olympics and the objectification of this concept in the speech characteristics at the nonverbal level, taking into account the structural and component constituents. The results of the study are related to the construction of the Olympics media image through the process of public opinion formation in the context of modern media communication.

Sports media communication, image, structural and component constituents, non-verbal level, visual component, sound component, tactile component, taste component, mass media

УДК 316.776.32

Г. А. Рожков (Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет Минздрава России, email: grigory.rozhkov@pharmin-potech.com);

Е. В. Наумова (Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет Минздрава России, email: elena.naumova@pharmin-potech.com)

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДПП ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ «ОСНОВЫ НАУЧНОГО ПЕРЕВОДА ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» НА ПРИМЕРЕ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА

В данной статье представлены результаты первого этапа реализации дополнительной профессиональной программы повышения квалификации (далее – ДПП) «Основы научного перевода для профессиональной деятельности». На первом этапе прошли обучение специалисты и представители разных (неязыковых) кафедр СПХФУ, которые получили представление о лингвистических основах написания научных статей: научный стиль речи английского языка, его особенности, правила структурирования статей, и т. д. Участники ДПП также ознакомились с основными программами и инструментами машинного перевода, и с тем, как их можно использовать в работе. Представленная в данной статье тема является принципиально новой и актуальной для современного образования. Актуальность ее заключается в постоянной необходимости повышения квалификации и в развитии у обучающихся профессиональной языковой компетенции для того, чтобы быть конкурентноспособными в современном мире и иметь возможность публиковать результаты своих исследований на иностранном языке. Новизна данного исследования заключается в попытке объединить представителей смежных научных направлений для решения единой задачи по переводу результатов научных исследований – как самостоятельно, так и с помощью машинного перевода. В заключение статьи кратко представлена проведенная авторами организационно-методическая работа по подготовке реализации второго этапа ДПП.

Межкультурная коммуникация, онлайн-обучение, машинный перевод, междисциплинарные исследования, профессиональные компетенции, языковые компетенции, память перевода, электронная база данных

ДПП повышения квалификации «Основы научного перевода для профессиональной деятельности» реализуется в СПХФУ с 2021 года и в соответствии с «Порядком организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам», утвержденным приказом

№ 499 Министерства образования и науки Российской Федерации от 01 июля 2013 года [1]. Программа направлена на обучение студентов, аспирантов и профессорско-преподавательского состава университета. В результате освоения программы, обучающиеся овладевают необходимыми языковыми навыками для написания научных статей на английском языке, а также для базового перевода своих авторских статей на английский язык, как самостоятельно, так и с помощью систем машинного перевода, о которых говорится в данной статье.

Развитие языковых навыков, как в языковом, так и неязыковом ВУЗе, напрямую взаимосвязано с выработкой профессиональных компетенции в соответствии с ФГОС ВО 3++. Применительно к описываемой программе вырабатываются следующие универсальные компетенции: УК-3 Готовность участвовать в работе российских и международных исследовательских коллективов по решению научных и научно-образовательных задач [2]; УК-4 Готовность использовать современные методы и технологии научной и профессиональной коммуникации на государственном и иностранном языках [2].

Для эффективной реализации поставленных педагогических целей и задач, ДПП была разделена на два основных модуля: 1 – теоретический и 2 – практический. В теоретический модуль вошли общелингвистические темы, направленные на развитие базовых навыков работы с научным текстом на английском языке: особенности научного стиля в английском языке, основные правила деловой переписки и др. Практический модуль включает в себя темы, направленные на развитие базовых навыков перевода, редактирования и постредактирования научного текста на английском языке. Для более глубокого понимания процесса письменного перевода и механизмов его ускорения, были рассмотрены основные инструменты и программы автоматизированного перевода (PROMT, TRADOS, MemoQ и др.).

Как известно, CAT (Computer-Aided Translation) – это компьютеризированный перевод или перевод при помощи компьютера. В русскоязычной науке, данное понятие приравнивается к «автоматизированному переводу» [3, С. 92]. CAT включает в себя целый ряд инструментов, которые значительно упрощают, облегчают и ускоряют процесс письменного перевода. Их особенно удобно применять при переводе однообразных, шаблонных текстов или научных текстов с типовым набором повторяющихся терминов.

ТМ («Translation Memory») или «память переводов» является одним из таких инструментов, входящих в стандартный набор и структуру САТ-ов [3, С. 92]. Так, например, с помощью этого инструмента, можно создать память переводов по разным тематикам: фармацевтика, биотехнология, лингвистика, электромеханика и т. д.

Для достижения наибольшей эффективности при реализации второго модуля ДПП «Основы научного перевода для профессиональной деятельности», к сотрудничеству были приглашены эксперты по машинному переводу, представители переводческой компании «ЭГО-Транслейтинг». Компания была основана в 1990 и является комплексным лингвистическим провайдером,

одним из лидеров лингвистического рынка Восточной Европы и России. По данным международного агентства Common Sense Advisory, входит в ТОП-5 лингвистических провайдеров на рынке Восточной Европы [4].

В рамках реализации второго модуля ДПП, эксперты компании «ЭГО-Транслейтинг» провели ряд практических занятий и семинаров в онлайн-формате, благодаря которым, слушатели получили наглядное представление о том, какие программы машинного перевода существуют, какие у каждой из них преимущества и недостатки. Обучающимся был также продемонстрирован процесс создания «памяти переводов». По результатам итогового опроса, все слушатели ДПП дали положительную оценку полученным знаниям и планируют применять их в дальнейшей научной и профессиональной деятельности.

Говоря об участниках, следует отметить, что в первый год реализации Программы (2021), в ней приняли участие около 30 человек из числа студентов, аспирантов, преподавателей и административно-управленческого персонала. В начале учебного 2022/2023 года, был организован второй поток, в котором приняли успешное участие 15 участников, что свидетельствует о непрекращающейся потребности в освоении дополнительных навыков и овладении универсальными компетенциями.

Следует отметить, что первый поток ДПП «Основы научного перевода для профессиональной деятельности» был запущен и проведен в пиковый период “расцвета” дистанционного (онлайн) обучения, что положительно отразилось на результатах проведения программы. Слушатели имели возможность посмотреть видео-, аудио- и другие материалы в любой удобный для них промежуток времени, так как все обучающие материалы обоих модулей были размещены в электронной информационной образовательной среде (ЭИОС) СПХФУ. Помимо этого, задания для самостоятельной работы обучающихся были подразделены в соответствии с уровнем владения слушателями английским языком. Таким образом, обучающиеся могли сами выбирать уровень сложности заданий. Задания второго модуля были продуманы таким образом, чтобы информация была представлена всем участникам в понятном и доступном для них формате.

Следует отметить, что представленная в статье дополнительная профессиональная программа повышения квалификации, безусловно, имеет дальнейшие перспективы развития. НОЦ ИЯМК планирует дальнейшее сотрудничество с компанией «ЭГО-Транслейтинг» с целью реализации второго этапа ППК. В целях повышения публикационной активности профессорско-преподавательского состава и аспирантов СПХФУ, содействию публикации результатов исследований на английском языке, была создана межкафедральная Рабочая группа.

Основная задача Рабочей группы – оказывать содействие специалистам компании «ЭГО-Транслейтинг» в разработке и составлении для СПХФУ переводческих баз данных («Translation Memory») и глоссариев, содержащих ос-

новые термины, используемые при написании научных публикаций по выбранным предметным областям: химия, биотехнология, аналитическая химия, органическая химия, фармакология, физическая и коллоидная химия, управление экономикой фармации, экономика и управление в фармацевтической промышленности.

Обучение слушателей на втором этапе реализации ППК планируется в синхронном/асинхронном формате и включает в себя проведение онлайн-семинаров специалистами НОЦ ИЯМК с участием профессиональных переводчиков переводческой компании «ЭГО-Транслейтинг». На втором этапе будет рассмотрена возможности использования в СПХФУ отраслевой СМП «ЭГО-ПРОМТ» для кастомизации системы машинного перевода. Слушатели будут обучаться применению созданной электронной базы данных («Translation Memoгу») по выбранным направлениям научной деятельности с целью содействия процессу перевода на английский язык результатов научной работы специалистов СПХФУ.

Источники:

1. Приказ Министерства образования и науки РФ от 1 июля 2013 г. N 499 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/70440506/> (дата обращения: 14.01.2023)
2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению «Языкознание и литературоведение» (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 30 июля 2014 г. N 903) URL: <https://fgosvo.ru/fgosvo/index/7/181> (дата обращения: 14.01.2023)
3. Вебер Елена Александровна Cat-программы на службе переводчика // Евразийский Союз Ученых. 2014. №7-7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/cat-programmy-na-sluzhbe-perevodchika> (дата обращения: 16.01.2023).
4. Переводческая компания ЭГО-Транслейтинг. URL: <https://egotranslating.com/about/> (дата обращения: 16.01.2023).

G. A. Rozhkov (Saint-Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University)

E. V. Naumova (Saint-Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University)

***THE PRINCIPLES OF ORGANIZING THE FURTHER
EDUCATION PROGRAM ON “THE BASICS OF ACADEMIC
TRANSLATION FOR SPECIFIC PURPOSES”
– NON-LINGUISTIC UNIVERSITY AS A CASE STUDY***

The given article presents an overview of the first-stage results of the incorporated professional continuing education program “The basics of academic trans-

lation for specific purposes”. Experts and representatives from various non-linguistic departments of the Saint-Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University have completed the first stage of the program; as a result, they attained knowledge and an understanding of academic writing and its key aspects: academic style, its main features, international article structure, etc. The course participants have also obtained an idea of the basic machine translation tools and software programs and how to incorporate them into their scientific research work. The presented topic is an exceptionally novel and central in the modern-day education process. Its timely importance lies in the constant necessity to improve professional skills and develop professional and linguistic skills among the learners. As a result, they will have the ability to face contemporary challenges and the opportunity to study the academic materials in the source language. The novelty of this research manifests itself in the attempt to unite representatives of adjacent sciences in solving one problem – translating academic texts – both, individually, and using machine translation tools. The second stage included the organization of learning and methodological guidance, which will be further discussed in the article. The conclusion presents a brief overview of learning and methodological guidance in preparing for and carrying out the second stage of the professional continuing education program.

Intercultural communication, online, machine translation, interdisciplinary studies, professional skills, language skills, translation memory, digital database

УДК 94.47:323.33

А. А. Рубцов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: aarubtcov@etu.ru)

РЕЛИГИОЗНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ

В статье рассматривается язык власти, которым чиновники описывали религиозный, социальный и политический протест в Российской империи в XIX веке. Ориентируясь на подходы таких направлений как «история снизу» и «история понятий» автор исследует, с одной стороны, причины различных выступлений рабочих и сектантов, а с другой, объясняет почему российские власти описывали их как «коммунистические».

Российская империя, рабочие, сектанты, протест, история снизу

Одним из крупных историографических направлений последних десятилетий является так называемая «история снизу» (History from below). «История снизу» – эта история о людях, построивших мир, в котором мы живем, о тех самых людях, которые веками оставались за пределами элитарных нарративов прошлого. При этом «история снизу» всегда связана с «историей сверху» в том числе и потому, что первая сосредоточена на изучении власти, угнетения и сопротивления [1].

Есть и еще одна причина, по которой изучение истории широких масс невозможно без обращения к истории государств, механизмов управления и элит. Ведь как только историки обратились к изучению «безмолвствующего большинства» встала проблема поиска источников. Наибольшее количество материалов для исследования культуры широких масс создано официальными органами церковной и светской власти. Например, огромные значения для изучения повседневности и культуры европейского Средневековья имеют судебные дела. Об их роли емко написал известный итальянский историк К. Гинзбург в статье «Инквизитор как антрополог» [2]. Встает при этом очевидная проблема достоверности такого типа источников. Необходимо разобраться в обстоятельствах создания таких документов, изучить специфические понятия, риторические приемы и формуляры, свойственные этим источникам, не забывать про идеологию авторов будь то безликие институты или конкретные личности и т. д.

Таким образом, важно понять, как выражался социальный опыт на языке «безмолвствующего большинства», и как этот опыт описывался властями, чтобы затем разобраться почему именно так говорили различные группы о проблемах власти, угнетения и сопротивления. При этом обязательно должны быть учтены контексты создания любого источника, чтобы использованные в

них понятия не ввели в заблуждение, а наоборот позволили найти ключ к пониманию эпохи [3].

Непосредственно в данной статье речь пойдет о том, как чиновники в Российской империи в XIX веке описывали религиозный, социальный и политический протесты. Девятнадцатое столетие становится для европейских государств временем испытаний и Российская империя здесь не исключение. Рост капитализма, промышленный переворот, возникновение массовых политических движений, расширяющаяся публичная сферы – все эти явления оказываются серьезными вызовами, для которых правительствам необходимо было находить адекватные ответы ради сохранения стабильности своих политий [4, С. 5–21].

Порой ожидания и опасения чиновников опережали динамику развития социальной реальности в Российской империи. Пристальное внимание властей к политическим событиям в Западной Европе приводило к предположению о развитии схожих явлений в скором времени и в самой России. Поэтому возникали ситуации, когда поведения поданных, мотивированное традиционалистскими установками, объяснялось при помощи понятий из новых политических теорий, получивших широкое развитие в западноевропейских странах.

В апреле 1861 года на Людиновском горном заводе в Калужской губернии произошли волнения рабочих в связи с попыткой заводской полиции наказать розгами одного из рабочих. Просьба наказать мастерового Григория Кучерова поступила заводскому исправнику от отца этого молодого человека. Причинами такой просьбы стали пьянство и неповиновение родителям. Однако рабочие завода воспрепятствовали наказанию заявив исправнику, что «его, Кучерова, никто не смеет наказывать, и мы его не дадим» [5, С. 81]. К расследованию дела был привлечен горный инженер генерал-лейтенант Н. Ф. Бутенев, который изучил обстоятельства происшествия и составил пояснительную записку о волнении министру внутренних дел П. А. Валуеву. Особое внимание он, конечно, уделил выяснению причин выступления рабочих. На основании допросов он сделал вывод, что рабочими неправильно были поняты положения Манифеста об освобождении крестьян. Права были поняты ими в том смысле, что «отныне не правительством поставленные власти, а мир и общество будет управлять ими и только тот преступник будет подвергаться наказанию, которого приговорит мир, полицейская же власть есть только исполнительное орудие в руках общины, не подверженной никакому контролю» [5, С. 96].

Генерал-лейтенант Н. Ф. Бутенев следующим образом объяснял взгляды рабочих: «Эта коммунистическая идея была практикуема 5 апреля [*день, когда произошло волнение рабочих – А. Р.*], она держится во многих умах и теперь, и от решения настоящего случая зависит будет искоренить ее как губительную или допустить укорениться и предать Россию демократии» [5, С. 96–97]. То есть с точки зрения горного инженера рабочие протестовали против наказания, потому что разделяли «коммунистические» идеи и пытались претворить их в жизнь. Однако действительно ли в этом деле можно разглядеть «призрак коммунизма»?

Людиновский горный завод располагался на землях, принадлежавших генерал-майору Сергею Ивановичу Мальцову. Горнозаводское фабричное население было не обеспечено земельными наделами, в общей сложности приходилось менее 1/2 десятины на душу. Это население все средства к жизни извлекало из работы на фабриках и заводах [6]. Фабричное население происходило из крестьянского сословия и продолжало жить в окружении крестьян. Поэтому можно предположить, что рабочие скорее ориентировались на традиционные крестьянские представления о справедливости и правосудии.

Так, община играла центральную роль в поддержании патриархальной власти. Она имела коллективный голос и организацию, «позволявшие ей входить в отношения с управлением поместья и, более того, с местной властью, таким образом давая крестьянству существенную автономию» [7, С. 128]. Следовательно, для взбунтовавшихся на Людиновском заводе рабочих речь скорее шла об укреплении традиционного порядка, а не об установлении некоторого нового устройства жизни. С их точки зрения отец провинившегося сына должен был вначале получить разрешение на наказание от «мира», то есть общины, а затем обращаться к управляющему.

Однако европейски образованный чиновник перекладывал на них совсем несвойственные еще российским рабочим представления о «демократии» и «коммунизме». Таким образом, в записке Бутенева выступление приобретало ярко политический характер.

В итоге взбунтовавшихся рабочих оставили на заводе под особым наблюдением местного полицейского начальства, что было незначительным для них наказанием. Однако дело могло принять и иной оборот. Разглядывая в «традиционалистском» выступлении мастеровых восстание пролетариев, чиновник переносил это событие в совершенно иную плоскость.

В течение последующего десятилетия постоянно росла численность рабочих крупных капиталистических предприятий. В 1860 году их количество составляло 720 тыс., к 1880 году оно увеличилось до 1 млн. 250 тыс. Следовательно, в этот период «сложился новый социальный тип постоянных рабочих, концентрировавшийся на крупных предприятиях в ведущих промышленных центрах страны. Шло формирование рабочего класса, основу которого составляли постоянные рабочие, лишенные средств производства, разорвавшие связь с землей и собственным хозяйством и весь год трудившиеся на фабриках и заводах» [8, С. 343]. Следовательно, должно было сформировать и свойственное этой новой социальной группе сознание, обусловленное их положением в структуре производства. Однако, во-первых, практики и ментальные установки меняются медленнее, чем происходят социально-экономические перемены. Во-вторых, пролетарский класс с присущими ему чертами в XVIII–XIX веках нередко становился объектом, сконструированным государственными ведомствами и интеллектуалами, чем реальным субъектом истории.

21 декабря 1871 года московский гражданский губернатор князь А. А. Ливен в одном из донесений министру внутренних дел описывает беспорядки на Реутовской бумагопрядильной мануфактуре, произошедшие 12 декабря 1871 года. В них принимало участие около 2000 человек, пытавшихся воспрепятствовать выходу в воскресный день тех работников, которые по договоренности с администрацией мануфактуры вышли за двойную плату. Поведение рабочих губернатор объяснял следующим образом. Они посчитали, что труд их товарищей в праздничный день или понизит их заработную плату, или со временем заставят и их приняться за нее. Поэтому большая часть рабочих решила воспрепятствовать «охотникам до Воскресной работы» выйти на нее [9, Л. 99–104 об.].

Губернатор и полиция решили, что имеют «дело не с уличным, случайным безобразием, подходящим под определение буйства, а с правильную стачкою, имеющую свою определенную, высказавшуюся цель, – воспрепятствовать приведению в исполнение, состоявшегося между фабрикантом и некоторыми рабочими соглашения о производстве...» [9, Л. 102].

Несколько ранее князь Ливен написал для министра внутренних дел А. Е. Тимашева объемную на 160 страниц записку о других стачках в Московской губернии [9, Л. 1–86 об.]. Описав фактическую причину стачек, связанную с требованием повышения заработной платы, Ливен переходит к разбору слухов, «доходивших» до него. Исходя из собранных сведений он полагал, что толки среди рабочих о несправедливости их положения родственны «с учением западной рабочей агитации». Из этого делался вывод о том, что в самой рабочей среде такие идеи появиться не могли, а, следовательно, они привнесены в рабочие среду посторонними ей личностями. При этом Ливен, в отличие от некоторых других автором записок о политических угрозах, указывал в качестве причины и объективно негативные стороны промышленной организации, «дающих пищу надеждам людей, желающих найти в агитациях наших многолюдных, промышленных центров ту поддержку, – которую они не раз добивались то в среде нашего крестьянского мира, то в рядах нашего земства, – то на столбцах нашего общественного мнения». Дальнейший нарратив содержит сравнения с событиями в Западной Европе и ссылки на западноевропейский опыт, что должно было продемонстрировать, во-первых, чужеродность этих явлений, а во-вторых, это указание конструировало внутренние политические угрозы по кальке западноевропейских революционных и рабочих движений.

Таким образом, князь Ливен и в происшествии на Реутовской бумагопрядильной мануфактуре усматривал влияние революционных идей и развитие «теории стачечной борьбы» в российских условиях.

Однако как в выступлении на Людиновском заводе в данном случае тоже могли проявиться исключительно традиционалистские представление рабочих о справедливости. Пореформенное время момент формирования рабочего движения и трансформации сознания трудящихся на промышленных предприя-

тиях, но происходило это под влиянием элементов крестьянской ментальности. Поэтому ориентация на крестьянские практики и представления в объяснении поведения рабочих оказывается вполне уместной.

Так, историк крестьянства Т. Шанин указывал, что «принципы справедливости, которые в глазах селянина призван был воплощать общинный суд, отличались субъективизмом и эгалитаризмом» [10, С. 81–82]. Это могло проявляться в обычаях судить «по совести», то есть учитывались не только обстоятельства дела, прецеденты или нормы обычного права, но и социальные последствия принимаемого решения [11, С. 311].

Таким образом, в первом рассмотренном случае для самих рабочих было важно, чтобы прецедент с решением о наказании в обход мнения «мира» не стал нормой, что усилило бы власть заводского исправника. Во втором происшествии рабочие не рассматривали соглашение некоторых из них с нанимателем как индивидуальные договоренности. В их представлении это обязательно должно было в итоге коснуться каждого. Они тоже не хотели допустить нежелательного прецедента, который мог претендовать, по их мнению, на перерастание в норму.

При этом, в обоих случаях проявлялось намерение чиновников «осовременить» действия рабочих без учета их собственных внутренних мотиваций, источником которых могли быть практики и обычаи крестьянской жизни. Происходило это по причине все большего внимания государства к реальным или потенциальным политическим угрозам. Поэтому власти «осваивали» новые политические языки, применяя их к описанию различных форм протеста в империи.

Не только выступления рабочих старались описать с помощью новых политических понятий. С 1858 по 1861 годы в Самарской губернии проводилось несколько расследований деятельности Ивана Григорьева, которые проповедовал новое учение среди секты «духовных христиан» – молокан. Он распространял теософские идеи Э. Сведенборга «вместе с оскотлением и ко всему этому примешавший общность имуществ» [12, С. XIX]. В правительственных сообщениях и материалах следствия учение И. Григорьева называлось «коммунистическим». Например, постановление секретного самарского губернского комитета было озаглавлено следующим образом: «О распространении в Новоузенском уезде новой молоканской ереси под названием коммунистов». Слово «коммунисты» применительно к последователям Григорьева встречается и в других материалах [13, 219–220]. Исследователь сектантства А. И. Клибанов считал, что Григорьев сам применял это понятие и присущие ему идеи в своих проповедях. Однако, можно предположить, что малограмотный крестьянин скорее обращался в своем учении к Евангелию и народным утопическим представлениям о равенстве и справедливости, а не к коммунистической теории. Здесь скорее, как и в случае с рабочими, проявилась тенденция в государственной политике видеть в коммунистических идеях универсальную угрозу, проявляющую себя во всех областях социальной реальности, будь то протесты рабочих или религиозная секта.

За рамками данной статьи остаются частные вопросы относительно того, почему в каждом конкретном случае чиновники обратились именно к таким формам объяснений. Однако стоит отметить, что каждый из случаев был связан с представлениями о проникновении «угроз» из западноевропейской политической жизни в Россию и стремлении принять скорые меры по их предотвращению. Это, вероятно, заставляло власти порой видеть «коммунистическую» угрозу там, где ее могло вовсе и не быть.

Источники:

1. Rediker M. Reflections on History from Below // *Trashumante*. 2022. №20. P. 296–299.
2. Ginzburg C. The Inquisitor as Anthropologist // Ginzburg C. *Clues, Myths and the Historical Method*. Baltimore, 1989. P. 156 – 164.
3. Велижев М. Б., Атнашев Т. М. «Context is king»: Джон Покок – историк политических языков // *Новое литературное обозрение*. 2015. Т. 134. № 4. С. 21–44.
4. *Всемирная история: в 6 т. Т. 5: Мир в XIX веке* / гл. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014.
5. *Рабочее движение в России в XIX веке: Сборник документов и материалов* / под ред. А.М. Панкратовой. Т. 2: 1861-1884. Ч. 1: 1861-1874. М., 1950.
6. Афонина Л. И., Дзюбан В. В., Трифанков Ю. Т. *Мальцовский промышленный округ и его социальная инфраструктура: «Америка в России»*. Брянск, 2012.
7. Хок С. Л. *Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии*. М., 1993.
8. Куприянова Л. В. «Рабочий вопрос» в России во второй половине XIX–начале XX в. // *История предпринимательства в России*. Кн. 2. Вторая половина XIX–начало XX века. М., 1999. С. 343–357.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1282. Оп. 1. Д. 304 (Записка и донесения московского гражданского губернатора кн. Ливена о забастовках рабочих Реутовской мануфактуры и др. фабрик Московской губернии).
10. Шанин Т. *Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910–1925*. М., 2020.
11. Мухин В. Ф. *Обычный порядок наследования у крестьян: К вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению*. СПб., 1888.
12. *Сборник правительственных сведений о раскольниках* / Сост. В. Кельсиевым. Т. 3: О скопцах. Лондон, 1862.
13. Клибанов А. И. *Народная социальная утопия в России. XIX век*. М., 1978.

A. A. *Rubtsov* (St. Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

***RELIGIOUS AND POLITICAL PROTEST IN THE RUSSIAN EMPIRE IN
THE 19TH CENTURY***

The paper examines the language of power used by officials to describe religious, social and political protest in the Russian Empire in the 19th century. Focusing on the approaches of such areas as “History from Below” and “History of Concepts”, the author explores, on the one hand, the reasons for the various actions of workers and sectarians, and on the other hand, explains why the Russian authorities described them as “communist”.

Russian Empire, workers, sectarians, protest, History from Below

УДК 101

Д. А. Рудых (Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, e-mail: rudykh97@list.ru)

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

В статье рассматривается проблемный вопрос о месте и времени зарождения философии. В истории философии доминирует западноевропейская традиция, не подвергающая сомнению появление философии в Древней Греции. Автор рассматривает точку зрения о появлении философии в Древнем Египте, основанную не на «классическом» понимании термина «философия», а с позиции контекстуального подхода.

История философии, контекстуальный подход, парадигма, Древняя Греция, Древний Египет

Начиная с Античной Греции, Древний Египет очаровывал людей мистическими символами, необычными богами и тайными знаниями. Неудивительно, веками Египет оставался закрытой книгой, загадкой, так как многие знаки и тексты не поддавались расшифровке. Новое открытие знаний, искусства, литературы, законов и религии Древнего Египта можно отнести к 1822 году, когда Жан-Франсуа Шампольон расшифровал иероглифическое письмо и сделал тексты и надписи доступными для прочтения. С тех пор рукописи и надписи широко изучались [1]. Однако, хотя о важности древнеегипетских манускриптов в мировой литературе поставлена точка, их философская актуальность до сих пор вызывает споры.

Философская значимость древнеегипетских текстов иногда отрицается еще до их прочтения. Даже египтолог Ян Ассманн, который долгое время занимался переводами и интерпретациями этих текстов, считает их не философией, а «литературой мудрости» [2]. Ассманн утверждает, Египтяне не были философами. Они не дистанцировались от мира, за которым производили свои наблюдения, и не излагали свои результаты в прозе или поэзии в виде самостоятельного рассуждения, не подчиненного никаким практическим целям. Грамотные люди были государственными служащими, священниками или и тем, и другим одновременно. Научиться писать означало действовать на службе у государства и богов. Не было «автономных интеллектуалов», которые размышляли о мире в целом без необходимости применять свои идеи к ритуалам или управлению. Мыслитель и писатель находился в контексте, побуждавшем его мыслить и писать.

Этот пункт, является ключевым для любого сравнения с контекстами, которые различаются по историческому развитию, политико-экономической ситуации, религии, культуре, языку и т. д. Мы должны признать, что применение

понятия «философия» к Древнему Египту – культуре, существовавшей за сотни лет до того, как греки ввели термин «философия», – сопряжено с рядом ловушек. Имея дело с другим (культурным и т. д.) контекстом, отдаленным во времени или пространстве, всегда есть риск спроецировать наши собственные проблемы и понятия на контекст и, таким образом, добавить еще один слой препятствий для нашего понимания. Осознание этих ловушек необходимо для всех межкультурных подходов.

Разум и рациональность являются эпистемологически более высокими системами, более того, противопоставление мифоса и логоса есть редукция гораздо более сложных отношений между человечеством и миром, где миф уже содержит логические элементы, а логос может превратиться в миф. Граница между мифами и логосом воображаема и не устраняет необходимости исследовать логос мифа в процессе работы, свободной от абсолютизма реальности. Миф сам по себе является «высококачественным производением логоса». Миф помогает людям освоить физический мир, отдалиться и сделать сверхъестественное знакомым. В этом смысле это также своего рода инструментальное рассуждение. Восприятие и интерпретация египетских текстов предполагает, что, во-первых, переход от мифа к логосу является предпосылкой философии и, во-вторых, что этот переход произошел не только в Древней Греции [3].

Происхождение философии в Древней Греции редко подвергалось сомнению. История философии в ее господствующей западной парадигме имеет начало и конец. Хотя существуют разные взгляды на цель развития философского разума, начало было найдено быстро – древнегреческая философия была первой «настоящей» философией и, таким образом, источником всей философии.

Можно усомниться в абсолютности греческой модели истории философии. Утверждение, что первое свободное и независимое мышление выросло из разделения мифа и религии в Древней Греции и, что оно явилось отправной точкой процесса рационализации, приведшего к расцвету наук, едва ли принимает во внимание источники и условия, на которые опирались древние греки. В нем проявляется своего рода неисторический взгляд, который не принимает во внимание внешние влияния, которые привели к формированию знаний в Древней Греции. Следует задать вопрос: каковы корни греческой философии? И, кроме того, имеет ли смысл предполагать единое происхождение философии?

Мы должны проанализировать, насколько философы, мудрецы и ученые как отдельные фигуры на самом деле независимы от исторического, культурного, религиозного или политико-экономического контекста, контекста, который формирует условия мышления, в как результат и их последствия [4]. В конкретном случае Древней Греции необходимо подвергнуть сомнению авторитет греческого мышления, а также отношения между философией и мифологическими космологиями или отношения философии с догмами, законами и практическими правилами жизни.

Парадигма о зарождении философии в Древней Греции оказала огромное влияние на представление о том, что такое философия и как ее следует преподавать. Написание «Истории философии» сопровождается процессом формирования канонов, включением или исключением концепций и теорий, и этот процесс стремится стать господствующим. Как следствие, вопросы формирования канона должны постоянно критически обсуждаться и подвергаться сомнению, точно так же, как и идеи о происхождении философии.

Исследование истоков философии как таковой поднимает множество вопросов, которые непосредственно касаются сути философии, ее концепции и ее отличия от других дисциплин.

Термина «философ» не существовало в Древнем Египте. Людей, занимавшихся размышлениями, называли или они называли самих себя – «мудрым человеком», «учителем». Однако отсутствие термина не означает, что философии не существовало. Скорее, мы должны исследовать, применимы ли критерии, которые мы применяем сегодня для определения и отличия философии от других дисциплин, к текстам и авторам из Древнего Египта.

Становится необходимым определить, что такое философия и, что такое мудрость и чем мудрость отличается от философии. Определение мудрости необходимо, если мы принимаем как должное существование различия или даже противоречия между философией и мудростью. Если мы понимаем под мудростью определенный вид знания, который ведет к должному социальному поведению, исследует пределы собственного понимания и необходимость саморазвития, пробуждает осознание противоречивости мира, призывает к урегулированию неопределенностей. Тогда можно утверждать, что мудрость фокусируется на жизненном опыте, тогда как философия нацелена на теоретический уровень отражения и абстракции. По общему признанию, согласно Сократу, и понимание добродетели, и ведение добродетельной жизни должны быть целями философа [5]. Однако современная философия отошла от этой традиции. Большинство философских работ сегодня имеют мало или совсем ничего общего с практической жизнью или улучшением общества [6]. Одним из главных недостатков современных систем знаний, в том числе и философии, является их фрагментарность. Мудрость противодействует фрагментации знаний.

Является ли мудрость частью философии или считается отдельным видом знания, исключенным из концепции философии? Определение философии до сих пор остается спорным, и этот термин, безусловно, подвергался ряду изменений в истории европейской философии. Таким образом, философия представляет собой динамическую концепцию. Мало того, что в западной традиции существуют десятки определений философии (некоторые из них даже весьма противоречивы), но и само понятие «философия» – является предметом философии. Определение философии – это продукт философской рефлексии и выражение определенного образа самого философа. Философия уже определена, ко-

гда начинает определять себя. Можно описать определенные черты или аспекты, которые отличают вид мышления и рассуждения, называемый философией, от других способов и методов мышления.

Философию можно определить, как попытку рационально познать тотальность мира, понять и объяснить положение человека в мире, его деятельность и его поведение. Философия занимается познанием мира (эпистемология), базовых структур реальности (онтология) и обоснованностью норм (этика). Однако своеобразие философской мысли не основано ни на ее предмете, ни на определенном методе. Философия характеризуется своеобразным движением мысли, а именно постоянным сомнением в собственных предпосылках (аксиомах) мышления. Философское движение мысли происходит как отстранение, движение в сторону от известного. То, что принималось за самоочевидное или уже известное, подвергается сомнению. Частью динамики этого отстранения является то, что философия критикует или порывает концепции, которые стали доминирующими. Самокритика философии есть определяющий момент философской рефлексии [7]. Стремясь поставить под сомнение само собой разумеющееся и бросить вызов условиям мышления, философия не только критикует существующий порядок, но и открывает новые области мысли и действия. Поэтому для философского мышления также характерна направленность на новые тенденции, проблемы и разработки.

Что касается египетских текстов, мы можем заключить, что все они соответствуют таким критериям философского мышления, как аргументативный подход, критика существующих условий и норм, этические идеи и ценности. Более того, египетские тексты выражают осознание пределов познания. Таким образом, эти тексты можно по праву считать философскими текстами, независимо от того, включена ли мудрость явно в определение философии или нет. Поиски истоков философии не завершаются переносом начала «Истории философии» в Древний Египет. Необходимо задать вопрос: каковы корни философии и науки в Древнем Египте? Поместить начало философии в Древний Египет – это на самом деле только исторический сдвиг, а не окончательный ответ на вопрос, где и когда возникла философия.

Источники:

1. Ильина Л. А. Франко-тосканская экспедиция в Египет 1828–1829 годов в письмах Шампольона // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 8. С. 51–57. EDN VHLEFH.
2. Александрова Е. В. «Тексты Пирамид» и проблема не-«классического» мифа // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2019. Т. 2. № 4. С. 12–30. DOI 10.28995/2658-5294-2019-2-4-12-30. EDN QLHKUI.
3. Жданов В. В. «Спекулятивная теология» в предфилософии Древнего Египта: кризис мифа или рождение метафизики? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2021. № 1(39). С. 30–38. EDN JPIGXH.

4. Санженаков А. А. «Истина, которую создают», или История философии по Элизабет Энском // *Философский журнал*. 2022. Т. 15. № 2. С. 80–93. DOI 10.21146/2072-0726-2022-15-2-80-93. EDN YGYKKG.

5. Киселева Д. М. Сократ о знании как главной добродетели // *Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века*. 2017. № 7. С. 495–498. EDN YMZWBP.

6. Корсаков А. С. Профессиональная мобильность: понятие и содержание / А. С. Корсаков, Д. В. Левченко, Н. Н. Зайцев // *Гуманитарные и социальные науки*. 2020. № 6. С. 281–287. DOI 10.18522/2070-1403-2020-83-6-281-287. EDN WTTCXQ.

7. Фролова Т. Н. Методологическая рефлексия как принцип философского мышления / Т. Н. Фролова, Г. В. Шашурина // *Психология и педагогика служебной деятельности*. 2022. № 2. С. 185–189. DOI 10.24412/2658-638X-2022-2-185-189. EDN BTJMGJ.

D. A. Rudykh (*Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation*)

PROBLEM QUESTIONS IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY

The article deals with the problematic issue of the place and time of the birth of philosophy. The history of philosophy is dominated by the Western European tradition, which does not question the emergence of philosophy in ancient Greece. The author considers the point of view about the emergence of philosophy in Ancient Egypt, based not on the «classical» understanding of the term «philosophy», but from the standpoint of the contextual approach.

History of philosophy, contextual approach, paradigm, Ancient Greece, Ancient Egypt

УДК 94(47)+ 821.161.1

В. В. Семенов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: syrovodka@gmail.com)

ОБРАЗ БАРОНА П. Н. ВРАНГЕЛЯ В ПОЭЗИИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

В статье рассматривается образ одной из виднейших фигур Белого движения генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля в поэзии русской эмиграции. Наибольшее распространение в ней получили представления о бароне Врангеле как о трагическом герое, что во многом диктовалось неразрывной связью его имени с феноменом обороны Крыма в 1920 г., где трагедия являлась определяющей категорией. Попытки же представить образ П. Н. Врангеля в комическом ключе в силу своей оторванности от реальности оказались нежизнеспособны.

П. Н. Врангель, Гражданская война в России, Белое движение, М. И. Цветаева, В. А. Смоленский, Н. В. Кудашев, Ф. Н. Касаткин-Ростовский, В. А. Сумбатов, Н. В. Шинкаренко, образ, поэзия, русская эмиграция, литература русской эмиграции

Один из ярчайших персональных образов периода Гражданской войны принадлежит видному деятелю Белого движения генерал-лейтенанту барону П. Н. Врангелю, с чьим именем неразсторжимо связан финальный этап вооруженного противостояния на юге России. Верховая лошадь, кинжал, папаха и казачья черкеска (подчас черного цвета, благодаря чему родилось прозвище Черный барон) – этими атрибутами природных всадников, усвоенными Врангелем, определялся его широко узнаваемый стиль. Восприимчивый поэт из эмигрантов первой волны А. С. Штейгер видел в бароне «не то средневекового рыцаря, не то стилизованного голливудского принца» [1]. Этот впечатляющий внешний облик выгодно оттенял присущие Врангелю качества харизматического лидера, складывая тот образ, что приобрел заметное отражение как в литературе и искусстве советского времени, так и в культурном наследии русской эмиграции.

Белоэмигрантской культуре с самого начала было свойственно представление о П. Н. Врангеле как о трагическом герое. Данное восприятие было подкреплено живой памятью о финале белого эпоса: неравной, фатально обреченной борьбе на подступах к Крыму и подведшей под ней черту судьбоносной эвакуации, выразительно именованной уже за рубежом Русским исходом. Именно это передал в своих проникновенных строках поэт-эмигрант В. А. Смоленский:

*Над Черным морем, над белым Крымом
Летела слава России дымом.
Над голубыми полями клевера*

*Летели горе и гибель с севера.
Летели русские пули градом,
Убили друга со мною рядом.
И ангел плакал над мертвым ангелом... –
Мы уходили за море с Врангелем [2, С. 180].*

Действительно, угольный чад из труб уходившей в море эскадры стал сродни дыму погребального костра прежней исторической России, и в этом дыму родилась идея, ставшая символом веры для многих русских эмигрантов, и их наследников, прямых и духовных: идея, что подлинная Россия крупными осталась лишь на белогвардейских знаменах. И последний белый главнокомандующий, как одно из олицетворений Русского исхода, бесспорно, трагичен в этих строках, что выделяется удивительным созвучием Врангеля и ангела. По свидетельству видного представителя русского зарубежья Р. Б. Гуля, эта заслужившая известность поэтическая находка Смоленского была справедливо воспринята эмигрантскими литературными кругами как неожиданная и большая удача [3, Т. 2, С. 148].

Объединяя в одной фразе противоположные колоративы Черного моря и белого Крыма, Смоленский выигрышно сопоставляет образы, играя их на контрасте. Эту же цветовую оппозицию, обращаясь к Белому движению еще на заре его существования – в 1918 г., использовала М. И. Цветаева:

*Белая гвардия, путь твой высок:
Черному дулу – грудь и висок [4, С. 163].*

Черный и белый – наиболее популярные цвета в поэтическом словаре Цветаевой. Поэтессе было свойственно их противопоставление, в особенности в стихах, посвященных Белому движению. «Белизна – угроза Черноте» – так начиналось еще одно ее стихотворение, написанное в год Гражданской войны. Спустя десятилетие, в посвященной обороне Крыма поэме «Перекоп» М. И. Цветаева живописала барона П. Н. Врангеля, представив красочный портрет порывистого и решительного вождя-харизматика «в черной черкеске ловкой, в кубанке черной». В этих строках произошло примирение белого с черным – оба цветовых концепта наполнены положительным смыслом.

*Вот он, застенков
Мститель, боев ваятель –
В черной чеченке,
С рукою на рукояти
Бе – лого, пра – вого
Дела: ура – а – а! [4, С. 606]*

Резонно сравнить приведенные строки с еще одной поэтической картиной той же эпохи: как блоковскими Двенадцатью с их «черной злобой, святой злобой» в груди и «винтовок черными ремнями» на плечах верховодит «в белом венчике из роз – впереди – Иисус Христос» [5, Т. 3, С. 349–350, 359], так и во главе Белого дела современники увидели Черного барона. Таким образом, в

«Перекопе», создававшимся в год безвременной кончины Врангеля, был выразительно передан тот мощный художественный эффект, что обнаружился, когда на излете Гражданской войны Черный барон принял власть над Белым движением.

Энергетика и динамизм П. Н. Врангеля, также нашедшие отражение в стихотворном «Перекопе», в широких представлениях о бароне отождествлялись с его молодостью, которая в данном контексте, несомненно, заключалась не в годах. «Наш молодой офицер» и даже «молодой вождь», – так называли генерала Врангеля на Белом Юге еще до того, как он занял там первенствующее положение, вкладывая в эти слова понятие о его порывистой энергии, отказе от старозаветных предрассудков и свежести взгляда на вещи. Оттого вполне естественно и органично звучат строки неизвестного поэта-эмигранта, написанные уже значительно после смерти П. Н. Врангеля:

*Вся жизнь – поход и жертвенность собою –
Он вечно был и будет молодым... [6, С. 34]*

Неожиданная кончина барона Врангеля 25 апреля 1928 г. оказала шокирующее воздействие на белую эмиграцию и резонансно вызвала целый ряд поэтических эпитафий на смерть вождя. Уход генерала из жизни воспринимался как возвышающая почившего гибель на боевом посту, а также как невосполнимая потеря для Белого дела. Именно такое настроение прослеживается в стихах поэта-белоэмигранта Н. В. Кудашева, написанных в 1929 г.:

*Осиротели Твои орлята.
Наш вождь скончался в стране далекой.
Красиво кончен удел солдата,
Борьбы неравной и одинокой [7, С. 31].*

Схожим чувством проникнуты строки сонета «На смерть барона Врангеля», написанного другим эмигрантом первой волны князем В. А. Сумбатовым. Как отмечает московская исследовательница Н. С. Титова, Сумбатов едва ли не первым откликнулся на кончину Врангеля, обратившись в своей эпитафии к пафосу и древнего героического эпоса, и более современной русской батальной лирики [8, С. 35–37, 39]. В результате поэтом был запечатлен фактурный портрет «бесстрашного вождя дружин национальных», до конца оставшегося верным своему долгу [9, С. 326–327]. Сумбатов, как и многие другие авторы, вменяет генералу Врангелю подлинный нравственный ригоризм, не позволявший ему отделить свою судьбу от судеб родины и соотечественников. Именно так писал о «честном вожде русской армии белой» поэт князь Ф. Н. Касаткин-Ростовский:

*Он Россию любил и ей верил глубоко,
За нее, в дни войны и кровавых невзгод,
Встал он – рыцарь без страха и тени упрека,
Крепкий духом – герой патриот! [10, С. 42]*

Образ подвижника во имя идеи вырисовывается и в посвящении П. Н. Врангелю, сочиненном его близким боевым соратником генералом Н. В. Шинкаренко, писавшим под псевдонимом Н. Белогорский: «В дни побед

вы были все такой же, как теперь, – аскет» [11, С. 466]. Обращает на себя внимание, что в упомянутых стихах не единожды повторяется обращение к конному образу барона Врангеля: посвящение начинается и заканчивается «жестом на конном стилизованном портрете», отсылающим к известному уличному плакату периода Гражданской войны с романтическим портретом Врангеля на вздыбленном белом скакуне. Длань барона на плакате была простерта в сторону призрачно видневшейся вдали Москвы – несбыточной мечты и цели, которой белые в действительности так и не достигли, что придает дополнительный трагизм и самому стихотворению, и образу героя.

Комическая субъектность Черного барона в культурном поле русского зарубежья породилась преимущественно эмигрантами, перешедшими ко времени Крымской эпопеи 1920 г. на просоветские позиции и использовавшими поэтическое слово для политической сатиры на белого вождя и его дело. Весьма красноречивым примером этого могут послужить стихи, публиковавшиеся под псевдонимом Ни-ка в газете «Шанхайская жизнь» незадолго до Русского исхода и вскоре после него. Образ П. Н. Врангеля в них вульгаризирован – генерал показан жалким и смехотворным авантюристом; его французский «покровитель» остается снисходителен к своему разбитому и покорившемуся «доле горькой» подопечному:

*Довольно. Иди! После бани такой
Заслужен тобой (хоть и вечный!) покой. <...>
Прежних побили и этот побит...
Кто же теперь мне его заменит? [12, С. 5]*

Подобные язвительные стихи, создававшиеся на злобу дня и в угоду сиюминутному агитационному эффекту, с падением «последнего оплота Белого движения» в Крыму потеряли свою видимую актуальность. Представляется, что они были быстро и закономерно преданы забвению в большей степени благодаря своей шаблонности и упрощенности, нежели вследствие зачастую невысоких художественных достоинств. Профанированный образ П. Н. Врангеля не вызывал большого доверия среди читающей публики русского зарубежья еще и потому, что многим из эмигрантов барон был не понаслышке известен как реальный исторический деятель. Так, поэт-эмигрант И. И. Савин вспоминал, что, познакомившись однажды с фарсовыми отображениями Врангеля, ему «хотелось любовно погладить советский лубок и сказать...: “Ваше превосходительство... мы знаем Вас, мы не поверим”» [13, С. 4].

Сопоставляя развитие образа П. Н. Врангеля в эмигрантской и советской поэзии, можно обнаружить как отдельные моменты единства, так и фундаментальные различия. Важно отметить, что в советском искусстве карикатурно комическое представление о бароне Врангеле, по понятным причинам безальтернативное в годы Гражданской войны, постепенно стало уступать место иному, лишенному прежней гротескности. Возможно, наиболее ярким подтверждением этой перемены стала поэма В. В. Маяковского «Хорошо!», напи-

санная к десятилетию Октябрьской революции в формате поэтохроники – ностальгического рассказа «о времени и о себе», где белый Главнокомандующий, что нетипично для раннесоветской литературы, показан трагической фигурой и противником, по справедливости достойным уважения [14, Т. 2, С. 407–408]. В дальнейшем подобная точка зрения, не лишенная противоречий, но по своей преобладающей эмоции и настроению приближенная к восприятию, отмечаемому в поэзии русской эмиграции, вышла на передний план и в советском искусстве.

Итак, образ барона П. Н. Врангеля, устойчиво воссоздававшийся в эмигрантском массовом сознании и запечатленный в поэзии русского зарубежья, обладает преимущественно выраженной трагичностью, во многом вызванной роковым драматизмом главного дела его жизни – Крымской эпопеи 1920 г. Нередко поэтический образ Врангеля оказывается проникнут экзальтированным чувством преклонения перед ним. При поверхностном рассмотрении такие стихи можно было бы целиком отнести к разряду панегириков, идеализирующих обаятельного генерала с той же степенью вымысла, с какой по другую сторону идеологического барьера он подвергался нелепому осмеянию. Однако, то, что утрированно комическая характеристика Черного барона оказалась недостаточно жизнеспособной даже в Советском Союзе, со временем уступив определяющее место трагической субъектности, доказывает, что качества, вменявшиеся П. Н. Врангелю поэтами русского зарубежья – такие как харизматичность, благородство, самоотверженность и неподдельная любовь к родине, – относились на его счет вполне заслуженно.

Источники:

1. Штейгер А. С. Мертвое «да». Рудня; Смоленск: Мнемозина, 2009. URL: www.kniga-online.com (дата обращения: 17 января 2023).
2. Смоленский В. А. «О гибели страны единственной...»: Стихи и проза. М.: Русский путь, 2001.
3. Гуль Р. Б. Я унес Россию: в 3 т. М., Берлин: Директ-Медиа, 2019.
4. Цветаева М. И. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1990.
5. Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1960–1963.
6. Бугураев М. К. Генерал Врангель. Лос-Анджелес: Изд. Об-ния Первопоходников, 1972.
7. Кудашев Н. В. Тени. Сан-Франциско: Глобус, 1978.
8. Титова Н. С. Образ полководца в сонете В. А. Сумбатова «На смерть барона Врангеля» в контексте традиций русской литературы // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2011. № 8.
9. Сумбатов В. А. Прозрачная тьма: Собрание стихотворений. М., Pisa: Водолей; Universita di Pisa, 2006.
10. Первопоходник. 1972. № 9.
11. Соколов Б. В. Врангель. М.: Молодая гвардия, 2009.
12. Шанхайская жизнь. 1920. № 272.

13. Савин И. Портрет. Генералу Врангелю // Новые русские вести. 1924. № 198.
14. Маяковский В. В. Сочинения в 2 т. М.: Правда, 1987–1988.

V. V. Semenov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

***BARON P.N. WRANGEL'S IMAGE
IN THE RUSSIAN EMIGRATION POETRY***

The article considers the image of General P.N. Wrangel in the Russian emigration poetry. The most widespread in it was the idea of Baron Wrangel as a tragic hero, which was largely dictated by the connection of his name with the phenomenon of the Crimea's defense in 1920, where the tragedy was a determining category. Attempts to imagine the image of P.N. Wrangel in a comic man due to its excessive isolation from reality were non-viable.

Wrangel, Russian Civil War, White movement, Tsvetaeva, Smolensky, Kudashev, Kasatkin-Rostovsky, Sumbatov, Shinkarenko, image, poetry, Russian emigration, Russian emigration literature

УДК 94(47).083

Д. И. Стогов (С.-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: bel-grigorij@yandex.ru)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИТИКА-МОНАРХИСТА Б. В. НИКОЛЬСКОГО В «РУССКОМ СОБРАНИИ»

В статье анализируется деятельность профессора римского права Б. В. Никольского (1870–1919) в рамках старейшей монархической организации царской России – «Русского собрания» (РС). Впервые в историографии на основе использования широкого комплекса исторических источников, в том числе архивных, осуществлен анализ работы Никольского в РС. Проанализирована деятельность Никольского в РС, которая, как свидетельствуют источники, была многогранной. Проводя комплексный анализ политической деятельности Никольского, среди прочего рассматриваются многочисленные скандалы, связанные с его именем и имевшие место в стенах РС. Делается вывод о том, что скандальная репутация Никольского во многом способствовала исключению его и его сторонников из РС в 1912 г.

Российская империя, Русское собрание, черносотенцы, правые, монархисты, Государственная дума, правительство

Актуальность. В течение последних 30 лет, в связи с формированием в России правового государства и демократической формы правления, возрождается интерес к различным политическим направлениям (левым, центристским, правоконсервативным и т. д.). Создание в современной России новых политических партий и общественных движений осуществляется путем обращения к опыту начала XX в., когда в царской России начала складываться партийная система. В частности, в 2013 г. в Москве была создана Международная общественная организация «Русское собрание» (РС) [1], которая фактически является продолжателем дела существовавшей еще с 1900 г. старейшей монархической организации с тем же названием. Таким образом, изучение деятельности РС, равно как и других политических организаций начала XX в., представляется актуальным.

Цель исследования – на основе комплексного рассмотрения широкого спектра исторических источников изучить деятельность в рамках РС одного из его активных членов – приват-доцента, впоследствии профессора римского права Санкт-Петербургского университета Бориса Владимировича Никольского (1870–1919).

Историография вопроса. До настоящего времени отсутствовало комплексное исследование деятельности Б. В. Никольского в РС.

В монографии Ю. И. Кирьянова, посвященной деятельности РС, имеются сведения о выступлениях Б. В. Никольского в этой организации [2, С. 228, 229, 254–259, 280–282]. В работах Д. И. Стогова анализируется прием депутации РС, в составе которой был Никольский, императором Николаем II [3, С. 251; 4, С. 528]. В предисловии Д. Н. Шилова к изданию дневника Б. В. Никольского приводится ряд сведений, относящихся к деятельности политика в РС [5, Т. 1, С. 31–37]. А. А. Иванов в монографии, посвященной дуэльным скандалам с участием членов дореволюционной Государственной думы, подробно проанализировал эпизод, связанный с конфликтом между Никольским и правым депутатом Думы Н. Е. Марковым [6, С. 392–419]. В статье А. А. Иванова о митрополите Антонии (Храповицком) сказано, что он был почетным членом РС [7, 2019, С. 61]. В другой статье этого же автора, посвященной православному духовенству и монархическому движению, цитируется речь епископа Андрея (Ухтомского), произнесенная им в Казанском отделе РС в декабре 1906 г. [8, С. 253–254]. В вышедшей в 2020 г. статье М. В. Друзина рассмотрена политическая деятельность генерала Е. В. Богдановича, личным секретарем которого долгое время был Б. В. Никольский [9].

В представленных работах рассмотрены только отдельные эпизоды, связанные с работой РС и деятельностью Б. В. Никольского. В настоящей статье впервые в историографии предпринята попытка проанализировать деятельность политика в рамках Собрании и дать ей оценку.

Начальный период работы Б. В. Никольского в РС (1903–1904 гг.).

11 октября 1903 г. политик записал в дневнике о том, что вступил в РС [5, Т. 1, С. 637]. 26 октября его баллотировали в эту организацию [5, Т. 1, С. 639].

Вступив в РС, правовед сразу же активно включился в работу Собрании. Руководитель организации поэт В. Л. Величко попросил его прочитать 14 ноября доклад о Ф. И. Тютчеве [2, С. 228]. Деятельность правоведа в рамках РС уже в первый месяц его членства была весьма активной и многогранной.

Участие Б. В. Никольского в работе РС также выражалось в виде чтения лекций, «посвященных самодержавию как лучшей форме правления» [2, С. 36].

На пике политической борьбы (1905–1907 гг.). Революционный 1905 год вывел Б. В. Никольского в большую политику. 2 апреля 1905 г. он был представлен Николаю II как член РС. Встреча продолжалась около 10 минут, и правовед довел до царя позицию по вопросу о сущности самодержавия [5, Т. 2, С. 47–51]. Император якобы сказал о нем: «Какой умный, даровитый, образованный, красноречивый, а главное – убежденный молодой человек» [5, Т. 2, С. 50].

В этот период правовед, состоявший членом Совета РС, принимал активное участие в создании и редактировании документов организации. Д. Н. Шилов утверждает, что перу Б. В. Никольского принадлежат «Обращение к избирателям в Государственную думу» (ноябрь 1905 г.) и «Обращение Русского собрания к единомышленникам, партиям, союзам и Русскому народу» [5, Т. 1, С. 32–33].

В октябре 1905 г. Б. В. Никольский участвовал в принятии делегации московских хоругвеносцев во главе с К. К. Полторацким в петербургском салоне

генерала Е. В. Богдановича [5, Т. 2, С. 63]. Чуть позже по инициативе хоругвеносцев был образован «Союз русского народа» (СРН), крупнейшая черносотенная организация, куда, по словам Никольского, ринулись «все отбросы Русского собрания» [5, Т. 2, С. 65].

31 декабря 1905 г. Б. В. Никольский участвовал в Высочайшем приеме депутации РС. Во «Всепоподданнейшей речи» политик среди прочего требовал «мощною военною властью» сокрушить, истребить и смести «безумную крамолу» [10, Л. 7].

В 1906 г. Б. В. Никольский продолжил активную деятельность в РС. Накануне выборов в 1-ю Государственную думу правовед предложил «при отсутствии на собственный успех голосовать за левых» [2, С. 40]. Выступления политика оставались популярными. В этой связи идеолог монархизма Л. А. Тихомиров записал в дневнике в апреле 1906 г.: «Очень тонкий и блестящий оратор – Б. В. Никольский» [11, С. 140].

Итак, в период революции 1905–1907 гг. Б. В. Никольскому была поручена подготовка ряда документов Собрания, в том числе его программы. Правовед продолжал выступать на РС с докладами и лекциями.

Завершающий этап деятельности Б. В. Никольского в РС (1908–1912 гг.). Несмотря на активную деятельность в РС, Б. В. Никольский вследствие заносчивого характера и скандального поведения нажил много врагов. Писатель Н. Д. Облеухов в газете «Колокол» сообщал, что еще в 1907 г. в ходе доклада черносотенца В. А. Грингмута правовед «по-генеральски» прикрикнул на одну высокопоставленную даму, которая после этого вместе с супругом вышла из РС [12].

Тем не менее, правовед вплоть до 1911 г. продолжал состоять в Собрании. В феврале 1909 г. он составил текст приветственного адреса Совета РС Е. В. Богдановичу по случаю 60-летия его служебной деятельности [13, Л. 1–2], а в мае 1910 г. выступил в стенах Собрания с докладом «Мозырское дело: о кощунственной охоте на лис в православной церкви Мозырского уезда Минской губернии» [5, Т. 1, С. 35]. В феврале 1911 г., по случаю 50-летия отмены крепостного права, политик произнес доклад «Самодержавие как основа и источник гражданской свободы», а в ноябре того же года выступил с докладом «К характеристике К. Н. Леонтьева» [5, Т. 1, С. 35].

Раскол СРН на сторонников А. И. Дубровина и Н. Е. Маркова (т.н. «обновленцев») обострил политическую борьбу в РС. Никольский вступил в конфликт с Марковым, едва не закончившийся дуэлью (20 ноября 1911 г.) [6, С. 392–419]. Правовед, произнеся лекцию в стенах РС, высказал мысль о подкупе правительством ряда думских монархистов. Речь вызвала негодование Маркова, произошел конфликт, закончившийся нанесением телесных повреждений. В апреле 1912 г. сторонники «обновленцев» вытеснили из организации соратников Никольского, и тот, несмотря на пожизненное членство, был исключен из Собрания [5, Т. 1, С. 37].

Выводы. Деятельность Б. В. Никольского в РС, как свидетельствуют источники, была многогранной. Политик составлял документы организации, в том числе работал над ее программой и уставом, писал приветственные письма различным организациям и лицам, выступал с докладами как на политические темы, так и по вопросам литературы. Никольский участвовал в депутатии РС к Николаю II в конце 1905 г. На протяжении нескольких лет политик входил в состав ряда руководящих органов Собрания, в том числе в его Совет.

Проводя анализ многогранной политической деятельности Никольского, мы не можем обойти стороной и многочисленные скандалы, связанные с его именем и имевшие место в стенах РС. Обладая тяжелым характером и высокими амбициями, политик не мог терпеть возражения противников. Отношения со многими соратниками постепенно обострились. Столкновение с Н. Е. Марковым едва не закончилось дуэлью. Скандальная репутация Никольского во многом способствовала исключению его и его сторонников из РС в 1912 г.

Источники:

1. Степанов А. Учреждено Русское собрание. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2013/12/07/uchrezhdено_russkoe_sobranie (дата обращения 04.12.2022).
2. Кирьянов Ю. И. Русское собрание 1900–1917. М.: РОССПЭН, 2003.
3. Стогов Д. И. «Ничто мне в этом мире не забава, и жизнь мне ряд трудов, а не утех...». Б. В. Никольский // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. СПб: Знаменитые универсанты, 2005. Т. III. С. 239–261.
4. Стогов Д. И. Патриот Земли Русской // Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века / Сост. А. А. Иванов, А. Д. Степанов. СПб: Царское дело; Русская народная линия, 2015. С. 521–537.
5. Никольский Б. В. Дневник. 1896–1918 / Подгот. Д. Н. Шилов и Ю. А. Кузьмин. СПб: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 1. 703 с. Т. 2.
6. Иванов А. А. «Дело чести»: Депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906–1917). СПб: Владимир Даль, 2018.
7. Иванов А. А. Проблематика русского национализма в статьях и проповедях митрополита Антония (Храповицкого) // Русин. 2019. № 58. С. 58–78. DOI: 10.17223/18572685/58/5.
8. Иванов А. А. Православное духовенство и правые политические движения в России начала XX века (по материалам церковной прессы) // Научный диалог. 2021. № 1. 250–269. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-286-305.
9. Друзин М. В. Е. В. Богданович – делец и общественный деятель пореформенного времени // Российская история. 2020. № 1. С. 91–101. DOI: 10.31857/S086956870008275-3.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1006 (Б. В. Никольский). Оп. 1. Д. 15.

11. Двадцать пять лет назад. Из дневников Л. Тихомирова // Красный архив. 1930. Т. 41–42. С. 103–147.
12. Облеухов Н. Д. Инцидент в Русском собрании // Колокол. 1908. 29 апреля. № 656.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 588 (Б. В. Никольский). Оп. 3. Д. 36.

D. I. Stogov (Saint Petersburg electrotechnical university «LETI»)

***THE ACTIVITIES OF THE MONARCHIST POLITICIAN B. V. NIKOLSKY
IN THE «RUSSIAN ASSEMBLY»***

The article analyzes the activities of Professor of Roman law B. V. Nikolsky (1870–1919) within the framework of the oldest monarchical organization of tsarist Russia – the «Russian Assembly» (RA). The analysis of Nikolsky's work in the RA was carried out for the first time in historiography, based on the use of a wide range of historical sources, including archival ones. The article analyzes Nikolsky's activity in the RA, which, according to sources, was multifaceted. Conducting a comprehensive analysis of Nikolsky's political activities, among other things, numerous scandals related to his name and which took place within the walls of the RA are considered. It is concluded that Nikolsky's scandalous reputation largely contributed to the exclusion of him and his supporters from the RA in 1912.

Russian Empire, Russian Assembly, Black Hundreds, Rightists, monarchists, State Duma, government

УДК 316.614

Е. В. Строгеекая (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»; e-mail: avs1973@list.ru);

И. Б. Бетигер (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»; e-mail: ssps@list.ru)

КОММУНИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ СМАРТ-ОБРАЗОВАНИЯ: ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДО И ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ

Вводится понятие коммуникационной стратегии студента и рассматриваются изменения коммуникационных стратегий студентов в процессе обучения, использующем цифровые форматы. Актуальность темы обусловлена цифровизацией высшего образования. Новизна связана с представлением сравнительных исследований цифрового опыта обучения студентов до и после пандемии. В статье приводятся результаты авторского эмпирического сравнительного социологического исследования. В результате исследования проведен анализ динамики интернализации образовательных ценностей информационного общества и их выражение в коммуникационных стратегиях обучения студентов до и после пандемии.

Коммуникационная стратегия студента, цифровое образование, цифровой опыт обучения, образовательные ценности информационного общества, обучение в пандемию

Понятие коммуникационной стратегии студента появляется в ходе развития идей персонализации образования и их воплощения в партисипативной модели учебного процесса. Вслед за представителями этих традиций авторы статьи понимают под коммуникационной стратегией студента целеполагание в обучении, осмысленную оценку имеющихся возможностей и полученных компетенций, умение студента самостоятельно наметить долгосрочный образовательный план своего обучения и проявление всех этих навыков в рамках учебных коммуникаций. Формирование собственных коммуникационных стратегий студентами инженерных специальностей исходно сопряжено с рядом трудностей. Наиболее влиятельная из них обусловлена многоаспектностью и динамикой состава осваиваемых инженерных компетенций. Чтобы спроектировать образовательный трек, нужен профессиональный опыт и способность прогнозировать развитие той или иной специализации, что отсутствует у большинства студентов в силу их возраста. Кроме того, существует и такая трудность, как недооценка людьми, склонными к профессиям сферы человек-техника, важности коммуникативных компетенций и, как следствие, их слабое развитие.

Переход высшей школы к смарт-образованию, инструментальным стержнем которого являются цифровые технологии, потенциально обезличивающие учебные коммуникации, с одной стороны, могут серьезно усугубить исходные трудности в построении коммуникационных стратегий обучения студентами инженерных специальностей. С другой стороны, если цифровизация образования не ограничивается лишь технологическими преобразованиями, а преследует цель интернализации ценностей информационного общества, то именно смарт-парадигма может привести к революционным изменениям в умениях и навыках студентов выстраивать результативные коммуникационные стратегии получения профессионально-образовательного опыта.

Тема коммуникационных стратегий студентов в условиях цифрового высшего образования приобрела острую актуальность в связи с пандемией коронавируса. Причиной тому явилось противоречие между прогнозом о стремлении поколения Z «жить в цифровом мире» и реальностью доминирования электронных коммуникаций в период пандемии. До пандемии зумерам приписывалось безоговорочное предпочтение «цифрового» образа жизни. Считалось, что образование в цифровом формате поддерживает ценности свободы, уважения к личностным особенностям и предпочтениям, разделяемые поколением 1997–2012 гг. Прогнозировалось, что та часть зумеров, которая выберет академическую карьеру, став преподавателями, не поменяет свои установки относительно привычных, удобных и эффективных методов передачи знаний. В начале пандемии эти прогнозы не казались неоправданными. Но уже к лету 2020 г., когда, в условиях затянувшихся коронавирусных ограничений и повторяющихся локдаунов, цифровые коммуникации начали явно доминировать над непосредственными, стала нарастать эмоциональная усталость от электронного общения, создавалось впечатление непреодолимого одиночества, повышался уровень стресса [1].

Вместе с тем, неизбежность использования онлайн обучения во время локдаунов заставляла университеты совершенствовать свои информационные системы, устранять технические трудности, создавать организационные и методические условия, благоприятствующие доминирующей форме педагогических коммуникаций. Достаточно быстро проблемы обеспечения учебного процесса, сопровождавшие начало пандемии, были решены. Выработались привычные практики электронного взаимодействия между преподавателями и студентами. Некоторые преподаватели инженерных специальностей стали отмечать рост инициативы студентов в осуществлении коммуникаций за пределами собственно учебных занятий [2].

Студенты, как до, так и в самом начале пандемии, были разделены в своих предпочтениях форматов обучения. Большая их часть склонялась к позитивным оценкам онлайн форматов, ожидая от них удобства использования, независимости от образовательного хронотопа, возможности подстраивать обучение под персональный график, и даже роста успеваемости. В тоже время,

прямо пропорционально нарастанию учебной нагрузки в семестре усиливалась проблема самоорганизации и самоконтроля в учебном процессе. В результате к концу 2019–2020 уч. г. эта проблема вышла на первые места в иерархии наиболее значимых отрицательных факторов удаленного обучения, по мнению студентов [1, 2].

В целом исследования второй половины 2020 г. стали демонстрировать тенденции к снижению удовлетворенности и интереса к цифровому формату высшего образования со стороны как преподавателей, так и студентов [3, 4]. Как следствие, в коммуникационных стратегиях субъектов образовательного процесса стала проявляться тенденция поиска возможностей для возвращения к непосредственному общению, особенно при столкновении со сложными учебными задачами. Формировались предпосылки для негативного восприятия и даже отторжения цифровых технологий в учебном процессе.

Таким образом, к концу первого года пандемии результаты исследований учебного процесса в высшей школе начали эксплицировать два противоречия: между позитивным прогнозом восприятия цифровой повседневности молодежью и насыщенной стрессом реальностью доминирования электронного общения в кризисные периоды; между удобством онлайн обучения и его требованием высокой самоорганизации от студента. Описанные противоречия, по мнению авторов статьи, оказывают влияние на развитие коммуникационных стратегий обучения студентов и может изменить саму судьбу парадигмы смарт-образования. Проверка выдвинутой гипотезы осуществлялась путем сопоставления результатов эмпирических исследований соответствия коммуникационных стратегий обучения студентов технических университетов положениям смарт-парадигмы, проведенных до и во время пандемии. Сопоставлялись результаты социологических опросов студенты 3–4 курсов бакалавриата и первого курса магистратуры технических направлений 2019–2020 (N=573) и 2020–2021 учебных годов. В исследованиях участвовали подготовки двух ведущих (N=816) университетов России.

Целью сравнительного исследования являлся анализ динамики интернализации ценностей образовательной смарт-парадигмы и их выражение в коммуникационных стратегиях обучения студентов технических вузов до и во время пандемии.

В ходе исследования были получены следующие результаты. До пандемии исследования коммуникационных стратегий обучения студентов инженерных специальностей демонстрировали благоприятный контекст, но медленный характер усвоения ценностей и установок, эксплицированных в смарт-парадигме. В качестве основной причины такого результата можно было назвать отсутствие достаточного цифрового опыта обучения. Эта же причина объясняла проблему самоорганизации в онлайн учебном процессе, наиболее ощутимую для студентов. Казалось бы, стремительная цифровизация высшей школы в период пандемии коронавируса неизбежно ведет к расширению такого опыта, к появлению у субъектов образования навыков самоорганизации

и к усвоению ими образовательных цифровых ценностей. Правда, этому могли помешать психологическая усталость и стресс от слишком быстрого, масштабного и вынужденного внедрения цифровых коммуникаций, что отмечалось некоторыми социологами и психологами.

Результаты представленных в статье исследований опровергли предположение об ухудшении контекста восприятия цифровых технологий в образовании студентами инженерных специальностей. Респонденты опросов, проведенных авторами в 2020–2021 уч.г., по-прежнему демонстрировали интерес и положительное отношение к цифровым коммуникациям в учебном процессе. При этом, как и прогнозировалось на старте исследований, у студентов явно наблюдалось расширение цифрового опыта обучения, что проявлялось, например, в более глубоком осмыслении ими качеств учебного процесса, включающего цифровые технологии. На фоне общего роста тех, кто выбирает для себя офлайн обучение, лидерство осталось за гибридными форматами. Большинство респондентов определяли их наиболее предпочтительными для технического образования. Число тех, кто останавливал свой выбор на чистых онлайн форматах, по сравнению с замерами до пандемии сократилось. Также уменьшилась и доля тех, кто оценивал цифровую педагогическую коммуникацию, как повышающую успеваемость, укрепляющую уверенность в овладении профессиональными компетенциями и поэтому вызывающую большее удовлетворение.

Вместе с тем, приобретаемый опыт смарт-образования не решил проблему самоорганизации, которая вышла на первое место в иерархии значимости трудностей обучения в период пандемии. Среди факторов, повышающих удовлетворенность студентов от обучения, респонденты 2020–2021 уч.г., главным образом, называли удобство цифровизированного образования, что роднило их с респондентами 2018–2019 и 2019–2020 уч.г.

Что же касается итогов интернализации образовательных установок цифрового общества, можно утверждать, что примерно треть опрошенных студентов в своих коммуникационных стратегиях проявляет готовность к поиску нестандартных решений задач и самостоятельности в обучении. Эта часть респондентов рассматривает данные характеристики учебного процесса ценными; понимает, что именно цифровые технологии в большей мере обеспечивают условия для самостоятельности и поиска новых алгоритмов решения учебных задач, а также указывает, что возможность проявления самостоятельности в онлайн и гибридных форматах ведет к повышению интереса и удовлетворенности от обучения.

Ресурсы информационных технологий, обеспечивающие развитие других установок – стремления к саморазвитию и готовности к автономному продуцированию знаний – пока используются студентами инженерных специальностей в очень малой степени. Вероятно, это происходит потому, что данные установки формируются в коммуникационном процессе, а студенты инженерных специальностей недооценивают ресурсы социальной коммуникации.

Кроме того, полученные результаты дают основание полагать, что цифровые образовательные ценности будут формироваться, если гибридные форматы учебного процесса не утратят своей распространенности после пандемии. Вместе с тем, скорость интернализации по-прежнему будет низкой, поскольку, вероятно, драйвером усвоения ценностей и установок цифрового общества является активность в коммуникациях. Хотя в условиях повсеместных компьютерных технологий у человека остается все меньше необходимости в непосредственном общении, его отсутствие тормозит освоение новых моделей человеческого мировоззрения, в том числе, и цементирующих само цифровое общество. Доказательством правомерности этой новой гипотезы, требующей дальнейшей проверки и обсуждения в научном сообществе, могут быть размышления прогрессивной части студентов инженерных специальностей о том, что блокировка креативных способностей в инженерном творчестве может наступать, если профессиональные или образовательные достижения не признаются сообществом. При этом наиболее стимулирующим, по их оценке, является признание в рамках непосредственного общения с преподавателями и другими студентами.

Источники:

1. Бекова С. К. Уровень стресса студентов при переходе на дистанционный формат обучения// Мониторинг экономики образования. Информационно-аналитические материалы по результатам статистических и социологических обследований. Вып.7. 2021.
2. Строгеецкая Е. В., Бетигер И. Б. Парадигма смарт-образования: ожидаемые результаты и реальный опыт студентов // Дискурс. 2021. № 7(2). С. 94–107.
3. Прахов И. А. Студенты вузов в условиях пандемии: дистанционное обучение, трудовые траектории и восприятие ограничений// Мониторинг экономики образования. Информационно-аналитические материалы по результатам статистических и социологических обследований. Вып.1. 2021.
4. Lidegran I., Hultqvist E., Bertilsson E., Börjesson M. Insecurity, lack of support, and frustration: A sociological analysis of how three groups of students reflect on their distance education during the pandemic in Sweden // European Journal of Education. 2021. Vol.56, Is.4. P. 550-563. Режим доступа: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/ejed.12477> (дата обращения: 17.12.2022).

E. V. Strogetsкая (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);
I. B. Betiger (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

**COMMUNICATION STRATEGIES IN THE CONTEXT OF SMART
EDUCATION: EMPIRICAL RESEARCH BEFORE AND AFTER THE
PANDEMIC**

The concept of a student's communication strategy is introduced and the changes in students' communication strategies in the learning process using digital formats are considered. The relevance of the topic is due to the digitalization of higher education. The novelty is related to the presentation of comparative studies of the digital learning experience of students before and after the pandemic. The article presents the results of the author's empirical comparative sociological research. As a result of the study, an analysis was made of the dynamics of internalization of the educational values of the information society and their expression in communication strategies for teaching students before and after the pandemic.

Student communication strategy, digital education, digital learning experience, educational values of the information society, learning in a pandemic

УДК 659; 378.141; 316.776.34

А. Г. Трубникова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: 9954370@mail.ru);

А. А. Чугунова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: aachugunova@etu.ru)

ВУЗОВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЛЯ ВЫСТРАИВАНИЯ ЭФФЕКТИВНЫХ КОММУНИКАЦИЙ С ВЫПУСКНИКАМИ

Представлен обзор опыта Кафедры «Связей с общественностью» СПбГЭТУ в проведении опроса выпускников. Основной целью исследования был анализ профессионального пути выпускников кафедры и выявление предпосылок для дальнейшего взаимодействия с кафедрой. В работе даны характеристики исследования в онлайн формате. На основании результатов опроса сформулированы основные выводы и области применения.

Опросы; исследование; онлайн формат; выпускники; студенты; реклама и связи с общественностью; гугл формы; высшее учебное заведение

Выпускники вузов являются важной группой общественности образовательных организаций. Они формируют репутацию вуза, позволяют прогнозировать спрос на образовательные услуги. Их мнение чрезвычайно важно для корректировки образовательных программ. После окончания вуза они становятся практиками, влияющими на формирование профессионального сообщества и отношения к профессии, служат интеграции высшего образования с бизнесом, НКО, сектором государственной власти. А если рассматривать в ключе стратегии непрерывного образования, то выпускники балакавриата являются потенциальными студентами магистратуры и аспирантуры или новых программ дополнительного образования.

Многие вузы стремятся поддерживать контакты с успешными выпускниками, использовать их возможности и связи для продвижения своей деятельности и проектов. Образ успешного выпускника помогает в продвижении по рейтингу QS Topuniversities, в повышении конкурентноспособности вуза, в выстраивании коммуникаций с потенциальными потребителями образовательных услуг [1]. Хурумова Т. Г. в своей статье «Особенности маркетинга в сфере образования» приводит данные опроса абитуриентов – выпускников школ региона Северной Осетии: «Преобладающими факторами (выбора высшего учебного заведения – прим.) являются престижность вуза (50,3 %), уровень подготовки специалистов (30,2 %), советуют выпускники (17,5 %), остальные отметили совокупность факторов. При выборе специальности приоритеты были отданы следующим факторам – престижность специальности

(38,5 %), востребованность специалистов на рынке труда (23,5 %), возможности карьерного роста (20,4 %), и далее по убывающей» [2].

Взаимоотношение с *alma mater* полезно и для самих выпускников: это возможность для трудоустройства, использования профессиональных и социальных связей преподавателей и однокурсников, поиска волонтеров, стажеров и сотрудников среди студентов, реализация потребности поделиться накопленным опытом в рамках лекций, мастер-классов, воркшопов, или наоборот, получить дополнительные знания. «Зачастую *alumni* вкладывают средства в развитие университета, его школ и программ, назначают стипендии, проводят мероприятия, издают газету или журнал. Самый большой донэйшн за историю Гарварда размером в \$350 миллионов был сделан отцом выпускника университета. Выпускники этого же вуза выпустили специальное пособие, помогающее в развитии клубов и ассоциаций и о том, как на практике работает *The Membership Economy*» [3].

Необходимо поддерживать эффективные отношения вузов с выпускниками с первого года начала их профессиональной жизни. Для этого при вузах создаются сообщества выпускников, иногда интегрированные в международную Ассоциацию выпускников, клубы и центры поддержки *alumni*.

Первым этапом в выстраивании коммуникаций с выпускниками является проведение исследований по сбору обратной связи и составлению базы выпускников. Для этого должны использоваться современные технологии сбора, обработки информации и создания системы коммуникаций с выпускниками. Также в обязательном порядке учитывается законодательное регулирование работы с персональными данными.

«Анализ практик проведения исследований среди выпускников показывает, что условно все они могут быть разделены на три основных направления: (1) изучение особенностей реализации выпускниками профессиональных и карьерных траекторий (их положения на рынке труда с учетом заработной платы, занимаемой должности, наличия работы по специальности, оценка степени удовлетворенности различными аспектами профессиональной деятельности), (2) оценка степени удовлетворенности полученным высшим образованием, опытом, знаниями, навыками, компетенциями и возможности их применения для успешного трудоустройства на рынке труда, (3) механизмы взаимодействия университета и выпускников, степень вовлеченности выпускников в поддержку образовательных проектов и других социальных проектов развития университета, в том числе эндаумент-фонда» [4]. В США подобные исследования стали проводиться с 1930 годов, теперь этим занимается NACE – Национальная Ассоциация колледжей и работодателей, некоммерческая профессиональная ассоциация, основанная в 1956 году, она объединяет более чем 1800 колледжей и университетов и 1900 организаций работодателей [5]. Во многих европейских странах, в том числе и в России (с 2015 года) проводятся национальные исследования трудоустройства выпускников, ряд ведущих вузов создают такие мониторинги самостоятельно.

Кафедра «Связей с общественностью» СПбГЭТУ ввела систему сбора внутренней и внешней информации, проводя опросы студентов и выпускников с 2021 года.

В данной статье рассматривается опыт проведения онлайн опроса выпускников кафедры СО различных годов выпуска.

Цели исследования:

- проанализировать профессиональный путь выпускников кафедры;
- простимулировать выпускников делиться полезными знаниями и практиками со следующими поколениями студентов;
- проанализировать потребности выпускников в дополнительном профессиональном образовании;

Было принято решение проводить опрос в онлайн формате, т. к. это упрощает проведение количественных исследований, позволяет сократить временные и материальные затраты на организацию исследования и обработку данных.

Из всех вариантов онлайн сервисов для прохождения опросов были выбраны Гугл формы (Google Forms). Сервис позволяет оптимизировать настройки и провести онлайн опрос в удобной для респондентов форме [6].

Доступ к Google форме опроса рассылался на адрес электронной почты выпускников. Для актуализации базы данных выпускников привлекались студенты кафедры. Этот процесс был организован с целью повышения компетенций и навыков студентов в деловой письменной коммуникации, ведении переговоров, сборе информации, командной работе.

Основные характеристики исследования:

Сроки проведения опроса: с 10.12.21 по 31.03.22.

Вид опроса: онлайн анкетирование.

Респонденты: в анализ для данной публикации были включены данные по 349 выпускникам 2005-2021 года обучения бакалавриата Кафедры СО СПбГЭТУ.

Первая часть опроса была направлена на сбор общей информации о профессиональной деятельности респондентов.

По результатам опроса 60 % выпускников (210 чел.) работают в области рекламы, связей с общественностью и маркетинга в российских компаниях различных сфер деятельности и масштабов бизнеса. По сферам деятельности распределение ответов выглядит следующим образом: 74 показали связь деятельности выпускника с той или иной разновидностью маркетинга, 70 – с PR, 46 – с рекламой, 15 связаны с внутренними коммуникациями и HR, 13 ассоциируют свою работу с SMM и SEO, 7 респондентов причислили свою деятельность к журналистике, блоггингу, работе со СМИ, 7 указали брендинг, WEB-дизайн и графический дизайн, 6 занимаются организацией мероприятий. Надо отметить, так как вопрос был открытым, а сами выпускники мобильными в плане смены видов деятельности, то многие прописывали по несколько сфер

деятельности в своем ответе. Большинство не работающих в профессии респондентов заняты в сфере продаж, работе с клиентами, образовании или занимаются творческой деятельностью.

7 % респондентов являются собственниками или топ-менеджерами бизнеса.

Вторая часть опроса была направлена на сбор информации о заинтересованности выпускников в сотрудничестве с кафедрой СО СПбГЭТУ.

Задавались вопросы о желании выпускников делиться опытом со студентами, проводить мастер-классы или участвовать в подготовке информационных материалов. Было приятным удивлением, что 70% опрошенных выразили готовность в той или иной степени быть полезным для следующих поколений студентов.

Третья часть опроса была посвящена планам выпускников повышать свои компетенции, получать дополнительное образование, получать профессиональную информацию.

57 % выпускников выразили желание в той или иной форме получать профессиональную информацию или знания от своей кафедры в дальнейшем.

Данные исследования позволили кафедре СО СПбГЭТУ сформировать план мероприятий с привлечением бывших выпускников для работы со студентами кафедры.

Кроме того, кафедра может использовать информацию для привлечения студентов в магистратуру и определиться со спросом в аспирантуру.

Ввиду актуальности данного исследования, Кафедра СО СПбГЭТУ планирует продолжать проведение исследования выпускников.

Источники:

1. Кметь Е. Б. Многоуровневый образ успешного выпускника вуза в разрезе мнений старшекурсников и студентов // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 2(27). С. 154-156. DOI 10.26140/anie-2019-0802-0037.

2. Хурумова Т. Г. Особенности маркетинга в сфере высшего образования // Terra Economicus. 2013. Т. 11. № 3–3. С. 165–167.

3. Работа с выпускниками как инструмент маркетинга для вузов // Сайт маркетингового агентства StudyQA URL: <https://ru.studyqa.com/for-universities/blog/alumni-as-a-marketing-tool> (дата обращения 13.01.23)

4. Трудоустройство выпускников и его связь с качеством высшего образования / Д. Г. Сандлер, А. Д. Сущенко, П. Д. Кузнецов, Т. Е. Печенкина // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22. № 3(115). С. 73–85. DOI 10.15826/umpra.2018.03.028.

5. Cabrera A. F., Weerts D. J., Zulick B. J. Making an impact with alumni surveys. Special Issue: Enhancing Alumni Research: European and American Perspectives, 2005, vol. 2005, no. 126, pp. 5–17. doi: 10.1002/ir.144.

6. Ворожцова Л. А., Крылов А. С., Кудряшов Ю. В., Рудюк Е. В., Шестаков Л. Н. Анкетирование как механизм мониторинга удовлетворенности внутренних потребителей образовательного процесса // Государственное управление. 2012. №32.

Alla G. Trubnikova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);
Anna A. Chugunova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

UNIVERSITY RESEARCH FOR BUILDING EFFECTIVE COMMUNICATION WITH ALUMNI

An overview of the SPbGETU Public Relations Department's experience in conducting a survey of alumni. The main purpose of the study was to analyze the professional path of alumni of the university and identify prerequisites for further interaction with the university. The paper presents the characteristics of the study in online format. Based on the survey results, the main conclusions and applications are formulated.

Surveys; research; online format; alumni; students; advertising and public relations; google forms; higher educational institution

УДК 101.8

В. В. Тузов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: tuzov_1950@mail.ru)

МЕСТО АЗИАТСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА В РЯДУ ОБЩЕСТВЕННО ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ

Рассматривается логика исторического процесса, которая позволяет найти место всем выделенным К. Марксом способам производства и общественно-экономическим формациям. С точки зрения сущности социального все способы производства и все ОЭФ за исключением первобытнообщинной и капиталистической являются особенными формами, в которых индивидуальное и общее соединялись специфическим образом. Азиатский способ производства, рабовладение в Древней Греции и Риме - специфические ОЭФ, в которых атаквизмы первобытных отношений переплелись с отношениями классовыми, где сущность социального (равенство и взаимопомощь) еще присутствовала в умах граждан и не позволяла полностью закабалить их. Феодализм в Европе представляет собой социальный хаос, из которого путем самоорганизации постепенно сформировалось централизованное феодальное государство.

Исторический процесс, общественно-экономическая формация, азиатский способ производства, сущность социального

Современная цивилизация претерпевает качественные изменения. Однако у современной социальной науки нет ни одной более или менее убедительной гипотезы о том, куда и как должно идти человечество. Остается метод проб и ошибок, но и он требует определенности в вопросе о том к какую сторону двигаться.

Из всего многообразия предположений о ходе исторического процесса наиболее убедительным является вариант К. Маркса и Ф. Энгельса. Это связано с тем, что в их взглядах на исторический процесс есть законы, которым он подчиняется. Ключевым в данной концепции является понятие «общественно-экономической формации». Представление об обществе как о ступени развития, которая определяется уровнем развития производительных сил принимается сторонниками данной теории. Критике подвергалось описание исторического процесса через это понятие. У Маркса исторический процесс подчиняется диалектическому закону отрицания отрицания. В соответствии с этим законом человеческое общество проходит три стадии развития: возникновение в виде бесклассового общества, переход к классовому обществу и затем возврат к бесклассовому обществу на принципиально другой основе. Если первобытное равенство было необходимо из-за неразвитости производительных сил, дефицита ресурсов, то новое бесклассовое общество становится таковым из-

за изобилия ресурсов и отсутствия необходимости жить за чужой счет, отбирая прибавочный продукт у массы трудящихся в интересах меньшинства.

Последователи Маркса описывая исторический процесс опирались на другой закон, который функционирует в рамках самой общественно-экономической формации, а именно на закон соответствия между уровнем развития производительных сил и характером производственных отношений.

В случае несоответствия между характером отношений и производительными силами возникает необходимость в изменении производственных отношений, которые мешают развитию производительных сил. На этой основе появилась так называемая «пятичленка», в которой обозначенные Марксом общественно-экономические формации были выстроены в последовательную цепочку. Здесь возникают как минимум две проблемы: во-первых, история не подтверждает этой преемственности. Это чисто логическая конструкция, во-вторых, не нашлось места в этой цепи способу производства, который был выделен Марксом как азиатский способ производства. Он выпадал по своим характеристикам из остальных ОЭФ. В нем были богатые и бедные, была эксплуатация, но не было частной собственности как основы неравенства и эксплуатации. Вопрос об азиатском способе производства периодически возникал в рамках марксизма, но не нашел своего решения.

А. М. Селезнев дает краткий анализ этапов обсуждения этого вопроса. Автор пишет, что на рубеже 1920–1930-х гг. в советском обществоведении началась дискуссия об азиатском способе производства. Затем к нему вернулись в 1960–1970-х гг. [1]. Однако эти дискуссии не привели к положительному результату. А. Я. Гуревич в 2005 году пишет: «неправомерный, прямолинейный переход от абстрактно-логического уровня рассмотрения истории к конкретноисторическому уровню ее анализа ведет к своего рода «выпрямлению» исторического процесса. Но ведь установленная К. Марксом общепоследовательность общественно-экономических формаций фиксирует лишь основные этапы развития человечества во всемирно-историческом плане... Конкретное же развитие определенных народов либо регионов в те или иные периоды именно поэтому может не соответствовать этой общей схеме [2, С. 12–13].

Проблема с азиатским способом производства и другими ОЭФ, которые не связаны друг с другом логикой развития истории на основе закона соответствия показывает неразрешимость этого вопроса в рамках данной парадигмы. Попытки объяснить данный вопрос через экономические категории не дает желаемого результата. При обсуждении данной проблемы были высказаны здравые мысли о том, что ряд формаций следует рассматривать как переходные формы от бесклассового общества к классовому. Но поскольку рассуждения шли в рамках старого набора политэкономических понятий, результат оказался неубедительным.

Если взять высказывание К. Маркса о том, что азиатский, античный, феодальный и буржуазный способы производства «в общих чертах» «можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» и

идею о необходимости переходного периода от бесклассового общества к классовому и перенести это на другую основу, то все способы производства найдут свое место в историческом процессе.

При рассмотрении данного вопроса с точки зрения сущности социального и ее отражения в разных ОЭФ, то можно выстроить другую логику развития исторического процесса.

«Социальное» широкое понятие, в которое включают все, что связано с людьми, живущими вместе и что принято называть обществом. Однако это не совсем правильно т. к. общество не является чем-то однородным. В разные периоды своего существования имели место принципиально разные отношения, которые связывали людей. Начиналась история с бесклассового общества, а затем появилось классовое общество. Следовательно, необходимо определить, что является сущностью социального в тот или иной период существования общества [3].

В момент своего возникновения общество как противоположность природному, биотическому сообществу имело отличный от него тип отношений. Биотическое сообщество построено на инстинктивном поведении особей и выстраивании системы связей по принципу «доминирования-подчинения». Социальные отношения принципиально отличались от биотических тем, что это были отношения равенства и взаимопомощи основа которых не инстинктивное поведение, а рациональное. Следовательно, сущностью социальной системы должны быть отношения сотрудничества, взаимопомощи, говоря современным языком отношения гуманизма. Если опираться на такую трактовку сущности социального, то при трансформации первобытного общества, общества равновесного по составу элементов (если пользоваться терминологией теории самоорганизации) в общество неравновесное (классовое по терминологии Маркса) необходимо было найти приемлемую форму взаимосвязи людей, которая бы соответствовала как качеству элементов системы (людям) так и условиям их существования. Кроме того, старые общинные формы взаимодействия не могли одновременно превратиться в новые. Традиции длительное время довели над умами как рядовых общинников, так и нарождающейся элиты.

В зависимости от целого ряда факторов в каждом конкретном регионе возникали свои формы связи людей, которые являлись смесью старого и нового: равенства и неравенства, справедливости и несправедливости. Эти формы отражали компромисс между тем, что было и тем, что нарождалось [4, С. 22–23].

Другими словами, нужен был переходный период такой же, как и при переходе от капитализма к коммунизму. Причины одинаковые [5, С. 13]. Основа старая, сильны родимые пятна старого мировосприятия.

Таким образом, когда первобытное общество исчерпало возможности развития на своей собственной основе началась трансформация его в классовое общество. Эта трансформация была специфической в разных регионах, поэтому в зависимости от условий среды и характера людей появились разные

формы отношений. Появился как бы веер разных направлений трансформации. Где-то осталась первобытная община, где-то появилось то, что получило название «азиатский способ производства», где-то рабство, а где-то появились формы феодальной организации. И все эти социальные организмы являются в разной степени смесью первобытных отношений и классовых. Сущность социального (равенство и взаимопомощь) присутствует в этих объединениях в большей степени, чем новые отношения неравенства и эксплуатации.

Подлинно классовыми отношениями являются отношения капиталистические. Здесь отсутствует какой-либо патернализм в отношении основной массы населения. Все остальные формы связи людей в социальные общности были переходными, пробными формами.

Во многих исследованиях исторического процесса отмечается, что единая логика развития общества имеет место. Первобытное общество через феодальную форму трансформации перешло к капитализму. Это присуще многим регионам, в том числе и Европе.

А. Я. Шевеленко отмечает: «Самое общее отличие ранней Индонезии от Франкского государства состояло, как видно отсюда, отнюдь не в том, чтобы оно вынудило противопоставлять первую (как восточную страну) второму (как западной стране). Переход непосредственно от первобытнообщинного строя к феодальному был свойствен подавляющей массе обществ земного шара. Ничего специфически «азиатского» здесь нет» [6, С. 96].

Рабовладение исчезло не из-за развития производительных сил, и из-за того, что данная форма производства стала неэффективной. Исчезли рабы из-за двух эпидемий, а новых взять было негде. Германские племена, которые разрушили римскую империю начали историю Европы с того, что у них было: с разлагающейся первобытной общины. Ранний феодализм является социальным хаосом, из которого путем самоорганизации постепенно сформировалось централизованное феодальное государство, которое породило капитализм.

Источники:

1. Селезнев А. М. Всемирно-исторический процесс: общественно-экономические формации, цивилизации и межформационные революции // Философия и общество 2005. № 2.
2. Гуревич А. Я. История – нескончаемый спор медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет. Москва.: Российский государственный гуманитарный университет, 2005.
3. Тузов В. В. Противоречивая Сущность «Социального» Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2019. № 3 (25). С. 12–27.
4. Штаерман Е. М. Античность В Современных Западных Историко-Философских Теориях // Вестник Древней Истории. 1967. № 3. С.3–24.
5. Маркс К. Критика Готской Программы. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные Произведения, Т. II, 1948.
6. Шевеленко А. Я. Вопросы истории, 1965, № 12. С. 79–96.

V. V. Tuzov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

THE PLACE OF THE ASIAN MODE OF PRODUCTION IN A SERIES OF SOCIO-ECONOMIC FORMATIONS

The logic of the historical process is considered, which allows finding a place for all the methods of production and socio-economic formations identified by K. Marx. From the point of view of the essence of the social, all modes of production and all OEF, with the exception of the primitive communal and capitalist, are special forms in which the individual and the general were combined in a specific way. The Asian mode of production, slavery in Ancient Greece and Rome are specific OEF, in which atavisms of primitive relations intertwined with class relations, where the essence of the social (equality and mutual assistance) was still present in the minds of citizens and did not allow them to be completely enslaved. Feudalism in Europe is a social chaos from which a centralized feudal state gradually formed through self-organization.

Historical process, socio-economic formation, Asian mode of production, the essence of social

УДК 009; 304.9

Г. Л. Тульчинский (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург; Балтийский федеральный университет им.И.Канта, e-mail: gtul@mail.ru)

СУБЪЕКТНОСТЬ В ЦИФРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ОПЦИЯ, РЕНТА, ФАКТОР ПРОКРЕАЦИИ

(при поддержке гранта РФФИ № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования»)

Рассматриваются вызовы, с которыми сталкивается современная философская антропология. Главный вызов связан с цифровизацией, которая меняет формат практически всех социально-культурных практик: от бизнеса и образования до личной жизни. Эта трансформация создает исключительно благоприятные условия жизни. Вместе с тем, цифровизация радикально трансформирует социальную среду и роль субъектности как продукта и актора этой среды. Субъектность предстает не как пользователь, а как часть, опция алгоритмов цифровых платформ, как источник новой ренты. Вместе с тем, пока еще сохраняется ключевая роль субъектности в выходе за рамки алгоритмов, как условия прокреативной преадаптации.

Прагмасемантика, преадаптация, прокреативность, субъектность, цифровизация

Современная цивилизация, формируемый ею образ жизни сформировали серьезный вызов ее гуманитарному и даже антропологическому – представлениям о субъектности, самосознании, свободе воли, задающим основу теории и практике морали, права, воспитания, искусства, политики.

Самосознания суть осознание себя как чего особого, отдельного, выделенного в жизненном потоке, рефлексия. В сочетании с активацией себя как актора – оно образует самость («яйность», die Ichkeit, I-concept). А если я осознаю себя плюс собственную ответственность за факт бытия своего Я и за проявления этого бытия (деяния или недеяния), то это уже и составляет проявление субъектности – ответственного самосознания самости.

Собственно, именно наличие субъектности выделяет человека из животного мира, в котором можно найти проявления «прото-сознания» (proto-self – как bios живого организма) и «базового сознания» (core self – как чувственно выраженная телесная выделенность в потоке ощущений, реакций от рецепторики). [1] Самосознание Я возникает в процессе социализации, освоения личностью социально-культурных практик, сопровождаемого дискурсивной коммуникацией, в которой родители, учителя, вырывают личность из причинно-следственных связей, замыкая их на ней, делая актором, causa sui, причиной

происходящего. И к 3 году жизни ребенок осваивает наррацию от 1-го лица, являющуюся текстологической основой самосознания и памяти.

Фактически, субъектность, – эпифеномен культуры. Главное в субъектности – взятие индивидом на себя ответственности за происходящее, происшедшее или то, что может произойти. И этой ответственностью изначально «грузят» другие, а субъектность оказывается вторичной, производной по отношению к этой ответственности. В этом плане глубоко и принципиально прав был М. М. Бахтин в своих размышлениях о том, что сознание, разум – не только вторичны по отношению к ответственности, но и являются ее инструментом, мерой осознания своих возможностей влияния на происходящее. [2]

Тем не менее, этот эпифеномен дает возможность его носителю выстраивать целостный осмысленный нарратив самосознания (памяти), возвращаясь к его началу и переписывая начальные «главы». [3] Речь идет о целостной, но незаконченной и неполной системе, открытой к новому развитию, выбору ситуации и места в ней, возможность нахождения вне ситуаций и между ними, а значит и – смене контекстов, т. е. переход от одной социально-культурно практики к другой, а то и создание новых практик. Такая ситуативная подвижность, активность в позиционировании, способность к лиминальности – по сути дела, являются главными характеристиками субъектности, которая, будучи результатом социализации личности в своем рефлексивном самоописании замыкается на себя, оказываясь прагмасемантическим интерфейсом, реализующим взаимодействие между реальным и любым другим возможным миром, переход от ситуаций физической реальности к реальности надежд, тревог, желаний – и наоборот [4]. Недаром в хайдеггеровском выражении человеческого бытия как *Dasein* (вот-бытие) местоимение *da* имеет два значения: «здесь» и «там» (как, впрочем, и амбивалентное русское «вот»).

И тогда становится понятным соотношение свободы и ответственности. Свобода – этот добытийный и внебытийный источник бытия, чувствилище трансцендентного [5] – не «дыра в бытии» (Н. А. Бердяев, Ж. П. Сартр), а челнок, ткущий ткань бытия. И челнок этот – результат социализации, [не]лишний раз подтверждая, что человек – существо социальное.

Человек – существо, вынесшее механизм адаптации за рамки своей биологической природы. Если животный мир адаптируется за счет мутаций и естественного отбора, то человек, не мутируя как вид, заставляет мутировать среду, создавая культуру – систему порождения, сохранения, отбора, трансляции и воспроизводства социального опыта, которую Ю. М. Лотман определял, как систему негенетического наследования информации о поведении. Но эта система, воспроизводимая с помощью социализации, «вращивающей» программы социального опыта носителям этой культуры, для своего развития нуждается в индивидуализации, уникальном, неповторимом своеобразии этого освоения. Эта уникальность и воплощается в субъектности самости – главном источнике пластичности и динамики человеческой цивилизации,

обеспечивающий ее прокреативность (избыточный запас вариантов, сценариев поведения), а тем самым и преадаптивность индивида и социума, упреждающий характер реакции на обстоятельства существования и развития [6].

Цифровизация – как разработка и использование технологий, основанных на идеях дискретности, алгоритмичности, вычислимости, программируемости – определяет облик современной цивилизации (компьютерные технологии, информационно-коммуникативные технологии, их применения) и парадоксальным образом вышелушивает субъектность, показывая ее роль и значение уже не в контексте антропогенеза, формирования личности, а выводя ее на фронт перспектив развития, если не существования цивилизации.

Если до сих пор человек создавал орудия, инструменты как свои органо-проекции [7; 8, С. 402–421], средства, расширяющие телесно-физиологические возможности, то в случае цифровизации складывается иная ситуация. Речь идет не об отдельных практиках и даже не просто об их взаимодействии, а о новой целостной среде обитания – практически полностью искусственной: от производства продуктов питания до зданий и сооружений, созданных на 3D-принтерах, беспилотных транспортных средств, комплексов типа smart city, Интернета вещей, превращающегося в «Интернет всего» (Internet of everything). Техносфера на глазах предстает буквально как экосистема.

Речь уже идет не о роботах, похожих на живые существа, и не о киборгизации, когда технологии буквально становятся частью нас. В наши дни не столько новые технологии становятся частью нас, сколько мы – частью этих технологий.

Вызовы цивилизации, порождаемые цифровизацией многовекторны. В политическом плане это вызов тотального контроля и буквальной реализации классических антиутопий. (Если М.К.Мамардашвили квалифицировал тоталитаризм XX века как антропологическую катастрофу, то, похоже, в прошлом веке была только «проба пера».) В этико-правом плане – вопрос о субъекте и содержании ответственности разработчиков, заказчиков алгоритмов или уже самих алгоритмов. Эпистемический вызов – в трактовке познания уже не как интерпретации и фактчекинга, а воплощения алгоритма.

Показателен экономический вызов превращения субъектности, самости в источник дохода, новую ренту. К ренте от природных ресурсов, монополии, финансовых операций, ренте от наемного труда добавилась сначала сетевая рента [9], а теперь – экзистенциальная. Человек, сам факт его существования, обстоятельства его жизни, проявления жизни в занятости, досуге и потреблении, более того – личность, самость и аутентичность, сама субъектность – стали новым источником рентного дохода благодаря прекарному характеру труда, просьюмеризму, Big Data, маркетингу подталкивания (nudge), интегрируемым на цифровых эко-платформах. В современной ситуации буквально реализуется метафора М.Маклюэна о человеке как «сексуальном органе» индустриальных технологий и рыночных механизмов [10, Р. 99]. Так же как пчела – секс-орган цветов растений, переносящий пыльцу, что способствует урожаю,

монетизируемому на рынках, так и современный человек предстает секс-органом цифровых платформ: оставляя своей жизнью следы на этих платформах, он способствует формированию монетизируемых баз Big Dates. В цифровом изводе современный капитализм (система хозяйствования вне- и бес-человечная, нацеленная на возрастание капитала) получает свое исторически наиболее чистое и полное выражение.

Однако главный вызов цифровизации – антропологический. Это уже ситуация не столько «Матрицы», где люди – сырье для порождения фантомного мира, сколько «Соляриса», где люди, их мир и переживания – порождения некоего планетарного целого, или платоновского Одного, исчисляющего все, вся и всех.

Конечно же, цифровизация – великое достижение цивилизации. Так комфортно человечество еще не жило. Она породила «Великий Хайп», «Клондайк» новой экономики. Изменилась даже преступность: стало меньше насилия, но колоссально возросло мошенничество. Но помимо упомянутых вызовов, сама эта система по своей сложности, издержкам контроля, энергозатратам блокчейна, система подходит к пределам, когда резко возрастает цена любого сбоя, чреватого катастрофическими последствиями планетарного масштаба.

Однако, как представляется, складывается ситуация, когда «минусы» могут стать «плюсами», а слабости – преимуществами. Сознание «в третьем лице» – моделируемо. Алгоритмы выигрывают у чемпионов мира по шахматам, игре в го и даже в покер. Но самосознание, самость в первом лице проявляется и выражается не только и не столько в деятельности по заданному алгоритму. Машина может формулировать задачи по достижению цели, даже ставить цели – на какой-то ценностной шкале. Но выйти за пределы шкалы – сбой в программе. Человек же сбивается постоянно – хотя бы в воображении, хотя бы из ressentimentа. Контент субъектности «в первом лице» – источник осмысления и смыслообразования – это эмоционально окрашенные переживания. Человек конечен и осознает свою конечность. Человек может быть доволен. Но чаще он не доволен. Он устает. Хочет чего-то. Нового. Иного.

И цифровизация вышелушивает, выводит на первый план главное – субъектность как источник, средство и результат развития. Недаром у современных работодателей, думающих о развитии, ценятся не столько не знания, и даже технологические навыки (которые легко усваиваются с изменением технологий), а условие получения знаний и этих навыков – навыки прокреации, преадаптивности: критическое мышление, способность выявления проблем, принятия решений и их реализация, эмоциональный интеллект, активная коммуникация off line, открытость мышления (open mindedness), способность понимать и адаптироваться к другим людям. Развитая субъектность, прокреативность и преадаптивность – это и надежная профилактика тройного выгорания: профессионального, личностного, человеческого.

Вот, например, вопросы из 30-минутного собеседования при поступлении на MBA в Harvard business school: «Объясните мне, над чем Вы работаете, как будто я восьмилетний ребенок», «В чем Вы никогда не сможете добиться

успеха и быть так же хороши, как другие?», «Какие два лучших совета, Вам давали в жизни? Почему Вы так считаете?», «Чем Вы хотели бы запомниться?», «Как Вы принимаете важные решения?», «Как Ваши родители описали бы Вас 12-летнего?», «О чем я никогда бы не догадался, даже прочитав Вашу заявку на поступление?», «Какой самый непростой вопрос задавали Вам?». Все эти вопросы, фактически, – тесты на развитую субъектность.

Думается, что все более очевидной становится задача, запрос на комплексную гуманитарную экспертизу не только последствий реализации цифровых технологий, но и целей разработки, самой разработки и реализации. Такая экспертиза может быть только комплексной, междисциплинарной [11], но направленной на обеспечение, сохранение и развитие субъектности – ядра не только гуманитарности, но человеческой цивилизации.

Субъектность – не просто «последний домик души», а главный фактор динамики и развития. Это гвоздь, на котором «висит вся шляпа» цивилизации *homo sapiens*. Если этот гвоздь выдернуть или забить по самую шляпку, то эта цивилизация лишается своего источника, средства и результата развития, то есть обесмысливается, становясь воплощением короткого, но очень внятного рассказа «Будет ласковый дождь» Р.Брэдбери.

Источники:

1. Дамасио А. Я: Мозг и возникновение сознания. М.: Карьера Пресс, 2018.
2. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология техники. Ежегодник. 1984-1985. М.: Наука, 1986. С. 80–160.
3. Хенрих Д. Мышление и самобытие. Чтения о субъективности. М.: Весь мир, 2018.
4. Тульчинский Г. Л. Прагмасемантика цифровых коммуникаций: смысловые картины мира, ценностнорегулятивные системы и ответственность. // Государство и граждане в электронной среде. Выпуск 6 СПб: ИТМО, 2022. С. 9–23.
5. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989.
6. Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М.: Акрополь, 2018.
7. Kapp E. Grundlinien einer Philosophie der Technik. Zur Entstehungsgeschichte der Cultur aus neuen Gesichtspunkten. Braunschweig: Georg Westermann, 1877.
8. Флоренский П. А. Сочинения в 4 томах. Т. 3(1). М.: Мысль, 2000.
9. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: НЛЮ, 2011.
10. McLuhan M. The Mechanical Bride: Folklore of Industrial Man. N.Y.: The Vanguard Press, 1951.

11. Леонтьев Д. А., Тульчинский Г. Л. Экспертиза как гуманитарная методология и практика. // Философские науки. 2018, № 2. С. 120–140.

G. L. Tulchinskii (National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg; Immanuel Kant Baltic Federal University)

***SUBJECTIVITY IN DIGITAL CIVILIZATION:
OPTION, RENT, PROCREATION FACTOR***

There are considered challenges faced by modern philosophical anthropology. The main challenge is related to digitalization, which is changing the format of almost all social and cultural practices: from business and education to personal life. This transformation creates exceptionally favorable living conditions. At the same time, digitalization is radically transforming the social environment and the role of subjectivity as a product and actor of this environment. Subjectivity appears not as a user, but as a part, an option of digital platform algorithms, as a source of new rent. At the same time, the key role of subjectivity is still preserved in going beyond algorithms as a condition for procreative pre-adaptation.

Pragmasemantics, pre-adaptation, pro-creativity, subjectivity, digitalization

УДК 908(470.23-25):355.48 725.945(470.23-25)

Е. В. Умова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: evum@mail.ru)

ПАМЯТНИКИ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА КАК ОСНОВА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

В статье рассматриваются возможности использования памятников военной истории Санкт-Петербурга как значительной составляющей патриотического воспитания и военно-патриотического туризма. Представлена информация об основных скульптурных и архитектурных памятниках города, которая может быть использована при проведении экскурсий, лекционных и практических занятий по отечественной истории.

Туризм, краеведение, патриотизм, война, скульптура, триумфальные ворота, колонна

О традиции праздновать дни воинской славы известно с XI в. Со временем она видоизменялась, но никогда не исчезала полностью. Многие русские князья учреждали праздники в память о победах и дни поминовения героев. В честь самых значимых побед «викториальные дни» были установлены при Петре I и Екатерине II. С 1812 г. 25 декабря во всех храмах праздновалось изгнание армии Наполеона, организовывались военные парады и праздничные мероприятия. Со второй половины XIX в. часть «викториальных дней», исчезнув из церковного календаря, сохранилась в светском. В Советской России после 1917 г. все прежние официальные праздничные и памятные дни были полностью отменены, но с распадом СССР интерес народа к дореволюционной военной истории стал расти, активное участие в ее популяризации принимало и государство. Закон «О днях воинской славы и памятных датах России» (1995), включил в список дней воинской славы не только события советского периода, но и важнейшие военные победы XIII–XIX вв. Это стало важным символом непрерывности и преемственности отечественной истории.

Первым понял важность сохранения памяти о военных победах Петр I. Примером стала традиция возведения триумфальных арок, обелисков и монументальных статуй, зародившаяся еще в античные времена. Первые деревянные арки в честь побед русского оружия были возведены в Москве, однако, и в новой столице регулярно появлялись постройки, напоминающие об военных успехах Петра. Единственное дошедшее до нас практически в неизменном виде триумфальное сооружение того времени – Петровские ворота Петропавловской крепости. Возведенные Д. Трезини (1708), деревянные ворота «очень красивой резной работы» имели вид триумфальной арки. Получившие свое

название по изначально украшавшей их статуе апостола Петра, ворота через 10 лет были перестроены архитектором в камне, с частичным сохранением некоторых элементов скульптурного убранства: изображения бога Саваофа, освящающего невскую фортецию, и барельефа К. Оснера «Низвержение Симона-волхва апостолом Петром», в котором библейский сюжет был использован для аллегорического изображения победы православной России над неправедно вознесшейся Швецией [1, С. 24]. Таким образом, первый российский император заложил российскую традицию создания триумфальных ворот в честь военных побед.

Эта традиция получила свое дальнейшее развитие в первой половине XIX в. Причиной появления в Санкт-Петербурге и его окрестностях новых триумфальных сооружений стала блистательная победа русских войск над наполеоновской армией. Для торжественной встречи победителей, возвращавшихся из заграничных походов, в районе Нарвской заставы **по чертежам Дж. Кваренги были возведены деревянные триумфальные ворота (1814)**. Уже через 10 лет деревянная арка пришла в недостойное для памятника воинской славы состояние и строительство новых ворот поручили В. Стасову, который, частично сохранив композицию, увеличил ширину ворот и изменил их оформление. Новая арка, построенная из кирпича, облицованного медными листами, и украшенная шестеркой коней и фигурой Славы (ск. П. Клодт и С. Пименов) получила одну особенность – внутренний зал под скульптурной композицией, в котором В. Стасов планировал разместить реликвии Отечественной войны 1812 г. При большом стечении народа и в присутствии Николая I Нарвские триумфальные ворота были открыты 17 августа 1834 г., а спустя 111 лет **Нарвские ворота снова использовали по прямому назначению**. Фигуры русских витязей в исторически достоверном облачении **встречали** победителей – бойцов 45-й стрелковой дивизии, входившей **8 июля 1945 г.** на ленинградский парад Победы с Нарвской стороны.

По проекту В. Стасова всего за три месяца 1817 г. были возведены триумфальные ворота в Екатерининском парке Царского села. «Любезным моим сослуживцам» – эти слова, помещенные на архитраве, принадлежат императору Александру I и являются выражением признательности его сподвижникам и всем военным, прославившимся на полях битв с Наполеоном. Чугунные ворота весом в 100 тонн, выполненные в лучших традициях ампира, но простые и лаконичные по форме, дополнены решетками с декоративными барельефами с эмблемами победы и воинской доблести [2, С. 54].

Памятником, посвященном победе русского народа в Отечественной войне 1812 г., стала и арка Главного штаба архитектора К. Росси. Первоначально одобренная Александром I лаконичная скульптурная группа с двумя женскими фигурами, держащими щиты, при Николае I была заменена более масштабной и пышной, прославляющей отвагу русской армии. Так появилась «Колесница Славы» без которой невозможно представить современный облик

Дворцовой площади. Парадная скульптурная группа (ск. В. Демут-Малиновский и С. Пименов), а также лавровые венки, доспехи и трофеи стали «главным средством раскрытия темы военного триумфа, величия и славы России» [3, С.135–136]. Недаром торжественное открытие триумфальной арки Главного штаба (октябрь 1828) приурочили к возвращению в столицу гвардейских полков, воевавшей с Турцией.

Противостояние России и Османской империей в начале XIX в. обострилось, ведь именно Россию многие христианские народы считали единственной силой, способной помочь в освобождении от османского гнета. Самым известным памятником победам в этой и в русско-персидской 1826–1828 гг. войнах, стали Московские триумфальные ворота-пропилеи, заложенные в районе городской заставы, чтобы, как сказал Николай I, «гостей встречать и о величии нашем сообщать». Их автором снова стал В. Стасов, в этот раз создавший самый внушительный в мире архитектурный памятник из чугуна. Скульптор Б. Орловский украсил ворота военной символикой и изображением гениев Славы, несущих щиты с гербами 36 российских губерний. Главными участниками торжественного открытия Московских ворот 16 октября 1838 г. стали гвардейские полки, выигравшие турецкую и персидскую кампании. Интересна судьба ворот в советское время: в 1936 г. они были демонтированы, во время блокады чугунные элементы использовались для строительства противотанковых оборонительных укреплений, а к 1961 г. монументальный памятник был воссоздан и до сих пор дарит жителям и гостям города чувство гордости за победы русского оружия.

Однако череда блистательных побед над Османской империей началась еще в правление Екатерины II, «которая не довольствуется великих дел творением, но при том тщится сохранить оные в бесконечной памяти счастливых потомков наших» [2, С. 182]. В отличие от петровского времени памятники этого периода представлены не триумфальными арками, а колоннами и обелисками. Целая группа монументов, связанная с событиями русско-турецкой войны 1768–1774 гг. – Морейская (1771) и Чесменская (1778) ростральные колонны, Кагульский обелиск (1772) – появилась в Царском селе благодаря А. Ринальди. Чесменская колонна, посвященная сразу трем победам русского флота, сильно пострадала в годы оккупации: были похищены барельефы, пытались разрушить фашисты и саму колонну. Символично, что окончательное ее восстановление произошло только в юбилейном для российского флота 1996 г. Строгий, но выразительный Кагульский обелиск увековечил грандиозную победу русских войск под командованием П. А. Румянцева над многократно превосходящей их турецкой армией. В правление Павла I памятник воинской доблести полководца – обелиск «Румянцева победам» – был установлен и в Петербурге, на Университетской набережной.

Самым известным из петербургских монументов подобного рода несомненно является Александровская колонна, продолжившая традиции екатерининского правления. Возведенная по проекту О. Монферрана, она завершила композицию Дворцовой площади и стала памятником Александру I как побе-

дителю Наполеона. Считается, что именно на императора внешне похожа выполненная Б. Орловским фигура Ангела, крестом попирающего змея, что символизирует мир, принесенный в Европу Россией. Примечательно, что как установка колонны (1832), так и открытие памятника (1834) состоялись 30 августа (по н. ст. 11 сентября) в день перенесения в Петербург мощей святого благоверного князя Александра Невского.

Последним и самым необычным монументом в честь побед российских войск над турецкими, стала «Колонна Славы», установленная перед Свято-Троицким собором лейб-гвардии Измайловского полка в память о его участии в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Архитектор Д. Гримм, использовал для сооружения 28-метровой колонны 128 подлинных трофейных турецких орудий, а венчала сооружение фигура богини победы Ники с лавровым венком (ск. П. Шварц). На торжественном открытии памятника (1886) присутствовал император Александр III и представители всех частей, «поименованных» на бронзовых досках, укрепленных на пьедестале колонны, но уже в 1930 г. «нелепый» памятник, который «...никакой художественной и исторической ценности не имеет» был снесен и отправлен на переплавку... в Германию. Только в 2005 г. триумфальная колонна была восстановлена на историческом месте и вместе с вновь освященным Измайловским собором представляет один из красивейших военно-церковных ансамблей Петербурга.

С петровских времен, кроме создания триумфальных арок, прижилась традиция установки аллегорических скульптур, напоминающих о тех или иных военных событиях. Ярким примером являются скульптурная группа «Мир и изобилие» (ск. П. Баратта) в Летнем саду, символически изображающая Ништадтский мир, и скульптура «Самсон, разрывающий пасть льва» на Большом каскаде в Петергофе, установленная в честь 25-летия победы в Полтавской битве. Похищенная оккупантами в годы Великой Отечественной войны, она была воспроизведена скульпторами В. Симоновым и Н. Михайловым в 1947 г. Для ленинградцев ее возрождение стало своеобразным символом непобедимости русского оружия.

Первый скульптурный монумент конкретному полководцу – генералиссимусу А. В. Суворову (ск. М. Козловский) – появился в Петербурге только в 1801 г. по желанию Павла I. Правда, изображен военачальник в облике бога войны Марса, без соблюдения портретного сходства, что напоминает о традициях использования аллегорий. Во время блокады памятник не был укрыт и советские воины, уходя мимо него на фронт, салютовали полководцу, веря, что пока он стоит на своем месте, город не сдастся врагу. Поднимали боевой дух советских солдат и памятники М. И. Кутузову и М. Б. Барклаю де Толли. В годы войны они оставались на своих постах, являясь символами мужества и стойкости, и бойцы, проходя строевым шагом мимо них, неизменно отдавали фельдмаршалам воинское приветствие. Но в отличие от аллегорического облика Суворова фигуры генерал-фельдмаршалов не только имеют макси-

мальное портретное сходство с реальными личностями, но и одеты в современные, а не в традиционные античные одежды. Это пожелание Николая I талантливо воплотил скульптор Б. Орловский, раскрывший и характер полководцев, и их роль в борьбе с армией Наполеона. 25 декабря 1837 г., в год 25-летия славной победы, памятники, вписанные как в рамы в боковые порталы Казанского собора, стали неотъемлемой частью площади перед ним. Их появление подчеркнуло мемориальное значение самого собора, и не только потому, что в июне 1813 г. здесь был погребен М. И. Кутузов и находятся ключи от французских крепостей, взятых русской армией. Храм напоминает о другой войне – Смуте, которая закончилась изгнанием из Москвы польских интервентов ополчением Минина и Пожарского, вступившего в столицу с Казанской иконой Божией Матери, для которой собор и был возведен. Недаром над могилой полководца расположена картина Ф. Алексеева «Чудо от иконы Казанской Богородицы в Москве». И это должно напоминать о преемственности воинских традиций.

Историческая преемственность прервалась в 1917 г.: после революции были уничтожены многие превосходные по своей художественной и исторической ценности триумфальные памятники, фактически вычеркнута оказалась из культурной памяти Первая мировая война. На смену патриотическим памятникам пришли идеологические, порой высмеивающие дореволюционную историю. Все изменила Великая Отечественная война. Стремление увековечить подвиг советского народа привело к появлению самых разнообразных памятников, которые требуют отдельного внимания и исследования возможности их применения в военно-патриотическом воспитании молодежи.

Источники:

1. Гендриков В. Б. Петропавловская крепость. Факты, гипотезы, легенды. СПб, 2011.
2. Вильчковский С. Н. Царское Село. 2-е изд. СПб, 1911.
3. Крюковских А. П. Скульптура Санкт-Петербурга. СПб, 2001.

E. V. Umova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

MEMORIALS OF MILITARY HISTORY OF ST. PETERSBURG AS A BASIS FOR PATRIOTIC EDUCATION: A HISTORICAL EXCURSUS

This article deals with the capability of using the monuments of military history of St. Petersburg as a significant component of patriotic education and military-patriotic tourism. It presents information about the main sculptural and architectural memorials of the city, which can be used in excursions, lectures and practical classes on national history.

Tourism, local history, patriotism, war, sculpture, arcs of triumph, column

УДК 800.92:519.682

Чжао Цзе (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: evazhao0726@gmail.com)

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОМПАНИИ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ ОЦЕНКИ БРЕНДА

В современном мире появляются новые факторы, влияющие на потребительскую оценку бренда. На фоне роста требований потребителей к бренду и расширения сферы ответственности компаний корпоративная социальная ответственность (КСО) становится важным направлением деятельности компании. В связи с этим актуальность приобретает вопрос взаимосвязи корпоративной социальной ответственности компании и потребительской оценки бренда. Статья рассматривает понятия КСО и потребительской оценки бренда и выявляет закономерности и тенденции их взаимосвязи. Статья указывает на связь и положительную корреляцию между КСО компании и потребительской оценкой бренда, однако подчеркивает ограничения и особые условия при котором КСО компании будет положительно влиять на потребительскую оценку бренда.

Корпоративная социальная ответственность, потребительская оценка бренда, маркетинг, бренд-менеджмент, теория стейкхолдеров, капитал бренда

В современном мире появляются новые факторы, оказывающие влияние на потребительскую оценку бренда. К таким факторам относят корпоративную культуру, отношения со стейкхолдерами, технологичность и экологичность компании, сочетание эксклюзивности и инклюзивности бренда, его этичность. Таким образом, с одной стороны, растут требования потребителей к бренду. С другой стороны, у компаний также расширяется сфера ответственности. В XXI в. корпоративная социальная ответственность стала важным и фактически обязательным направлением деятельности компании. В связи с этими двумя тенденциями актуальность приобретает вопрос взаимосвязи корпоративной социальной ответственности компании и потребительской оценки бренда.

Целью данной статьи является выявление взаимосвязей между корпоративной социальной ответственности компании и потребительской оценки бренда. Для достижения данной цели поставлены следующие задачи:

дать определение и выявить основные теоретические подходы к корпоративной социальной ответственности;

выявить основные направления корпоративной социальной ответственности;

дать определение и выявить основные свойства потребительской оценки бренда;

выявить наличие или отсутствие связи между корпоративной социальной ответственностью компании и потребительской оценкой бренда;

определить основные характеристики и черты взаимосвязи корпоративной социальной ответственности компании и потребительской оценки бренда.

Корпоративная социальная ответственность (КСО) – это политика компании, которая определяет, как она будет взаимодействовать со своими стейкхолдерами, работниками, клиентами, окружающей средой и общественностью. Она включает в себя отношение компании к общественным, экологическим и этическим вопросам. К настоящему моменту сформирована целая система теоретических подходов к проблеме КСО. О. Зильберштейн, цитируя Э. Гаррига и Д. Меле [1], предлагает классификацию теорий КСО, в которую входит четыре группы. «Первая группа, получившая название инструментальной, включает в себя теории, рассматривающие бизнес как инструмент создания богатства» [2, С. 730]. В этой группе теорий КСО охватывает только экономическую сферу деятельности и подразумевает создание прибыли как основную цель компании. К этой группе относят М. Фридмана, М. Дженсена, У. Меклинга, М. Портера, М. Крамера, Л. Берка, К. Мюррей, К. Смит, А. МакУильямса и Д. Зигеля и др. Вторая группа – политические теории – включает в себя теории, делающие акцент социальной власти бизнеса, и ответственности бизнеса за проявление этой власти на политической арене. К этой группе относят К. Дэвиса, Т. Дональдсона, Дж. Вуд, Д. Маттена, Э. Крэйна, У. Чаппи. В третью группу входят т.н. интегративные теории, согласно которым бизнес должен интегрировать свою деятельность с требованиями общества. Они указывают на взаимосвязь успешности и роста бизнеса от благополучия общества. К ней относятся работы таких исследователей, как Р. Акерман, П. Сети, Л. Перестон, Дж. Пост, Дж. Эмсхофф, Р. Фриман, Ф. Стердивант, А. Кэррол. Четвертая группа теорий – этическая – предполагает тесную связь этических ценностей и КСО. Она рассматривает КСО через призму этики и, которая объясняет КСО как главная из всех целей бизнеса. К данной группе относятся теория устойчивого развития, теория универсальных прав человека, нормативная теория стейкхолдеров и теория общего блага.

Другое ключевое для данной статьи понятие – это потребительская оценка бренда. Потребительская оценка бренда – это то, как люди воспринимают и оценивают бренд, основываясь на своих впечатлениях о продуктах или услугах, которые они получают от компании. Сейчас наиболее распространенным подходом к оценке капитала бренда является именно потребительская оценка бренда. Один из наиболее видных теоретиков маркетинга Д. Аакер для анализа потребительской оценки бренда предлагает такие показатели, как осведомленность, ассоциации с торговой маркой, лояльность, воспринимаемое качество и пр.[3] В основе оценки капитала с точки зрения потребителя лежит по К. Л. Келлеру лежит степень осведомленности о бренде (способность

покупателя идентифицировать торговую марку внутри определенной товарной категории в объеме, достаточном для совершения покупки) и ассоциации, которые потребитель связывает с ним – атрибуты бренда (признаки, характеризующие бренд), выгоды бренда (преимущества, которые получает потребитель, выбирая конкретный бренд) и отношение к бренду (совокупная оценка бренда потребителем) [4].

Вопрос того, влияет ли КСО на потребительскую оценку бренда, и каким образом, является важным аспектом маркетинговых исследований, хотя большинство исследований, проводимых в этой области, можно отнести к локальным, рассматривающим конкретные кейсы. Существует ряд общих тенденций, связанных с взаимосвязью между корпоративной социальной ответственностью и потребительской оценкой бренда.

Поскольку основным механизмом влияния КСО на потребительскую оценку бренда является т.н. «молва», то есть передаваемая по неофициальным каналам информация о компании, ее имидж, основной составляющей капитала бренда, на которую влияет КСО, является лояльность бренду. Однако также КСО, хотя и в меньшей степени, влияет на другие категории, такие как осведомленность о бренде, ассоциации с брендом, воспринимаемое качество и общая оценка бренда.

Существует различия в степени влияния различных аспектов КСО на потребительскую оценку бренда. Согласно классификации Кэррола принято выделять четыре вида КСО [5] (экономическая, правовая, этическая и филантропическая ответственность), также сейчас к этим четырём видам часто добавляют экологический аспект Дэвиса и Р. Блумсторма [6, С. 95]. К экономической КСО относят инвестиции, направленные на развитие устойчивости продукции, эффективное использование трудовых ресурсов, создание устойчивой цепочки поставок, научное развитие бизнеса, эффективное ресурсопотребление, этическое поведение по отношению к потребителям и конкурентам. К правовой КСО относят надлежащее следование требованиям, установленным правом, включая трудовое законодательство, закон об охране окружающей среды и пр. К этической КСО относят выстраивание справедливых и частных отношений со всеми стейкхолдерами, включая руководство, инвесторов, сотрудников, поставщиков и клиентов компании, что может выражаться в установлении более высокой минимальной заработной платы, использование в производстве продуктов, полученных в соответствии со стандартами справедливой торговли. К филантропической КСО относится активное стремление бизнеса делать общество и мир в целом лучше, выраженное, например, в пожертвованиях благотворительным и некоммерческим организациям связанным или не связанным с родом деятельности компании, создание собственных благотворительных и трастовых фондов и пр. К экологической КСО относят сокращение уровня производимых загрязнений, выбросов парниковых газов, снижение потребления ресурсов и использование вторсырья, использование возобновляемых источников энергии, компенсация негативного воздействия

на окружающую среду. Эти виды КСО, независимо от их эффективности, по-разному влияют на потребительскую оценку компании. Так, филантропический и экологический аспекты оказывают наиболее положительное влияние на потребительскую оценку бренда, в то время как правовой аспект, мало заметный потребителю, оказывается не востребован [7].

Как показало более раннее исследование 2010 г., среди возможных субъектов КСО для формирования более положительной оценки капитала бренда можно выделить клиентов компании и общество в целом [8, С. 21]. Так, КСО, направленная на клиентов, выполняет внешнюю функцию, поскольку обеспечивает наилучшее информирование потребителей о деятельности компании. Ее можно назвать «видимой». КСО, направленная на общество, служит формированию доверия к компании, что, как уже указывалось выше, также является важной составляющей капитала бренда. Ее можно назвать «доверительной». Для наиболее эффективной КСО в контексте создания положительной потребительской оценки необходимо сочетать в равной степени «видимую» и «доверительную» деятельность в рамках КСО. К другим важным аспектам, оказывающим влияние на эффективность КСО в контексте потребительской оценки бренда, следует отнести ее регулярность, многовекторность и запоминаемость.

Подводя итоги, можно отметить, что компании, которые придерживаются честных и этических практик в своей деятельности, часто высоко ценятся среди потребителей. Это может привести к увеличению доверия к бренду и улучшению его репутации. Сейчас потребители часто оценивают бренды, учитывая их экологическую ответственность, заботу о своих работниках и благоприятные условия труда, и их участие в решении социальных проблем и улучшении качества жизни локальных обществ. Однако стоит понимать, что это не означает, что каждая компания, которая занимается КСО, автоматически будет иметь высокую оценку у потребителей. Действительно эффективная КСО требует постоянного усилия и внимания, чтобы быть реально полезной для общества и соответствовать ожиданиям потребителей. К важным свойствам эффективной в контексте потребительской оценки бренда деятельности в сфере КСО относятся ее регулярность, многовекторность (при этом наиболее эффективными направлениями являются филантропическая и экологическая деятельность), запоминаемость и заметность для потребителей. Для того чтобы КСО положительно влияла на потребительскую оценку бренда, компания должна проводить целенаправленную маркетинговую политику, направленную на увеличение осведомленности потребителей о КСО компании и ее влиянии на жизнь конкретных сообществ.

Таким образом, очевидно, что существует связь и положительная корреляция между КСО компании и потребительской оценкой бренда, однако при этом само наличие у компании деятельности в сфере КСО не обязательно автоматически приведет к положительной потребительской оценке бренда компании. Для этого компании следует проводить целенаправленную маркетинговую политику, а также разграничивать аспекты и сферы КСО.

Источники:

1. Garriga E., Mele D. Corporate Social Responsibility Theories: Mapping the Territory // Journal of Business Ethics. 2004. № 53. P. 51–71.
2. Зильберштейн О. Б., Шкляр Т. Л., Ершова Н. А., Руцкий Е. И. Систематизация теорий корпоративной социальной ответственности // Экономика и предпринимательство. 2016. № 11-3 (76-3). С. 727–736.
3. Аакер Д. Создание сильных брендов. М.: Изд. дом Гребенникова, 2003. 340 с.
4. Keller K. L. Conceptualizing, Measuring, Managing Customer-Based Brand Equity // Journal of Marketing. 1993. Vol. 57. N 1. P. 1–22.
5. Carroll A. B. The pyramid of corporate social responsibility: Toward the moral management of organizational stakeholders // Business horizons. 1991. №. 4. P. 39–48.
6. Davis K., Blomstrom R.L. Business and society: Environment and responsibility. McGraw-Hill, New York, 1975.
7. Mahmood A., Bashir J. How does corporate social responsibility transform brand reputation into brand equity? Economic and noneconomic perspectives of CSR // International Journal of Engineering Business Management. 2020. №12. P.1–13.
8. Torres A., Bijmolt T., Tribo, J. Generating Brand Equity through Corporate Social Responsibility to Key Stakeholders // International Journal of Research in Marketing. 2010. №29. P.12–24.

Zhao Jie (Saint Petersburg State University)

INTERRELATION OF CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY OF THE COMPANY AND CONSUMER ASSESSMENT OF THE BRAND

Abstract: In the modern world, new factors appear that affect the consumer assessment of the brand. Against the backdrop of growing consumer demand for the brand and the expansion of the sphere of responsibility of companies, corporate social responsibility (CSR) is becoming an important area of the company's activities. In this regard, the issue of the relationship between the corporate social responsibility of the company and the consumer assessment of the brand becomes relevant. The article examines the concepts of CSR and consumer brand evaluation and identifies patterns and trends in their relationship. The article points out the connection and positive correlation between the CSR of the company and the consumer assessment of the brand, however, it emphasizes the limitations and special conditions under which the CSR of the company will positively influence the consumer assessment of the brand.

Corporate social responsibility, consumer brand evaluation, marketing, brand management, stakeholder theory, brand equity

УДК 811.511.1

А. О. Чупахина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: alexandra.chupakhina@mail.ru)

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФИНСКОГО ЯЗЫКА НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ

В статье рассматривается современное состояние финского литературного языка и ингерманландского диалекта финского языка на Северо-Западе России. Описываются языковая ситуация, в которой находятся финно-угорские языки в Республике Карелия, Санкт-Петербурге и Ленинградской области, а также действия, которые предпринимаются для сохранения и популяризации данных языков на Северо-Западе России.

Финно-угорские языки, финский язык, финны-ингерманландцы, ингерманландский диалект финского языка, российские финны

Финно-угорские языки традиционно делятся на семь ветвей. По генеалогической классификации финский язык относится к прибалтийско-финской ветви и составляет северную группу языков, в которую также входят родственные ижорский, карельский и вепсский языки [1, С. 28]. В настоящее время ареалом распространения финского языка в России являются Ленинградская область, Санкт-Петербург и Республика Карелия [2].

Финноговорящее население оказалось на территории Северо-Запада в XVII веке. В западноевропейских источниках того времени Северо-Западная территория называлась Ингерманландия, поскольку ранее была заселена ижорами, или инграми. В XVII веке Ингерманландия была пустыющей, так как жители массово покинули ее территорию после того, как земли были переданы Швеции по условиям Столбовского мира, и православное население (ижоров, русских, карелов) принудительно пытались обратить в лютеранство. В эти земли прибыли финны-переселенцы, которые стали называться финнами-ингерманландцами, а в XIX веке – «петербургскими финнами» [3]. Язык, носителями которого являлись переселенцы, стал называться финский-ингерманландский. В XIX столетии финны начали прибывать на территорию Северо-Запада России вследствие экономических трудностей, а в период с 1918–1935 гг. было три иммиграционных волны финнов в Россию после ряда политических и экономических событий [4].

В настоящее время о количестве населения, говорящего на финском языке на Северо-Западе России, мы имеем данные, содержащиеся в переписях населения. По данным Всероссийской переписи населения 2020 года, в Российской Федерации проживало 7778 финнов, из которых 571 человек указали, что они являются финнами-ингерманландцами, а 14075 человек указали, что владеют

финским языком и используют его в повседневной речи. Основное число финноговорящего населения сосредоточено в Карелии (6163 человека, из которых финны – 3397, а ингерманландцы – 157), в Ленинградской области (1601 человек, из которых финны – 1181, ингерманландцы – 130) и Санкт-Петербурге (2986 человек, из которых финны – 1061, ингерманландцы – 199) [5].

В Республике Карелия до 1990 года финский язык являлся вторым официальным языком после русского. Сейчас финский язык не носит особый статус и имеет менее прочные позиции, чем карельский и вепсский языки, носителями которых является коренное население Карелии. Стоит отметить, что данный факт не отменяет сложную языковую ситуацию, в которой находятся финно-угорские языки в целом. Согласно данным переписи населения 2010 года в национальной структуре населения Республики Карелия русские составляют 82,2 %, карелы – 7,4 %, белорусы – 3,8 %, украинцы – 2,0 %, финны – 1,4 %, вепсы – 0,5 %, другие национальности – 2,7 % [6, С. 157]. По данным микропереписи населения в Республике Карелия 2015 года из общей численности населения, указавшего владение и использование языков в повседневной жизни, русский используется – 99,9, карельский – 1,6 %, английский – 1,0 %, финский – 0,3 %, другие ответы о языках – 1,1 % [7].

На сегодняшний день положение финского языка на территории Республики продолжает вызывать беспокойство у местных властей и населения. В марте 2004 года в Законодательном Собрании Республики Карелия был принят закон «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия», который в ноябре 2022 года был изменен и дополнен. Отмечается, что финский, карельский и вепсский языки являются национальным достоянием Карелии и находятся под ее защитой. Данный закон направлен на сохранение, изучение, развитие и использование этих языков в таких сферах, как СМИ, образование, наука, культура [8].

Тем не менее количество людей, владеющего финском языком, снижается. Основными причинами указываются:

- 1) репатриация в Финляндию, ускорившая процесс массовой эмиграции российских финнов;
- 2) отсутствие преподавания финского языка в школах;
- 3) сокращение часов изучения финского языка в университетах;
- 4) нехватка специалистов со знанием языка [9].

Эксперты отмечают, что необходимы популяризация изучения финского языка среди карельской молодежи, создание целевых языковых программ, формирование заинтересованности в том, чтобы знать национальную историю, культуру и языки [6, С. 158]. В Карелии формируются национально-культурные организации, занимающиеся сохранением и распространением финского языка. Например, ежегодный проект «Финская осень», в рамках которого проводятся лекции, семинары, выставки и мастер-классы на финском языке. По инициативе национальных общественных организаций был создан

Ресурсный языковой медицентр карелов, вепсов и финнов, цель которого заключается в объединении интеллектуальных и материальных ресурсов по развитию культурной и языковой идентичности карелов, вепсов и финнов. В медицентре проводятся кулинарные мастер-классы на финском языке «Языковая кухня», создан финский разговорный клуб «Языковое кафе», на постоянной основе функционируют языковые курсы финского литературного языка [10].

Численность населения, владеющего финно-угорскими языками на Северо-Западе России, постоянно сокращается и ввиду возрастающей ассимиляции коренного населения с носителями русского языка, а также сложности передачи языковых традиций [6, С. 157]. Например, передача ингерманландского диалекта финского языка, который значительно отличается от литературного финского, начала прерываться уже в 1940-х годах, а к 1960-м годам полностью прекратилась. В настоящее время носителей ингерманландского диалекта финского языка практически не осталось. Поколение 1920-1930 годов рождения владеет ингерманландским финским как родным, а поколения 1940 и 1950 годов понимают, но уже не говорят. У молодых поколений литературный финский язык является более престижным, и ингерманландский диалект практически не изучается. Об этом свидетельствует и тот факт, что самому молодому носителю, проживающему на территории Ленинградской области, на данный момент больше 50 лет [2].

Необходимо подчеркнуть, что с 2009 года в изучении и исследовании ингерманландского диалекта финского языка принимают участие студенты кафедры теории языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Преподаватели и студенты кафедры занимаются исследованиями и публикуют статьи, посвященные синтаксису, грамматической семантике, экспериментальной фонетике, морфологии диалекта [2]. В Санкт-Петербурге действует союз ингерманландских финнов «Inkerin Liitto», который обеспечивает преподавание и изучение финского литературного языка на территории Ленинградской области. Общество занимается тем, что организует и проводит лекции и семинары по финской культуре, а также участвует в подготовке и проведении народных праздников и важных дат. Ингерманландский союз также действует на территории Карелии, и члены союза принимают активное участие в межрегиональном финно-угорском движении, выступают на крупных форумах – Всемирном конгрессе финно-угорских народов, съездах финно-угорских народов России [10].

Таким образом, на сегодняшний день финский язык в силу политических, демографических и социальных причин находится в непростой ситуации. Языковая традиция передачи ингерманландского диалекта финского языка практически утрачена. Согласно данным переписи населения, количество носителей финского языка на Северо-Западе России имеет устойчивую тенденцию к непрерывному сокращению. Тем не менее, национальные общественные организации принимают постоянные меры для использования и развития языка, а также привлекают внимание общественности к проблеме сохранения финно-угорских языков в России.

Источники:

1. Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков)/ В. И. Лыткин [и др.]. М: Наука, 1974.
2. Малые языки России. Проект Института языкознания РАН. Ингерманландский финский язык URL: <https://minlang.iling-ran.ru/lang/ingermanlandskiy-finskiy-yazyk> (дата обращения: 09.01.2023)
3. Шлыгина Н. В. Народы России. Финны-ингерманландцы. URL: <http://hrono.ru/etnosy/ingerman.html> (дата обращения: 10.01.2023).
4. Бирин В. Н., Такала И. Р. Народы России. Суомалайсет. URL: <http://www.etnosy.ru/node/353> (дата обращения: 10.01.2023).
5. Росстат. Всероссийская перепись населения 2020 URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 10.01.2023).
6. Дьяконова М. В. Современный статус и перспективы ревитализации финно-угорских языков в Республике Карелия // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. №3. С. 156–167
7. Выборочное статистическое наблюдение «Социально-демографическое обследование (микрперепись населения) 2015 года» в Республике Карелия. URL: https://krl.gks.ru/storage/mediab__ank/%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C_2015.pdf (дата обращения: 10.01.2023).
8. Закон Республики Карелия N 759-ЗПК «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия» URL: <https://docs.cntd.ru/document/919316706> (дата обращения: 11.01.2023).
9. Исламаева Т. Финский язык в Карелии нужно изучать, чтобы двигать вперед нашу экономику. Интернет-журнал «Лицей». URL: <https://gazeta-licey.ru/public/99964-tatyana-islamaeva-finskiy-yazyk-v-karelii-nuzhno-izuchat-chtoby-dvigat-vperyod-nashu-ekonomiku> (дата обращения: 11.01.2023).
10. Коренные народы Карелии. Финны. URL: <http://knk.karelia.ru/fini/> (дата обращения: 11.01.2023).

A. O. Chupakhina (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

THE CURRENT STATUS OF THE FINNISH LANGUAGE IN THE NORTH-WEST OF RUSSIA

The current state of the Finnish standard language and the Ingrian Finnish in the North-West of Russia is considered. The actions that are taken to preserve and popularize Finno-Ugrian languages in the Republic of Karelia, Saint Petersburg and the Leningrad Region are described.

Finno-Ugrian languages, Finnish language, Ingrian Finns, Ingrian Finnish, Russian Finns

УДК 174.4; 316.4; 316.77

Л. В. Шарахина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: lvsharakhina@etu.ru);

Н. В. Шашкова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: nvshashkova@etu.ru);

М. В. Шутова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: mvshutova@etu.ru)

МЕТАИНЖЕНЕРИЯ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Становление общества 6-го технологического уклада требует пересмотра моделей рациональности, сформированных в «доэлектрическую эпоху». В качестве методологического базиса нового типа мышления предлагается коммуникативный подход Ю. Хабермаса и концепция М. Маклюэна «the medium is the message» как технология экспликации деятельности центральной нервной системы человека. Обосновывается понятие «метаинженерное мышление», подразумевающее когнитивную подвижность и ответственность коммуникатора за вариативное восприятие сообщений Другим в условиях квантового мира, открытость к приращению знания в коммуникативной общности посредством формирования символического языка. На примере проектов кафедры «Связей с общественностью» СПбГЭТУ «ЛЭТИ» приведены признаки активных самоорганизующихся коммуникативных сред.

Коммуникативный подход, коммуникативная рациональность, метаинженерное мышление, связи с общественностью, квантовый мир.

Научная традиция на разных этапах обнаруживает богатейший опыт различных методологических установок ученых при описании ими метафизического мира. Максимально обобщая данную традицию, обозначим, что итогом ее развития (в западноевропейском варианте) стал классический рационализм с его гипертрофией разума и человеческой субъективности. В качестве интеллектуальной рефлексии в дальнейшем появляется ряд влиятельных теорий XX века (Т. Адорно, Ж. Деррида, М. Фуко, Ю. Хабермас и др.), создание которых вызвано, прежде всего, критикой узости классического рационализма и разворотом в сторону концепций, связанных с поиском новых научных подходов. Одним из них становится коммуникативный. Подчеркнем, что ««тотальная критика разума» вместе с тем не означает отказа от самой идеи рациональности. Когнитивистски редуцированной модели рациональности, которая сформировалась и утвердилась в новоевропейской метафизике, может быть противопоставлена модель, основанная на языковом взаимопонимании, то есть коммуникативная рациональность» [1, С. 36].

Именно развитие теории коммуникации как новой сферы научного знания, «мультипарадигмальной, междисциплинарной постнеклассической науки, опирающейся на коммуникативный подход к человеку и обществу и функционирующей как некоторый метадискурс, сформированный в контексте осмысления коммуникативных практик» [2, С. 17] совершило своеобразный методологический переворот, открывая возможности для научного поиска, открытия новых или качественного переосмысления вполне себе устоявшихся идей. Одной из них является идея междисциплинарного синтеза.

Каким же образом коммуникативный подход позволяет нам раскрыть инновационный смысловой потенциал междисциплинарного синтеза?

Маршалл Маклюэн в 60-хх года XX века представил инновационную для того время концепцию «the medium is the message» (средство коммуникации и есть сообщение) [3], обосновывая влияние информационных носителей и коммуникативных практик на человека и его способности к познанию себя и мира: «Слова – это сложные системы метафор и символов, переводящих опыт в наши выговариваемые, или выносимые вовне, чувства. Это технологии эксплицитности. Благодаря переводу непосредственного чувственного опыта в голосовые символы можно в любое мгновение пробудить и восстановить из памяти весь мир. В нашу электрическую эпоху мы видим себя все более и более переводимыми в форму информации и идущими в сторону технологического расширения сознания. Именно это мы имеем в виду, когда говорим, что каждый день все больше и больше познаем человека. Мы имеем в виду, что можем переводить все большую и большую часть самих себя в иные формы выражения, превосходящие нас самих» [4, С. 69].

В «электрическую эпоху» скорость коммуникации значительно возросла, действие и реакция на него происходят практически одновременно, что требует от человека более ответственного отношения к предпринимаемым им действиям: «В эпоху электричества, когда наша центральная нервная система, технологически расширившись вовне, вовлекает нас в жизнь всего человечества и вживляет в нас весь человеческий род, мы вынуждены глубоко участвовать в последствиях каждого своего действия. Нет более возможности принимать отчужденную и диссоциированную роль письменного человека Запада» [4, С. 7]. В данном случае речь идет об индивидуальной ответственности коммуниканта. М. Маклюэн настаивает на необходимости пересмотра фрагментированных пространственных и временных моделей рациональности, мышления, сформированных в доэлектрическую эпоху. «Когнитивистски редуцированной модели рациональности, которая сформировалась и утвердилась в новоевропейской метафизике, может быть противопоставлена модель, основанная на языковом взаимопонимании, то есть коммуникативная рациональность». [1], которую концептуализирует немецкий философ и социолог Юрген Хабермас.

Ответственность «человека коммуницирующего», выраженного «в превосходящих нас самих» формах, «коммуникативная рациональность», которая

должна прийти на смену инструментальной рациональности индустриальной эпохи, раскрывается в теории коммуникативного действия [5]. Коммуникативная рациональность подразумевает наличие «интерсубъективно разделяемого коммуникативной общностью фонового знания» [6, С. 243]. Соответственно, «равное уважение к каждому распространяется не на себе подобных, но на личность другого в инаковости» [7, С. 48] повышает эффективность коммуникативного рационального познания.

Деятельностное проявление рациональности, направленное в идеальной ситуации на преобразование и развитие социума, осуществляется в ходе профессиональной самореализации человека, тогда как образовательные учреждения закладывают основы профессионального мышления и видения мира.

Таким образом, модели рациональности и мышления «электрической эпохи» требуют формирования активных самоорганизующихся коммуникативных сред, которые через «поиск инвариантов бытия осуществляет самотворение, используя внутренние игровые пространства свободы» [8, С. 69]. На наш взгляд, такая среда обладает рядом ярко выраженных свойств:

- моделирует образ мира и пространство взаимодействия, находящееся в состоянии постоянного развития, турбулентности, движения, процесса;

- это среда, формирующая особые условия взаимодействия, ценность которых определяется такими семантическими формулами, как «между», «через»; фиксируется постоянными переходами и превращениями различных форм творческой деятельности; обнаруживает себя в различных формах свободного интеллектуального обмена.

- это среда, которая создает такой уровень взаимодействия, при котором собственные рамки развития личности (в нашем случае, прежде всего, профессиональные) воспринимаются переменными величинами и требуют своего постоянного расширения.

Описанные признаки коммуникативной среды, на наш взгляд, наиболее соответствуют концепту «мета» как пространству взаимодействия, в котором элиминирование самых различных барьеров и границ создает возможности осуществления нового синтеза. Отметим, что прежде, чем этот концепт стал приобретать свое право на жизнь в гуманитарной науке, он получил достаточное распространение в области естественнонаучного знания. Например, в химии или физике (в органической химии «мета» используется для обозначения веществ, различных по составу и изомеров; в оптике метамерия обозначает свойство зрения, при котором свет различного спектра вызывает ощущение одного цвета). Гуманитарные истоки «мета» отсылают нас, прежде всего, к аристотелевской традиции «метафизики».

Помещая «метаконцепт» в коммуникативный контекст, мы, как уже отметили это выше, обнаруживаем инновационные смысловые оттенки, связанные с идеей междисциплинарности.

Традиционно понятие междисциплинарности соотносится с созданием общих точек соприкосновения или создания механизмов возможных пересечений изначально разных объектов, предметных областей взаимодействия (так создавалась, например, биофизика, биохимия и т. д.). «Мета» предполагает элиминирование, стирание этих границ, стыков, основное внимание, акцентируя на взаимопроникновении, на переходе к чему-то другому, на превращении этого пересечения (точек и механизмов столкновений) в иное качественное состояние.

Кафедра «Связи с общественностью» СПбГТУ «ЛЭТИ», реализующая научно-образовательную деятельность на методологическом базисе коммуникативного подхода формирует среду, соответствующую указанным ранее признакам, например, в рамках инициативных проектов, смоделированных для возможности участия представителей как гуманитарных, так и инженерных, естественнонаучных дисциплин:

LETI Communication Experts Festival (ранее – Фестиваль «PR – профессия третьего тысячелетия»), представляющий собой некую оргдеятельностную игру для будущих специалистов по социальной коммуникации из России и из-за рубежа [9, 10], в организации которого принимают участие студенты-гуманитарии и будущие инженеры. Содержание, качество реализации и количество участников Фестиваля напрямую зависят от вклада, т. е. ответственности студентов, его организующих;

Проектная школа LETI Science Art «Nautilus 4.0» [11], в ходе которой молодые ученые, работающие также в различных дисциплинах, формируют концепцию S&A-объекта в качестве «технологии эксплицитности», метафорически проблематизирующей ответственность человека за последствия своей деятельности;

Магистерская программа «Реклама и связи с общественностью в высокотехнологичных отраслях» [12], в дизайне которой сочетается приобретение как гуманитарных, так и инженерных компетенций.

Такая коммуникативная среда формирует и развивает новый тип междисциплинарного взаимодействия и мышления, которое мы определяем как метаинженерное, характерное для метапрофессионалов, обладающих подвижным (флюидным) интеллектом, который обеспечивает наличие способности к творческой деятельности в сочетании с аналитическим складом ума.

Метамодернизм и коммуникативный подход формируют методологический базис метаинженерного мышления, подразумевающего многовариантность восприятия коммуникации адресатами, закладывающего логику Другого в модели осмысления мира, который находится в квантовом состоянии.

Отсутствие возможности выстраивать коммуникацию в ее жесткой линейной заданности, требует от метапрофессионала большей гибкости во взаимодействии с окружающими, больших усилий в донесении смыслов и открытости к различным вариантам их восприятия. Иными словами, человек, обладающий таким «открытым» типом мышления, обращается к другим сферам знания

для создания более целостного процесса творческого моделирования своего объекта, это становится сознанной и органичной для него необходимостью, естественной мотивацией его развития, а не мучительным преодолением чуждого опыта и коммуникативного барьера.

Открытое метаинженерное мышление способствует восприятию и становлению мира в его изменчивости и связанности, но требует и изменения «языка» взаимодействия, иных символических его проявлений. Соответственно, приращенное знание в результате коммуникативно рационального осмысления не является эксклюзивным для отдельного узкого избранного сообщества и может быть разделено членами коммуникативного сообщества на всех уровнях – социальном, научно-фундаментальном и пр.

Таким образом, для метапрофессионалов общества 6-го технологического уклада в условиях постоянно изменяющегося квантового мира необходимо формирование в научно-образовательном процессе метаинженерного мышления, которое рождается и развивается именно в открытой коммуникативной среде.

Источники:

1. Черняк Н. А. Взаимопонимание как механизм социальной регуляции в критической теории Ю. Хабермаса // Вестник Омского университета, 2003, № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimoponimanie-kak-mehanizm-sotsialnoy-regulyatsii-v-kriticheskoy-teorii-yu-habermasa> (дата обращения: 14.01.2023).
2. Гавра, Д. П. Основы теории коммуникации: уч. для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 20189
3. Понимание медиа. Внешние расширения человека. Маклюэн М. М., 2003. McLuhan, Herbert Marshall. Understanding Media: The Extensions Of Man. 1st Ed.: McGraw Hill, 1964; Reissued by MIT Press, 1994
4. Маклюэн Г. М. М15 Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003.
5. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, В.І-ІІ. Frankfurt, 1981.
6. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты) // Вопросы социальной теории. 2007. Т. 1. Вып. 1. С. 229-245.
7. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001.
8. Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос. 2004.
9. Официальный сайт LETI Communication Experts Festival // URL: <https://Pr-fest.org> (дата обращения: 14.01.2023).
10. Официальная группа LETI Communication Experts Festival // URL: https://vk.com/pr_fest (дата обращения: 14.01.2023).

11. Страница летней проектной школы LETI Science Art «Nautilus 4.0» // LETI Science Art (etu.ru) (дата обращения: 14.01.2023).

12. Официальный сайт СПбГЭТУ «ЛЭТИ» // Реклама и связи с общественностью в высокотехнологичных отраслях (etu.ru) (дата обращения: 14.01.2023).

L. V. Sharakhina (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

N. V. Shashkova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

M. V. Shutova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

METAENGINEERING AS A CONCEPRUAL FRAMEWORK FOR INTERDISCIPLINARY COMMUNICATION

The rise of sixth wave of innovation society requires changes in rationality models, developed during ante-electrical epoch. J. Habermas communicative approach and M. McLuhan «the medium is the message» concept, as a technology of individual's central nervous function explication, are introduced as a new type of mentality conceptual framework. Metaengineering mentality concept, which implicates cognitive fluidity and communicator's responsibility for variative perception of message by Other in a context of quantum world, openness to knowledge increment within communicative community by symbolic language formation, is substantiated. The features of active self-organizing environments are given illustrated by the ETU PR Study Department project examples.

Communicative approach, communicative rationality, metaengineering mentality, public relations, quantum world

УДК 378

О. А. Шередекина (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, e-mail: oksanasher@yandex.ru)

РОЛЬ МЕТОДА «ШЕСТЬ ШЛЯП МЫШЛЕНИЯ» В ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматривается актуальный в контексте компетентностного подхода, реализуемого в сфере высшего образования, метод «Шесть шляп мышления». В юридическом профессиональном образовании данный метод проблемного обучения позволяет сформировать универсальную компетенцию, отвечающую за критическое мышление, и ряд общепрофессиональных компетенций, идентифицируемых с профессиональными способностями юриста. Практика применения метода на занятиях по изучению юридического английского, также способствует совершенствованию профессионально-ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции.

Метод «Шесть шляп мышления», юридическая коммуникация, практико-ориентированное обучение, компетентностный подход

Современный юрист – это не просто специалист, обладающий правовым знанием и применяющий его в решении юридических задач, а профессионал, проявляющий инициативность и творческий подход в работе с клиентом. Поиск нестандартных решений кейсов у юриста обусловлен необходимостью представлять любую из сторон процесса: истца и ответчика, обвинения и обвиняемого. В рамках общего права, основанного на прецедентах, юрист часто имеет дело с кейсом, не имеющим аналогов (прецедентов), что требует от него индивидуального, нетривиального подхода к решению юридической задачи своего клиента.

Требования, предъявляемые к современному юристу, находят свое отражение в компетентностном подходе, реализуемом сегодня в высшем профессиональном юридическом образовании. Для юриста приоритетным становится умение оперировать знанием, включающее поиск значимой информации, ее обработку посредством сравнения данных из разных источников, анализа, синтеза, абстрагирования и обобщения полученных данных в контексте определенной юридической задачи. Немаловажным для юриста является умение интерпретировать узкоспециальное юридическое знание, делая его доступным простому обывателю. При этом юрист выступает в роли медиатора между языком права и общеупотребительным языком. В результате, актуальными для юридического образования следует считать не только универсальные компетенции, направленные на формирование системного и критического мышления (универсальная компетенция №1 (УК-1)) и общего умения осуществлять

коммуникацию (УК-4), но и общепрофессиональные компетенции. Так, согласно Федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования по направлению «Юриспруденция» от 13.09.2020 г. в процессе обучения у будущего юриста формируются способности осуществлять юридический анализ (общепрофессиональная компетенция №1 (ОПК-1)), решать юридические задачи в рамках правового пространства (ОПК-2), толковать право (ОПК-4), аргументировать позицию посредством правового аппарата (ОПК-5) и др. [1].

Реализации этих компетенций у юриста осуществляется через профессиональную коммуникацию как с клиентом, так и с представителями той же профессии в различных юридических контекстах (консультация, медиация, судебные прения и т. п.). Ознакомление будущих студентов с различными ситуациями юридического общения происходит в рамках практико-ориентированного обучения, позволяющего студенту примерить на себя роль практикующего юриста. Наиболее подходящим при этом является метод кейсов, практикуемый в профессиональном юридическом образовании с конца XIX века. Студенту предлагается проблемная ситуация юридического характера, которую он должен решить.

Однако данный метод не всегда позволяет в полной мере раскрыть юридический потенциал студента, а, в конечном счете, и всего рассматриваемого кейса. Это происходит из-за того, что студент подсознательно ограничивает свои маневры правовой номенклатурой, тогда как во многих ситуациях исход дела зависит от совершенно других факторов. Так, эмоциональность в некоторых делах дает значительное преимущество в суде с присяжными, а нестандартный вопрос может позволить юристу выиграть дело.

Инструментом, позволяющим студентам понять многоаспектность деятельности юриста, является метод «Шесть шляп мышления», разработанный в 1989 году практикующим психологом Эдвардом де Боро [2]. Изначально метод шести шляп мышления был предназначен для систематизации мыслительной деятельности и усовершенствования процесса мышления. Первая из заявленных задач предполагает проблемный контекст мыслительной деятельности. Постановка проблемы, требующей решения в рамках, к примеру, правовой юрисдикции, автоматически ограничивает мыслительные возможности человека. Он пытается разрешить проблему с позиции юриста, тогда как метод шести шляп мышления позволяет ему взглянуть на ситуацию с разных позиций и найти нестандартный выход. При этом в противовес логическому мышлению активируется латеральное мышление, обеспечивающее выход за пределы шаблонов и нацеленное на поиск максимального количества подходов к решению задачи.

Эффективность метода шести шляп мышления также заключается в особом подходе к решению проблемы, который возможен в контексте параллельного мышления. В отличие от параллельного мышления, традиционно приме-

няемое в обучении состязательное мышление не приводит к желаемому результату. Конкуренция позиций, взглядов на проблему порождает диспут, целью которого является интуитивное стремление отстоять свою точку зрения. В контексте параллельного мышления человек пробует примерить на себя другую шляпу, т. е. оценить ситуацию с другой позиции, что может натолкнуть его на новое нестандартное решение проблемы. Такой подход наиболее ценен в юридической сфере деятельности, где каждая новая юридическая задача имеет ряд нетипичных для ранних случаев производных.

В методе шести шляп параллельное мышление реализуется тремя способами. Во-первых, надев шляпу и приняв, тем самым, определенную роль, человек не отвлекается от основного направления, заданного шляпой, также как и другие представители этой группы. Во-вторых, озвучивание позиции происходит параллельно, т. е. диспут в этом случае не допускается. В-третьих, в основе результата обсуждения проблемы в рамках каждой отдельной шляпы лежит идея параллельности, т. е. конечные идеи разных групп не пересекаются, а представляют контекстуально-обусловленные трактовки одной и той же ситуации.

Потенциал метода шести шляп мышления активно применяется в практике профессионального образования в качестве вспомогательной техники по развитию мышления [3, 4], как инструмент мотивации студентов к обучению [5] и т. п. Нами метод шести шляп мышления используется одновременно для развития критического мышления (включая латентное и параллельное), формирования профессиональных способностей будущих юристов и профессионально-ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции.

Методику практического применения метода на занятиях по юридическому английскому можно представить следующим образом:

1) *ознакомительный этап* – студенты изучают информацию по функционалу каждой из шести шляп и определяют профессию или род деятельности, присущий данному типу мышления (ассоциация шляпы с определенным объектом снимает часть вопросов в отношении требований, предъявляемые к каждой шляпе);

2) *этап обсуждения* – а) студенты знакомятся с кейсом, изучаемым на занятии, б) делятся на группы, получают шляпу и обсуждают ситуации, отвечая на два вопроса: «С какой проблемой столкнется юрист в этом кейсе?» и «Каким вы видите исход дела с позиции шляпы? Почему?»;

3) *этап презентации позиции* – одна за другой группы представляют свое видение проблемной ситуации (на этом этапе диспут не допускается);

4) *этап определения наилучшего решения кейса* – студенты производят анализ услышанного и в своих группах предлагают итоговый вариант решения проблемы (на данном этапе студенты могут отступить от изложенной ими ранее позиции и принять вариант, предложенный другой группой).

Введение метода шести шляп мышления в учебный процесс, направленный на изучение юридического английского, показал свою эффективность. От

кейса к кейсу студенты все более четко формулировали свои позиции, соответствующие полученным ими шляпам. Анализ суждений всех групп на четвертом этапе реализации методов имел не только формальный характер, но и позволил студентам сделать глубокие суждения о профессии юриста, которая не ограничивается констатацией фактов, а определяется многогранностью, зависящей от юридических коммуникативных ситуаций. Тем самым, метод шести шляп обладает огромным потенциалом и позволяет сформировать ряд компетенций, типичных для специалиста юридической направленности, включая профессионально-ориентированную иноязычную коммуникативную компетенцию.

Источники:

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция. Текст: электронный // ФГОС: официальный сайт. 2020. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-40-03-01-yurisprudenciya-1011/> (дата обращения: 10.01.2023).
2. Де Боно Э. Шесть шляп мышления. СПб.: Питер Паблишинг, 1997.
3. Коваль Ю. Н., Коваль А. Н. Опыт применения метода «Шесть шляп мышления» при изучении дисциплины «Экологические основы природопользования» // Преимущество в образовании. М., 2021. №30 (12).
4. Сычева Н. В., Ефремова И. Ю. Применение метода «Шесть шляп мышления» на уроках права // Психология образования: проблемы и перспективы развития. Шадринск, 2021.
5. Ермолаева С. А. Использование метода шести шляп для повышения мотивации к изучению иностранного языка студентов технических университетов // Глобальный научный потенциал, 2021. №4.

O. A. Sheredekina (Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University)

THE ROLE OF THE «SIX THINKING HATS» METHOD IN TEACHING LEGAL COMMUNICATION IN ENGLISH

The article considers the «Six Thinking Hats» method, which is relevant in the context of the competence approach implemented in the field of higher education. In legal professional education, this method of problem-based learning allows a teacher to form a universal competence responsible for critical thinking, and a number of general professional competencies identified with the professional abilities of a lawyer. The practice of this method in legal English classes also contributes to the improvement of professionally-oriented foreign language communicative competence.

The «Six Thinking Hats» method, legal communication, practice-oriented training, competence approach

УДК 81-2

К. С. Широкова (Санкт-Петербургский государственный экономический университет «СПБГЭУ», e-mail: christineshirokova97@gmail.com)

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ЖАНРЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕСЕДЫ

В статье рассматриваются манипулятивные стратегии, актуальные для жанра англоязычной политической беседы, исследуются тактики, благодаря которым осуществляются манипулятивные стратегии в исследуемом жанре, выявляются средства их языковой реализации, актуальные для дискурсивной личности американского ведущего.

Стратегия, тактика, манипуляция, политическая беседа, коммуникативная цель, дискурсивная личность, медиаполитический дискурс

Политический дискурс в медиакоммуникации чаще оказывается в фокусе интересов лингвистики. Ученые проявляют интерес к политическому дискурсу, к изучению сущности и феноменологии политической медиакоммуникации, рассматривают, как посредством коммуникации участники того или иного вида медиапространства воздействуют на сознание широких масс, создают собственный имидж и индивидуальную языковую личность и т. п. В связи с этим появляется необходимость теоретического обоснования новых способов языковой номинации и реализации приемов воздействия на адресата в медиаполитической коммуникации.

Целью данной статьи является выявление специфики манипулятивных стратегий в дискурсе политической аналитической беседы на американском телевидении, а также изучение средств языковой реализации доминантных тактик манипуляции. Основными методами исследования являются метод количественной обработки данных и метод контекстуального анализа.

Материалом послужил корпус текстов, включающий в себя скрипты трех полных телепередач «ON THE HILL», общим объемом 2898 слов. В фокусе исследования находится дискурсивная личность Тома Фицджеральда, американского ведущего телевизионных новостей. Выпуски программ посвящены промежуточным выборам в Сенат США в 2022 году.

Во время беседы перед ведущим стояла стратегическая цель – узнать у приглашенных собеседников о текущей ситуации на выборах в Сенат США. В связи с этим можно выстроить гипотезы о коммуникативных задачах ведущего: благодаря манипулятивным стратегиям он попытается представить зрителю новую информацию о представителях партии, чтобы аудитория сформировала объективное мнение о политиках.

Согласно Г. В. Лазутиной, беседа как жанр аналитической журналистики «предполагает отчетливое осознание журналистом стоящих перед ним задач и выработку тактики, соответствующей условиям общения» [1, С. 4]. Цель беседы – освещение аспектов, достоинств, недостатков, связей обсуждаемого предмета разговора [2, С. 34], в связи с этим в беседе будет проявлено многостороннее, полифоническое видение предмета обсуждения. Беседа имеет определенные признаки: двусоставный характер текста, равнозначность ролей собеседников (участники равноправно высказывают суждения) [3, С. 2]. Однако каждый участник беседы преследует свои цели: получить определенную информацию, повлиять на собеседника, отстоять свою позицию и т. д.

Участники политической беседы, как правило, – это ведущий и политики, представляющие разные партии. Соответственно, каждая из сторон представляет разные типы обобщенно-типовых дискурсивных личностей. Задачей данной статьи является выявление специфики языковой реализации манипулятивных стратегий в дискурсе ведущего политической телевизионной беседы. Для дискурсивной личности ведущего характерны специфическая коммуникативная тональность, медийность, обусловленная «детерминацией форматными и техническими возможностями канала» [4, С. 323], социальная оценочность, идеологическая ориентация, полидискурсивность, интертекстуальность. Успешной коммуникации с аудиторией способствуют различные индивидуальные авторские навыки модификации текста, в числе которых журналистское мастерство, этико-аксиологический компонент, специфический контекстуальный художественный синкретизм. Таким образом, ведущий способен разными способами профессионально создавать условия для беседы между оппонентами и при необходимости менять ее курс для достижения своей коммуникативной цели, применяя при этом разные способы манипуляции.

Манипулятивные стратегии в политическом дискурсе неоднократно становились объектом лингвистических исследований. И. В. Сентенберг и В. И. Карасик расценивают речевые манипуляции как нарушение аргументации, Т. М. Николаева считает, что это своеобразное средство воспитания в ситуации «коммуникативного саботажа» и лингвистической демагогии, К. Л. Бове и У. Д. Аренс представляют речевую манипуляцию средством достижения цели через убеждение [5, С. 2].

В лингвистической литературе выделают манипулятивные стратегии и тактики. Под стратегией понимают направление речевой деятельности, которое определяет использование частных подструктур, способствующих реализации общего коммуникативного замысла, коммуникативных целей говорящего [6, С. 2]. Реализация стратегий возможна благодаря коммуникативным тактикам. Такие тактики – это «осознанный выбор тех средств общения, которые оказываются в данных условиях наиболее целесообразными и способны наилучшим образом обеспечить решение стоящих перед участниками беседы задач» [1, С. 6]. Таким образом, тактика является важным элементом для реализации коммуни-

кативной задачи при определенном этапе стратегии. Любая тактика осуществляется с помощью приемов – способов построения высказывания с применением отдельных лексических средств и синтаксических конструкций [7, С. 3].

Существуют три стратегии речевой манипуляции [8, С. 3].

Первая стратегия – это стратегия на повышение. Цель стратегии – сформировать положительную оценку об объекте у собеседника, т. е. увеличить значимость в глазах аудитории. В числе тактик, служащих реализации данной стратегии, выделяют: тактику «анализ плюс», тактику «презентации», тактику «отвода критики» и др. Количественный анализ показал, что доминантными тактиками стратегии «на повышение» в дискурсе ведущего аналитической беседы являются тактика «анализ-плюс» и тактика «презентации». В одной из передач Том Фицджеральд обращается к демократам, ссылаясь на слова Джо Байдена: *Here is what President Biden said about Democrats: “We are going to win this time around I think. I think we are going to keep the sin and pick up a seat. I think you have a chance of winning the house. I do not think we are going to not win keeping the house”*. Благодаря цитированию ведущий реализует тактику «анализ-плюс», основанную на описании ситуации или рассмотрении фактов, которые «имплицитно выражают положительное отношение к рассматриваемой ситуации» [9, С. 7]. Так он демонстрирует настрой президента на победу в выборах, формируя тем самым положительное представление у электората демократической партии об исходе выборной кампании. В передачах ведущий также использует тактику «презентации». Тактика «презентации» – это презентация более сильных сторон объекта [9, С. 8]. В одном из выпусков Том Фицджеральд отмечает заслуги политического лидера партии республиканцев: *When Ronald Reagan was President he talked about optimistic hopeful looking futures for the country and the country rallied around him delivering him massive wins in his presidential races*. Так, ведущий говорит об одном из важных умений президента – мотивации народа, представляя Рональда Рейгана с сильной стороны. В реплике языковая реализация тактики осуществляется посредством метафоры (*the country rallied around him*) и гиперболы (*massive wins*). В другом выпуске Том вспоминает Нэнси Пелоси, говоря о ней так: *Obviously, she is an historic person being the first female speaker in history. But what does she represent as far as a loss to the Democrats having been able to manage them through ups and downs over her term as Speaker?* Здесь используется тактика «презентации»: Том подчеркивает значение Нэнси Пелоси не только для демократов, но и для всех, используя причастный оборот (*being the first female speaker in history*), вводное слово со значением уверенности (*obviously*). Ведущий акцентирует внимание собеседников и слушателей на том, что Пелоси справлялась с руководством партии демократов в разные моменты, используя устойчивое словосочетание *ups and downs*.

Следующей манипулятивной стратегией является стратегия нейтральности [8, С. 6]. Цель стратегии – объективное изложение информации без эмоци-

онального подтекста, призыв к действию, обращение к идеалам. Для реализации стратегии нейтральности характерны тактика «побуждения», тактика «провокации», тактика «информирования» и др. По результатам количественного анализа, доминантные тактики стратегии нейтральности в дискурсе ведущего аналитической беседы – тактика «информирования» и тактика «провокации». Том Фицджеральд подчеркивает достижения демократов, однако также обращает внимание на проблемы, которые «остаются нерешенными»: *But greater when the democrats accentuate some of the successes they did have over the summer, a lot of it still comes down to these pocketbook issues. People paying more at the supermarket. More at the gas pumps, despite what the democrats are able to point to as their accomplishments. Does that win the day when it comes to who you're going to pull the lever for?* Для реализации стратегии ведущий путем противопоставления и приведения примеров говорит о ряде нерешенных проблем демократами, когда те делают акцент на своих успехах. Так, он использует тактику «информирования», что обозначает изложение реальных фактов без какой-либо характеристики по отношению к ним [9, С. 9]. В этом же выпуске он повторно реализует тактику «информирования» путем лексического повтора в следующей реплике: *When the Republicans go out and they talk about inflation inflation inflation inflation. They have been very good about identifying the problem not so much about telling voters what they would do to fix inflation. Is that by accident or design or they just not have a plan?* Таким образом, ведущий подчеркивает, что обозначенная проблема остается нерешенной. Стоит упомянуть, что «коммуникативная тактика редко реализуется в чистом виде – тактические схемы переплетаются, взаимодействуют, накладываются друг на друга» [10, С. 21]. Так, здесь применена тактика «провокации», основанная на призыве к действию [9, С. 11]. Таким образом, ведущий обращает внимание зрителей на деятельность республиканцев. Эта тактика реализуется посредством провокационного вопроса (*Is that by accident or design or they just not have a plan?*).

В некоторых случаях ведущей коммуникативно-прагматической стратегией является манипулятивная стратегия на понижение. Цель данной стратегии – формирование отрицательной оценки объекта у собеседника, заключается в стремлении ослабить позиции противника [8, С. 8]. Для реализации стратегии на понижение используются следующие тактики: «анализ-минус», «оскорбления», «обвинения» и др. Доминантной тактикой у исследуемого ведущего является тактика «анализ-минус» – проявление негативного отношения к объекту [9, С. 16]. В одном из выпусков Том Фицджеральд подчеркивает агрессивность предвыборной кампании республиканцев, применяя данную тактику: *But the one thing Republicans are good at, that may be better than Democrats, is scaring the wits out of their voters and getting them out to the polls off.*

Проведенный анализ позволил заключить, что основными манипулятивными тактиками, применяемыми ведущим аналитической беседы на политические темы, являются: тактика «информирование», тактика «провокация»,

тактика «презентации», тактики «анализ-плюс» и «анализ-минус». При использовании тех или иных тактик ведущий придерживается этики и «экологичности» речевых действий. Данный вывод подтверждается тем фактом, что во время бесед ведущий создает благоприятную атмосферу для общения, этот же вывод следует после изучения комментариев зрителей телепередач о располагающем к общению Томе.

Таким образом, для достижения стратегической цели беседы ведущими манипулятивными стратегиями телеведущего являются стратегия на повышение и стратегия нейтральности. Стратегия на понижение для Тома Фицджеральда менее актуальна, поскольку злоупотребление данной стратегией может вызвать негативную реакцию у говорящего, а аудитория в таком случае будет воспринимать ведущего как агрессора, не способного представить информацию о собеседниках иными способами.

Проведенный анализ демонстрирует, что манипулятивная стратегия является ведущей коммуникативной установкой в жанре аналитической беседы на политические темы на телевидении, а манипулятивные тактики и приемы, используемые участниками беседы, многочисленны и разнообразны.

Источники:

1. Лазутина Г. В. Технология и методика журналистского творчества. М., 1988.
2. Князев А. А. Энциклопедический словарь СМИ. Бишкек: Издательство КРСУ. А. А. Князев, 2002.
3. Пичугин А. В., Смирнов В. Б. Беседа: разновидность интервью или самостоятельный жанр? // Вестник ВолГУ. Серия 8. Вып. 4, 2005.
4. Казак М. Ю. Специфика современного медиатекста // Лингвистика речи. Медиастилистика / под ред. Г. Я. Солганика, Н. И. Клушиной, В. В. Славкиной, Н. В. Смирновой. М.: Флинта: Наука, 2012.
5. Рижинашвили И. У. Лингвистические механизмы тенденциозного представления событий в англо-американской периодике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1994.
6. Сковородников А. П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии // Риторика, лингвистика: сб. статей. Смоленск: СГПУ, 2004. Вып. 5.
7. Аграшева О. Е. Речевые манипуляции в политическом дискурсе США // Огарев-Online. 2017. №10 (99). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevye-manipulyatsii-v-politicheskom-diskurse-ssha> (дата обращения: 16.01.2023).
8. Михалева О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004.
9. Акопова Д. Р. Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2013, № 6 (1).

10. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2004.

K. S. Shirokova (Saint Petersburg state university of economics “SPSEU”)

MANIPULATIVE STRATEGIES IN THE GENRE OF POLITICAL CONVERSATION

The article describes a genre of political conversation. The article examines manipulative strategies relevant to the genre of political conversation and explores the tactics by which manipulative strategies are carried out. The article studies discursive personalities. The article reviews the means of their linguistic implementation, relevant to the discursive personality of the American presenter.

Strategy, tactics, manipulation, politician, political conversation, communicative purpose, discursive personality, political media discourse

УДК 009

А. Д. Шкутина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: anastasia.shkutina@gmail.com);

Ю. В. Ключев (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, e-mail: klim-yurish@inbox.ru)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ КАК НАПРАВЛЕНИЕ КОММУНИКАЦИОННОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье изучены аспекты социальных проектов, способствующих обеспечению эффективной коммуникационной и общественной деятельности различных организаций. Дана характеристика и приведены примеры успешных социокультурных проектов, которые получили большой отклик у целевых аудиторий крупных компаний.

Социокультурный проект, коммуникация, проектирование, коммуникационная деятельность, целевая аудитория

Социальным проектированием можно охарактеризовать тот или иной вид деятельности, который зачастую имеет прямое отношение к развитию социальной сферы, налаживанию эффективной социальной работы, а также преодолению всяческих возникающих социальных проблем [1].

Содержание социального проектирования может трактоваться различным понятийным контекстом, однако назначение таких проектов остается неизменным. Любой социальный проект, как правило, приводит к изменениям общественной среды и внедрению инноваций. Благодаря разработке социально направленных проектов компаниям удается выстроить эффективную коммуникацию с общественностью. В большинстве случаев социальное и социокультурное проектирование способствует конструированию бренда, его идей, целей и функционированию организации в целом.

В настоящее время в условиях быстро развивающегося современного рынка коммерческие организации активно конкурируют друг с другом. По мере изменения рыночных условий меняются и факторы успеха. Стремительное развитие общества влечет за собой изменения в социальных отношениях, социальная коммуникация приобретает значимую роль, вследствие которой складываются познания об окружающем мире. Происходит медиатизация, возрастает информационная и коммуникационная обусловленность сфер общественной деятельности, которые оказывают значительное воздействие на государственные, общественные и коммерческие организации.

В ряде ситуаций компании прибегают к разработке и реализации социальных проектов, имеющих большое количество тематических направлений. В. И. Курбатов и О. В. Курбатова отмечают, что одним из приоритетов при

реализации целевой установки социального проекта зачастую используется информационно-просветительские проекты, познавательные и поддерживающие, инновационные, социально-творческие, а также ценностно-ориентационные. Направления проектной деятельности определяются конкретными шагами по решению поставленных задач на проект, как правило, они зависят как от характера проблемы и основной идеи проекта, так и от возможностей, потенциала и располагающих компанией ресурсов соответствующей проектной области [2, С. 62–63].

Однако особенности разработки социокультурных проектов представляют собой формирование организованной динамической структуры, индивидуально разработанной программы действий и поставленных задач на проектные исследования, в рамках которых определяется значимость реализации социокультурного проекта, а также само воплощение проектного образца [3].

Проекты в социальной работе чаще всего реализуются при помощи различных информационно-коммуникационных технологий. Ф. Котлер пишет, что главной целью социально направленного проекта является формирование восприятия и принятие важной социальной идеи, которую хочет донести компания [4]. При этом оказывается большое влияние на дальнейшее развитие социальных изменений.

Методами организации социальных проектов предприниматели стремятся донести идею своего бизнеса. Ставятся цели улучшить уровень восприятия внешней общественностью транслируемых социальных аспектов, увеличить их узнаваемость, укрепить свою репутацию, а также повысить конкурентоспособность.

Социальные проекты многообразны по тематическим направлениям. Главный смысл социального и социокультурного проектирования заключается в создании новой социальной ценности конструируемых событий и мероприятий. Проект может нести в себе цель нововведения, модернизации, поддержания материальных или духовных ценностей. Как правило, социокультурные проекты не носят коммерческий характер, их цель не состоит в получении прибыли. Однако подобные проекты воздействуют на общество и признаются положительными по своему социальному значению.

Ярким примером является социокультурный проект «SOMNUM. Ментальное кино», который был инициирован ПАО «Газпром». Основу сюжета спектакля составляют истории улиц и домов, которые были восстановлены в ходе масштабной программы благоустройства, реализуемой компанией «Газпром» совместно с Администрацией Санкт-Петербурга [5].

Основной целью создания этого проекта была необходимость объединить новый культурный опыт и наследие предыдущих эпох с восприятием города современниками, тем самым дать возможность аудитории лучше чувствовать, замечать детали, переживать и понимать архитектурный облик Санкт-Петер-

бурга. SOMNUM – это не банальная экскурсия по городу, а прогулка с обращением к историческим фактам, своего рода масштабный спектакль под открытым небом.

Благодаря данному проекту петербуржцы и гости города смогли по-новому взглянуть на Санкт-Петербург, его историю и культуру.

Создатели проекта хотели показать новый формат интеграции ПАО «Газпром» в культурной повестке Санкт-Петербурга, постараться закрепить в сознании аудитории устойчивое представление о значительном социальном проекте компании. Важно отметить, что через этот проект создавался метафорический образ, который читался: «Создано людьми, влюбленными в город».

Также интересным примером в сфере социальных проектов является гендерная кампания казахстанского банка ForteBank, которая была направлена на поддержание женщин предпринимателей.

Банк является одной из крупнейших организаций на кредитном рынке Казахстана, позиционируется как доступный, предоставляющий свободу действий и мыслей. ForteBank реализует значительное количество уникальных предложений, в том числе кредитных, направленных на поддержание предпринимательской деятельности, одной из них является программа для женщин предпринимателей – ForteBusiness Woman, в рамках которой осуществлялось финансирование проектов женского предпринимательства [6]. Чтобы поддержать бизнес-леди, банк также реализовал проект «Бизнес – это и женское дело».

В рамках проекта был создан парфюм Forte Femme, имеющий значение «Сильная женщина», который преподносился предпринимательницам в подарок, в то же время, парфюм наносился на наличные деньги, которые проходили через бизнес процессы, реализованные женщинами. Также банкноты, благоухающие парфюмом, запускали в оборот через банкоматы и кассы ForteBank.

Главная задача заключалась в том, чтобы поменять мнение потребителей о женском бизнесе и вдохновить женщин на открытие и развитие своего дела. Таким образом, банк стремился показать, насколько велика роль женщин и их вклад в экономику страны.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что компаниям действительно важно создавать и сохранять эффективную коммуникацию между организацией и потребителем, формировать важные для самой организации и аудитории социальные контексты. Таким образом, одним из основных эффектов социокультурного проектирования является не просто укрепление деловой репутации и коммуникационных контактов, которые будут работать на прибыль компании, но и усиление доверия между акторами коммуникации. Социальные проекты становятся механизмом социальной инициативы, имеющей большие перспективы развития, а также своеобразным стимулом продолжения социокультурного проектирования.

Коммуникационный характер социальных проектов проявляется в особенностях их реализации, а также в организационно-управленческом аспекте.

Речь идет о выстраивании социальной и профессиональной коммуникации с внутренней и внешней общественностью компании, которая стремится донести свои послы через социальное проектирование.

В конечном счете, социальное проектирование занимает особое место в управлении компанией. Объем, характер и периодичность, а также успешность реализации социокультурных проектов может наглядно продемонстрировать желание и заинтересованность донести до целевых групп общественности активную социальную направленность своей деятельности и тем самым дополнительно увеличить публичный и коммуникационный капитал организации.

Источники:

1. Луков В. А. Социальное проектирование: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 350500 Социальная работа. М.: Московский гуманитарный ун-т: Флинта, 2013.
2. Курбатов В. И., Курбатова О.В. Социальное проектирование: учеб. пособие. Ростов на Дону: Феникс, 2012.
3. Котляров И. В. Теоретические основы социального проектирования. – Минск: Наука и техника, 1984.
4. Котлер Ф. Основы маркетинга. Краткий курс. М.: Издательский дом «Вильямс», 2007.
5. SOMNUM. Ментальное кино. [Электронный ресурс] URL: <https://somnum.spb.ru/> (дата обращения: 01.11.2022).
6. ForteBank [Электронный ресурс] URL: <https://forte.kz/> (дата обращения: 04.11.2022).

*A. D. Shkutina (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)
Yu. V. Klyuev (Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University)*

SOCIO-CULTURAL PROJECT AS A DIRECTION OF COMMUNICATION AND SOCIAL ACTIVITY

The article examines aspects of social projects that contribute to the effective communication and social activities of various organizations. It describes and gives examples of successful socio-cultural projects that have resonated strongly with the target audiences of large companies.

Sociocultural project, communication, design, communication activities, target audience

УДК 81`1

А. А. Шумков (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: noizen@mail.ru)

К ВОПРОСУ О ПАДЕЖЕ ПОДЛЕЖАЩЕГО В ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматривается подлежащее в финском языке, в том числе сопровождающееся формальной частицей. Посредством применения идеи двухчастности устанавливается, что финское подлежащее всегда образуется в номинативе, а причисляемые к партитивному падежу конструкции представляют собой слияние имплицитного нестабильного подлежащего в номинативе с партитивным второстепенным членом. С учетом разницы между местоимением и существительным высказано предположение, что в финском подлежащем может иметь место не только одинарная, но и двойная модификация.

Подлежащее, финский язык, партитив, семифинитив

Не должны ли мы быть особо благодарны Кириллу и Мефодию, трудами которых в IX веке появились славянские азбуки? Ведь самый первый письменный памятник, доносящий до нас древнее прибалтийско-финское языковое состояние – новгородская берестяная грамота № 292, на кириллице. В ней содержатся три строки, написанные на олонецком диалекте карельского языка. Документ датируется началом XII века, и был обнаружен в 1957 году во время археологической экспедиции Артемия Владимировича Арциховского. Первая прибалтийско-финская рукописная запись на латинице (около 1450 года) была сделана на старофинском языке, через сотню лет (около 1543 года) на нем появилась первая печатная книга. Это был «Букварь», изданный Михаэлем Агриколой, финским лютеранином-просветителем, переводчиком Библии и других богословских текстов, положившего начало литературному языку. Впрочем, вплоть до XVIII века финский язык формировался под влиянием переводов с шведского и латыни, и лишь начиная с 1831 года, когда было создано «Общество финской литературы», стали складываться благоприятные условия для развития художественного слова, а также для собирания фольклора. Следует отметить, что первые письменные памятники на староэстонском языке появились около 1520 года, наиболее древним считается «Кулламааская рукопись» – перевод трех католических молитв. Первая печатная книга на этом языке появилась уже в 1525 году, но, вследствие борьбы с лютеранством, была уничтожена. Впрочем, через десять лет был издан немецко-эстонский Катехизис. Первая эстонская грамматика составлена Йоганом Гутслаффом в 1648 году (на латинском языке). Художественная литература на эстонском языке активно развивалась в период эстонского Просвещения, с 1750 по 1840 год, в том числе благодаря творчеству Кристьяна Яака Петерсона. В 1863 году на восточном и западном

диалектах ливского языка было издано Евангелие от Матфея. Что же касается карельского языка, то кириллическая письменность была использована и в первой печатной книге (Евангелие от Матфея, 1820 год). Впоследствии началась конкуренция с латинским алфавитом, используемым в настоящее время, отчего карельский язык, согласно российским законам, не может получить в своей республике статус государственного. Знаменитый эпос «Калевала» был основан на старинных песнях, собранных финским ученым Элиасом Леннротом, большей частью, на территории Карелии. Полный текст эпоса был опубликован 1849 году. «Калевала» является одной из важнейших основ финской культуры.

Прибалтийско-финские языки составляют подгруппу финно-волжской группы финно-пермской подветви финно-угорской ветви в уральской языковой семье. К северным вариантам прибалтийско-финских языков относятся финский, карельский, вепский и ижорский, а к южным – эстонский (с близким ему языком сету), водский и ливский языки. Число носителей прибалтийско-финских языков в России катастрофически снижается. Если финским языком владеет порядка 5,4 миллиона человек, а эстонским – около 1 миллиона, то число носителей карельского языка составляет не более 35 тысяч. В отличие от многочисленных периодических печатных изданий на финском и эстонском языках, в настоящее время существует лишь одна карельская газета «Oma maa» (в России, с 1990 года) и один карельский журнал «Karjal Żurnualu» (в Финляндии, с 2011 года, там же усилиями «Общества карельского языка», основанного в 1995 году, начался выпуск книг на карельском). Интересно отметить, что в этих изданиях преимущественно используется олонецкий (ливвиковский) диалект. Данные по другим прибалтийско-финским языкам на территории Российской Федерации совершенно не утешительны – порядка 5 тысяч носителей вепского языка и около 2 сотен – ижорского, примерно столько же сету (в Эстонии не более 10 тысяч); водский язык практически исчез, осталось всего несколько человек, им владеющих. Впрочем, и в Латвии похожая ситуация с ливским – он считается мертвым языком, последний его носитель скончался в 2013 году.

Для славян, начавших переселение на Северо-Запад нынешней России около VI века, столкновение с финно-угорскими племенами, пришедшими сюда раньше, уже в I веке, несомненно означало столкновение менталитетов. Прежде всего, это обуславливалось значительной разницей языковых систем. Уральская и индоевропейская семьи языков выказывают весьма заметные различия, на всех ярусах языка. Однако в русском языке лексические заимствования из финно-угорских языков, в том числе прибалтийско-финских, не столь многочисленны. К ним относятся, например, семга, камбала, килька, корюшка, кумжа, навага, салака, морж, нерпа, норка, пельмени, пихта, пурга, рига. Влияние грамматического строя заметно лишь в диалектах русского языка и не может быть признано значительным. Тем не менее в топонимах Российской Федерации влияние уральской языковой семьи огромно – так, в гипотезах о возник-

новении топонима «Москва» нередки финно-угорские версии. На Северо-Западе России, в особенности в Ленинградской области и Санкт-Петербурге прибалтийско-финские основы нынешних топонимов наиболее часты.

Сосуществование русского языка с прибалтийско-финскими языками вызывает множество вопросов, связанных с интерференцией на всех ярусах языковой системы; в основном это касается лиц, оказавшихся в условиях многоязычия или же интересующихся, в любительском или профессиональном плане, обсуждаемым языковым стыком. На фонетическом и лексическом уровнях трудности усвоения различий вполне преодолимы; грамматический уровень, в особенности, синтаксис, представляется в этом плане наиболее сложным.

Между индоевропейскими и уральскими языками существует заметная разница в образовании подлежащно-сказуемых пар. Если останавливаться на самых глобальных отличиях, то следует отметить падеж подлежащего и сказуемое отрицание. Об образовании отрицательной конструкции сказуемого довольно подробно говорилось в [1]. В нашем докладе мы рассмотрим особенности образования подлежащего, иллюстрируя этот процесс примерами из финского языка. Заранее отметим, что прибалтийско-финские языки, преимущественно финский и эстонский, контактировали не только с русским, но и с германскими языками, северными и западными. Особо значимы контакты финского и эстонского языков с шведским и немецким языками, в частности, ситуация финско-шведского двуязычия, имеющая многовековую историю. Поэтому наряду с финскими примерами мы обратимся к материалу русского и шведского языков.

Подлежащее в индоевропейских языках, например, в русском и шведском, образуется в номинативе; в русском языке подлежащее гораздо чаще может быть имплицитным, чем в шведском. В уральских языках, в частности, в интересующей нас прибалтийско-финской подгруппе, например, в финском языке, считается, что подлежащее может образовываться в нескольких падежах, среди которых наиболее часты номинатив и партитив; имплицитное подлежащее распространено, пожалуй, не в меньшей степени, чем в русском. В отличие от русского языка, в шведском и финском подлежащее может сопровождаться формальной частицей местоименного или наречного происхождения; грамматическая функция этой частицы вызывает множество споров. Совершенно необъясненным вопросом является употребление этой формальной частицы в партитиве наряду с партитивом подлежащего. Вместе с тем именно она ограничивает сказуемое единственным числом и третьим лицом. Многие ученые, например, А. Хольмберг [1], О. Йэггли [2] и Л. Рицци [3] не обращают внимания на падеж и видят в этой частице некий эксплетив, значимый для порядка слов. Наиболее близко к раскрытию грамматической функции формальной частицы подошел А. Циммерлинг, установив, что «часть нулевых местоимений охарактеризована в плане падежа и рода, что связано не с семантикой, а с согласовательными ресурсами конкретного языка» [4]. Согласовательные ресурсы того или иного языка наиболее наглядно могут быть проиллюстрированы на глубинном уровне, для чего следует применять современные модельные методы.

Для представления особенностей образования, подлежащего в финском языке обратимся к идее двухчастности, высказанной в 1993 году в СПбГЭТУ «ЛЭТИ». В рамках этой идеи основными единицами системы языка признаются глагольный и субстантивный семифинитивы, из них выводятся словарные формы глагольных и субстантивных единиц, а также глагольные и субстантивные члены предложения (как главные, так и второстепенные), устанавливаются их взаимоотношения.

Вводятся понятия внутренних и внешних времени / пространства. Словарная форма глагольной / субстантивной единицы трактуется как глагольный / субстантивный семифинитив, поделенный на внутреннее время / пространство; глагольный / субстантивный член предложения – как глагольный / субстантивный семифинитив, умноженный на внешнее время / пространство. Допускается вакантность субстантивного семифинитива, что существенно важно для объяснения случаев имплицитного подлежащего.

Внешние время / пространство соотносятся с временными / пространственными уточнителями (возводящими семифинитивы в главные члены предложения) и с временными / пространственными прауточнителями (возводящими семифинитивы во второстепенные члены предложения). Отмечается расщепленность временного уточнителя на два плана – план настоящего и план прошедшего.

Взаимоотношения сказуемого и подлежащего определяются как уравнивание произведения глагольной единицы, внутреннего времени и удвоенного внешнего времени с произведением субстантивной единицы, внутреннего пространства и внешнего пространства, что дает формулу, совпадающую с формулой кинетической энергии [6]:

$$E \times t_{in} \times t_{ex} \times 2 = m \times l_{in} \times l_{ex} ,$$

где E – глагольная единица, t_{in} – внутреннее время, t_{ex} – внешнее время;

m – субстантивная единица, l_{in} – внутреннее пространство, l_{ex} – внешнее время.

Наиболее очевидная иллюстрация на примере шведского языка:

Det kan ha varit sådan model.

В этом примере *ha varit* – глагольный семифинитив, являющий собой произведение глагольной единицы *vara* (E) на внутреннее время (t_{in}), *kan* – временной уточнитель, т. е. внешнее время (t_{ex}); *sådan model* – субстантивный семифинитив, являющий собой произведение субстантивной единицы *model* (m) на внутреннее пространство (l_{in}), *det* (иногда *där*) – пространственный уточнитель, т. е. внешнее пространство (l_{ex}).

Устройство и функционирование второстепенных глагольных / субстантивных членов предложения также определяется известными физическими соотношениями, учитывающими, среди всего прочего, возможные искривления внешних пространства и времени массой и энергией соответственно.

Искривление внешних пространства и времени открывает возможность модификации уточнителей и прауточнителей семифинитивами. Модифициро-

ванный уточнитель может преобразоваться в главный член предложения, отчего семифинитив становится второстепенным членом, либо же не претерпевать этого преобразования [7].

В шведском языке пространственный уточнитель не модифицируется, и подлежащее представляет собой либо сверхслабый семифинитив, зафиксированный в сверхсильном уточнителе, либо слабый семифинитив, зафиксированный в сильном уточнителе, либо сверхслабый, слабый или сильный семифинитив, зафиксированный в слабом уточнителе.

Приведем примеры:

– сверхслабый семифинитив x сверхсильный уточнитель

Det är roligt att leka med barn.

– слабый семифинитив x сильный уточнитель

Det/där leker barn på gatan.

– сверхслабый семифинитив x слабый уточнитель

(Att) leka med barn är roligt.

– слабый семифинитив x слабый уточнитель

Barn leker på gatan.

– сильный семифинитив x слабый уточнитель

Barnen leker på gatan.

В финском языке, как нам представляется, пространственный уточнитель может быть как немодифицированным, так и модифицированным, а слабый субстантивный семифинитив и, стало быть, сильный пространственный уточнитель, отсутствуют. В случае немодифицированного пространственного уточнителя подлежащее представляет собой либо сверхслабый семифинитив, зафиксированный в сверхсильном уточнителе, либо сверхслабый или сильный семифинитив, зафиксированный в слабом уточнителе. Сильный семифинитив ослабляется весьма специфическим способом – главная субстантивная единица ставится в партитивный падеж, при этом сказуемое принимает третье лицо в единственном числе. По нашим предположениям, партитивная конструкция изначально восходит к подлежащему, построенному на модифицированном пространственном уточнителе. В случае модифицированного пространственного уточнителя подлежащее представляет собой либо сверхслабый семифинитив, зафиксированный в сверхслабомодифицированном сверхсильном уточнителе, либо сверхслабый или сильный семифинитив, зафиксированный в сверхслабомодифицированном или сильно модифицированном слабом уточнителе.

Приведем примеры:

– сверхслабый семифинитив x сверхсильный уточнитель

Se on kiva leikkiä lasten kanssa. или Se on kiva lasten kanssa leikkiminen.

– сверхслабый семифинитив x сверхслабомодифицированный сверхсильный уточнитель

этой конструкции, скорее всего, не существует – логично предположить, что модификация, в результате которой падеж главной субстантивной единицы

переменяется с номинатива на партитив, вызовет дальнейшее, и, разумеется фатальное ослабление и без того сверхслабого семифинитива

– сверхслабый семифинитив x слабый уточнитель

Leikkiä lasten kanssa on kivaa. или Lasten kanssa leikkiminen on kivaa.

– сверхслабый семифинитив x сверхслабомодифицированный слабый уточнитель

конструкция, по вышеизложенным причинам, не существует

– сверхслабый семифинитив x сильномодифицированный слабый уточнитель

конструкция, по вышеизложенным причинам, не существует

– сильный семифинитив x слабый уточнитель

Lapset leikkivät kadulla. или Kadulla leikkivät lapset.

– сильный семифинитив x сверхслабомодифицированный слабый уточнитель

в этой конструкции имплицитный сверхслабый местоименный семифинитив модифицирует слабый уточнитель, и они преобразуются в имплицитное нестабильное подлежащее, представляющее собой имплицитный сверхслабый местоименный семифинитив, зафиксированный в слабом уточнителе; сильный семифинитив *lapset*, оставшись без уточнителя, фиксируется в партитивном прауточнителе, а затем новообразованный второстепенный член *lapsia* сливается с новообразованным имплицитным нестабильным подлежащим:

Lapsia leikkii kadulla. или Kadulla leikkii lapsia.

– сильный семифинитив x сильномодифицированный слабый уточнитель

в этой конструкции сильный семифинитив местоимения *se* модифицирует слабый уточнитель, и они преобразуются в стабильное подлежащее, представляющее собой сильный семифинитив местоимения *se*, зафиксированный в слабом уточнителе; семифинитив *lapset*, оставшись без уточнителя, фиксируется в партитивном прауточнителе, образуя второстепенный член *lapsia*.

Однако в новообразованном стабильном подлежащем слабый уточнитель подвергается повторной модификации имплицитным сверхслабым местоименным семифинитивом и они преобразуются в имплицитное нестабильное подлежащее, представляющее собой имплицитный сверхслабый местоименный семифинитив, зафиксированный в слабом уточнителе; сильный семифинитив *se*, оставшись без уточнителя, фиксируется в партитивном прауточнителе, а затем новообразованный второстепенный член *sitä* сливается с новообразованным имплицитным нестабильным подлежащим.

Sitä leikkii lapsia kadulla. или Kadulla leikkii sitä lapsia.

Весьма интересным является тот факт, что сказуемое не может начинать предложение:

* Leikkii lapsia kadulla. или * Leikkii sitä lapsia kadulla.

Вероятно, это связано с правилами упорядочения пространственного и временного элементов в предложении, в частности, с правилом инверсии.

Особым случаем в финском языке является случай подлежащего в номинативе, представляющего собою сильный семифинитив местоимения *se*, зафиксированный в слабом пространственном уточнителе:

Se sataa. (1)

Иногда, по неизвестным причинам, в этом подлежащем слабый уточнитель подвергается модификации имплицитным сверхслабым местоименным семифинитивом и они преобразуются в имплицитное нестабильное подлежащее, представляющее собой имплицитный сверхслабый местоименный семифинитив, зафиксированный в слабом уточнителе; сильный семифинитив *se*, оставшись без уточнителя, фиксируется в партитивном прауточнителе, а затем новообразованный второстепенный член *sitä* сливается с новообразованным имплицитным нестабильным подлежащим:

Sitä sataa. (2) или Nyt sataa sitä. (3)

Однако слабый уточнитель может быть модифицирован сильным семифинитивом местоимения *se*, и они преобразуются в стабильное подлежащее, представляющее собой сильный семифинитив местоимения *se*, зафиксированный в слабом уточнителе; семифинитив *se*, оставшись без уточнителя, фиксируется в партитивном прауточнителе, образуя второстепенный член *sitä*. Следует ожидать, что в новообразованном стабильном подлежащем слабый уточнитель подвергается повторной модификации имплицитным сверхслабым местоименным семифинитивом и они преобразуются в имплицитное нестабильное подлежащее, представляющее собой имплицитный сверхслабый местоименный семифинитив, зафиксированный в слабом уточнителе; сильный семифинитив *se*, оставшись без уточнителя, фиксируется в партитивном прауточнителе, а затем новообразованный второстепенный член *sitä* сливается с новообразованным имплицитным нестабильным подлежащим:

Sitä sataa sitä. (4)

Примеров таких конструкций крайне мало – «Täällä *sitä* sataa *sitä* sun tätä niskaan.» («От дождя промокла шея.»), «*Sitä* tulee *sitä* asiaa niin paljon.» («Таких вещей станет много.»), «*Sitä* on *sitä* rasismiakin monenlaista.» («Существует много разновидностей расизма.»), «Ja *sitä* oli *sitä* tavaraa kaikenlaista.» («И там была всякая всячина.»).

В основном, повторная модификация в случае местоимения *se* не предпринимается:

Se sataa sitä. (5)

Вероятно, это связано с тем, что местоимение и существительное являются собой разные части речи; в идее двухчастности семифинитивам местоимения и существительного приписываются близкие, но различные прочности. Семифинитив местоимения может быть только сильным, семифинитив существительного – как сильным, так и слабым. Повторная модификация оправдана в случае существительного, способного возводиться в слабый семифинитив, она служит дополнительным подтверждением этой способности. В случае местоимения повторная модификация также возможна, но применяется, в отсутствие слабых местоименных семифинитивов, крайне редко.

Еще более особым случаем в финском языке является случай подлежащего в номинативе, представляющего собою имплицитный сильный местоименный семифинитив, зафиксированный в слабом пространственном уточнителе:

Ø sataa. (1a)

Иногда, по неизвестным причинам, в этом подлежащем слабый уточнитель подвергается модификации имплицитным сверхслабым местоименным семифинитивом и они преобразуются в имплицитное нестабильное подлежащее, представляющее собой имплицитный сверхслабый местоименный семифинитив, зафиксированный в слабом уточнителе; сильный местоименный семифинитив *ø*, оставшись без уточнителя, фиксируется в партитивном прауточнителе, а затем новообразованный второстепенный член *ø* сливается с новообразованным имплицитным нестабильным подлежащим:

Ø sataa. (2a) или Nyт sataa *ø*. (3a)

Однако слабый уточнитель может быть модифицирован сильным семифинитивом местоимения *se*, и они преобразуются в стабильное подлежащее, представляющее собой сильный семифинитив местоимения *se*, зафиксированный в слабом уточнителе; семифинитив *ø*, оставшись без уточнителя, фиксируется в партитивном прауточнителе, образуя второстепенный член *ø*. Следует ожидать, что в новообразованном стабильном подлежащем слабый уточнитель подвергается повторной модификации имплицитным сверхслабым местоименным семифинитивом и они преобразуются в имплицитное нестабильное подлежащее, представляющее собой имплицитный сверхслабый местоименный семифинитив, зафиксированный в слабом уточнителе; сильный семифинитив *se*, оставшись без уточнителя, фиксируется в партитивном прауточнителе, а затем новообразованный второстепенный член *sitä* сливается с новообразованным имплицитным нестабильным подлежащим:

Sitä sataa *ø*. (4a)

В основном, по вышеизложенным причинам, повторная модификация в случае местоимения *se* не предпринимается:

Se sataa *ø*. (5a)

Легко видеть, что конструкции (1) и (5a), (2) и (4a), а также (1a) и (2a) на поверхностном уровне ничем не отличаются друг от друга, однако на глубинном уровне разница принципиальна. Так, *se* может быть либо сильным семифинитивом местоимения *se*, фиксирующимся в слабом уточнителе (1), либо сильным семифинитивом *se*, модифицирующим слабый уточнитель, после чего они преобразуются в подлежащее (5a). *Sitä* может быть либо второстепенным членом, восходящим к сильному семифинитиву местоимения *se*, фиксирующемуся в слабом уточнителе (2), либо второстепенным членом, восходящим к сильному семифинитиву местоимения *se*, модифицирующему слабый уточнитель, после чего они преобразуются в подлежащее, слабый уточнитель которого подвергается повторной модификации имплицитным сверхслабым местоименным семифинитивом (4a). *Ø* в конструкции (1a) представляет собой имплицитный сильный местоименный семифинитив, зафиксированный в слабом уточнителе,

т. е. один имплицитный член предложения, а *ø* в конструкции (2а) – партитивный второстепенный член, слившийся с имплицитным нестабильным подлежащим, являющимся слабым пространственным уточнителем, в котором фиксируется имплицитный сверхслабый местоименный семифинитив, т. е., фактически, симбиозом двух имплицитных членов предложения.

Тем самым, посредством оригинальной модели удается объяснить устройство финского подлежащего, образующегося, как удается показать, только в номинативе. В номинативе подлежащее строится так же, как и в индоевропейских языках – на немодифицированном пространственном уточнителе. Партитивный падеж принимается лишь второстепенным членом, который может сливаться с нестабильным имплицитным подлежащим, вызывая видимость образования подлежащего в партитиве. Образование подлежащего в номинативе маркирует силу семифинитива, а слияние партитивного второстепенного члена с нестабильным имплицитным подлежащим в номинативе – «падежную» (а не «артиклевую») слабость, по сути, сильного семифинитива. В случае существительного может проводиться как одинарная, так и двойная модификация. Одинарная модификация проводится имплицитным сверхслабым местоименным семифинитивом, а двойная – сначала сильным семифинитивом местоимения *se*, в затем имплицитным сверхслабым местоименным семифинитивом. В случае местоимения (как эксплицитного, так и имплицитного) проводится, в основном, одинарная модификация – либо имплицитным сверхслабым местоименным семифинитивом, либо сильным семифинитивом местоимения *se*.

Источники:

1. Журавлева О. М., Преображенская О. А., Ульяницкая Л. А., Шумков А. А. Русский север в финно-угорском окружении. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2016.
2. Holmberg A. Is there a little pro? Evidence from Finnish // *Linguistic Inquiry*, 2005, №36 (4). pp. 533–564.
3. Jaeggli O., Safir K. The null subject parameter. 1989. Dordrecht: Kluwer, 1989.
4. Rizzi L. Null subjects in Italian and the Theory of pro // *Linguistic Inquiry*, 1986, №17 (3). pp 501–557.
5. Циммерлинг А. В. 2008. Нулевые лексемы в синтаксисе: догматика и типология // *Acta linguistica Petropolitana IV*. 2008, часть 2. С. 226–244.
6. Степаненко И. С., Шумков А. А. К вопросу о физическом устройстве системы языка // *Наука и образование: технология успеха: сб. докл. Междунар. науч. конф.* СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2016. С. 200–204.
7. Ульяницкая Л. А. Структурные типы главных членов предложения во французском и нидерландском языках // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 11 (77). Ч. 3. С. 170–174.

A. A. *Shumkov* (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

***TOWARDS THE QUESTION ON THE CASE OF THE SUBJECT IN
FINNISH***

The subject in Finnish is considered, including constructions with formal particle. By means of the binomiality idea it is established, that Finnish subject is always formed in Nominativ and the constructions, ranked as Partitiv subject, are fusions of implicit unstable subject in Nominativ with secondary part in Partitive. Tailored to the difference between pronoun and noun an assumption is made, that not only a single modification may take place in Finnish subject, but also a double one.

Subject, Finnish, Partitiv, semifinitive

УДК 83. 41

Н. Ф. Щербак (Санкт-Петербургский государственный университет
ORCID: 0000-0001-8725-9717; e-mail: alpha-12@yandex; n.sherbak@spbu.ru)

**ПРОБЛЕМАТИКА «РЕДАКЦИРОВАНИЯ ГЕНОМА» КАК
МЕТАФОРА ЭСТЕТИЧЕСКИХ И ЭТИЧЕСКИХ НАРУШЕНИЙ
(НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И
КИНЕМАТОГРАФА)**

В исследовании рассмотрен вопрос, связанный с анализом современной англоязычной прозы (на примере романа Ж. Винтерсон «Frankissstein, история любви») и современного кинематографа (на примере корейского фильма «Решение уйти» (2021)). При анализе данных произведений используется структурно-семантический и прагма-когнитивный анализы. Сюжет романа Д. Винтерсон – пример нарочитого искажения этических норм, что сочетается в тексте с инновациями эстетического плана, метамодернистическими техниками (реферирует к проблематике «научного вторжение человека» в различные области знаний). «Решение уйти» – иллюстрация феномена трансцендентности знака. Любая коммуникативная ситуация не ограничивается привычным окружением, но окружающий мир (телефонные звонки, интернет – сообщения, любые другие гаджеты) могут являть собой полноправных участников коммуникации.

Теория знака, трансцендентность знака, мета-модернизм, постмодернизм, гаджеты, искусственный интеллект

В исследовании рассмотрен вопрос, связанный с анализом современной англоязычной прозы (на примере позднего романа Ж. Винтерсон «Frankissstein, история любви») и современного кинематографа (на примере фильма «Решение уйти» (2021)). При анализе данного произведения и фильма используется структурно-семантический и прагма-когнитивный анализы.

Сюжет романа Д. Винтерсон представляет собой пример нарочитого искажения этических норм, совмещает в себе историю, связанную с трансгендерными операциями, и историю Франкенштейна (романа Мэри Шелли). Подобные этические искажения сочетаются в тексте с инновациями эстетического плана, например, сжатием, осцилляцией, то есть метамодернистическими техниками. Данная реализация указывает на проблематику «научное вторжение человека» в области знаний, и связанных с этим этических сложностей. В свою очередь, кинокартина «Решение уйти» становится хорошей иллюстрацией другого феномена, а именно, трансцендентности знака, то есть показывает, что любая коммуникативная ситуация не ограничивается привыч-

ным окружением, но окружающий мир (телефонные звонки, интернет – сообщения, любые другие гаджеты) могут являть собой полноправных участников коммуникации.

Роман Ж. Винтерсон «Frankisstein, a love story» (2019) изначально берет за основу сюжет, в котором главный герой является трансгендерным хирургом. Подобный выбор героя – нарочитый вызов устоявшимся нормам и правилам. Но в тексте дело не ограничивается только вопросом правомерности некоторых операций, так как в повествование вводится еще один метафорический план повествования, история Мэри Шелли, романтической поэтессы XIX века и созданного ею произведения «Франкенштейн». Для автора данное произведение, созданное Мэри Шелли – это не только вопрос смелости научного знания, это и вопрос, связанный с проблематикой феминизма. Может ли женщина-автор говорить о чем-то в XIX или XX веке, имеет ли она право на свою идентичность.

Данное произведение становится еще более понятно при приложении пост-модернистической оптики рассмотрения. Его отличает большое количество нововведений эстетического плана, языковых искажений, что приближает его скорее к поэтическому произведению. Синкретизм – еще одно свойство прозы Винтерсон, которое оживляет нарратив, вдыхает в него жизнь. Таким образом, можно говорить о том, что в тексте воочию действует теория Жака Дерриды в отношении деконструкции текста, в котором одновременно реализуется множество значений, иногда взаимоисключающих друг друга. Текст, таким образом, создает свою собственную реальность, кривое зеркало окружающей действительности. Важным выводом становится тот факт, что если при повествовании об искажении этических норм, читатель скорее ужасается, то нововведения эстетического плана его мобилизуют, и помогают прочувствовать произведение лучше и тоньше.

Экология слушания, как феномен рецепции текста, позволяет увидеть в нем те детали, которые не видны обычным взглядом. Проза Ж. Винтерсон вскрывает потенциал текста и языка, его неограниченные способности и плацдарм для самовыражения [1].

С экологией слушания, как и с пристальным вниманием к теории знака, связана проблематика современного кинематографа. Для понимания некоторых его свойств, нам будет важно положение Павла Флоренского о трансцендентности знака [2]. В своей известной работе «Иконостас» известный богослов повествует о том, как верующий человек наблюдает за иконой Андрея Рублева «Троица». Неверующий человек видит «доску с красками», в то время как верующий – видит Бога. В этом акценте на форму восприятия, и со-настроенности ситуации – вскрывается важная особенность знаковой системы, ее потенциальная возможность к трансцендентности. То есть традиционная форма коммуникации, которая описана, например, в социальных теориях языка [3], [4], предполагает, что участниками коммуникативной ситуации являются исключительно участники ситуации, то есть говорящие. При таком традиционном

взгляде «за бортом» исследования оказываются те «сообщения», которые говорящий или слушающий получает на мобильный телефон, случайные телефонные звонки, голоса проходящих людей, который мы слышим. Свойство знака к трансцендентности помогает осознать, что «мир» разговаривает с нами более сложным образом, чем мы к этому привыкли.

В фильме «Решение уйти» (2021) отчетливо выражена тема «гаджетов». Главная героиня фильма – китайка, которую следователь подозревает в убийстве своего мужа. Следователь додумывает историю, наблюдает за подозреваемой, свои мысли и идеи он записывает на магнитофонную пленку, а возможные следы «свидетельств» преступления – фотографирует. В какой-то момент он влюбляется в подсудимую, желая уберечь ее от наказания – стирает память, все те улики, которые удалось найти, и которые за одно мгновение просто исчезают. Гаджеты – следы памяти, ее хранители, они поддаются коррекции, как поддается коррекции нарратив жизни, которые каждый из героев выписывает. В этом смысле, фильм «Решение уйти» – яркий пример «трансцендентности кино-нарратива», участниками коммуникации могут стать не только люди, но следы их действий, фотографии событий или преступлений, придуманные, или наоборот, скрытые факты. В данном случае, действует возможность обрести понимание не посредством репрезентации, а посредством повторения [5]. Истинный ход событий достраивается благодаря сборке разрозненных фактов, которыми могут быть и красивые кадры фильма: обе руки (каждого из героев, сидящих в машине) – в наручниках, мы видим при этом лишь одно обручальное кольцо; героиня – резко уворачивается и раскрывает над собой зонтик; герой выхватывает нож – а другой герой перехватывает его руки металлическими наручниками.

Итак, современная литература и кинематограф активно изучают тематику «редактирования генома», тех самых проблем, которые, возможно, человечеству не стоит решать. Сила науки подчас оспаривается, показывается, что случай может быть значительное более эффективным корректором, чем четкая, логичная мысль. Новые эстетические средства помогают писателям и кинематографистам реализовать данные идея в пространстве своих произведений.

Источники:

1. П. А. Флоренский и культура его времени. Под ред. М. Хагемайстера и Н. Каухчишвили. Blaue Horner Verlag, Marburg, 1995.
2. Щербак Н. Иерархия смыслов и трансцендентность знака: гипотезы и реалии (о знаке и его свойствах в работах Павла Флоренского). Топос, 8 (12), М., 2018.
3. M. A. K. Halliday, Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning. London: Edward Arnold, 1978.
4. Van Dijk, T. Society and Discourse: how social contexts influence text and talk, London, 2008.

5. Deleuze, G. *Različiyе y povtoreniye* [Difference and Repetition]. St. Petersburg: Petropolis, 1998.

N. F. Scherbak (Saint Petersburg State University)

***THE PROBLEM OF «GENOME EDITING» AS A METAPHOR FOR
AESTHETIC AND ETHICAL VIOLATIONS
(ON THE EXAMPLE OF FICTION AND CINEMA)***

*The study examines the issue related to the analysis of modern English-language prose (on the example of the novel by J. Winterson's *Frankissstein*, a love story) and modern cinema (using the example of the Korean film *The Decision to Leave* (2021)). Structural-semantic and pragmatic-cognitive analyses are used in the analysis of these works. The plot of Winterson's novel is an example of deliberate distortion of ethical norms, which are combined in the text with aesthetic innovations, metamodernistic techniques (refers to the problem of «scientific invasion of man» in various fields of knowledge). *The Decision to Leave* is an illustration of the phenomenon of the transcendence of the sign. Any communicative situation is not limited to the usual environment, but the surrounding world (phone calls, Internet messages, any other gadgets) can be full participants in communication.*

Sign theory, sign transcendence, meta-modernism, post-modernism, gadgets, artificial intelligence

УДК 130.2

А. В. Щербина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: ashcherbina@list.ru)

**К МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИМ ИСТОКАМ РУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ:
«РОССИЯ И ЕВРОПА» Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО
(к 200-летию юбилею ученого)**

Показано мировоззренческое и методологическое значение типологического подхода к мировой истории, предложенного Н. Я. Данилевским в труде «Россия и Европа» и разработанного на этой основе метода моделирования сравнительных типов. Культурно-исторические типы – это особенные деидеологизированные понятия, конструируемые для анализа исторических событий, построения моделей и сценариев взаимодействия «исторических индивидуальностей» и выделения существенных элементов потенциала их будущего развития. Наблюдаемый новый этап во взаимодействии России и Европы характеризуется политической бессубъектностью Европы, снижением ее роли в мир-хозяйственных связях и притязанием России на суверенность, соразмерную ее природному и культурному потенциалу.

Н. Я. Данилевский, «Россия и Европа», историцизм, социальная эволюция, типологический подход, культурно-исторический тип, историческая индивидуальность, идеально-типические понятия

Принципы историцизма, эволюционизма, прогрессизма, запечатленные в классической западной социологии в ее базовой схеме интерпретации социальных изменений («традиция и современность») благодаря «социологическому просвещению» сегодня проникли в социальные представления. В этой схеме формула «Россия и Европа» читается так: догоняющая, модернизирующаяся, встраивающаяся, глобализирующаяся, т. е. отсталая, традиционалистская, маргинальная, внутренне расколота Россия и передовая, субъектная, задающая стандарт развитости Европа (Запад). Данилевский был первым, кто деидеологизировал эту формулу. Он предложил подходы и концептуальные модели, которые, при условии их обновления (посредством обращения к истокам с учетом разрывов в традиции), имеют высокое эвристическое значение для социально-гуманитарного познания. Думается, что и на социальные представления кризисного массового сознания идеи Данилевского могут произвести своего рода терапевтическое воздействие

Книга «Россия и Европа» вызывает сильный эмоциональный отклик у современного читателя. Упущенные возможности, неслышанные предостережения; то, что в 60-ые гг. 19 в. ее автору казалось прочным и даже образцовым

(добровольное соединение Малороссии с Россией [1, С. 484]), сегодня разрушено, мечта о славянском союзе и роли в нем России выглядит утопией. Так оно и есть: утопии – это «эйдосы» конструктивного сознания (К. Мангейм на примере утопии раннего либерализма показал, как они «работают»). Заявленные тематические рубрики книги: «Европа не признает нас своими», «Либерализм России не уменьшает вражды к ней», «Россия не может быть членом европейской политической системы», «Смотрение на дела России сквозь европейские очки» и целые страницы текста читаются так, будто они написаны сегодня. Злободневные для нас вопросы были сформулированы полтора века назад Данилевским. У нас есть возможность сравнить «ответы», предложенные им и его современниками, с теми, которые мы сами хотим и готовы дать сегодня, опираясь на опыты практического («окончательного») разрешения этих вопросов на крутых поворотах отечественной истории.

Классическая социология сформировалась как наука в качестве теории возникновения современного индустриального общества в социальных образованиях традиционного типа и в противоположность им. Процесс модернизации осмыслен в ней как закономерная социальная эволюция. Впечатляющие картины потока всемирной истории, нарисованные в классической социологии современниками Данилевского (Конт, Спенсер, Маркс, Дюркгейм) способствовали оформлению т.н. «историцизма» (К. Поппер). История предстала неким субъектом, для которого индивиды, народы – орудия реализации заведомо благих прогрессивных целей. Финализм, детерминизм, идея провиденциальной разумной необходимости, осмысление настоящего как истины прошлого и презрительно-ироническое отношение к упущенным и нереализованным возможностям, – характерные черты своего рода «культы истории» как разновидности «религии человекобожества».

Приоритет в постановке задачи выражения средствами науки проблемы единства человеческого рода и многообразия человеческих путей в истории принадлежит автору книги «Россия и Европа». Данилевский одним из первых (задолго до Шпенглера, Сорокина, Тойнби) ее сформулировал и предложил решение, развивая типологический подход к мировой истории.

Историческое бытие присуще только тому, что временно в своей основе – индивидуальному. Только оно совершает свою собственную историю, осуществляет себя, сбывается (а не «имеет историю»). Так понятая история – межличностная, интерсубъективная реальность, а типологические понятия – мыслительные конструкции, необходимые для того, чтобы уловить взаимодействие множества индивидов во времени и пространстве индивидуальных событий.

Культурно-исторические типы – это особенные понятия, создаваемые для постижения исторических индивидуальностей. В противоположность абстрактному универсализму всемирно-исторической точки зрения и опирающейся на нее концепции социальной эволюции типологический подход позволяет принимать во внимание конкретно-исторические детали и отображать значимые характеристики индивидуальных явлений, сопоставлять и обобщать

их, не увязая в локальных исследованиях. Важно и то, что типологические понятия направлены на деидеологизацию, – снижение идеологической заряженности (позитивной и негативной) предмета исследования.

Идея исторической индивидуальности позднее стала предметом методологической рефлексии неокантианцев и получила свое развитие в XX в. Типологический подход развивал М. Вебер и его многочисленные последователи. Нам важно, напоминая о первенстве Данилевского в ряду сторонников индивидуализирующего метода, обратить внимание на своего рода парадигмальное значение его личности для русской социологии: научная и социальная значимость социологического исследования определяется историческим видением исследователя, связанным с его ценностным сознанием.

Данилевского можно считать «пионером» синкретического метода исследования социально-исторических процессов, – метода моделирования сравнительных типов. Мировоззренческим основанием определения и выбора движущей силы и образца для «равнения» у Данилевского выступает не «автономный индивид», не свободная, творческая, имущая личность современного ему гражданского общества Франции и Англии, а национально-государственная культурно-историческая общность. Т. е. вся известная и мыслимая история понимается не как отдельный субъект, и не только как сумма действий отдельных индивидов в разные исторические периоды («эпохи»), но как зарождение, становление, накопление сил, расцвет и увядание ряда самобытных цивилизаций. Вся социальная проблематика, обсуждаемая в пореформенную эпоху в России 60-ых гг. 19 в. в категориях политико-правовых норм формирования личности, ее прав и свобод, долженствующих быть установленными, Данилевским признается, но по факту оказывается вторичной в поле его интересов и приоритетов.

Применение биографического метода в истории русской социально-гуманитарной мысли с учетом того, какое воздействие на нее оказала структура русской образованности, весьма продуктивно. Незрелость институциональных условий, разрывы традиций, отсутствие научных школ, преемственности исследований сообщают роли личности в интеллектуальной истории России большое значение. Народник Михайловский, типичный интеллигент, публицист, литературный критик, связанный с революционной организацией «Народная воля» и тайный советник, исследователь-естественник, управленец Данилевский – оба пытаются осмыслить ход истории и место в ней России. Но как различаются предметы интереса! Внимание социалиста-утописта (позднее – нормализованного социолога), воодушевленного идеей о свободном выборе идеала общественного развития, который призвана реализовать передовая интеллигенция, направлено на город, промышленный капитал, наемный труд, науку и производство. Он чаёт «освобождения народа», гарантированного институционализацией политических и правовых индивидуальных свобод. Внимание Данилевского направлено на природу, душу и характер: климат, масштабы природных запасов, традиции землепользования, организация

хозяйственной жизни, расширенное воспроизводство ресурсов, и этнографические, социально-психологические, культурные характеристики русского народа. Для отечественной социологии аналитическая перспектива, намеченная Данилевским, может быть весьма плодотворной, ведь значение таких факторов, как территория и ресурсы, по мере включения России в мировые хозяйственные связи, только возрастает. Напомним, что именно оригинальное «удовлетворительное решение общественно-экономической задачи» [1, С. 508], согласно Данилевскому, – залог нашего исторического существования. В отличие как от славянофилов, так и от западников-марксистов он не считал, что образец этого решения уже готов.

Оригинальность осмысления социально-исторического процесса в труде Данилевского проявляется в методологии: в определении объекта исследования и категориально-понятийной структуре его познания. Подходы, разрабатываемые в современных ему палеонтологии, ботанике, зоологии используются для описания эволюционно-циклической системы жизни и смерти социальных организмов. Селекционно-ботанические аналогии, – «привитая культура – дичок», «пересадка – конкуренция», «почва – удобрение» и т. п. привлекаются для анализа форм взаимодействия и взаимовлияния народов разных культурно-исторических типов.

Непреодолимое значение книги «Россия и Европа» состоит в том, что Данилевским заявлена актуальная до сих пор политическая повестка: Российская империя как автономный самодостаточный субъект (в географическом, ресурсном, хозяйственном, культурно-мировоззренческом аспектах) и соседствующая с ней и одновременно противодействующая ей Европа. В книге развернут анализ конкретных социально-политических событий за прошедшие 200 лет: показано, как формировались нерусские провинции России в Средней Азии, на Кавказе, в Закавказье, в Восточной и Северной Европе (Прибалтика, Финляндия, Польша), и какого перераспределения ресурсов в ущерб основным русским губерниям это потребовало. Автор проводит сравнение колониальной политики всех европейских империй и в результате доказывает, что войны, которыми сопровождалось присоединение российских провинций, были со стороны России не захватническими, а оборонительными.

За истекшие после написания «России и Европы» 150 лет Россия в меняющихся государственно-политических формах своего исторического существования испытала разные виды взаимодействия с Европой в непрерывно расширяющемся контексте (США, Ближний и Дальний Восток и т. д.): партнеры по Антанте в Первую мировую, фактическое противостояние «европейскому рейху» во Второй мировой войне. Наконец, партнерство, симбиоз в едином макроэкономическом комплексе с 60-80-ых гг. 20-го и весь 21 в. Локомотивом, в виде врага и в виде союзника, с конца 30-ых гг. была Германия (в начале – США). Приведем характерный пример. После ближневосточного нефтяного кризиса всеми основными европейскими странами в качестве долгосрочного энергетического партнера был выбран СССР, а не арабский мир.

Когда возникла угроза срыва сделки «трубы-газ», и США пригрозили наложить на ФРГ, Францию и Англию санкции, Г. Шмидт, Ф. Миттеран и М. Тетчер выступили единым фронтом, пригрозив ответными санкциями США. В последние годы впервые обнаруживается политическая бессубъектность Европы и снижение ее потенциала в мир-хозяйственных связях. Наступает новый этап в отношениях России и Европы.

Для отечественной социологии намеченная Данилевским аналитическая перспектива весьма плодотворна, только очень важно не субстантивировать культурно-исторический тип. Данилевский дает для этого некоторые основания, не различив на надлежащем уровне рефлексии культурно-исторический тип и самобытную цивилизацию, – «культурную общность наивысшего ранга», как ее на излете 20-го в. назвал С. Хантингтон [2, С. 34]. В социально-историческом исследовании культурно-исторический тип используется в качестве идеально-типического понятия, т. е. инструмента, пригодного как для анализа исторических событий, так и для построения моделей и сценариев того образа действий, которого Россия должна держаться во взаимодействии с Европой и другими участниками международных отношений, а также для выделения существенных элементов потенциала будущего развития.

Данилевский предвидел превращение Европы в политическое наднациональное образование. Рассматривая Россию в качестве «равновеликой» Европе, он ставит значимый для нас сегодня вопрос: какой тип субъектности соразмерен природному и культурному потенциалу России.

Источники:

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1. С. 33–48.

A. V. *Shcherbina* (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

**TO THE WORLDVIEW ORIGINS OF RUSSIAN SOCIOLOGY:
«RUSSIA AND EUROPE» BY N. YA. DANILEVSKY
(to the 200th anniversary of the scientist)**

The ideological and methodological significance of the typological approach to world history proposed by N. Ya. Danilevsky in the work «Russia and Europe» and the method of modeling comparative types developed by him are revealed. Cultural-historical types are special de-ideologized concepts designed to analyze historical events, build models and scenarios for the interaction of «historical individuals» and highlight the essential elements of the potential for their future development. The observed new stage in the interaction between Russia and Europe is characterized by the political non-subjectivity of Europe, the decline of its role in world economic relations and Russia's claim to subjectivity, commensurate with its natural and cultural potential.

N. Ya. Danilevsky, «Russia and Europe», historicism, social evolution, typological approach, cultural-historical type, historical individuality, ideal-typical concepts

УДК 800.92:519.682

Юй Ян (*Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: yuyangprozidise911@gmail.com*);

П. П. Дерюгин – научный руководитель (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: deriuginprav@yandex.ru*)

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ ИТ-СПЕЦИАЛИСТОВ

(При поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07443/19)

В статье представлен методический подход к осуществлению сравнительного сетевого анализа в изучении социальных и профессиональных ценностей российских и китайских ИТ-специалистов, потенциалов их социальной интеграции и противоречий. авторы рассматривают ключевые понятия ценностей, типы ценностей, противоречия социальной интеграции и преимущества сетевого сравнительного подхода к измерению ценностей в процедурах изучения ценностей ИТ-специалистов в условиях различных обществ.

Ценность, система ценностей, методология исследования, сравнительный анализ, сетевой подход, социальная интеграция, глобализация, регионализация.

В условиях глобализации мировые цивилизации объединились в единое сообщество с опосредованными и непосредственными связями между различными социальными элементами – сообществами, группами, отдельными людьми. По мере углубления связей между цивилизациями возрастает значение ИТ-специалистов в области информационных технологий как авангарда глобализации. С бурным развитием информационного века ИТ-специалисты – новая социальная группа – становятся широко известными и играют незаменимую роль в развитии общества. Это очевидно из того, какую роль играют ИТ-специалисты в компаниях или организациях, поскольку они часто являются людьми, которые принимают решения или влияют на техническую архитектуру ИТ, а также отвечают за эксплуатацию и обслуживание технической области ИТ. Они изучают информационные продукты и знания, практикуются и накапливают опыт работы в ИТ-индустрии, а также постепенно формируют собственные ИТ-ценности. Через эти ценности можно отразить базовое состояние развития ИТ-индустрии в обществе, в котором она функционирует, и характеристики отрасли, отраженные во влиянии ее общественных ценностей. Самое прямое влияние анализа ценностей ИТ-специалистов заключается в том, что компании могут лучше распределять человеческий капитал, максимизировать эффективность производства, оптимизировать структуру отрасли в целом и косвенно способствовать социальному развитию. В то же время эта

группа идет в авангарде времени и отражает тенденции в обществе, а анализ их ценностей позволяет проанализировать все аспекты социального элемента. Изучение ценностей ИТ-специалистов и социальной интеграции этой группы было очень спорным вопросом. Ценности ИТ-специалистов следует рассматривать как особую социально-профессиональную группу с общими характеристиками в информационном цифровом обществе, действующую вместе в особой среде из-за общих социальных ценностей.

Ценности – это сложный объект научного анализа, многоуровневая и многомерная структурная система. Методология исследования ценностей также постоянно совершенствуется, и в целом ее методологию можно обобщить следующим образом: синтетическая, комплексная и мультипарадигмальная. В нашем исследовании теоретическое изучение ценностей ИТ-специалистов опирается на теории российских, китайских и европейских социологов, таких как Сорокин П. А., Тугаринов В. П., Лапин Н. И. Мы понимаем и рассматриваем классификацию ценностей с различных точек зрения (по мировоззренческой позиции, по типологии культуры, по отношению к деятельности, профессиональные ценности объекта, профессиональные ценности объекта, по отношению к сферам проявления самой ценности).

В процессе глобализации взаимодействие двух народов – Китая и России – тесно связано с развитием цифрового общества, однако в своих стратегиях развития обе страны сохраняют социодинамику со своими традиционными особенностями. Каждая цивилизация имеет свои основные ценности, что приводит к определенной социальной специфике в отношении ценностей ИТ-специалистов. Результатом становится процесс объединения с одной стороны и процесс выработки собственной национальной модели общества с другой стороны, что может вызывать определенные противоречия [1]. Эти противоречия на фоне глобализации в значительной степени сказываются на системе ценностей ИТ-специалистов, которые выступают сообществом специалистов, от которых в значительной степени зависит характер социальных изменений в цифровом обществе. В этом контексте взаимодействие представителей этой социальной группы становится очень важным.

Исходя из контекста цифровой глобализации, мы изучили особенности ценностей российских и китайских ИТ-специалистов.

Прикладная проблема: противоречия ценностей ИТ-специалистов России и Китая обусловлены процессами глобализации и регионализации, как двух векторов современного социального развития. Вследствие глобализационных процессов, которые объединяют взаимодействие различных народов, тем не менее своеобразно реализуются в стратегиях развития России и Китая, признавая это Россия и Китай остаются на своих традиционных подходах в социальном развитии. Результатом стал процесс объединения с одной стороны и процесс выработки собственной национальной модели общества с другой стороны, что вызвало противоречие. Это противоречие на фоне глобализации в значительной

степени сказывается на системе ценностей ИТ-специалистов, которые выступают в авангарде социальных изменений в цифровом обществе [2].

Теоретическая проблема: различие во взглядах российских и китайских социологов на принципы исследований ценностей, а также некоторых вопросов методики их изучения, что стало причиной для проведения исследования, позволяющего выявить особенности различных процессов исследовательской деятельности.

Предмет исследования: особенности ценностей российских и китайских ИТ специалистов

Цель исследования: выявить особенности ценностей российских и китайских ИТ специалистов, сформировать модели профессиональных ценностей ИТ специалистов России и Китая, и на этой основе с помощью теории социальной интеграции отразить особенности ценностей российских и китайских ИТ специалистов.

Задачи исследования:

1. изучить историю становления теории ценностей в социологии изучения ценностей в социологии в различных социологических школах (российских, китайских и европейских);
2. сформировать систему категорий и понятий, раскрывающих ценности как объект социологического исследования;
3. осуществить обзор методов исследования ценности ИТ специалистов исследования;
4. сделать обобщающие выводы о теории становления представлений о ценностях в социологии.

В нашем исследовании мы разделили ценности российских и китайских ИТ-специалистов на пять основных категорий, основываясь на исследованиях других социологов, таких как российско-американский ученый Сорokin П. А. [3]: социальные ценности, ценности саморазвития, научные ценности, межличностные ценности, цифровой-технологические ценности. На рисунке ниже представлен результат моделирования сетей системы ценностей российских и китайских ИТ-специалистов [4].

Во-первых, с точки зрения общей структуры системы ценностей: ценности китайских ИТ-специалистов и российских ИТ-специалистов структурно схожи, но коэффициент корреляции китайских ИТ-специалистов более высокий и система ценностей относительно едина, в то время как ценности российских ИТ-специалистов едины в меньшей степени, но все еще сохраняют высокий уровень единства.

Во-вторых, с точки зрения связей между ценностями: наблюдается положительная корреляция между всеми ценностями в системах ценностей китайских и российских ИТ-специалистов.

В-третьих, с точки зрения общего направления развития ценностей: китайские ИТ-специалисты фокусируются на всех аспектах развития одновре-

менно, за исключением межличностных отношений. В системе ценностей российских ИТ-специалистов развитие сосредоточено на саморазвитии и профессиональной социализации, а цифровое социальное развитие и развитие научных теорий оказываются на втором плане.

В-четвертых, с точки зрения специфических ценностей: межличностные ценности являются общим слабым местом в ценностях российских и китайских ИТ-специалистов, причем межличностные ценности имеют самые низкие взвешенные баллы в группе и китайских и российских ИТ-специалистов.

Сетевой анализ ценностей российских и китайских ИТ-специалистов показывает, что Россия и Китай имеют очень похожие модели развития в сфере ИТ, но каждая из них имеет свой собственный фокус [5]. В Китае под влиянием коллективистского мышления высока степень единства и сплоченности во всех аспектах ИТ-специалистов как важной группы для современного развития. Россия, помимо коллективизма, присущего ее традиционной культуре, находится под влиянием индивидуализма западной культуры, ценности специалистов в области информационных технологий сосредоточены на балансе между собой и обществом, при этом ей также присуща высокая степень единства и сплоченности.

Источники:

1. Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А., Юй Я., Ши И., Гонашвили А. С. Солидарности и противоречия ценностей молодежи по маршрутам «Шелкового пути»: Россия-Узбекистан (некоторые итоги эмпирических исследований) // Восток – Запад: история и современность. 2021. № 1. С. 118-125.
2. Дерюгин П. П., Баннова О. С., Я. Юй. Эмпирическая апробация положений интегральной концепции П. А. Сорокина в исследованиях ценностей ИТ-специалистов (На примере ИТ-групп России, КНР, Бразилии, США) // Социология в постглобальном мире. Материалы всероссийской научной конференции XVI Ковалевские чтения 17–19 ноября 2022 года. / Отв. редакторы: Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. СПб.: Издательство Скифия-принт, 2022. С. 373–376.
3. Sorokin P. A. Social and Cultural Dynamics. One Volume Edition. Boston: Porter Sargent. 1957
4. Мальцева Д. В. Сетевой подход как феномен социологической теории // Социологические исследования. 2018. № 4(408). С. 3–14. DOI 10.7868/S0132162518040013. EDN XNBKHB.
5. Епанчинцев А.О. Сетевой анализ в современной социологической теории и его приложение к исследованию рынка труда // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2006. № 2. С. 182–185.

Yu Yang (Saint Petersburg University);

P. P. Deryugin (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

FEATURES OF THE VALUES OF RUSSIAN AND CHINESE IT SPECIALISTS

The article presents the background of globalization and regionalization, the importance of a comparative network approach in the study of sociological values, as well as the characteristics of the values of Russian and Chinese IT professionals in social integration. The author considered the key concepts of «definition of values», «types of values», «contradictions in social integration» and the advantages of a «network comparative approach to measuring values».

Value, value system, research methodology, comparative analysis, network approach, social integration, globalization, regionalization

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение Оргкомитета	3
Ананьева Е. М. Цифровая герменевтика: «вызов» и «ответ» на методологические притязания цифровых гуманитарных наук	4
Афонин П. Н., протоиерей Пузряков И. В., Яргина Н. Ю. История возникновения поселения Полищи	9
Баженов С. С. Искусственный интеллект как экзистенциальная угроза: от эсхатологического сюжета к нормативному регулированию	14
Бакулин А. В., Дерюгин П. П. Особенности когнитивного подхода в изучении гендерных стереотипов	19
Бакулин Д. В., Дерюгин П. П. Понятия кризиса в социологии как методологическая платформа изучения синдрома выпускника	23
Баннова О. С., Дерюгин П. П. Ценности как основа взаимодействия российских ИТ-специалистов с представителями других социальных групп (замысел эмпирического исследования)	28
Бугазов А. Х. Особенности формирования и развития политической системы в евразийском пространстве	32
Волынцев М. С. «Дело Люксбурга» как фактор международной политики в годы первой мировой войны	38
Вопсева Д. В. Социокультурные аспекты современного медиакоммуникативного пространства	44
Воробьева Д. А. Экологическая повестка в коммуникациях металлургических предприятий	49
Гаркуша В. Н. Цифровая цивилизация, цифровое мышление и цифровая культура	55
Глухих В. А., Елисеев С. М. Современное образование в условиях неопределенности	60
Грейдина Н. Л. Nation image and brand in the english-language political communication context (based on the media discourse)	66
Гуркин А. Б., Гуркин Я. А. Становление принципа равенства перед законом в правовой системе России в конце XIX–начале XX вв.	71
Демидов В. П., Мохоров Д. Д., Мохоров Н. Д. Проблемы защиты прав многодетных семей в Российской Федерации	77
Демин Г. А., Орлянская М. Н. История и современное состояние ижорского языка на Северо-Западе России	82

Десятов Б. С. Измерение социального влияния: целевые задачи сетевого маркетинга	87
Дунаев Н. К., Ронинсон О. В. История зарождения и становления финансового законодательства в России	92
Емельянов С. М. Риск-менеджмент в связях с общественностью как технологический процесс	99
Журавлева О. М. Элементы древней культуры в текстах песен современных финских этнических коллективов	104
Замотин М. П. Определение понятия «цифровая социология»	110
Ивашковская Т. В., Павлов В. А. «Цифровой суверенитет» как информационная стратегия российского государства	116
Ильина И. А., Московчук Л. С., Уварова К. А. Этизация и профессионализация коммуникаций в сфере услуг с отрицательным спросом	121
Имамов М. А., Ключев Ю. В. Коммуникационное сопровождение рукопашных видов спорта	127
Исайчиков В. Ф. Философия: кризис науки или ее агония?	133
Камышина Е. А. Роль человеческого капитала руководителей корпораций в преобразовании общества в условиях трансформации российской экономики	139
Каткова Е. П. Особенности регионального сотрудничества балканских государств на современном этапе	143
Колянов А. Ю. Проблема гендерной сегрегации в российском научном дискурсе	148
Корчажкина О. М. Цифровой мир внутри и вне человека	154
Костецкая Ю. С. История финского языка на Северо-Западе России	159
Кравченко К. А. Философские основания искусства современной цивилизации: «отвратительное» в кино	164
Кривопуст А. В., Кривопуст А. В. Состояние межнациональных отношений в современной России	168
Кудрявцева М. Е. Проблема экзистенциальной природы человека в зеркале цифровой реальности	173
Куражев С. Д., Маранчак А. Г., Дерюгин П. П. Стратегии социальной мобильности российских ИТ-специалистов в кризисном обществе (итоги пилотажного исследования)	178
Куралева Т. В. Коммуникативное поведение в институциональном дискурсе	183

Курапова А. С., Курапов С. В., Сергеев М. Н. Условия социализации военнослужащих в период прохождения военной службы по призыву (на примере социологической диагностики ценностных ориентаций военнослужащих-срочников)	187
Курганская Е. В., Сигаева М. С. История и современное состояние языка сету на Северо-Западе России	193
Куртов С. Ю. Корпоративная социальная ответственность как основа антикризисной стратегии	199
Луговая О. А., Луговой А. А., Луговой А. А. Цифровая трансформация: управленческий аспект	205
Максина С. В., Новикова И. Ф. Некоторые вопросы деятельности органов опеки и попечительства в Российской Федерации	208
Мальшева В. Н. История карельского языка на Северо-Западе России	214
Мамина Р. И., Ильина А. В. Искусственный интеллект в сфере изобразительного искусства: этико-правовой аспект	219
Мамина Р. И. Современное лидерство	224
Маранчак А. Г., Куражев С. Д., Дерюгин П. П. Сдвиг восприятия информации у студентов ИТ-специальностей как феномен цифрового общества	229
Маркова Т. Б. Библиотека в информационной среде	234
Милецкий В. П., Черезов Д. Н. Человеческий фактор воссоединения Новороссии с Россией	239
Мосин И. В. Исследование девиантного поведения молодежи в современной России	244
Московчук Л. С. Будущее профессиональной этики в цифровую эпоху: pro и contra	249
Наумова Е. И. Бессмысленная работа в неолиберальном капитализме в эпоху цифровой цивилизации	253
Номоконов В. Н. О будущем России и мира в условиях новой мировой реальности	257
Нужнов И. Н. Частичная мобилизация 2022 г.: правовые аспекты.	262
Пастухова Е. В. Термины психопарадигмы в эпоху цифровизации	268
Пафомова Л. А. Эволюция взглядов на рациональность	273
Пашковский Е. А. Мотивы получения образования в зрелости	277
Петренко Г. К. История и результаты языковых контактов финно-угров и славян на Северо-Западе России	283

Пиленко А. О. Теоретико-методологические аспекты изучения электро- ральных предпочтений избирателей Хабаровского края	291
Пирайнен Е. В. Особенности роботизации в условиях ВANI-мира	296
Платонова А. В. История как фактор консолидации российской моло- дежи	302
Попов Р. Е., Дерюгин П. П. Эмпирическое исследование социодина- мики человеческого капитала студентов, обучающихся в научно-образо- вательных центрах мирового уровня	309
Преображенская О. А. От создания национальной французской терми- нологии информатики до «киберланга» – языка коммуникации в сети	315
Прокофьева Д. В. Проявления политического отчуждения: социально- философский подход	321
Прокудин Д. Е. Развитие информационной среды научно-просвети- тельской деятельности в цифровую эпоху	326
Рамантова О. В., Хлопонина К. Д. Репрезентация финской националь- ной картины мира в цифровой коммуникативной среде	332
Ровинская Ю. В. Политическая специфика образа Олимпиады-2022 в медийном дискурсе	338
Рожков Г. А., Наумова Е. В. Принципы организации ДПП повышения квалификации «Основы научного перевода для профессиональной дея- тельности» на примере неязыкового вуза	343
Рубцов А. А. Религиозный и политический протест в Российской импе- рии в XIX веке	348
Рудых Д. А. Проблемные вопросы истории философии	355
Семенов В. В. Образ барона П. Н. Врангеля в поэзии русского зарубе- жья	360
Стогов Д. И. Деятельность политика-монархиста Б. В. Никольского в «Русском собрании»	366
Строгеецкая Е. В., Бетигер И. Б. Коммуникационные стратегии студен- тов в контексте смарт-образования: эмпирические исследования до и после пандемии	371
Трубникова А. Г., Чугунова А. А. Вузовские исследования для выстра- ивания эффективных коммуникаций с выпускниками	377
Тузов В. В. Место азиатского способа производства в ряду общественно экономических формаций	382
Тульчинский Г. Л. Субъектность в цифровой цивилизации: опция, рента, фактор прокрации	387

Умова Е. В. Памятники военной истории Санкт-Петербурга как основа патриотического воспитания: исторический экскурс	393
Чжао Цзе. Взаимосвязь корпоративной социальной ответственности компании и потребительской оценки бренда	398
Чупахина А. О. Современное состояние финского языка на Северо-Западе России	403
Шарахина Л. В., Шашкова Н. В., Шутова М. В. Метаинженерия как концептуальная основа междисциплинарной коммуникации	407
Шередекина О. А. Роль метода «Шесть шляп мышления» в обучении иноязычной юридической коммуникации	413
Широкова К. С. Манипулятивные стратегии в жанре политической беседы	417
Шкутина А. Д., Ключев Ю. В. Социокультурный проект как направление коммуникационной и общественной деятельности	423
Шумков А. А. К вопросу о падеже подлежащего в финском языке	427
Щербак Н. Ф. Проблематика «редактирования генома» как метафора эстетических и этических нарушений (на примере художественной литературы и кинематографа)	437
Щербина А. В. К мировоззренческим истокам русской социологии: «Россия и Европа» Н. Я. Данилевского (к 200-летию юбилею ученого)	441
Юй Ян, Дерюгин П. П. Особенности социальной интеграции ценностей российских и китайских ИТ-специалистов	447

Труды
XX Юбилейной Всероссийской научной конференции
с международным участием
Информация – Коммуникация – Общество
(ИКО–2023)
Санкт-Петербург, 2 – 3 февраля 2023 г.

Оригинал-макет подготовлен в
Учебно-научном центре социальных исследований
Гуманитарного факультета СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Компьютерная верстка – Л. С. Московчук, Е. В. Пирайнен, С. Н. Почебут.

Материалы представлены в авторской редакции